

Питирим Сорокин с женой Еленой
1920-е годы

Питирим Сорокин
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Редакционная коллегия:

*В. И. Добреньков, А. К. Конюхов, П. П. Кротов,
В. П. Марков, В. В. Сапов*

ЦЕНТР «НАСЛЕДИЕ» ИМЕНИ ПИТИРИМА СОРОКИНА

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М. В. ЛОМОНОСОВА
Социологический факультет

PITIRIM A. SOROKIN FOUNDATION

Питирим Сорокин

ГОЛОД КАК ФАКТОР

Влияние голода на поведение людей,
социальную организацию и общественную жизнь

*Издано при поддержке
Правительства Республики Коми*

Сорокин П. А.

Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь / Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова.

(Питирим Сорокин. Собрание сочинений)

Книга «Голод как фактор» написана П. Сорокиным в 1921–1922 гг. Она уже готовилась к печати, когда автор был выслан из Советской России. Набор был рассыпан, а отпечатанные к тому времени листы уничтожены. Лишь несколько экземпляров отпечатанных 10 листов сохранились в крупнейших библиотеках России. После смерти Питирима Александровича его вдова Елена Петровна по вывезенному из страны набору сделала сокращенный перевод книги на английский язык и в 1975 г. издала его. В России книга появилась на 30 лет позже.

Настоящее издание подготовлено на основании сохранившихся в России 10 печатных листов «Голода как фактора» и ксерокопии набора остальных глав, предоставленных сыном социолога Сергеем Питиримовичем.

Книга адресована социологам, историкам и тем, кто интересуется причинами голода вообще и страшного голода, обрушившегося на Россию в начале 20-х гг. прошлого века, в частности.

СУДЬБА КНИГИ – СУДЬБА АВТОРА

В самый разгар Второй мировой войны, в 1942 г., т.е. спустя 20 лет после того, как была написана – и сразу же уничтожена советской цензурой – книга «Голод как фактор», Питирим Сорокин, уже всемирно признанный американский социолог, выпустил свой очередной труд, написанный на близкую тему, – «Человек и общество в условиях бедствий». В предисловии к книге он писал: «Мы живем и действуем в эпоху великих бедствий. Войны и революции, голод и эпидемии опять бесчинствуют на нашей планете. Опять они собирают свою кровавую дань со страдающего человечества, опять они оказывают влияние на каждый момент нашего существования: на наши умственные способности и поведение, на нашу общественную жизнь и культурные процессы. Как падший демон, они отбрасывают свою тень на каждую нашу мысль, на каждое действие, которое мы совершаем»¹. И далее: «Из многочисленных и разнообразных бедствий, которые обрушиваются на род человеческий, четыре бедствия, вероятно, случаются чаще всего и являются самыми разрушительными и страшными и вместе с тем наиболее поучительными и значительными, а именно – война и революция, голод и эпидемия. Эти четыре монстра и являются предметом настоящего исследования в аспекте их воздействия на наши мысли и поведение, на нашу социальную организацию и культурную жизнь. Обратившись к этой задаче, начнем с изучения их влияния на наши основные умственные процессы, а затем перейдем к их воздействиям на наше поведение, социальную организацию и культуру»².

Точно такой же подход к решению проблемы использовал Сорокин и в своей ранней книге, посвященной изучению голода: сначала исследуется влияние голода на организм отдельного человека, затем воздействие голода рассматривается в масштабе всего общества, и получается, что такой социальный «монстр», как голод, связан тесными, можно сказать родственными, узами с тремя остальными «монстрами»: войной, революцией, эпидемией. Да и тот фактический и исторический материал, на который Сорокин опирался, работая над своей последней – написанной в России – книгой, в значительной мере перекочевал в мо-

¹ *Sorokin P.A.* Man and Society in Calamity. New York, 1968, p. 9.

² *Ibid.*, p. 13–14.

нографию американского социолога. И тем не менее было бы большой ошибкой отождествить эти книги. Дело в том, что они написаны с разных методологических позиций: «Голод как фактор» – с позиции «умеренного бихевиоризма», которую занимал в начале 20-х гг. П.А. Сорокин, а книга «Человек и общество в условиях бедствий» принадлежит автору «Социальной и культурной динамики», последний – четвертый – том которой вышел годом раньше, в 1941. Правда, следует при этом отметить, что Сорокин, связывая динамику войн с двумя основными своими факторами – идеациональной и чувственной культурами, вынужден был констатировать: «Даже они недостаточны, чтобы объяснить напрямую все существенные особенности динамики войны и мира»³. И еще одно не менее поразительное признание. Отвечая на вопросы «Что ожидает нас в будущем? Наступит ли счастливый конец трагедии войны или она будет продолжаться в человеческой истории? Будет ли война усиливаться, ослабевать или поведет себя как-то иначе?», Сорокин пишет: «Мой ответ на этот вопрос – “Не знаю”»⁴.

Оказалось, что «четыре монстра» связаны с главными переменными – указанными выше типами культур – как-то иначе, чем все остальные изучаемые Сорокиным феномены: искусство, наука, система социальных отношений. Казалось бы, в рамках чувственной культуры (в Европе XVIII–XX вв.), когда все усилия человечества направлены в основном на удовлетворение материальных потребностей, голод должен ослабевать. Но вопреки такому слишком прямолинейному выводу голод в Европе в начале XX в. не уменьшился, а усилился настолько, что сравнивать его можно было только со средневековыми «голодовками», сопровождавшимися, как правило, такими страшными явлениями, как людоедство и трупоедство. Не говоря уже о других менее благополучных континентах, не говоря уже о России, на которую в первой половине XX в. голод обрушивался с такой силой, что это заставляло современников обращаться в поисках аналогии к Смутному времени, ко времени царя Алексея Михайловича, «когда на базарах в Москве продавали человеческое мясо»⁵.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что обе книги – «Голод как фактор» и «Человек и общество в условиях бедствий» – занимают в научном творчестве П.А. Сорокина особое место. Несколько упрощая, можно сказать, что эти книги (как и некоторые другие, из которых можно назвать хотя бы «Социологию революции») в огромном научном наследии социолога находятся не на основной магистрали его теоретических поисков, а образуют своего рода побочные ответвления, будучи ближе и по своему жанру, и по своему содержанию

³ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. СПб., 2000, с. 657.

⁴ Там же, с. 652.

⁵ Короленко В.Г. Была бы жива Россия! Неизвестная публицистика 1917–1921 гг. М., 2000, с. 323. Следует при этом отметить, что сам Короленко надеялся на то, что «теперь этого не будет. Человечество прожило несколько столетий не даром...».

к публицистике раннего Сорокина и к произведениям Сорокина позднего – Сорокина, возглавившего после ухода на пенсию основанный им Гарвардский центр по изучению творческого альтруизма. Сказанное вполне подтверждается судьбой книги «Голод как фактор», к которой мы теперь и обратимся.

1918 г. оказался самым бурным и самым трагическим в жизни Сорокина. 2 января он был арестован чекистами в редакции правозсеровской газеты «Воля народа» и почти два месяца провел в Петропавловской крепости вместе с бывшими министрами Временного правительства. После освобождения он прибыл в Москву, где встретился, в частности, со скрывавшимся там А.Ф. Керенским. В конце мая Сорокин как член Учредительного собрания и Союза возрождения России отправился с антибольшевистской миссией в свои родные места – Великий Устюг и Вологду. Конечным пунктом его назначения был Архангельск, где ожидалась высадка английского десанта с целью свержения советской власти. Была намечена «конструкция временной власти в Северной области», не хватало только будущих министров, «так как на месте у них, кроме Сергея Маслова, Дедусенко, Питирима Сорокина, других кандидатов нет»⁶. Строго говоря, и Сорокина на месте не было, поскольку до Архангельска он так и не добрался, а английский десант высадился, но вскоре снова погрузился на корабли и отправился восвояси – в «туманный Альбион». Сорокин был вынужден два месяца скрываться в северодвинских лесах. Здесь, вдали от цивилизации, он много размышлял о революции, о политике, о самом себе и избавился от многих «соблазнительных иллюзий». Именно тогда, вероятно, им и было написано его знаменитое «отречение» – письмо в редакцию газеты «Рабочие и крестьянские думы», в котором он заявил о своем отказе от звания члена Учредительного собрания и выходе из партии эсеров⁷. До поздней осени он скрывался в лесу, а когда выпал снег, добровольно сдался властям, не желая подвергать смертельному риску помогавших ему людей. В тюрьме великоустюжской ЧК Сорокин, приговоренный к расстрелу, пробыл до середины декабря 1918 г. 12 декабря его вызвали на допрос и ознакомили со статьей В.И. Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина», написанной по поводу его «отречения». По личному распоряжению Ленина Сорокин был доставлен в тюрьму московской ЧК и здесь освобожден. Своим «чудесным» избавлением от смерти он обязан отчасти и случайным обстоятельствам. В великоустюжской тюрьме его узнал один большевистский комиссар, бывший его студент. Он отправился в Москву и сообщил Г. Пятакову и Л. Карахану, бывшим университетским друзьям Сорокина, о вынесенном ему приговоре. Те немедленно отправились к В.И. Ленину и, видимо,

⁶ Красная книга ВЧК. М., 1990, т. 2, с. 109 (Воспоминания В.И. Игнатьева).

⁷ См.: Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994, с. 330–331.

ознакомив его с текстом «отречения» Сорокина, добились освобождения своего бывшего однокашника. В Москве Сорокин пришел на квартиру к своему лучшему другу Николаю Кондратьеву, который нашел его постаревшим лет на двадцать. На этом политическая деятельность Сорокина закончилась. Спустя несколько дней после освобождения он вернулся в Петроград и приступил к чтению лекций в университете.

Здесь, в университетской столовой, накануне Нового года он встретил своего старого друга Ф.И. Витязева-Седенко, возглавлявшего в то время кооперативное книгоиздательство «Колос». С Ф.И. Витязевым-Седенко, тоже эсером, Сорокин познакомился еще в конце 1913 г., когда вышла его первая большая книга «Преступление и кара»⁸. Потом они сотрудничали в газете правых эсеров «Воля народа». Витязев-Седенко проявлял подлинный интерес к научному творчеству Сорокина, именно он настоял на том, чтобы молодой ученый (в 1918 г. Сорокину не было еще и тридцати) взялся за написание «Системы социологии», хотя все подготовительные материалы к этому труду – главному труду Сорокина в российский период его творчества, – которые он давно собирал, были утеряны.

Последние годы, проведенные Сорокиным в России, в основном и были посвящены написанию этого колоссального – по замыслу автора – научного труда. Вся «Система социологии» должна была состоять по меньшей мере из восьми томов. Два первых тома, которые только и были опубликованы в 1920 г., охватывают первую часть системы – социальную аналитику, предметом которой является изучение структуры социального явления и его форм. Затем должны были последовать части, содержащие изложение «социальной механики» (изучающей процессы взаимодействия людей и тех факторов, которыми оно определяется) и «социальной генетики» (или «генетической социологии»), которая в главных чертах соответствует социальной динамике О. Конта и основной своей задачей ставит формулировку исторических тенденций или линий развития всей социальной жизни и социальных институтов). Эти части охватывают, таким образом, три основных отдела теоретической социологии. Вся же социология, согласно П.А. Сорокину, состоит из двух больших разделов: социологии теоретической и социологии практической (или социальной политики), которая должна быть осуществлением афоризма «отца социологии»: «Savoir pour prévoir, prévoir – pour rouvoïr» (знать, чтобы предвидеть, предвидеть – чтобы мочь)⁹. Грандиозный замысел Сорокина не был осуществлен в полной мере. Как уже упоминалось, изданы были только два первых тома, охватывающие «социальную аналитику». Третий том (объемом около 30 п.л.), по-видимому, был написан Сорокиным и вывезен им из России, о чем он упоминал в списке своих неопубликованных

⁸ См.: В.В. Сапов. В начале «длинного пути» (Первая книга Питирима Сорокина) // Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1999, с. 23.

⁹ Подробнее см.: Сорокин П.А. Система социологии. М., 1993, т. 1, с. 95–101.

работ¹⁰. Некоторое представление о структуре этого тома дает вторая часть «Общедоступного учебника социологии», изданного Сорокиным в Ярославле в том же 1920 г. Здесь среди факторов поведения людей фигурируют космические, биологические, социально-психические «раздражители» и такие «факторы», как наука, верования, чувства-эмоции, волнения и «сложные социально-психические условия». Среди прочих биологических раздражителей упомянут и «фактор питания»¹¹.

Страшный голод, охвативший Россию в 1921 г. и явившийся прямым следствием экономической политики, проводимой большевистским правительством, побудил Сорокина развернуть отдельную главу «Социальной механики» в целый том. Затем, в свою очередь, последняя глава «Голода как фактора» тоже превратилась в отдельный большой том – «Социологию революции», которая писалась примерно в те же годы и в 1923 г., когда Сорокин находился в Чехословакии, готовилась к публикации на русском языке (в Киеве сохранился экземпляр машинописи). Это издание тоже не было осуществлено, и книга «Социология революции» стала первой книгой, опубликованной Сорокиным в Соединенных Штатах на английском языке.

Об истории книги «Голод как фактор» Сорокин рассказал в автобиографической повести «Дальняя дорога»¹². К сказанному им можно добавить следующее. «Большой том в 600 страниц»¹³ был безжалостно изуродован советской цензурой. Многие параграфы и целые главы были вырезаны. История сохранила фамилию цензора – Бородина. Она же приказала уничтожить книгу после высылки автора из Советской России¹⁴.

Благодаря самоотверженным усилиям книгоиздателя удалось спасти первые 10 печатных листов набора (280 страниц), которые Ф.И. Витязев-Седенко передал на хранение в крупнейшие библиотеки России; остальной набор был рассыпан. По счастью, Сорокин увез корректурные оттиски всей книги, которые и хранились у него дома в США. Мы уже упоминали о том, что в 1942 г. Сорокин вновь обратился к этой печальной теме – к теме «четырёх монстров»: голода, эпидемии, войны и революции. К сожалению, «тема» остается актуальной и по сей день.

Но на этом история книги «Голод как фактор» отнюдь не заканчивается, а, пожалуй, лишь начинается. После смерти П.А. Сорокина его вдова Елена Петровна взялась за перевод книги на английский язык. Книга вышла в 1975 г., уже после ее смерти. Мы не рискуем назвать этот перевод «кратким рефератом»¹⁵,

¹⁰ Там же, с. 432–433.

¹¹ См.: Сорокин П.А. *Общедоступный учебник социологии*, с. 70–183.

¹² Сорокин П.А. *Дальняя дорога*. М., 1992, с. 138–140.

¹³ Сорокин П.А. *Общедоступный учебник социологии*, с. 415.

¹⁴ Фамилия цензора указана А.В. Липским (см.: Сорокин П.А. *Дальняя дорога*, с. 290).

¹⁵ Как квалифицирует его А.В. Липский (там же, с. 290).

но нельзя расценивать его и как полный перевод. По вполне понятным причинам Е.П. Сорокина сократила обширные подстрочные примечания и оставила без перевода почти все зачеркнутые места корректуры. Принципы, которыми она при этом руководствовалась, соответствуют тем, которыми руководствовался сам П.А. Сорокин, когда готовил сокращенный вариант своей «Социальной и культурной динамики»¹⁶.

И лишь в 2003 г., с опозданием на 80 лет, книга вышла в России и стала доступна потомкам тех читателей, которым она предназначалась.

При подготовке первого русского издания мы стремились восстановить текст книги в таком виде, чтобы он в максимально возможной степени соответствовал авторскому замыслу. Материал, имеющийся в нашем распоряжении, был подвергнут тщательному редактированию, библиографические сноски уточнены и приведены в соответствие с современными нормами. Кроме того, в настоящем издании в качестве приложения печатаются две статьи: Т. Линна Смита и Елены Сорокиной, предваряющие английское издание книги 1975 г.

Готовя к изданию эту книгу, судьба которой каким-то загадочным образом корреспондирует с судьбой ее автора, подтверждаю и ту – ставшую в наше время уже банальной – истину, что «рукописи не горят», и ту старинную истину, согласно которой «книги имеют свою судьбу», мы хотели не только воздать должное памяти нашего великого соотечественника, труды и идеи которого наконец-то возвращаются на родину, но и обратить внимание наших нынешних «консулов» на тот факт, что угроза голода в России вовсе не пустая угроза, что если сегодня, сейчас еще и нет голода «дефицитного», то наличие голода «относительного» вряд ли рискнет кто-нибудь отрицать. А голод дефицитный приходит на смену голоду относительному, и наступает он не постепенно, а сразу, внезапно, вдруг – подобно тому, как падает на головы несчастных авиационная бомба. Его нельзя предупредить, если не готовиться к нему заранее. Мы движемся слабой надеждой (как всегда «наивной» и «идеалистической» – но другой у нас нет), что наши «консулы», те, кому «ведать надлежит», быть может, прочтут эту страшную книгу и сумеют остановиться сами и остановить нашу страну у той опасной черты, за которой начинаются Голод, Холод и Смерть.

В. В. Сапов, В. С. Сычева

¹⁶ См.: *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. СПб., 2000, с. 8–10.

П.А. Сорокин

Голод как фактор.

ПЕТРОГРАД
1922

VF

+

ПИТИРИМ СОРОКИН

X

ГОЛОД КАК ФАКТОР

ВЛИЯНИЕ ГОЛОДА НА ПОВЕДЕНИЕ
ЛЮДЕЙ, СОЦИАЛЬНУЮ ОРГАНИЗА-
ЦИЮ И ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ

ПЕТРОГРАД
„КОЛОС“

1922

ПОСВЯЩАЕТСЯ
Американской Администрации Помощи,
Миссии д-ра Ф. Нансена,
Христианскому Союзу Молодых Людей,
Ученым, Студентам,
Рабочим Европы и Америки,
Всем, Кто спасает Великий Русский Народ
от голодной смерти
в эти трагические годы его истории.

TO
The American Relief Administration,
The Mission of D-r F. Nansen,
The Young Men's Christian Association,
The Scientists, The Students,
The Workmen of Europe and America
and to All Those, Who are saving
the Great Russian Nation from death by
hunger in these tragical years of its history.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Данная монография выросла из отдельной главы III-го тома „Системы социологии“. К такому развертыванию главы в целый том побудила меня теоретическая и практическая важность проблемы: „питания, как фактора“. Как это ни странно, но мы до сих пор не имеем систематически-обобщающего исследования *социальной* роли питания вообще, и голода, в частности. Эта роль признавалась и признается, но она не изучалась систематически социологами. В то время, как исследованию влияли других,—гораздо менее важных—факторов посвящены десятки монографий, не имеется ни одного солидного социологического труда, который сделал бы то же самое в применении к питанию и голоду. Данный том и предназначен—в известной мере—к восполнению этого пробела.

Цель и характер исследования, с одной стороны, и конструкция книги—с другой, объяснены в „Введении“.

Основные методологические принципы, которыми я руководствовался, очерчены в предисловии к 1 тому моей „Системы социологии“. Здесь же я кратко укажу лишь некоторые дополнительные положения и приемы работы. Подробное обоснование многих из них будет дано в III т. моей „Системы“.

1) Каждое выставленное положение я стремился доказывать не „рассуждениями“, а данными эксперимента, непосредственного и посредственного наблюдения, статистики и истории. Вопреки распространенному приему прошлым объяснять настоящее из анализа настоящего старался понять прошлое, менее доступное точному изучению и наблюдению.

2) Положения, формулирующие функциональные взаимоотношения различных явлений, претендуют на „номографическое“, а не „видеографическое“ значение. Они, помимо соответственных фактов, опираются на две общие предпосылки, из

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная монография выросла из отдельной главы третьего тома «Системы социологии»^{1*}. К такому разворачиванию главы в целый том побудила меня теоретическая и практическая важность проблемы «питания как фактора». Как это ни странно, но мы до сих пор не имеем систематически обобщающего исследования социальной роли питания вообще и голода в частности. Эта роль признавалась и признается, но она не изучалась систематически социологами. В то время как исследованию влияния других – гораздо менее важных – факторов посвящены десятки монографий, нет ни одного солидного социологического труда, который сделал бы то же самое применительно к питанию и голоду. Данный том и предназначен – в известной мере – восполнить этот пробел.

Цель и характер исследования, с одной стороны, и конструкция книги – с другой, объяснены во «Введении».

Основные методологические принципы, которыми я руководствовался, очерчены в предисловии к первому тому моей «Системы социологии». Здесь же я кратко укажу лишь некоторые дополнительные положения и приемы работы. Подробное обоснование многих из них будет дано в третьем томе моей «Системы».

1) Каждое выдвигаемое положение я стремился доказывать не «рассуждениями», а данными эксперимента, непосредственного и косвенного наблюдения, статистики и истории. Вопреки распространенному приему прошлым объяснять настоящее, я из анализа настоящего старался понять прошлое, менее доступное точному изучению и наблюдению.

2) Положения, формулирующие функциональные взаимоотношения различных явлений, претендуют на «номографическое», а не «идиографическое» значение^{2*}. Они, помимо соответствующих фактов, опираются на две общие предпосылки, из которых первая гласит: «сходные причины в сходных условиях порождают сходные следствия», вторая: «в целом неповторяющаяся (во времени и в пространстве) жизнь человека или неповторяющийся исторический процесс состоит в огромной части из повторяющихся (во времени и в пространстве) элементов». Последнее положение на почве первого дает возможность открытия

функциональных отношений в области поведения людей и социальной жизни и формулировки их в виде номографических теорем социологии («законов»), если, конечно, сам фактический анализ явлений проведен точно и правильно.

Первая предпосылка не оспаривается, вторая – спорна. «История не повторяется, а потому бесплодно искание номографических законов в социологии», – говорят нам. Я не могу согласиться с этим утверждением. Да, история человечества не повторяется. Но ведь в целом не повторяется ни история Земли, ни солнечной системы, ни доступной нам части космоса. Мешает ли это, однако, повторению в этом неповторяющемся процессе явлений тяготения, обратного отношения объема газа к давлению, образования воды из водорода и кислорода и т.д. – словом, повторению всех тех явлений, которые отражены в законах физики, химии и биологии? Нисколько. То же самое имеет место и в области поведения людей и социальной жизни. Пестрая ткань жизни человека и исторического процесса по большей части соткана из повторяющихся явлений: составляющие этот процесс трагедии и комедии одни и те же, различны только актеры, костюмы, декорации, время и место действия. Социолог может и должен отбросить эти различия и иметь дело только с тем, что повторяется¹. Более того. Только наличие таких повторений и дает основание для формулировки подлинных функциональных теорем (законов) в социологии. Без первых невозможны последние. Главная причина бесплодности массы широковещательных «социальных законов» состояла в том, что социологи игнорировали область повторяющихся явлений в поведении людей и общественной жизни. Они пытались главным образом найти проблематические «законы развития», «исторические тенденции», «этапы эволюции», помимо и независимо от области повторений. Мудрено ли, что такие «законы» оказались не стоящими ломаного гроша? Я глубоко убежден в том, что наиболее обильную жатву социология пожнет в «поле повторений», а не благодаря попыткам отыскать какие-то «законы развития» (вне этого поля), рисующие исторический процесс наподобие кадрили, когда разные народы, подобно хорошо обученным институткам, по положенному порядку выплясывают одну фигуру за другой, переходя из «стадии в стадию» с тем, чтобы кончить тем «выпускным классом», который им великодушно предназначает «открыватель» таких «законов». Пора с таким воззрением покончить.

3) Не исключая психических переживаний из поля исследования, я вместе с тем главное внимание концентрировал на объективных фактах, доступных наблюдению с помощью объективных методов. В соответствии с этим я и старался закономерность варьирования первых всегда связывать с варьированием того или иного объективно данного процесса как их «независимой переменной».

¹ Подробное доказательство этих положений будет дано в третьем томе «Системы социологии».

4) Характер темы заставляет меня затрагивать самые разнообразные вопросы. Приведение всех доказательств, имеющихся у меня, в пользу даваемого решения каждого из них сильно увеличило бы объем книги. Во избежание этого я в подобных случаях ограничиваюсь изложением лишь необходимого минимума подтверждений, а за дальнейшими «оправдательными документами» отсылаю к работам, указанным в примечаниях.

5) На некоторые вопросы, здесь лишь кратко затронутые, ответы будут даны в последующих томах моей «Системы».

6) Наконец, еще одно замечание. «Слишком много биологии», – вероятно, бросят мне упрек некоторые ревнители «автономии» социологии. – «Зато мало необоснованной фантазии», – спокойно отвечаю я на этот упрек. – «Слишком много внимания уделяете вы поведению человека и мало социальным фактам», – заметят другие. – «Без изучения первого невозможно и познание вторых, ибо социальная жизнь в конечном счете складывается из деятельности людей», – отвечаю я на это возражение. – «Допустимо ли применение результатов наблюдения за поведением индивида к целым группам и можно ли, опираясь на первые, давать объяснения социальной жизни?» – спросят третьи. – «Допустимо и возможно, ибо сходные причины влекут за собой сходные последствия: то, что происходит с поведением отдельных лиц, находящихся в определенных условиях, будет происходить и с поведением *n* лиц, если все они окажутся в тех же условиях. Конечно, здесь будут известные вариации (в зависимости от несходства индивидов) и дополнительные явления, но они будут представлять прямое следствие или своего рода интеграл дифференциалов поведения *n* индивидов».

Книга посвящается всем тем, кто действительно спасает русский народ от голодной смерти. Это посвящение – слабое выражение глубокой благодарности одного из сыновей великого русского народа всем лицам и организациям, делающим это святое дело.

В заключение выражаю глубокую признательность за ряд ценных указаний и разнообразную помощь при работе над книгой Ф.И. Витязеву-Седенко, С.А. Жебелёву, Н.И. Карееву, Н.Д. Кондратьеву, А.В. Немилову, И.П. Павлову, Е.В. Тарле и многим другим.

Автор

Царское Село
1922. Июнь

ЧАСТЬ I.

ВВЕДЕНИЕ.

§ I. Предмет и задачи исследования.

Человек, подобно всякому организму, представляет из себя своеобразную машину, но машину столь сложную, что мы до сих пор не знаем удовлетворительно ни ее строения, ни ее действий-работы. Подобно всякой машине человеческий организм для своей работы-жизнедеятельности, представляющей трату и расходование энергии, нуждается в ее притоке извне (как паровоз нуждается в топливе). Добывать эту энергию из себя, быть *perpetuum mobile*, человек не может. Он, как и всякий организм, является машиной, лишь трансформирующей энергию. Откуда же он берет ее? Извне. В какой форме? В форме пищи, питья и воздуха. Жизнь человека с этой точки зрения представляет непрерывный процесс обмена веществ, получения энергии, ее переработки и расходования в виде выдыхания, мочи, кала, пототделения и т. п. процессов, сопровождающих нашу жизнедеятельность в бесконечно-разнообразных конкретных ее проявлениях. Мы представляем чудесный трансформирующий аппарат, перерабатывающий энергию куска мяса или хлеба в „Героическую симфонию“ Бетховена, в трагедию Шекспира, в „Principia“ Ньютона, в „Моисей“ Микель-Анджело, в засеянное поле крестьянина, в кусок сукна рабочего, словом во все то, что зовется предметами и явлениями „культуры“ во всех их бесчисленных проявлениях, начиная с первобытного каменного топора и кончая современными городами с их библиотеками, музеями, зданиями, с их фабриками и заводами и с бесконечно сложной жизнедеятельностью. Все эти явления культуры-особые формы мировой энергии или мирового бытия, появившиеся благодаря пере-

ВВЕДЕНИЕ

1. ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Человек, подобно всякому организму, представляет из себя своеобразную машину, но машину столь сложную, что мы до сих пор не знаем удовлетворительно ни ее строения, ни ее действий-работы. Подобно всякой машине, человеческий организм для своей работы-жизнедеятельности, которая представляет собой расходование энергии, нуждается в ее притоке извне (как паровоз нуждается в топливе). Добывать эту энергию из себя, быть *perpetuum mobile*^{1*} человек не может. Он, как и всякий организм, является машиной, лишь трансформирующей энергию. Откуда же он берет ее? Извне. В какой форме? В форме еды, питья и воздуха. Жизнь человека с этой точки зрения представляет собой непрерывный процесс обмена веществ, получения энергии, ее переработки и расходования в виде выдыхания, выделения мочи и кала, потоотделения и т.п. процессов, сопровождающих нашу жизнедеятельность в ее бесконечно разнообразных конкретных проявлениях. Мы представляем собой чудесный трансформирующий аппарат, перерабатывающий энергию куска мяса или хлеба в «Героическую симфонию» Бетховена, трагедию Шекспира, «Principia» Ньютона^{2*}, «Моисея» Микеланджело, в засеянное поле крестьянина, кусок сукна рабочего – словом, во все то, что зовется предметами и явлениями «культуры» во всех ее бесчисленных проявлениях, начиная с первобытного каменного топора и кончая современными городами с их библиотеками, музеями и зданиями, с их фабриками, заводами и бесконечно сложной жизнедеятельностью. Все эти явления культуры – особые формы мировой энергии или мирового бытия, появившиеся благодаря переработке низших форм энергии чудесной машиной, называемой человеком¹.

Раз жизнедеятельность человека сводится к очерчиваемому процессу обмена веществ (получению энергии, ее переработке и расходованию), то, очевидно,

¹ *Немилов А.В.* О голодании // Ежемесячный журнал. 1918, № 2–3, с. 80–81. См. также: *Ферворн М.* Общая физиология. М., 1911, вып. II, гл. III; *Sherrington Ch.* Physiology, its scope and method // Lectures on the method of science. Oxford, 1906 («The body is a fuel-fed machine», – образно говорит он^{3*}.); *Ostwald W.* Die allgemeinen Kennzeichen d. organ. Substanz // Allgemeine Biologie. Leipzig, 1915; *Roux W.* Das Wesen des Leben // Ibid.

поведение людей находится в сильнейшей зависимости от первого члена этого ряда, т.е. от того, какая энергия и в каком количестве поступает в человеческий организм. Подобно тому, как работа любой машины зависит от качества и количества поступающего в нее топлива, так и работа (поведение) человека-машины прямо или косвенно обусловлена количеством и качеством энергии, получаемой им извне. Вполне логично поэтому предположить, что *поведение человека представляет собой в известной мере «функцию» количества и качества получаемой им энергии как «независимой переменной»*. Поскольку же всякий социальный процесс в конечном счете состоит из совокупности человеческих актов и поступков, то очевидно, что и социальные процессы обусловлены этой независимой переменной.

Здесь выстраивается такой ряд: 1) количество и качество получаемой людьми энергии (явление *A*) обуславливает их жизнедеятельность (поведение, явление *B*); 2) характер поведения людей (*B*) обуславливает характер социальных процессов, происходящих в их среде (явление *C*). Значит, *C* (социальные процессы) находятся в функциональной связи с явлением *A*. Следовательно, колебание и варьирование *A* должно вызывать ряд изменений и варьирований и в сфере *B* (поведение людей), а через *B* – и в сфере *C* (в области социальных процессов).

Сказанное объясняет, почему явление обмена веществ в мире людей может и должно привлекать к себе внимание не только биолога, но и социолога, т.е. исследователя человеческого поведения и социальных процессов².

Без учета этого «фактора», или «детерминатора» поведения, он не смог бы понять ни поведение людей, ни механизм и закономерности социальных явлений. Множество актов человека и вариаций его поведения, равно как и множество социальных явлений и процессов, обязаны своим существованием очерчиваемому биологическому детерминатору в виде количества и качества энергии, поглощаемой человеческими организмами. В этом теперь вряд ли кто сомневается, и доказывать это едва ли нужно. Но наряду с бесспорностью влияния этого детерминатора следует отметить отсутствие систематического исследования его социальной роли. Давно уже сказано было, что «вокруг голода (и любви) вертится вся история человечества»^{4*}. Но как этот голод (пищевой, питьевой, газовый) влияет на поведение людей, какие эффекты он вызывает в области общественной жизни, какие явления функционально с ним связаны, наконец, какими независимыми переменными он сам обусловлен – все это до сих пор систематически исследовалось мало. Данная работа и является попыткой восполнения этого пробела, но попыткой ограниченной. Я беру явление поступления энергии в организм человека не во всем объеме, а только в частной, хотя и основной форме, именно в форме пищи. Газовый и питьевой обмен веществ исключаются

² О понятии и задачах социологии см.: *Сорокин П.А.* Система социологии. Пг., 1920, т. I–II.

мною из области исследования. Однако, несмотря на это исключение, все сказанное о пищевом обмене веществ с соответствующими изменениями применимо и к исключенным формам, в особенности к питьевой (которая к тому же дана и в пищевом обмене). Таково первое ограничение.

Наряду с ним укажу и второе: пищевой обмен веществ у человека исследуется тоже не в полном объеме; те случаи, когда приход пищевой энергии в организм больше ее расхода, также остаются вне поля моего непосредственного внимания. *Последнее концентрируется главным образом на тех видах пищевого обмена веществ, при которых расходование энергии организмом не покрывается ее приходом в организм.* Первая же форма – чересчур обильного питания – затрагивается мною лишь постольку, поскольку это нужно для исследования второй.

Такова область явлений, подлежащих исследованию в данной работе.

Спрашивается теперь: *с какой же точки зрения она будет здесь изучаться?*

Ответ очевиден уже из предыдущих строк. *Основная задача исследования состоит в установлении функциональной связи между данным детерминатором (голоданием) и теми эффектами, которые он вызывает в поведении людей, с одной стороны, с другой – в строении населения, организации общества и социальных процессах.* В более развернутом виде эта задача распадается на следующие:

1) *я беру этот детерминатор поведения и социальных процессов как данную независимую переменную функционального ряда и исследую: а) каковы его постоянные «функции» в поведении людей и общественных явлениях; б) как варьируют последние с варьированием «аргумента», т.е. количества и качества пищи; с) какие изменения появляются в поведении людей и общественной жизни при экстраординарных колебаниях этой независимой переменной.* Исследовав соответствующую область явлений с этих точек зрения, когда исследуемый детерминатор принимается в качестве независимой переменной, я затем беру его как функцию других независимых переменных и изучаю,

2) *каковы те основные независимые переменные, функцией которых является индивидуальное или массовое голодание, и как с варьированием первых варьирует второе³.*

³ Здесь не место подробно объяснять, почему я всюду говорю о функциональном ряде, функциональной связи и пользуюсь терминологией функциональных уравнений. Делается это не случайно, а вполне сознательно, в частности потому, что причинно-следственная связь не везде применима (она годна только для необратимых процессов и не годна для описания явлений взаимозависимости), не так точна и менее экономна. Далее, известно, что функциональный ряд в большинстве случаев обратим, и от нас зависит, какое из двух или большего числа явлений мы примем за независимую переменную, а какое за функцию. Для явлений взаимозависимости, а большинство социальных явлений именно таково, причинно-следственная формула совершенно не годна, тогда как функциональная формула вполне применима. Основная ошибка большинства социологов состояла в том, что явления взаи-

3) Когда с этих точек зрения явление изучено, я в заключительной части беру поведение человека и социальные процессы в их реальной обстановке. А она такова, что они зависят или находятся «в поле влияния» сил не только данного детерминатора, но и множества других детерминаторов, отличных от голодания⁴. Поэтому встают вопросы: каковы взаимоотношения исследуемого детерминатора и других? Каковы основные формы его? Каковы исходы их «дуэли»? От чего они зависят? Каковы общие теоремы, описывающие эти взаимоотношения?

Этими задачами, в сущности, исчерпываются задачи социолога при изучении данного явления. Набросанная программа дает представление о том, что содержится в данной книге. При изучении очерченных вопросов я ничего не отрицаю и не одобряю, а только описываю то, что есть. Je ne propose rien, je n'impose rien – j'expose⁵. Практические выводы пусть делает читатель.

2. ГОЛОДАНИЕ И ЕГО ФОРМЫ (ОБЪЕКТИВНОЕ ПОНЯТИЕ ГОЛОДА)

Условимся более точно насчет тех явлений, которые мы будем понимать под голоданием как детерминатором поведения людей и общественных процессов.

1) Сюда относится, прежде всего, дефицитное голодание. Под ним я разумею те формы пищевого обмена веществ, когда поступающая из пищеварительного канала в кровеносную систему пища не содержит в нужном количестве всех тех элементов, которые требуются для покрытия расходов организма и правильного его функционирования⁵. Сообразно с этим дефицитное голодание

мозависимости они принимали за причинно-следственные отношения, описывали их по типу последних и в итоге породили $n+1$ «хромых» и «прыгающих» теорий, где какое-нибудь явление фигурирует в качестве первого фактора, а другие – в качестве «надстроек». При функциональном подходе к делу все эти теории можно сдать в музей искалеченных теорий и оставить в стороне весь спор о первом факторе. Исследователю можно взять любое явление в качестве независимой переменной и искать его функции, далее – само это явление взять как функцию и изучать его «аргументы», наконец, в итоге – формулировать общие теоремы взаимозависимости и взаимоотношений изученных явлений. Подробнее об этом будет сказано в третьем томе моей «Системы социологии». А пока см.: Мах Э. Познание и заблуждение. М., 1909, с. 283–284; Pareto V. Trattato di sociologia generale. 1916, vol. I, p. 146–152; vol. II, p. 274–276, 467 и др.; Лирсон К. Грамматика науки. СПб., 1911 и курсы высшей математики, например: Лоренц Г. Элементы высшей математики. М., 1910, т. I, с. 11–12 и другие издания Сыгина.

⁴ И этот тезис о плюрализме детерминаторов человеческого поведения и социальных процессов я оставляю здесь без доказательств. Они будут даны в третьем томе «Системы», с одной стороны, и в данной работе (попутно) – с другой.

⁵ Сказанное, как видно из определения, относится и к голоданию по причине неусвоения организмом поступающей пищи (см.: Пакутин В.В. Курс общей и экспериментальной патологии. СПб., 1902, т. II, с. 7).

распадается на *абсолютное и относительное*. Под *абсолютно-дефицитным голоданием* разумеется полное прекращение поступления пищи в организм. В таком случае расходование энергии организмом совершенно не покрывается притоком ее в виде пищи. *Относительно-дефицитное голодание может быть разделено на два вида: количественное и качественное*. Первое охватывает те случаи, когда поступающая в организм пища содержит все нужные ему элементы, но в недостаточном количестве: приход энергии не покрывает здесь расход, в итоге получается дефицит и нарушение равновесия в обмене веществ организма. Ко второму относятся все те случаи, когда при достаточном общем количестве пищи в ней не хватает тех или иных веществ, необходимых для жизнедеятельности организма. Если же пища недостаточна по количеству и дефицитна по качеству, то мы имеем *количественно-качественное относительно-дефицитное голодание*.

Количественная сторона пищи измеряется в физиологии ее *калорийностью*, *качественная* – наличием в ней *белков, жиров, углеводов и дополнительных веществ*: солей, витаминов, липоидов, аминокислот и т.п., – если подразумевается, что они не содержатся в первых.

Калорийные нормы колеблются в зависимости от ряда условий: пола, работы, температуры и т.д. Для взрослого мужского организма нормального роста и веса число калорий, поступающих в течение суток в виде пищи в организм и усвояемых им, должно быть, по данным ряда авторов, примерно таким⁶:

Автор	Число калорий при очень легкой работе	При средней	При тяжелой	При очень тяжелой
Рубнер	2445	2868	3362	–
Atwater	2150–3050	3400–3800	4150–5300	7355
Словцов	2400–3000	3000–3700	5100	7000–8000
König	2515	3100	3749	–
Gautier	2450–2860	3300–3800	4000–5000	–

Эти нормы дают приблизительный конкретный масштаб для определения наличия или отсутствия относительно-количественного дефицитного голодания. Если число калорий, поступающих в виде пищи во взрослый мужской организм и усвояемых им в течение суток, будет ниже этих норм или ниже тех норм, кото-

⁶ Rubner M. Über der Moderne Ernährungsreformen // Archiv für Hygiene. Bd. 81, S.189–190; Рубнер М. Учебник гигиены. СПб., 1897, с. 505–506; Словцов Б.И. Пищевые раскладки. Пг., 1919, с. 7–8; Gautier. Alimentations. 1904, p. 111–112. См. также курсы Hürpe, Gärtner'a и др.

рые устанавливаются соответственно для женщин, детей и т.д., то мы имеем основание полагать наличие количественно-дефицитного голодания; если не ниже или выше – отсутствие последнего.

Но само собой разумеется, что чисто количественно-калорийной стороной дело не исчерпывается: поступление в организм 7000–8000 калорий углеводов ничуть не уничтожает дефицитное голодание, ибо «организм должен получать не только определенное количество энергии, но и определенные по качеству вещества»⁷. Не менее, а, пожалуй, более важное значение имеет *качественная сторона дела*. Поступающая пища должна содержать во-первых, *определенное количество белков, жиров и углеводов, во-вторых, ряд дополнительных пищевых веществ*⁸.

При отсутствии одного из этих элементов в пище или при недостаточном по сравнению с этими нормами количестве их мы будем иметь качественное или качественно-количественное дефицитное голодание. Наряду с этими основными пищевыми диетами в пище должен быть еще ряд дополнительных пищевых веществ, без которых правильный обмен веществ в организме происходить не может. Без них, «сколько бы ни давали человеку другой пищи, какие бы количества калорий ни вводили в его организм, человек не сумеет их усвоить»⁹.

Например, «если животным давать пищу, искусственно лишенную солей, но содержащую в достаточном количестве остальные пищевые вещества, то животные заболевают и скоро умирают. Смерть наступает даже раньше, чем если бы животные вообще не получали никакой пищи»¹⁰. То же относится и к целому ряду других веществ, огромное значение которых в деле питания выяснено сравнительно недавно. Таковы те пищевые ингредиенты, которые некоторые авторы окрестили термином «витамины»^{6*}. Они не содержатся или содержатся в недостаточном количестве в неполноценных белках. Между тем без их наличия, как показали опыты Функа, Мак-Коллума, Осборна и Менделя, Halliberton'a, Daniels'a и Nicols'a, у нас – Палладина и Кольцова, правильный обмен веществ в организме совершаться не может, и рано или поздно организм погибает¹¹. Все подобные случаи отсутствия в пище или недостаточного в ней содержания не-

⁷ Кольцов Н.К. Физиология исхудания // Природа. 1919, № 10–12, с. 421; Словоцов Б.И. Биохимия одностороннего питания. Пг., 1922, с. 17–18.

⁸ О количестве их см.: Rubner M. Op. cit., S. 193; Рубнер М. Учебник гигиены, с. 505–506; Словоцов Б.И. Цит. соч., с. 13. Подробности см. в указанных выше работах.

⁹ Кольцов Н.К. Цит. соч., с. 414.

¹⁰ Landois-Roseman. Учебник физиологии человека. М., 1913, с. 375; Словоцов Б.И. Биохимия одностороннего питания (passim).

¹¹ См. об этом работы: McCollum and Davis // Journal Biological Chemistry. 1914, № 19; 1915, № 21, 23; Osborn and Mendel // Ibid., 1915, № 20; Daniels and Nichols // Ibid., 1917, № 32; d-r Apert. La croissance. Paris, 1921, p. 85–86; Кольцов Н.К. Физиология исхудания; Палладин В.И. Возможен ли рост при питании льняным маслом // Врачебное дело. 1921, № 1–6, с. 7 и сл.; Палладин В.И. Роль витаминов в питании // Врачебное дело. 1919, № 18–19.

обходимых для жизнедеятельности организма дополнительных питательных веществ будут явлениями качественного или качественно-количественного дефицитного голодания.

Таковы основные формы того голодания, которое я называю дефицитным и которое образует первую и основную категорию явлений, подлежащих нашему изучению в качестве детерминатора поведения и социальных процессов.

2) *Однако этой областью дефицитного голодания сфера явлений, подлежащих нашему изучению, не исчерпывается.* Дело в том, что на поведение (и переживания) людей (а через него и на общественные процессы) имеют влияние не только факты замены недефицитного питания дефицитным, но и *всякое резкое и сильное изменение количества и качества пищи, поступающей в организм человека.* Последний не относится безразлично ко всякой резкой перемене пищевого режима, хотя бы в том и другом случае питание не было дефицитным ни количественно, ни качественно. Резкая и быстрая перемена пищевого режима нарушает обычные функции организма, привыкшего к определенной диете, требует от него новых форм приспособления для усвоения новой пищи – словом, вносит ту или иную пертурбацию в его жизнедеятельность. Простейшим и самым распространенным подтверждением этого служат те массовые расстройства питания, которые обычно наблюдались у населения России при переходе его с режима постной пищи на режим скоромной по окончании постов или обратно, хотя часто оба режима не были дефицитными. Если всякое резкое изменение пищевого режима – факт не безразличный для организма, то особенно важными будут среди таких явлений те изменения, которые состоят *в ухудшении пищи, т.е. в уменьшении количества пищевых веществ, поступающих в организм, по сравнению с их количеством, поступавшим до данного момента, и в качественном ухудшении их с точки зрения питательности, легкости переработки и усвоения, вкусоности, разнообразия и т.д.* по сравнению с качественным составом пищи, поступавшим до данного момента, или, наконец, в том и в другом случае, *хотя бы количественно уменьшенная и качественно ухудшенная пища и не была дефицитной.* Человек, имевший изысканный стол, куда входили икра, дичь, устрицы, фрукты, трюфеля и прочие деликатесы, вряд ли безразлично отнесется к замене этой диеты на щи да кашу, хотя бы они и содержали в себе все необходимые пищевые ингредиенты как в количественном, так и в качественном отношении. Хотя по своей питательности вяленая вобла стоит не ниже других мясных продуктов (76,28% белка, а в мясе разных сортов – от 15 до 20,91% белка), однако большинство людей – если будет возможность – предпочтет питаться дичью, говядиной, бараниной, телятиной, яйцами и молоком, а не воблой. Переход от питания этими продуктами к вобле будет для них ухудшением питания. То же относится и ко всем подобным случаям количественного или качественного ухудшения пищи. Не ко всем пищевым режимам, равно недефицитным, человек относит-

ся одинаково, и не все они для него равноценны, одинаково полезны и одинаково желательны. Он предпочитает диету более разнообразную – менее разнообразной, более вкусную – менее вкусной, легче усвояемую – труднее усвояемой и т.д. Все эти одинаково недефицитные диеты образуют в этом отношении целую градацию, и переход от более высокой диеты к более низкой воспринимается как лишение, как ухудшение, как нечто нежелательное, совершающееся обычно по неволе, в силу необходимости. Как только человек снова получает возможность питаться по своему вкусу, он переходит от этой «низшей», хотя и недефицитной диеты к «высшей»¹². Такое предпочтение имеет, конечно, свои биологические основания. Конкретно это предпочтение может резко варьировать от индивида к индивиду, от страны к стране.

Но для стран европейских, не очень жарких по климату, и теперь уже можно указать некоторые общие конкретные формы пищи, массовым образом предпочитаемой другим ее видам. Эти данные мы получаем при сравнении питания более богатых слоев населения с питанием более бедных классов. Богатство в современном обществе равносильно большому простору в выборе продуктов питания, большей возможности удовлетворять свои пищевые запросы согласно желанию. Поэтому пищевой режим богатых – это режим, «свободно избранный»¹³. Сравнивая его с пищевым режимом более бедных классов, мы видим, что питание более богатых слоев количественно больше, что процент продуктов животного происхождения в нем гораздо выше, чем в пищевой диете бедняков. Доктор Grotjahn, составивший сводку материалов по пищевым диетам разных классов, даже сформулировал по этому поводу закон, который гласит: «Чем беднее семья, тем большая часть ее расходов на питание идет на приобретение растительных продуктов питания»¹⁴, т.е. чем беднее семья, тем больший процент занимают в ее пищевом режиме растительные продукты по сравнению с мясом и животными жирами; чем она богаче – тем меньший. Далее, из самих раститель-

¹² Такое предпочтение наблюдается не только у человека, но и у животных. В руководстве по кормлению сельскохозяйственных животных постоянно обращается внимание, помимо калорийности и питательности корма, на его разнообразие, вкусовые качества и приятность. «Обращать внимание при вычислениях кормовой дачи только на продуктивную ценность корма или на крахмальные эквиваленты так же недостаточно, как и на перевариваемые вещества, если не будет уделено внимание степени приемлемости данным животным кормов. Приятность кормовой дачи на вкус является пунктом, который не следует упускать из виду. Надолго высокую продуктивность (т.е. принятие больших количеств корма) нельзя поддержать без разнообразия составленной кормовой дачи» (*Кельнер О.* Кормление сельскохозяйственных животных. Киев, 1912, с. 465–466). На поведении кошки, собаки и других животных весьма легко констатировать наличие этого предпочтения разно составленных, хотя и недефицитных пищевых диет.

¹³ См.: *Grotjahn A.* Über Wandlungen in der Volksernährung // Staats- und Sozialwissenschaftliche Forschungen hrsg. von G. Schmoller. Leipzig, 1902, Bd. XX, Heft 2, S. 58.

¹⁴ *Ibid.*, S. 58–64. Здесь же см. цифры и подробности.

ных продуктов с ростом богатства растет относительный процент потребления белого хлеба за счет черного; в бюджетах бедных – с ростом бедности растет потребление картофеля за счет хлеба и т.д. Сходные результаты получил для России, и в частности для разных слоев русского крестьянства, г. Клепиков. Приведу несколько цифровых данных.

Питание крестьян разной имущественной состоятельности (Новгородской губернии):

Количество калорий, потребленных в виде разного рода продуктов

Группы крестьян по доходу на едока (руб.)	Продукты растительного происхождения		В том числе хлеба		Продукты животного происхождения		Всего	
	Абсол. числа	%	Абсол. числа	%	Абсол. числа	%	Абсол. числа	%
до 100	2561,9	81,3	2301,2	71,9	668,1	18,7	3230,0	100
100–150	3090,4	75,6	2742,7	65,9	1048,6	24,4	4139,0	100
150–200	3760,8	72,5	3202,2	62,8	1341,9	27,5	5072,7	100
200 и выше	4039,3	69,0	3521,1	60,3	1721,2	31,0	5760,5	100

«Другими словами, повышение доходности крестьянского хозяйства (т.е. получение возможности большего выбора. – П.С.) влечет за собой абсолютное и относительное увеличение потребления продуктов животного происхождения»¹⁵. При повышении дохода равным образом и абсолютно, и относительно растет потребление жиров и белков за счет относительного падения углеводов.

Дневное потребление питательных начал (в граммах на едока)¹⁶

Группы крестьян по доходу на едока (руб.)	Белки		Жиры		Углеводы	
	в граммах на 1 день	принимая низшую границу за 100%	в граммах на 1 день	принимая низшую границу за 100%	в граммах на 1 день	принимая низшую границу за 100%
1) до 100,01	77,1	100	43,6	100	375,9	100
2) 100,01–150,00	104,0	135	65,6	151	454,9	121
3) 150,01–200,00	126,6	166	84,5	194	547,7	146
4) 200,01–300,00	148,0	192	100,8	210	568,1	161
5) 300,01 и выше	175,0	227	118,4	251	663,2	176

¹⁵ Клепиков С.А. Питание русского крестьянства. М., 1920, с. 13–14, 20, 21–23, 30.

¹⁶ Там же, с. 22–23.

Приведу еще одну таблицу, показывающую изменение относительных величин отдельных категорий хлебной группы в зависимости от бюджета «едока».

Группы по доходу на едока	Ржаная мука	Пшеничная мука	Мука прочая и бобовые	Крупа	Всего
1) до 100,01	72,1	4,8	20,2	2,9	100,0
2) 100,01–150,00	66,7	6,0	23,2	4,1	100,0
3) 150,01–200,00	67,1	4,9	24,3	3,7	100,0
4) 200,01 и выше	61,2	9,2	24,4	5,2	100,0

Вывод: «Хлебная группа, увеличиваясь (абсолютно) с повышением благосостояния хозяйства, претерпевает внутри себя процесс замены более тяжелых и менее питательных продуктов легкими и более легко усвояемыми»¹⁷.

Эти данные говорят о том, что при наличии возможности человек, по крайней мере европейский, предпочитает питаться более обильной и разнообразной пищей, чем однообразной, пищей животного происхождения, а не растительными продуктами, белым хлебом, а не черным и т.д. Словом, они отчетливо поясняют мою мысль о неравножелательности и предпочтении одних – недефицитных – пищевых режимов другим – также недефицитным. Из личного опыта и наблюдения каждый знает, что такое предпочтение есть факт несомненный. Об этом же свидетельствует и существование развитого поваренного искусства и т.д.

Раз это так, то мы не можем оставить вне поля нашего изучения и все подобные случаи. По своему влиянию на поведение и переживания людей они нередко вызывают результаты, близкие к результатам дефицитного голодания. Поэтому изучение их как детерминаторов поведения и целесообразно, и диктуется самим существом дела. Назовем все такие случаи ухудшения количества и качества питания голоданием недефицитным, или сравнительным.

Если границы дефицитного голодания относительно узки и низшим пределом его служит абсолютное голодание, а высшим – норма пищи, близкая по количеству калорий и качественному их составу к приведенным выше калорийным

¹⁷ Там же, с. 31, 36 и passim. Соответствующие данные для Англии, Франции, Германии, США см.: *Webb A.* The new dictionary of statistics. London, 1911, p. 156–165, 273–289; *Первушин С.А.* Потребление // Энциклопедический словарь Гранат. Пб., 1916, т. 33. Для Бельгии: *Slosse et Waxweiler.* Recherchés sur le travail humain dans l'industrie. 1910, p. 161. Для всех европейских стран – в указанной работе *Grotjahn'a*. С переходом от бедных слоев к более богатым и здесь рядом с абсолютным ростом количества всех частей пищи относительный рост хлеба идет гораздо медленнее, чем мяса, яиц и особенно сахара. Во Франции, например, с 1840 по 1895 г. потребление хлеба, вина и картофеля увеличилось на единицу населения на 50%, потребление мяса, сыра и сидра удвоилось, сахара и кофе – учетверилось. См.: *D'Avenel G.* Le mécanisme de la vie moderne. Paris, 1908, p. 157. Остальную литературу см. в работах *Grotjahn'a*, *Клепикова* и *Первушина*.

и качественным нормам, то *границы сравнительного голодания гораздо более широки и эластичны. Низшим его пределом служит высшая граница дефицитного голодания* (опустившись ниже ее, сравнительное голодание превращается уже в дефицитное); высшая же граница сравнительного голодания может лежать очень далеко, ибо «изысканность», «вкусность», «приятность» пищи, ее богатство, изобилие и разнообразие допускают очень широкие пределы колебаний и вариаций¹⁸. В целях более точного определения этого высшего предела сравнительного голодания полезно разделить его на: 1) *индивидуально-сравнительное голодание* и 2) *социально-сравнительное голодание*. Под первым будет пониматься любое уменьшение количества и любое ухудшение качества пищи данного индивида по сравнению с той пищевой диетой, которая имела у него раньше. *Высшим пределом индивидуально-сравнительного голода будет эта последняя*. Разница в количестве и качестве пищи между высшей и ухудшенной, но недефицитной диетой будет показателем величины индивидуально-сравнительного голода. Отсюда понятно, что индивидуально-сравнительное голодание варьирует от индивида к индивиду. *Под социально-сравнительным голоданием* разумеется разница между пищевым режимом, близким к верхнему пределу дефицитного голодания, и самой роскошной и изысканно-тонкой диетой, имеющейся в данном обществе. *Верхним пределом социально-сравнительного голодания в данном агрегате будет этот последний пищевой режим*. Отсюда понятно, что в обществе даже физиологически сытом, но обладающем резкой имущественной, а в связи с ней и пищевой дифференциацией, где богатейшие и аристократические слои имеют роскошно-изысканный стол, а низшие слои – пищевой режим, кое-как покрывающий дефицитный голод, социально-сравнительное голодание последних может быть очень большим и резким. Отсюда же понятно, что величина сравнительного социального голодания может расти в обществе даже тогда, когда общий пищевой режим низших слоев населения повышается; для этого нужно только, чтобы гурманство верхушек общества и их режим питания улучшались быстрее и сильнее, чем улучшается питание масс. И наоборот, социально-сравнительное голодание может уменьшаться даже тогда, когда общий режим питания общества ухудшается: для этого достаточно относительно более быстрое и значительное ухудшение питания наибольших гурманов общества. *Довольно точным показателем величины сравнительного социального голодания в обществе служит величина его имущественной дифференциации*. Рост последней почти всегда служит и показателем роста сравни-

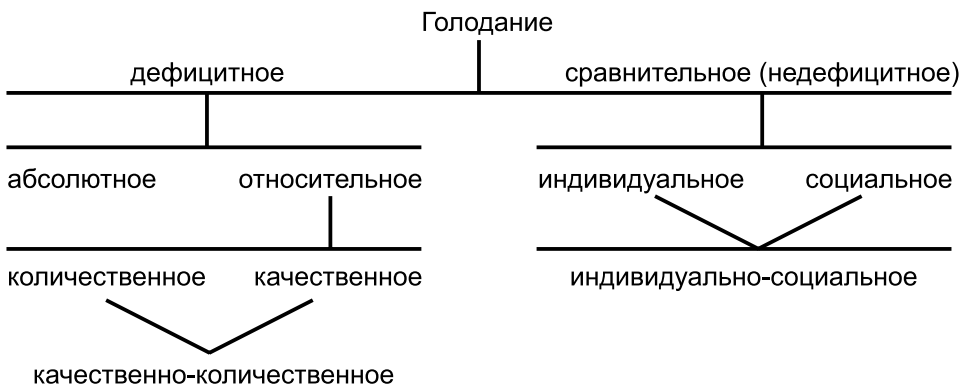
¹⁸ В этом отношении, говоря словами А. Маршалла, сравнительный голод может быть назван эластичным, а потребность его удовлетворения можно сравнить с потребностью в предметах роскоши. К нему, в отличие от дефицитного голодания, применимы все рассуждения Маршалла о предметах роскоши и кривые насыщаемости последними. См.: *Marshall A. Principles of economics. London, 1891, vol. I, p. 160–174 и Book III.*

тельного голодания. Социально-сравнительный голод пролетария, питающегося недефицитно, но живущего в обществе, где есть миллиардеры и миллионеры, имеющие роскошнейшую пищевую диету, будет очень велик, и тяга его к такому режиму будет громадной. Где этой роскоши объедания нет, – а в менее дифференцированном имущественно обществе она менее значительна, – там меньшим будет и сравнительный голод, раз низшие слои питаются недефицитно (если же дефицитно, то мы уже имеем дело с голодом сравнительным плюс дефицитный голод). Таким образом, *чем резче и сильнее количественное и качественное ухудшение пищи какого-либо человека, не падающее, однако, ниже необходимой нормы питания, тем индивидуально-сравнительный голод данного индивида больше. Если же это ухудшение переходит верхнюю границу дефицитного голода, тогда мы имеем рост индивидуально-сравнительного голодания плюс голодание дефицитное. Чем больше разница – по количеству и качеству пищи – между необходимой нормой питания и наилучшей питательной диетой данного общества, которой, как правило, придерживаются представители его имущественной и правительственной аристократии, тем социально-сравнительный голод в данном обществе сильнее. Если же питание наиболее бедных масс данного общества стоит ниже необходимой физиологической нормы, то это означает, что в нем наряду с громадным социально-сравнительным голоданием имеется еще и дефицитное голодание.*

Такова вторая область явлений сравнительного голодания, которая подлежит нашему изучению наряду с явлениями дефицитного голодания. Обе эти формы голодания влияют на поведение. Обе они во многом вызывают, как увидим, сходные эффекты и в переживаниях, и в поведении людей, и в социальной жизни. В этом причина и основание их совместного изучения.

Концентрируя главное внимание на дефицитном голодании, я не могу совершенно оставить без внимания и голодание сравнительное.

Резюмирую все сказанное в схеме:

3. СУБЪЕКТИВНОЕ ОЩУЩЕНИЕ ГОЛОДА («ГОЛОД-АППЕТИТ») КАК ФУНКЦИЯ ОБЪЕКТИВНОГО ФАКТА ГОЛОДАНИЯ. ОБРАТНАЯ ТЕОРИЯ проф. Л.И. ПЕТРАЖИЦКОГО

Мы установили понятие голодания совершенно объективно, не прибегая при этом за помощью к субъективному ощущению голода. Образно говоря, голодание у нас свелось к вполне объективному, внешне данному явлению прекращения, или уменьшения, или изменения состава и частоты подвоза «пищевого транспорта» к ротовой полости человека (или недостаточного усвоения пищи организмом). Это вполне ощутимое, физическое, доступное измерению явление мы берем в качестве независимой переменной, в качестве отправного пункта. Установив это понятие голодания, спросим себя: *раз оно дано, каковы его функции – ближайшие эффекты в строении, физиологических процессах, переживаниях и поведении человека?* Еще яснее: нам дан человек, в организм которого в течение ряда часов или суток нет поступления пищевых веществ или они поступают в недостаточном количестве, не покрывающем расходов организма, в меньшем количестве и худшего качества, чем раньше. *Какие видоизменения происходят в его организме – в физиологических отправлениях, психических переживаниях и поведении – при наличии такого вполне объективного условия – независимой переменной?*

Заранее можно сказать, что эффекты данной независимой переменной будут многочисленны и весьма разнородны. Они не исчерпываются каким-нибудь одним рядом явлений, а дают весьма сложный и взаимно переплетающийся комплекс результатов¹⁹. Попробуем кратко описать некоторые из них. Одним из

¹⁹ Не только такой сложный детерминатор поведения, как исследуемое нами голодание, но и гораздо более простые стимулы поведения, воздействующие на организм, вызывают не одну, а ряд реакций с его стороны. Современные американские исследователи поведения и объективные психологи (бихевиористы) правильно сформулировали по этому поводу теорему, которая гласит: «Всякий стимул или комплекс стимулов, на которые организм реагирует, может сопровождаться более чем одной реакцией». Например, восприятие знакомого вызывает: 1) ряд двигательных реакций в виде снятия шляпы, пожатия руки, 2) ряд речевых реакций (speech-reaction) в виде выражений: «Здравствуйте», «Как поживаете» и т.д., 3) целый ряд более мелких реакций в виде изменения дыхания, вазомоторных процессов, аккомодации органов чувств^{7*} и т.п. Так называемые психические реакции, изменения переживаний человека (процессов сознания) при такой постановке будут лишь одной из частных форм ряда реакций на один и тот же стимул, а не чем-то главным, протекающим параллельно физиологическим реакциям или тем более вызывающим их. По этому же пути иду и я при исследовании функций голодания в организме, процессах, переживаниях и поведении человека. Обоснование этого метода и подхода к делу см.: *Weiss A. Relation between Functional and Behaviour Psychology // Psychological Review. 1917, № 5; Weiss A. Relation between Structural and Behaviour Psychology // Ibid., 1917, № 4; Watson J. An attempted formulation of the scope of Behaviour Psychology // Ibid., 1917, № 5; Meyer M. The fundamental Laws of human behaviour. 1911.*

последствий прекращения поступления пищи в организм человека, или поступления ее в недостаточном количестве, или уменьшения и ухудшения ее состава будет изменение переживаний человека, заключающееся в появлении того своеобразного пассивно-активного состояния, которое мы называем аппетитом или голодом («я голоден», «я хочу есть», «у меня разыгрался волчий аппетит», «я хотел бы такой пищи, которая была раньше» и т.д.)²⁰.

Ниже я вкратце укажу основные черты и вариации этого переживания. А пока подчеркну лишь то, что *субъективное переживание голода («психический голод-аппетит», по терминологии Л.И. Петражицкого)* я рассматриваю как одно из следствий объективного факта дефицитного, а частью и сравнительного голодания, т.е. прекращения или недостаточного поступления (и недостаточного усвоения) пищи в организм человека. Варьирование последнего как независимой переменной вызывает варьирование и субъективных переживаний человека. Например, более или менее недолгое воздержание от пищи или уменьшение ее количества и ухудшение качества по сравнению с прежней диетой в мире субъективном является функцией такого ощущения, как аппетит (довольно приятного, если оно не осложняется дополнительными условиями); дальнейшее воздержание от приема пищи вызывает уже голод (ощущение, отличное от аппетита, страдательное по своей природе); продолжение воздержания модифицирует это специфическое чувство в ощущение общего недомогания, слабости, головной боли и боли во всем теле, головокружения, тошноты и т.д., в котором само чувство голода тонет. Недостаток в пище тех или иных нужных для организма элементов (при относительно-качественном голодании) обычно сопровождается ощущением специфического голода и соответствующими речевыми рефлексам: то нам хочется сладкого, то селедки, то мяса, то огурцов и т.д. Словом, между исследуемой независимой переменной и соответствующими субъективными ощущениями имеется несомненная функциональная зависимость.

Это положение, считающееся большинством исследователей само собой разумеющимся, подверглось жесткой критике со стороны Л.И. Петражицкого. Он резко различает «физиологический» голод и голод «психический» и настаивает на их независимости друг от друга. «Что касается отношения голода-аппетита (в смысле субъективного ощущения. – П.С.) к физиологическому голоду, то это не только две совершенно разные категории явлений, но даже не состоящие друг с другом в отношении неразрывной связи или постоянного и абсолютного параллелизма, каковое предположение лежит в основе ходячих учений о голоде. Появление, усиление, ослабление и исчезновение голода-аппетита зависит от различных факторов, в том числе таких, которые не имеют ничего общего

²⁰ См.: *Петражицкий Л.И.* Введение в изучение права и нравственности. СПб., 1907, с. 215–216; *Boring E.G.* Processes Referred to the Alimentary and Urinary Tracts // *Psychological Review*. 1915, № 4, p. 306–307; *Marsh H.D.* Individual and Sex Differences // *Ibid.*, 1916, p. 434–445; *Luciani L.* Das Hungern. Hamburg-Leipzig, 1890 (passim).

с физиологическим голодом». Например, при отсутствии физиологического голода голод-аппетит может вызвать запах любимых блюд, возбуждение ряда соответствующих представлений и т.п. И наоборот, при наличии голода физиологического можно подавить голод-аппетит искусственно, например, показав червей или насекомых в поданном блюде, вызвав переживания страха, испуга, гнева, стыда и т.д., которые, конечно, не вводят в желудок отсутствующих и не удаляют из него существующих кислот и тому подобных раздражителей. Далее, с ростом воздержания от пищи физиологический голод должен расти; между тем голод-аппетит описывает иную кривую: он появляется ко времени обычного принятия пищи, например ко времени обеда, и затем пропадает, хотя бы мы и не пообедали. Все эти факты приводят Л.И. Петражицкого к выводу о «недопустимости и безнадежности каких бы то ни было попыток построения теории голода путем нахождения или придумывания физиологических раздражителей на почве недостаточного питания и соответствующих ощущений»²¹.

Верно, что физиологический, или дефицитный, голод, т.е. недостаток пищевых веществ для покрытия затрат организма, и психический голод, т.е. специфическое субъективное ощущение, – две вещи разные, как различны любое объективное явление, например укол булавкой, и соответствующее субъективное чувство, например ощущение боли от укола. В этом смысле никто их не отождествляет. Потому я и называю субъективное ощущение голода функцией (следствием) объективного факта голодания. Но верно ли, что эти два явления «не состоят друг с другом в отношении неразрывной связи»? Верно ли, что «безнадежны попытки построения теории голода на почве недостаточного (или резко измененного и ухудшенного) питания»? При всем своем уважении к глубине и силе научных построений Л.И. Петражицкого я решительно не могу согласиться с его положениями. Факты, указываемые им, верны. Но вывод и интерпретация этих фактов – ложны.

Что объективный в нашем смысле голод и субъективное ощущение голода-аппетита находятся в связи друг с другом, т.е. что последний является функцией первого, это не требует доказательств; достаточно любому нормальному человеку (если только он не находится в каких-нибудь исключительных условиях) не есть в течение ряда часов, или систематически недоедать, или резко перейти к худшему и менее обильному питанию – и голод-аппетит у него появится²². Не от того же он появляется, что человек набил себя обильной и легко усвояемой пищей. Ежедневный опыт почти всех людей и специальные опыты – достаточное тому свидетельство. С другой стороны, хотелось бы знать, на какой иной почве,

²¹ *Петражицкий Л.И.* Цит. соч., с. 220–223.

²² Граждане РСФСР могут это засвидетельствовать. При недоедании в Москве и Петрограде в 1918–1919 гг. массе голодающих постоянно хотелось есть, аппетит был перманентным. Это констатировано и клиническими наблюдениями. См.: *Шервинский В.Д.* Современное питание // *Природа*. 1919, № 4–6, с. 185–186.

кроме как на почве недостаточного или ухудшенного питания, можно построить теорию дефицитного или сравнительного голода? Это во-первых. Во-вторых, факты, верно указанные Л.И. Петражицким, на основании которых он делает вышеприведенные выводы, говорят не об отсутствии связи между объективным и психическим голодом, а о более сложной картине этой связи, с одной стороны, с другой – о вторжении в область этой связи ряда дополнительных условий, искажающих и деформирующих постоянные отношения между независимой переменной объективного голодания и голодом-аппетитом как функцией первого в области субъективных ощущений. Согласно закону инерции движущееся тело должно вечно двигаться равномерно и прямолинейно. Но, поскольку имеется ряд дополнительных условий в виде препятствий, трения, толчков и т.д., тело двигается и не равномерно, и не прямолинейно и в конце концов останавливается. Это, конечно, не означает, что закон инерции ложен. То же самое и здесь. Если на долго голодающего человека начинает воздействовать новый детерминатор, например нападение врага или причинение ему боли путем уколов, вырывания волос и т.п., вызывающий ряд новых физиологических процессов, модифицирующих состояние всего организма, то голод-аппетит, естественно, не возникает. Но не потому, что он не является функцией дефицитного или сравнительного голодания, а потому, что эта функция была аннулирована вторжением новых условий, вызвавших опять-таки ряд новых объективных реакций со стороны организма, в результате которых обычная субъективная реакция голода-аппетита на такой детерминатор, как недостаток пищи, может угаснуть. Ниже мы увидим, что то же самое применимо и к целому ряду других функций данной независимой переменной. В-третьих, то, что Л.И. Петражицкий понимает под физиологической теорией голода, представляет собой нечто столь примитивное, что это имеет уже мало чего общего с современной физиологической теорией голодания. Именно упрощенное представление Л.И. Петражицкого о последней и является одним из источников его неправильного к ней отношения. Факты, приводимые Л.И. Петражицким, вполне объяснимы с точки зрения современной физиологической теории голода, разработанной в значительной мере И.П. Павловым и его школой. С точки зрения данных, полученных этой школой, нет никаких оснований для представления голода-аппетита в виде некоего «духа», который, каким-то чудесным образом «себя собою составляя», управляет делом питания организма, откуда-то и почему-то появляется, затем столь же таинственно пропадает, каким-то образом перекидывает мост от мира психики к миру объективных актов человека и вместе с тем не состоит в связи с внешним миром, с объективным голодом и физиологическим механизмом регулирования питания. Не вдаваясь в критику психологизма вообще, замечу лишь, что вся эта теория представляет собой рафинированный «анимизм»^{8*}, каковым являются и все психологические теории в области социологии. В основных чертах объективная теория голодания и его механизма такова.

4. ОБЪЕКТИВНАЯ ТЕОРИЯ ГОЛОДАНИЯ И МЕХАНИЗМ ПИТАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

1) Явление дефицитного голодания, как мы видели, означает недостаточный приток (и усвоение) пищевых продуктов в организм, не покрывающий его расходов и грозящий в итоге гибелью организму (сравнительное голодание пока оставим в стороне).

2) Важность функции питания уже в процессе филогенетического развития привела к появлению в организме сложной системы органов, предназначенных к выполнению этой функции (приобретению, усвоению и переработке пищевых веществ), с одной стороны, с другой – к появлению целого ряда механизмов, контролирующих и автоматически регулирующих дело питания организма, механизмов, которые вместе с системой органов передаются по наследству и не зависят от «сознания». Такими органами и механизмами являются: вся пищеварительная система, через которую вводятся пищевые продукты и выводятся их отбросы, вся кровеносная и лимфатическая система, питающая организм, отчасти органы дыхания и нервная система как орган сношений с внешним миром, как главный контролер, анализатор и аппарат, замыкающий на себе всю жизнедеятельность организма.

3) С физиологической точки зрения процесс питания вкратце таков. «Первая полость, куда попадает захваченное пищевое вещество, есть полость рта. Здесь оно измельчается зубами и языком, смачивается слюной... и приводится в удобную для питания форму. По узкой трубке пищевода оно проводится в желудок. Здесь оно приводится к кашицеобразной или жидкой консистенции и подвергается уже важным химическим изменениям. Центральным пищеварительным органом является двенадцатиперстная кишка. Здесь и в тонких кишках (а отчасти в толстых) сложные химические соединения (пища) распадаются на свои составные части. Из этих индифферентных обломков кишечная стенка теперь может синтезировать пригодный питательный материал для всех клеток организма. То, что не может быть утилизировано кишечником, выводится в качестве отбросов наружу через анальное отверстие... Первенствующая роль во всем пищеварительном процессе принадлежит сокоотделительной деятельности железистых элементов, расположенных по ходу пищеварительной трубки»²³.

4) Отсюда видно, что процесс питания – явление чрезвычайно сложное. Система органов, его обслуживающих, представляет собой сложнейшую лабораторию или фабрику, где каждый элемент выполняет определенные функции, а все они вместе – тонкую и виртуозную работу. Зубы и язык имеют одни функции, пищевод – другие, желудок и кишки – свои, железы – свои и т.д. И что удивитель-

²³ Бабкин Б. Внешняя секреция пищеварительных желез. Пг., 1915, с. 3–4. См. также: Лондон Е. Физиология и патология пищеварения. Пг., 1916.

но: все это делается без участия нашего сознания. Большинство людей не имеют даже представления об этой работе, и тем не менее их «пищевая лаборатория» отлично выполняет свое дело. Самое поверхностное знакомство с этой фабрикой и ее работой поражает, с одной стороны, сложностью дела, с другой – артистической приспособленностью ее к задаче питания. Проиллюстрирую сказанное одним-двумя примерами. «Работа слюнных желез может считаться образцом точно рассчитанной приспособительной деятельности животного организма. Когда нет никаких раздражителей в полости рта, железы остаются спокойными. Они не приходят в действие и в том случае, если в полости рта находятся вещества, обработка или удаление которых изо рта не требует слюны (вода, лед, круглые камешки). Наоборот, в тех случаях, когда имеется надобность в отделении слюны, т.е. при наличии возбудителей слюноотделения, слюна выделяется – количественно и качественно – в полном соответствии с задачами организма. Так, для питательных веществ слизистые железы продуцируют то более вязкую, то менее вязкую слюну, то в большем, то в меньшем количестве, в зависимости от сухости того вещества, которое в данный момент находится в полости рта. Благодаря наличию в такой слюне значительного количества муцина, питательные вещества становятся скользкими, чем облегчается их проглатывание и прохождение по пищеводу (“смазочная слюна”). На отвергаемые вещества... выделяется (уже иная) жидкая, водянистая слюна с целью обмывания полости рта, разбавления вредного агента (“разжижающая или отмывающая слюна”). Наконец, количество слюны соответствует силе вызывающего ее отделение раздражителя»²⁴. То же относится и к желудочной и поджелудочной железам. «Они, – говорит И.П. Павлов, – оказались как бы обладающими умом. Они изливали свой сок, что касается количества и качества его, в соотношении с массой и сортом пищи, давая именно то, что всего выгоднее для обработки данного сорта». «Факт целесообразности (их работы) стоит вне всяких споров и сомнений»²⁵. То же относится к работе бруннеровского отдела двенадцатиперстной кишки и т.д. И здесь: 1) без возбудителя железы не действуют; 2) каждый род пищи (мясо, молоко, хлеб) вызывает свое валовое количество сока, его определенную переваривающую силу и кислотность; 3) количество, пропорциональное количеству съеденной пищи, и т.д.²⁶

Эти примеры показывают, насколько сложна и если не абсолютно, то отнюдь не целесообразна деятельность каждого органа «пищевой фабрики»

²⁴ Бабкин Б. Цит. соч., с. 31–32.

²⁵ Павлов И.П. Лекции о работе главных пищевых желез. СПб., 1897, с. 61, 52, 30, 43, 49–50, 52–53, 95–96 и др. См., однако, ограничения этой целесообразности у Е. Лондона (цит. соч., с. 10–12).

²⁶ Бабкин Б. Цит. соч., с. 105–150 и *passim*. Л.И. Петражицкий правильно называет всю систему регуляции питания «бессознательно гениальной» (цит. соч., с. 236).

человеческого организма, с одной стороны, с другой – насколько сложны деятельность и устройство последней в целом, с третьей – насколько должна быть согласована работа отдельных частей этой фабрики.

5) Раз так, то сам собою возникает вопрос: посредством какого же механизма решаются эти задачи? *Какой «директор» и как регулирует работу каждого «рабочего органа» пищевой фабрики?* Им является наша нервная система. Предыдущие исследователи данной проблемы полагали, что эту функцию «управляющих» пищевой лабораторией выполняет вся нервная система²⁷. И.П. Павлов выдвинул иную гипотезу. Согласно ей, *питанием организма заведует специальный «пищевой центр» головного мозга* (подобный дыхательному центру, заведующему газообменом). Ряд данных заставляет думать, что это очень сложный центр, не локализованный в какой-либо определенной области головного мозга, объединяющий целый ряд нервных центров второстепенного характера, имеющих отношение к делу переработки пищи. Он управляет всем делом питания организма, координирует и регулирует работу каждого соответствующего органа, по его «приказам» они побуждаются к работе или бездействуют, работают так или иначе; в одном случае, например, слюнные железы дают одну слюну, в другом – другую и т.д.²⁸

Субъективное переживание голода – функция определенного возбуждения этого «пищевого центра». Когда такое возбуждение дано, у нас возникает ощущение аппетита-голода. Когда это возбуждение пищевого центра исчезает или заменяется иного рода тормозящим возбуждением – это ощущение исчезает. Объективно деятельность его проявляется «в виде двигательной реакции, направленной к пищевому объекту с целью захватить его, удержать и перенести внутрь пищевого канала, и в виде секреторных реакций желез верхнего отдела пищеварительной трубки»²⁹. Таков нервный центр, регулирующий питание организма, и такова связь физиологического голода с голодом-аппетитом. Все дело заключается в определенном возбуждении этого «пищевого центра».

6) Спрашивается теперь: *как же происходит это возбуждение? При каких условиях оно имеет место и каким образом осуществляется? Соответственно, при каких объективных условиях возникает у нас субъективное ощущение голода-аппетита?* Это возбуждение происходит двояким путем: 1) *автоматически, через кровь (гуморальный механизм); 2) рефлекторно, через посредство нервной системы.* Длительное невведение питательных продуктов в организм или

²⁷ Например, Л. Лучиани говорит: «Die Regulierung der Ernährung und der Wärme... ist begründet in der Funktion des Nervensystems in seiner Gesamtheit und Einheit und beruht nicht auf einem oder andern Teil oder Abschnitt desselben»^{9*} (Luciani L. Das Hungern. 1890, S. 239).

²⁸ Дальнейшее имеет одинаковое значение при принятии и непринятии гипотезы пищевого центра. Я ее принимаю, ибо она гораздо проще объясняет весь механизм питания.

²⁹ Бабкин Б. Цит. соч., с. 227 (см. у него подробнее об этом). См. также цит. соч. А.В. Немилова и Е. Лондона.

введение их в уменьшенном количестве или такого качества, которые организм не приспособился еще легко и быстро перерабатывать и усваивать, влечет за собой «обеднение крови», изменение ее химического состава. Пока «пищевой центр» омывается кровью нормального состава, он «спокоен, возбуждения нет, а посему мы чувствуем себя сытыми и не испытываем голода». Когда же химический состав крови изменяется, пищевой центр со своими рецепторами, переставший получать нормальный состав крови, возбуждается. Это возбуждение передается по нервам желудку, к началу тонких кишок и ряду других органов питания, регулируемых им, начинается урчание в животе и т.д. Субъективным эффектом этого объективного процесса служит появление голода-аппетита – ощущения, сигнализирующего организму о возможной опасности, о необходимости поесть, ввести в себя надлежащую дозу надлежащего качества пищи. Так как во время самого голодания кровь не остается одинаковой по составу (при абсолютном голодании она одна, при относительном – другая, в том и другом случае она опять-таки меняется в зависимости от продолжительности голодания, от недостатка тех или иных элементов в пище и т.д.), т.к. далее состав крови может варьировать в зависимости от других физиологических процессов организма (происходящих, например, при беременности, заболевании и в других подобных случаях), то и характер возбуждения пищевого центра варьирует, а следовательно, должна варьироваться и его функция – наше субъективное ощущение голода-аппетита (легкий аппетит, мучительный голод, желание то кислого, то сладкого, то соленого и т.д.). Таков путь возбуждения пищевого центра через кровь, находящийся, как видим, в непосредственной связи с количеством и качеством пищи, вводимой в организм. Попадая в организм и будучи комплексом химических соединений, она всасывается, проходит через стенки пищеварительного канала, попадает в кровь, с нею приносится к железам и аппаратам пищевого центра, возбуждает (или тормозит) их тем или иным образом и через посредство пищевого центра управляет деятельностью всех рабочих органов «пищевой фабрики» (желез и т.д.).

Когда химический состав крови благодаря введенной пище становится нормальным, она перестает возбуждать пищевой центр и железы. Пропадает и ощущение голода-аппетита. Функцией этих сложных физиологических процессов является, как видим, наше субъективное ощущение голода-аппетита и его вариации. Из сказанного связь объективного голодания и психического голода-аппетита ясна³⁰.

³⁰ Подробнее об этом см. в указанных работах Б. Бабкина и А.В. Немилова; см. также: *Тарасевич Л.А.* О голодании. Киев, 1907. Подробнее об интегрирующей и координирующей роли кровеносной системы вообще см: *Фредерик Л.* Химическая координация жизненных явлений // *Успехи биологии.* Одесса, 1912, с. 68–69.; *Немилов А.В.* Гормоны. Пг., 1917; *Gley E.* Quatre leçons sur les sécrétions internes. Paris, 1920.

Вторым способом возбуждения пищевого центра служит путь рефлекторный – прямое раздражение воспринимающих органов (рецепторов) нервной системы теми или иными пищевыми реагентами. Полученное ими раздражение передается по проводящим путям и приводит пищевой центр в возбуждение. Итогом его служит множество «приказов», рассылаемых им в подчиненные ему пищевые органы, соответствующее их возбуждение и приведение в движение всей «пищевой фабрики». Субъективным эффектом этих процессов является опять-таки известное нам ощущение голода-аппетита. Проиллюстрирую сказанное на конкретном примере. Берем кусок бифштекса и кладем его в рот. Бифштекс, непосредственно соприкасаясь с рецепторами нервной системы, находящимися в полости рта, возбуждает их; возбуждение передается в соответствующий отдел пищевого центра, а последний, придя в деятельное состояние, передает это раздражение по центробежным путям соответствующим рабочим органам, например слюнным железам, и приводит их в деятельное состояние – заставляет выделять соответствующее раздражению количество слюны определенного качества, и т.д. В итоге такого возбуждения пищевого центра возникает ощущение голода-аппетита – явление, отмеченное пословицей: *L'appétit vient en mangeant* (аппетит приходит во время еды)³¹. По мере заполнения желудка пищей в соответствующих периферических нервах возникают раздражения, тормозящие возбуждение пищевого центра. Итогом их служит, так сказать, успокоение его, имеющее субъективной функцией угасание аппетита. *Вот почему по мере еды последний слабеет и исчезает*³².

Таков вкратце второй путь – рефлекторный – возбуждения пищевого центра и соответствующих органов пищевой системы.

Сказанное дает только самое общее представление о механизме возбуждения пищевого центра и голода-аппетита. Для более точного ознакомления с сутью дела необходимы дополнения, рисующие более детально очерченный процесс и механизм его выполнения, ибо и механизм, и весь очерченный процесс *in concreto* гораздо более сложны и представляют аппарат весьма деликатный и тонкий. Дадим эти дополнения.

При рефлекторном пути возбуждения пищевого центра, как указано, необходимо возбуждение пищевым объектом рецепторов, связанных с этим центром.

³¹ И.П. Павлов рассказывает, как после лихорадки он лишился аппетита и для его возбуждения решил выпить вина. «При первом же глотке я живо почувствовал его движение по пищеводу и в желудке (это значит, что раздражение от вина было воспринято рецепторами и передано в надлежащие центры. – *П.С.*) – и буквально моментально испытал приступ сильного аппетита (итог возбуждения пищевого центра. – *П.С.*). Смысл приведенных наблюдений в том, что осязание, так сказать, желудком входящей пищи может служить или толчком к возбуждению аппетита, или условием, его усиливающим» (*Павлов И.П.* Цит. соч., с. 133).

³² *Бабкин Б.* Цит. соч., с. 226–227. Субъективную картину см. у Л.И. Петражицкого (цит. соч.) и В.Д. Шервинского (цит. соч., с. 186–187).

Чтобы это могло иметь место, объект должен обладать надлежащими качествами. Не всякий предмет, положенный в рот, влечет такое возбуждение пищевого центра и соответственно – органов пищевой системы, например секторных. Слюнные железы, например, не приходят в действие в том случае, если в полости рта находятся вещества, обработка или удаление которых изо рта не требует слюны (вода, лед, круглые камешки)³³.

Иными словами, для приведения в деятельное состояние пищевого центра нужны раздражители, обладающие надлежащими свойствами. Какие именно вещества ими будут – это предрешено прежде всего всем филогенетическим развитием, в течение которого произошел отбор годных и негодных для питания веществ, с одной стороны, с другой – предыдущим опытом организма.

В процессе филогенетического и в меньшей мере индивидуального развития уже установилась *связь между определенными веществами, действующими на рецепторы пищевого центра, и характером реагирования последнего, а через него и всего организма на раздражение этих объектов.*

Можно выделить три категории объектов и соответственно три способа реагирования на них пищевого центра и всех органов питания, а стало быть, и всего организма:

1) *Категория объектов, обычно вызывающих положительное возбуждение пищевого центра*, а через него – такую активность всех регулируемых им органов питания, которая направлена на овладение и усвоение этих объектов организмом. Когда подобного рода объект, например кусок хорошего и вкусного мяса, попадая в ротовую полость и раздражая находящиеся здесь нервные окончания, через них передается пищевому центру и возбуждает его положительно, результатом этого возбуждения являются «приказы» последнего, вызывающие жевание, глотание, выделение железами своих секретов, помогающих прохождению объекта в желудок, его химическому расщеплению и усвоению.

Субъективная функция такого положительного возбуждения – появление ощущения аппетита-голода, ощущения «вкусности», желательности еды, удовольствия от нее и т.д.

2) *Категория объектов, вызывающих обычно торможение или отрицательное возбуждение пищевого центра* и, следовательно, такую работу органов питания и всего организма, которая направлена на освобождение организма от такого объекта.

Например, кусок кала или гнилой мыши, попавший в рот и возбуждающий ротовые рецепторы пищевого центра, обычно вызывает отрицательную реакцию со стороны последнего. Следствием такого отрицательного возбуждения являются приказы – слюнным железам – выделять «обмывающую», жидкую слюну, помогающую обмыть рот и очистить его от подобного рода объектов, а в тех

³³ Бабкин Б. Цит. соч., с. 31–32; Лондон Е. Цит. соч., с. 9 и сл.

случаях, когда объект проскочит дальше, – приказы ряду мускулов делать сокращения, ведущие к рвоте и, стало быть, очищению организма от реагента, и т.д. Субъективными эффектами такого отрицательного возбуждения служат: чувство отвращения к таким объектам, моментальное угасание аппетита, если он был, тошнота, ряд страдательных ощущений и т.д.³⁴

3) Категория объектов, не вызывающих обычно ни положительного, ни отрицательного возбуждения пищевого центра и органов питания, например круглые чистые камешки и т.п. И пищевой центр, и органы питания остаются в таких случаях, так сказать, нейтральными.

Таковы три категории объектов и три способа реакции на них со стороны пищевого центра и организма, сформировавшиеся еще в процессе филогенезиса. Эти связи между ними и способами реакции наследственны, иначе говоря – безусловны. Обычно они не зависят от «сознания». Как правило, уже предрешено, какие объекты входят в ту или иную из этих категорий и какого рода реакцию – положительную, отрицательную или никакую – вызывают они при определенных условиях со стороны пищевого центра и других органов питания человека³⁵. Если грудные дети сосут молоко, взрослые люди едят мясо, рыбу, хлеб, яйца, масло и т.д. и не едят, а, если попадает в рот, выплевывают и выбрасывают червей, гусениц, кал, землю, тухлое мясо и т.д., то не потому, что они сознательно, с помощью химического анализа и знания их питательных свойств, состава и числа калорий пришли к выводу о пригодности первых и непригодности вторых (такие сведения свойственны единицам, а масса о них и теперь не имеет никакого понятия, тем более это применимо к дикарям и нашим далеким предкам), а потому, что здесь имеются безусловные связи, установившиеся в процессе филогенезиса, потому, что дан регулирующий механизм пищевого центра, «бессознательно гениально» решающий путем одного из очерченных способов возбуждения, что пригодно, а что непригодно для питания организма. Сами вкусовые ощущения по большей части суть следствия этого родового опыта³⁶.

³⁴ То же самое происходит и у животных: «На раздражение полости рта (собаки) веществами, отвергаемыми собакой (кислота, горчичное масло, перец и проч.), выделяется из слюнных желез жидкая слюна (обмывающая рот), а на вещества пожираемые – слюна густая» (Зеленый Г.П. Материалы к вопросу о реакции собаки на звуковые раздражения. СПб., 1907, с. 28).

³⁵ Ниже мы увидим, что в силу целого ряда причин эти связи объектов и реакций могут быть извращены и нарушены, что они могут варьироваться и модифицироваться (чем и объясняется то, что часто люди не едят вполне питательные объекты – «нечистых» тварей – и едят менее питательных – «чистых» животных, или то, что китайцы едят мышей и крыс, а русские, например, отвергают их), но эти исключения не колеблют общего правила и объясняются вмешательством ряда новых детерминаторов или изменением условий.

³⁶ Ряд правильных замечаний об инстинктивной природе нашего питания см. в статье и книгах М. Рубнера: Über moderne Ernährungsreformen. S. 186–187, 251; Питание и пищевые продукты. 1909; Wandlungen in der Volksernährung. Leipzig, 1913.

Все такие объекты, вызывающие положительное или отрицательное возбуждение пищевого центра без всякого сознания, в силу наследственности, можно назвать *положительными или отрицательными безусловными раздражителями*. Реакции, вызываемые ими со стороны пищевого центра, органов питания и организма, – *безусловными рефлексами*. Связь безусловного раздражителя и соответствующей реакции – *безусловной или наследственной связью*.

Таков *механизм рефлекторного возбуждения пищевого центра через безусловные раздражители*.

Уже из сказанного объясняются почти все те факты, которые приводит Л.И. Петражицкий для доказательства отсутствия связи между «физиологическим» и «психическим» голодом. Положительное возбуждение пищевого центра интенсивными положительными раздражителями, например вкусными и лакомыми блюдами, может быть и при сравнительно сытом состоянии (ибо амплитуда возбуждения пищевого центра имеет известные и довольно значительные пределы, как и каждого центра, например полового, при искусственном раздражении); стало быть, аппетит как функция этого возбуждения может появиться и в этих условиях. Таких возбуждающих условий может быть множество. Когда несколько таких положительных возбудителей действуют солидарно и одновременно, они могут подавить раздражения, исходящие из сытого желудка и стремящиеся затормозить возбуждение пищевого центра, и вызвать положительную реакцию последнего, итогом чего будет появление аппетита (подобно ряду сил, толкающих предмет в одном направлении и преодолевающих сопротивление меньшей силы, действующей в противоположном направлении).

Становится понятным и то, почему даже волчий аппетит вдруг пропадает, когда, например, вместе с супом к нам в рот попадает червяк, таракан или что-нибудь из отрицательных возбудителей. Если суп, являясь положительным раздражителем, возбуждает пищевой центр положительно, вследствие чего появляется голод-аппетит, то червяк, наоборот, гасит это возбуждение или вызывает отрицательную реакцию пищевого центра, а последнее обстоятельство неизбежно должно сопровождаться уменьшением или исчезновением аппетита и реакциями, направленными на очищение организма от вредного реагента³⁷.

Наконец, тот факт, что острота ощущения голода растет не строго параллельно физиологическому голоду, что при росте последнего первый не растет, вспыхивая ко времени обычной еды и угасая в дальнейшем, хотя бы мы и не пообедали, опять-таки не является возражением. Почему? По многим причинам.

³⁷ Такая победа отрицательного раздражителя над положительным опять-таки понятна и часто целесообразна с общебиологической точки зрения самосохранения организма. Отказ от пищи на время или отсрочка ее введения в большинстве случаев грозит организму меньшей опасностью, чем введение в него ядовитого или вредного вещества, способного повлечь за собой гибель организма или ряд крупных вредных результатов.

Во-первых, при регулярном питании, «по часам», вполне естественным является правильное периодическое возбуждение пищевого центра к определенному времени. Как хорошие часы, он сигнализирует вовремя о необходимости поесть. Во-вторых, исчезновение голода-аппетита в дальнейшем вполне может быть объяснено рядом различных, пока, быть может, и не вполне нам известных (мы еще так мало знаем механизм и устройство нашего тела и особенно нервной системы) раздражений, тормозящих положительное возбуждение пищевого центра. В частности, очень может быть, что организм, не получивший пищи извне, заимствует ее из себя, из своих «неприкосновенных запасов», и таким образом «успокаивает пищевой центр». В-третьих, исчезновение голода-аппетита в таких случаях происходит ненадолго: он скоро опять появляется, если и дальше в организм не попадает пища. Это опять-таки говорит не в пользу теории Л.И. Петражицкого. Правда, специфическое ощущение голода после двух-трех дней абсолютного голодания ослабевает или даже как будто исчезает. Но, как увидим ниже, это исчезновение означает собственно его растворение среди других, еще более тяжелых ощущений, возникающих при дальнейшем голодании (общая слабость, тошнота, головокружение, боль в голове, в сочленениях и т.д.). Специфическое чувство голода тонет в общей симфонии острых страдательных ощущений и теряет в них свои специфические черты. Наконец, редко между физиологическим процессом и субъективным ощущением, ему соответствующим, параллелизм бывает абсолютным. Это следует уже из того положения (закон Вебера-Фехнера^{10*}, в точности неверный, но в принципе правильный), что ощущение не растет абсолютно параллельно раздражению (по закону Вебера-Фехнера первое равно логарифму раздражения). Когда зуб разрушается, процесс (если мы не принимаем мер) идет непрерывно, но зубная боль проявляется не абсолютно параллельно этому процессу, она то обостряется, то ослабевает, хотя процесс разрушения, ее вызвавший, и продолжается. Странно было бы на этом основании доказывать, что субъективное ощущение зубной боли не находится в связи с физиологическим процессом разрушения зуба и раздражения соответствующего нерва.

Итак, мы видим, что все факты, указываемые Л.И. Петражицким, вполне объяснимы с точки зрения очерченной нами «физиологической» теории голода.

Сказанным, однако, не исчерпывается механизм рефлекторного возбуждения (положительного и отрицательно тормозящего) пищевого центра. Из наблюдений и личного опыта мы знаем – и опять-таки факты верно указываются Л.И. Петражицким, – что ощущение голода-аппетита может возбуждаться или подавляться целым рядом таких раздражителей, которые не являются безусловными. Например, аппетит может возникнуть благодаря звуку тарелок в столовой, запаху любимого блюда, зрительному восприятию хорошо сервированного стола, чтению страниц, «смачно» описывающих лукулловские пиры, игре вооб-

ражения и т.д. И наоборот, он может быть подавлен благодаря аналогичным же раздражителям, не являющимся безусловными раздражителями и не воздействующим непосредственно на рецепторы пищевого центра. Как объяснить подобные факты? В чем здесь дело?

Дело в том, что *помимо безусловных раздражителей, вызывающих безусловные рефлексы, имеются еще раздражители условные, на которые организм, в данном случае пищевой центр, отвечает условными рефлексами.* Под первым, как уже было сказано, следует разуметь наследственные рефлексы, когда нервные окончания, раздражаемые надлежащим раздражителем, без участия коры больших полушарий головного мозга непосредственно вызывают соответствующий рефлекс того или иного рабочего органа (например руки, тех или иных желез и т.д.). Так, раздражение периферических нервов полости рта куском мяса, передаваемое в соответствующий нервный центр («слюнный») ³⁸, вызывает соответствующий рефлекс слюнных желез.

В таких случаях раздражение не обращается за решением к «высшей инстанции» в виде коры больших полушарий. Местные нервные центры, или «специальные ведомства», своей властью, без обращения к «верховой власти» решают такие дела.

Иначе обстоит дело с условными раздражителями и условными рефлексами. Если мы возьмем такой раздражитель, как свет электрической лампочки, звонок колокольчика или вид тарелок, то сколько бы раз мы ни зажигали лампочку, ни звонили в колокольчик, ни смотрели на сервированный стол, эти стимулы не в состоянии возбудить «пищевой центр», не в состоянии вызвать, в отличие, например, от куска мяса, деятельность слюнных и других желез пищевого тракта. Это значит, что наследственной, безусловной связи между ними и реакциями органов пищевой трубки и пищевого центра нет. Последние на них не реагируют. Раздражители безразличны, индифферентны для них. Однако при известных условиях любой индифферентный раздражитель можно сделать действительным, можно установить связь между ним и реакциями органов питания, можно заставить их, например пищевой центр, положительно или отрицательно возбуждаться, слюнные железы – выделять слюну на свет электрической лампочки, звонок колокольчика, на вид тарелок, короче говоря, на любой индифферентный раздражитель. Что для этого нужно? *Нужно совпадение во времени действия безусловного и индифферентного раздражителей. После ряда повторений такого совпадения (число повторений зависит от многих условий) индифферентный раздражитель, не вызывавший ранее никакой реакции, перестает быть индифферентным и становится условным раздражителем.* Между ним и (в данном случае) пищевым центром и органами питания устанавливается условная связь, последние начинают реагировать на действия первых. Так, если в тот

³⁸ См.: Лондон Е. Цит. соч., с. 13.

момент, когда мы кладем в рот кусок котлеты (безусловный раздражитель, возбуждающий пищевой центр положительно), мы будем зажигать электрическую лампочку или видеть накрытый стол (индифферентные раздражители), то после ряда таких повторений достаточно будет зажигать одну лампочку, или слышать звонок, или видеть накрытый стол, чтобы пищевой центр стал положительно возбуждаться, чтобы «слюнки текли изо рта» и – как результат этого – чтобы у нас появилось ощущение голода-аппетита.

Если же индифферентный раздражитель совпадает по времени с отрицательным возбудителем пищевого центра, например звонок колокольчика с моментом попадания в рот кала или гнилого червя (т.е. безусловных раздражителей, вызывающих безусловный отрицательный рефлекс), то после ряда таких совпадений достаточно будет одного звонка колокольчика или другого индифферентного раздражителя, чтобы вызвать отрицательное возбуждение пищевого центра и соответствующие реакции других органов питания, а в субъективном плане – ощущение тошноты, отвращение, исчезновение голода-аппетита и т.д. После ряда повторений одновременного действия безусловного и индифферентного раздражителей последний становится условным возбудителем и порождает условный рефлекс.

То же самое имеет место не только в области условных рефлексов, связанных с питанием, но и во всех других. Например, после ряда совпадений таких действий, как укол руки булавкой (безусловный раздражитель, вызывающий реакцию отдергивания руки и ощущение боли) и зажигание электрической лампочки, достаточно будет только зажигать лампочку, чтобы срабатывал рефлекс отдергивания руки и возникало ощущение боли от укола.

Легко понять, что условными раздражителями могут стать любые индифферентные раздражители. «Все что угодно из внешнего мира можно сделать раздражителем слюнной железы. Основное условие для этого – совпадение во времени»³⁹.

Нервный путь возбуждения условного рефлекса иной, чем безусловного. Там дело обходилось без участия коры больших полушарий головного мозга. Здесь ее участие необходимо. Путь окольный и более длинный. Звук тарелок (условный раздражитель), воспринятый слуховым аппаратом, идет сначала в соответствующий центр больших полушарий, оттуда через передаточные пути попадает в соответствующий нервный центр, заведующий данными функциями, и только оттуда уже в соответствующие рабочие органы: к мускулам и железам, дающим надлежащие условные рефлексы. Образно говоря, здесь дело как бы передается на решение высшей нервной инстанции – верховной власти – и оттуда уже попадает в низшие инстанции и исполнительные органы. Отсюда понятно,

³⁹ Павлов И.П. Физиология и психология при изучении высшей нервной деятельности животных // Психиатрическая газета. 1917, № 6, с.10.

что «нервная система не есть только проводниковый прибор, но и замыкательный»⁴⁰.

При таком окольном пути пищевой центр и железы могут возбуждаться положительно или отрицательно – и соответственно возбуждать или подавлять аппетит – самыми разнообразными агентами, если они стали условными раздражителями. Ими могут быть *все объекты, воспринимаемые органом зрения* (вид мяса, накрытого стола, вид бутылки, цветов и т.д., вид таракана в супе, вид пальца прислуги, погруженного в подаваемое блюдо, вид какого-нибудь предмета, возбуждающего аппетитные или тошнотворные представления, чтение тех или иных книг, рисующих смачные или неаппетитные картины и т.д.), *объекты, воспринимаемые органом слуха* (звон тарелок, звук трубы, по опыту Vogen'a через 40 повторений с мясом становящийся условным раздражителем, звуки разносимой в тюрьме пищи, разговоры – аппетитные или неаппетитные, например о трупах, гнилой конине и т.п.), *объекты, воспринимаемые органом обоняния* (запах жареного мяса или лука, запах цветов, запах тухлятины и т.д.). То или иное возбуждение пищевого центра и «отделение желудочного сока при виде, запахе и звуке есть рефлекс условный». «Безусловный рефлекс возникает при раздражении полости рта химическими и, может быть, физическими свойствами того вещества, которое в данный момент животное ест. Условные рефлексы при еде этого же вещества передаются на желудочные железы с воспринимающих поверхностей глаза, уха, носа, а также, вероятно, и из полости рта»⁴¹.

Какие условные раздражители будут вызывать положительную реакцию пищевого центра и органов питания, какие отрицательную – все зависит от того, с каким безусловным раздражителем – положительным или отрицательным – они совпали. Так как в сложной ситуации общественной жизни разные люди находятся в этом отношении в разных условиях: у Ивана действие положительного безусловного раздражителя могло многократно совпадать с одним индифферентным условием, например с музыкой граммофона, постоянно воспринимавшейся одновременно с обедом, а у Петра – с другим, например с видом цветов на столе, то легко понять, что один и тот же объект может вызывать у одних положительное возбуждение пищевого центра и соответственно аппетита, у других – не вызывать никакого возбуждения, у третьих – возбуждение отрицательное. Иными словами, здесь неизбежно будет масса вариаций при переходе от индивида к индивиду, от народа к народу, от одного социального слоя к другому.

Заканчивая характеристику условных рефлексов, отмечу, что они не столь стойки, как безусловные, и *обладают способностью угасать*: если мы будем несколько раз вызывать условный рефлекс с помощью одного только условного возбудителя, без безусловного раздражителя, на котором он воспитан (напри-

⁴⁰ Там же, с. 11.

⁴¹ Бабкин Б. Цит. соч., с. 224.

мер, несколько раз вызывать слюноотделение путем зажигания электрической лампочки, не подкрепляя это дачей пищи), то через ряд повторений условный раздражитель станет бездейственным, перестанет вызывать рефлекс, и тот исчезнет. Организм, как бы убедившись в обмане, перестанет реагировать. Чтобы вновь оживить угасший условный рефлекс, нужно снова повторить ситуацию, при которой его действие совпадает с действием безусловного рефлекса.

Отмечу еще, что условный рефлекс может быть воспитан не только на безусловном, но и на живом – неугаснувшем – и тоже условном рефлексе⁴².

Таковы вкратце понятие условных рефлексов и способ возбуждения пищевого центра и органов питания через условные раздражители. Из сказанного ясно их громадное значение в деле питания организма. Вполне понятными становятся и все факты возбуждения и уничтожения голода-аппетита, приводимые Л.И. Петражицким в пользу якобы независимости последнего от физиологического голода. Мы видим, что эти факты вполне объяснимы с точки зрения «физиологической» теории голода. И не только объяснимы, но по ознакомлении с существующими условиями могут быть и предсказаны в каждом конкретном случае. Связь – ясна. Самые капризные извивы кривой голода-аппетита при учете механизма условных рефлексов становятся понятными и вполне согласуются с теоремой, утверждающей, что *субъективное ощущение голода есть функция соответствующего возбуждения пищевого центра, зависящего, в свою очередь, от характера воздействующих на него безусловных и условных – положительных и отрицательных – раздражителей*. Это значит, что *субъективный аппетит-голод есть функция объективного – дефицитного и сравнительного – голодания* (и сравнительного – ибо, как известно, качество и количество пищевых агентов даже при отсутствии дефицитного голодания вещь не безразличная). Для понимания любого сомнительного в этом отношении факта нужно только учесть: 1) характер раздражений, идущих от крови и воздействующих на пищевой центр в данный момент (химическое состояние крови); 2) характер безусловных и условных раздражителей, влияющих на этот центр в тот же момент; 3) характер других раздражителей – посторонних для пищевого центра, – прямо

⁴² Подробнее об условных рефлексах см.: Павлов И.П. Настоящая физиология головного мозга // Природа. 1917, № 1; Павлов И.П. Физиология и психология при изучении высшей нервной деятельности животных // Психиатрическая газета. 1917, № 6; Зеленый Г.П. Психологические реакции животных как объект естествознания // Природа. 1913, октябрь; Зеленый Г.П. Современная биология и психология // Новые идеи в философии. СПб., 1913. Сб. № 9 и целый ряд диссертаций (Красногорского, Цитовича, Фольборта, Дерябина, Орбели и др.) из лаборатории И.П. Павлова. См. также: Бехтерев В.М. Общие основания рефлексологии. Пг., 1918; Lashley K.S. The human salivary Reflex // Psychological Review. 1916, № 6; Watson J.B. The Place of the conditioned Reflex in Psychology // Ibid., 1916, № 2; Сорокин П.А. Система социологии. Пг., 1920, т. 1, с. 166–176. Из сказанного легко уже догадаться о громадной роли условных рефлексов не только в данной области, но и вообще в сфере поведения человека.

или косвенно влияющих на него через передаточные пути. Наше субъективное ощущение голода-аппетита будет равнодействующей этих объективно данных условий, всегда *in concreto* сложных и многочисленных. «В каждый данный момент животное (как и человек) подвергается целому ряду влияний, исходящих из окружающей среды; моментами то одна, то другая группа раздражающих влияний получает перевес над другими влияниями. Таким образом, организмом овладевает то одна, то другая группа раздражителей. Но обычно различные раздражения действуют на животное одновременно»⁴³. Если дело обстоит так, если наш организм, а в частности и пищевой центр, в каждый данный момент испытывает воздействие ряда различных раздражителей, то для ситуации, складывающейся в результате этих воздействий, *возможны два основных случая*. «При корреляции одновременных рефлексов те из них, которые взаимно усиливают друг друга (например здоровый организм, голодное состояние крови, чистый воздух, кусок вкусного бифштекса во рту, аппетитный запах поджаренного лука, стакан вина и хорошо сервированный стол, цветы, положительно возбуждающая музыка – словом, комплекс положительных, безусловных и условных, раздражителей, сопровождаемый положительным возбуждением пищевого центра через кровь, с одной стороны, с другой – полное отсутствие отрицательно возбуждающих или тормозящих раздражителей. – *П.С.*), сливаются в гармоническую группу» (и производят совокупно один и тот же эффект, в данном случае – «волчий аппетит»)⁴⁴.

Это – «аллелированные^{11*} рефлексy», их рефлекторные дуги – «аллелированные дуги»⁴⁵. Такой же случай солидарного действия может дать и совокуп-

⁴³ *Шеррингтон Ч.* Ассоциация спинномозговых рефлексов и принцип общего поля // *Успехи биологии.* 1921, с. 26–27.

⁴⁴ Такой аппетит может быть вызван хроническим раздражением пищевого центра при некоторых заболеваниях мозга. «В таком случае наблюдается неукротимое желание принимать пищу, и такие больные жалуются на постоянный голод, хотя едят гораздо больше, чем нужно для покрытия расходов тела». Такие случаи говорят о том, что здесь все тормозящие возбуждения подавляются противоположными, идущими из других частей нервной системы, связанных с пищевым центром (*Немилов А.В.* Цит. соч., с. 87).

⁴⁵ *Шеррингтон Ч.* Цит. соч., с. 26–27, 40. Прекрасную – и вполне достоверную – художественную иллюстрацию подобного случая взаимного усиления рефлексов дал Чехов в своем рассказе «Сирена». Приведу отрывки, отсылая читателя к самому рассказу. «Мы все сейчас желаем кушать, – говорит здесь Жилин, – потому что утомились и уже четвертый час (давно не принималась пища, следовательно, кровь влияет положительно, из пустого желудка не идут “тормозящие влияния”. – *П.С.*), но это, душа моя, не настоящий аппетит. Настоящий волчий аппетит, когда, кажется, отца родного съел бы, бывает только после физических движений, например, после охоты с гончими. Тоже много значит и воображение (условные рефлексy. – *П.С.*). Ежели, положим, вы едете с охоты домой и желаете с аппетитом пообедать, то не надо стараться, чтобы голова думала только о графинчике да закуске. Я раз дорогою закрыл глаза и вообразил себе поросеночка с хреном, так со мною от аппетита истерика сделалась. Ну-с, а когда вы въезжаете к себе во двор, то нужно, чтобы в это время из кухни пахло чем-нибудь этаким, знаете ли. Ну-с, когда вы входите в дом, то стол уже должен

ность отрицательно возбуждающих пищевой центр гуморальных^{12*} и рефлекторных – безусловных и условных – раздражителей при отсутствии раздражителей противоположных (например болезненный организм, голодное состояние крови, полный желудок, кусок тухлого мяса, попавший в рот, вид таракана или мыши в супе, грязная скатерть, запах гнили, духота, разговоры о трупах и червях, горе и т.д.). Все эти условия солидарно производят один и тот же эффект – отрицательное возбуждение пищевого центра. Появление голода-аппетита или – если он был – сохранение его в этих условиях было бы чудом. Таков первый случай совместного действия множества условий-раздражителей, когда они действуют солидарно и нет раздражителей, действующих в противоположном направлении. В реальной жизни такая ситуация встречается, однако, весьма редко. Чаще всего бывает, что человек и его пищевой центр находятся под влиянием ряда условий-раздражителей, в той или иной мере противоречащих друг другу. Говоря словами Шеррингтона, существуют рефлексы-антагонисты, несовместимые друг с другом. Они не только не содействуют друг другу, а даже задерживают друг друга⁴⁶. Применительно к интересующей нас области это значит, что *часть раздражителей, среди которых находится человек, вызывает положительное возбуждение пищевого центра, а следовательно, и голод-аппетит, другая часть – отрицательное, следовательно, уничтожает голод-аппетит. Обе группы возбуждителей антагонизируют друг с другом и стремятся вызвать со стороны пищевого центра противоположные реакции, а, следовательно,*

быть накрыт, а когда сядете, сейчас салфетку за галстук и не спеша тянетесь к графинчику с водочкой. Да ее, мамочку, наливаете не в рюмку, а в какой-нибудь допотопный дедовский стаканчик из серебра или в этакий пузатенький с надписью “Его же монаси приемлют” (все положительные условные возбудители. – П.С.) и выпиваете не сразу, а сначала вздохнете, руки потрете, равнодушно на потолок поглядите, потом, этак, не спеша поднесете ее, водочку-то, к губам (дразнение и срок, чтобы секреторные органы начали работать. – П.С.), и тотчас же у вас из желудка по всему телу искры (действие безусловного положительного раздражителя. – П.С.). Как только выпили, сейчас же закусить нужно (положительный безусловный раздражитель. – П.С.). Ну-с, а закусить, душа моя, тоже нужно умеючи. Самая лучшая закуска – селедка» (Чехов А.П. Собрание сочинений. Пг., 1918, т. I, с. 13–18). Здесь все верно, как верно и то, что своими описаниями (условный положительный раздражитель) Жилин так раздражил аппетиты слушателей (еще не обедавших), что они, особенно председатель суда, писавший «особое мнение», не были в состоянии больше бороться с искушением и, не кончив дела, уехали обедать. Научное обоснование всего этого см.: Павлов И.П. Лекции о работе главных пищевых желез, с. 204–205.

⁴⁶ Шеррингтон Ч. Цит. соч., с. 40. См. также: Зеленый Г.П. Материалы по вопросу о реакции собаки на звук раздражения, с. 28–32. Подробнее об антагонизме и солидарности различных стимулов, одновременно воздействующих на человека, и их взаимно укрепляющем и взаимно тормозящем влиянии на акты человека, см.: Washburn M.F. The function of Incipient Motor Processes // Psychological Review. Vol. XXI, № 5, p. 376–377; Russel S.B. Compound substitution in behaviour // Ibid., vol. XXIV, № 1, p. 62–63; Фольборг Г. Тормозные условные рефлексы. СПб., 1912.

в нашем субъективном мире – противоположные ощущения. Иначе говоря, происходит «дуэль» раздражителей. Исход дуэли решается сравнительной силой каждой из двух антагонизирующих групп раздражителей. Если их силы неравны, победитель овладевает пищевым центром и вызывает в нем и в органах питания соответствующие реакции. Если силы равны – антагонисты уничтожают друг друга, и пищевой центр впредь до изменения равновесия сохраняет status quo ante^{13*}. Сказанное объясняет, почему иногда после длительного голодания, когда мы больны или горюем, у нас нет аппетита⁴⁷; почему аппетит при раздражителях, вызывающих страх, ужас, etc, пропадает⁴⁸, почему при напряженной умственной работе, тормозящей деятельность пищевого центра, нет хорошего аппетита и т.д.⁴⁹ И наоборот, почему, несмотря на наличие тормозящих факторов, мы тем не менее часто испытываем желание есть, например, в состоянии горя, при наличии пищи тухловатой, малопитательной, обычно не вызывающей никакого аппетита (в наше время многие не без аппетита едят конину, собачину и т.п., что в нормальное время вызывает скорее отвращение, чем аппетит). Первые случаи говорят о том, что «дуэль» закончилась победой тормозящих раздражителей, вторые – о победе положительных раздражителей над тормозящими.

Итак, мы выяснили в основных чертах механизм питания человеческого организма, функции его «директора» и «рабочих органов», способы приведения в действие этого механизма и методы регулирования работы «пищевой фабрики»

⁴⁷ «Аппетит как страстное желание еды, конечно, сложное ощущение, и для наличия его во многих случаях требуется не только существование в организме потребности в новом питательном материале, но и состояние полного здоровья, ощущение этого здоровья во всех аппаратах пищеварительного канала» (Павлов И.П. Лекции о работе главных пищеварительных желез, с. 132–133).

⁴⁸ Н.К. Кольцов, например, правильно указывает на подавляющую и расстраивающую роль в деле питания населения России за эти годы тех нервных потрясений и волнений, которые были вызваны революционными событиями. См.: Кольцов Н.К. Цит. соч., с. 419–420.

⁴⁹ В том же рассказе Чехов отметил и этот факт. «Ежели вы желаете с аппетитом победать, то никогда не нужно думать об умном: умное да ученое всегда аппетит отшибает. Сами изволите знать, философы и ученые насчет еды самые последние люди, и хуже их, извините, не едят даже свиньи» (Чехов А.П. Собрание сочинений, т. I, с. 14).

Тот же тормозящий фактор отмечает и И.П. Павлов: «Если представим себе человека умственно-занятого среди какой-нибудь горячей служебной деятельности, то, как часто случается, такой человек ни на минуту не может оторваться мыслью от своего дела. Он ест как бы незаметно для самого себя, ест среди непрерывающегося дела. Такое систематическое невнимание к еде готовит, конечно, расстройство пищеварительной деятельности. Запального сока нет или очень мало; отделительная деятельность разгорается медленно; пища остается в пищеварительном канале гораздо дольше, чем следует, и т.д. Именно в русских так называемых интеллигентных классах часто встречается вполне нефизиологическое отношение к делу еды. Более установившиеся нации, например англичане, сделали из еды как бы род какого-то культа. Высокомерное невнимание к еде есть неблагоприятное; не увлекайся, но отдай должное внимание: отдай Боже Богу и кесарево – кесарю» (Павлов И.П. Лекции о работе главных пищеварительных желез, с. 202–203).

ки». Мы видим, что этот механизм очень сложен, очень деликатен и целесообразен⁵⁰, что основная часть его работы осуществляется без участия высших центров сознания (гуморальный способ возбуждения и возбуждение через безусловные рефлексы)⁵¹. Мы отдаем себе отчет в том, насколько сложны и многообразны те условия, от которых зависит работа пищевого центра и всей пищевой фабрики. Для нас становится бесспорной как связь объективных физиологических процессов и субъективных ощущений голода-аппетита, так и связь колебаний того и другого ряда явлений. Для объяснения кривой голода-аппетита нет никакой надобности предполагать наличие каких-либо иных независимых переменных, кроме физиологических процессов, вызываемых всей совокупностью объективных, осязаемых раздражителей, влияющих прямо или косвенно на пищевой центр и подчиненные ему органы. Характер этих раздражителей обуславливает характер физиологических процессов в области питания и вместе с ними характер соответствующих психических ощущений сытости или приятного аппетита, слабого голода или голода мучительного. Таким образом перебрасывается мост от внешнего мира к субъективным ощущениям. Среди этих внешних раздражителей основными и главными являются пищевые реагенты, их качество и количество, поступающее в организм. Колебание этих независимых переменных (случай дефицитного и сравнительного голодания) вызывает колебание физиологических процессов и соответствующее варьирование субъективных ощущений.

* * *

Познакомившись с понятием голодания, с механизмом «пищевой фабрики» и способами его работы, перейдем теперь к изучению тех функций, которые вызывает варьирование количества и качества пищи, поступающей в организм, и частоты ее поступления: 1) в строении самого организма; 2) в его физиологических функциях; 3) в его психических процессах; 4) в поведении человека; 5) в социальной организации и жизни населения.

⁵⁰ А.В. Немилов резонно говорит, что «весьма целесообразно, что природа не доверила разуму человека следить самому за поступлением пищи в тело. Как только фабричное производство тела начинает ощущать недостаток в топливе (пище), сознание уже получает сигнал об этом в виде просыпающегося переживания голода; чем ближе и ближе дело подходит к тому моменту, когда организм начнет сжигать свое живое вещество, тем настойчивее становятся сигналы. Их можно сравнить с грозным набатом, оповещающим организм о возможности катастрофы. Послушный этому набату, человек стремится наполнить свои органы пищеварения новыми зарядами энергии. Никакие доводы разума не могли бы так надежно обеспечить своевременное поступление пищи в организм» (Немилов А.В. О голодании, с. 82–83).

⁵¹ Ниже мы увидим, что этот механизм у человека уже значительно испорчен под влиянием ряда социальных условий.

Хотя моей непосредственной задачей является исследование четвертого и пятого пунктов, но так как социальные процессы в конечном счете – функция поведения членов общества, поведение же каждого из них – функция строения их организмов и их физических и психических свойств, то без выяснения, хотя бы самого краткого, пунктов первого, второго и третьего невозможно выяснить и пункты четвертый и пятый. Поэтому придется остановиться на трех первых пунктах. Отсылая за подробностями к курсам анатомии и физиологии человека, а также к специальным трактатам, пункты один, два и три я затрону весьма кратко и лишь с тех сторон, которые нужны мне для выяснения моих непосредственных задач, т.е. для выяснения функций голода в области поведения людей и социальных процессов⁵².

⁵² Некоторые чересчур рьяные защитники автономии социологии от других наук, пожалуй, возразят, что как все эти вопросы, так и Введение не нужны и излишни. Отвечаю на это, что они, как отправной пункт, необходимы. Автономия биологии ничуть не мешает всем ее дисциплинам опираться и ссылаться на данные физики и химии, и в этом стремлении биологи не только не видят ничего зазорного, но всемерно стараются довести его до максимума. Так же обстоит дело и с отношением социологии к биологии. Игнорирование данных биологии обычно ведет социологов-«автономистов» к тому, что они обосновывают свои теории на одной фантазии. Я не поклонник таких приемов.

Глава первая

ИЗМЕНЕНИЕ СТРОЕНИЯ, ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ И ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ОРГАНИЗМА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ КОЛИЧЕСТВА И КАЧЕСТВА ПОГЛОЩАЕМОЙ (И УСВОЯЕМОЙ) ПИЩИ, В ЧАСТНОСТИ – ПРИ ГОЛОДАНИИ

1. ИЗМЕНЕНИЕ СОМАТИЧЕСКОГО^{1*} СТРОЕНИЯ ЖИВОТНЫХ ПОД ВЛИЯНИЕМ ИЗМЕНЕНИЯ ПИТАНИЯ

Характер движений любой машины зависит прежде всего от ее строения. Меняется строение машины – меняются и ее движения, и тем сильнее, чем *ceteris paribus*^{2*} резче изменение. То же самое справедливо и по отношению к организму, в частности – к человеку (если человек потеряет руку или ногу, характер его движений – поведения – неизбежно будет иным), и по отношению к любому изменению организма – его скелета, мускулатуры, секреторных органов, нервной системы и т.д.

Отсюда вывод: одной из независимых переменных, функцией которых является характер поведения людей, а через это и характер социальных процессов, служит строение организма. Изменение последнего влечет за собой изменение поведения, это последнее, будучи массовым, – прямо или косвенно – вызывает изменение и социальных процессов.

Спрашивается: *не зависит ли деформация строения организма от количества и качества поглощаемой им пищи?* С колебаниями последних не меняется ли и первое? Несомненно, меняется. Это значит, что варьирование количества и качества пищи является одной из независимых переменных (одной, ибо изменение строения организма – функция многих переменных: наследственности, температуры, света и т.п.) варьирования строения организма; через него – варьирования поведения, через последнее – в случае массового варьирования – независимой переменной и социальных процессов. Эти положения несомненны, если только доказано, что с варьированием количества и качества пищи изменяется строение организма.

Доказано ли это? Да, доказано. Из множества соответствующих наблюдений и опытов приведу лишь некоторые. За подробностями отсылаю к цитируемым работам.

Еще Дарвин отмечал зависимость целого ряда морфологических признаков – например цвета канарейки – от питания. Пикте «показал, что путем питания гусениц непривычною для них пищею можно вызвать сильнейшую изменчивость их (морфологических) форм» (величины, цвета окраски, половых признаков, etc). По Де Фризу, «флуктуирующая вариация представляет собою явление, всецело относящееся к области физиологии питания». То же самое, экспериментируя над простейшими, констатировали Дженнингс и др.¹ «Hoffman, производя опыты над бабочками, убедился, что под влиянием нарушенного питания у них изменяются строение и окраска крыльев и другие особенности, которые передаются даже по наследству. Пикте применял особый вид кормления для бабочек из семейства *Osneria dispar* и добился изменения их окраски и передачи его потомству»². «В зависимости от рода пищи разных зоологических видов наблюдается большое разнообразие особенностей строения отдельных частей пищеварительного канала» (формы клюва, зубов, желудка и т.п.). Зависимость этих морфологических признаков от рода пищи экспериментально доказали Хольмгрен и А. Данилевский. Кормя голубей исключительно мясом, они добились почти полного превращения их в хищников. Мускулатура желудка, хорошо развитая у зерноядных птиц, атрофировалась, слизистая оболочка из роговой стала железистой, и, что особенно интересно, изменился даже характер птиц: они сделались злыми, раздражительными, с жадностью хватали пищу и т.д.³ Целый ряд опытов говорит о подобных изменениях строения организма в зависимости от пищи, в частности секреторных органов, которые сказываются на определении пола организма. Например, «дафнии, размножающиеся партеногенетически»⁴, при хорошем питании выводят самок, при плохом – самцов. Landois убедился, что хорошее питание способствует лучшему определению пола, голодание влечет за собой недоразвитие половых органов, т.е. органов размножения». «Многие энтомологи (Gentry, Treat) пришли к выводу, что плохо кормленные гусеницы бабочек дают только самцов. Шульце убедился, что у гидры голодание способствует раннему половому созреванию и развитию мужских половых признаков. Marshall нашел, что у двукрылых плохое питание способствует появлению самцов в последующей генерации. По мнению Юнга, животная пища благоприятствует появлению самок»⁴. Опыты Gedda и Thomson'a показали, что, выйдет ли из яйца пчела-царица или неоплодотворенная самка-работница, зависит от количества пищи. Из 100 головастиков при нормальном питании получается

¹ Гольдшмидт Р. Основы учения о наследственности. СПб., 1913, с. 49–62. Там же см. таблицы и фотографии.

² Латинский М.Н. О развитии личности у женщин. Киев, 1915, с. 51–52.

³ Колдаев Б. Физиологическая приспособленность пищеварительного канала к роду пищи // Природа. 1916, № 9. См. также: Пауштин В.В. Цит. соч., с. 699.

⁴ Латинский М.Н. Цит. соч., с. 51–52.

43 самца и 57 самок, при усиленном – 22 и 78, при роскошном получается 81 и даже 92 самки⁵. Множество таких опытов произведено и над млекопитающими. Henseler ставил их над свиньями. Они находились в одинаковых условиях, но питались по-разному: нормально, обильно и недостаточно. Через 199 дней между голодающими и откармливаемыми свиньями выявился ряд различий в строении и поведении; откармливаемые за это время прибавили в весе с 17 до 140 килограммов, голодающие – с 12,5 до 23,5 килограмма, они резко различались по величине и по строению черепа (откармливаемые имели круглую, широкую голову, голодающие – длинную, узкую) и т.д.⁶

Опыты Осборна и Менделя, Галлибертона и Друммонда, Даниэлса и Никольса, у нас Палладина показали, что в случае отсутствия в пище витаминов, или «факторов роста» (по терминологии Палладина), рост животных приостанавливался и прекращался. Они недоразвивались⁷.

Emma Kohmann экспериментировала над крысами и получили такие итоги: при недостаточном введении белка рост крыс приостанавливается, вес падает на 30–33% за 9–10 недель, на 46% – за 16 недель, изменяется состав тканей организма, через 3 недели такого питания появляются отеки и т.д. С увеличением белка в пище эти явления исчезают⁸. Сходные результаты были получены Б.И. Словцовым. «Прибавление фосфатного белка (из молока) к пище влияет особенно резко на рост зубов». «У более молодых животных оно может способствовать и росту длинных трубчатых костей». «Заметно влияние на кроветворные органы». «Количество золы в длинных трубчатых костях становится больше». «Обызвестление костей идет более энергично»⁹.

Подобные факты хорошо известны животноводам, которыми был проведен ряд опытов. «К факторам, производящим глубокие изменения в организме животных, следует причислить корм. Обильное и скудное питание в молодости – весьма важный фактор изменчивости животных, значение которого недостаточно оценено и изучено до сих пор»¹⁰. Приведу два-три опыта. Вольни одного козленка долго поил молоком, другого рано перевел на растительный корм. Обнаружились следующие различия в объеме различных отделений желудка и длине кишечника:

⁵ Бехтеев В.М. Значение гормонизма и социального отбора в эволюции организмов // Природа. 1916, № 10.

⁶ Henseler. Untersuchungen über den Einfluss der Ernährung auf die morphologische und physiologische Gestaltung des Tierkörpers // Kühn-Archiv. 3 Bd., 1913, S. 243–361.

⁷ См. указанные выше статьи Палладина, Кольцова, Осборна и др.

⁸ Kohmann E. The Experimental Production of Edema as Related to Protein Deficiency // American Journal of Physiology. 1920, vol. 51, № 2 (цит. по «Реферативному медицинскому журналу». 1920, декабрь, с. 17).

⁹ Словцов Б.И. Влияние фосфатного белка на рост и развитие костей // Русский врач. 1916, т. 15, с. 121–128.

¹⁰ Чирвинский Н.П. Общее животноводство. СПб., 1913, с. 239.

	У козленка, получавшего растительный корм	У козленка, поенного молоком
Объем рубца и сетки	6910 куб. см	3150 куб. см
Длина всего кишечника	22,1 м	19,37 м

Собственные опыты Чирвинского над ягнятами, хорошо и плохо питаемыми грубым кормом, через 15 месяцев дали такие результаты. У плохо питаемых «общая длина кишечника в 44–51 раз превосходила длину туловища, а у хорошо питаемых – только в 33–38 раз». «Различия в объеме желудка были еще значительнее». У первых на 1 кг веса тела приходилось 270 куб. см объема желудка, у вторых – 800–900 куб. см, т.е. в 3 раза больше¹¹. Изменяются не только органы питания, но и другие. «При обильном кормлении животных в молодости значительно ускоряется рост костяка», варьируются кости и даже череп овец, по опытам Чирвинского, и свиней, по опытам Натузиуса и др.¹² Изменяется и состав тканей, и не только у непосредственно испытуемых особей, но и у их потомства. Опыты Пашутина над собаками показали, что при небольшом уменьшении пищи (от 1/10 до 1/3) и при не слишком продолжительном голодании перед зачатием и во время беременности состав тканей потомства изменялся: ткани делались водянистыми, количество плотных частей организма падало с 23,4 до 18,5%, уменьшалось количество жира и т.д.¹³

Приведенных фактов достаточно, чтобы признать, что *изменение количества и качества пищи, поступающей в организм животного, влечет за собой изменение строения последнего*. Это явление, как видим, имеет место на всей животной лестнице, начиная с низших и кончая млекопитающими.

2. ИЗМЕНЕНИЕ СОМАТИЧЕСКОГО СТРОЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА ПОД ВЛИЯНИЕМ ПИТАНИЯ

Приведенные факты изменения строения организма животных под влиянием питания дают основание предполагать, что то же явление имеет место и у человека. Многочисленный ряд исследований и наблюдений вполне подтверждает это предположение. Начнем с органов питания.

¹¹ Там же, с. 240–242.

¹² Там же, с.244–258. Там же см. фотографии. Ряд аналогичных данных см. в: Кельнер О. Кормление сельскохозяйственных животных. Киев, 1912, с. 488–489, 614, 621, 629, 657–658 и 520–691.

¹³ Пашутин В.В. Цит. соч., с. 1591 и сл. См. также ряд опытов, описанных у Кельнера и Чирвинского и ряд др. фактов у Apert'a (op. cit., гл. VIII–IX) и S. Morgulis'a (Studies of Inanition in its Bearing upon the Problem of Growth // Archiv für Entwicklungmechanik der Organismen. 1913, Bd. XXXII, S. 200–205).

Изменение органов питания

Если обычная пища человека или целой группы людей груба, тверда, жестка и пищевые объекты весьма часто употребляются ими в сыром виде, то согласно нашему предположению у такого человека или у целых групп, имеющих такое питание, раз они не гибнут, должны быть *сильно развитые челюсти и зубы*, позволяющие им размельчать, дробить и приводить в более или менее усвояемую форму эту грубую пищу. У групп, имеющих на протяжении ряда поколений более легкую и менее жесткую и грубую пищу, эти органы не нуждаются в таком развитии.

Если сравнить с этой точки зрения развитость этих органов у так называемых первобытных и диких народов, с одной стороны, и у «культурных» народов – с другой, то приоритет придется отдать первым. Если сравнить пищу тех и других, то по степени жесткости, грубости и плохой усвояемости пищи несомненный приоритет принадлежит опять-таки им же. Ряд исследователей, в том числе и Г. Спенсер, правильно указывали, что развитость зубов и челюстей у диких народов «находится в связи с употреблением грубой пищи, твердой, жесткой, нередко сырой»¹⁴.

То же самое явление мы обнаруживаем и в мире животных: их зубы и жевательный аппарат находятся в соответствии с характером их пищи: у травоядных они имеют одно строение, у плотоядных – другое.

Количество, качество и характер пищи влияет (если не прямо, то косвенно) и на строение пищеварительных органов человека, в частности желудка и кишечника. Нерегулярность питания дикарей, частая смена голодания обжорством и поглощением огромного количества пищи – способность, в этих условиях благоприятствующая выживанию¹⁵, – ее низкое качество, требующее поглощения огромных доз, раздувание органов пищеварения газами от такой пищи и т.п. –

¹⁴ Спенсер Г. Основание социологии. СПб., 1898, т. I, с. 28. Waitz T. Anthropologie. Leipzig, 1877, Bd. I, S. 109–110; см. также: Ранке И. Человек. СПб., 1901, т.1–2; Spencer B., Gillen F. The native tribes of Central Australia. London, 1904, ch. II.

¹⁵ См. об этом: Спенсер Г. Цит. соч., с. 29. «Путешественники, – говорит Вестермарк, – часто с удивлением отмечали то необъятное количество пищи, которое нецивилизованные народы способны поглощать». Австралийцы нередко едят непрерывно целый день. Пржевальский пишет, что монгол за один присест может съесть до 10 фунтов мяса, а за 21 час – целого хорошо упитанного барана. Врангель описывает, что якуты за сутки съедали в 6 раз больше рыбы, чем все участники его экспедиции. Пятилетний якут в присутствии Кохрена съел сразу 3 сальные свечки, несколько фунтов прогорклого мерзлого мяса, большой кусок желтого мыла. Некоторые тунгусы съедали за сутки до 40 фунтов мяса. Еуге пишет, что его спутник, австралиец, за одну ночь съел до шести с половиною фунтов вареного мяса, не считая костей. По подсчетам Ross'a, эскимос кроме яиц, раковин и растительной пищи поглощает в год не менее 645 фунтов рыбы и 748 фунтов мяса и жира и т.д. См. также: Westermarck E. The origin and development of the moral ideas. London, 1908, vol. II, p. 290–293; Waitz T. Anthropologie der Naturvölker. Leipzig, 1877, Bd. I, S. 131–132.

все это должно способствовать сильному развитию, удлинению и увеличению объема этих органов у таких народов. Косвенные доказательства, по-видимому, подтверждают это положение. Исследователи диких народов часто отмечают, что у них «отвислый», «вздутый», «сильно выдающийся» живот. «Камчадалов описывают как людей с отвислым животом... О бушменах Барро говорит, что у них животы выдаются чрезвычайно. Швейнфурт говорит об огромном вздутом животе у представителей племени акка; описывая ведда, Теннент упоминает о вздутых животах их детей. Гальтон упоминает, что дети у дамара обладают страшно вздутыми животами» и т.д.¹⁶ «Весьма характерная черта всех молодых детей австралийцев – это сильно выдающийся живот»¹⁷. Если частично эта вздутость, отвислость, выпуклость живота может быть объяснена распираем его газами (хотя здесь и нет привычки задерживать их), то едва ли мы будем далеки от истины, если отнесем их по большей части за счет увеличения объема желудка и удлинения кишок у дикарей, вызванных их пищевым режимом. Изменение последнего в сторону улучшения качества и уменьшения количества у культурных народов должно было повлиять и фактически повлияло в обратном направлении (кроме случаев ожирения среди них, вызванного опять-таки избыточным питанием)¹⁸.

Питание и рост

Не только строение органов питания зависит от количества и качества пищи, но и ряд других соматических характеристик человеческого организма и их изменения связаны с этим фактором. Одной из них является *рост*, или *высота* организма. А так как величина роста зависит от величины *костяка*, то *зависимость роста означает и зависимость целого ряда морфологических признаков организма от исследуемой независимой переменной*. Конечно, величина роста – функция не только характера питания данного организма в молодые годы и питания его предков, но и ряда других условий. Но питание среди них играет свою роль и, по-видимому, роль весьма значительную.

К такому выводу приводят прежде всего недавние, уже упоминавшиеся опыты Осборна, Менделя, Галлибертона, Друммонда, Палладина, Джексона, Mc-Callum'a, Davis'a и других.

¹⁶ Спенсер Г. Цит. соч., с. 27–29.

¹⁷ Spencer B., Gillen F. Op. cit., p. 36.

¹⁸ Подтверждением этого положения является и тот общеизвестный факт, что кишечник плотоядных животных короче по длине, чем у травоядных, вынужденных поглощать огромные количества растительной пищи. Не будет удивительным, если окажется, что некоторое изменение претерпело за эти годы и строение пищеварительных органов граждан РСФСР, набивавших свой желудок большими дозами малопитательных продуктов.

Из их опытов следует, что отсутствие в пище, вполне достаточной и доброкачественной во всех других отношениях, «жирового фактора А» (по терминологии Палладина), не имеющегося ни в растительных маслах, ни в свином сале, но содержащегося в молоке, рыбьем жире, сливочном масле и т.п., – отсутствие его в пище тормозит рост мышей, крыс и других животных, над которыми производились эксперименты. Когда их кормили пищей, лишенной этого элемента, их рост приостанавливался. Когда же его подача возобновлялась – животные снова начинали расти и достигали нормальных размеров¹⁹.

С полным на то правом ученые, проводившие эти эксперименты, распространяют сделанные ими выводы и на человека, связывая их с деятельностью органов внутренней секреции. Рост и формирование костяка зависят от деятельности последних, а сама эта деятельность – от количества и качества химических тел, поступающих в организм в виде еды и питья. Если в них отсутствуют нужные соли, витамины, липоиды и аминокислоты, то органы внутренней секреции перестают функционировать нормально, а из-за этого деформируется и строение костяка и организма, в частности приостанавливается или замедляется рост. Так, из-за «питьевой воды (ненормального химического состава) изменяется еще внутриутробно щитовидная железа, вследствие чего получается уродство скелета (черепа, длины костей) и нервных центров вплоть до идиотизма (кретинизма). Жители Восточной Сибири, подвергшиеся влиянию недоброкачественной воды, приобрели уродливости скелета, выражающиеся в укорочении трубчатых костей»²⁰. По той же причине возникают симптомы базедовой болезни, микседемы^{4*} и другие резкие изменения в строении организма²¹.

Нетрудно понять, что питание целых групп населения нередко бывает неудовлетворительным с этой точки зрения. Не говоря уже о эпохах исключительных голодовок вроде нашей, когда помимо количественной и качественной недостаточности пищи оно наверняка не имеет достаточной дозы витаминов, липоидов или «факторов роста» (как много у нас людей, которые месяцами не имели молока и сливочного масла ни для себя, ни для своих детей или имели их в ничтожном количестве), но даже и в нормальное время пища бедняков часто в этом отношении неудовлетворительна. Это обычно маргарин и растительные масла или сало, и редко когда сливочное масло. В ней мало белков и жиров животного происхождения²², растительные продукты далеко не всегда доброкаче-

¹⁹ Цифровые данные и кривые роста см. в указанных работах Палладина, Осборна и др.

²⁰ Латинский М.Н. Цит. соч., с. 51.

²¹ О роли внутренней секреции в деле формирования соматического строения организма, в появлении аномалий и о ее влиянии на рост см.: Немилев А.В. Гормоны; Кольцов Н.К. Цит. соч., а также труды Glay, Биддла и др. (там же – подробности, фотографии и рисунки).

²² См. указанные выше работы Grotjahn'a и др. о питании бедных классов.

ственны и т.п. Словом, с этой точки зрения питание бедняков часто весьма дефектно; по сравнению же с питанием богатых слоев общества оно вообще всегда хуже.

Если верны эти предпосылки, то есть: 1) что рост зависит от питания, в частности от наличия в пище «жирового фактора роста», и 2) что питание бедных слоев часто дефектно в этом отношении, – то отсюда следует, *что средний рост у бедняков определенной расы, пола и возраста должен быть ниже, чем рост у богачей той же расы, того же пола и возраста.*

Еще чаще указанные дефекты питания встречаются у дикарей, живущих среди скудной природы, часто голодающих, имеющих однообразную и бедную «жировым фактором роста» пищу. Поэтому согласно сформулированному предположению *рост их должен быть низким.*

Наконец, отсюда же следует, что *при увеличении благосостояния населения, а следовательно и улучшении его питания, средний рост поколений данного периода может несколько повыситься по сравнению со средним ростом поколений того же народа, живших в периоды менее благоприятные. И наоборот.*

Таковы выводы, следующие из последних открытий биологии.

Подтверждаются ли они при проверке? Полагаю, что да. Из множества соответствующих фактов и измерений приведу лишь некоторые, отсылая за подробностями и другими данными к указываемым работам.

Начнем с роста дикарей. Связь между поразительной малорослостью ряда диких народов или низших, наиболее бедных слоев одного и того же дикого народа и их скудным питанием была подмечена уже давно. «Когда указывают на различие в росте, существующее между вождями полинезийцев и представителями их низших классов, между жителями вулканических, плодородных островов и бесплодных коралловых островов [Тихого] океана или между фиджийцами востока и запада, где условия жизни сильно отличаются друг от друга, то невольно напрашивается вывод, что качество пищи и уровень благосостояния влияют на рост», – писал еще Дарвин²³.

Г. Спенсер также останавливал внимание на низком росте ряда диких народов. Таковы чинуки, шошоны, гвианские индейцы, арауканы, эскимосы, лапландцы, камчадалы, огнеземельцы, андаманцы, ведда, бушмены, акка^{5*} и т.д., средний рост которых колеблется от 4 до 5 футов, редко достигая 5 футов и 5 дюймов. Эту малорослость Спенсер ставит в связь с их скудным питанием и неблагоприятной средой обитания. «Поразительная малорослость эскимосов и лапландцев может зависеть отчасти от высокой физиологической стоимости их жизни, обусловленной суровым климатом... То же самое можно сказать и о

²³ Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор. СПб., 1871, т. I, с. 126 (цитирую за неимением сейчас под рукой книги Дарвина по: *De Greef G. La structure générale des sociétés. Paris, 1908, vol. I., p. 105).*

бушменах, скитающихся по стране, столь обнаженной, сухой и безводной, что она не может служить обиталищем ни для каких человеческих существ; и в данном случае также можно предположить, что хронические голодания послужили причиной снижения среднего роста»²⁴. Ряд данных того же рода приводит Waitz и среди причин тоже указывает скудное питание. Так, индейцы одного и того же племени, но живущие в разных по обилию пищи областях Америки, и по силе, и по росту значительно отличаются друг от друга. Целый ряд народов (Takhalis на севере Новой Каледонии, дикари-рыболовы в Колумбии, Paiuches Северного Колорадо, шошоны и др.), живущих в скудных областях и плохо питающихся, отличается низким ростом. «Рост эскимосов колеблется в зависимости от богатства места их обитания». «Якуты, живущие в долинах южной стороны гор в довольствии, имеют рост от 5 футов 10 дюймов до 6 футов 4 дюймов, хорошо сложены и сильны, тогда как северные якуты ниже среднего роста, слабы и имеют нездоровый цвет лица. Такое же различие наблюдается и между чукчами-оленоводами и чукчами побережными, уступающими в этих отношениях первым». И у арабов наблюдается точно такая же связь питания и роста: плохо питающиеся группы последних (например те, что живут южнее Дамаска) меньше ростом, чем, например, некоторые группы феллахов и т.д.²⁵ На ту же связь указывает и Peschel. У кафров средний рост членов правительственных семейств на 110 мм выше среднего роста кафров подчиненных, рост бушменов, живущих в плодородной области, значительно выше среднего роста бушменов, вообще очень низкого, и т.д.²⁶ Рост представителей низших каст Индии, равный в среднем 163,4 см, по сравнению с ростом представителей средних каст той же расы, составляющим 164,6 см (измерено было около 3 тысяч человек), оказался также ниже²⁷.

Не стоит приводить дальнейшие данные, поскольку уже из сказанного видно, что и второе наше предположение подтверждается.

Конечно, не все «дикари» низкорослы, ибо не все они плохо питаются, и к тому же питание не единственный фактор роста²⁸. Но эксперименты, проведенные биологами, плюс указанные факты, число коих можно весьма и весьма увеличить, вместе с нижеследующими данными делают весьма вероятной связь между характером питания и ростом.

²⁴ Спенсер Г. Цит. соч., т. I, с. 25–26.

²⁵ Waitz T. Op. cit., S. 67–69.

²⁶ Peschel O. Völkerkunde. Leipzig, 1881, S. 85–87.

²⁷ См.: Crooke. The tribes and Castes of the North-Western provinces. Calcutta, 1896. У представителей разных слоев индо-арийцев, например у раджутов Уйдапура и шудр Пенджаба^{6*}, в силу различных социальных условий, в частности различия питания, рост также неодинаков: у первых он несколько выше. См.: The imperial gazeteer of India. Oxford, 1907, vol. I, p. 292–294.

²⁸ Например, люди из группы Warramunga выше людей племени Arunta (и те и другие – австралийские аборигены), хотя условия питания первых не лучше, а скорее хуже, чем у вторых. См.: Spencer B., Gillen F. Op. cit., p. 57–59.

Что касается сравнительного роста лиц одной и той же расы, одного возраста и пола, но различающихся по степени благосостояния и питания, то весьма многочисленные измерения показали, что богатые и лучше питающиеся слои населения в среднем более высокого роста, чем слои бедные и хуже или плохо питающиеся. Исследований на эту тему существует множество. Предпринимались они с разными целями. Во-первых, многочисленные измерения роста новобранцев показали, что рост новобранцев одной расы, но более бедных (из бедных округов, бедных и плохо оплачиваемых профессий и т.д.) ниже роста богатых новобранцев²⁹. Общий вывод многочисленных измерений роста солдат и новобранцев Франции, Германии, Италии, Швейцарии, США и частично России состоит в том, что рост падает по мере перехода от богатых к бедным одной и той же расы.

Так, по Livi, средний рост итальянских новобранцев (измерено 256166 солдат) оказался: у учащихся – 166,9, у мелких торговцев – 165,0, у крестьян, ремесленников и рабочих – от 165 до 164,3. Рост французских новобранцев (по Longuet): учащихся – 168,7, чиновников и служащих – 167,4, коммерсантов и негодантов – 165,1, рабочих – 164,4. Рост испанских новобранцев (по Olóriz'u)³⁰: либеральных профессий – 163,9, рабочих – 159,8.

Помимо измерений новобранцев и солдат имеются многочисленные антропометрические измерения, произведенные со специальными целями. Не говоря уже об измерениях Villermé и Кетле³¹, можно назвать имена Roberts'a, Pagliani, Landsberger'a, Manouvrier, Collignon'a, Niceforo, Zampa, Gould'a, Marty и др. и сослаться на официальные английские, американские и итальянские издания – все эти исследования в общем приходят к выводу, что рост богачей выше роста бедняков того же возраста, пола и расы³². Причем названные авторы исследовали эту проблему с разных точек зрения.

²⁹ Цифры и данные см.: *Villermé L.* Memoire sur la taille del'homme en France // *Annales d'hygiene publique*. 1-er serie. Paris, 1829, vol. 1, p. 351–399; *Livi R.* Sullo sviluppo del corpo in rapporto con la professione. Roma, 1897; *Livi R.* Essai d'anthropométrie militaire // *Bulletin de l'Institut international de statistique*, vol. VII, livre 2; *Анучин Д.Н.* О географическом распределении роста мужского населения России. СПб., 1889, с. 15–16; *Carlier.* Les rapports de la taille avec le bien-être // *Annales d'hygiene*. 1892 (таблицы); *Longuet.* *Annales de demographie*. 1900; *Chalumeau.* Influence de la taille sur la formation des classes sociales. Genève. 1896; *Niceforo A.* Les classes pauvres. Paris, 1905, p. 73–74; *Bertillon J.* Taille // *Dictionary encyclopedique des Sciences médicales*; *Bertillon J.* La taille en France // *Revue scientifique*. 1885, 2-мè semestre, № 16; *Ammon O.* Die natürliche Auslese beim Menschen. Jena, 1893 и др.

³⁰ См.: *Oloriz.* La talla humana en España. Madrid, 1896.

³¹ См.: *Quetelet A.* *Physique Sociale*. 1869, ch. I, livre III.

³² См.: *Pagliani L.* Lo sviluppo umano per età, sesso e condizione. Milano, 1879; статью Roberts'a в «*Bulletin de l'Institut international de statistique*» (vol. VII. livre 1, p. 13–14); *Roberts and Rawson.* Final report of the Anthropometric Committee. London, 1884; *Landsberger.* Das Wachstum im Alter d. Schulpflicht // *Archiv für Anthropologie*. 1877, Bd. XVII; *Manouvrier.* Sur la taille de Parisiens // *Bulletins et Memoires de la societe d'Anthropologie de Paris*. 1888,

Одни измеряли и сравнивали рост жителей гор, более бедных и хуже питающихся, с жителями долин, более богатыми и питающимися лучше; другие – рост жителей более богатых департаментов с жителями более бедных областей, третьи – рост населения богатых кварталов с ростом населения кварталов бедных того же города, четвертые – рост разных, более бедных и богатых, профессий и групп и т.д. Более богатые слои – это, как правило, слои и лучше питающиеся. Большой рост их – функция многих условий, но в ряду их, как указывают большинство авторов, характеру питания принадлежит одно из самых главных мест. Из многочисленных данных и цифр я приведу лишь немногие, отсылая за дальнейшими к указанным работам. Бертильон, констатируя наличие двух разных по росту групп среди населения северо-восточной Франции, видит причину различия в разной степени их благосостояния³³. Мануври критерием бедности населения разных округов Парижа взял процент даровых могил на 100 погребений в разных округах. Самый низкий рост оказался в XX округе, где процент бесплатных могил оказался также выше. Рост падает, хотя и с отклонениями, по мере перехода от кварталов с наименьшим процентом даровых могил к кварталам с наибольшим процентом последних³⁴. Niceforo, изучивший рост 3147 детей Лозанны, получил следующие цифры³⁵:

Возраст (лет)	Мальчики		Девочки	
	обеспеченные	бедные	обеспеченные	бедные
7	120,0	116,1	–	–
8	126,2	122,5	123,3	119,5
9	129,9	123,9	129,6	124,4
10	134,2	128,9	135,2	129,7
11	135,2	134,2	137,4	134,1
12	140,5	138,8	142,9	140,1
13	144,4	140,5	148,2	146,5
14	150,1	146,2	152,6	146,4

р. 156–157; статьи R. Collignon'a в «Bulletin et Memoires de la societe d'Anthropologie de Paris» (1890, 1894 и 1895); *Niceforo A. Italiani del Nord e Italiani del Sud. 1901; Marty. Etude statistique sur l'influence de la profession... // Archiv de medecine et pharmacie militaire; Gould B.A. Investigations in the Military and Anthropological Statistics of American Soldiers. New-York, 1869; Анучин Д.Н. Цит. соч.; Niceforo A. Les classes pauvres. Paris, 1905; Lexis W. Anthropologie und Anthropometrie // Handwörterbuch des Staatswissenschaft Conrad'a. 1908, Bd. I., S. 535–536. В последних трех работах см. указания на дальнейшие исследования.*

³³ См.: *Bertillon J. Taille и La taille en France.*

³⁴ *Manouvrier.* Op. cit., p. 174–175.

³⁵ *Niceforo A. Les classes pauvres, p. 21.*

По исследованию Pagliani, рост детей в Турине оказался таким³⁶:

Возраст (лет)	Рост мальчиков	
	богатые	бедные
11	133,6	128,5
12	137,0	132,5
13	142,5	138,6
14	150,6	140,0
15	157,2	148,6
16	163,8	151,2
17	164,0	151,4

По данным Roberts'a, 10-летние дети богачей имели средний рост 135,7, бедняков – 128,3 см.

В 1905–1906 гг. в Глазго было измерено до 72000 школьников по весу и росту. Критерием благосостояния было взято число комнат в квартире родителей (признак, имеющий в Англии большое значение). Итог измерений был таков³⁷:

Число комнат в квартире	Средний рост мальчиков в дюймах в возрасте		
	5 лет	9 лет	13 лет
Одна	39,0	46,5	53,4
Две	39,9	47,6	54,1
Три	40,7	48,2	55,1
Более трех	41,7	48,9	55,8
	Средний рост девочек		
Одна	38,9	46,2	53,9
Две	39,8	46,9	54,8
Три	40,2	47,7	55,5
Более трех	41,0	48,6	56,4

Средний рост англичан разных профессий от 25 до 50 лет, по Roberts'у, оказался таким: у обеспеченных людей свободных профессий – 172,4, у торговцев и лавочников – 170,8, у рабочих, работающих на свежем воздухе, – 170,3, у шахтеров – 169,8, у рабочих, работающих в закрытых помещениях, – 169,6. Сводная таблица роста англичан, построенная им, такова³⁸:

³⁶ Pagliani L. Annali di statistica. 1878, p. 228.

³⁷ Webb A. The new Dictionary of statistics. London, 1911, p. 47.

³⁸ См.: Roberts Ch. The Physical Development of the Human Body // Manual of Antropology. 1878. Ряд других таблиц см. в: Mulhall M.G. The dictionary of statistics. London, 1903, p. 63–64.

Возраст	Аристократы и люди свободных профессий	Городские ремесленники
20	175,46	168,91
21–24	174,80	169,03
25–29	175,61	169,72
30–34	176,81	169,29
35–39	176,81	170,38
40–49	176,22	169,67
50–59	176,53	168,78
60–69	175,51	168,91

Во всех этих измерениях больший рост богачей объясняется, конечно, не одним питанием. Но различие питания этих слоев – один из главнейших факторов в ряду других, порождающих избыточность роста сытых групп.

Не приводя другие данные, на основании имеющихся измерений мы можем считать вторую дедукцию оправданной.

Наконец, имеется кое-какой материал, подтверждающий и третью дедукцию: рост поколений, родившихся и живущих в благоприятную экономическую эпоху, несколько повышается, в неблагоприятную – особенно у детей – понижается. Так, изучение роста новобранцев Швеции и Голландии показывает, что средний рост их увеличивается с повышением благосостояния³⁹.

Рост рекрутов в Голландии

Годы	ниже 1,55 м	1,70 м и выше
1866–1871	9,3%	24,8%
1872–1877	7,6	26,0
1878–1883	5,7	28,8

Аммон констатирует повышение роста новобранцев Германии 80–90-х гг. по сравнению с ростом новобранцев 40–50-х гг. и объясняет его ростом благосостояния, и в частности улучшением питания⁴⁰. И наоборот. В Германии за эти голодные годы войны «средний рост школьников уменьшился на два сантиметра»⁴¹. «Уменьшение питания во время последней войны не прошло без серьезного влияния на рост детей во Франции и Бельгии. Д-р Camescasse отметил, что в эти годы, когда хлеб выдавался детям по карточкам, их увеличение в весе и росте сильно уменьшилось и приостановилось». То же констатировали М. Demoor

³⁹ См.: Ануцин Д.Н. Цит. соч., с. 56; De Greef G. La structure Générale des Sociétés. Paris, 1908, t. I, p. 109–110.

⁴⁰ Ammon O. Die natürliche Auslese beim Menschen. Jena, 1893, S. 118–127.

⁴¹ Врачебное дело. 1 февраля 1921 (реферат доклада Л.А. Тарасевича).

и Dubois⁴². И в Петрограде средний рост детей 7–13 лет в 1920–1922 гг. оказался ниже роста детей этого возраста в нормальные годы. Это видно из нижеследующих данных о росте детей Петрограда в 1921–1922 гг., с одной стороны, из интернатов и детских домов, с другой – школьников, живущих вне интернатов. Измерено было 2000 детей. Измерения проводились кабинетом физического обследования при институте П.Ф. Лесгафта и любезно предоставлены мне Л.И. Чулицкой, которой и приношу глубокую благодарность. Рядом с этими данными я помещаю те, что были получены до революции. Заграничных данных не привожу (часть их указана выше), но для большинства европейских стран показатели выше, чем для России.

Возраст (лет)	Данные 1921–1922 гг.		Воспитанники приюта принца Ольденбургского (исследование Вяземского) ⁴³	Данные д-ра Боров[ского] ⁴⁴ для Петрограда	Петроградский уезд	Данные Магвеева (Петроград)	Московские школы	Дети фабричных рабочих Москвы
	Интерны	Экстерны						

Средний рост мальчиков

7	105,9	112	—	118	113,1	115,8	113,1	—
8	112,8	115,8	—	118,5	116,32	120,5	116,32	—
9	117,4	122,5	—	122,9	121,04	123,3	121,04	—
10	121,8	126,5	132,0	126,8	125,9	127,0	125,91	125,09
11	126	129,5	133,4	130,4	129,5	128,9	129,56	128,97
12	131,8	134,5	138,2	132,01	134,05	134,2	134,05	133,74

Средний рост девочек

7	111	110,5	—	112,06	112,6	118,6	—	—
8	116	115,5	—	118,59	116,7	122,6	119,2	—
9	116,9	117,5	—	121,58	121,31	126,8	123,3	—
10	119	125,0	—	124,93	125,53	131,2	127,2	—
11	122,6	130,8	—	129,26	128,98	135,0	131,7	—
12	128,6	135	—	133,73	134,65	136,5	135,6	—

⁴² *Apert. Op. cit.*, p. 91.

⁴³ См.: *Вяземский Н.В.* Изменения организма в период формирования. СПб., 1901, т. I, с. 66.

⁴⁴ Д-р Боров[ский] исследовал детей городских училищ, т.е. детей в общем беднейших классов. Исследования же детей из слоев, питающихся лучше (Вяземского, Груздева), дают показатели более высокие.

Эта таблица говорит о том, что:

1) дети наших голодных годов отстают в своем росте от детей предыдущих лет даже бедных слоев тех же мест и того же возраста. Особенно велика отсталость в периоде 7–9 лет. По сравнению же с ростом детей того же возраста других мест России в дореволюционные годы (Тамбов, Воронеж, Одесса – данные их я не привожу здесь), а тем более детей Запада и Америки, отсталость еще больше;

2) дети интернатов и детских домов сильно отстают в росте от детей-школьников, живущих вне интернатов. Исследование показало, что процент цинготных и лиц с плохим лимфатическим аппаратом и т.д. значительно выше среди первых, чем среди вторых. Это свидетельствует о дефицитности питания первых. А следовательно, одной из причин их меньшего роста приходится считать питание. (Наряду с ним, конечно, имеются другие причины, в частности явления, лежащие в области половой жизни. С этой точки зрения цифры эти – плохая рекомендация наших детских домов и интернатов.);

3) с 10 лет у «экстернов» мы видим компенсационный усиленный рост, который, однако, в период с 15 до 17 лет опять отстает, и не только от роста воспитанников приюта принца Ольденбургского, но и от роста детей московских рабочих, исследованных Дементьевым.

Известно, далее, что «многие из французов, зачатых и родившихся в Париже во время его осады и сильного голода в 1870–1871 гг., отличались (по статистическим данным военного набора 90-х гг.) малым ростом». Им было дано даже специальное название: *les enfants de siècle*^{45/7*}. «Посты наши, даже не особенно строго выполняемые, вызывают все-таки заметное проявление голодания: молодые замедляются в своем росте»⁴⁶.

Совокупность всех этих данных заставляет признать вполне правильными слова Топинара: «Высота роста может быть рассматриваема как критерий питания и его эффектов, удержанных и аккумулированных организмом»⁴⁷.

Если под влиянием питания процесс роста испытывает изменения, то это значит, что под его воздействием меняется и целый ряд других признаков организма, связанных с костяком⁴⁸.

⁴⁵ Тарасевич Л.А. Голодание // Энциклопедический словарь Гранат. СПб., 1912, т. 15, с. 345–351.

⁴⁶ Пауштин В.В. Курс общей и экспериментальной патологии. СПб., 1902, т. II, с. 800.

⁴⁷ Topinard P. *Anthropologie générale*. Paris, 1885, p. 416, 428; цит. по: Niceforo A. *Les classes pauvres*, p. 295 (там же – p. 291–292 – см. правильные соображения последнего по данному вопросу).

⁴⁸ Данные Л.И. Чулицкой, относящиеся к 2000 петроградских детей 1921–1922 гг., говорят, что более чем у 50% из них скелет ненормален. Процент сколиозов превышает все имеющиеся данные прежних времен (кроме Ванновского). Процент нормальных конечностей ничтожен в дошкольном возрасте (рахит, etc).

Я не буду подробно останавливаться на них. Ограничусь лишь самыми краткими замечаниями (ибо подробная трактовка этих вопросов увела бы меня далеко в сторону).

Характер питания и объем грудной клетки

Опыты биологов и животноводов (Натузиуса, Henseler'a, Чирвинского и др. – см. выше) над животными показали, что под влиянием питания меняются не только величина и быстрота роста их костяка, но и ряд других черт, вплоть до строения черепа. Естественно предположить, что аналогичное явление имеет место и у людей. Действительно, антропометрические измерения объема грудной клетки (при полном выдохе и вдохе) представителей богатых и бедных слоев одной расы, пола и возраста показывают, что в среднем у первых этот объем больше. Опять-таки я не утверждаю, что это различие вызвано исключительно различием питания тех и других. Но в ряду факторов и оно занимает одно из мест.

Приведу для иллюстрации и подтверждения лишь некоторые данные, отсылая за последними к указанным выше работам.

По данным Niceforo, объем груди (при выдохе) у исследованных им 3147 детей Лозанны оказался таким (у мальчиков)⁴⁹:

Возраст (лет)	Богатых	Бедных
7	56,4	55,4
8	57,1	57,0
9	58,7	58,1
10	60,1	59,6
11	60,9	62,9
12	64,6	63,6
13	65,7	64,5
14	69,6	66,6

По данным Pagliani, объем вдыхаемого и выдыхаемого воздуха таков⁵⁰:

Возраст (лет)	Богатых	Бедных
11	1717	1580
12	1868	1860
13	2022	1980
14	2305	2025
15	2870	2380
16	3060	2485

⁴⁹ Niceforo A. Les classes pauvres, p. 25.

⁵⁰ Lexis W. Op. cit., p. 538; см.: Livi R. Antropometria militare. Rome, 1896.

Кроме 11-летних мальчиков, показатели богатых и лучше питающихся детей всюду выше. Больше в общем оказалась и глубина выдоха первых.

Характер питания и строение черепа

Опыты над животными показали, что характер питания влияет и на строение головы и черепа⁵¹. Ряд антропометрических измерений головы богатых и бедных говорит о том, что то же наблюдается, по-видимому, и у человека. Эти измерения показывают, что окружность черепа, высота лба и вероятный вес головного мозга у богатых больше, чем у бедных той же расы, пола и возраста.

По данным Niceforo, соответствующие цифры таковы⁵²:

Возраст (лет)	Окружность головы		Высота лба		Вероятный вес головного мозга	
	богатые	бедные	богатые	бедные	богатые	бедные
10	528,0	523,3	52,3	50,4	1334,58	1326,75
11	533,0	524,8	53,7	50,8	1352,88	1335,45
12	535,5	524,9	56,2	52,9	1358,07	1335,45
13	536,4	528,6	55,3	53,1	1358,07	1335,45
14	541,8	528,4	56,9	54,8	1371,12	1337,19

По данным Matiegka, средний вес мозга у поденных рабочих (journaliers) составляет 1410 гр. (14 измерений), у рабочих и каменщиков (34 измерения) – 1433 гр., у портье и стражи (14 измерений) – 1436 гр., механиков (123 измерения) – 1450 гр., у предпринимателей, торговцев и музыкантов (28 измерений) – 1468, у докторов и профессоров (22 измерения) – 1500 гр.⁵³

Сходные результаты дают измерения, произведенные Peacock, Boyd'ом, Parchappé'ом, Lacassagne и Cliquet, Le Bon'ом, Crooke'ом (над разными кастами Индии) и др.⁵⁴ Если эти результаты являются общими и безошибочными, то они прямо подтверждают итоги указанных опытов над животными. С учетом доказанной связи между резкими отклонениями от нормы строения черепа, например при кретинизме, и расстройством деятельности органов внутренней секреции (а деятельность их, как указано выше, зависит от характера химических элементов, поступающих в организм) мы на основе этих трех разрядов факторов: экспериментального изменения строения головы животных под влиянием питания,

⁵¹ См.: Чирвинский Н.П. Цит. соч., с. 244–258; Кельнер О. Цит. соч., с. 488–691; Henseler. Op. cit. Фотографии см. у Чирвинского.

⁵² Niceforo A. Op. cit., p. 33–37.

⁵³ См. статью Matiegka в «Revue Scientifique». 1903 (цит. по: Niceforo A. Op. cit., p. 37–38).

⁵⁴ О них см.: Niceforo A. Op. cit., p. 37–38, 81–82; Lexis W. Op. cit.

антропометрических измерений головы богачей и бедняков, т.е. лиц, хорошо и плохо питающихся, и исследований органов внутренней секреции – можем считать вероятной деформацию строения головы и черепа под влиянием питания.

Питание и вес организма

Общеизвестна связь между питанием и весом: хорошее питание влечет за собой увеличение веса, плохое – его уменьшение. При дефицитном голодании организм, не получая достаточного количества пищи или не будучи в состоянии усвоить неудовлетворительную пищу, начинает есть себя самого, жить за счет своих запасов и органов.

По данным Фойта, кот, умерший от голода, потерял 98% первоначального веса жира, 66,7% селезенки, 53,7% печени, 40% половых желез, 30,5% мышц, 27% крови, 25,9% почек, 20,6% кожи, 18% пищевых труб, 17,7% легких, 17% поджелудочных желез, 13,9% костей, 3,2% нервной системы, 2,6% сердца⁵⁵. Сходное явление наблюдается и у человека. Д-р Таннер, голодавший 40 дней, потерял 36 фунтов веса. Проф. Marsh и его жена, голодавшие 3 недели, Сукки, голодавший под наблюдением проф. Лучиани 30 дней, и др. – все они значительно потеряли в своем весе⁵⁶. В последние годы это явление наблюдали на себе многие недоедавшие жители РСФСР. И здесь сначала расходуется жир и другие «запасы» организма, затем – органы, не столь важные для сохранения жизни; меньше и позже всего идут на «топливо» сердце и нервная система, без которых организм жить не может. Впрочем, иногда уменьшение веса при голодании не замечается или оно не столь значительно, как можно было бы ожидать. Такие случаи чаще всего объясняются увеличением воды в организме, частично покрывающим потери веса.

Отсюда легко понять, что вес представителей хорошо питавшихся и питающихся социальных слоев должен быть в среднем больше веса представителей тех слоев, которые питаются плохо (той же расы, пола и возраста). Существующие антропометрические измерения веса богатых и бедных это предположение подтверждают. Представление о них дает следующая таблица, составленная Niceforo⁵⁷:

⁵⁵ *Landois-Rosemann*. Цит. соч., с. 381; *Немилов А.В.* О голодании, с. 95. Ряд цифр см. в: *Кельнер О.* Цит. соч., с. 490–491; см. также статью Jackson'a в «*American Journal of Physiology*». 1921.

⁵⁶ См.: *Mulhall M.G.* Op. cit., p. 257; *Marsh H.D.* Individual and Sex Differences Brought out by Fasting // *Psychological Review*. 1916, № 23 (November), p. 442. *Luciani L.* Das Hungern. S. 33–34.

⁵⁷ *Niceforo A.* Op. cit., p. 22. Точно так же и относительный вес богачей (вычисляемый по формуле $\frac{\text{Абсолютный вес в граммах}}{\text{Рост в сантиметрах}}$) больше веса бедняков.

Возраст	Вес мальчиков (кг)		Вес девочек (кг)	
	богатых	бедных	богатых	бедных
7 лет	23,0	21,1	–	–
8 лет	24,2	23,0	24,0	22,5
9 лет	26,5	24,7	26,1	24,2
10 лет	28,5	26,9	28,7	26,3
11 лет	29,6	29,4	30,8	29,1
12 лет	32,3	32,3	35,8	33,6
13 лет	35,3	33,5	38,1	37,5
14 лет	40,5	37,8	44,9	41,7

Ряд других данных читатель найдет в указанных работах Lexis'а, Pagliani, De Greef'а, Mulhall'а и др.

Отсюда следует, что: 1) *ceteris paribus* средний вес богатых слоев населения будет выше, чем средний вес бедных слоев той же расы; 2) с ростом благосостояния населения и улучшения его питания средний вес его должен увеличиваться, при усилении голода – падать.

Питание и состав организма

Колебание веса означает не только то или иное морфологическое изменение, но и изменение *состава организма* под влиянием питания. Представление о нем дают следующие цифры, основанные на данных Гильберта⁵⁸:

Животные	Азотные вещества	Жир	Минеральные вещества	Сухие вещества	Вода
Овца тощая	14,8	18,7	3,2	36,7	57,3
Овца очень жирная	10,8	45,8	2,9	59,6	35,2
Свинья тощая	13,7	23,3	2,7	39,7	55,1
Свинья очень жирная	10,9	42,2	1,7	54,7	41,3

Эти животные одной породы, но содержащиеся на разной корме, как видно из таблицы, резко отличаются друг от друга по составу организма. То же наблюдается и у человека. Усиленное питание ведет обычно к ожирению, увеличению «сухого вещества» за счет воды, голодание – к увеличению воды за счет сухих составных частей организма (распухание от голода было массовым явлением у жителей столиц в 1919 г.), к потере жира и т.д. Эти легко констатируемые явления служат внешними проявлениями чисто химических – более важных – из-

⁵⁸ Кельнер О. Кормление сельскохозяйственных животных, с. 490–491.

менений состава организма. Представление о них дает изменение химического состава мозга при голодании. Chossat в свое время думал, что если состав тканей и других частей организма при голодании изменяется, то нервная система сохраняет свой status quo. Оказывается, однако, что и она изменяется. По данным доктора А.К. Ленца, исследовавшего мозг 11 человек, умерших от голода в 1918 г., «вес такого мозга близок к норме, замечается скорее склонность к повышению, чем к понижению, но количество воды во всех случаях оказалось выше нормы в среднем на 2%. Плотный остаток соответственно уменьшается». «Общее количество белковых тел (нуклеопротеидов) уменьшено; из белковых тел сильнее убывает нейроглобулин, общее количество липоидов уменьшено». «Общий азот при голодании убывает, как и общий фосфор». По сравнению с нормальным мозгом, мозг голодных «теряет 8,231% белков, 11,48% липоидов, 5,233% азота, 2,257% фосфора». «Отсюда видно, что мозг при голодании теряет важнейшие из своих составных частей и так же идет к разрушению, как и другие части голодного человеческого организма»⁵⁹.

Если мозг испытывает такие изменения состава, то тем значительнее эти изменения в других органах тела. Изменение же состава организма при изменении питания означает, что в конечном счете *ни одна часть организма не остается незатронутой при резком колебании питания*⁶⁰, значит, все органы или все части нашего тела испытывают те или иные вариации – внешние или внутренние, легко или трудно замечаемые – с варьированием питания⁶¹. Совокупность же

⁵⁹ Цитирую по автореферату А.К. Ленца «Об изменении химического состава мозга при голодании», любезно предоставленному автором в мое распоряжение. То же явление неоднократно отмечалось целым рядом как русских, так и иностранных исследователей. При голодании резко изменяются ткани головного и спинного мозга, форма и строение нервных клеток и т.д. См.: *Розенбах П.Я.* О влиянии голодания на нервные центры (диссертация). СПб., 1883, с. 36–37, 63–64; здесь же излагается история вопроса: выводы Манассеина, Пашутина, Falk'a, Parrot, Chossat и др. См. также: *Маньковский В.* К вопросу о голодании. СПб., 1882, с. 48. О влиянии голодания на костный мозг см. статью Тимофеевского в «Русском враче». 1912, т. 11, с. 1031–1032.

⁶⁰ О целом ряде таких изменений см.: *Пашутин В.В.* Цит. соч., passim; *Словцов Б.И.* Биохимия, passim.

⁶¹ опыты с животными, отчасти описанные выше, говорят, что количество и качество питания влияет даже на определение пола (у пчел, лягушек, дафний, гидр, гусениц и т.д.), причем скудное питание благоприятствует появлению самцов. Не наблюдается ли нечто подобное и у людей? По-видимому, да. По крайней мере ряд исследователей – W.I. Thomas, Fahlbeck, Rochard, Rauber, Niceforo и другие – статистически установили факт masculinité, т.е. большего процента мужских рождений у бедняков по сравнению с лучше питающимися слоями богатых. Причину этого они видят именно в различии питания. С другой стороны, наблюдения Fahlbeck'a над шведским дворянством и аристократией показывают, что в более поздних поколениях аристократических родов начинают рождаться чуть ли не исключительно девочки. Вместе с опытами биологов такие факты делают выдвинутую гипотезу если не доказанной, то вероятной. В связи с этим получает некоторое объяснение и то – хотя и не всеобщее – явление, что после периодов голода и войн, ухудшающих питание, процент мужских рождений повышается. Этот факт был теоретически обоснован и подкреплён статистическими данными.

всех указанных изменений: строения пищеварительных органов, роста, формы головы, состояния мозга, веса и состава организма – под влиянием количества и качества пищи, поступавшей в организм предков и родителей данного индивида, особенно в период зачатия и беременности, и поступающей в его организм, особенно в детстве, делает едва ли спорной зависимость строения организма от исследуемой «независимой переменной».

В виде сводной таблицы, показывающей эту связь суммарно, приведу следующую⁶²:

Физические характеристики	Итальянцев севера	Итальянцев юга и островов
Средний рост (в см)	165,5	162,8
Окружность черепа (в мм)	516	542
Вычисленная способность черепа (по методу Parchappé)	1540	1527
Черепной показатель (на живых)	84,5	79,2
Периметр грудной клетки (du thorax) (в см)	87,5	86,2
Абсолютный вес (в кг)	65,2	63,9

Питание

Потребление мяса на человека в течение года (в кг)	17,9	7,8
Потребление яиц (в кг)	4,3	2,1
Потребление всякого рода хлебных продуктов (в квинталах ^{8*})	2,1	1,6
Потребление сушеных овощей (в кг)	9,3	7,0
Потребление белка в день (в граммах)	104	92
Доход на жителя (во франках)	2,211	1,333

Эта таблица суммарно рисует связь питания и физического строения жителей северной и южной Италии.

Отсюда вывод: человек в значительной мере есть то, что он ел и ест, особенно в период первых лет жизни, и что ели его предки и родители, особенно в период его зачатия и внутриутробного развития. После сказанного не покажется парадоксом, если я скажу, что различное питание, особенно в указанные

Данные и подробности см. в работах: *Thomas W.I.* On a difference in the metabolism of the sexes // *American Journal of Sociology.* 1897, July; *Fahlbeck P.* La noblesse de suède // *Bulletin l'Institut International de statistique.* 1912, vol. XII, livre 1, p. 169–181; *Rochard.* Sexe // *Encyclopedie d'hygiène;* *Rauber.* De Ueberschuss an Knabengeburt und seine biologische Bedeutung. Leipzig, 1900; *Niceforo A.* Op. cit., p. 124–125; *Rasari* // *Giornale degli Economisti.* 1898, april.

⁶² *Niceforo A.* Op. cit., p. 298; там же см. и другие данные.

периоды, из людей одной и той же расы может создать антропологические типы, существенно различные, как антропологически различны классы бедные и обеспеченные. Это может происходить и независимо от наследственности. Если же допустить, что некоторые признаки, приобретенные под исключительным влиянием пищи, способны передаваться по наследству, то тогда уже одно различие в питании разных родов на протяжении ряда поколений способно было бы вызвать значительные вариации в населении одной и той же расы. Для этого нужно было бы только, чтобы питание разных групп этой расы в течение ряда поколений было различно. Но и независимо от этого мы видим, что данный фактор непосредственно и весьма сильно влияет на строение, состав и функции организма, изменяя их «по своему образу и подобию».

Изменение же их при перемене питания, в частности при голодании, неизбежным своим следствием имеет изменение процессов, происходящих в организме, а через это – и изменение его двигательных реакций (актов) и всего поведения, что ведет, в свою очередь, – при массовой деформации поведения – к изменению социальных процессов.

Колебание количества и качества пищи, поступающей в организм и им усваиваемой, похоже, таким образом, на завод часового механизма: движения руки, заводящей часы, передаваемые через ряд зубчатых колес, в конечном счете отражаются на движении стрелки часов – социальной жизни.

3. ПИТАНИЕ И ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Изменение количества и качества пищи, поступающей в организм, а также времени ее приема вызывает наряду с морфологическими изменениями *варьирование целого ряда физиологических процессов*. Общий механизм возбуждения и варьирования их был очерчен выше. Мы видели, что пищевые раздражители и явления, связанные с ними (условные раздражители), путем гуморальным и рефлекторным вызывают в организме возбуждение пищевого центра, через него – работу органов пищевой «фабрики», а через нее изменяют и всю жизнедеятельность организма.

Когда пищевой центр возбужден положительно, то возбуждение, распространяясь по проводниковым путям, передается прежде всего в рабочие органы питания, а затем так или иначе отражается на всем состоянии организма. Организм, как подробнее будет показано в третьем томе «Системы социологии», в целом представляет собой аппарат, приспособленный для выполнения весьма разнообразных функций и действительно выполняющий их. Это достигается отчасти благодаря тому, что он одновременно может выполнять две или большее число различных функций, отчасти благодаря тому, что он выполняет их, так

сказать, поочередно: в данный момент это аппарат размножения, в другой – питания, в третий – защитный, в четвертый – трансформатор низших форм энергии в высшие (акты творчества) и т.д. То одна, то другая группа детерминаторов поведения воздействует на него, овладевает им, заставляет его реагировать и затем передает его другим группам раздражителей. При положительном возбуждении пищевой центр *старается целиком овладеть организмом, как «чеком на предъявителя», и превратить его в аппарат, предназначенный исключительно для функции питания.* В соответствии с этой задачей в такой момент перестраивается вся жизнедеятельность организма. Те его органы, которые выполняют функции питания (мускулы губ, языка, щек, глотки и т.д., железы, нервный аппарат и пр.) и прямо или косвенно связаны с ними, по верному замечанию Л.И. Петражицкого, осуществляют в такие моменты усиленную деятельность (приток к ним крови, увеличение объема, усиление их работы и т.д.). Органы, *посторонние для питания*, не содействующие этой функции, а весьма часто тормозящие ее (например половые), в такие моменты снижают свою активность (уменьшение их объема, отток крови, вялость и т.д.). Органы *общие*, необходимые организму постоянно, при выполнении всех функций, а не только функции питания (например сердце, органы дыхания и т.д.), могут то усиливать, то ослаблять свою работу в зависимости от целого ряда дополнительных условий⁶³, но, как правило, эти изменения не резки и амплитуда их колебания сравнительно невелика. Такова вкратце общая схема видоизменения физиологических процессов организма в моменты положительного возбуждения пищевого центра.

Сообразно с этим пищевой центр абонирует и монополизирует в такие моменты в качестве своих агентов все органы чувств (зрения, слуха, обоняния, вкуса, осязания – короче говоря, почти все рецепторные аппараты нервной системы) и заставляет их усиленно работать. Они превращаются в «лазутчиков, разведчиков, контролеров и иного рода агентов» пищевого центра, усиленно высматривающих, вынюхивающих, пробующих, ошупывающих, выведывающих то, что пригодно для еды, а что непригодно; что вкусно, а что невкусно, что полезно, а что вредно, и т.д. В такие моменты нос (т.е. обонятельный аппарат) сам вынюхивает и выделяет аппетитные и неаппетитные запахи, глаза высматривают пищу, слуховой аппарат ловит условные пищевые раздражители и т.д. Их «аналитическая способность» в такие моменты становится в известном отношении более острой, более интенсивной. Эти объективные процессы, как мы сейчас увидим, в мире субъективных переживаний вызывают в качестве функций целый ряд соответствующих ощущений.

«Агентами» пищевого центра в такие моменты становятся и другие рабочие органы нашего тела, не имеющие прямого отношения к питанию. Так, руки сообразно приказу протягиваются в такие моменты к пищевому объекту, захваты-

⁶³ Подробнее см.: *Петражицкий Л.И.* Введение в изучение права и нравственности, с. 237–243 и др.

вают его, если нужно – раздробляют или как-то иначе видоизменяют его и вводят в рот, ноги – несут к тому месту, где находится пищевой объект, и т.д. Словом, целый ряд посторонних питанию рабочих органов превращается в органы, обслуживающие эту функцию.

Что же касается органов, имеющих прямое отношение к питанию, то все они начинают проявлять усиленную деятельность (сокращение мускулов губ для захвата пищевого объекта, работа зубов, языка, мускулов глотки, пищевода, желудка, кишок, секреторных органов и т.д.).

Все эти физиологические процессы действительно видоизменяют в такие моменты всю жизнедеятельность организма. И поведение его – т.е. внешние, легко доступные наблюдению двигательные акты – в силу этого изменения физиологического состояния организма делается иным по сравнению с поведением при отсутствии положительного возбуждения пищевого центра (т.е. при сытом состоянии). В первом случае перед нами тот же организм, что и во втором – «тот же, да не тот». Иным является его строение, иными – его физиологические процессы, иными будут и его акты поведения.

Такие трансформации или деформации физиологического состояния совершаются с каждым человеком ежедневно, ибо ежедневно чередуется ритм возбуждения и успокоения пищевого центра (голода и сытости) в зависимости от воздействующих на него безусловных и условных раздражителей. А поэтому постоянно чередуется и смена форм поведения человека при сытом и голодном состоянии как функция физиолого-соматических деформаций.

Этим ритмом более или менее регулярного приема пищи (возобновления «топлива»), как увидим ниже, вызван ряд ежедневно повторяющихся актов в поведении людей и ряд ежедневно повторяющихся процессов в общественной жизни.

Из сказанного само собой следует, *что особенно резкой будет деформация физиологического состояния и всего поведения человека, когда резкое изменение испытывает кривая поступающей и усвояемой организмом пищи, в частности, когда это поступление абсолютно прекращается на срок, намного превышающий обычный промежуток времени от одного приема пищи до другого.*

Организм, не получая пищи, начинает жить за свой счет. Пищевой центр, раздражаемый обедневшей кровью и рядом условных и безусловных раздражителей, приходит в сильнейшее возбуждение. Но это возбуждение остается бесплодным: пищевая энергия не поступает. Через некоторое время это возбуждение появляется снова и снова гаснет. А затем оно тонет в общем ненормальном состоянии нервной системы, которое наступает в итоге длительного абсолютного голодания.

Что происходит в таких случаях с основными процессами нашего организма? Исследования Пашутина, Лучиани, Marsh'a и других свидетельствуют о том, что температура тела и кровообращение при довольно длительном голодании претерпевают ряд изменений. Это видно из следующей таблицы Marsh'a, ри-

сующей итоги трехнедельного голодания автора и его жены: в течение первой недели пища их постепенно сокращалась, сойдя к нулю в конце недели; вторую неделю они абсолютно ничего не ели (пили только 500–750 мл воды); в третью они стали есть, начав с ничтожных порций и постепенно их увеличивая.

Таблица показывает и *падение* температуры, и ослабление *работы сердца*, и изменение морфологического состава крови, в частности уменьшение числа белых шариков, охраняющих организм от бактерий (отсюда – ослабление иммунитета при голодании, рост заболеваемости и смертности и т.д.)⁶⁴.

Наряду с этим происходят изменения и в области дыхания: оно становится более поверхностным и слабым. Представление об этих изменениях дают следующие относительные цифры (чем они выше, тем слабее соответствующая способность), приводимые Marsh'ем для характеристики жизненной емкости груди⁶⁵. Средний показатель для первой недели – 5,3, для второй – 6,8, для третьей – 2,8. Изменение весьма резкое. (Подробнее об этом см. у Лучиани и Пашутина: цит. соч., с. 653–654.) Точно так же резко меняются и другие процессы: слюноотделение и сокоотделение вообще ослабевают – во рту пересыхает, слюна становится горькой, слизистые оболочки ссыхаются, меняются выделительные процессы: изменяются количество и состав мочи и кала – моча становится густой, кала почти нет и т.д. Исчезает жир, атрофируется ряд мышц, падает их тонус, ослабевают сфинктеры мочевого пузыря и ani, отсюда развивается недержание мочи, отечность, астения, кахексия ex inanitione^{9*} и т.д.⁶⁶ В связи с изменением состава тканей и изменением основных процессов организма его сила и сила отдельных мускулов падает, усталость растет⁶⁷. Словом, все основные процессы организма резко меняются. И тем сильнее, чем дольше период голодания. Организм все более и более расстраивается, его жизнестойкость падает⁶⁸, и итогом чрезмерно длительного голодания является смерть. Через сколько дней абсолютного голодания она наступает – это зависит от здоровья, возраста, пола и множества других условий.

⁶⁴ По данным Саатчиан, «число красных кровяных шариков при настоящих условиях (у жителей РСФСР в голодные годы) сократилось в среднем до 3700000 в 1 куб. мм». Цит. по: Вальдман В.А. К вопросу о клинике голодания // Юбилейный сборник в честь XXV-летия врачебно-научной деятельности (1894–1919) проф. И.И. Грекова. Пг., 1921, с. 438.

⁶⁵ Marsh H.D. Op. cit., p. 442.

⁶⁶ Вальдман В.А. Цит. соч., с. 438–439.

⁶⁷ По данным Marsh'a, сила правой руки (измеряемая динамометром) изменилась так: в первую неделю – 2,3, во вторую – 6,1, в третью – 6,8; соответственно сила левой руки: 4,0 – 7,7 – 7,5. Усталость (измеряемая висением на руках до полного изнеможения) нарастала так: первая неделя – 7,3, вторая – 8,2, третья – 10,3. Чем выше цифры, тем больше падение силы и рост усталости (Marsh H.D. Op. cit., p. 442).

⁶⁸ Marsh (ibid., p. 442), переводя на цифровой язык процесс изменения основных жизненных характеристик в течение 3-х недель голодания (кривую веса, дыхания, силы, усталости), резюмирует их с помощью относительных величин: 5,2 – для первой недели, 7,3 – для второй, 4,5 – для третьей (чем выше показатель, тем способность меньше).

Недели и пол	Атмосфера		Кровь			гемоглобин	Общие клетки		Дифференциальная таблица				
	температура	давление	пульс	температура	давление		белые	красные	полинуклеарные, %	лимфоциты, %	мононуклеарные, %	эозинофильные, %	газофильные, %
1-я М	85,3 ⁶⁹	29,81	69,3	98,1	30	90-100	7,700	5,980,000	45,0	44,0	3,5	7,0	0,5
«-» Ж	85,3	29,81	66,9	97,8	36	«-»	7,100	5,190,000	56,0	36,0	3,0	4,0	1,0
2-я М	82,7	29,85	71,4	97,8	14	«-»	6,200	6,650,000	67,0	26,0	5,0	2,0	0,0
«-» Ж	82,7	29,85	61,9	97,5	18	«-»	6,400	6,440,000	48,0	41,0	9,0	1,0	1,0
3-я М	82,3	29,95	75,6	98,4	33	«-»	6,200	5,960,000	46,5	41,0	3,5	7,5	1,5
«-» Ж	82,3	29,95	69,3	97,7	40	«-»	7,920	5,890,000	47,8	43,9	5,5	2,5	0,3

70

⁶⁹ По Фаренгейту.⁷⁰ Marsh H.D. Individual and Sex Differences Brought Out by Fasting, p. 440; Пауэтин В.В. Цит. соч., с. 629–630; Luciani L. Op. cit., ch. II–VI.

Были люди, без особого ущерба для здоровья голодавшие до 30 дней (Сукки), до 40 (Таннер) и даже до 80. Но, конечно, такой срок голодания в лабораторных условиях – при отсутствии обычного темпа жизни и деятельности, под присмотром врачей-специалистов – не типичен⁷¹. Вне лабораторных условий он гораздо короче: смерть наступает значительно раньше. Тот же итог наступает и при качественно негодной пище, в частности при авитаминозном питании⁷².

Эти изменения физиологических процессов в организме, вызываемые голоданием, делают вероятным предположение, что *ряд физиологических функций у людей и групп, хорошо питающихся и питающихся неудовлетворительно, могут существенно различаться*. Соответствующие массовые исследования подтверждают это предположение.

Поскольку голодание ослабляет физическую силу организма, то естественно ожидать, что *при приблизительном равенстве прочих условий физическая сила хорошо питающихся слоев населения в среднем должна быть большей, чем сила слоев бедных, питающихся неудовлетворительно (той же расы, одного возраста и пола)*.

Это предположение подтверждается рядом исследований. Эксперименты, произведенные с помощью динамометра и т.п., дают большие показатели для лиц богатых классов одной и той же расы. Пример⁷³:

Возраст (лет)	Сила (в килограммах)			
	Мальчики		Девочки	
	богатые	бедные	богатые	бедные
7	10,0	8,6	–	–
8	11,8	10,8	9,8	9,5
9	14,5	12,3	12,0	11,3
10	15,7	14,6	14,2	12,2
11	16,7	16,6	14,8	13,9
12	19,0	18,8	18,2	17,2
13	21,5	20,0	20,3	19,7
14	24,8	23,3	22,0	21,8

⁷¹ Не только в данном отношении, но и во многих других голодание в лабораторных условиях не типично. Один тот факт, что здесь человек голодает для исследования, что он гарантирован от нанесения вреда организму, что умереть с голода ему не придется, что все это делается для науки, плюс воздержание от усиленной работы, от обычного темпа жизни и т.д. – все это резко меняет картину психофизиологических процессов и рефлексов поведения голодающего в лаборатории. Если бы после двух-трех дней голодания и Сукки, и другие не знали бы, где добыть кусок хлеба, оказались бы под угрозой голодной смерти или вынуждены были вести обычный образ жизни – все изменения процесса дыхания, пульса, температуры, состава крови и т.д. были бы гораздо более резкими. То же самое относится к переживаниям и актам поведения.

⁷² См.: Кольцов Н.К. Цит. соч., с. 401–402.

⁷³ Niceforo A. Op. cit., p. 28. Сходные данные приводит и Pagliani в цитируемой работе. См. также: Lexis W. Op. cit., p. 539.

Я не буду в данном случае отрицать громадное значение ряда условий (особенно физических упражнений и т.п.); но при равенстве их бóльшая сила хорошо питающихся слоев следует из самого существа дела.

То же самое следует сказать и о *быстроте физической утомляемости*. Данные, полученные в результате наблюдения за многократным нажиманием динамометра и при помощи других аналогичных методов, говорят о том, что представители плохо питающихся классов, при равенстве других условий, утомляются быстрее, их сопротивление усталости быстрее падает, чем у слоев, хорошо питающихся⁷⁴. Сказанное справедливо, как увидим это в дальнейшем, и относительно психической утомляемости.

Кроме того, ряд авторов установили, что в связи с различием питания и других условий (в том числе и климата) *сроки появления первой менструации* у богатых и бедных девушек одной и той же расы также различны. У богатых она появляется раньше. Так, по Raseri, у обеспеченных девушек Северной Италии она появляется в возрасте 13 лет 9 месяцев, у крестьянских девушек – в 14 лет 11 месяцев, у работниц – в 17 лет 4 месяца. Сходные результаты получил и Marro⁷⁵.

Некоторые исследователи (Raseri, Guu и другие) констатируют различие пульса (число сокращений сердечной мышцы в минуту) у представителей богатых и бедных слоев.

Различие жизнестойкости и иммунитета сытых и дефицитно питающихся слоев населения общеизвестно. Статистика смертности и болезней говорит об этом вполне определенно (об этом см. ниже).

Словом, при сопоставлении хорошо и плохо питающихся слоев населения мы находим в их физиологических процессах в общем те же различия, которые наблюдаются у одного и того же человека в периоды его нормального и голодно-дефицитного питания.

При такой резкой деформации всех физиологических процессов естественно, что *весьма резко меняются и все акты поведения человека*; следовательно, поведение сытых и голодных слоев населения не может быть одинаковым.

4. ПИТАНИЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ (ПСИХИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ)

Рассмотрим теперь *те субъективные явления, которые служат функцией варьирования количества и качества пищи вообще и дефицитного голодания в частности...*

⁷⁴ См.: Niceforo A. Op. cit., p. 28–29.

⁷⁵ См.: Raseri. Inchiasta della Societe Antropol // Annali di Statistica. 1881, serie II, vol. 6; Marro A. La Pubertà. Torino, 1900.

Мы уже видели, что ряд наших субъективных ощущений является функцией соответствующих объективных процессов питания. Варьирование первых в зависимости от варьирования количества и качества пищи имеет весьма разнородный характер. Стоит положить в рот сахар или конфету – и у нас возникает ощущение «сладкого», если же попробуем соль или селедку – то «психической» функцией будет ощущение «соленого», другие объекты возбуждают ощущения «кислого» (уксус), «горького» и т.д. Наряду с этим одни пищевые агенты возбуждают ощущение «вкусного», другие – «невкусного» («приятного» – «неприятного», «аппетитного» – «неаппетитного»).

Помимо ощущений описанного типа функциями объективного факта варьирования количества, качества и других свойств пищевых продуктов, а также порядка и времени принятия пищи являются и те сложные комплексы субъективных ощущений, которые носят названия «сытости» и «голода-аппетита» со всеми их количественными и качественными градациями. Появление, исчезновение, варьирование и оттенки их, как показано выше, целиком зависят от соответствующих физиологических процессов, вызванных тем или иным возбуждением пищевого центра, – возбуждением, которое, в свою очередь, зависит от количества и качества пищи, принимавшейся и принимающейся организмом и усвояемой им, и от условных раздражителей, связанных с пищевыми объектами.

Основные черты деформации психических ощущений, вызываемой различными формами голодания, сводятся к следующему.

1. Деформация в области общего самоощущения и в сфере чувственно-эмоциональных переживаний

Здесь основным следствием положительного возбуждения пищевого центра служит появление своеобразного ощущения – «аппетита». Это двустороннее, пассивно-активное ощущение, представляющее, с одной стороны, пассивное претерпевание, с другой – активный позыв, внутреннее понукание⁷⁶. Если чувство аппетита не осложнено другими явлениями, то оно представляется ощущением скорее приятным, чем неприятным. (Отсюда пожелание *приятного аппетита*.) Комплекс ощущений, обозначаемых этим именем, не есть нечто однородное, всегда равное самому себе, а распадается на ряд форм, которые в качественном и количественном отношении отличаются друг от друга. С точки зрения *количественной* мы различаем *разные степени аппетита*: «волчий аппетит», «плохой аппетит», аппетит, при наличии которого мы, как говорится, были бы «не прочь перекусить», и т.д. *Качественно*, например, «аппетит по адресу мясных блюд имеет несколько иной характер, чем аппетит по адресу пирожных, конфет и прочего»⁷⁷.

⁷⁶ Подробнее см.: *Петражицкий Л.И.* Введение в изучение права и нравственности, с. 223–224.

⁷⁷ Там же, с. 227.

Эти различные качественно-количественные оттенки аппетита можно рассматривать как функции различного – по интенсивности и характеру – возбуждения пищевого центра. В частности, качественные оттенки аппетита представляют, по-видимому, следствие относительного качественного голодания, т.е. дефицитного или сравнительного недостатка тех или иных пищевых ингредиентов в «хозяйстве» организма.

Все эти разнообразные оттенки аппетита вместе с тем характерны для *первых стадий голодания*.

С продолжением и ростом последнего дело меняется: ощущение аппетита постепенно переходит в отличающееся от него чувство голода. Различие между ними состоит прежде всего в чувственном тоне: аппетит, как было сказано, представляет собой ощущение скорее приятное, голод, напротив, мучительное. Это различие между ними подчеркивается сейчас почти всеми исследователями.

«Аппетит, – говорят Cannon и Washburn, – может существовать отдельно от голода. Например, когда мы едим только вкусные деликатесы с исключительной целью удовлетворения нашего вкуса. Голод же, напротив, есть ощущение ноющей тупой боли (grawing sensatin), которое по мере роста становится все менее и менее локализованным. Голод может существовать отдельно от аппетита, когда, например, он вынуждает принимать пищу не только невкусную, но даже тошнотворную. Кроме тупой боли он может сопровождаться усталостью, сонливой вялостью или слабостью, головной болью, раздражительностью или беспокойством, причем в такой степени, что прикладывать постоянные усилия при совершении обычных дел становится чрезвычайно трудно. Эти последние состояния в известной степени индивидуальны: у одного ощущение голода сопровождается головной болью, у другого – слабостью и т.д. Это свидетельствует о том, что они не составляют основного признака чувства голода, а являются только более или менее непостоянными его спутниками; тупое, гнетущее ощущение, напротив, – его постоянная отличительная черта». То же самое различие между голодом и аппетитом проводят, например, Carlson и Boring, отмечая, что «hunger is pain»^{10*}, хотя остальные черты различия между ними каждый из них описывает по-своему⁷⁸.

С точки зрения объективной ощущение аппетита появляется обычно только *в первые моменты* абсолютного и относительно-дефицитного голодания, будучи явлением обыкновенным при голодании «сравнительном». В отличие от аппетита чувство голода довольно редко возникает при сравнительном голодании, но

⁷⁸ См.: Cannon W.B., Washburg M.F. An Explanation of Hunger // American Journal of Physiology. 1912, № 26, p. 441; Carlson A.J. Contributions to the Physiology of the Stomach // American Journal of Physiology. 1913, № 31, p. 175, 186–189; Boring E.G. Processes Referred to Alimentary and Urinary Tracts // Psychological Review. 1915, № 4, p. 312.

обычно бывает при продолжительном дефицитном и особенно при абсолютном голодании. Иными словами, *ощущение аппетита есть функция главным образом сравнительного голодания и первых моментов голодания дефицитного – абсолютного и относительного; чувство голода – функция главным образом длительного абсолютного и относительно-дефицитного голодания*⁷⁹.

Такова связь этих субъективных явлений с соответствующими объективными процессами варьирования количества и качества пищи.

Указывая на различие голода и аппетита, я все же должен подчеркнуть, что границы между ними условны. Обычно аппетит – приятное ощущение, но если он появляется при обстоятельствах, например, не дающих надежды на его удовлетворение, когда добыть пищу нельзя, то в таких случаях ощущение аппетита, пробуждающее чувство страха за жизнь, вызывающее опасение умереть голодной смертью и т.д., с самого начала будет переживанием тяжелым, а не приятным. И наоборот, если голодный человек знает, что через несколько часов он получит отличный обед, что голодная смерть ему не грозит – он будет переносить голод без особенных страданий и мучений.

Ощущения аппетита и голода носят не непрерывный, а *перемежающийся характер*: появившись, они на время исчезают, затем появляются снова, принимая то более, то менее интенсивный характер. Обычно они появляются и усиливаются в те моменты, которые непосредственно предшествуют традиционному времени приема пищи: завтраку, обеду и т.д.⁸⁰

Если абсолютное голодание продолжается более 2–3 дней или длительное относительно-дефицитное голодание весьма дефицитно, то *субъективные ощущения принимают новый оттенок: специфическое чувство голода исчезает или, вернее, растворяется в общей массе мучительных ощущений, которые в совокупности придают новый «аккорд» жизне- и самоощущению*; этот аккорд состоит из смеси таких ощущений, как слабость, тупая боль в голове, суставах и во всем теле, «ощущение пустоты», отсутствие эмоций, временами сонливость, тошнота, головокружение, погружающих в итоге в *состояние апатии, безразличия, тусклой безжизненности*, временами прерываемой рядом *раздражительности, вспышкой гнева*⁸¹, быстро тонущей снова в этом

⁷⁹ Эту же мысль менее точно выражает и Boring словами: «Hunger usually ceases as soon a food is taken. Appetite is more “ideational” and persists after food is taken. It is the desire for food, the opposite of aversion. Appetite probably constitutes the motive for eating dessert at any meal»^{11*} (Boring E.G. Op. cit., p. 312).

⁸⁰ В этом, как и в некоторых других отношениях, кривая увеличения «голода» и «аппетита» похожа на кривые некоторых других ощущений, например «табачного голода». При отвыкании от курения табачный аппетит носит тот же перемежающийся характер. Сильно хочется курить утром после чая или кофе, после обеда, при напряженной умственной работе и т.п., т.е. в прежние – до отвыкания – моменты усиленного курения.

⁸¹ Состояние раздражительности, вспышки гнева не раз отмечались многими, испытывавшими голод на себе, и многими исследователями, наблюдавшими за голодающими.

море апатии⁸². С продолжением голодания в ряде случаев начинают появляться бредовые состояния, ясность сознания мутнеет, наступает «голодный психоз», короче говоря, душевная жизнь резко расстраивается.

Такова схематизированная картина общего самочувствия и его изменений при различных формах и на разных стадиях голодания. Эта схема допускает ряд индивидуальных отклонений, но в общем и целом она, по-видимому, довольно верна. Отчасти для того, чтобы ее проиллюстрировать, отчасти для ее подтверждения, приведу несколько описаний душевных переживаний при голодании, сделанных самими голодавшими, экспериментировавшими над собой.

Вот как описывает Marsh свои переживания после 11–12 дней голодания (в течение первой недели пища постепенно уменьшалась, сойдя на нет к концу недели, вторую неделю было абсолютное голодание): «Сердце билось сильно и более или менее ритмично, особенно при пустом желудке; удары учащались и становились тревожными при подъеме по лестнице. Неспособен работать после полудня и вечером. Огромная усталость, боль в голове и скверное общее самочувствие (*discomfort of general nature*). Горло сухое, но нет никакого желания пить. Боли (*pains*) в голове, глазах, спине, в ногах – когда лежу, сижу или стою. Нет тошноты, но есть ощущение неустойчивости в желудке. Чувства симпатии, радости, уважения и т.п. – качественно обесцветились и свелись к ощущению безжизненности (*lifeless in fact*)». Голодавшая вместе с ним его жена пишет: «Купание не дает удовольствия. Во время умственных экспериментов и после полудня чувствую нечто вроде желания расплакаться (*felt like bursting out crying*). Сильно вздрагиваю (*startled*) при внезапном шуме. Ощущение голода испытывала в первое время. По ночам снятся поджаренные огурцы и рубле-

«Невроз истощения у детей (в России за эти годы) складывается из сочетания явлений подавленности с обидчивым настроением, со склонностью к плачу и к чрезмерной раздражительности. Многие дети впадали в состояние патологического аффекта, гнева, злобы, раздражительности» (*Аронович Г. О голодной детской дефективности // Медицинский журнал Вятского Ученого Совета при Губздравотделе. Ч. II, № 2, с. 3–4*).

«В народе стало усиливаться мрачное озлобление. Мужья ни за что ни про что били своих жен, старики обижали ребят и невесток, и все друг друга укоряли хлебом и один на другого все призывали пропасть»: “О нет на вас пропасти”», – так описывает Лесков голод 1840 г. (*Лесков Н.С. Полное собрание сочинений. СПб., 1909, т. XXXIII, с. 12: «Юдоль»*). Такой же рост озлобления и раздражения мы наблюдали и за эти годы.

У матросов, спасшихся с «Медузы», после длительного голодания «появилась раздражительность, сумрачность» (*Пауштин В.В. Цит. соч., с. 562*).

⁸² «Страдательное переживание голода – явление преходящее. При продолжении голодания оно не только не растет, но, напротив, через пару дней исчезает и не устанавливается снова в течение дальнейшего голодания», – пишет Лучиани на основе наблюдения за тридцатидневным голоданием Сукки. Правильнее, однако, говорить не об исчезновении чувства голода, а о том, что оно маскируется, заглушается другими кинестетическими^{12*} и мучительными ощущениями. См.: *Luciani L. Das Hungern. S. 219, 113; Пауштин В.В. Цит. соч., с. 562, 608–611*.

ные маслины⁸³. Предпринять что-либо стоит громадных усилий, и даже спеша я не могу обогнать старой женщины. Эмоции после ряда дней оцепенения снова возвратились на двенадцатый день».

Оба они пишут далее: «Характерные переживания голода появлялись в течение ряда дней к обычному времени еды, сопровождаясь у женщины ощущением изжоги, тошноты и рвотой; но неприятность не так уже велика, как кажется в воображении. Эти ощущения маскировались общим болезненно-тяжелым самочувствием... Ощущения (feelings), необычайно острые в первые дни голодания, затем тупели на время, и мы становились необычайно апатичными»⁸⁴. Аналогичным образом характеризуют в общем свои переживания и другие экспериментаторы, голодавшие сами с научными целями, в частности 9 американцев (6 мужчин и 3 женщины), из которых 4 были докторами психологии, 3 – инструкторами психологии, 2 – студентами (graduate students). Все они отмечают такие ощущения: «dull pressure», «dull ache», «pain», «gnawing pain», «strong, gnawing pressure», «a kind of pain»^{13*} и т.п., *флуктуирующие, перемежающиеся, не локализованные точно в какой-нибудь части тела, но всего резче проявляющиеся как будто в области желудка*. Наряду с этим они отмечают ощущение слабости и усталости. Например, экспериментатор X уже после 20 часов абсолютного голодания пишет: «То, что я чувствую сейчас, – это общая телесная слабость, такая, что я не хочу делать что бы то ни было, хотя бы даже встать». В таком же роде описывают это ощущение и другие.

Далее все они отмечают еще одну черту голодного самочувствия – *ощущение пустоты*. Наблюдавший себя A пишет: «Я пуст (I am empty), но не голоден». X подчеркивает: «Ощущение пустоты (feeling of emptiness)». То же самое отмечают Z и другие⁸⁵. Те же черты, в частности и пустоту, указывает и Гамсун в своем «Голоде», написанном, как известно, на основе его собственного опыта голодания в течение 2 месяцев. «Голова была пуста», – пишет он. «Теперь я больше ничего не мог писать, моя голова тотчас же оказывалась пуста, как только я делал попытку заняться». «У меня больше ничего не выходило, хотя я был очень прилежен»⁸⁶. «Час проходит за часом, – описывает Миккельсен свои переживания при голоде во время полярного путешествия, – и растет неприятное ощущение увеличивающейся пустоты в желудке. Испытываешь такое чувство, точно все внутренние органы куда-то исчезли и остался один желудок, вопиющий:

⁸³ Это довольно общее явление. «Сплю крепко, и мне (при голоде) все снится еда, целые горы яств; как наяву вижу я дымящееся жаркое, горы бутербродов и всевозможные салаты и зелень. Но мне никак не удастся схватить ни крошки. Я бегу изо всех сил, но еда убегает от меня», – рассказывает Миккельсен о своих снах при голодании во льдах Гренландии (Миккельсен Э. По следам жертв ледяной пустыни. СПб., 1914, с. 287).

⁸⁴ Marsh H.D. Op. cit., p. 43–45.

⁸⁵ Boring E.G. Op. cit., p. 311–317. См.: Пауштин В.В. Цит. соч., с. 573–574, 585, 608.

⁸⁶ Гамсун К. Голод (Полное собрание сочинений. СПб., 1910, т. II, с. 80, 97, 117, 119).

есть! есть! Как ужасен голод, настоящий голод, от которого хочется кричать»⁸⁷. Мои личные ощущения при двух с половиной суточном абсолютном голодании были приблизительно такими же: аппетит к концу суток перешел в голод со всеми описанными его чертами; на третьи сутки он исчез и утонул в общей массе мучительных ощущений.

В связи со всеми этими явлениями меняется и общее самочувствие. Как правило, *сытое состояние благоприятствует светлому, радостному состоянию духа и настроения, голодание – особенно житейское, а не лабораторное – мрачному, угнетенному, тяжелому*. При равенстве прочих условий первое настроение – функция сытости, второе – голода. Колебание количества и качества пищи вызывает соответствующее колебание и настроения. Это особенно резко проявляется (и у животных, и у человека) там, где нет избытка питания, где голод, особенно дефицитный, угрожает часто и постоянно. Таковы, например, условия, в которых находились многие полярные путешественники. Читая их дневники, например Нансена, Миккельсена, Пири, Скотта и других, мы постоянно видим колебание их настроения в зависимости от питания. Дни голода или скудного питания были для них (и даже для их собак, хвосты которых – термометр их настроения – тогда опускались) днями тяжелого состояния, мрачного и безрадостного настроения, пессимизма. Стоило им, однако, подстрелить птицу, убить медведя, мускусного быка или добраться до депо провианта – угнетенность, тоску, мрачность как рукой снимало; проявлялась бурная радость, весь мир становился светлым, ясным, слышались шутки, смех, песни – словом, настроение резко менялось. Снова наступали голодные дни – и радость снова сменялась тяжелым настроением⁸⁸.

Такова в основных чертах деформация общего самочувствия, вызываемая вариацией питания, в частности голоданием. Из сказанного ясна связь между колебанием поступающей в организм пищи и психическими переживаниями.

2. Деформация в области познавательных процессов

Теперь рассмотрим вкратце деформацию отдельных психических процессов, которые происходят в результате голодания. Marsh дает следующую табли-

⁸⁷ Миккельсен Э. Цит. соч., с. 282.

⁸⁸ Пири Р. По большому льду к северу. СПб, 1906, гл. X–XIII; Миккельсен Э. Цит. соч., *passim* и особенно глава «В борьбе с голодом», а также гл. XII–XIV. «Замечательная вещь! – пишет Нансен. – Как бы ни шли дела скверно, но раз залез в мешок и готовишься есть – все неприятности забываются. Человеческое существо обращается в счастливое животное, которое ест... и засыпает с куском во рту. О, блаженное легкомыслие!» (Нансен Ф. Во мраке ночи и во льдах. СПб., т. II, с. 64). То же самое наблюдали мы за эти годы на себе и других жителях РСФСР.

цу, резюмирующую характер деформации ряда познавательных психических процессов, наблюдавшихся у него и его жены в процессе трехнедельного голодания. Чем больше число в таблице, тем сильнее ослабление соответствующей способности. В первой колонке («снижение») представлена средняя величина результатов многочисленных экспериментов первой недели без первого дня; во второй колонке («голодание») – результаты экспериментов второй недели плюс первый день третьей недели; в третьей («повышение») – результаты последних 6 дней третьей недели⁸⁹.

Суммарные результаты голодания

(Чем больше цифра, тем меньше способность или тем сильнее ее падение)

Исследованные деятельности	Снижение		Голодание		Повышение		Название групп и результаты
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	
1	2	3	4	5	6	7	8
Принятая пища	4,5	4,5	8,5	8,5	3,5	3,5	– А.
Трудоспособность	7,3	4,3	8,2	8,4	1,3	3,7	Жизнеспособ- ность (Vitality) от голода проигрывает
Быстрота ассоциации	4,3	5,2	7,3	5,0	4,2	3,3	В. Быстрота (Rapidity)
Быстрота называния	4,1	6,0	3,6	6,7	1,8	3,6	
Быстрота сложения	6,3	6,0	6,0	6,9	4,5	2,8	
Быстрота вычитания	7,5	8,7	5,4	5,1	3,4	3,3	
Быстрота умножения	8,7	8,8	6,3	6,0	2,5	1,8	
Среднее	6,2	6,9	5,7	5,9	3,3	3,0	Практика терять
Острота осязания (прикладывание верблюжьего волоса к носу)	6,4	5,7	5,1	6,2	4,8	3,9	С. Восприятие (Passivity)
Острота болевых восприятий	4,0	6,5	6,0	5,0	5,5	6,8	
Острота зрительных восприятий	6,3	6,6	3,8	4,7	5,5	3,5	

⁸⁹ Описание опытов и методов получения этих цифр я не привожу и отсылаю читателя к самой статье. См.: *Marsh H.D.* Op. cit., p. 438–444.

Глава первая

1	2	3	4	5	6	7	8
Быстрота и твердость движения правой руки (при проведении линии)	6,5	4,8	2,7	4,0	5,3	5,7	
Быстрота и твердость движения левой руки (при проведении линии)	4,0	4,0	5,5	4,6	5,2	6,2	
Пространство проведенной линии правой рукой	6,3	5,0	3,6	5,4	3,2	3,5	
Пространство проведенной линии левой рукой	7,3	7,3	4,6	4,4	2,7	2,5	
Среднее	5,8	5,7	4,5	4,9	4,6	4,6	Практика выигрывает
Ошибки ассоциации	6,5	5,5	7,0	7,0	4,7	6,0	
Ошибки называния	5,5	6,1	4,1	1,8	2,9	3,3	
Ошибки сложения	4,0	6,0	2,5	4,0	3,5	1,0	D. Точность (Accurasy)
Ошибки вычитания	8,3	7,8	3,5	3,3	4,5	3,8	
Ошибки умножения	5,3	7,2	5,1	6,0	5,7	5,5	
Среднее	5,9	6,5	4,4	4,4	4,2	3,9	Голод выигрывает
Запоминание	4,0	4,7	8,1	2,7	4,8	6,5	E. Память
Воспроизведение	5,0	4,7	8,5	4,2	5,0	8,1	
Среднее	4,5	4,7	8,3	3,5	4,9	7,3	Муж. теряет, жен. выигрывает

Для правильного понимания этой таблицы следует учесть влияние практики. Частые упражнения в течение 3-х недель, повторяющиеся многократно и ежедневно, ведут к усовершенствованию способности. Если бы не было голодания, то все исследованные способности за 3 недели должны были бы улучшиться. Этому мешало голодание, действовавшее в обратном направлении. Последняя колонка и дает представление о результатах дуэли голодания и упражнения. Трудоспособность (A) резко падает от голода. В группе B итог гласит: «Практика теряет»; это значит, что из-за голодания успехи, которым она способствует, снижаются и оказываются значительно ниже тех, которые были бы без голодания.

Способности группы *C* от голодания мало теряют; здесь «практика выигрывает». Группа способностей *D* в общем и целом от голода выигрывает: улучшение соответствующих способностей вызвано отсутствием пищи. Наконец, в группе *E* у мужчины голод тормозит способность запоминания и репродукции, у женщины – развивает.

Таковы результаты, представленные в этой таблице. Она говорит о том, что одни способности мало изменяются от голодания, другие – резко ухудшаются, третьи – улучшаются; причем в некоторых случаях наблюдается различие между мужчиной и женщиной. Весьма похожие результаты получил и Лучиани при изучении Сукки, голодавшего 30 дней. Общий итог влияния голодания на его психическое состояние Лучиани характеризует так: «Мы не нашли, чтобы голодание в каком-нибудь отношении разрушило, болезненно снизило или повысило его душевную деятельность». Только в начале голодания он проявил некоторое раздражение против ассистентов Лучиани, но затем извинился и «в течение длительного времени голодания был в хорошем настроении, отличался разговорчивостью и не ссорился ни с наблюдавшим его персоналом, ни с самим исследователем... и был почти исключительно озабочен своими финансовыми проблемами»⁹⁰.

Можно ли на основании этих данных сделать вывод, что голодание не разрушает нашей умственной жизни, что оно мало отражается на процессах интеллектуальной деятельности? Исходя из подобных данных и с учетом некоторых исторических примеров вроде голодавших аскетов – Магомета, Игнатия Лойолы и других, у которых голодание не разрушало психических функций, – казалось, можно было бы прийти к выводу, что голодание мало отражается на познавательных процессах душевной жизни. Лучиани и некоторые другие исследователи, по-видимому, так и считают⁹¹. Раньше этот вывод обосновывался еще и тем, что нервная система при голодании почти не меняется.

Думается, что такое мнение совершенно неверно. Почему? Во-первых, потому, что таблица Marsh'a и таблицы Лучиани говорят о деформации ряда простейших психических процессов при голодании, а не о сохранении status'a quo. Во-вторых, эта деформация в одних случаях положительна, в других – отрицательна. В-третьих, следует учитывать, что представленные в таблице числа относятся к простейшим психическим процессам, а не к более сложным; простейшие же психические процессы, как мы сейчас увидим, всего менее расстраиваются от голодания. В-четвертых, голодание в лабораторных условиях само по себе весьма отличается от голодания вынужденного: первое в любой момент может

⁹⁰ *Luciani L.* Op. cit., p. 67–68.

⁹¹ В русской литературе, например у Л. Тарасевича, читаем: «Если отсутствие пищи есть единственный вредный фактор, организм может справиться с ним так, чтобы поставить нервную систему в сравнительно благоприятные условия» (*Тарасевич Л.* О голодании. Киев, 1907, с. 14).

быть прервано, происходит под присмотром врачей, здесь нет опасности для жизни и страха перед голодной смертью, голодающий изолирован от множества житейских раздражений, он не тратит энергию на бытовые дела и т.д. Совершенно отличны от этих условий обстоятельства голодания по необходимости: здесь и страх перед голодной смертью, и постоянная тревога, и трата энергии, и боль за близких, и т.д.

Далее, голодание Сукки, Marsh'a и других – лабораторные голодания – осуществляются с определенной чисто научной или практической целью, которая сама по себе служит причиной, в силу которой оно резко отличается сопровождающими его психическими переживаниями от голодания по необходимости. Сукки, голодавшему в лабораторных условиях, незачем и не из-за чего было раздражаться. Его цель (субъективно говоря) тормозила целый ряд психических процессов, которые без нее имели бы место. Находясь в специально оборудованной лаборатории и будучи в спокойном состоянии духа, можно складывать, вычитать и умножать. В реальной жизни при голодании, как показывает пример Гамсуна, делать это труднее; в лаборатории можно не быть раздражительным; при вынужденном – внелабораторном – голодании трудно сохранять спокойствие духа, благодушие и нераздражительность. В этом отношении прав Л. Тарасевич, говоря: «Если к голоду присоединяются и другие вредные моменты: холод, страх смерти, страдание, etc, то нервная система быстро выходит из состояния неустойчивого равновесия, и развивается ряд тяжелых нервно-психических явлений»⁹².

С этой точки зрения лабораторное голодание во многом дает совершенно иные результаты, чем голодание внелабораторное, т.е. то, которое бывает в жизни. Для нас важно это второе, а не первое, являющееся исключением.

В-пятых, – и это самое главное – имеется достаточно много фактов, вполне определенно свидетельствующих о резкой деформации познавательных психических процессов под влиянием голода.

Голодание деформирует и течение душевных процессов, и содержание сознания (идеи, представления, убеждения, теории, etc), и всю интеллектуально-познавательную сферу психики.

а) Деформация в области ощущений и восприятий

Здесь голодание «имеет тенденцию вызывать соответствующее направление внимания, т.е. психо-физическую аккомодацию^{14*} к улавливанию и восприятию имеющих отношение к функции питания впечатлений»⁹³. Мы уже видели, что под влиянием положительного возбуждения пищевого центра органы чувств

⁹² Там же.

⁹³ *Петражицкий Л.И.* Цит. соч., с. 233.

«поступают к нему на службу» и начинают проявлять усиленную деятельность в определенном направлении. Все органы чувств в таком случае фиксируются на явлениях, связанных с пищей, и становятся особенно чувствительными к ним. И наоборот, явления, побочные для питания, как бы перестают возбуждать их; органы чувств не реагируют на них и становятся к ним нечувствительными. Явления же, связанные с пищей, сами бросаются в глаза и гипнотизируют их. Ухо само ловит надлежащие звуки, орган обоняния – запахи и т.д. Делается это без всякого намерения и сознательного желания.

Это значит, что при голодании наш анализаторский аппарат становится особенно чувствительным к раздражениям, имеющим отношение к питанию, и тупым – к раздражениям побочным. Раздражения последних могут не попадать в сферу сознания, не вызывать ощущений, пропадать, так сказать, зря для мира психических переживаний. Первые же раздражения при голодном состоянии вызывают более сильное реагирование (ощущения), чем при сытом.

Наряду с деформацией такого рода в этой области замечается еще и другая. Голод не только обостряет восприимчивость органов чувств в одном направлении и уменьшает ее в другом, но он тем самым вполне определенно *направляет наше внимание в сторону пищевых объектов и явлений. При голодании внимание человека – намеренно или нет, все равно – фиксируется и направляется ко всему имеющему отношение к питанию и проходит мимо всего побочного, постороннего делу питания.* Особенно ярко это проявляется у собак. Возьмите кусок хлеба или мяса и покажите его голодной собаке. Этим вы сразу прикуете ее внимание к руке с хлебом. Взгляд и вся поза собаки сделаются подобием куска железа, притягиваемого магнитом. Протяните руку направо – и голова собаки повернется туда же, протяните налево – и ее голова идет налево, подбросьте хлеб вверх – и собака начнет подпрыгивать вверх. Все ее внимание оказывается прикованным к пищевому объекту. Я в таких случаях иногда давал собаке шлепка или пинка – и это проходило мимо ее внимания: следовал рефлекторный визг, собака отодвигалась на шаг или на два, не отрывая своего взгляда от куска хлеба, не отворачивая от него головы. То же самое я много раз замечал и за котенком. Стоило только загреметь жбаном, из которого давалось ему молоко, или показать его (не говоря уже о самом молоке), как он сразу же «бросал все свои дела», делался невосприимчивым ко всему и целиком приковывался к этому раздражителю.

«Варка пищи при полярном путешествии, – рассказывает Миккельсен, – захватывала (его собаку) до того, что она становилась слепой и глухой ко всему остальному, не чувствовала наших ласк, не слышала слов, сидела тихо, как мышь, тарашась на примус с котелком. В движении был только язык, который то высунется, то спрячется, а из уголков рта так и текут слюнки»⁹⁴. Этот факт

⁹⁴ Миккельсен Э. По следам жертв ледяной пустыни. СПб., 1914, с. 135.

отмечает и И.П. Павлов: «Если собака долго не ела, то каждое ваше движение, каждый ваш выход из комнаты, каждое движение служителя, который ее кормит, и т.п. – все это может быть толчком к работе желез и может испортить опыт»⁹⁵. То же самое, но в более сложной форме происходит и с человеком⁹⁶.

Голод определенно *ориентирует* внимание человека на явления, имеющие отношение к питанию. Так же, как и у собаки, все его внимание приковывается к ним, и он не замечает ничего другого. Осуществляется эта ориентировка намеренно или непроизвольно – дело от этого не меняется. Чаще всего она совершается помимо нашей воли и сознательного намерения. Но и там, где *post factum* появляется сознательное намерение, картина остается той же; с той лишь разницей, что в таких случаях весь интеллект превращается в орудие удовлетворения голода и намеренно «ориентирует» внимание на явления, имеющие к этому отношение. Массовое подтверждение сказанному дает поведение детей и взрослых граждан РСФСР за эти годы. Дети и школьники, по наблюдениям педагогов, были апатичны ко всему, кроме еды. В воспитательных домах, приютах и колониях «постоянные голодные темы заполняли все сознание детей дошкольного и школьного возраста. Беседа с ними о еде являлась единственным подходом к ним. В остальном они реагировали на все окружающее повышенной раздражительностью либо негативизмом»⁹⁷. Взрослые были невнимательными ко многому, не были осведомлены о многом, *но к пайкам, выдачам, ко всяким пищевым получкам и другим подобным явлениям они были очень внимательны*: всегда были в курсе дела, не пропускали никаких выдач, не забывали сдать и получить надлежащие карточки, не манкировали здесь – словом, *были максимально внимательными в этом отношении*. И это несмотря на чрезвычайную сложность всех этих проблем. Исключения из этого правила ничтожны. Здесь мы видим поведение, аналогичное описанному поведению собаки, только усложненное и более «извилистое». Наконец, при очень сильном и длительном голодании про-

⁹⁵ Павлов И.П. Лекции о работе главных пищеварительных желез. 1897, с. 105–106.

⁹⁶ Хорошую иллюстрацию к сказанному дает Мопассан в «Бродяге» (Полное собрание сочинений. СПб., 1909–1912, т. XXI, с. 136–150, особенно с. 145–147). Голодный Рандель, *«шедший в оцепенении, ни о чем не думая»*, *«вдруг»*, проходя мимо домика с открытым окном, *ощутил запах мясного супа*. Подойдя к окну, он отпер его, и душистый воздух кухни, теплый и полный ароматов бульона... вырвался на улицу... Рандель *набросился на хлеб* и ломал его с такой яростью, словно душил человека... Но *запах мяса* почти тотчас же привлек его к камину... Съев почти все мясо,.. он почувствовал *жажду* и *пошел* к одной из бутылок, стоявших на камине. Едва взглянув на жидкость в стакане, он узнал в ней водку. Он выпил...». В это время он стал глухим ко всему остальному. Только насытившись, он различил звон колокола, понял опасность и, взяв хлеб и водку, бросился из дома. Здесь отчетливо изображены и направленность внимания в сторону питания при голоде, и усиление чувствительности органов восприятия (и появление соответствующих ощущений) к питательным объектам, и их глухота к побочным явлениям. См. ряд таких же картин в «Голоде» К. Гамсуна.

⁹⁷ Аронович Г. О голодной детской дефективности, с. 33.

исходит третья деформация, *состоящая в оцепении наших органов ощущения (органов чувств) и восприятия вообще. Все вообще восприятия становятся менее живыми, менее острыми.* В первые моменты голодания наши аппараты восприятия как будто работают лучше – глубже, острее и точнее анализируют среду и ее раздражения. Поэтому ощущения становятся интенсивнее, острее и живее. При чересчур длительном и дефицитном голодании это обострение сменяется оцепением, субъективно выражающимся в состоянии безразличия и апатии ко всему, в исчезновении ярких переживаний и сильных ощущений.

«Ощущения (feeling), чрезвычайно острые в течение первых дней голодания, сменились затем на какое-то время необычайной апатией», – отмечает Marsh о своем голодании⁹⁸.

При голодании, близком к смерти, по-видимому, весь анализаторский нервный аппарат дезорганизуется; по этой причине он плохо начинает замечать и воспринимать все, что происходит в окружающей среде; его сигналы – ощущения и восприятия – становятся неверными и бледными; многое он совершенно перестает отмечать, многое отмечает слабо и бледно. Животные перестают реагировать даже на такие раздражения, как электрические. «Возбудимость мозга к электрическому раздражению вследствие голодания снижается или утрачивается совершенно. Влияние голодания на возбудимость мозга выразилось также в изменении двигательных реакций на сильные токи». Одни животные совсем не реагировали в ответ на сильные удары тока (не отдергивали конечностей), другие реагировали очень слабо⁹⁹.

Функцией этого анатомо-физиологического изменения нервной системы является указанное искажение, обеднение и потускнение мира ощущений и восприятий. Факт снижения возбудимости при голодании экспериментально установили на голодающих собаках доктор И. Розенталь и Н. Фролов: «Голодание вызывает пониженную возбудимость нервной системы и развивает сонное состояние, понижающее всю деятельность больших полушарий»¹⁰⁰.

Такова деформация в этой области.

б) Деформация в области представлений и течения идей

Здесь результатом голода «бывает прекращение прежнего ассоциативного течения идей (или цепи мыслей) и появление таких представлений или мыслей и их рядов и цепей, которые не связаны с предыдущими идеями, а касаются пи-

⁹⁸ Marsh H.D. Op. cit., p. 445.

⁹⁹ Розенбах П.Я. О влиянии голодания на нервные центры. М., 1922, с. 80–81.

¹⁰⁰ См.: Розенталь И. Влияние голода на условные рефлексy // Архив биологических наук. 1922, № 3–5; Фролов Н. О влиянии резкого изменения в составе пищи // Там же. Другие факты см. у Пашутина (цит. соч., с. 608 и др.).

тания, еды и того, что с этим ассоциативно или логически связано (например времени, остающегося до обеда, и т.п.)»¹⁰¹.

Вся сфера сознания под влиянием голода начинает заполняться представлениями, идеями и комплексами идей, которые прямо или косвенно относятся к еде. Они врываются в сферу сознания, незванные и непрошенные, вытесняют другие представления и идеи или стремятся вытеснить их из головы, независимо от нашей воли и вопреки ей. При сильном переживании голода их натиск бывает столь активным, что сильнейшее напряжение воли часто бывает бессильно сопротивляться им. Более того, «с возрастанием интенсивности приступов голода-аппетита соответствующие представления достигают такой интенсивности, живости и отчетливости, что становятся в этом отношении похожими на восприятия и, наконец, приобретают вполне галлюцинаторный характер: начинается ненормальное действие интеллекта, известное под названием голодного delirium'a^{15*}... Сновидения голодного тоже имеют своим предметом разные яства и т.п.»¹⁰².

Мне лично пришлось в течение двух месяцев жизни в лесу голодать довольно сильно (испытывать сильный дефицитный относительный голод – и качественный, и количественный)^{16*}. Через неделю такой жизни трудно было сосредоточиться длительно на чем-либо другом, кроме пищи. Усилием воли удавалось на некоторое время изгнать «голодные мысли» из сферы сознания, но они снова незаметно возвращались и овладевали сознанием.

То же самое констатируют и вышеупомянутые американские психологи, экспериментировавшие над собой. И при жажде, и при голоде (опыты делались в том и другом направлении) питьевые и пищевые представления делались навязчивыми. Самонаблюдатель А (после 20 часов жажды) пишет: «Во время работы я вдруг автоматически прерываю работу и иду к графину с водой, не думая о том, что я делаю. Один раз я глотнул воды, прежде чем успел это осознать». Через 23 часа жажды: «Стало обычным смутное зрительное представление (a vague visual image) стакана воды, или зрительный образ графина, или сосуда с водой, к которому я бессознательно начинаю приближаться, но, приблизившись, вспоминаю об эксперименте, и это заставляет меня снова вернуться к работе. Представления о сосуде с водой преследуют меня...» Нечто подобное отмечают в своих переживаниях самонаблюдатели В, X и другие. Сходное отмечают они и при голодании. «Представление о пище (the ideation of food), без сомнения, есть обычный спутник голодания, и, вероятно, оно вызывает желание пищи,.. часто, как и при жажде, автоматически обнаруживаемое в движениях, направленных к пище», – так резюмирует Boring результаты этих самонаблюдений¹⁰³. «Нам уже давно было трудно говорить между собою о чем-либо другом, кроме еды и еды, –

¹⁰¹ *Петражицкий Л.И.* Цит. соч., с. 231–232.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ *Boring E.G.* Op. cit., p. 307–310, 315.

описывает полярный путешественник Миккельсен свои переживания во время голодного путешествия по Гренландии. – Конечно, поболтать на эту тему в высшей степени приятно, и это никогда не может надоесть раньше, чем хорошенько поешь; только тогда освобождаешься от этой бесконечной темы и можешь беседовать о чем-то другом, не опасаясь, что разговор нечаянно снова собьется на съестное. Мысли зависят от желудка». В тот день поели они досыта и могли говорить не о съестном¹⁰⁴.

«С минуты на минуту жажда делалась мучительнее. У меня начинались различные галлюцинации: мне виделось то озеро, то слышался совсем близко плеск воды»¹⁰⁵. «Несчастные (матросы с “Медузы”) испытывали галлюцинации (видение земли с фруктами) и под влиянием их бросались в море»¹⁰⁶.

В некоторых художественных произведениях весьма удачно описывается это вторжение «голодных идей» в сферу сознания. В «Искушении святого Антония» Флобера имеется ряд таких картин. В сферу сознания Антония, размышляющего о падении благочестия, о Никейском соборе и т.п., неожиданно врываются мысли: «Слишком много постов! Если бы мне отведать... хоть кусочек мяса... *Полузакрывает глаза, в томлении:* А, мяса... Гроздь винограда!.. Простокваши, что дрожит на блюде... Но что со мной? Что со мной?..» Далее мы видим картину голодного delirium'a. У Антония возникают видения стола с яствами: мясом, дымящимся кабаном, рагу, кремом и т.д. Наконец до него доходит, что это «искушение», и он восклицает: «О дьявол! Прочь, прочь! О, искушение было сильно!»¹⁰⁷ Множество таких картин описываются в житиях аскетов, святых подвижников и в целом ряде художественных произведений¹⁰⁸.

Массовым подтверждением описываемой деформации может служить население РСФСР в голодные годы. Оно больше всего говорило о пайках, о хлебе, о еде. Куда бы вы ни пришли, о чем бы ни заговорили, в итоге, почти всегда незаметно для вас самих и ваших собеседников, разговор сбивался на продовольственные темы: о карточках, пайках, рынках^{17*}, питании, о ценах на продукты, способах их добывания и т.п. «Пищевые идеи и представления», обнаружива-

¹⁰⁴ Миккельсен Э. По следам жертв ледяной пустыни. СПб., 1914, с. 255, 269.

¹⁰⁵ Чуди И.Я. Через цепь Кордильеров // Америка. Иллюстрированный сборник. Сост. Крубер и др. М., 1917, с. 43.

¹⁰⁶ Пашутин В.В. Цит. соч., с. 562.

¹⁰⁷ Флобер Г. Искушение святого Антония (Полное собрание сочинений. СПб., 1913, т. 3, с. 20–21 и др.).

¹⁰⁸ Например, в «Голоде» Гамсуна. В «Сирене» Чехова председатель суда в результате наплыва «голодных идей» не в состоянии сосредоточиться на своем особом мнении. «Послушайте, говорите потише! – обращается он к Жилину, живописующему картины аппетита и его удовлетворения. – Я из-за вас уже второй лист порчу...» Затем: «Иван Гурьич! Из-за вас я третий лист испортил!» Далее: «Я шестой лист порчу! Это бессовестно!» Так он и не смог написать «особого мнения» и вынужден был уехать на обед (Чехов А.П. Собрание сочинений, т. I, с. 14–18).

емые речевыми рефлексами, неожиданно врываются в ход беседы, вытесняли остальные темы и занимали центральное место. «Постоянные голодные темы заполняли все сознание детей дошкольного и школьного возраста, – пишет Аронович. – Персеверирующие^{18*} голодные темы носили навязчивый характер». Едва ли нужно другое доказательство правильности сказанного¹⁰⁹.

Описанный характер деформации вместе с тем означает, что под влиянием голодания мир представлений и идей человека беднеет – и количественно, и качественно – в отношении представлений и идей, побочных питания, и богатеет в отношении пищевых идей и представлений. Последние начинают массами роиться в сознании, приобретают разнообразие и необычайную живость, доходящую временами до галлюцинации. Первые же уходят из сферы сознания, бледнеют, о них не хочется думать, они становятся неинтересными, их свободная игра и смена ослабевают и т.д.

Такова деформация этих душевных процессов, вызываемая голоданием.

в) Деформация в области памяти

В связи с изменениями ощущений, восприятий и представлений под влиянием голодания происходит и деформация памяти и вообще репродуктивной способности. На основании вышесказанного легко можно предвидеть, в каком отношении совершается эта деформация. Опыты Marsh'a на этот счет дают ответ неопределенный: обе эти способности при голодании у мужчины ослабевали, у женщины – усиливались. Я полагаю, что типичным явлением здесь следует считать ослабление, а не усиление. Поскольку при голодании органы чувств становятся очень чувствительными ко всему, что связано с едой, и глухими ко всему, что с ней не связано, поскольку посторонние идеи и представления бледнеют и вытесняются из сферы сознания в пользу пищевых представлений и ассоциаций, то и память всего легче схватывает и запоминает явления, процессы и предметы пищевые и делается слабой по отношению к запоминанию явлений и предметов, не связанных с питанием. По отношению к первым она будет усиливаться, делаться более твердой и точной, по отношению ко вторым – будет слабеть. То же самое относится и к воспроизведению. *Всего легче, точнее, яснее и живее будут репродуцироваться «пищевые» процессы, факты и предметы, ибо они сильнее фиксируются в сознании, воспринимаются более интенсивно; и наоборот, репродукция явлений, событий и фактов, посторонних питанию, едва задевающих сознание, воспринимаемых и запечатляющихся слабо, будет производиться (ceteris paribus^{19*}) с большим трудом, с меньшей живостью и точностью.*

Вот почему неудивительно, если в голодном состоянии мы чрезвычайно легко и остро схватываем и запоминаем, с одной стороны, а с другой – с чрез-

¹⁰⁹ Аронович Г. Цит. соч., с. 33.

вычайной живостью и точностью вспоминаем и воспроизводим события, факты и предметы, прямо или косвенно связанные с питанием. В этих отношениях в первые периоды голодания обе способности могут более или менее усиливаться. Зато во всех других отношениях они неизбежно ослабевают. Делать на основании фактов первого рода общее заключение об усилении способности запоминания и репродукции вообще было бы большой ошибкой. Мало того: если брать не это условное усиление и ослабление памяти и репродуктивной способности относительно пищевых и непищевых объектов и явлений, а усиление или ослабление их в целом, то есть основание полагать, что *в общем и целом память при голодании, особенно при длительном, по сравнению с памятью при сытом состоянии ослабевает*. Такова другая черта описываемой деформации. Таблица Marsh'a в той части, которая относится к мужчине, это подтверждает. В 1918–1921 гг. я сделал на этот счет ряд опросов петроградских ученых. Почти все они жаловались на ослабление памяти. Профессор А сказал: «Память стала совсем дырявая». Профессор В: «Память заметно ослабела». Два профессора отметили факт «выпадения» некоторых имен и дат на лекциях, что несколько раз ставило их в неловкое положение перед аудиторией. Аналогичные жалобы приходилось слышать и от простых смертных. То же самое я отчасти констатировал и на себе самом к концу двухмесячного относительного голодания в лесу и в течение 1918–1921 гг. О том же говорят и клинические наблюдения: «При более сильных формах истощения (наступает) состояние спутанности психики, утеря памяти. Больной забывает свою фамилию, не знает, где он находится, не помнит своего места жительства»¹¹⁰. Забываются иногда самые простые слова. Так, X сказал мне, что один раз он забыл слово «топор», Z – слово «береза» и т.д. «Память матросов пострадала» (от голода при крушении «Медузы») ¹¹¹. Всем сказанным, конечно, не исчерпывается суть дела. Ниже мы увидим, что эти изменения гораздо более значительны и глубоки, чем это кажется с первого взгляда. А пока очертим кратко деформацию в области так называемых «волевых процессов».

3. Деформация в области желаний, стремлений, волевых процессов¹¹²

В этой области пертурбация, вносимая голодом, в начальные моменты состоит *в ослаблении и подавлении всех желаний и стремлений*,

¹¹⁰ Вальдман В.А. К вопросу о клинике голодания // Юбилейный сборник в честь XXV-летия врачебно-научной деятельности (1894–1919) проф. И.И. Грекова. Пг., 1921, с. 441–444.

¹¹¹ Пашутин В.В. Цит. соч., с. 563. Тот же результат показывают опыты над животными. См.: Фролов Н. Цит. соч.

¹¹² Ради удобства я пользуюсь обычными терминами субъективной психологии для характеристики субъективных переживаний; первые для меня только ярлыки, отмечающие разные оттенки последних.

мешающих его удовлетворению или антагонистичных ему; и наоборот, в возбуждении, усилении и укреплении желаний и стремлений, содействующих его утолению, солидарных с ним. Мир желаний человека во время голода резко меняется. Те вожеления и устремления, которые при сытом состоянии занимали центральное место, при голоде – если они антагонистичны или побочны его удовлетворению – уходят на второй план, иногда – исчезают и уступают место иным, при сытом состоянии не игравшим никакой роли. Желание «чечевичной похлебки» совершенно отсутствует у сытого и становится основным у голодного. Ниже мы познакомимся с надежным подтверждением этих положений.

Что касается *волевых процессов*, многими психологами противопоставляемых желаниям и стремлениям (с моей же точки зрения, это лишь усложненная форма последних), то и они претерпевают аналогичное изменение. Волевой акт, направленный против желания удовлетворить голод, встречает в последнем противника, пытающегося обессилить его, подавить или ослабить. Первому приходится в этом случае преодолевать сопротивление второго, что удается редко. Волевое усилие, содействующее удовлетворению голода, напротив, встречает в голоде могучего союзника, резко увеличивающего его силу и, так сказать, «выносящего “волю” на своих стихийных плечах». В соответствии с этим при резком варьировании состояний сытости и голодания происходит резкое варьирование относительной силы разных волевых устремлений, изменение волевых процессов и всей волевой сферы душевной жизни. Наряду с этим происходит, как увидим чуть позже, и другое явление: вместе с общим изменением душевных переживаний под влиянием голодания изменяется и наше волевое «я». Вся духовная личность человека резко деформируется, и перед нами встает новое «я» в старой, хотя и измененной телесной оболочке. Сообразно с этим, поскольку воля считается единой, поскольку она интимнейшим образом связана с нашим «я», с изменением последнего меняется и она.

При длительном и сильном голодании «я» – единство и целостность душевной жизни – постепенно разрушается, так сказать, распадается на куски, плохо согласующиеся друг с другом, похожие в своей совокупности на осколки разбитой мозаичной картины, которые держатся вместе только благодаря раме. Соответственно с этим «распадается» на куски и воля. Она перестает быть единой и целостной, дробится на отдельные потоки, несогласованно текущие в «раме» расстроенного человеческого организма. Сила воли ослабевает, размякает, разрыхляется. Место воли при длительном голодании занимают безвольная апатия и тупое равнодушие. Ограничимся пока сказанным. Подробнее об этих явлениях в объективном аспекте я буду говорить ниже.

4. Деформация характера и темперамента

Имеется целый ряд данных – хотя еще и не вполне доказанных, – которые позволяют думать о наличии связи между питанием и тем, что зовут характером, а иногда темпераментом человека. Мы уже знаем, что голуби, если их кормить мясной пищей, становятся хищными. И «у медведей, свиней и собак резко меняется характер в зависимости от того, кормят их мясной или растительной пищей: мясная пища делает их непослушными и злыми»¹¹³. На основании этих данных то же самое можно ожидать и применительно к человеку. Далее, теперь выясняется, что свойства темперамента и характера находятся в связи с работой органов внутренней секреции. А последняя, как было указано выше, в значительной степени зависит от количества и качества пищи, из которой железы вырабатывают секреты. Это дает второе основание допустить, что указанная связь существует. Есть, наконец, кое-какие факты, и прямо говорящие об этом. Было замечено, что народы, особенно первобытные, питающиеся главным образом мясом, в большинстве случаев обладают хищным, энергичным и агрессивным характером. Rivin ставит в связь с мясным питанием большую часть убийств в Англии. И наоборот, народы и группы вегетарианские чаще всего являлись и являются мирными, нехищными группами. Пашутин, указывая на то, что многие не без основания порицали мясную диету за то, что она делает людей хищными, заключает: «Нужно сознаться, что во всех этих излияниях звучит не одна праздная сентиментальность»¹¹⁴. Хотя вопрос этот и очень мало исследован, но указанные основания заставляют думать, что допущение такой связи не абсурдно. Частичным подтверждением ее существования служит и факт покорности русского народа вообще и за эти годы в частности. По сравнению с большинством европейских народов, особенно с англосаксами, и принимая во внимание наш климат, русский крестьянин мяса ел и ест меньше. И он же более покорен, чем другие народы. Не связано ли исключительное безволие населения России, его пассивность и покорность с тем, что в последние годы его питание состояло почти исключительно из продуктов растительного происхождения? Если да, то те, кому желательно иметь такой народ, должны держать его на вегетарианской диете, а сами питаться мясом.

5. Деформация в области всей целокупности душевной жизни личности

Итак, под влиянием голодания подвергаются резкому изменению все отдельные элементы душевной жизни, т.е. те элементарные процессы, из которых складывается наша психическая жизнь. Изменяются наши чувства и эмоции, меня-

¹¹³ Пашутин В.В. Цит. соч., с. 699.

¹¹⁴ Там же.

ется общее наше самочувствие, жизне- и мироощущение, деформируются наши ощущения, восприятие и внимание, представления, идеи, их количество, качество и порядок течения, запоминание и воспроизведение, желания, стремления и волевые переживания. Словом, все отдельные элементы душевной жизни. Если меняются элементы, то неизбежно меняется и та сумма – вся наша душевная жизнь, все содержание нашего сознания, – которая складывается из этих элементов. *Голодание (соответственно – сытость) резко деформирует всю нашу духовную личность, весь духовный багаж нашего «я» как со стороны содержания этого багажа – идей, убеждений, верований, вкусов, желаний, стремлений, оценок, чувств и эмоций и всего мировоззрения, – так и со стороны механизма смены и течения элементов этого багажа – душевных процессов.* Голодание вытесняет из сферы сознания одни из этих элементов и заполняет его другими; подавляет и ослабляет одни идеи, убеждения, верования, вкусы, желания, эмоции и т.д. и усиливает и укрепляет другие. Роль варьирования количества и качества пищи, усвояемой организмом, похожа на роль смены министров в ведомствах: каждая смена влечет за собой перемену состава чиновников, увольнение одних должностных лиц и назначение новых; повышение одних и понижение других, в результате чего меняется состав чиновников и служащих ведомства. Смена сытости и голодания (в результате варьирования количества и качества пищи) производит такую же трансформацию в «составе» элементов (идей, убеждений, желаний, etc) нашего «министерства сознания». Кроме того, смена министров обычно влечет за собой не только перемену состава и перегруппировку служащих ведомства, но и *изменение политики и механизма работы всего министерства*: улучшение или ухудшение его организации, ускорение или замедление процесса производства дел, выдвижение на первый план одних дел и положение под сукно других и т.д. *То же самое происходит и со всем механизмом душевной жизни при варьировании сытости и голодания. Машина душевной жизни в том и другом случае работает по-разному.* Изменения, происходящие в содержимом нашего духовного багажа, мы рассмотрим ниже. А здесь я укажу только некоторые черты деформирования механизма всей нашей душевной жизни при голодании.

Длительное дефицитное, а отчасти и сравнительное голодание, влекущее, как мы видим, резкое изменение состава нервной системы, и в частности головного мозга, в свою очередь расстраивает весь механизм нашей душевной жизни, разбивает его единство, целостность и согласованность его частей. Это сказывается прежде всего на *ослаблении единства нашего «я»*. При сильном голодании целостность его как бы распадается, сконцентрированность «я» начинает как бы расплываться, растекаться, раздваиваться. В «я» появляются трещины, из него вырастают несколько различных «я», которые нередко начинают бороться друг с другом. В нашем сознании как бы исчезает главный монарх, управляющий всей психической машиной, появляется ряд мелких царьков, и вся машина душевных

переживаний начинает работать несогласованно, с трениями и перебоями. Сказанное подтверждается целым рядом соответствующих самонаблюдений.

При математических опытах (сложение, вычитание и т.д.) в голодную неделю, пишет голодающая жена Marsh'a, «я испытывала чувство нетерпения: как будто бы одна часть моего “я” ждала другую, эта нетерпеливая часть как бы говорила другой: “Стоп! Не трудись над вычислениями и предоставь мне делать эту работу; я сделаю ее быстрее и лучше, чем ты”. И когда я останавливалась, эта невидимая часть “я” давала ответы с такой легкостью и быстротой, что я поражалась ее достижениям». «Это ощущение раздвоенности возникало часто, и “делающая часть” “я” нередко давала результаты, противоположные другой»¹¹⁵.

Ряд весьма характерных переживаний в этом роде описан и в «Голоде» Гамсуна. Приведу одну сцену. Голодный герой, не имея пристанища, решил пойти в полицейский участок. Когда он был отведен в камеру и огонь в ней погас, «сумрак завладел моей мыслью, – пишет он, – и не давал мне ни минуты покоя. Что если я сам растворился в темноте? Мое нервное состояние окончательно овладело мною, и, как я ни старался подавить его, ничто не помогало».

«И вот я сидел, *весь добыча самых странных фантазий*, убаюкивая себя, напевая колыбельную песню, обливаясь потом от напряженных усилий успокоить себя». В таком состоянии герой производит целый ряд манипуляций. «Вдруг я несколько раз щелкаю пальцами и смеюсь. Черт возьми! Ха!.. Мне показалось, что я выдумал новое слово. Я поднимаюсь в постели и говорю: этого нет в языке, я сам изобрел это *Кубоа*... Слово четко выступало предо мною из темноты. Я сижу с раскрытыми глазами, изумляясь своей находке, и смеюсь от радости. Потом я начинаю шептать: меня могли подслушать, а я хотел сохранить свое изобретение. Я впал в радостное безумие голода». Дальше он старается уяснить значение этого слова, и тут-то особенно ярко проявляется раздвоение и распад целостного «я». Он перебирает ряд значений, которые *Кубоа* может иметь: Бог, Тиволи, зверинец, высокий замок, восход солнца, эмиграция. Спорит сам с собой, мучается и, наконец, решает, что *Кубоа* должно означать нечто душевное. «Я ищу в памяти чего-нибудь душевного. *И вот мне чудится, будто кто-то говорит, вмешивается в мою беседу, и я сердито отвечаю*: Что такое? Нет, другого подобного идиота и не сыщешь! Полотно? Убирайся к черту! Почему я обязан считать это полотном, когда я был определенно против того, чтобы это означало полотно. Я сам выдумал это слово и был вправе придавать ему любое значение. Насколько мне было известно, я еще не высказывал своего мнения. Но мой мозг охватывало все большее и большее исступление». Беспорядочная цепь ассоциаций продолжается. Сменяются представления: полицейского, моря, кораблей, чудовищ, облаков, падения и, наконец, «я сказал себе: теперь ты должен умереть. И я лежал некоторое время и думал о том, что теперь должен умереть.

¹¹⁵ Marsh H.D. Op. cit., p. 444–445.

Потом я приподнялся в постели и строго спросил: “Кто сказал, что ты должен умереть?” Раз я сам выдумал слово, то я имею полное право решить, что оно должно обозначать. *Я слышал сам*, как я фантазировал, слышал это еще во время моего разговора. Мое безумие было не что иное, как бред слабости и истощения, но я не терял сознания. И мой мозг вдруг произвел мысль, что я сошел с ума»¹¹⁶. Это раздвоение «я» и дуэль одного «я» с другим красной нитью проходит через весь «Голод».

При голодании, близком к смерти, появляется, как известно, бред, полное расстройство сознания и распад личности. Как и в данной картине, из сознания выпадает основной винт, направляющий центр, и оно превращается «в добычу самых странных и случайных фантазий», сфера сознания становится местом беспорядочного, никем и ничем не регулируемого кружения и столкновения не связанных друг с другом представлений и идей, чувств и эмоций. Человек становится похожим на корабль, потерявший руль и кормчего и ставший игрушкой волн – случайных раздражений.

«При крайней степени истощения временами наблюдаются психозы то буйного, то галлюцинаторного характера и бессознательное бредовое состояние»¹¹⁷.

«Лишение пищи приводит нередко к особой форме душевного расстройства, носящего название “бред от истощения”, *delire d’ inanition, Inanitionsdelirium*. Истощение долгое время переносится без каких бы то ни было психических симптомов, но затем, когда оно достигает крайней степени, начинается извращение сознания. Ассоциации идей происходят без контроля, сдерживающая функция сознания ослабевает, мысли текут быстро и бессвязно. Появляются многочисленные галлюцинации слуха и зрения, которые вторгаются в сознание и обуславливают множество нелепых идей, большей частью с оттенком мании преследования, иногда – величия. Но эти идеи не задерживаются в сознании, а сменяются так же быстро, как галлюцинации. Больной, ослабленный до крайности, возбуждается, бормочет бессвязные слова, жестикулирует»¹¹⁸.

Общим следствием такого расстройства целостности нашего «я» оказывается *ослабление и вообще упадок работы мысли*. Мышление требует концентрации внимания, логической последовательности, подчинения ассоциативных процессов определенному направлению, иными словами, требует автономии процесса *связывания понятий и представлений от случайных влияний раздражителей внешней среды, действующих в данный момент*. Только тогда, когда сфера сознания свободна от случайных ассоциаций, когда она, так сказать, ограждена стеной от вторгающихся извне и навязываемых средой ощущений и представ-

¹¹⁶ Гамсун К. Голод, с. 49–51. См. также «Искушение святого Антония» Г. Флобера.

¹¹⁷ Вальдман В.А. Цит. соч., с. 43–44.

¹¹⁸ Розенбах П.Я. Цит. соч., с. 84–85; другие факты см. у В.В. Пашутина (цит. соч., с. 565–566, 608).

лений, когда в этой огражденной сфере руководящий центр – «я» – свободен, когда он направляет цепь идей согласно своим заданиям, лишь тогда возможно продуктивное мышление. Если это условие не выполняется, то получается только кавардак бессвязных идей, прихотью случая сменяющих друг друга. К такому именно состоянию и приводит длительное голодание. Раз при голодании единство и целостность «я» ослабевает, раз в сознании исчезает «хозяин» и воцаряется капризная пляска переживаний, то было бы чудом, если бы работа мысли не ослабевала при голоде. *Это ослабление проявляется: 1) в ощущении своеобразной «пустоты» в мыслях; 2) в возрастающей трудности концентрации мысли (внимания) на избранном объекте; 3) в связи с этим – в растущей зависимости процессов мышления от внешних влияний, в уменьшении их автономной, саморегулируемой последовательности; 4) в душевных расстройствах – стало быть, в росте беспорядочности и бессистемности мысли.* А все это вместе взятое плюс деформации, очерченные выше, ведет прямо или косвенно, медленно или быстро к ослаблению мыслительной способности при абсолютном и длительном относительном голодании.

Приведу несколько иллюстраций к сказанному. В «Голоде» Гамсуна герой, который во время долгого голодания неоднократно пытается написать статью, чтобы заработать несколько крон, отмечает: «Голова была пуста... Теперь я больше ничего не мог писать, моя голова тотчас же оказывалась пуста, как только я делал попытку заняться». «У меня больше ничего не выходило, хотя я был очень прилежен. Мой мозг обанкротился» и т.д.¹¹⁹

Я цитирую это произведение потому, что оно не только беллетристика, но и человеческий – и весьма правдивый – документ. Описанное явление непосредственно связано с тем, что выше было сказано о деформации восприятий, внимания, представлений и т.д. Такое же явление отмечают и голодавшие американские психологи. «Я пуст», – отмечает один. «Я чувствую слабость и пустоту (a feeling of emptiness)», – пишет другой. То же самое отмечают и остальные¹²⁰. В связи с этой пустотой стоят и другие формы ослабления мысли: трудность сосредоточения на явлениях, посторонних питанию, бессистемность мысли и т.д. У того же Гамсуна герой после долгого голодания не мог вычислить, сколько стоит $3\frac{5}{16}$ фунта сыру по 16: «Провозившись с этими цифрами минуты две, я на беду свою почувствовал, что все начало плясать в моей голове; у меня все путалось... Я обливался потом; изо всех сил думал об этих загадочных цифрах и задумчиво моргал глазами. Казалось, что-то треснуло в моем мозгу»¹²¹. Аналогичное явление отмечают Cannon и Washburn, подчеркивая, что в результате голодания возникает «состояние беспокойства, делающее бесконечно трудным

¹¹⁹ Гамсун К. Голод, с. 80, 97, 117, 119 и passim.

¹²⁰ Boring E.G. Op. cit., p. 312–316.

¹²¹ Гамсун К. Голод, с. 118.

систематическое выполнение обычных дел»¹²². То же самое наблюдали на себе и голодавшие американские психологи. Наблюдатель X пишет (после 20 часов абсолютного голодания): «Я чувствую такую общую слабость в теле, что не в состоянии делать что бы то ни было»¹²³ и т.д. Лично я в марте-апреле 1919 г. при недостаточном общем питании и почти полном отсутствии жиров животного и растительного происхождения заметил за собой относительный спад умственной работоспособности. В 1918–1921 гг. мне довелось беседовать на эту тему со многими профессорами и работниками умственного труда Петрограда, и почти все они жаловались на упадок умственной энергии и работоспособности. И объективно за эти годы большинство из них сделали гораздо меньше, чем в предыдущие – сытые – годы. Число не только напечатанных, но и написанных работ за эти годы меньше. Если возьмем статистику вышедших в центрах книг (наименований) и периодических изданий, то даже по сравнению с 1917 г. оно меньше, не говоря уже о том, что серьезных трудов за эти годы почти не выходило, а выпускалась всякая макулатура. В Москве в 1917 г. выходило 367 периодических изданий и было выпущено 4690 наименований книг, в 1920 г. – 165 и 919. Число окончивших высшие учебные заведения в 1917 г. в Москве составляло 2379, в 1919 г. – 315 человек, хотя количество учащихся было больше, а требования, предъявляемые к ним на экзаменах, были сильно занижены¹²⁴. То же самое мы видим и в области менее сложной умственной работы. За эти годы продуктивность в РСФСР упала во всех областях, особенно в голодных центрах. И не только в тех отраслях, где используется физический труд, но и там, где работники заняты преимущественно умственным трудом (наборщики, конторщики, бухгалтеры и т.п.). Нет прежней внимательности, точности, быстроты, нет прежней энергии, живости и т.д. Что это все, как не массовое подтверждение сказанного? Еще резче голод сказался на умственных способностях детей. Падение их отмечается всеми педагогами. «Со стороны интеллектуальной сферы отмечается понижение внимания и умственной работоспособности при быстрой утомляемости. Отсюда – низкая успеваемость детей»¹²⁵. Я прекрасно понимаю, что помимо голода такое ослабление умственной продуктивности вызвано целым рядом еще и других причин, но среди них голодание занимает свое и едва ли не центральное место.

Причем, согласно данным экспериментов, произведенных над собаками Н. Фроловым, следует думать, что *прежде всего и сильнее всего от голода страдают именно высшие и сложные формы умственной деятельности*. Его исследование показало, что при голодании становится почти невозможным образование новых условных рефлексов, они очень непостоянны; прежде всего исчезают

¹²² Cannon W.B., Washburn M.F. Op. cit., p. 441.

¹²³ Boring E.G. Op. cit., p. 313.

¹²⁴ См.: Красная Москва. 1917–1920 гг. М., 1921, с. 494–496, 522.

¹²⁵ Аронович Г. Цит. соч., с. 31.

искусственные условные рефлексы, потом – натуральные, и меньше всего страдают безусловные рефлексы. «Последовательность исчезновения рефлексов перед смертью находится в обратном отношении к порядку их появления в ранний период жизни»¹²⁶.

Нечто похожее, по-видимому, имеет место и у людей...

Наконец, о расстройстве всей душевной жизни на почве голода свидетельствует рост душевной заболеваемости населения России за эти годы и распространенность ее в голодных губерниях.

«В 1918–1920 гг. душевная заболеваемость Петроградского населения увеличилась и продолжает возрастать». Одним из основных факторов этого роста был голод, как правильно указывают исследователи¹²⁷. О массовых душевных расстройствах в голодающих губерниях нам чуть ли не ежедневно сообщали газеты:

«В селе Ольховка на почве голода участились случаи сумасшествия»¹²⁸.

«В селе Молчановка на почве голода зарегистрировано три случая сумасшествия»¹²⁹.

«Многие сходят с ума. Был случай, когда глухой ночью раздался звук набата. Звонил в экстазе дикого восторга лохматый крестьянин. Звонит и приплясывает. Ему представилось, что надо звонить громче и сильнее... Есть целые деревни, где не оказалось ни одного нормального человека. Все помешались на еде»¹³⁰.

Такие известия, как уже было сказано, сообщались чуть ли не ежедневно. Да иначе, согласно всему вышеизложенному, и быть не могло.

Расстроенный мозговой аппарат не может нормально и целесообразно работать. Связи в нем распадаются; отсюда – разложение единства «я» и все выше очерченное.

Я не отрицаю тем самым возможность временных лихорадочных вспышек умственной энергии в первые периоды голодания. Но они временны и с ростом голодания исчезают.

Не отрицаю я и возможность вспышек лихорадочно-однобокой работы мозга при голодании – вспышек, в результате которых наряду с чисто бредовыми, бессвязными и абсурдными произведениями возникают такие, как «Духовные

¹²⁶ Фролов Н. Цит. соч., с. 169–170; см. также: Розенталь И. Цит. соч.

¹²⁷ См.: Горовой-Шалтан В.А. К вопросу о душевной заболеваемости населения при современных условиях // Психиатрия, неврология и экспериментальная психология. 1922, № 2, с. 34 и др. (см. также его статью в газете «Врачебное дело» от 1 февраля 1921 г.); Осипов В.П. О душевных заболеваниях в Петрограде // Известия Комиссариата Здравоохранения Петроградской трудовой коммуны. 1919, № 7–12.

¹²⁸ Известия ЦИК. 12 февраля 1922.

¹²⁹ Петроградская правда. 10 марта 1922.

¹³⁰ Красная газета. 31 января 1922. Кое-какие факты см. в брошюре: Василевский Л. Жуткая летопись голода. Уфа, 1922.

упражнения» Игнатия Лойолы, основы магометанства, мировоззренческие системы аскетизма, факиризма^{20*} и т.п. продукты «пароксизмов» мозга. Но сама односторонность и полубредовый характер такого рода творчества (чем несколько не отрицается его важная социальная роль, положительная или отрицательная – все равно) уже свидетельствуют о ненормальной работе мозга. Это – во-первых. А во-вторых, спорным остается вопрос, чем вызваны оригинальность и глубина некоторых произведений такого рода: голоданием или другими факторами, действовавшими наперекор голоданию и своим влиянием аннулировавшими вредные последствия первого? Человек и его жизнедеятельность – функция многих детерминаторов поведения, а не одного только голодания. Некоторые из них своим совокупным влиянием могут иногда компенсировать эффекты других факторов, в частности голодания¹³¹.

На аскетов, Иисуса Христа, Магомета, Будду, факиров, стóлпников, Игнатия Лойолу и других представителей *élites*, жизнь которых есть «подвижничество и иску́с», когда они, пребывая в «посте и молитве», создавали своеобразные духовные творения, наряду с голоданием оказывали воздействие и другие необычные условия и факторы, которые тоже могли повлиять на оригинальность и глубину их интеллектуальной деятельности. Вот почему такие факты не противоречат вышесказанному¹³².

Таковы вкратце основные формы деформации психики, вызываемой голоданием. Как видим, варьирование психических переживаний находится в самой тесной связи с варьированием количества и качества пищи.

¹³¹ Подробно об этом см. в моей «Социальной механике».

¹³² Было бы крайне интересно проследить более точно и детально кривую умственной работоспособности при различных формах и сроках голодания. Эта задача выходит за рамки данной работы. Всего вероятнее, что эта кривая имеет не прямолинейный, а волнообразный характер. Понижаясь при резком уменьшении и ухудшении питания, она при продолжении голодания может затем временно повышаться в силу относительного приспособления организма и нервной системы к новому положению. За временным повышением при продолжающемся голодании она снова понижается. Повышения возможны и в дальнейшем, но чем больше длится голодание, тем они происходят все реже и реже, становятся все слабее и слабее, и в итоге кривая, хотя и с некоторыми колебаниями, непрерывно будет спускаться вниз. Это ее падение может продолжаться и после прекращения длительного голодания: ряд наблюдений и опросов граждан России показывает, что многие профессора замечали у себя снижение работоспособности не в периоды самого сильного голодания, а после его прекращения, иногда – несколько недель спустя. (Такое явление, впрочем, можно объяснить и тем, что в периоды самого сильного голодания они просто не в состоянии были наблюдать за собой и констатировать падение работы своей мысли и замечали его только тогда, когда при улучшившемся питании нервная система начинала работать лучше.) Еще резче колебания кривой будут в том случае, если периоды длительного голодания время от времени будут прерываться моментами обильного питания. Такие резкие переходы, сильнейшим образом «дергающие» организм и мешающие ему приспособиться к каким-то одним определенным условиям, оказываются едва ли не самыми пагубными для жизни организма и для процесса мышления.

Если учесть все это, то не будет абсурдом гипотеза, что различное питание разных социальных слоев и профессиональных групп населения может сказываться на различии их умственного развития и тех психических процессов, которые происходят в их сознании. И действительно, ряд исследований, произведенных в этом направлении, свидетельствует о том, что такое различие имеет место.

Исследовалась, например, острота восприятия (*sensibilité*) тактильных (с помощью циркуля Вебера^{21*} и другими методами), болевых, вкусовых, световых, хроматических, слуховых, мускульных раздражений у представителей богатых, хорошо питающихся групп и представителей групп и профессий бедных, питающихся хуже. Итог их был тот, что «почти все формы чувствительности менее развиты у вторых по сравнению с первыми»¹³³.

Аналогичные исследования психических способностей и умственного развития этих групп производились (обычно по методу Бине-Симона, измененному в Америке Иерксом^{22*}) целым рядом исследователей (Decroly, Degand, Morlé, Binet, Simon, Hoffman, Weintrob, Jerks, Anderson, Bridges, Coler и др.)¹³⁴. И все они пришли к тому же выводу, который гласит: *существует поразительная корреляция между уровнем умственного развития детей одного школьного возраста и профессией их родителей*. Дети из обеспеченных классов по степени зрелости года на два опережают детей из бедных слоев населения, причем и среди последних более бедные оказываются более отсталыми по сравнению с менее бедными¹³⁵.

И у нас в России Воронов установил такую связь между процентом душевной заболеваемости и величиной наделов крестьян¹³⁶:

Величина надела	Душевнобольных на 1000 человек
безземельные	3,18
до 5 десятин	1,56
от 5 до 10 десятин	1,30
от 15 до 25 десятин	1,05
свыше 25 десятин	0,91

Было бы наивно причину этого различия искать в одном только питании. Но полностью исключить его из числа факторов, обуславливающих отсталость и меньшую психическую даровитость плохо питающихся групп населения, так-

¹³³ Niceforo A. Op. cit., p. 104. Там же см. цифровые данные как Niceforo, так и других авторов (Roncoroni, Albertotti, Lombroso, Saint-Hilaire, Weil'я, Dehn'a, Ferrai).

¹³⁴ См.: Bridges I.W. and Coler L.E. The Relation of Intelligence to Social Status // Psychological Review. 1917, № 24, p. 1–31.

¹³⁵ Ibid., p. 29–31. Там же см. числовые данные и кривые.

¹³⁶ Горовой-Шалтан В.А. Цит. соч., с. 35.

же едва ли было бы правильно. Предыдущее описание психических эффектов голодания и дефективного питания дает основание предполагать (а с другой стороны, и само косвенно подтверждается этим различием), что в ряду условий, порождающих это явление, пищевой режим играл и играет свою роль.

На основании всего сказанного мы можем сделать вывод о том, что колебание взятой нами независимой переменной в виде количества и качества пищи вызывает изменение и соматического строения человека, и тех физиологических и психических процессов, которые происходят в его организме и сознании. *Меняется весь человек. Во всех этих отношениях он в значительной мере является тем, что он сам (особенно в период внутриутробного развития и первых лет жизни) ел и ест, как он ест и усваивает пищу, что и как ели его предки и родители.*

Если же меняется весь человек, то, естественно, не может не меняться и его поведение, т.е. те двигательные реакции, в выполнении коих прямо или косвенно участвует весь организм и из совокупности которых и состоит поведение.

К изучению изменения поведения под влиянием питания мы теперь и перейдем.

Глава вторая

ИЗМЕНЕНИЕ ПОВЕДЕНИЯ ЛЮДЕЙ ПРИ ГОЛОДАНИИ

1. ПОНЯТИЕ И ФОРМЫ ПИЩЕТАКСИСА И ПИЩЕТАКСИЧЕСКИХ АКТОВ

Рассмотреть все конкретные изменения в области поведения, вызываемые дефицитным и относительным голоданием, нет возможности: одно перечисление их заняло бы сотни страниц. Вместо этого, чтобы избежать напрасной траты сил, сразу же выделим центральное явление в сфере поведения, возникающее в результате всесторонней деформации, которую претерпевает человек при голодании.

Из этого явления следуют и им же объясняются все бесчисленные изменения форм поведения, порождаемые нашей независимой переменной и варьирующиеся в зависимости от множества дополнительных условий.

Под таким центральным явлением я понимаю *трефо- или пицетропизм или пицетаксис* (частный случай хемотропизма или хемотаксиса)^{1*}, т.е. *тяготение или притяжение голодающего (дефицитно или относительно) человека к пищевым объектам (или объектам, дающим возможность приобрести их, например к деньгам) с осознаваемой или неосознаваемой целью овладения такими объектами, их поглощения и – в конечном итоге – удовлетворения голода. «Пицетаксическим» поведением будет любое поведение человека, прямо или косвенно стимулируемое голодом и направленное на добывание, овладение и поглощение пищевых объектов или их эквивалентов, например денег, дающих возможность получить пищу.*

Я знаю, что использование терминов «таксис» и «тропизм» вызовет возражения даже и со стороны некоторых биологов, которые могут счесть неправомерным их применение к поведению человека, поскольку они обычно применяются только к прямым моторным реакциям простейших организмов на внешний раздражитель. По этой причине кратко изложу мотивы, руководствуясь которыми я тем не менее их употребляю.

Первый из них состоит в том, что не только простейших, но и высших животных, в том числе и человека, состояние голода, с одной стороны, и раздражения, исходящие от пищевых объектов – с другой, действительно «толкают» к совершению пицетаксических актов, а пищевые объекты – «притягивают»

к себе не только в переносном, но и в прямом смысле слова, как магнит притягивает железо, свет лампы – бабочек, пищевые раздражители – инфузорий. В этом отношении центральное ядро таких актов и у простейших, и у высших животных одинаково: только у последних оно усложнено и выступает в более запутанной форме. Покажите голодной собаке кусок мяса – и вы увидите, как она будет «притягиваться» к нему, как помчится со всех ног к тому месту, где находится мясо, и нужно будет употребить большую силу, чтобы не допустить ее к этому «пищевому магниту». Я наливаю в миску молоко и показываю его котенку; тот сразу же «притягивается» им; я отталкиваю его прочь – он снова стремится к миске, я снова ставлю препятствие – он пытается подобраться к «магниту» с другой стороны, я отбрасываю его снова – он снова стремится к молоку; я поднимаю тарелку – он начинает прыгать за ней; и это повторяется 5, 10, 15 раз, пока котенок не преодолеет препятствия или не лишится сил. Перелеты птиц и саранчи, перекочевка рогатого скота и т.д. – массовые проявления того же пищевого таксиса. То же самое «притяжение» наблюдается и у человека, только в еще более сложной форме. Из упомянутых американцев, ставивших на себе опыты по перенесению голода и жажды, *A* через 20 часов, проведенных без воды, пишет: «В процессе работы я внезапно прерываю ее и иду к графину с водой, прежде чем успеваю подумать» (о том, что этого по условиям эксперимента делать нельзя). Через 23 часа он пишет: «Число моих отправлений к воде возросло. Полагаю, что в последний час я отправлялся раз двадцать. Это происходит так: я работаю, вдруг прерываю работу, автоматически встаю и иду в сторону графина с водой. Меня преследует зрительный образ воды или сосуда с водой, к которому я бессознательно направляюсь». То же самое отмечают *B*, *X* и другие экспериментаторы¹. И то же самое происходит при голодании. Многие голодавшие в той или иной форме могли наблюдать подобное явление и на себе, и на других. «Депро с провиантом действует на голодного человека, как магнит на железо, и чем мы ближе к нему, тем сильнее оно притягивает к себе», – рассказывает Миккельсен о том, что он ощущал, когда во время путешествия по Гренландии у него кончились все запасы².

Что это, как не «притяжение» пищевых объектов, как не «подталкивание» к овладению ими и их поглощению, т.е. к совершению пищевых реакций, которые в сытом состоянии не совершаются? Эмиграция людей из голодных мест в сытые (подробнее об этом см. ниже) – массовое проявление того же самого процесса. Связь между пищевыми стимулами и ответными актами в основе своей одинакова и у простейших, и у человека. Но у человека, как и у высших животных, она крайне усложнена и проявляется, как мы сейчас увидим, более извилистыми и окольными путями. Эту усложненность я и не думаю от-

¹ *Boring E.G.* Op. cit., p. 307–308.

² *Миккельсен Э.* По следам жертв ледяной пустыни. СПб., 1914, с. 253.

рицать. Но из-за нее нельзя упускать основное сходство актов низших и высших животных, стимулируемых дефицитным и относительным голоданием.

Как сравнительная анатомия или физиология видит в нервной клетке моллюсков упрощенную форму того, что у человека выступает в виде развитой нервной системы, а в функциях первой – сходство с функциями второй, так и сравнительная теория поведения (дисциплина, еще почти не существующая) с тем же правом может в хемотаксических реакциях простейших видеть элементарную форму более сложных «пищетаксических» актов высших животных и человека. В указанном отношении они похожи друг на друга; с точки зрения сравнительной теории последние представляют собой развитую форму первых. Этих оснований достаточно для того, чтобы применение термина «пищетаксис» в области человеческого поведения считать правомерным.

Дополнительным мотивом служит то, что этот термин подчеркивает: 1) общую природу соответствующих актов у животных и человека; 2) инстинктивный характер такого рода актов, «пружина» которых находится не в сознании и разуме, а существует до них и может действовать без них; 3) их основное объективное содержание, которое состоит в «тяготении» к пищевым объектам, в стремлении к овладению ими и их поглощению.

Все акты, подпадающие под это определение, я и называю актами *трефо* или *пищетаксическими*. Причем, как я уже отметил, *не имеет значения, совершаются они сознательно или бессознательно*. И в том и другом случае, если препятствия преодолены, их конечный объективный итог один и тот же: поглощение пищевых объектов. Разница лишь в том, что в первом случае пищетаксис субъективно осознан, во втором – бессознателен; в первом случае пищетаксис ставит себе на службу весь разум человека и заставляет его помогать достижению своей цели, во втором – обходится без него.

Установив общее понятие пищетаксиса и пищетаксических актов, укажем теперь основные их формы. Это указание поможет еще точнее определить сформулированное выше понятие.

В зависимости от форм голодания следует различать прежде всего пищетаксические акты, вызываемые *дефицитным и относительным голоданием*, иначе говоря, стимулируемые объектами, утоляющими первую и вторую форму голодания.

Выше уже указывалось на то, что не только голодный человек стремится *насытиться*, но и сытый испытывает желание заменить худшую – в качественном отношении – пищу на лучшую.

Пищетаксические реакции вызывают у человека не только пищевые объекты вообще, как это бывает при дефицитном голодании, но и – при отсутствии последнего – пищевые объекты лучшего качества, более вкусные, разнообразные, питательные и легче усвояемые. В первом случае поведение его ориентируется на пищевые объекты вообще.

Схема: голод (А) —————> (В) пища

Во втором – на пищу лучшего качества.

Схема: (А) $\begin{matrix} \cdots\cdots\cdots\rightarrow & \text{(В) грубая пища} \\ \rightarrow & \text{(С) лучшая пища} \end{matrix}$

В этом случае вместо направления А→В человек притягивается в направлении А→С. Первые акты назовем для краткости *дефицитно-пищетаксическими*, вторые – *относительно-пищетаксическими*.

Каждая форма этих актов распадается далее на пищетаксические акты *чистые* и *смешанные*. Под первыми я разумею пищетаксические акты, вызванные исключительно дефицитным или относительным голоданием, под вторыми – акты, стимулируемые одновременно голоданием и другими детерминаторами поведения.

Если индивид А едет из Петрограда во Псков, стимулируемый исключительно «продовольственными» детерминаторами, то вся цепь соответствующих его актов будет проявлением чистого пищетаксиса. Если журналист В пишет статью и потому, что нужно зарабатывать на хлеб, и вместе с тем потому, что ему хочется отчитать оппонента, приобрести известность и т.п., то перед нами – смешанные пищетаксические акты.

Каждая из перечисленных форм пищетаксического поведения распадается далее на *простые* и *сложные пищетаксические акты*. Границы между ними относительны, но различать степени сложности все же необходимо. Дело вот в чем. Будь то голодное животное или голодный человек, но если пища лежит у них под носом, то они ее берут и съедают. Пищетаксис состоит в данном случае из *чрезвычайно простой и короткой цепи актов*: нужно всего лишь положить пищу в рот, разжевать ее и проглотить. Когда же пищи под носом нет, когда на пути к «пищевому магниту» стоит ряд препятствий, которые нужно преодолеть, тогда пищетаксическое поведение превращается в *длинную и сложную цепь актов, весьма разнообразных по своей конкретной форме*. Животное или человек в этом случае вынуждены совершать целый ряд актов, нужных для преодоления препятствий и на первый взгляд как будто не имеющих никакого отношения к пищетаксису. Эти конкретные формы актов могут быть чрезвычайно разнообразными в зависимости от величины и характера препятствий. Проиллюстрирую сказанное примерами. Я наливаю котенку молоко и даю ему. Он подходит и ест. Пищетаксическое поведение здесь очень просто и ясно. В другой раз, показав ему миску с молоком, я ставлю ее между оконными рамами. Он идет за мной, запрыгивает на подоконник, начинает «искать выход»: бегаёт взад и вперед по подоконнику, царапает лапой стекло, начинает карабкаться по раме окна

и т.д. – словом – совершает целый ряд действий. Через две-три минуты я открываю форточку. Провозившись некоторое время попусту, он карабкается вверх, к форточке, оттуда прыгивает в межоконное пространство и, наконец, добирается до «магнита». В данном случае цепь его пищетаксических актов, стимулируемых молоком, гораздо сложнее, длиннее и «извилистее», чем в прошлый раз. Еще пример. У меня в квартире мыши прогрызли в полу дыру и стали совершать «пищетаксические налеты». Одно время я оставлял им сухари около дыры. В этом случае их пищетаксическое поведение было сравнительно просто: с легкостью добравшись до пищи, они съедали ее – тем дело и заканчивалось. Через какое-то время я стал тщательно убирать и запирать все съестное. Препятствия на пути к пище для мышей возросли. Сразу же пищетаксическое поведение их усложнилось: они начали бегать по всей комнате, по ночам прогрызать буфет и стол с припасами и т.д., т.е. цепь соответствующих актов удлинилась и усложнилась, в качестве звеньев в нее вошли такие акты, которые на первый взгляд ничего общего с пищетаксисом не имеют (прогрызание буфета, etc). Еще один пример сложного пищетаксического поведения демонстрирует животное, оказавшееся в лабиринте со сложной системой коридоров, с тупиками и т.п., в конце которого помещается пищевой «магнит». Животное, прежде чем овладеть им, должно найти правильный путь, преодолеть множество препятствий и совершить ряд разнородных актов.

То же самое можно сказать и о поведении дефицитного и относительно голодающего человека. Если пища у него под носом, он берет ее и ест. Если ее нет, если она не готова, то пищетаксическое поведение человека приобретает сложный характер – и тем более сложный, чем больше препятствий приходится преодолевать; оно разворачивается иногда в длиннейшую цепь актов, самых разнообразных по форме, часто для поверхностного наблюдателя не имеющих никакого отношения к стимулу питания. В современных условиях человеку для того, чтобы утолить голод, нужно сначала добыть деньги. Для этого он поступает на службу или пилит дрова, читает лекции или выступает на сцене, или же убивает кого-то и т.д. Затем он идет в ресторан или лавку, заказывает себе обед или, купив продукты, готовит их; и только после целой серии таких актов доходит до конца – до акта еды.

Из сказанного ясно различие между простым и сложным пищетаксическим поведением.

Между актами простого и сложного пищетаксиса, с одной стороны, и пищетаксиса бессознательного и осознанного – с другой, есть связь, состоящая в том, что простое пищетаксическое поведение чаще всего бывает бессознательным, сложное – чаще всего осознанным. В последнем случае преодоление препятствий, требуемое пищетаксисом, заставляет человека мобилизовать высшие центры сознания, пробуждает их к деятельности, вынуждает разум взять на

себя руководство поведением с целью овладения пищей или ее эквивалентами. При простом пищетаксисе дело может обходиться без этого. Таковы основные формы пищетаксического поведения и пищетаксических актов. Схематически их можно представить в таком виде:

2. КОНКРЕТНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ПИЩЕТАКСИЧЕСКИХ АКТОВ И ИХ ДОЛЯ В ОБЩЕМ БЮДЖЕТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Из всего сказанного о сложных пищетаксических актах следует, что *акты пищетаксиса могут быть самыми разнообразными по своей конкретной форме. Кроме специфических актов еды* (введение пищи в рот, жевание, глотание и т.п.), *прямой связи между стимулом голода и конкретной формой вызываемых им пищетаксических актов нет*: последние в зависимости от количества и качества препятствий на пути к утолению голода или обеспечению продуктами питания могут принимать самые разнообразные формы, не имеющие на первый взгляд никакого отношения к питанию. Общественная жизнь человека в отношении питания похожа на «лабиринт», который устраивают исследователи поведения животных, со сложнейшей системой коридоров и тупиков, требующих преодоления. Так как живой человек вынужден регулярно питаться, так как по истечении нескольких часов после приема пищи наступает голодание, так как – далее – большинству людей галушки в рот с неба не залетают, то человек вынужден регулярно преодолевать препятствия на пути к пище, а значит, и регулярно выполнять разнообразнейшие сложные пищетаксические акты. Их конкретная форма зависит от тысячи условий (препятствий), среди которых живет человек. У первобытного человека главнейшими формами пищетаксических – чистых и смешанных – актов являются акты добывания пищи: охота, рыболовство, собирание плодов и дикорастущих семян, нападение на соседнее племя с целью

овладения его продуктовыми запасами и т.д., акты примитивной заготовки пищевых запасов, акты изготовления орудий и инструментов для добывания пищи (бумеранги, каменные топоры, тыквенные горшки, etc), акты приготовления пищи, например жаренье мяса и т.п.

Все эти конкретные разнообразные поступки – проявления пищетаксиса, функции голодания, за исключением тех, что вызваны другими детерминаторами поведения, например акты охоты не для добывания пищи, а «для ради» удовольствия. У современного человека, живущего в более сложных условиях, в бесконечно более сложной «системе общественных коридоров», переполненных тупиками и препятствиями на пути к пищевым объектам, эти акты добывания питания (пищетаксиса), вызываемые голодом, еще более разнообразны.

На первый взгляд покажется, может быть, странным рассмотрение таких актов, как печатание на пишущей машинке, писание газетной статьи, исполнение религиозного обряда, арии Фауста, подбрасывание угля в топку и т.п., в качестве функций голодания или проявлений пищетаксиса. И, однако, в современной «системе коридоров с тупиками» они в большинстве случаев являются ничем иным, как сложной формой если не чистого, то смешанного пищетаксиса, побуждающего человека извилистым путем добывать пищевые объекты. «Нужно есть» – и человек обрабатывает землю. «Нужно есть» – и он столько-то часов работает на фабрике. «Нужно есть» – и человек пишет в канцелярии «входящие и исходящие», пляшет и поет на сцене, читает лекцию, пишет статью, служит обедню, чтобы добыть себе и своим близким «хлеб насущный»... Я не утверждаю тем самым, что те же акты не могут быть вызваны иными, помимо голодания, детерминаторами (например «половым детерминатором», «детерминатором самозащиты», множеством условных раздражителей, не связанных с голоданием: религиозных, правовых, эстетических и т.д.), но говорю, что все эти разнообразные акты могут быть или формами проявления одного чистого пищетаксиса, или результатом совместного действия голодания и других детерминаторов поведения.

Из сказанного ясно, что конкретное проявление пищетаксических актов, особенно в случаях сложного и смешанного пищетаксического поведения, чрезвычайно разнообразно. В силу этого я решительно не могу согласиться с Л.И. Петражицким, утверждающим, что «пружина, приводящая животный мир в движение с целью добывания средств пропитания, состоит не в голоде, а в чем-то другом» и что «теории, которые объявляют голод основной пружиной, толкающей к добыванию средств пропитания», являются недоразумениями. Основаниями, заставляющими уважаемого профессора так думать, служат: 1) различие процессов, которые происходят в организме при голоде, с одной стороны, и во время охоты и других способов добычи пропитания – с другой (например, «для охоты возбуждение и действие слюнных желез, языка и т.п. совершен-

но излишни и составляли бы вредную конкуренцию мускулам ног, от которых требуется быстрота действий для ловли» и т.п.); 2) тот факт, что некоторые животные, например кошки, охотятся даже в то время, когда они сыты. Согласно Л.И. Петражицкому, пружина, толкающая на совершение подобных актов, – особая «охотничья эмоция»; пружина таких актов, как собирание грибов или ягод, – новая эмоция *suī generis*³, актов посадки овощей – опять особая эмоция и т.д.³

Эта аргументация неубедительна. Не говоря уж о неудовлетворительности общего психологического объяснения поведения с помощью заблаговременного приписывания человеку энного количества эмоций (рафинированный вариант «духов» и «душ», по представлениям первобытного человека), а потом, по мере надобности, вытаскивания их на свет божий для объяснения тех или иных актов их воздействием (прием, по существу, опять-таки напоминающий анимистические приемы примитивных людей, которые все объясняют действиями соответствующих духов: заболел человек – злой дух виноват, родился человек – значит, дух вошел в самку и затем появился в виде новорожденного, умер человек – значит, дух оставил тело, гром гремит – потому что Юпитер пускает свои стрелы и т.д.)⁴, – не говоря об этом основном дефекте всей теории Л.И. Петражицкого, неубедительны его аргументы и по существу. Пользуясь его методом, я мог бы доказать, что пружинной, заставляющей меня и всех других людей готовить себе пищу, служит не голод, а особая «поварская эмоция», ибо силы, которые идут на приготовление пищи, пот, покраснение лица, топтание около плиты или «буржуйки», духота, дым, чад и другие сопутствующие явления способны убить аппетит, а не усилить его («вредная конкуренция»); что причиной, заставлявшей тысячи ученых Петрограда ходить за пайком в Дом ученых, стоять там часами в очереди, идти туда, не успев ни попить, ни поесть, пропускать обед, утомляться до потери аппетита и т.д. (какая вреднейшая конкуренция!), был не голод, а особая «пайковая эмоция»; что причиной, побудившей массу петроградцев в 1919–1921 гг. заниматься огородничеством, столь же приятным для многих из них, как собаке палка, был не голод, а особая «огородная эмоция»; что крестьянина заставлял обрабатывать землю не голод, а особая «земледельческая эмоция» и т.д. Такая аргументация может завести нас чересчур далеко. Конечно, некоторые подобного рода акты в отдельных случаях могут и не быть проявлением пищевых таксисов или быть не чистыми, а смешанными пищевотаксическими актами: кошка может временами ловить мышь и играть с нею не из-за голода, человек может идти за пайком не по причине голода, а, например, чтобы кому-то помочь или с кем-то повидаться, и т.п., вплоть до актов еды в исключительных случаях, ког-

³ *Петражицкий Л.И.* Цит. соч., с. 258–259.

⁴ Подробная критика психологизма в социологии будет дана мною в третьем томе «Системы». Пока см. указанные работы Bentley, Weiss'a, Kenagy, а также первый том моей «Системы социологии».

да, например, человек ест, чтобы выиграть пари и купить на заработанные деньги сапоги. Но заключать отсюда, что между такими актами и голоданием нет связи, что кошка никогда не ловит мышей из-за голода, потому что иногда она охотится в сытом состоянии, что человек никогда не торчит в конторе, не работает на фабрике, не пишет статью из-за голода (наличного или грозящего), потому что иногда он делает это ради любви к делу, – значит частный случай возводить в норму. И генетически у животных акты охоты развились главным образом из пищевых рефлексов. И фактически они в огромном большинстве случаев вызываются голоданием или его угрозой, что сформировало у некоторых животных в процессе естественного отбора инстинктивные акты, направленные на создание запасов пропитания. Представьте мысленно, что у человека отсутствует необходимость питания – и какую революцию в его поведении вы тем самым произведете! Огромная часть самых разных занятий, видов труда или актов добывания средств пропитания исчезла бы сразу. Не много нашлось бы охотников, готовых по 10 часов в день торчать на фабрике, в шахте, конторе, готовых с утра до ночи до изнеможения копать или пахать землю, ходить на надоевшую службу и т.д., и т.д. Раз не надо есть – масса людей или совсем бросила бы такие работы, или сократила бы их до минимума. Если этого не происходит, то причина лежит в чистом или смешанном пищевом дефиците, вызываемом дефицитным или относительным голоданием, фактическим или угрожающим, приучившим людей в процессе всего их развития делать запасы на «черный день», повелевающим их приспособляться к будущему и устранять постоянно грозящую опасность голода.

Из всего сказанного следует, что конкретная форма чистых и смешанных пищевых актов у человека может быть чрезвычайно разнообразной, каждая цепь сложного пищевого поведения может состоять из поступков самого разного рода.

Установив этот факт, спросим себя: *какова же доля пищевых актов во всей сумме актов человеческого поведения или, иначе говоря, какой отрезок всей линии его жизни они занимают?*

Легко понять, что эта доля неодинакова у разных лиц и групп, неодинакова и у одного и того же человека в разные периоды его жизни. Неодинакова в силу целого ряда причин, прежде всего в силу различной степени пищевых запросов, а затем в силу разной величины тех препятствий, которые требуется преодолеть для достижения объектов питания.

Оставляя все другие условия в стороне или предполагая их равными, формулируем основную теорему, устанавливающую зависимость доли пищевых актов в общей сумме поведенческих актов человека от величины препятствий на пути к пище. Эта теорема, вытекающая из всего предыдущего, гласит: *при равенстве прочих условий, в частности при одинаковой интенсивности*

пищетаксиса, чем больше препятствий стоит на пути к овладению одними и теми же пищевыми объектами вообще или пищей лучшего качества, тем сложнее становятся чистые и смешанные пищевотаксические акты человека, тем большую долю всей суммы актов человека (всей его линии жизни) они составляют, иными словами, тем больше времени и энергии тратит он на добывание средств пропитания, а следовательно, тем меньшей становится доля актов, не являющихся ни чистыми, ни смешанными пищевотаксическими актами, стимулируемых другими, отличными от голода, детерминаторами поведения и направленных на достижение иных целей. Короче говоря (ceteris paribus^{3}), процент пищевотаксических актов (чистых и смешанных) от всей суммы актов человека обратно пропорционален величине препятствий, стоящих на пути добывания средств пропитания.* Когда в лабиринте с коридорами и тупиками мы кладем пищу в самом его начале, крыса, войдя в лабиринт, берет ее, и дальнейшие поиски пищи становятся излишними. Когда же кусок сала положен в конце лабиринта или (если дело происходит в квартире) спрятан в буфет, животному приходится проделывать сложный путь, преодолевать десятки препятствий, совершать ряд разнообразных действий, тратить больше энергии и времени, прежде чем оно достигнет пищевого магнита.

Точно так же ведет себя и человек. Если пища лежит у него «под носом», ему остается только взять ее и съесть. Пищевотаксические акты в этом случае составляют ничтожную долю всей линии его поведения, они требуют минимума времени и энергии. Остальное время и энергия в таких случаях могут уходить на решение иных задач и выполнение иных актов.

Совершенно иной будет линия жизни (поведения) человека, столь же голодного, как и в первом случае, если ему придется преодолевать массу препятствий на пути к тем же самым пищевым объектам. Пока он живет – он должен есть, стало быть, должен преодолевать эти препятствия. Это требует от него затрат массы энергии и времени, занимает во всей линии жизни громадную долю и оставляет для непищевотаксических актов ничтожное пространство, тем меньшее, чем больше препятствий.

Жизнь такого человека будет своего рода сплошным – чистым или смешанным – пищевотаксисом и чуть ли не вся уйдет на то, чтобы «набить брюхо» (при дефицитном голодании) или на «проедание жизни» (при относительном пищевотаксисе «лакомок», «гурманов» и «сластен»). Остальные потребности *будут в этом случае находить свое удовлетворение лишь постольку, поскольку они входят в смешанные пищевотаксические акты*, позволяющие «и удовольствие соблюсти, и питание приобрести», так сказать, «одним ударом убить двух, трех или большее число зайцев». Счастлив человек, которому это удастся; несмотря на жестокую борьбу за пропитание, его жизнь будет разнообразной и полной, она может быть не только «жизнью брюха», но и одновременно жизнью духа.

У тех же, кому из-за больших препятствий не удастся совершать смешанные пищевые акты, жизненный процесс сведется почти к одному пищевому акту «набиванию живота».

Подтверждением сказанного служат *бюджеты времени и бюджеты доходов и расходов*.

Бюджет времени, т.е. количество часов, которые человек тратит на совершение различных актов, может служить показателем того, на что – на удовлетворение каких потребностей – уходит его жизнь, какие из них по времени занимают первое место, какую долю в общем бюджете занимают пищевые акты и как эта доля варьируется с варьированием ряда условий, в частности с увеличением или уменьшением препятствий. К сожалению, изучение бюджета времени не позволяет абсолютно точно описать поведение современных людей, живущих в обществе, в котором существует товарообмен и разделение труда. *Изучение бюджета времени могло бы дать точные данные лишь применительно к человеку, который удовлетворяет все свои потребности своими собственными силами*. Тогда, определив, сколько часов тратит он на добывание пищи и на удовлетворение других потребностей, мы могли бы определить и относительную долю пищевых актов в общем бюджете актов (линии жизни) человека, и зависимость колебания этой доли от ряда условий, в частности от величины препятствий на пути к пище.

Найти такого человека трудно. Более или менее напоминают его лишь дикари, живущие в обществе с минимальным разделением труда, или изредка – культурный человек, оказавшийся в условиях, когда он сам должен удовлетворять все свои потребности.

Варьирование же доли времени, которое тратится на пищевые акты, в зависимости от варьирования препятствий можно наблюдать (с приближением, конечно) и в наше время на поведении масс населения.

Изучение только что перечисленных категорий фактов действительно подтверждает сформулированную выше общую теорему и вытекающие из нее частные следствия, а именно: *1) что при равенстве прочих условий доля времени, которое человек тратит на пищевые акты, там, где добыть пищу трудно, в общем его бюджете огромна; 2) она увеличивается (ceteris paribus) с ростом препятствий и падает с их уменьшением; 3) увеличение ее может происходить только за счет доли времени других непищевых актов; они в этом случае частью вытесняются и исчезают (соответствующие потребности перестают удовлетворяться), частью же вливаются в пищевые акты и выполняются в виде смешанной формы последних; 4) в категорию первых – исчезающих – актов попадают те акты (и потребности), которые не могут быть совмещены с пищевыми актами и не способствуют добыванию пропитания, в категорию вторых – те, которые могут совмещаться*

с пицетаксическими актами и прямо или косвенно благоприятствуют добыванию продуктов питания.

Все это вместе взятое свидетельствует, вопреки мнению Л.И. Петражицкого, о том, что огромная часть наших актов, самых разнородных по форме, не имеющих, казалось бы, никакого отношения к питанию (например религиозная проповедь или речь в парламенте), может стать и чаще всего становится функцией имеющегося или грозящего голодания, формой чистого или смешанного пицетаксиса. Для подтверждения сказанного приведем некоторые факты.

Большинство дикарей в отношении питания находится в гораздо более худших условиях, чем люди культурных стран: препятствий, стоящих перед ними на пути к пище, намного больше. И что же мы видим? – Что *чуть ли не все время, чуть ли не вся жизнь дикарей*, находящихся в условиях скудных и неблагоприятных в плане того, что касается добывания пищи, и самолично удовлетворяющих свои основные потребности, уходит на заботу о пропитании.

«Забота о пропитании при вечной кочевой жизни захватывала человека всецело, так что рядом с ней не могли возникнуть даже те чувства, которые мы считаем самыми естественными». «Если из жизни бушмена или ведды изъять употребление огня, лука и стрел (и их изготовление – все это в значительной мере пицетаксические акты, ибо они нужны для добывания пищи. – П.С.), то она сведется к индивидуальным поискам пищи». «Потребность в пище является самой настоящей, а первоначально и единственной (это преувеличено. – П.С.) потребностью, которая побуждает человека к деятельности, заставляет его безостановочно рыскать, пока он не удовлетворит этой потребности»⁵.

Цезарь о свебах, живущих охотой и скотоводством, пишет, что они, кроме того, «много времени проводят на охоте». *Agriculturae non student maiorique pars eorum victus in lacte, caseo, carne consistit. Neque multum frumente, sed maximam partem lacte atque pecore vivunt, multumque sunt in venationibus*^{6/4*}.

«В ранние годы жизни, до четырнадцати лет, дети австралийцев свободны и проводят время в поисках пищи в зарослях кустарника»⁷. То же самое в большей мере относится и ко взрослым.

«Без правительства, религии, денег, без собственности, питаюсь только мясом, кровью и жиром, в одеждах из шкур эскимосы залива Смита заботятся лишь о том, чтобы было что поесть и во что одеться, и занимаются единственно только добыванием этих предметов... У них есть только одно занятие, а именно – охота и изготовление оружия и принадлежностей охоты»⁸.

⁵ Бюхер К. Возникновение народного хозяйства. СПб., 1907, т. 1, с. 16, 18, 24, 40.

⁶ Caesar. De bello Gallico. Lib. VI, 22; lib. IV, 1.

⁷ Spencer B., Gillen F. The Northern Tribes of Central Australia. London, 1904, ch. X. См. также: Steinmetz R. Rechtsverhältnisse von eingeborenen Völkern in Afrika und Ozeanien. 1903, S. 15–16.

⁸ Пири Р. По большому льду к северу. СПб., 1906, с. 452–453, 458.

«Человек по природе склонен к лени, – обобщает Вестермарк ряд фактов, – не потому, что ему противна мускульная деятельность как таковая, но потому, что ему не нравится монотонность регулярной работы и требуемое ею умственное усилие. Диках, мало заботящихся о завтрашнем дне, только необходимость или принуждение заставляют трудиться. *Здесь люди ленивы или трудолюбивы в зависимости от того, легко или трудно они могут обеспечить себе средства существования (и прежде всего питание)*»⁹. Если пища легко добывается – дикари ленивы и беспечны, т.е. тратят мало времени и энергии на пищевые акты. Полинезийцы беспечны и не работают, когда плодов много; «суровый климат и плохая почва побуждают к труду, делают людей предусмотрительными и энергичными»¹⁰. По сообщению Yate, маори «должны работать, если хотят есть», тогда как туземцы островов Тонга, живущие среди богатой природы, ленивы и тратят на поиски пищи мало труда¹¹. Так же ленивы и беспечны туземцы Суматры, многих мест Африки, негры Золотого Берега^{5*} и другие, живущие в условиях, где пища легко добывается; гренландцы, эскимосы и другие, обитающие среди суровой природы, трудолюбивы, энергичны и постоянны в работе. Самоанцы, таитяне, туземцы Сандвичевых островов и Новой Зеландии, нукагиванцы (Nukahivans) и другие работают, когда пищи нет, и лентяйничают (т.е. тратят время на иные акты), когда пищи много¹².

Из этих фактов, число которых можно было бы увеличить весьма значительно, мы видим: 1) что голод является пружиной, толкающей на добывание средств пропитания; 2) что с ростом трудностей этой добычи увеличивается и доля пищевых актов в жизни дикарей; 3) что последние варьируют с ростом или уменьшением этих трудностей.

Одинаковые причины порождают одинаковые следствия. Те же явления мы должны находить и в поведении культурных людей, если растут препятствия на пути к овладению пищей. И действительно, раскройте страницы, описывающие жизнь путешественников (например Стенли, Пржевальского) или пионеров, попадающих в места, где пищу добывать трудно, и вы увидите, как коэффициент времени (и энергии), расходуемых ими на добывание средств пропитания, резко увеличивается в общем бюджете времени, как иногда в суточном бюджете он занимает чуть ли не все 24 часа или чуть ли не все часы бодрствования. Уменьшаются препятствия – падает и коэффициент.

Беру для примера дневник Миккельсена, путешествовавшего по необитаемым льдам Гренландии в 1910–1912 гг. Читая его, нельзя не увидеть, что в пери-

⁹ *Westermarck E.A.* The origin and development of the moral ideas. London, 1908, vol. II, p. 268–269.

¹⁰ *Hale H.* Ethnology and Philology: US Exploring Expedition. Philadelphia, 1846, vol. VI, p. 17.

¹¹ *Yate W.* Account of New Zealand. London, 1835, p. 105–106.

¹² *Westermarck E.* Op. cit., p. 268–283.

оды, когда истощались запасы пищи, почти все время его и его спутника начинало уходить на добычу пищи, пока цель не достигалась. «Часов 12–14 бродим мы по долине без усталости, но и без успеха... Долго тянется время, когда бродишь час за часом, не видя никакой дичи... Чего мы только не делаем! Без усталости бродим в поисках зверья, часами лежим у полыней, подманивая тюленей». Четыре дня подряд рыскали они, пока им не удалось убить нескольких куропаток. И это повторялось не раз. «Чем чувствительнее становится голод, чем ближе день, когда из запасов не останется ни крошки, – а он не за горами, – тем больше мы проявляем энергии (для добывания пищи охотой) и день-деньской снуем взад и вперед вдоль трещин пролива»¹³.

Еще более ярким примером в этом отношении служит поведение и бюджет времени Дж. Ноулса, который 4 октября 1913 г. без одежды и без каких бы то ни было инструментов ушел в лес с целью проверить, сможет ли современный человек без всех предметов и орудий культуры прожить «на лоне природы». Несмотря на благоприятную обстановку, первые дни его жизни в лесу все-таки ушли чуть ли не целиком на добывание еды. Первый день и первую ночь он не был голоден. «Проснувшись, я впервые ощутил мучительный приступ голода», – пишет он. Пищетахсис дан – и что же мы видим? «По плотине бобров я пробрался к истоку пруда, не сводя глаз с мелей, где мне могла попасться форель. Я шел к местам лесного пожара за ягодами и досыта поел голубики». Затем он «снова вернулся к озеру в надежде добыть форель» и т.д. Словом, огромная часть времени (и энергии) в течение первых недель двухмесячного опыта уходила в этих условиях на добывание пищи – и тем большая, чем труднее было ее добывать¹⁴. Соответственно падала доля времени, которое тратилось на иные акты и цели.

Наконец, на поведении граждан России в 1917–1921 гг. мы могли проверить правильность сформулированных нами теорем. За эти годы разделение труда резко уменьшилось – все мы стали «энциклопедистами» – и сильно возросли препятствия на пути добывания продуктов питания. И что же мы видим? 1) *Доля времени и энергии, потраченных на добывание пищи, в нашем бюджете времени возросла непомерно* (добывание картошек, всевозможные очереди, поездки за продуктами, бегание по далеким рынкам и спекулянтам, выполнение ряда работ исключительно ради пайка, хождение по столовым, приготовление пищи, занятие огородами, etc). 2) *Доля времени на другие акты соответственно сократилась* (одни занятия, например посещение театров, выставок, знакомых, прогулки, почти полностью прекратились, другие – сократились до минимума, например научные занятия, не обещающие немедленного получения фунта мас-

¹³ Миккельсен Э. Цит. соч. с. 257–264 и др. Аналогичный характер носило поведение Нансена и Иогансена во время их зимовки на заполярном острове. См.: Нансен Ф. Во мраке ночи и во льдах. СПб., 1901, т. II, гл. V и VI.

¹⁴ Ноулс Дж. Два месяца в лесах. СПб., 1914, с. 20–28.

ла или мяса, третьи – превратились в работу из-за пайка, например чтение «хлебных» лекций в политпросветах, etc).

Это значит, что *с ростом препятствий на пути к продуктам питания чистых и смешанных пищетаксических актов в нашей линии жизни стало больше, других актов – соответственно меньше*. Жизнь в значительной мере свелась к пищетаксису, у одних – чуть ли не к чистому, у других – к смешанному. Смысл бытия у множества людей свелся к «жизни из-за брюха». Такие факты, как принесение в жертву множества дел, занятий и потребностей ради «очереди за пайком», бегство из мест беспайковых и наплыв в места «жирные», занятие огородничеством массой лиц, не имевших к тому никакой охоты, концентрация всех мер правительства вокруг да около продовольствия – все это уже само по себе весьма красноречивое свидетельство и существования пищетаксиса, и его влияния на поведение, и роста доли пищетаксических актов в бюджете времени и жизни за счет других актов в эти годы голода, когда добывание «хлеба насущного» было затруднено до крайности. (Вот и доказывай тут отсутствие связи между голодом и актами добывания пропитания и... наличие «огородной, карточной и лекционной» эмоций!¹⁵)

Все эти факты – и индивидуальные, и массовые – вполне определенно подтверждают высказанные нами предположения.

Еще убедительнее подтверждаются они результатами исследования *бюджета доходов и расходов*. В современном обществе величина доходов есть *ceteris paribus* показатель величины препятствий на пути к овладению пищевыми объектами: чем больше доход, тем легче их добыть, тем меньше препятствий. И наоборот.

Бедность человека – свидетельство множества препятствий на его пути к пищевым магнитам. Из сказанного понятно, что такой термометр, как бюджет доходов и расходов, может показывать: *1) в случае бюджетов предельно ограни-*

¹⁵ Проведенное мною исследование бюджета времени 5 студентов и студенток Петроградского университета за период с конца 1921 до начала 1922 г. (уже при НЭПе) дало следующие результаты.

В трехмесячном бюджете одной студентки (с 21 октября 1921 г. по 21 января 1922 г.) из 1325 часов бодрствования ушло на долю некоторых чистых пищетаксических актов (приготовление и прием пищи) 148 часов, или 11,2%; в другом бюджете времени за тот же период ушло из 1341 часа бодрствования – 190, или 14,2%; в третьем (с 9 марта по 30 апреля 1922 г.) из 848 часов бодрствования ушло 152 часа, или около 18%, в четвертом (с 1 декабря 1921 г. по 27 февраля 1922 г.) из 1228 часов бодрствования ушло 208 часов, или около 17%, в пятом (с 10 июня по 10 июля 1921 г.) из 480 часов бодрствования ушло 145 часов (помимо приготовления и приема пищи – огородные работы), или 30%. Это только на долю чистых пищетаксических актов и то не всех (служба ради заработка не считается, ходьба за продуктами и т.п. – тоже). Вместе же со смешанными эти проценты возрастают до громадной величины. При уровне питания этих студентов у западноевропейского рабочего на это дело ушло бы в 6–7 раз меньше времени. Если бы велся учет бюджета времени тех же студентов и студенток в 1919 г., то эти цифры, вероятно, были бы еще больше.

ченных, дающих возможность только кое-как поддерживать жизнь, ту сравнительную значимость, которую та или иная потребность, в частности питание, играет в жизни человека, следовательно, может до известной степени показывать те пружины, которые толкают его на совершение тех или иных актов; 2) какая группа актов (потребностей) вытесняет другие и какие именно при ограничении бюджета, т.е. при росте препятствий на пути удовлетворения большинства потребностей (ибо за деньги теперь можно удовлетворить множество желаний; они, как правильно указывает Зиммель, условие свободы человека); 3) как изменяется доля пищетаксических актов по сравнению с долей других актов при колебании бюджета, т.е. при варьировании препятствий к удовлетворению голода.

В результате изучения бюджетов мы получаем полное подтверждение выдвинутых положений, а именно: 1) процент расходов на питание в общем бюджете расходов огромен там, где доход ничтожен, т.е. где препятствия к сытости велики; 2) этот процент при переходе от больших доходов-расходов к меньшим (т.е. от меньших препятствий к большим) повышается, и наоборот; 3) это повышение совершается за счет расходов на удовлетворение других потребностей, за счет непищетаксических актов; одни из них исчезают, именно те, которые конкурируют с питанием, не благоприятствуют его добыче и несовместимы с пищетаксическими актами; другие трансформируются, приспособляются и сливаются с пищетаксическими актами, превращаясь в смешанную форму последних; 4) при увеличении бюджета (*ceteris paribus*) доля последних постепенно падает в бюджете актов человека. Человек, так сказать, освобождается от давления пищетаксиса вследствие увеличения продуктов питания и легкости их добычи.

Приведу краткие данные, отсылая за подробностями к указанным работам.

Соответствующие исследования показывают, что: 1) в бюджете рабочих и крестьян, т.е. в самых бедных – предельных – бюджетах Европы и Америки, расходы на пищу колеблются от 40 до 80%¹⁶. Эта цифра уже достаточно ярко

¹⁶ В бюджете французских рабочих 1840-х гг. расходы на пищу составляли 55%, 66%, 67%, в 1850–1860 гг. – около 61%, в 1860–1870 гг., по данным Cheysson'a и Toqué, от 54,5 до 65,4%. В это же время американский рабочий тратит на питание около 50% своего дохода. Близки к этим показателям проценты расходов на пищу бельгийских рабочих, рабочих Германии и других культурных стран.

См.: *Levasseur E. Histoire des classes ouvrières. 1904, vol. II, p. 271–272; Engel E. Die Lebenskosten belgischer Arbeiterfamilien // Bulletin de l'Institut International de Statistique. 1895–1896, vol. IX; Bauer I.S. Das Konsumtionbudget de Haushaltung // Handwörterbuch des Staatswissenschaft Conrad'a. 1900, Bd. 5; D'Avenel G. Le mécanisme de la vie moderne. Paris, p. 154–155.*

Для более позднего времени данные таковы: в 1904 г. исследования бюджета 1944 рабочих Англии показали, что затраты на питание составляют от 57 до 67% всех расходов, в 1916–1917 гг. (40 рабочих семей) – 62–69%, во Франции (1907–1908) – 52,8–62,7%, в Германии (1906–1907) – 56,3–65%, в США – 34,4–42,4% и т.д.

говорит о том, из-за чего люди работают и какую громадную часть в поведении людей занимают «пищетаксические акты»; 2) *процент расходов на пищу во всей сумме доходов-расходов падает с ростом доходов-расходов в бюджетах одного типа*. Чем больше доход-расход, тем сравнительно меньшая часть расходов уходит на питание (закон Энгеля^{6*} с поправкой Laspeyres⁷ а). Следовательно, тем большая часть остается на удовлетворение других потребностей, на выполнение непищетаксических актов. И наоборот.

D'Avenel считает, что $\frac{4}{5}$ семейств во Франции тратит на питание $\frac{3}{5}$ своих доходов. С ростом дохода снижается процент расходов на питание. Получающие около 10000 франков в год тратят на питание уже только 35–40% дохода, получающие 20000–50000 франков – еще меньше: 15–25%¹⁷.

По исследованию рабочих бюджетов во Франции в 1907–1908 гг. эта связь выглядит так:

Еженедельный доход (в шиллингах)	Расходы на питание по отношению ко всему доходу (%)
Меньше 20	62,7
20–25	60,8
25–30	58,6
30–35	57,9
35–40	56,1
40 и выше	52,8
<i>В Англии (1944 рабочих бюджета)</i>	
Меньше 25	67,0
25–30	66,2
30–35	65,0
35–40	61,0
40 и выше	57,0

См.: *Webb A.* The new dictionary of statistics. London, 1911, p. 156–165; *Mulhall M.G.* The dictionary of statistics. London, 1903, p. 358–360; *Ferguson.* The Family Budgets and Diaries of Forty Lab Class Families in War Time // Proceedings of the Royal Society of Edinburgh. Vol. XXXVII, P. II, p. 120–133.

В России в крестьянских бюджетах доля расходов на питание колеблется от 58 до 84%, у рабочих – от 44,5 до 71% всех расходов. См.: *Щербина Ф.А.* Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900; *Щербина Ф.А.* Крестьянские бюджеты и зависимость их от урожаев хлеба // Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. СПб., 1897, т. II, с. X–XI; *Чаянов А.В.* Организация северного крестьянского хозяйства. Ярославль, 1918, с. 22–23; *Чаянов А.В.* Очерки по теории трудового хозяйства. М., 1913, вып. II; *Первушин С.* Потребление // Энциклопедический словарь Гранат, т. 33, с. 168.

Подробный перечень литературы см.: *Клепиков С.А.* Цит. соч., с. 39–50.

¹⁷ *D'Avenel G.* Op. cit., p. 154–155.

Глава вторая

Еженедельный доход (в шиллингах)	Расходы на питание по отношению ко всему доходу (%)
<i>В Германии (1906–1907 гг.)</i>	
Меньше 25	65,0
25–30	62,3
30–35	59,2
35–40	57,7
40 и выше	56,3
<i>В США (11156 бюджетов в 1901 г.)¹⁸</i>	
	Расходы на питание по отношению ко всем расходам (%)
Меньше 16	50,85
16–24	47,33
24–32	48,09
32–40	46,88
40–48	46,16
48–56	43,48
57–64	41,44
64–72	41,37
72–80	39,90
80–88	38,79
88–96	37,68
96 и выше	36,45
<i>В России (бюджеты киевских рабочих)¹⁹</i>	
Ежегодный доход (в рублях)	Расходы на питание по отношению ко всем расходам (%)
100–200	71,95
200–300	56,70
300–400	52,45
400–500	54,30
500–600	52,40
600–700	49,80
700–800	44,50

То же самое наблюдается и у крестьян. «Например, по Вологодскому уезду в низшей группе (посев до 2 десятин) расходы на пищу при данном типе бюджетов составляют 70,8% всех личных расходов, затем постепенно падают: от 67,6 до 61,9 и до 60,7% в высшей (более богатой) группе»²⁰.

¹⁸ *Webb A.* The new dictionary of statistics, p. 156–165.

¹⁹ *Первушин С.А.* Потребление // Энциклопедический словарь Гранат, т. 33, с.168.

²⁰ Там же, с. 167–169. См. также: *Первушин С.А.* Очерки массового потребления // Экономист. 1922, № 4–5, с. 67–68. Подробные данные см. в словаре *Webb'a, Mulhall'я* и в указанных ими, а также в указанных выше работах.

Эти данные действительно свидетельствуют о том, что в бюджетах сходного типа, да и в бюджетах вообще с ростом доходов-расходов доля расходов на пищу падает, с уменьшением их – растет. Если бы питание богача было одинаково с питанием бедняка, то пищетаксические акты в его бюджете актов, отмечаемые процентами расходов на питание, составляли бы ничтожную долю. Но и при улучшении питания (благодаря относительному пищетаксису) процент расходов на пищу в его бюджете ниже их процента в бюджете бедняка.

Если же бюджет доходов падает до ничтожной величины, то расходы на питание составляют чуть ли не все 100% дохода, а часто и больше, образуя дефицит в бюджете и таким образом сводя все остальные непищетаксические акты (и потребности) почти к нулю.

Массовым примером таких бюджетов и такого поведения может служить население ряда городов России и прежде всего Москвы и Петрограда в 1918–1921 гг. Здесь многие проедали не только все, что они зарабатывали, но и продавали все некогда добытое, чтобы хоть как-то насытиться. Акты (и потребности), побочные пищетаксису, сократились в то время до ничтожной доли. Они могли совершаться и находить удовлетворение только в форме смешанных пищетаксических актов. Кто этого не делал или не умел делать, жизнь того действительно превращалась в простую погоню за пищей и... только. Сократились за эти годы расходы на одежду и обувь, на чистоту и комфорт жилища, на освещение и отопление, на культурные потребности (книги, лекции, театры, церковь, etc), и увеличился процент расходов на питание. Это видно хотя бы из следующего изменения бюджета рабочих-одиночек в Москве в 1918 г. по сравнению с довоенным временем, когда добыча пропитания была гораздо легче²¹.

Потребности	Расходы в %	
	в довоенное время	в 1918 г.
Пища	37,3	75,7
Жилище и хозяйственные расходы	12,0	3,8
Одежда	12,8	7,8
Гигиена	4,2	3,0
Культ-просв. потребности	2,6	2,2
Посылки на родину	27,6	2,2
Прочие	6,3	5,3

Таблица показывает, как с ростом препятствий на пути к добыванию пищи доля расходов на нее (а соответственно и пищетаксических актов) возросла и вытеснила долю расходов (и актов) на иные потребности. Все акты (ремесло, спекуляция, работа, писание книг, статей, художественных произведений, чте-

²¹ Красная Москва. 1917–1920 гг. М., 1920, с. 185–186.

ние лекций, рисование картин, служба, etc) превратились в эти годы в средство для добывания пищи. Те из них, которые были бесполезны в этом отношении (лекции, статьи, работа, не дававшие пайков), постепенно уменьшались, вытесняемые «пайковыми» актами. Мало того, ниже мы увидим, что пищетаксис в этом отношении произвел гораздо более крупные изменения: он «выворотил» и «переделал» всю «душу» людей, заставил их «сжечь все то, чему они поклонялись, и поклониться всему, что сжигали»^{7*}.

Таково понятие пищетаксиса, его виды, его проявления, его роль в поведении, та ориентировка, которую он придает поведению, та деформация, которую он в нем вызывает; наконец, связь его с величиной препятствий на пути к пищевым магнитам и вытекающие отсюда частные теоремы.

Все это оказывается центральным явлением, вызываемым голодом в поведении людей, явлением, из которого вытекают и которым освещаются многочисленные деформации поведения, вызываемые им. Вышесформулированная на этот счет основная теорема обобщает все последние. К рассмотрению этих остальных изменений мы сейчас и перейдем, но прежде нужно остановиться еще на одном общем вопросе.

3. КРИВАЯ ИНТЕНСИВНОСТИ ПИЩЕТАКСИСА ПРИ ДЕФИЦИТНОМ (АБСОЛЮТНОМ) И ОТНОСИТЕЛЬНОМ ГОЛОДАНИИ

До сих пор при установлении зависимости между долей пищетаксических и непищетаксических актов во всем поведении человека, с одной стороны, и величиной препятствий – с другой, мы принимали равенство прочих условий, следовательно, и *равенство интенсивности самого пищетаксиса, т.е. тяготения человека к пищевым объектам, вызываемого голоданием*. Последнее я брал как величину постоянную и рассматривал варьирование пищетаксических и иных актов в зависимости от варьирования величины препятствий.

Теперь посмотрим на дело несколько по-иному.

Нам важно знать (и само по себе, и для понимания ряда социальных явлений) не только долю пищетаксических актов в сумме всех актов человека и условий, от которых зависит увеличение и уменьшение этой доли, но и величину энергии, с которой человек стремится к пищевым объектам, иначе говоря, интенсивность пищетаксических актов, страстность и энергию, с которой они совершаются.

Растет ли она параллельно росту голодания? Можем ли мы утверждать, что, чем дольше длится дефицитное голодание, тем интенсивность пищетаксических актов больше? Нет, не можем. И эксперименты, и наблюдение, и самонаблюдение

ние говорят иное, а именно: энергия, с которой голодный человек стремится преодолеть препятствия, стоящие на пути к пище, не растет бесконечно с усилением голода, а, дойдя до определенной точки максимума, далее – при продолжении голодания – падает. Интенсивность пищетакиса, таким образом, может быть изображена в виде волнообразной кривой, начинающейся с нуля (при сытости), идущей вверх при начале голодания, достигающей точки максимума и далее идущей вниз, хотя бы голод и продолжался. Такова общая схема. Подтвердим ее кратко.

Вот данные эксперимента.

Накормив котенка досыта, я беру кусок мяса и, подняв его на аршин от пола, показываю ему. Котенок не прыгает. Посмотрев на мясо, сидит и бездействует. То же самое происходит при всяком повторении такого «дразнения», когда котенок сыт. Совсем другая картина наблюдается после того, как он поголодает в течение 7–10 часов. Достаточно показать мясо – и он начинает прыгать за ним. И чем он голоднее – тем выше. Поднимаю мясо на край раковины – он прыгает на нее. Цепляется за край передними лапами и, как акробат, поднимается над ней в общем на высоту (от пола) $1\frac{1}{2}$ –2 аршина. Даю ему мясо. Ест. Наелся. Дальнейшие дразнения на него не действуют. Сыт, а потому интенсивность пищетакисических актов близка к нулю. Котенок абсолютно голодал $2\frac{1}{2}$ дня. Показывается «магнит». Он смотрит на него. Пытается прыгнуть, но не может достать: не хватает сил.

Продолжительное голодание ослабило его, энергия пищетакисических актов упала. При продолжении голодания она будет падать, а не расти. Таким образом, интенсивность пищетакиса, измеряемая высотой прыжка к пищевому магниту, вполне подтверждает приведенную выше схему²².

Это значит, что возбуждаемость (по терминологии Ферворна) от голода имеет свои границы, за которыми всякое усиление раздражения (голодания) не вызывает увеличения интенсивности пищетакисических актов (и ощущений)²³. То же самое с соответствующими изменениями справедливо и по отношению к человеку.

²² Ряд данных иного рода, но свидетельствующих о том же см.: Папутин В.В. Цит. соч., с. 54–55, 401–402.

С разными колебаниями, но и у кроликов, и у собак при абсолютном голодании после определенного срока наступает апатия, вялость, исчезает беспокойство, прекращаются поиски пищи, энергия движений снижается, и дело кончается смертью.

²³ Это общее явление. «Раздражение, – справедливо отмечает Иост, – может расти беспредельно, между тем как величина реакции заключена в известные пределы». Как бы сильно ни нажимали на кнопку электрического звонка, он не будет звонить сильнее положенного ему предела. То же самое относится и к реакциям организма на раздражители, в данном случае – к пищетакисическим реакциям на голод.

См.: Иост Л. Физиология растений. Пг., 1914, с. 742–743; Ферворн М. Общая физиология. М., 1911, вып. II, гл. V.

При абсолютном голодании в первые 2–3–4 дня (пределы варьируются у разных людей) интенсивность пищетаксической реакции возрастает – с некоторыми колебаниями – и достигает максимума. При дальнейшем продолжении голодания в связи с ослаблением организма она не растет, а падает: растут вялость, апатия, безразличие (тоже с подъемами и снижениями), энергия добывания и стремление к пище падают – и чем дальше, тем больше. Дело заканчивается смертью. В субъективном мире это проявляется, как мы уже видели, в том, что чувство голода достигает максимальной силы в первые дни. Через 2–4 дня оно пропадает и тонет в общем море мучительных ощущений, в итоге сменяющихся апатией, равнодушием и тупым безразличием ко всему²⁴. Таково движение кривой интенсивности пищетаксической реакции при абсолютном голодании.

Нечто подобное – но в течение более длительного срока – происходит и при относительно-дефицитном голодании. И здесь (если голодание сильно дефицитно) с его продолжением кривая интенсивности пищетаксической реакции, достигнув максимума, в дальнейшем не растет, а падает. Если же дефицитность голодания ничтожна (и не ведет к сильному истощению организма), то в этом случае интенсивность пищетаксической реакции может сохраняться на высоком уровне очень долго²⁵.

Что касается бездефицитного относительного голодания, то движение кривой интенсивности пищетаксической реакции зависит здесь от многих условий. В числе их – и для дефицитного, и недефицитного голодания – заслуживает упоминания одно условие: степень внезапности колебаний количества и качества пищи, поступающей в организм, и скорость этих колебаний. Из биологии и психологии нам известно, что внезапные и резкие колебания раздражителей среды (например температуры) гораздо легче выводят организм из равновесия, чем колебания, происходящие медленно. В последнем случае организм постепенно приспосабливается к ним, привыкает и чаще всего успевает выработать ряд защитных реакций, позволяющих ему сохранить равновесие. Известно также, что интенсивность «ощущения» растет не прямо пропорционально силе раздражения, а примерно как его логарифм (по закону Вебера-Фехнера^{8*}). Если сила раздражения ниже определенного предела («порога раздражения»), то оно не вызывает ощущения, заметного для нас самих или для наблюдателя, но и в том случае, когда его сила превышает определенный барьер, дальнейший ее прирост тоже перестает ощущаться²⁶. Если эти положения применить к пищевым раздражителям, то можно прийти к выводу: при равенстве прочих условий

²⁴ См. выше данные американских психологов, Сукки, Marsh'a, В.В. Пашутина и других. Я наблюдал это на себе. О том же свидетельствует поведение массы голодающих нашего времени.

²⁵ Ср.: Пашутин В.В. Цит. соч., с. 401.

²⁶ Подробнее об этом см.: Ферворн М. Цит. соч., с. 243–246 и соответствующие главы в курсах психологии Вундта, Цигена, Джемса, Гефдингга и др.

кривая интенсивности пищетаксической реакции (и ощущение голода) при относительном дефицитном и относительном голодании зависит от степени быстроты и внезапности колебания пищевого режима. Чем внезапнее и быстрее будут последние, тем резче и круче будут колебания первых. Моменты резких подъемов кривой интенсивности пищетаксиса совпадают с моментами наиболее резкого и быстрого падения количества и качества пищи. Если, например, в одном случае количество и качество пищи исподволь ухудшается и уменьшается в течение 40–50 дней, что можно изобразить в виде плавно снижающейся кривой, а в другом ухудшение происходит скачками, хотя бы общее количество и качество пищи, поступившей в организм в течение этих 50 дней, было больше и лучше и хотя бы даже низший предел кривой питания был все время выше, чем в первом случае, кривая интенсивности пищетаксической реакции во втором случае поднимется гораздо выше, а чувство голода будет намного острее, чем в первом. При этом кривая интенсивности голода совершает резкие подъемы в моменты резких снижений кривой питания. В первом случае организм исподволь будет приспосабливаться к постепенному ухудшению и уменьшению пищи; для него это будет происходить как бы незаметно. Во втором случае быстрые и резкие колебания кривой питания будут похожи на сильные толчки, выводящие организм из равновесия, не позволяющие ему приспособиться к ним. Соответственно с этим организм будет четко регистрировать эти колебания и бурно реагировать на них интенсивнейшими подъемами пищетаксиса в форме стремления к бывшему до падения пищевому режиму. Отсюда понятно, что интенсивность пищетаксиса человека, имевшего изысканный стол, но быстро ухудшившийся до уровня простой, но вполне достаточной пищи (скажем, до 3500 калорий), может быть более высокой, чем интенсивность голода простого смертного, уровень питания которого постепенно снизился с 3000 до 2000 калорий²⁷.

Таково в общих чертах значение этого условия и приблизительный ход кривой интенсивности пищетаксиса при медленном и постепенном и при быстром и резком варьировании кривой питания.

На основании сказанного можно сделать следующие выводы:

1) при равенстве других условий тенденция к совершению пищетаксических актов прямо пропорциональна интенсивности пищетаксиса;

2) так как при абсолютном голодании точка его максимума достигается в первые дни (чаще всего на второй-четвертый день) голодания, а при относительном – в моменты резких и быстрых падений кривой питания, то в эти мо-

²⁷ Подтверждением тому является пищетаксическое поведение населения России в 1917–1921 гг. Наиболее резко пищетаксис проявился при первом значительном ухудшении питания в начале 1917 г. (забастовки, голодные бунты и революция). Дальнейшее постепенное ухудшение питания не вызывало столь острой реакции, хотя уровень питания в 1918 г. был очень низок. Последующие волнения происходили опять-таки в моменты значительного сокращения выдачи хлеба и другого продовольствия (например, февраль и март 1921 г.).

менты человек максимально сильно и бурно стремится к пищевым объектам, т.е. выполняет соответствующие пищетаксические – чистые и смешанные – акты и наиболее энергично борется с препятствиями на пути к пищевым магнитам;

3) соответственно с этим в такие моменты пищетаксические акты (и потребность в питании) вытесняют всего успешнее из фонда актов поведения все непищетаксические поступки (и потребности), не совместимые с ними, и стремятся превратить весь организм в своего рода «чек на предъявителя», в аппарат, направленный на удовлетворение дефицитного или бездефицитного голода.

Запомним эти положения. Они пригодятся нам при изучении ряда социальных эффектов голодания и кое-что объяснят в них²⁸.

Теперь, очертив центральный пункт деформации поведения, вызываемой голоданием, перейдем к рассмотрению отдельных сторон этого общего явления.

4. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ВЗАИМООТНОШЕНИИ ГОЛОДА И ДРУГИХ ДЕТЕРМИНАТОРОВ

Из понятия пищетаксиса как основной функции голодания следует, что с момента своего появления детерминатор голодания пытается целиком завладеть нашим организмом, как «чеком на предъявителя», и стремится превратить его исключительно в аппарат, обслуживающий задачи питания. Если бы не было других детерминаторов поведения, то в такие периоды человек был бы похож на шар, толкаемый исключительно голодом или подчиненный только пищетаксису. Этот «чек на предъявителя» стал бы тогда чеком именовым, принадлежащим исключительно «господину Голоду».

Но, конечно, такое допущение неверно. Помимо голода имеется целый ряд других детерминаторов поведения²⁹. Человеческий организм, обладающий чувствительнейшей сетью воспринимающих раздражение аппаратов нервной системы, – это сложнейшая радиостанция, все время находящаяся под воздействием многих детерминаторов, ежеминутно воспринимающая «токи раздражений» не только со «станции голода», но и от множества других «станций», т.е. ряда безусловных и условных раздражителей, отличных от детерминатора голодания (например от безусловных и условных возбудителей полового, защитного и других безусловных и множества условных рефлексов, называемых религиозными, правовыми, эстетическими и другими детерминаторами). Это значит, что

²⁸ См. ниже гл. «Голод и революции»^{9*}.

²⁹ Подробно теория детерминаторов человеческого поведения и общественных процессов будет изложена мною в третьем томе «Системы социологии». Здесь же я касаюсь ее лишь постольку, поскольку это необходимо для решения поставленной проблемы.

на организм, как на «чек на предъявителя», почти в любой момент предъявляют монопольные претензии множество «господ детерминаторов», в сфере влияния которых он находится.

Ему приходится так или иначе реагировать на все эти раздражения – монопольные претензии, а потому поведение человека есть «функция» не одной «независимой переменной», а многих, и в каждый данный момент человек находится в «поле действия» не одной силы – количества и качества пищи, а многих.

Равнодействующей их совокупного влияния и будет поведение человека.

Детерминатор голода может находиться в тройном отношении ко всем остальным детерминаторам поведения: 1) в солидарном, когда и он, и другие детерминаторы в один и тот же момент «толкают» человека на совершение или несвершение одних и тех же акций-реакций или актов, благоприятствующих друг другу; 2) в антагонистическом, когда голод и другие детерминаторы требуют от человека реактивных актов, исключаящих друг друга и несовместимых друг с другом в одно и то же время; 3) в нейтральном, когда они толкают к актам, совместимым друг с другом, т.е. друг друга не исключаящим, но не одним и тем же. Однако в чистом виде этот тип взаимоотношения детерминаторов встречается редко. Чаще всего он представляет собой приближение к первому или второму типу³⁰.

Поскольку детерминатор голода стремится завладеть человеком всецело и превратить его поведение в сплошной пищетаксис, то для осуществления этого стремления необходимо: 1) или полное отсутствие антагонистических детерминаторов, 2) или их подавление, депрессирование, полная заторможенность. А пока они есть и пока не вполне заторможены – решение такой задачи детерминатору голода не удается.

В реальной жизни сравнительно редко наблюдаются случаи, когда у какого-либо детерминатора, в данном случае голода, совершенно отсутствовали бы детерминаторы-враги: как уже было сказано, мы почти всегда находимся в поле действия многих сил, среди которых постоянно присутствуют силы-антагонисты. Следовательно, чаще встречается второй случай – конфликт детерминатора голода с другими антагонистическими детерминаторами. Если же имеется конфликт, то значит, идет борьба антагонистических детерминаторов за «обладание» человеком. Если же идет борьба, то возможны три исхода: 1) победа голода над антагонистами (следовательно, пищетаксических актов над другими); 2) победа антагонистов над голодом (следовательно, неприщетаксических актов над пищетаксическими); 3) взаимное их уничтожение и победа *tertius gaudens*^{10*}.

Таковы выводы из основных положений о пищетаксисе. Появление и рост пищетаксических актов возможны только при победе детерминатора голода над детерминаторами-антагонистами или при отсутствии таковых.

³⁰ Подробнее об этих типах см. ниже.

Ниже я рассмотрю проблему взаимоотношения голода с другими детерминаторами и условия, определяющие исход дуэли, подробнее, а пока приведу факты, показывающие подавление или ослабление голодом других антагонистичных ему детерминаторов поведения. Эти факты говорят о том, что в случае дуэли детерминатор голода нередко выходит из нее победителем. (Противоположные случаи будут приведены ниже.) Свидетельством такой победы является само поведение человека – то, что под влиянием голода он перестает реагировать на ряд детерминаторов, на которые он в обычном состоянии реагирует. И наоборот, голод заставляет человека совершать такие акты, которые без него не были бы совершены. В категорию первых – «подавляемых» – актов и детерминаторов входят акты и детерминаторы, несовместимые с пищетаксисом, мешающие удовлетворению голода, в категорию вторых – акты, содействующие обладанию пищей.

После этих общих замечаний перейдем к рассмотрению соответствующих фактов.

5. ДЕПРЕССИРОВАНИЕ И ОСЛАБЛЕНИЕ ГОЛОДОМ ДЕТЕРМИНАТОРА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ САМОЗАЩИТЫ И СООТВЕТСТВУЮЩИХ ЗАЩИЩАЮЩИХ ЖИЗНЬ РЕФЛЕКСОВ

Среди раздражителей, воздействующих на человека, имеется множество таких, которые непосредственно опасны для его жизни, грозят ему немедленной смертью или нанесением серьезного вреда его здоровью. Таковы, например, смертоносные действия других людей (выстрел, удар ножом, побои и пр.), нападение диких животных, укусы ядовитых змей и проникновение в организм болезнетворных микроорганизмов (тифа, чумы, холеры и т.д.), резкие смены температуры, падение на человека тяжелой глыбы и т.д.

В той или иной форме подобные смертоносные раздражения воздействуют на нас почти всегда. Для отражения и обезвреживания их у человека выработался, частично в процессе филогенетического, частично – индивидуального развития, целый ряд разнообразных ответных реакций, позволяющих ему или удаляться от таких опасных раздражителей и избегать их (например бегство от опасного зверя, человека, наводнения, пожара, отскакивание в сторону на улице при звуке рожка автомобиля, воздержание от ядовитой пищи или зараженной воды и т.д.), или отражать в той или иной форме их вредные последствия, например оборонительная борьба со зверем, с нападающим человеком, с микробами, со смертоносными влияниями климата, температуры и других стихий природы (принятие противоядий, надевание теплой одежды при холоде, рефлексорные акты в ответ на грозящую опасность, обезвреживание и уничтожение микробов

и т.д.), или предупреждать наступление этих вредных последствий (меры гигиены, санитарии и т.п.). Как видно отсюда, эти защитные рефлексы – частью сознательные, частью бессознательные – весьма многочисленны и разнообразны. Если бы их не было, жизнь людей была бы значительно короче, смерть подстерегала бы их на каждом шагу и собирала богатую жатву. Благодаря указанным защитным реакциям значительную часть таких раздражителей прямо или косвенно мы обезвреживаем.

Совокупность таких рефлексов образует группу рефлексов самозащиты; раздражения, вызывающие такие рефлексы, образуют особую группу среди детерминаторов человеческого поведения, которую можно назвать (по характеру ответных рефлексов) детерминатором индивидуальной самозащиты³¹.

Наблюдения над поведением людей (и животных) показывают, что детерминатор голода и вызываемые им рефлексы временами вступают в конфликт с рефлексами и детерминатором индивидуальной самозащиты. Это происходит в тех случаях, когда ради удовлетворения голода человек совершает такие акты, которые грозят его жизни неизбежной или весьма вероятной опасностью или причинением тяжкого вреда его здоровью. Детерминатор же индивидуальной самозащиты тормозит совершение таких актов и толкает на совершение актов противоположного свойства. Рефлексы того и другого рода оказываются, таким образом, несовместимыми друг с другом. Между ними происходит дуэль, из которой, как показывает наблюдение, голод нередко выходит победителем, т.е. ему удается затормозить или подавить рефлексы самозащиты³².

Вот подтверждения. Многочисленные факты победы голода над детерминаторами индивидуальной самозащиты распадаются на две основные категории. В одних случаях голод побеждает своего конкурента, так сказать, лобовой атакой в открытом бою; в других он побеждает его тихой сапой, исподволь подрывая силы организма, ослабляя энергию, нужную для успешного осуществления за-

³¹ Общую характеристику этого детерминатора и его роли см.: *Сорокин П.А.* *Общедоступный учебник социологии.* Ярославль, 1920, с. 158–166.

³² Сравнительная теория поведения, или генетическая социология, – дисциплина, пока не существующая, но имеющая такое же право на существование, как сравнительная анатомия, сравнительная физиология и т.д., – могла бы привести сотни соответствующих фактов из жизни животных. Одним из них служит поведение голодных рыб, крыс, волков, медведей и других животных, идущих на пищевую приманку и попадающих в ловушку, западню, яму, на крючок, появление голодных волков в городах, от которых они бегут, будучи сытыми, и т.д. Целый ряд фактов такого рода сообщают полярные путешественники, например, Нансен, неоднократно рассказывающий нам о том, как медведи и лисицы притягивались благодаря пищевым запасам к «Фраму» и их хижине и погибали из-за этого. См.: *Нансен Ф.* *Во мраке ночи*, т. I, с. 175–176 и др. Во всех случаях подобного рода мы наблюдаем ясную и четкую модель подавления голодом детерминатора самозащиты. Под влиянием пищевого раздражителя, возбуждаемого пищевым объектом, защитные рефлексы ослабевают и вытесняются, животное идет на приманку и гибнет, чего не было бы, если бы не имело место влияние голода. Среди людей мы наблюдаем то же самое явление, только в усложненной форме.

щитных реакций. Примерами фактов первого рода служит прежде всего поведение людей в осажденных врагом крепостях, в которых кончились все продовольственные запасы. Осажденные в таких случаях оказываются между двух огней: в поле влияния силы голода и детерминатора индивидуальной самозащиты. Голод толкает их на вылазку для добычи продуктов, или на прорыв осады, или же на акт капитуляции и сдачи на милость победителей. Детерминатор индивидуальной самозащиты тормозит такие акты, весьма часто грозящие неминуемой гибелью если не всех, то большинства осажденных. История войн первобытных народов из-за соли, войн Древнего Египта, Ассиро-Вавилонии, Персии, Древней Греции и Рима, древних евреев, многих войн Средневековья и нового времени рассказывает нам, как часто мучимые голодом люди капитулировали, делали отчаянные вылазки, пытались прорваться и... погибали. Такое поведение свидетельствует о том, что в данном случае голод подавил своего конкурента и толкнул людей на акты, которые тормозились детерминатором самозащиты. Без голода они не были бы совершены, и рефлекс самозащиты не были бы подавлены. Нет нужды перечислять и подробно описывать подобные события: в истории войн их можно найти в весьма большом количестве. Недаром же этот метод взятия врага измором давно уже был известен и практически использовался во время войн: если не могли одолеть своего врага в открытом бою, то затрудняли или делали невозможной доставку продовольствия в его крепость, город, лагерь, ставили врага в поле влияния голода и с помощью этой силы подавляли в нем рефлекс самозащиты (и ряд других рефлексов). Такой способ ведения войны, как известно, нередко оказывался успешным. «Все гради ваши, – говорит словами летописца Ольга осажденным древлянам, – предашася мне и ялися по дань, а вы хотите измрети гладом». Древляне покорились, многие из них погибли. Голод победил. Это – один пример из тысячи ему подобных³³.

Другими фактами, говорящими о том же, являются вообще все те случаи, когда человек ясно и четко осознает опасность для жизни и здоровья тех или иных актов и тем не менее совершает их ради хлеба насущного. In concreto такие акты весьма многочисленны и разнообразны. Таковы акты ограбления голодными кого-либо из-за хлеба или денег, на которые хлеб можно купить, даже если нападающие знают, что им будет оказано отчаянное сопротивление; акты кражи овощей с огородов Петрограда в 1919 и 1920 гг., несмотря на объявление расстре-

³³ Вот еще примеры. «Осада Никеи продолжалась два года. Жители, став добычей голода и чумных болезней, сдались на милость победителей» (*Fehmi Y. Histoire de la Turquie. 1909, p. 17*). Под влиянием голода сдались и Афины лакедемонянам (*Xenophon. Hellenica. II, 2*). «Изнуренные голодом, после пятнадцатидневной осады, вынуждены были иудеи Кейнока сдаться безусловно» (*Мюллер А. История ислама от основания до позднейших времен. СПб., 1895, т. 1, с. 132*). «Голод принудил к сдаче Кале» (*Грин Д.Р. История английского народа. М., 1897, т. I, с. 270*). «Другие, побуждаемые голодом, отдавались неприятелю» (*Стасюлевич М.М. История средних веков. СПб., 1913, т. I, с. 138*). См. также: *Миккельсен Э. Цит. соч., с. 283–284*.

ла за такие кражи – объявление, которое весьма трудно было принять за пустую угрозу; вылазки «зеленых» и дезертиров за пищей, сопряженные с опасностью быть пойманными и расстрелянными³⁴, акты добровольной сдачи бандитов и дезертиров, вынуждаемых к этому голодом, акты путешествия петроградцев в 1919–1920 гг. за продуктами с риском заразиться тифом, быть изувеченными или убитыми бандами и грабителями; акты употребления в пищу ядовитых и вредных объектов при сознании, что это опасно; акты массового употребления сырых продуктов на рынках Петрограда и Москвы в эти же годы, во время эпидемии холеры, с сознаваемым риском заразиться; акты массовых переселений из тех же городов в места более сытые, но более беспокойные и грозившие сотней опасностей; акты нападений голодных на продовольственные поезда и транспорты, охраняемые вооруженной стражей; акты продажи последней обуви или теплой одежды из-за хлеба, несмотря на опасность простуды и т.д., и т.д. – все эти и тысячи других подобных действий в прошлом и в наши дни свидетельствуют о конфликте детерминаторов голода и самозащиты и о депрессировании первым второго «лобовой атакой».

Наконец, о том же свидетельствуют и самоубийства на почве голодания. Статистика дает нам специальную рубрику самоубийств, совершаемых по этой причине; согласно Вагнеру, из 100 самоубийств – 12,9% вызвано бедностью (главным образом, голодом), по Block'у, во Франции в 1851–1852 гг. их было 12,3, в 1856–1860 гг. – 12,5, в 1866 г. – 11%. В Пруссии они составляли в 1860 г. – 11%, в Саксонии – 7,26³⁵. Связь между числом самоубийств и бедностью (голодом) устанавливается и иначе. Приведу одну таблицу³⁶.

Годы	Самоубийства фермеров в Англии	Число их разорений
1878	71	626
1879	112	1196
1880	104	1097
1881	69	918
1882	74	533
1883	58	422

³⁴ Лично мне и моему другу пришлось в один момент жизни быть в таком положении: живя в лесу и истощив все запасы, под влиянием голода мы принуждены были пойти в деревню за продуктами, хотя отлично знали, что вероятность быть захваченными и расстрелянными (немедленно или через какое-то время) была громадна. Отлично сознавая это, мы все же вылазку сделали. Благодаря невероятным усилиям со стороны А.В. (он провел холодную осеннюю ночь на болоте, будучи босым и почти без одежды, переправился вплавь через большую реку и т.п.) она окончилась благополучно^{11*}.

³⁵ *Oettingen A.* Die Moralstatistik. 1882, S. 780–784 и табл. 110.

³⁶ *Ogle W.* On suicides in England and Wales // Journal of the Royal Statistical Society. 1886, № 49, p. 113–114.

Эти данные говорят о том, что голод лобовой атакой аннулирует все защитные рефлексы, подавляет волю к жизни.

Мудрено ли поэтому, что в периоды исключительных голодовок вроде нашей кривая самоубийств поднимается. Она поднялась бы несравненно выше, если бы не действовали контрсилы: 1) огромная смертность населения (от голода, тифа, etc), что автоматически снижает число самоубийств; 2) у нас в 1917–1921 гг. – революция, которая, как и всякое общественное движение, в период подъема усиливает социальные связи и, согласно Дюркгейму, тоже уменьшает процент самоубийств³⁷. Этим объясняется, почему в 1918–1921 гг. кривая самоубийств у нас почти не поднялась. Но на рубеже 1921–1922 гг. революция закончилась. С отпадением этой контрпричины сразу же в голодающих губерниях выявилась «самоубийственная» роль голода. Газеты ежедневно сообщают о самоубийствах. Точной статистики еще нет, но «в Саратовской губернии медицинская статистика отмечает “безудержный рост” связанных с голодом самоубийств взрослых и детей»³⁸, целые семьи кончают с собой, отравляясь угарным газом, нарочно заражаются сыпным тифом, вешаются, бросаются в воду и т.д.³⁹ Факт резкого роста самоубийств несомненен. Да и едва ли может быть иначе.

К такому же ослаблению и подавлению рефлекса индивидуальной самозащиты голод ведет и иным путем. С продолжением абсолютного голодания или голодания относительного силы организма, необходимые для отражения, предупреждения и преодоления вредных влияний, исходящих от угрожающих жизни и здоровью раздражителей, уменьшаются. Организм делается все более и более неспособным бороться с ними, постепенно теряет иммунитет и активную силу сопротивления. В итоге его жизнеспособность и жизнестойкость уменьшаются. Такое явление наблюдается даже и при авитаминозной диете. Цинга и целый ряд других эпидемий – вот ее результат, говорящий о снижении жизнестойкости организма⁴⁰. Детерминатор самозащиты толкает к совершению ряда защитных рефлексов. Но у организма нет сил на их выполнение (например на такие акты, как быстрое бегство, энергичное нападение на врага, добыча топлива, одежды, на выполнение той или иной работы, на борьбу с вредными бактериями и т.д.). Необходимые акты самосохранения перестают совершаться. Опасность растет, и смерть приближается. К этому же итогу ведет и снижение целесообразности защитных реакций, вызванное длительным абсолютным или относительным голоданием. Работа высших центров сознания ослабевает, человек начинает менее

³⁷ См.: Дюркгейм Э. Самоубийство. СПб., 1912.

³⁸ Василевский Л. Жуткая летопись голода. Уфа, 1922, с. 4.

³⁹ Там же. См. также: Красная газета. 1922, № 172; Известия ЦИК. 12 февраля 1922; Аргельное дело. 1922, № 1–4, с. 64.

⁴⁰ Эпидемию цинги в 1916–1917 гг. в войсках специалисты ставили в связь с авитаминозной диетой, с однообразной пищей при отсутствии свежих овощей и свежего мяса. См.: Кольцов Н.К. Цит. соч., с. 401–402; Словоцов Б.И. Биохимия одностороннего питания. Пг., 1922.

точно учитывать условия и влияния среды; в силу этого его реактивные акты становятся все менее и менее удачными; стало быть, приспособление к среде делается менее успешным. Человек перестает сознавать опасность многих явлений, не находит надлежащих мер для их отражения и т.д. «Разум мутится», наступает полубредовое состояние, апатия, инертность, вялость, безразличное отношение ко всему. Ослабевает воля к жизни, «охота жить», и в конце концов человек гибнет, часто безропотно и без сопротивления. В обоих этих случаях голод тихой сапой депрессирует рефлексы самозащиты. Он исподволь, шаг за шагом подрывает силы организма, его мозговую работу и через это – механизм самосохранения.

В таком случае мы имеем следующую цепь явлений: 1) голодание; 2) ослабление физических и психических сил организма; 3) ослабление инстинкта жизни и самозащиты, т.е. ослабление и подавление детерминатора и рефлексов самосохранения; 4) гибель организма.

Подтверждением сказанного служит несомненное падение жизнестойкости организма при голодании. Опыты Canalis'a, Morpugno, Castellino, Feré, Proust'a и других доказали, что иммунитет при голодании снижается. Вследствие голодания наступает «ein Verlust von Organmasse, Kraftlosigkeit und Leistungsfähigkeit und die Bevölkerung in ihrer körperlichen Tauglichkeit zurückgeht»^{12*} – к такому выводу приходит Рубнер⁴¹. Отсюда понятно, почему всевозможные эпидемии и резкое повышение кривой смертности являются обычными спутниками массовых голодовок. Сам этот факт, на котором я остановлюсь ниже, служит несомненным доказательством сказанного.

О том же свидетельствуют апатия и безразличие, овладевающие индивидом и массами людей после сильного и длительного голодания. В первые моменты голодания голод побуждает человека к энергичной добыче пищи. Но после того, как «точка максимума» пройдена, когда все запасы организма исчерпаны, иными словами, когда голодание длится слишком долго, энергия организма снижается и одновременно ослабевают «борьба за жизнь» и «воля к жизни».

В 1705 г. башкиры осадили отряд Хохлова в степи и «морили десять суток, не давая ни пить, ни есть, ни спать, и когда русские обезумели от голода и бессонницы, воры разорвали обоз, побили и взяли в плен 400 человек»⁴². Из-за голода и бессонницы защитные рефлексы были ослаблены – таков смысл этого и подобных ему явлений. Сколько таких фактов в истории любого народа, начиная с войн дикарей и кончая Кронштадтским восстанием!^{13*} Далее, апатия – весьма частый спутник длительных и сильных массовых голодовок. «Тупая, без-

⁴¹ Rubner M. *Über der moderne Ernährungsreformen*, S. 257. См. также: Тарасевич Л.А. О голодании, с. 22 («Голод может ослабить и уничтожить естественную восприимчивость к заразным заболеваниям»); Тарасевич Л.А. Голодание // *Энциклопедический словарь Гранат*, т. 15, с. 345–351; Любарский. О недоедании // *Природа*. 1921, № 7–9.

⁴² Соловьев С.М. *История России*. СПб., б/т, 3-е изд., кн. III, с. 1447.

надежная апатия была основным настроением масс в голодные годы средних веков», – пишет историк средневековых голодовок⁴³. Таково же было настроение масс в Индии после длительных голодовок⁴⁴. Немало фактов такого же рода наблюдали и мы за эти годы. Люди мерли от голода, как мухи. Падали на улицах, умирали в домах, как догоревшая свеча, – и ни проклятия, ни лихорадочной попытки спасти жизнь. Голод тихой сапой иссушил сами источники воли к жизни, «не мытьем, так катаньем» погасил защитные рефлексы. То же самое в массовом порядке проявляется и сейчас в голодных губерниях. Равнодушие и апатия – вот что отмечают почти все наблюдатели голодающих масс Поволжья и других мест. Эта тупая, безнадежная апатия, наступающая в итоге длительного дефицитного голодания⁴⁵, – свидетельство косвенного, «подкопного» ослабления голодом контрарных с ним защитных рефлексов человека.

Резюмирую:

1) детерминатор голода и вызываемые им пищетаксические акты нередко вступают в конфликт с детерминатором индивидуальной самозащиты и вызываемыми им защитными актами;

2) дуэль двух детерминаторов нередко заканчивается победой голода, влекущей за собой депрессирование детерминатора и рефлексов индивидуального самосохранения;

3) эта цель достигается голодом двумя основными способами: «лобовой атакой» и «тихой сапой»;

4) от каких условий зависит исход этой дуэли, рассмотрим ниже, в главе об отношении голода к другим детерминаторам.

6. ДЕПРЕССИРОВАНИЕ И ОСЛАБЛЕНИЕ ГОЛОДОМ ДЕТЕРМИНАТОРА ГРУППОВОЙ САМОЗАЩИТЫ И СООТВЕТСТВУЮЩИХ РЕФЛЕКСОВ

Наряду с детерминатором и рефлексами индивидуальной самозащиты у нас имеются рефлексы и групповой самозащиты. К ним относятся все те акты, которые направлены на сохранение жизни и целостности социальной группы. Раздражителями, вызывающими их, служат «ближние»: члены семьи, друзья, соотечественники, единоверцы, товарищи по партии, сограждане и т.д. – словом, группа людей, солидарных с нами, связанных с нами, «близких» и «дорогих»

⁴³ *Curschmann F.* Hungersnöte im Mittelalter. Leipzig, 1900, S. 53.

⁴⁴ См.: *Digby W.* The famine campaign in Southern India. 1878, vol. I–II.

⁴⁵ Подчеркиваю длительность и дефицитность голода, ибо голод недлительный или не слишком дефицитный, не ведущий к резкому обессиливанию организма, может, как увидим ниже, стимулировать его активность в деле добывания пищи, а не ввергать в состояние пассивной апатии.

нам. Стимулируемые ими рефлексы человеческого поведения, сознательно или бессознательно направленные на выживание группы и сохранение ее целостности, резко отличаются от рефлексов индивидуального самосохранения. Иногда они бывают солидарны друг с другом, иногда – антагонистичны; последнее случается тогда, когда самосохранение индивида требует нанесения ущерба группе, или же наоборот, когда интересы группы (семьи, церкви, партии, государства, кружка друзей, нации и т.п.) требуют самопожертвования индивида, например его гибели в борьбе за интересы семьи, государства и других групп.

Сравнительная теория поведения – генетическая социология – могла бы указать множество рефлексов группового самосохранения в мире животных. Такими будут все акты, целью которых является выживание вида, а не индивида. В конкретном своем проявлении они весьма разнородны, но самыми типичными из них являются «родительские» и «стадные» рефлексы.

Родительские рефлексы, начиная с актов высиживания, кормления и охранения своего потомства и кончая актами самопожертвования ради его спасения, представляют собой всем известные примеры рефлексов групповой самозащиты. То же относится и к актам «стадным», например к коллективной обороне или нападению, осуществляемому группой животных.

Рефлексы групповой самозащиты человека представляют собой усложненные соответствующих актов, наблюдаемых в мире животных. У людей они проявляются частью в осознанном, частью в бессознательном виде.

Осознанные формы рефлексов групповой самозащиты представляют собой сложный комплекс, состоящий из чисто биологического рефлекса самозащиты и многочисленных условных рефлексов, «наросших» на нем, солидарных с ним и его усиливающих. Таковы, например, акты самопожертвования во имя долга перед семьей, партией, церковью, родиной и т.д. Бессознательные формы рефлекса групповой самозащиты проще по своему составу и ближе к его чисто биологическому прототипу в мире животных. Это различие форм, важное во многих отношениях, сейчас для нас несущественно. Обе формы мы можем рассматривать как одно целое, ибо депрессирование голодом многих сознательных рефлексов групповой самозащиты свидетельствует лишь о том, что голод может депрессировать не только чистые рефлексы этого типа, но еще и те, которые усилены рядом рефлексов условных.

Игнорируя сейчас это различие, мы можем сказать, что рефлексами групповой самозащиты будут все вообще акты, направленные на охрану интересов, жизни, безопасности и процветания ближних, начиная с заботы родителей о своих детях и заканчивая самопожертвованием ради семьи, рода, государства, церкви – словом, акты «полагания души за други своя»⁴⁶.

⁴⁶ Общую характеристику детерминатора и рефлексов группового самосохранения см. в: *Сорокин П.А.* Общедоступный учебник социологии. Ярославль, 1920, с. 166–172.

Наблюдение показывает, что детерминатор голода и вызываемые им акты поведения нередко антагонизируют с актами, вызываемыми детерминатором групповой самозащиты. Они оказываются несовместимыми друг с другом. Такие случаи мы наблюдаем в ситуациях, когда ради удовлетворения голода приходится наносить ущерб жизни, целостности и благоденствию ближних. Или наоборот, когда детерминатор групповой самозащиты требует совершения актов, мешающих удовлетворению голода. Наблюдение показывает, что из этой коллизии голод нередко выходит победителем, т.е. депрессирует своего антагониста, а пищетаксические акты подавляют, вытесняют или ослабляют группозащитные рефлексы, не исключая и тех, что наиболее глубоко укоренились в психике человека.

В качестве доказательства перечислим ряд фактов, которые делают это положение несомненным и которые можно разбить на три категории.

I. Среди них первое место по своей резкости и отчетливости занимают явления людоедства, в особенности *эндоканнибализма* (поедания членов своей группы), в тех случаях, когда они вызваны голодом и без которого они не имели бы места. Если голод обозначим a , а людоедство – b , то, пользуясь упрощенным методом сопутствующих изменений и методом разницы, мы можем определенно заявить, что во многих случаях b представляет собой функцию a [$b = f(a)$], и если бы не имело место a , то в таком случае не было бы и b . Наличие b означает, что голод депрессировал одну из наиболее прочных форм рефлекса групповой самозащиты – воздержание от поедания близких, носящее весьма часто не только у человека, но и у большинства животных характер безусловного рефлекса⁴⁷.

Вот соответствующие факты. «Каннибализм часто возникает благодаря недостатку или отсутствию животной пищи». «На островах южных морей, – согласно Эллису, – муки голода часто ведут к этому преступлению. У нукагиванцев

⁴⁷ Вряд ли прав Штейнмец, когда он говорит, что первобытный человек был привычным каннибалом, т.е. не имел этого рефлекса воздержания, ибо его «вкус к мясу не был ограничен ни эстетическим ужасом перед человеческим телом, ни верованием в месть съеденного, ни фантастической симпатией к мертвому телу» (*Steinmetz R. Endokannibalismus. Wien, 1896, S. 25–26, 34–35*). Это неубедительная аргументация. И плотоядные животные не тормозятся ни эстетикой, ни религией, ни моралью, и однако большинство из них не ест себе подобных. Такое воздержание становится вполне объяснимым, если мы допустим наличие безусловного рефлекса, делающего совершенно ненужным тормозящие условные рефлексы (религию, эстетику, мораль и т.д.). Другое дело – вопрос о распространенности каннибализма среди первобытных людей. Так как они редко обеспечены пищей и так как муки голода для них явление частое, то согласно сказанному легко понять и депрессирование у них голодом этого рефлекса воздержания, а значит – появление каннибализма и его большую распространенность среди дикарей. Эта часть теории Штейнмеца, подчеркивающая роль пищевого детерминатора в появлении каннибализма, вполне правильна. Сам же факт появления каннибализма под влиянием голода и его распространенность среди дикарей служат доказательством сформулированной нами теоремы.

во времена острой нужды, но только в случае крайней необходимости убиваются и поедаются женщины и дети. У северных и западных австралийских племен в моменты острого недостатка пищи родители временами едят даже собственных детей». То же самое и при таких же условиях имеет место у ряда индейских групп севернее Верхнего Озера. У эскимосов Гудзонова залива «бывали случаи, когда во время крайней нужды семьи, после того как съедены все собаки, шкуры и другие кожаные вещи, переходили к каннибализму»⁴⁸. По сообщениям Нооер'а, Codrington'а, Hahn'а, Seemann'а и других, у целого ряда дикарей «лиц старого возраста часто убивают во время голода с тем, чтобы их съесть»⁴⁹.

Одинаковые причины при одинаковых условиях ведут к сходным результатам. То же самое мы встречаем и в древние времена⁵⁰.

В Библии и других древних сводах имеются свидетельства, говорящие о таком же людоедстве в периоды нужды. «И ты будешь есть плод чрева твоего, плоть сынов твоих и дочерей твоих, которых Господь, Бог твой, дал тебе, в осаде и стеснении, в котором стеснит тебя враг твой»⁵¹.

Людоедство было в истории Японии, Китая, Египта, Рима, Греции и других стран. В знаменитый голод 1200–1201 г. в Египте каннибализм приобрел массовый характер⁵².

Во время средневековых голодовок в Европе людоедство было довольно обычным явлением. Оно было зафиксировано во время голода 793, 868, 869, 896, 1005, 1032, 1085, 1146, 1233, 1241–1242, 1277, 1280–1282, 1315, 1317 гг.⁵³ Сообщения летописцев вроде нижеследующих встречаются довольно часто. «Anno Domini 1317 et 18 et 19 tanta fuit caristia et fames in Polonia et Silesia, ita quod pluribus in locis parentes filios et filii parentes devoraverunt, plures etiam carnes de suspensis cadaveribus comederunt»⁵⁴. Или: «Famis vero quae anno (793) priori coepit, in tantum excrevit, ut homines homines; fratres fratres ac matres filios comedere coegit»⁵⁵. В 868 г. «tanta fames fuit, ut unus homo alium interficeret et bestiarum more dentibus laniaret. Inventi sunt etiam ea tempestate in eodem pago masculi et femine pro nefas!

⁴⁸ *Westermarck E.* The origin and development of the moral ideas. London, 1908, vol. II, p. 555. См. также: *Steinmetz R.* Op. cit., S. 25–26.

⁴⁹ *Westermarck E.* Op. cit., vol. I, p. 390. «Некоторые племена при голодании часто прибегают к детоубийству, и дети не только убиваются, но и съедаются» (Ibid., p. 400–401).

⁵⁰ Как увидим ниже, голод с этой точки зрения является отличным реактивом для испытания прочности других рефлексов, в частности рефлексов групповой защиты.

⁵¹ Втор. 28, 53.

⁵² В Риме во время осады, по словам бл. Иеронима, «женщины возвращали назад в утробу свой плод, который только что оттуда вышел (т.е. съедали грудных детей)» (*Ста-сюлевич М.М.* Цит. соч., т. I, с. 139; т. II, с. 887–889).

⁵³ *Curschmann F.* Op. cit., p. 59–60.

⁵⁴ Ibid., p. 217.

⁵⁵ Ibid., p. 90–91.

Homines alios occidisse et comedisse»⁵⁶. В 1032 г. «accipiebantur autem vivantes a se praevalentibus, membramisque dividebantur, igneque decocti vorabantur»^{57/14*}.

«Во Франции в голод 1030–1032 гг. некто был казнен за то, что убил и съел 48 человек, а в Венгрии приблизительно в то же время один человек сознался на исповеди, что съел 30 детей и 8 взрослых»⁵⁸. В 897 г. в Германии во времена голода разрывали свежие могилы и насыщались мертвыми телами, родители убивали детей и дети родителей⁵⁹. В Бургундии в 1031–1033 гг. «стали выносить на рынок человеческое мясо и заманивать в лес детей, чтобы их съесть»⁶⁰. Во время восстания Дольчино в 1307 г. у осажденных мятежников «нужда дошла до того, что они питались мясом умерших от болезней и лишений»⁶¹. Современники голодовок во Франции времен Людовика XIV (1661–1662, 1693–1694, 1699, 1709) также сообщают о случаях людоедства⁶². «В Китае (во время голодовок) матери съедали своих детей, молодые люди избивали стариков»⁶³.

То же самое много раз происходило и при голодовках в России.

В голод 1230–1231 гг., по словам летописца, «инии простая чадь резаху люди живые и ядыху, а инии мертвые мяса и трупие обрезаюче ядыху». В голод 1601–1602 гг. «люди сделались хуже зверей: не только грабили и убивали за лодь хлеба, но и пожирали друг друга»⁶⁴. «Отцы и матери ели детей, дети – родителей, хозяева – гостей, мясо человеческое продавалось на рынках за говяжье, путешественники боялись останавливаться в гостиницах»⁶⁵. Летописец говорит, что люди ели такое, что и «писать непристойно»⁶⁶. Подобное случалось и позже – в XVIII и XIX вв.⁶⁷

Сходные причины вызывают сходные следствия. Когда тормозящие детерминаторы у современных людей так же слабы, как и у древних людоедов, а голод велик, в таких случаях и в новое время у ряда лиц голод депрессирует рефлексy

⁵⁶ Ibid., p. 98–99.

⁵⁷ Ibid., p. 112–114.

⁵⁸ *Цитович*. О голодах в Западной Европе // Голода в России и Западной Европе. Киев, 1892, с. 2; *Рошер В.Г.* О хлебной торговле и мерах против дороговизны. Казань, 1857, с. 55.

⁵⁹ *Hazzi J. von*. Betrachtungen über Theuerung und Noth der Gegenwart und Vergangenheit. München, 1818, S. 11.

⁶⁰ *Добиаш-Рождественская О.А.* Эпоха крестовых походов. Пг., 1918, с. 11.

⁶¹ *Каутский К.* От Платона до анабаптистов // Предшественники новейшего социализма. СПб., 1907, т. I, с. 143.

⁶² *Вонпетере Ж.* Histoire des paysans. Paris, 1874, t. II, p. 235.

⁶³ *Исаев А.* Неурожай и голод. СПб., 1892, с. 5–6.

⁶⁴ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1853, т. XI; *Ермолов А.* Наши неурожай и продовольственный вопрос. 1909, т. I, с. 10; *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. Пг., 1917, с. 249; *Платонов С.Ф.* Голод 1601 года // Артельное дело. 1921, № 9–16; *Романович-Славатинский А.В.* Голода в России. Киев, 1892, с. 52.

⁶⁵ *Соловьев С.М.* История России. СПб., б/г, 3-е изд., кн. II, с. 740–742.

⁶⁶ Голод // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 17, с. 102–104.

⁶⁷ См.: *Леонтович Ф.И.* Голодовки в России // Северный вестник. 1892, апрель.

групповой самозащиты и приводит к людоедству. Случаи людоедства наблюдаются среди потерпевших кораблекрушение. «Многие из них, даже будучи представителями цивилизованных народов, поедали тела своих товарищей по несчастью, чтобы спастись самим»⁶⁸. Примером может служить знаменитый процесс над членами экипажа судна «Mignotte» (1884): спасшиеся на шлюпке 3 матроса убили и съели мальчика, через 4 дня они были подобраны проходящим мимо судном, отданы под суд и приговорены к смертной казни, замененной потом 6-месячной тюрьмой. Таким же был и аналогичный судебный *Holmes-Prozesse* в 1842 г. в Америке. То же самое имело место при крушении в 1816 г. «Медузы»⁶⁹.

В Китае во время голода 1909 г. в провинции Nan-Sou питались человеческими трупами⁷⁰.

Не обошлось без убийства и людоедства на почве голода и в наши годы в России. В Москве в 1920 г. муж убил жену, варил из ее тела суп, делал жаркое, из ног – студень. Аналогичный же случай был в 1919 г. (по сообщению П.Г. Бельского) в Минской губернии, где двое детей убили третьего и исподволь ели его. «В Бузулукском уезде, в селе Есиповка, одна крестьянка изрубила труп семилетней дочери и употребила его в пищу. В селе Андреевка голодающими съеден труп женщины. Трупы воруются из амбаров, ночью раскапываются могилы и вырываются трупы»⁷¹. «В Тагауровской волости (в Башкирии) башкир Ишбульда вместе с женой зарезали и съели труп 10-летней дочери. Немного погодя исчез и другой их ребенок. Такой же случай зарегистрирован в Стерлитамакском уезде»⁷². В Поволжье в 1921–1922 гг. пришлось ставить патрули на кладбищах, откуда таскали трупы для еды, а сами сообщения об убийстве других людей для еды стали столь частыми, что нет надобности и возможности их выписывать⁷³. Поистине, сходные причины порождают сходные следствия. (А еще говорят, что «история не повторяется».)

Не буду приводить дальнейших фактов. И без того коллекция получилась довольно внушительная. Она красноречиво говорит о том, что в основе многих потрясающих поступков лежит простое количество калорий пищи, поступающей в организм человека. Вместе с тем приведенные факты неоспоримо свидетельствуют о подавлении голодом рефлексов групповой самозащиты, даже если они усилены рядом других условных рефлексов.

⁶⁸ Westermarck E. Op. cit., vol. II, p. 570.

⁶⁹ См.: Oetker F. Notwehr und Notstand // Vergleichende Darstellung Allg. Teil. II, S. 328; Westermarck E. Op. cit., vol. I, p. 285–286; Паушутин В.В. Цит. соч., с. 562. Описание психологии людоедства в таких случаях см. в «Повести о приключениях Артура Гордона Пима» Эдгара По (Собрание сочинений. СПб., 1896, т. II, с. 68–72).

⁷⁰ Русский врач. 1909, с. 935.

⁷¹ Красная газета. 1921, 31 декабря.

⁷² Петроградская правда. 1922, 5 января.

⁷³ См., например: Петроградская правда. 1922, 10 февраля, 26 марта, 12 мая; Известия ЦИК. 1922, 29 января.

Такова одна серия фактов. Но ими дело не исчерпывается.

II. Следующей серией фактов, говорящих о подавлении и ослаблении голодом рефлексов группового самосохранения, служат *убийства близких лиц (родителей, детей, супругов)* на почве голода, которые не имели бы места без этой причины. Рассмотрим некоторые факты. «Убийства родителей обычны между номадами^{15*} и вызваны суровостью их жизни», в частности голодом. «Во времена недостатка пищи для всех членов группы целесообразно, чтобы погибли старые и бесполезные члены, а не молодые и сильные»⁷⁴. Hahn сообщает, что у готтентотов весьма часто старые родители покидаются этим бедным народом, не имеющим достаточно пищи для всех. Аналогичные факты зафиксированы у ряда других народов⁷⁵. «В древнем Лациуме существовал обычай избиения престарелых людей, чтобы остальные не нуждались в продовольствии, *ut reliquis cibaria sufficerent*»^{76/16*}. То же самое, как мы сейчас увидим, наблюдалось в эпохи голода и позже. Наряду с убийством родителей и престарелых, голод еще чаще вел к убийству детей и молодых. Он был одной из главных причин распространения среди дикарей убийства детей. «Едва ли можно сомневаться в том, что детоубийство среди многих низших рас вызвано, главным образом, трудностью жизни. Ребенок мешает матери следовать за мужем в поисках пищи. Жестоко и часто страдая от голода, дикари вынуждены выбирать между убийством такой обузы, как дети, и голоданием. Они часто прибегают к детоубийству как средству спасения своей жизни, причем в ряде племен в случае голода дети не только убиваются, но и съедаются»⁷⁷. То же явление встречается и у ряда полудивилизованных народов. «В беднейших районах Китая родители часто убивают девочку сразу же после ее рождения»⁷⁸.

То же самое в голодные сезоны года встречается у арабов⁷⁹, среди ряда индусских каст⁸⁰. В древней Мексике «нуждающиеся родители могли располагать одним из своих сыновей, чтобы смягчить свою бедность»⁸¹. Аналогичные явления бывали и в России во времена голодовок. Так, в 1230 г. «младенцы (брошенные) от пес изъедаемы», в голод 1230–1231 гг. «брат не жалел брата, отец и мать делались равнодушными к судьбе своих детей, и сосед соседу не уломляше хлеба»⁸².

⁷⁴ *Westermarck E.* Op. cit., vol. I, p. 387–392.

⁷⁵ *Ibid.*, p. 390. См.: *Летурно Ш.* Эволюция нравственности. СПб., 1910.

⁷⁶ *Леуков В.Н.* Русский народ и государство. М., 1858, с. 454.

⁷⁷ *Westermarck E.* Op. cit., p. 399–401; *Спенсер Г.* Основания социологии. СПб., 1898, т. II, с. 92–93.

⁷⁸ *Gützlaff K.* Scetch of Chinese History. 1834, vol. I, p. 59; *Douglas R.K.* Society in China. 1894, p. 354–355.

⁷⁹ *Robertson-Smith W.* Kinship and marriage in Early Arabia. London, 1903, p. 293.

⁸⁰ *Westermarck E.* Op. cit., p. 407–408.

⁸¹ *Clavigero F.H.* History of Mexico. 1807, vol. I, p. 360.

⁸² *Леуков В.Н.* Цит. соч., с. 455–456.

В голод 1726 г. «одна баба, дочь свою от голода кинув в воду, утопила»⁸³. В «Пруссии во время голода родители убивали своих детей, дети – родителей»⁸⁴, то же самое имело место в средневековые голодовки⁸⁵ и наблюдалось недавно во время голода в Индии.

В 1876 г. в Бомбее «до суда дошло дело одного отца, разможившего камнем черепа двух своих малых детей». Он оправдывался тем, что сделал это из-за трудности питания детей во время голода⁸⁶. В Мадрасе во время голода 1876 г. матери проявляли жестокую бесчеловечность к своим детям⁸⁷. Не обошлось без детоубийств и в наше время.

Правительственные газеты сообщают, что в Самарском музее «собраны снимки детей, задушенных руками обезумевших матерей»⁸⁸. Наряду с убийством в буквальном смысле слова голод в еще большей мере вызывает косвенное убийство детей, когда их оставляют на произвол судьбы, бросают, продают и т.д. или же тем или иным образом причиняют им вред, наносят ущерб, заставляют страдать и терпеть лишения, что опять-таки свидетельствует об ослаблении и подавлении родительских рефлексов. В «Законах Ману» «Аджигарта, умирая от голода, готов был продать сына, чтобы купить пищи»⁸⁹, в «Никарагуа отец может продать своих детей в рабство в случае крайней нужды»⁹⁰, в Китае во время голода за самое ничтожное количество съестного продавали жен и детей (в 80–90-х гг. XIX в.), из-за нескольких зернышек риса затевали драки, кончавшиеся убийствами⁹¹, в Новгороде в голод 1127 г. «отец и мати чадо свое всажаше в ладью даром гостьм»⁹². «В средневековые голодовки нужда весьма часто заставляла родителей продавать своих детей»⁹³. В голод 1032 г. в Византии «жители продавали детей»⁹⁴.

По словам летописца, «*nec solum ignotos hoc tempore deficit misericordia? Sed etiam inter affines sanguineque contiguos omnis clementia omnisque sublevatio*

⁸³ Соловьев С.М. История России, кн. II, с. 876–877.

⁸⁴ Цитович. Цит. соч., с. 55.

⁸⁵ См.: Curschmann F. Op. cit.

⁸⁶ Digby W. Op. cit., vol. I, p. 349.

⁸⁷ Ibid., p. 13–14.

⁸⁸ Петроградская правда. 1921, № 215. Куделли в статье, опубликованной в газете «Деревенская правда» (1921, № 162), пишет: «В деревнях (Татарской республики) многие убивают своих детей за неимением выхода из положения». См. также: Красная газета. 1921, 11 ноября. Позже, в 1922 г., эти явления стали массовыми, сообщения о них были чуть ли не в каждом номере газеты. Приводить их нет надобности.

⁸⁹ Исаев А. Цит. соч., с. 6.

⁹⁰ Westermarck E. Op. cit., vol. I, p. 607 (здесь же приведены и другие факты).

⁹¹ Parker E.H. China past and present. London, 1903, p. 387–388.

⁹² Лешков В.Н. Цит. соч., с. 460–461. То же самое происходило и в 1230 г. См.: Соловьев С.М. История России, кн. I, с. 1219.

⁹³ Рошер В.Г. Цит. соч., с. 60.

⁹⁴ Скабаланович Н.А. Византийское государство и церковь. СПб., 1884, с. 250.

denegatur, quum nec parentes filiis, nec filii parentibus in hac necessitate maxima volunt assistere, ipsisque licet habundantes vitae necessaria ministrare»^{95/17*}.

В Мадрасе в голод 1878 г. «каждый день можно было видеть на улицах матерей, предлагающих своих детей, а приемный покой Monegar Choultry был полон детьми, подброшенными родителями или подобранными полицией на дороге». «В пятницу в моем убежище умер ребенок. Он был подобран на улице, будучи брошенным матерью три дня назад. В субботу умер еще один ребенок – по той же причине»⁹⁶.

Во время голода 1906 г. были отмечены случаи «продажи татарами Казанской губернии своих дочерей чуть ли не в рабство и во всяком случае на вывоз, чтобы избавить их от голодной смерти, а самим на вырученные за них деньги прокормиться»⁹⁷. То же самое отмечалось во время голода 1908 г.⁹⁸ и имело место в наше время. В 1921 г. «в городах Самарской губернии родители приводят детей из деревень и бросают их на базарах и улицах. В базарные дни поступление беспризорных детей увеличивается в 2–3 раза. Увеличивается и число детей, подкидываемых в учреждения охраны материнства. В Самаре подкинутых было: в январе 1921 г. – 10, феврале – 28, марте – 34, апреле – 38, мае – 70, июне – 120, июле – 142, августе – 450»⁹⁹.

«Матери (на голодном юге) уводят своих детей в соседние села и там бросают их на произвол судьбы»¹⁰⁰.

Кроме того, подтверждением того же депрессирования голодом рефлексов групповой самозащиты являются, с одной стороны, убийства ближних, вызванные голодом и без него не имевшие бы места, с другой – нанесение членам своей группы какого-либо ущерба. Говоря это, я имею в виду не только акты убийства, кражи, насилия и преступлений над согражданами, о чем речь пойдет ниже, но и озверение людей вообще из-за голода, проявляющееся иногда, особенно у детей, в довольно откровенных формах. В такие времена поистине «сосед соседу не уломляше хлеба», исчезает *misericordia*^{18*}, и человек человеку часто становится волком. По поводу и без повода люди набрасываются на других и убивают их.

Так, у нас во время голода 1070 г. волхвы обвинили женщин. В итоге – их убили. «Кде придут в погосте, ту же нарицаху лучше жени, глаголюще, яко си

⁹⁵ *Willelmi Procuratoris Egmond. Chr. Matthaei Analecta. II, 579* (цит. по: *Curschmann F. Op. cit.*, p. 213).

⁹⁶ *Digby W. Op. cit.*, vol. I, p. 195; vol. II, p. 147, 159. «Маленьких детей они (матери) продают», – пишет Р. Киплинг в своем очерке «На голоде (в Индии)». См.: *Киплинг Р. Собрание сочинений. Пг.*, 1916.

⁹⁷ *Ермолов А. Наши неурожаи и продовольственный вопрос, т. I, с. 415–416.*

⁹⁸ *Русский врач. 1908, с. 556.*

⁹⁹ *Дети в голодных губерниях // Петроградская правда. 1921, № 192.*

¹⁰⁰ *Красная газета. 1921, 31 декабря; Известия ЦИК. 1922, 12 февраля; Самарская коммуна. 1 декабря.*

жито держат, а си мед, а си рыбу, а си скору. И привожаху к ним сестры своя, матери и жены... И убивашета много жены». В голод 1024 г. «народ убивал старых женщин и рабов, говоря в оправдание “яко си держат гобино”[урожай]»¹⁰¹. Озверелые люди готовы видеть виновников голода в ком угодно и искать спасения какими угодно способами. Отсюда – погромы и убийства торговцев, первых попавшихся людей во время голода. Отсюда – ряд трагических обрядов в виде убийств и жертвоприношений близких для спасения от голода, опять-таки говорящие о том же депрессировании голодом рефлексов групповой самозащиты.

«Человеческие жертвоприношения часто оказываются средством для приведения к концу опустошительного голода... Подобная практика имела место у древних греков, финикийцев, в Швеции, где принесли в жертву короля Домалди, у китайцев во время 7-летнего голода при нашествии тангутов, в Нижнем Бенгале в 1865–1866 гг. приносили детей в жертву Шиве; то же самое было у древних перуанцев при наступлении неблагоприятной погоды; в Великом Бенине^{19*} при сильном дожде, угрожавшем голодом»¹⁰². И в России еще совсем недавно было то же самое. Так, в 1840 г. в Орловской губернии мужики, поверив, что для предотвращения голода нужна свечка из человеческого сала, убили Кожиёна¹⁰³.

Еще отчетливее ослабление «социальных» рефлексов в эпохи голода проявляется у детей и простых людей. Представление об этом дают следующие факты – одни из многих – из истории наших голодовок. Во время голода 1840 г. в одной деревне Орловской губернии почти все взрослые ушли побираться, оставив детей, в частности двух девочек 13 лет. Им «покинули, сколько могли, корочек и охалки три хворосту, чтобы могли понемножку топить избу, и оставили на волю Божию. Несчастные коротали дни одинокие в пустой и почти холодной избе». Девочки навещали друг друга. Однажды одна привела в избу чужого барана. Девочки стали резать его. Десятилетний сын владельца барана увидел это и обещал «сказать тятке». Девочка заманила его в избу и зарезала. Потом в одной печке стали варить убоину и жечь труп мальчика. Но хворосту не хватило, и убийство открылось. Там же солдатка убила свою бабушку-«богатею» с целью воспользоваться ее деньгами и купить пищи. «И таких преступлений, поразительных по несложности их замыслов, по простоте и холодности их выполнения, было слышно очень много, и очень значительное число их осталось неисследованным и даже неизвестным далее своего околотка. Становые пристава за всем уследить не могли, корреспондентов тогда еще не водилось, а в губернских ведомостях все новости состояли только из распоряжений начальства... Особенно поразительна была холодность и какая-то легкомысленная жестокость в действиях, за-

¹⁰¹ Лешков В.Н. Цит. соч., с. 454–455.

¹⁰² Westermarck E. Op. cit., vol. I, p. 442–444.

¹⁰³ Лешков Н.С. Полное собрание сочинений. СПб., изд. А.Ф. Маркса, т. XXXIII, с. 39–44 («Юдоль»).

тевавшихся с голода»¹⁰⁴. При крушении «Медузы» в 1816 г. агрессивность у голодавших также возросла. Они завязывали друг с другом драки. «В одной драке погибло 63 человека»¹⁰⁵.

Не обошлось без подобных фактов и при современной голодовке. Сколько их было – трудно сказать, но факты были. Благодаря любезности П.Г. Бельского мне удалось ознакомиться с делом № 1143 (2104) комиссии о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях, от 25 июля 1918 г. Обвиняемые – Н.Г. Яковлев (11 лет) и А.Г. Яковлева (8 лет). Они убили двух своих братьев-близнецов в возрасте 1 года 8 месяцев. Мать – посудомойка лазарета, отец умер. В протоколе значится, что они сильно голодали. «9 июля мать, возвращаясь из лазарета, ничего не принесла им. 10 июля мать ушла в лазарет, а Николай с сестрой стали сговариваться, чтобы убить братьев. Сестра стала на стороже, а Николай взял палку и сначала убил Шуру, снес в лес и зарыл, а потом убил Васю, снес на то же место, руками выкопал вторую ямку и зарыл, зарыл плохо, ножки были видны, поэтому закрыл их тем черным, чем крышу закрывают». На вопрос, почему же он убил братьев, Николай ответил: «Рассердили они нас, надоели, нас из-за них не кормили». Эту мысль внушили ему отчасти со стороны. Некто Власенков, приходивший к его матери, «в беседе с Николаем часто говорил ему, что если Николаю и Анне живется плохо, если их плохо кормят, то только потому, что приходится кормить их младших братьев, если бы их не было, то Николая с сестрой кормили бы лучше». 9-го июля произошло дальнейшее ухудшение питания, 10-го последовала реакция – убийство. Слабые тормоза удержать не могли¹⁰⁶.

Это дело – одно из тысячи дел такого рода в наши дни. И в прошлом, и в настоящем при слабости противодействующих тормозов одна и та же причина – голод – вызывала и вызывает одни и те же последствия. Довольно, однако, подобных «острых» доказательств. При желании их можно было бы привести немало.

III. Свидетельствами того же самого депрессирования являются сотни других, более «мягких» фактов. Таковыми являются: измена своей группе и переход из-за куска хлеба в противоположный стан (в наше время – массовые переходы солдат и не солдат от «белых» к «красным» и обратно ради того, чтобы поесть), шпионство все из-за того же куска хлеба и ради денег, религиозное, партийное и иного рода ренегатство из-за кормежки и из-за нее же участие в карательных экспедициях против своих односельчан, отнимание у детей получаемой ими пищи¹⁰⁷, всевозможное штрейкбрехерство среди рабочих из-за рубля или полфунта хлеба и тысячи других подобных фактов, объясняемых тем, что голод

¹⁰⁴ Там же, с. 39–52.

¹⁰⁵ Пащутин В.В. Цит. соч., с. 562.

¹⁰⁶ Цитата из дела № 1143 (2104).

¹⁰⁷ То же самое имело место в Индии. См.: *Digby W. Op. cit., vol. II, p. 159.*

ослабляет и подавляет сознательные рефлексy группового самосохранения и заставляет прямо или косвенно причинять ущерб «своим» (государству, классу, семье, церкви, корпорации, партии и т.д.). Все это – еще одно доказательство того, что в ряде случаев детерминатор голода депрессирует конфликтующие с ним рефлексy групповой самозащиты. То же самое еще ярче в наши годы проявляется в поведении детей. В семьях и приютах «у многих из них наблюдалась патологическая жадность к еде. Они впадали в состояние аффекта, гнева, злобы, раздражительности из-за теплого места у печки или при раздаче порций, нередко отбирали пищу друг у друга, обшаривали шкапики в спальнях, производили мелкие продовольственные кражи из кладовой приюта, у персонала, меняли или отнимали порции у слабых, старшие лгали и обманывали» и т.д., т.е. они совершали целый ряд актов нарушения рефлексов групповой самозащиты¹⁰⁸. Таких и еще более «зверских» фактов теперь сколько угодно.

Такое же отношение проявляется не только к людям, но и к любимым животным. Прочтите, например, записки и воспоминания Пири, Нансена, Миккельсена, Мюлиуса и других полярных путешественников. Когда наступал голод и есть было нечего, они вынуждены были убивать и есть любимых собак, чего без голода не было бы.

Сказанного достаточно, чтобы признать выдвинутый нами тезис доказанным. О противоположных исходах этой дуэли и их причинах речь пойдет ниже.

7. ДЕПРЕССИРОВАНИЕ И ОСЛАБЛЕНИЕ ГОЛОДОМ ПОЛОВОГО ДЕТЕРМИНАТОРА И ПОЛОВЫХ РЕФЛЕКСОВ

Другим важным детерминатором поведения людей является половой детерминатор, вызывающий при наличии соответствующих раздражителей ряд самых разнообразных половых рефлексов и переживаний, начиная с переживаний «влюбленности» и искания встреч и свиданий с объектом любви и кончая переживанием половой страсти (*libido sexualis*) и актами полового совокупления. In concreto акты, вызываемые этим детерминатором, могут быть весьма разнообразны. Он побуждает влюбленного домогаться предмета своей любви, ухаживать за любимым человеком, устраивать в его честь турниры, убивать на почве ревности, совершать преступления и подвиги; он гонит развратника в дом терпимости, несчастного влюбленного заставляет кончать самоубийством и т.д., и т.д. Словом, чистые и смешанные, простые и сложные (подобно пищевым актам) половые рефлексy занимают значительную долю в общем бюджете человеческих актов. Механизм возбуждения чисто полового импульса как субъективного переживания и чисто половых рефлексов происходит, по-видимому, благодаря раздражению «полового нервного центра» (аналогичного пищевому

¹⁰⁸ Аронович Г. О голодной детской дефективности, с. 31.

центру). Он возбуждается аналогично последнему: 1) через кровь геномами, или половыми гормонами, вырабатываемыми половыми железами (кровь, богатая ими, омывая систему полового нервного центра, положительно возбуждает его); 2) рефлекторно, через периферические части полового нервного центра (безусловный рефлекс, срабатывающий, например, в результате легкого механического раздражения половых органов) и через условные раздражители, воспринимаемые органами чувств (например созерцание «соблазнительных» картинок – рисунков, фотографий – или обнаженного тела, предметов туалета лица противоположного пола, чтение «соблазнительных» романов, слушание соблазнительных речей, песен, «эмоциональной» музыки, обоняние запахов, например духов любимого человека, и т.п.)¹⁰⁹.

Словом, целый ряд разнообразнейших предметов и явлений может быть безусловным и условным раздражителем безусловных и условных половых рефлексов – простых и сложных, чистых и смешанных. Взрослый организм¹¹⁰ так или иначе почти постоянно испытывает воздействие таких возбудителей и должен был бы находиться в «перманентном» половом возбуждении, если бы не было многочисленных тормозящих раздражителей, угашающих возбуждение полового центра, а вместе с ним и половые рефлексы¹¹¹.

Половой детерминатор и вызываемые им половые рефлексы нередко оказываются антагонистами по отношению к детерминатору и рефлексам голода. Они оказываются несовместимыми друг с другом в одно и то же время. Голод толкает к одним актам, половой импульс – к противоположным. Возникает конфликт, и начинается борьба детерминаторов, в результате которой один из них должен быть подавлен. Наблюдение и эксперименты показывают, что голод нередко выходит из этой дуэли победителем. Победа его выражается прежде всего в том, что: 1) половые рефлексы не срабатывают, чего не было бы, если бы не было голода; 2) некоторые половые акты совершаются механически, без полового импульса, «ради хлеба насущного», т.е. превращаются в разновидность пищетаксического акта, чего не было бы, не будь прямого или косвенного влияния голода; 3) половой рефлекс извращается, принимает неестественную форму под прямым или косвенным давлением голода – без последнего этого тоже не произошло бы.

Но этим дело не ограничивается; голод влияет и на следствия полового акта: 1) на движение кривой плодовитости и рождаемости; 2) на жизнеспособность потомства, зачатого и рожденного в период голодания родителей.

¹⁰⁹ См.: *Немилов А.В.* О голодании, с. 88–89, *Landois-Rosemann*. Цит. соч., с. 705–706; *Сеченов И.М.* Физиология органов чувств. 1867, с. 5–6.

¹¹⁰ Теория Фрейда, который находит множество сексуальных рефлексов у человека чуть ли не с момента его появления на свет, уже в силу необъятного расширения понятия сексуальности (*autoerotismus* и *нарциссизм* ребенка), в котором поэтому теряется все сексуальное, едва ли может быть признана удачной.

¹¹¹ Общую характеристику влияния полового детерминатора на поведение людей см.: *Сорокин П.А.* Общедоступный учебник социологии, с. 144–157.

Все эти эффекты голодание производит двумя основными способами: 1) «лобовой атакой», прямо подавляющей половой аппетит и половые рефлексы; 2) «тихой сапой», т.е. путем медленного истощения организма, изменения секторной деятельности половых желез, изменения состава крови и постепенного ослабления полового аппетита и половых физиологических процессов.

Приведем доказательства выдвинутых нами положений.

А) Сама возможность конфликта пищевых и половых рефлексов обусловлена прежде всего тем, что системы половых органов и органов питания резко отличаются друг от друга и находятся между собой в конкурентном отношении. Система половых органов стремится превратить весь организм в половой аппарат, сосредоточить, так сказать, всю его энергию на органах и актах размножения, превратить организм в средство для этого. Система органов питания тоже стремится преобразовать весь организм – в «свой» аппарат, приспособить его энергию и функции исключительно для того, чтобы утолять голод. Каждая из этих систем стремится превратить организм, как «чек на предъявителя», в свой «именной чек». Как правильно замечает Л.И. Петражицкий, «половое возбуждение (возбуждение полового нервного центра. – П.С.) направляет запасы крови и вообще жизненную энергию организма в противоположную (по сравнению с голодом) сторону. Совсем “посторонние” в области действия голода органы приобретают теперь роль главных и специальных органов моторного возбуждения, являются местом усиленного притока крови и т.д. Напротив, слюнные железы, крайне важные органы в области питания, теперь приобретают характер совершенно посторонних органов и получают, так сказать, временную отставку, тем более решительную, чем сильнее позыв полового возбуждения» (отсюда – пересыхания горла, губ, хриплость голоса вследствие ненормальной сухости голосовых связок и т.д.)¹¹². Таким образом, возникает конкуренция этих претендентов на один и тот же объект – организм. Начинается их борьба друг с другом, в результате которой один из них должен быть подавлен и на время исключен. Субъективно эта несовместимость их проявляется в несовместимости сильных ощущений пищевого и полового аппетита. При наличии сильного чувства голода исчезает ощущение полового аппетита, и наоборот. Перед нами как будто механизм с двумя клапанами: когда нагнетается пищевой голод и открывается клапан пищевого голода-аппетита, клапан полового возбуждения закрывается, и наоборот.

Наблюдение и самонаблюдение показывают, что голод нередко побеждает своего конкурента. С момента появления интенсивного ощущения голода (т.е. с возбуждением пищевого центра) раздражение полового центра тормозится. Привычные возбудители полового аппетита начинают действовать все слабее и слабее. «Соблазнительные желания» бледнеют или исчезают, пережи-

¹¹² Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности, с. 241–242.

вания сладострастия гаснут. Голод «лобовой атакой» подавляет половые переживания и рефлексы. Если же абсолютное или сильно дефицитное голодание длится дольше, то его депрессирующее воздействие становится еще более решительным: в этом случае половой импульс и рефлексы резко тормозятся и исключаются. Конечно, фактически этот процесс не так прямолинеен и прост: кривая напряженности полового импульса описывает более сложную траекторию, возможно даже, что в начале голодания она делает скачок вверх и вообще выглядит зигзагообразно.

По крайней мере, думать так заставляют некоторые эксперименты, проведенные Рудольским над кроликами, которые в первый период голодания не обнаружили уменьшения полового аппетита. На этом основании Пашутин, который учитывает при этом еще и такое явление, как повышенная половая возбудимость больных туберкулезом, склонен допустить, что голод скорее усиливает половые рефлексы, по крайней мере, у самцов¹¹³. Однако с таким мнением согласиться нельзя. 1) На основании описания опытов Рудольского, сделанного самим Пашутиным, можно говорить не об усилении, а в лучшем случае – лишь о неослаблении половых рефлексов. Да и то на первой стадии. 2) По мере усиления голодания Пашутин отмечает полную потерю половой способности. 3) Опыты Угримова, на которые тоже ссылается Пашутин, говорят о том, что при сильном голодании «самцы были уже неспособны оплодотворять и даже иметь coitus^{20*}, относясь к самкам совершенно пассивно», а при потере 26% веса самцы оказывались несостоятельными в роли производителей¹¹⁴.

Отсюда следует вывод, что усиление полового аппетита возможно – и то не всегда – лишь на первых легких стадиях голодания, когда – как и в лабораторной обстановке – животному или человеку нет нужды заботиться о пропитании и можно не бояться голодной смерти. Вне лаборатории едва ли такое усиление возможно.

В общем же кривая напряженности полового импульса с усилением дефицитности и продолжительности голодания идет вниз, стремясь к нулю. Голод «тихой сапой» гасит половые рефлексы.

Доказательства.

1) Это следует из механизма возбуждения половых нервных центров. Они возбуждаются половыми гормонами, вырабатываемыми половыми железами. Материал для этого последние получают из крови. Кровь получает его из пищи. Если пища перестает поступать в организм, состав крови меняется, прекращается доставка материала для половых желез: им становится не из чего вырабатывать половые гормоны. С уменьшением последних уменьшаются возбудители полового центра через кровь, а посему слабеют и половые импульсы. Правда,

¹¹³ Пашутин В.В. Цит. соч., с. 55–56, 360, 632.

¹¹⁴ Там же, с. 1604.

половые железы, как, например, показывают эксперименты над рейнским лососем, в первое время могут заимствовать материал из тканей тела. Но этот резервуар не бесконечен, он истощается, и потому рано или поздно наступает угасание половых рефлексов. Для возбуждения остается путь рефлекторный. Но и он, по-видимому, делается малоэффективным. Голодное возбуждение пищевого центра, по-видимому, тормозит рефлекторное возбуждение полового центра, химически изменившаяся кровь – плохой возбудитель. А отсюда понятна неизбежность ослабления половых рефлексов и даже возрастающая трудность совершения *coitus*'а.

2) О том же свидетельствует ряд других опытов и исследований над состоянием половых органов при голодании. Опыты Пояркова над кобелями, потерявшими при 3-месячном голодании один 15, а другой 11 фунтов веса, показывают, что количество семени, добывавшееся онанированием, с 10 капель при сытости упало до 2 капель после голодания, при дальнейшем откармливании оно опять вернулось к норме. Число спермиев при голоде упало с 1^{1/2} миллиардов до нескольких сот тысяч, при этом голодные спермии были менее жизнеспособны, часть – уродлива и недоразвита. На основании этого автор даже допускает возможность кастрирования собак путем голода¹¹⁵.

Аналогичные результаты получил Morgulis, проводивший эксперименты над *diemictylus viridescens*^{21*}. У них по причине голода «яичники и яйца оказались уменьшенными в объеме»¹¹⁶.

По опытам Stoppenbrink'а, у *planaria (dendrocoelum)*^{22*} при голодании «наблюдалась особенно ясно дегенерация половых органов, до полного регресса последних»¹¹⁷.

По Loisel'у, у собаки после 26 дней голодания «сперматогенез целиком прекратился в большинстве семенных канальцев»¹¹⁸. То же самое констатировал для голубей Grandis¹¹⁹; для тритонов – Heidkamp (длина яичника упала с 21 мм до 16–10 мм, диаметр яйцепрохода – с 1 мм до 0,5 мм, диаметр зрелых яиц – с 1,3 мм до 0,25 мм и т.д.).

Дегенерация половых органов, сперматогенеза и т.д. – доказательство разрушающего влияния голодания на половые рефлексы. Эти экспериментальные данные мы с полным правом можем перенести и на человека.

¹¹⁵ Поярков Е. L'influence du jeûne sur le travail des glandes sexuelles du chien // *Compt. rend. hebd. des seances de la soc. de biolog.* 1913, t. 74, p. 141–143.

¹¹⁶ Morgulis S. Studies of Inanition in its Bearing upon the Problem of Growth и Studien über Inanition // *Archiv für Entwicklungsmechanik der Organismen.* 1913, Bd. XXXII, H. 2; Bd. XXXVI, H. 4, S. 179.

¹¹⁷ Stoppenbrink. Der Einfluss Ernährung... // *Zeitschr. d. wiss. Zool.* Bd. 79, S. 543.

¹¹⁸ Loisel. Influence du jeûne sur la spermatogenèse // *Compt. R. et Mem. Soc. biol.* T. 53, p. 836.

¹¹⁹ Статья в *Arch. ital. Biol.* 1889, vol. 12, p. 214–222.

3) О том же влиянии качества и количества пищи в указанном направлении говорит и ряд данных житейского опыта. Уже давно замечено, что мясная пища сильнее возбуждает половой аппетит, чем растительная, алкоголь – общеизвестный возбудитель половых импульсов; в Италии широко практикуется блюдо из особых креветок для этой цели и т.д. Пища, богатая или бедная такими элементами, способствует соответственно усилению или ослаблению половых рефлексов. Ее количественно-качественная бедность при голодании не может не вызывать депрессию последних.

4) То же самое подтверждают наблюдения, в частности клинические данные, над поведением людей во время голода 1918–1919 гг. «Следует отметить, – пишет В. Шервинский, – некоторые отклонения от нормального состояния в половой сфере (вызванные относительным голоданием). У мужчин наблюдается понижение полового аппетита, и иногда очень значительное; у женщин нередко наблюдается аменорея^{22*} (прекращение регул) в течение двух-трех месяцев». Все это связано с изменением деятельности органов внутренней секреции, вызванным частичным голоданием. «Исчезновение регул надо отнести на счет угнетенной деятельности яичников, а понижение libidinis – на счет понижения функций семенных желез»¹²⁰.

У нас, «начиная с сентября 1917 г., число случаев аменореи возрастает и к сентябрю 1918 г. достигает 2,5% (вместо 0,4% в 1915 г.), но особенно быстро оно растет с сентября 1918 г. по сентябрь 1919 г. (6%)». Основная причина их – голодание вместе с тяжелой физической работой. О том же говорят и сезонные колебания случаев аменореи¹²¹. С другой стороны, выше было указано, что половая зрелость (первая менструация) наступает раньше у хорошо питающихся слоев (богатых) одной и той же расы (см. с. 82). См. также некоторые факты у Waitz'a (op. cit., S. 125–126).

5) О том же свидетельствуют некоторые социальные методы борьбы с «половым соблазном», издавна практиковавшиеся и практикующиеся людьми, которые на основании житейского опыта знают о депрессировании голодом половых импульсов и рефлексов¹²². Я имею в виду прежде всего те методы борьбы с половым грехом, которые практикуют аскеты. Основной рецепт их на этот счет гла-

¹²⁰ Шервинский В. Современное питание // Природа. 1919, № 4–6, с. 194. См. также: Гудим-Левкович. Функциональная аменорея (одной из ее причин он считает недоедание). Nilsson, изучавший аменорею в Стокгольме за время войны, указывает также, что «в период наиболее увеличившихся случаев аменореи отмечалось изменение характера пищи» (Nilsson. Об аменорее во время войны // Zbl. f. g. 1920, № 32); обе статьи цит. по: Реферативный медицинский журнал. № 2, с. 97–99.

¹²¹ Окунчиц Л.Л. Влияние войны и революции на половую сферу женщины // Врачебная газета. 1922, № 1.

¹²² Вообще нужно сказать, что на практике люди познали множество явлений (например гипнотизм, методы воспитания и социального влияния – Игнатий Лойола и иезуиты, – ряд явлений в области питания, лечения и т.п.) гораздо раньше, чем их открыла и осознала теоретическая наука.

сит: «Изнурай свою плоть постом (т.е. голоданием) и молитвами». «Воздержание от мяса и вина и от всего, что вызывает половые сношения,.. известно было уже со времен Пифагора». «Первые христиане рекомендовали воздержание от вина и мяса как ради покаяния, так в особенности ради подавления стимулов, толкающих к плотскому греху»¹²³.

В списке 7 смертных грехов, составленным Кассианом, первым идет чревоугодие, вторым – плотский грех. Серапион говорит, что этот ряд образует причинную цепь: чревоугодие вызывает плотский соблазн. «От избытка пищи происходит половой грех (fornification). Живот, набитый всякого рода пищей, рождает похоть, – говорит Кассиан... Пост – средство избежать его. Пост побеждает страсти. Пост спасает от полового греха и нечистоты»¹²⁴.

То же самое рекомендовали Августин, Тертуллиан и другие отцы церкви¹²⁵.

Такие же рекомендации встречаются у многих других древних авторов и аскетов. «Пост практиковался по разным поводам». «Одним из них было желание предупредить половой грех и поллюцию (prevents pollution)». «Пост – начало чистоты»¹²⁶. Соблюдать пост в этих целях советуют и многие аскеты-нехристиане¹²⁷. Такая практика не случайна и не бессмысленна, она, как известно, нередко рекомендуется в ряде случаев и в наше время. В связи со сказанным она является лишним доказательством связи между голодом и половыми желаниями.

б) Ряд опросов, произведенных мною в 1919–1920 гг., с одной стороны, и самонаблюдение многих лиц – с другой, говорят о том же ослаблении полового аппетита и половых рефлексов при длительном и дефицитном голодании. Опрошенные лица, достаточно сильно голодавшие, на поставленный вопрос дали утвердительный ответ¹²⁸.

7) Наконец, о том же говорят и противоположные явления. У аборигенов Австралии праздник корборри («свальный грех») начинается после обильного

¹²³ Pareto V. Trattato di sociologia generale. 1916, vol. I, p. 696–697, 693–753, 595–624.

¹²⁴ Hannay J.O. The spirit and origin of Christian monasticism. London, 1903, p. 136–141.

¹²⁵ См.: *St. Augustine*. Enarratio in psalmum. XLII, 8 (Migne. Patrologiae cursus. Parisiis. 1845–1849, t. XXXVI, p. 482); *Tertullian*. De jejuniis, De resurrectione carnis, 8 (Opera omnia. Migne. Patrologiae cursus. 1844, t. II, p. 806); *Manzoni*. Osservazioni sulla morale cattolica. Firenze. 1887, p. 175.

¹²⁶ *Westermarck E.* Op. cit., vol. II, p. 292–295 (см. также главы: «Restrictions in diet», «Asceticism», «Celibacy»); *Zoekler*. Askese und Moenchtum. 1897.

¹²⁷ *Kern*. Histoire du Buddhismisme dans l'Inde. Paris, 1901–1903. Изучающий Веды «должен воздерживаться от соли, меда, мяса, пряностей и вина. Отшельник живет в лесу, питаясь кореньями, плодами и практикуя аскетизм» (t. II, p. 3–4, 14–16). См. также Четьи-Миней (жизния Антония Великого, Пахомия и др.) и соответствующие предписания в «Законах Ману» (СПб., 1913, гл. 11, ст. 180–181).

¹²⁸ Такие же свидетельства мы находим и в литературных произведениях. «Ах! в настоящее время у меня не было ни малейшей охоты, – говорит герой гамсуновского «Голода», отказываясь от приглашения уличной девушки пойти с ней, – девушки стали для меня почти как мужчины: нужда иссушила меня» (*Гамсун К.* Полное собрание сочинений, т. II, с. 78).

пиршества. «Дикари сопровождают всякое пиршество разгулом и беспорядочным половым общением. Возбужденные плясками, они предаются свальному греху всякий раз, когда удачная охота, победа над соседним племенем и т.п. доставляют им в изобилии сытную пищу»¹²⁹.

В ряде литературных памятников, например в «Тысяче и одной ночи», в «Илиаде» и «Одиссее», в «Махабхарате», в мифах, былинах и сказках, герои, прежде чем «наслаждаться любовью», обычно утоляют сначала голод (иногда моются) и только после этого уже идут на ложе супруга или возлюбленной. То же самое изображается и в современных художественных произведениях¹³⁰. В русских деревнях максимально напряженными моментами половой жизни являлись и являются храмовые и другие праздники, сопровождаемые особенно обильной едой и пиршеством. И пища, и алкоголь действуют совместно в деле поднятия полового аппетита. В современных городах «ужин» мужчины и женщины в ресторане, как ясно это уже по смыслу самого слова, свидетельствует о том, что половому акту предшествует еда. Если бы можно было произвести статистическое исследование на тему, когда – до или после утоления голода-аппетита – чаще всего совершаются половые акты, то они скорее всего показали бы, что число актов, совершаемых «после утоления голода», *ceteris paribus* намного превосходит их число «до утоления голода».

Этот факт уже давно был замечен многими физиологами. Половая страсть достигает максимума во времена наиболее сытые, когда соотношение между приходом энергии в организм и ее расходом наиболее оптимально¹³¹. Отсюда некоторые исследователи, как, например, Leuckart, сделали вывод, что у животных периоды течки и спаривания совпадают с моментами, наиболее благоприятными для добывания пищи (весной и летом). Хотя этот вывод не всегда правилен и требует ограничений, ибо, как показал Вестермарк, периоды течки у разных животных бывают в разное время, т.к. имеют значение не только интересы родителей, но и интересы выживания потомства, и поэтому в процессе естественного отбора эти периоды были приурочены к таким временам года, чтобы рождающееся потомство оказывалось в наиболее благоприятных условиях для выживания, тем не менее соответствующая корреляционная зависимость между периодами течки и периодами наилучшего питания родителей, с одной стороны, и их потом-

¹²⁹ Харузин Н. Этнография. Вып. II: Семья и род. СПб., 1893, с. 55–56.

¹³⁰ Например, в «Бродяге» Мопассана герой насилует девушку после еды. Пока он был голоден, у него не возникало подобных желаний. Замечу, кстати, что прием обильной пищи после голода, по-видимому, особенно сильно возбуждает половой центр. И вообще, по-видимому, есть какая-то более тесная связь между наполнением кишечника и возбуждением полового аппетита. Возможно, что наполнение пищей первого и переполнение его сосудов кровью ведет «симпатически» к кровенаполнению и полового аппарата.

¹³¹ См. например: *Wagner. Handwörterbuch der Physiologie. Bd. IV, S. 863* (статья Leuckart'a); *Gruenhausen. Lehrbuch der Physiologie. 1885–1887, Bd. III, S. 528.*

ства – с другой, едва ли может быть взята под сомнение. Сам Вестермарк, оспаривающий гипотезу Leuckart'a, во-первых, приводит достаточное число фактов, ее подтверждающих, а во-вторых, собственно говоря, вводит в нее вполне резонную поправку о времени, наиболее благоприятном для выживания (а следовательно, и питания) потомства, а не опровергает ее приведением противоречащих ей фактов¹³². С учетом этой поправки факт совпадения во многих случаях периода течки с периодом наилучшего питания (сезон этот разный для разных животных) служит общим доказательством правильности установленной связи. Причем характерно, что с улучшением питания и обеспеченностью им в течение всего года лошадь, корова и другие домашние животные обретают способность спариваться и обнаруживают половой аппетит весь год. «Женские особи (наших домашних животных), находясь в диком состоянии, приходят в состояние сильного полового возбуждения – течки – в особенности во время обильного питания, чаще весной и осенью, когда они находят много хорошего корма. При нашем более или менее искусственном содержании домашних животных, когда они часто и избыточно питаются, они ощущают половой голод значительно чаще, почти в течение всего года; однако наиболее сильное половое влечение – пора главной течки – бывает весной, а также осенью (в марте-июне и сентябре-ноябре)»¹³³. У современного человечества нет ни самой течки, ни определенно выраженных ее периодов. В современном обществе, освободившемся в смысле питания и условий выживания потомства от прямой зависимости от природы, их, согласно этой гипотезе, и быть не может. Люди теперь спариваются в любой сезон года, ибо физиологических препятствий для этого нет, а в общем и целом средства пропитания себя и потомства в индустриальных, а также и земледельческих странах зависят не столько от времени года, сколько от множества других условий. Если у домашних животных появилась возможность спариваться в любое время года, то тем более она должна была появиться у человека. Но это явление несколько не противоречит гипотезе, высказанной и обоснованной Вестермарком, согласно которой 1) «времена спаривания наших отдаленных человеческих и получеловеческих предков, как и у животных, были ограничены определенными временами года» (правильнее сказать: их спаривание всего интенсивнее происходило в определенные периоды, об «ограничении» спариваний временами года едва ли может идти речь); 2) что пережитки этого явления мы должны наблюдать у дикарей, живущих на лоне природы и мало затронутых цивилизацией, а слабые пережитки – отчасти и у современных людей¹³⁴. И действительно, у дикарей мы такие периоды наблюдаем. «Подобно животным, дикари имеют определенные сезоны

¹³² См.: *Westermarck E. Geschichte der Menschlichen Ehe.* Berlin, 1902, S. 19–32.

¹³³ *Гагеман О. Физиология домашних животных* СПб., 1908, с. 232–233.

¹³⁴ *Westermarck E. Op. cit.*, p. 21–22.

для спаривания», – пишет Oldfield. Такие периоды зафиксированы у ватшандиев, тасманийцев, у ряда горных индейских племен, у санталов, у pundschas, котаров, готтентотов, у древних римлян, новокаледонцев¹³⁵, австралийских аборигенов и др. Исторические свидетельства о том, что они имели место в древности¹³⁶ и у современных европейских народов, делают их бытие несомненным. Об этом свидетельствуют языческие праздники, такие как Ярилин день, ночь на Ивана Купалу и коляды у нас, а также аналогичные праздники, которые, по данным Mannhardt'a, были у древних германцев, англичан, эстонцев и других европейских народов.

Если верно, что периоды течки у животных действительно находятся в связи с периодами, когда они лучше всего обеспечены пищей, то такая же связь должна обнаружиться и у людей. И действительно, в большинстве случаев периоды максимального полового спаривания у диких племен совпадают с временами расцвета природы и наибольшей обеспеченности пищей.

Кроме того, дикири накануне таких празднеств обеспечивают себя большими запасами пищи. Свальный грех наступает после обильной еды, питья, плясок и религиозных церемоний – совпадение также не случайное.

«Примерно в середине весны, когда Jamswurzel в полной силе, когда животные вывели детенышей, когда яиц и других видов пищи много, приступают ватшандии к выполнению своего великого, полурелигиозного празднества “Саа-чо”, после которого переходят к исполнению своих обязанностей по воспроизводству потомства»¹³⁷. В такое же время совершается праздник размножения у тасманийцев¹³⁸, у Nus – индийского горного племени – он справляется в январе, «когда амбары полны зерна, и люди, по их собственному выражению,

¹³⁵ Westermarck E. Op. cit., p. 22–23; Spencer B., Gillen F. The northern tribes of Central Australia. London, 1904, p. 20–21; Spencer B., Gillen F. Native Tribes of Central Australia. 1899 (глава о короборри). Остальные источники см. у Вестермарка.

¹³⁶ См.: Харузин Н. Этнография. Вып. II: Семья и род. СПб., 1893, с. 50–51; Westermarck E. Op. cit., p. 23–24; Mannhardt. Walde und Feldkulte. Berlin, 1875. Bd. I, Kap. 5. У нас, по свидетельству сохранившихся памятников XIII и XV вв., было два периода таких празднеств: одно в июне, другое – в навечерие Рождества и Крещения. В правиле митрополита Кирилла говорится, что в Троицкую субботу, по обычаю новгородцев, «собираются вместе мужи и жены и играют бесстыдно и скверну творят». В послании Памфила (1505 г.) говорится о том, что в ночь под Иванов день «мало не весь град взматется и возбесится... стучат бубны и гудут струны, женам же и девам плескание и плясание,.. хребтом их вихляние, и ногам их скакание и топтание; ту же есть мужем же и отроком великое прельщение и падение; но яко на женское и девическое шатание блудное им воззрение, такоже и женам мужатым беззаконное осквернение девам растление»; в «Стоглаве» говорится, что в эти дни «сходятся мужи и жены и девицы на ночное плещевание... и на богомерзкие дела и бывает отроком осквернение и девам растление» (цит. по: Харузин Н. Указ. соч., с. 50–51).

¹³⁷ Oldfield. On the Aborigines of Australia // Transactions of the Ethnological Society of London. New Series. 1865, vol. III, p. 230.

¹³⁸ Bonwick J. Daily Life and Origin of the Tasmanians. London, 1870, p. 198.

занимаются “всякой чертовщиной”»¹³⁹. У австралийских племен, исследованных Б. Спенсером и Ф. Гилленом, подобные сатурналии, называемые короборри, опять-таки совпадают со временем пробуждения природы, когда деревья и кустарники после сезона дождей расцветают, животной пищи имеется в изобилии и т.д.¹⁴⁰ Словом, у целого ряда народов периоды интенсивного спаривания (разные, конечно, для разных широт и долгот) совпадают с наиболее сытыми в году периодами.

У современных народов такой регулярности, разумеется, нет и быть не может, ибо питание их примерно одинаково в течение всего года и не подвергается резким колебаниям, как у дикарей, в зависимости от сезона. Но и у них на ряде фактов и совпадений можно подметить зависимость полового аппетита от сытости. И у них ряд статистических данных свидетельствует о том, что периоды усиленного питания и слабых затрат энергии, по-видимому, сопровождаются повышением полового аппетита, периоды «поста» – его ослаблением. Это подтверждает прежде всего статистика брачности и рождаемости (см. ниже). А пока я ограничусь лишь отдельными фактами.

В пользу установленной нами связи говорит, во-первых, статистика половых преступлений, совершаемых представителями богатых и бедных классов. Первые – «с жиру бесятся». «Хотя к их услугам имеются тайные притоны, где они могут заниматься даже самым грубым, противоестественным и уголовно наказуемым развратом, несмотря на это уголовная статистика рисует грязь половой жизни состоятельного класса. В Германии из всех преступлений, совершаемых чиновниками и лицами либеральных профессий, на первом месте стоят половые преступления, у рабочих и поденщиков они занимают лишь седьмое место»¹⁴¹.

О том же свидетельствует и статистика брачных и внебрачных зачатий, фиксирующая время и число рождений. То и другое, конечно, зависит от многих факторов. Но в ряду их, по словам Эттингена, «цена на съестные продукты имеет определенное значение». Эта статистика для европейских стран показывает, что в декабре (Святки, когда люди хорошо питаются), апреле и мае (празднование Пасхи) число зачатий неизменно увеличивается, в марте (время поста) – уменьшается. «Май и декабрь оказываются самыми плодовитыми месяцами», и они же в христианских странах – месяцы объедения. «В марте, напротив, число зачатий снижается до минимума, несмотря на благоприятные климатические условия»¹⁴².

¹³⁹ *Westermarck E.* Op. cit., p. 23.

¹⁴⁰ См.: *Spencer B., Gillen F.* Op. cit. (описание короборри, брачных обрядов и обрядов вроде *Intichiuma ceremonies*).

¹⁴¹ *Гернет М.Н.* Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества. М., с. 392.

¹⁴² *Oettingen A.* Op. cit., p. 303–307; *Levasseur E.* La population française. Paris, 1891, vol. II, p. 21–22.

8) То же самое мы увидим ниже при изучении динамики браков и рождений в зависимости от колебаний питания.

На основании всех этих данных мы можем считать тезис о депрессировании голодом половых рефлексов доказанным¹⁴³.

Б) К следующей категории фактов, свидетельствующих о влиянии голода на половые рефлексы, относится – в применении к женщинам – *факт совершения половых актов «механически», без внутреннего импульса и аппетита*. В этих случаях половые акты превращаются в разновидность актов пицетаксических, становятся средством добывания пищи, т.е. в иной форме детерминируются го-

¹⁴³ Некоторые факты, на первый взгляд как будто противоречащие этому тезису, противоречат ему только с виду. Таковыми, в частности, являются: 1) наблюдающийся за эти годы факт «половой разнуданности» городского, а частично и деревенского населения РСФСР, проявляющийся в необычайно высоком коэффициенте брачности, раннем начале половой жизни юношества, в половой распушенности многих людей вообще и т.д.; 2) более низкая рождаемость у представителей богатых классов по сравнению с бедными. Об этом факте, так же как и коэффициенте брачности в России за эти годы, речь пойдет ниже. Что же касается половой распушенности, то: а) у мужчин она наблюдается главным образом в группах, сравнительно мало голодающих (богатые дельцы, спекулянты, высокооплачиваемые спецы и т.п.), остальным «не до жиру – быть бы живу»; б) у женщин, как мы сейчас увидим, повышение «половой активности» представляет собой в большинстве случаев не что иное, как прямое или косвенное проституирование себя за «кусочек хлеба», «паек» и лакомства (плюс – другие блага), т.е. имитация половых рефлексов без внутреннего импульса, механически, что возможно для женщин (содержанки нашего времени); в) немалую роль в этом повышении сыграл и факт исчезновения и ослабления других тормозов (условных тормозящих рефлексов), таких как религия, право, мораль, общественное мнение, семейный позор и бесчестие, угроза наказания и т.п., – тормозов, которые в ходе революции подверглись переоценке и были объявлены «вредными и глупыми предрассудками». С их отменой исчезла узда, сдерживавшая половые рефлексы. Эта отмена их во многом компенсировала то ослабление полового аппетита, которое было вызвано голодом. То, что первый потерял по вине второго, он возместил в известной мере за счет отмены этих тормозов. То же самое происходило и во время других революций XIX в. и приводило к такой же распушенности. И Эттинген, и Ваппеус, и Энгель, и другие отмечали резкое увеличение числа изнасилований, половых преступлений и внебрачной рождаемости в 1849 г. Например, внебрачных рождений в 1849 г. в Саксонии было на 14–15% больше по сравнению со средней нормой, установившейся за 10 лет до этого года; количество *attentats aus moeurs*^{23*} во Франции со 100–200 поднялось до 500 и т. д. (см.: *Oettingen A. Op. cit.*, p. 240). То же самое происходило и во время Французской революции 1789 г. «В Париже в течение 20 месяцев после закона 1792 г. (сентябрьский закон о разводе) суды удовлетворили 5994 иска о разводе, а в VI г. число их превысило число браков. Число брошенных (внебрачных) детей не превышало в 1790 г. 23000, в X г. их было более 63000. Число подкидышей увеличилось до крайней степени». «Не редкостью было увидеть детей 13–14 лет, говорящих и ведущих себя так, что такое поведение было бы скандальным раньше и для 20-летнего человека» (*Taine H. Les origines de la France contemporaine. Paris, 1885, vol. III, p. 103*). То же самое было и у нас в годы революции 1905–1908 гг. Вот почему не удивительно и общее усиление интенсивности половой жизни, несмотря на голод. Но, повторяю, это усиление было не общим, а локализовалось главным образом – для мужчин – в среде сравнительно сытых групп. Увеличение же половой активности среди женщин свидетельствует, согласно сказанному, именно о проституировании их из-за хлеба насущного.

лодом и своеобразно побеждаются им. Не будь его, многие из таких актов не имели бы места.

Голод толкает на их совершение, так же как в случае со смешанно-сложными пицетаксическими актами заставляет писать статью, читать лекцию, рубить дрова, копать грядки, идти в услужение, чтобы заработать на хлеб насущный. «Есть-то ведь нужно...» – и за паек или фунт хлеба женщины, иногда с отвращением, отдают покупателю, идут в «содержанки», в дома терпимости, в «любовницы» и т.д. Такая продажа и самопродажа девушек и женщин наблюдалась чуть не при всех крупных голодовках¹⁴⁴. «Et ecce, – пишет средневековый хроникер, – quod magis est, conjuges divina ordinatione una caro existentes sibi invicem deficiunt, et inter eos victu parvi muneris thori fideli as violatur»^{145/24*}.

Таких свидетельств можно привести немало. Приведу для иллюстрации факты, описываемые Лесковым в его воспоминаниях о голоде 1840 г. в Орловской губернии. Они живописно рисуют то, что повторялось и повторяется при сильных голодовках. «Кошкодралам бабы и девки тогда продавали “свою девичью красу”, то есть свои волосы, и весьма часто женскую честь, цена на которую, за обилием предложения, пала до того, что женщины и девочки, иногда самые молоденькие, предлагали себя сами, без особой приплаты, в “придачу к кошке”. Если кошатник не хотел брать дрянную кошку, то продавщица стонала: “купи, дяденька, хороший мой: я к тебе в сумерки к колодцу выйду”... Кошачья шкура была товар, а хозяйка – придачею. И этот взгляд на женщину уже не обижал ее: обижаться было некогда; мучения голода были слишком страшны... Вообще крестьянские женщины тогда продавали свою честь в наших местах за всякую предложенную цену, начиная с медной гривны, но покупатели в деревнях были редки.

Более предприимчивые и приглядные бабы уходили в города “к колодцам”. И у себя в деревнях молодые бабы выходили вечерами постоять у колодцев – особенно у таких, на которые подворачивают проездом напоить коней ямщики, прасолы или кошкодралы, и тут в серой мгле повторялось то, что было и в оны дни у колодца Лаванова... И все это буквально за то, чтобы “не околеть с голода”... Особенно в этом отношении в Орле прославились крытые колодцы у Михаила Архангела и Плаутин. Кроме того, множество женщин ютилось по пустым баркам...

Срам это был открытый, но его как-то не вменяли в преступление. Старшие семьянинки не только отпускали молодых на вedomое дело, но еще склоняли к тому, говоря: “чего так-то сидеть: надо сойти в город у колодца *раздобыться*”... Молодайки уходили – и бойкие из них прямо говорили: “чем голодать – лучше

¹⁴⁴ Об этом непосредственно свидетельствуют древние правовые своды, в которых такое проституирование из-за голода упоминается и иногда признается безнаказанным. См., например, «Законы Хаммурапи», ст. 133–135; «Законы Ману», гл. 9, ст. 74.

¹⁴⁵ *Curschmann F. Op. cit., p. 213.*

срам принять”. Когда они возвращались от колодцев, их не осмеивали, не укоряли, а просто рассказывали: “такая-то пришла... в городе у колодца стояла... разъелась, стала гладкая”»¹⁴⁶.

Аналогичные факты отмечались и во время голода 1906 г. Массовое проявление их мы видим и теперь среди населения Петрограда, Москвы, других голодных городов и голодающих деревень. Появился целый класс содержанок, открыто живущих с «кормильцами» в их квартирах, а сколько их имеется в качестве случайных «гастролерок», продающих себя время от времени. Если бы мне возразили, что подобные факты – это всего лишь проявление распутства, а не следствие голода, то я в свою очередь мог бы спросить: «А почему женщины льнут именно к тем мужчинам и виснут на них по паре с каждой стороны, которые хорошо обеспечены питанием и могут уделять им из своих пайков солидную долю?» Это последнее обстоятельство определенно указывает на детерминирующую роль голода.

Наконец, факт роста проституции и торговли женщинами в 1921–1922 гг. не подлежит сомнению. Например, в Чукадытомской волости Белебейского уезда один предприниматель три раза закупал девушек и женщин и в специальном вагоне отвозил их в Ташкент¹⁴⁷. Был ряд других подобных сообщений. Менее же сенсационных фактов такого рода – множество¹⁴⁸.

Наконец, о том же свидетельствует изучение причин, побудивших заниматься проституцией. Вестермарк правильно говорит, что «Armut treibt viele Mädchen, die nicht viel mehr als Kinder sind, der Prostitution in die Arme»^{149/25*}. Из 4183 проституток, исследованных Parent-Duchatelet, 1441 записалась в проститутки под влиянием нужды и бедности, 1225 сирот приняли роковое решение в состоянии полной заброшенности, 37 – с целью прокормить родителей, 24 – чтобы заработать средства для младших сестер и братьев, 23 – для прокормления и воспитания своих детей, 1425 – были покинуты любовниками и оказались в нужде¹⁵⁰. К аналогичным выводам приходят и другие авторы. По данным Обозненко, из-за бедности стали проститутками около 58% всех проституток, по Le-Pileur’у – 27,8%¹⁵¹.

Сходные причины в сходных условиях вызывают сходные эффекты. Если голод велик, покупатели женского тела имеются, а тормозящие факторы слабы, то и в прошлом из-за куска хлеба женщины проституировали себя, проституируют в настоящем и при тех же условиях будут проституировать и в будущем.

¹⁴⁶ Лесков Н.С. Цит. соч., с. 52–55.

¹⁴⁷ Василевский Л. Жуткая летопись голода. Уфа, 1922, с. 17.

¹⁴⁸ Целый ряд подобного рода картин см. в романе Б. Пильняка «Голый год» (1922).

¹⁴⁹ Westermarck E. Geschichte der Menschlichen Ehe. Berlin, 1902, S. 65.

¹⁵⁰ Parent-Duchatelet A. De la prostitution dans la ville de Paris. 1857, vol. II, p. 78; vol. I, p. 107.

¹⁵¹ См.: Елистратов А.И. Борьба с проституцией в Европе. Казань, 1909.

В) Наконец, та влиятельная роль, которую играет голодание в области половых рефлексов, иногда проявляется косвенно: в виде изменений, искажений и деформаций ряда половых рефлексов, происходящих из-за ограниченного питания. Я имею в виду такие явления, как сознательное откладывание или отказ от женитьбы, замужества и половых отношений, обусловленные собственной материальной необеспеченностью или необеспеченностью своей семьи, в некоторых случаях – неестественное удовлетворение половой потребности с целью избежать появления потомства (педерастия у некоторых бедных и плохо обеспеченных племен и другие формы ненормальных половых отношений, свидетельствующие в таких случаях не столько об извращенности и половой пресыщенности, сколько о сознательном или бессознательном неомальтузианстве, являющемся следствием необеспеченности и отсутствия пищи для лишних ртов). Но об этом мы будем подробнее говорить ниже при характеристике связи между голоданием и уровнем рождаемости.

Таковы три основные категории фактов, подтверждающих выдвинутые нами тезисы.

Г) На основании всего вышеизложенного можно сделать вывод, что абсолютно дефицитное и длительное относительное голодание, депрессирующее половые рефлексы, должно *ceteris paribus* снижать уровень рождаемости голодающего населения. Поскольку при голодании пропадает половой аппетит, уменьшается число совокуплений, степень их напряженности ослабевает, а половые клетки дегенерируют и становятся уродливыми, то все это до известной степени может отразиться и на кривой рождаемости¹⁵². Но к ее падению сильное голодание ведет чаще всего иными путями: 1) путем изменения анатомо-физиологических процессов и органов зачатия и деторождения – изменения, ведущего прямо или косвенно к бесплодию в течение времени голодания, и 2) путем принятия ряда мер, направленных на предотвращение зачатия или на уничтожение плода и новорожденных, – мер, диктуемых голодом, нежеланием производить на свет обреченное на голод потомство и нежеланием сократить в будущем свое и без того скудное питание – что неизбежно произойдет, если появится потомство, а дополнительных источников пропитания не будет.

Д) Наконец, дефицитное голодание родителей в период зачатия и беременности ослабляет (*ceteris paribus*) жизнеспособность их потомства.

На доказательстве этих двух положений я остановлюсь ниже, в главе о влиянии голодания на естественное движение населения.

¹⁵² Только «до известной степени», ибо уменьшение числа половых актов даже в 5–10 раз само по себе могло бы и не отразиться на уровне рождаемости: если вместо 50 раз в год супруги будут спариваться 5 раз, то и этого достаточно для зарождения и появления на свет нового существа. Вот почему в этой форме влияние голода невелико: эффект его достигается иными способами, указанными в тексте.

8. ДЕПРЕССИРОВАНИЕ ГОЛОДОМ «РЕФЛЕКСОВ СВОБОДЫ» ПОВЕДЕНИЯ

И.П. Павлов открыл существование особых «рефлексов свободы»¹⁵³. Под этим несколько фигуральным выражением понимаются рефлексы животного, направленные на освобождение от тех препятствий, которые ограничивают естественность его движений – его «свободу». Связанное животное (например кошка, собака и т.д.) стремится порвать свои путы. Цепной пес или коза, привязанная веревкой, пытаются сделать то же самое. Птица, посаженная в клетку, тигр или баран, заключенные в тесное помещение, настойчиво – особенно в первое время – пробуют разными способами вырваться на волю. Словом, если сам термин «рефлекс свободы» может показаться не вполне подходящим, то существование рефлексов, обозначаемых им, не подлежит никакому сомнению. Их биологический смысл понятен: для сохранения жизни животного огромное значение имеет свобода его движений; путы, ограничивающие ее, нередко грозят ему опасностью и смертью. Для предотвращения этих опасностей у животных еще в процессе филогенетического развития должен был выработаться ряд рефлексов. И они действительно выработались. Естественно, что количество этих рефлексов и их сила должны быть разными у разных животных: хищники, ведущие независимый и одинокий образ жизни (тигры, львы, etc), должны иметь и имеют их в изобилии, у стадных и паразитарных животных их меньше; у диких животных они развиты в большей степени, у домашних – в меньшей.

Нет надобности говорить, что аналогичные «рефлексы свободы» есть и у людей. Связанный по рукам и ногам человек энергично стремится сбросить путы, заключенный – выбраться из камеры, ограниченный в передвижении – освободиться от навязанных ему ограничений. Человек, чьи действия, в том числе речевые и субвокальные рефлексы (свобода слова, печати, вероисповедания, неприкосновенность личности и т.п.), так или иначе стеснены, стремится преодолеть стоящие на его пути препятствия, а если и смиряется с ними, то только под давлением мощных детерминаторов и контрсил. Вместе с условными рефлексами и суперрефлексами свободы, выросшими на почве безусловных, такие «реакции свободы» составляют значительную часть от общей совокупности рефлексов, из которых складывается поведение и жизнь человека. Эксперименты И.П. Павлова над собаками показывают, что не все собаки в одинаковой мере обладают рефлексом свободы. Среди них есть «собаки с богатством рефлексов свободы» и собаки-холопы. То же самое наблюдается и у людей. Один индивид не терпит никаких ограничений, борется с ними, каковы бы они ни были, «независим и любит свободу», другой – холоп по своей натуре, он не борется с огра-

¹⁵³ См. его статью «Рефлекс свободы».

ничениями, а подчиняется и приспосабливается к ним. Он похож на сервильную собаку И.П. Павлова (Умницу), которая пред всеми виляет хвостом, ложится на спину и отдает себя на милость победителя. Такое же различие замечается и между целыми группами. Если, с одной стороны, взять англосаксов с их сильно выраженными рефлексамии свободы¹⁵⁴, а с другой стороны – ряд народов Востока (калмыки, киргизы, etc) или наш русский народ, довольно легко подчиняющийся любой крепко бьющей палке, то различие будет очевидным. Оно четко отражается и в истории этих народов. Какую долю следует отнести здесь на счет безусловных и условных рефлексив – этого мы сейчас решать не будем. Скажем лишь, что играет свою роль и наследственность, и историческая дрессировка¹⁵⁵.

Эти «рефлексы свободы» нередко вступают в конфликт с рефлексамии голода. И весьма часто побеждаются ими. Эксперимент И.П. Павлова над одной собакой, богатой этими рефлексамии, которая отказывалась есть в стакане и ела только вне стакана, на свободе, показал, что после 7 дней голодания рефлекс свободы все же был сломлен: проголодав 7 дней собака стала есть и в стакане¹⁵⁶.

То же самое многие, вероятно, наблюдали, когда пытались приручить диких птиц и животных. Вначале они отказываются от еды, потом – начинают есть. И люди в массе своей ведут себя точно так же. Голодный за кусок хлеба или за «харчи» соглашается подчиниться многим требованиям, соглашается что-то делать, а чего-то не делать – на что без этого детерминатора он не согласился бы. Известно, далее, что многие преступники – в большинстве своем люди, обладающие сильно развитым «рефлексом свободы», – на зиму, в голодное время, сами стремятся попасть в тюрьму, жертвуют «свободой поведения» ради теплой «квартиры» с казенными харчами. В наши годы мы в бесконечном изобилии наблюдали случаи подавления «рефлексив свободы» у массы лиц (спецов, крестьян, рабочих, интеллигентов, etc), которые из-за продовольственного пайка отказывались от свойственных им форм поведения и образа мыслей, надевали на себя маску покорности перед всякими капралами и терпели, нередко со скрежетом зубным, многое такое, чего без этого «пайкового давления» терпеть не стали бы. Подобных фактов так много, что не стоит приводить их. Это явление, как увидим ниже, служит почвой, на которой в эпохи голода происходит закрепощение голодных сытыми; оно оказывалось и оказывается одной из причин возникновения рабства, колоната, крепостничества и других форм принудительной зависимости человека от человека, группы от группы^{27*}.

¹⁵⁴ Об этой их черте см. второй том моей «Системы социологии» (параграф о семейной группировке^{26*}), а также: *Иеринг Р.* Борьба за право. М., 1874.

¹⁵⁵ Подробно обо всем этом см. в третьем томе «Системы социологии».

¹⁵⁶ Личное сообщение И.П. Павлова, за что приношу ему благодарность.

9. ДЕПРЕССИРОВАНИЕ И ОСЛАБЛЕНИЕ ГОЛОДОМ РЯДА КОНТРАРНЫХ БОЛЕВЫХ РЕФЛЕКСОВ

Хотя ощущение голода с ростом его интенсивности приобретает характер мучительный, из этого не следует, что рефлекс поведения, вызываемые голодом, и все рефлекс, вызываемые раздражением «болевых» рецепторов (существование их как рецепторов *sui generis*^{28*} признают некоторые физиологи, например Шеррингтон, Landois и другие¹⁵⁷), или – что в данном случае одно и то же – все болевые рефлекс, реагирующие на чрезмерное раздражение тех или иных нервных рецепторов, всегда являются рефлексами «аллелированными»^{29*}. В одних случаях голодание обостряет болевое ощущение, в других – наоборот, рефлекс голода и болевые рефлекс антагонизируют друг с другом: голод подталкивает к совершению актов, подавляющих реакции на болевые раздражения, а болевые рефлекс стремятся подавить рефлекс, вызываемые голодом, т.е. рефлекс пищетаксические. В плане субъективного восприятия это означает, что при сильном ощущении голода мы часто не замечаем многих болевых ощущений и мучительных переживаний, и наоборот, острая боль или сильное страдание мешают появлению чувства голода-аппетита или гасят его, если оно уже имеется.

Это явление многим знакомо из житейской практики. Известно, что при сильном страдании или боли у нас пропадает аппетит; мы можем не есть несколько часов или даже дней; едим вяло; пищетаксические акты не энергичны и т.д. И наоборот, сильный голод пробивается иногда через кору боли и страданий, отодвигает их на второй план, смягчает и заставляет нас «забыть» на время и боль, и тоску. В таких случаях тревожный набат голода заглушает отдельные сигнальные болевые звонки, сообщающие организму о том или ином повреждении местного нервного аппарата или о тех или иных опасных процессах, которые в нем происходят. Такие победы над конкурентными болевыми рефлексами голод (пока он не утолен) одерживает довольно часто, особенно если болевые раздражения незначительны (например укол, порез, зубная боль, легкая рана и т.п.).

Типичным примером подобной победы является поведение людей, посаженных на диету по причине расстройства пищеварительной системы. Мы знаем, что люди, которые должны соблюдать диету (иногда это день-два абсолютного голодания, иногда голодание относительно-качественное), часто не выдерживают и при появлении у них аппетита диету нарушают.

Другой пример приводит Гамсун. По ноге голодавшего героя «Голода» проехал воз с хлебом и отдал ему два пальца. Болевое ощущение хотя и возникло, но не вызвало энергичных болевых рефлекс. Его раздосадовало лишь то,

¹⁵⁷ См.: Шеррингтон Ч. Цит. соч., с. 38–39; Landois-Rosemann. Цит. соч., с. 715, 789–790.

что «башмак был раздавлен, подошва оторвалась от носка», несмотря на то, что, «подняв ногу, он увидел кровь в образовавшемся зеве»¹⁵⁸.

Частичное подтверждение этого депрессирования болевых ощущений находим и у Marsh'a. В составленной им таблице, отражающей динамику болевых ощущений в первую, вторую и третью недели голодания, зафиксированы такие показатели: 4,0; 6,0; 5,5. Острота болевых ощущений была тем меньше, чем сильнее было голодание: минимума она достигла во вторую неделю – при голодании абсолютном. Несколько иначе выглядит кривая болевых ощущений у его жены¹⁵⁹.

Не только боль, но нередко и довольно сильные страдания заглушаются и отходят на задний план на то время, пока человек чувствует голод-аппетит. Только после его утоления они вновь овладевают им.

Когда именно дуэль рассматриваемых нами конкурентов заканчивается победой голода, а когда его поражением, здесь мы решать не будем; пока достаточно признать, что конфликт голода и болевых детерминаторов имеет место и что временами голод выходит из него победителем.

10. ДЕПРЕССИРОВАНИЕ, ОСЛАБЛЕНИЕ И «ВЫВЕТРИВАНИЕ» ГОЛОДОМ РЯДА УСЛОВНЫХ ДЕТЕРМИНАТОРОВ ПОВЕДЕНИЯ И СООТВЕТСТВУЮЩИХ УСЛОВНЫХ РЕФЛЕКСОВ (РЕЛИГИОЗНЫХ, ПРАВОВЫХ, МОРАЛЬНЫХ, ЭСТЕТИЧЕСКИХ И ДРУГИХ ФОРМ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ)

В предыдущих параграфах речь шла о депрессирующем влиянии голода на ряд детерминаторов и соответствующие комплексы рефлексов, ядро которых образуют рефлексы безусловные, т.е. полученные по наследству, а не приобретенные индивидом в течение его жизни. Наследственно предопределен ряд защитных рефлексов самосохранения, ряд рефлексов группового самосохранения (например материнские «инстинктивные» акты, ряд половых рефлексов, например возбуждение от легкого механического раздражения половых органов, от «возбуждающего» влияния вина, отдергивание руки от укола или ожога и т.д.). Хотя это ядро безусловных рефлексов и обросло у человека наслоениями условного характера (например половое возбуждение от созерцания «безнравственных» картин, чтения соблазнительных романов, созерцания красивого обнажен-

¹⁵⁸ Гамсун К. Цит. соч., с. 100.

¹⁵⁹ Marsh H.D. Op. cit., p. 442.

ного тела и т.п.), все же в основе всего комплекса этих рефлексов лежит это ядро рефлексов безусловных. Наслоения – всего лишь обертоны.

Наряду с комплексами безусловных рефлексов у человека имеется множество рефлексов чисто условных, не полученных по наследству, а привитых ему в процессе жизни среди ему подобных. Еще Спенсер указывал на то, что для жизни организма необходимо сохранение известного равновесия, которое достигается в результате приспособления внутренних процессов к внешним раздражителям. Рождаясь на свет, каждый из нас оказывается в «поле влияния» сотен и тысяч различных раздражителей, среди которых главную роль играют люди, продукты их деятельности и продукты деятельности предыдущих поколений (совокупность проводников, или вся материальная культура: здания, дороги, предметы обихода, инструменты, орудия, книги и т.д.¹⁶⁰). Все эти детерминаторы с момента рождения до самой смерти воздействуют на нас и требуют от нас соответствующих «приспособительных» реакций. Форма этих ответных реакций сама по себе наследственно не предрешена. Например, наследственно не предопределено, что при встрече со знакомым человек должен реагировать актами пожатия руки или снятия шапки, при церковном звоне – осенять себя крестным знаменем, солдат при виде генерала должен «вставать во фронт», и все мы при виде чужой вещи должны реагировать актами воздержания от «завладения, пользования и распоряжения» ею и т.д. Эти формы реагирования на перечисленные раздражители прививаются людям в течение их жизни, а не передаются по наследству. В одной социальной среде они могут принимать одни формы, в другой – другие. Они могут быть «привиты» человеку, могут быть и «отвиты» от него. Они подобны социальному костюму: человека можно нарядить в такой костюм социально-условных рефлексов, можно (хотя часто не без трудностей) этот костюм и снять с него, можно заменить один костюм другим. Портным, определяющим для каждого из нас фасон такого «костюма» условных рефлексов, является совокупность тех условных детерминаторов, в поле влияния которых мы оказываемся; среди них, прежде всего, окружающие нас люди – живые, а через них и мертвые – и материальная культура, созданная ими – уже умершими и живыми.

Десятками различных способов (к числу которых относятся обучение, воспитание, целенаправленное внушение, бессознательное подражание, карательные и наградные санкции, собственный опыт, научающий нас подводить баланс удачному и неудачному реагированию на те или иные раздражения, физическое принуждение со стороны других лиц и т.д., и т.д.) у каждого человека в течение жизни вырабатывается определенная связь между тем или иным условным раздражителем (например отцом, матерью, начальником и подчиненными, знакомыми, чужой вещью, конкретным зданием или местом – церковью, кладбищем,

¹⁶⁰ См.: *Сорокин П.А.* Система социологии, т. 1, гл. 4, § 5 («Проводники как элемент явлений взаимодействия»).

определенным временем – Пасхой, днем именин, определенным явлением – церковным звоном, телефонным звонком и т.д.) или определенным комплексом их (например обстановкой бала, церковной службы, заседания суда, военной битвы, служебного кабинета, работающего завода и т.д.) и теми или иными способами реагирования на эти раздражители. Эта связь состоит в том, что при действии такого-то раздражителя или такого-то их комплекса человек реагирует так-то, ведет себя таким-то образом. Например, при встрече со знакомым – снимает шапку, или если он солдат, то при встрече с офицером отдает ему честь, получив приказ отца или начальника – повинуется; находясь в церкви – не бесчинствует, осеняет себя крестным знамением, опускается на колени; услышав телефонный звонок, подходит к аппарату, снимает трубку и начинает говорить; на балу – соблюдает «правила светского поведения», танцует и т.д., чего не делает, когда оказывается в сфере действия других раздражителей; с чужим имуществом – деньгами, книгами и другими ценностями – обращается совершенно иначе, чем с собственным; в определенные периоды времени, например в страстную неделю, не ест скоромного, в день именин – приглашает гостей, в разных ситуациях произносит разные слова, т.е. совершает разные речевые рефлексы и т.д.

Словом, с первых же дней жизни у человека начинают вырабатываться определенные шаблоны поведения применительно к той или иной обстановке, т.е. ответные реакции на простой или сложный комплекс условных раздражителей окружающей его среды. Отчасти он сам усваивает их, отчасти дрессируется (путем убеждения, примера, обучения, наказания, наград и т.п.) другими людьми (нянькой, родителями, семьей, товарищами, школой, авторами читаемых книг, профессиональной группой, религиозной, государственной, партийной и другими группами), отчасти же перенимает и устанавливает их, исходя из личного опыта. Иными словами, у него образуется ряд условных рефлексов, с помощью которых он реагирует на соответствующие условные раздражители окружающей среды.

Не стоит подробно останавливаться здесь на способах, которыми совершается эта прививка¹⁶¹. Достаточно будет сказать, что одни условные рефлексy прививаются на почве рефлексов безусловных (это, по терминологии А.К. Ленца, «первичные условные рефлексy»), другие – на почве рефлексов условных первичных (условные рефлексy 2-го порядка), третьи – на почве этих последних (рефлексy 3-го порядка) и т.д. Градация и сложность их (а в зависимости от этого и их прочность) могут быть разных степеней, вплоть до степени *n*-го порядка¹⁶².

¹⁶¹ См. об этом в третьем томе «Системы социологии».

¹⁶² См.: *Ленц А.К.* Методика и область применения условных рефлексов в исследовании высшей нервной («психической») деятельности // Журнал психиатрии и неврологии. 1922, № 1, с. 38–51; *Иванов-Смоленский А.Г.* Условные рефлексy в психиатрии // Там же, с. 80–89. См. также указанные выше работы об условных рефлексax последователей школы Павлова, школы Бехтерева и американских бихевиористов.

Излишне доказывать, что такие условные рефлексy, или шаблоны поведения, есть у каждого человека; понятно само собой, что их великое множество, сотни и тысячи у каждого из нас. Не нуждается в доказательстве и тот факт, что у разных индивидов и групп они разные. На один и тот же раздражитель, например на акт сморкания в руку, великосветская дама реагирует одним образом, крестьянка – другим, православные при виде церкви крестятся, неверующие или неправославные этого не делают, условные рефлексy австралийских аборигенов не похожи на шаблоны поведения европейцев. То же самое следует сказать и о формах условно-социального поведения буржуа и рабочего, богача и бедняка и т.д.¹⁶³

Субъективный компонент этих объективных явлений составляют те или иные убеждения, которых люди придерживаются насчет правил поведения (называемых правовыми, нравственными, религиозными, эстетическими нормами, правилами хорошего тона, светского поведения, приличия, правилами чести и т.д.) и которые регламентируют нормы «надлежащего», «нравственного», «добропорядочного», «честного», «правового», «красивого», «благородного», «джентльменского», «*comme-il-faut*'ного» и вообще любого стиля поведения в таких-то и таких-то случаях. Эти убеждения, как уже было сказано, разные у разных индивидов и групп. Но в той или иной форме они имеются у каждого. Правила: «не укради», «не прелюбы сотвори», «чти отца твоего и мать твою», «не убий», «не сморкайся в занавески», «помогай ближнему», «не лги», «уступай в трамвае место даме», «убивай врага», «вноси подати», «возвращай долги», «повинуйся властям», «при оскорблении вызывай на дуэль», «к обеду надевай фрак», «не ешь с ножа», «будь честен», «бей буржуев», «молись Богу», «люби свой народ» и т.д., и т.д. – все эти и сотни тысяч других норм представляют собой формулы, указывающие надлежащие комплексы рефлексов, или шаблоны поведения, в тех или иных случаях.

Повторяю, они различны у разных лиц и групп, но в той или иной форме имеются у каждого человека.

Объективно такие убеждения и соответствующие им нормы поведения представляют собой субъективное отражение указанных нами условных шаблонов поведения или рефлексов, привитых человеку в течение его жизни. Если связь детерминатора *a* (например чужой вещи) и комплекса рефлексов *b* (актов воздержания от завладения ею) воспитана, установлена, то человек при данности *a* реагирует на него актами *b*, поступает «согласно своим убеждениям».

При этом сейчас не важно, поступает ли он при этом так же автоматически, как часто поступаем и мы, когда, встретив знакомого, машинально пожимаем ему руку, или сознательно – отдавая себе отчет в своих действиях.

¹⁶³ Главным фактором, определяющим характер условных рефлексов индивида, является система социальных координат, т.е. его принадлежность к тем или иным – элементарным и кумулятивным – группам. Важнейшие из этих групп имеют, разумеется, большее значение. Подробнее об этом см.: *Сорокин П.А.* Система социологии, т. 2, гл. 6 («Положение личности в системе социальных координат»).

Для того, чтобы человек поступил как «должно», нужно лишь: 1) чтобы связь между a и b была в нем воспитана; 2) чтобы не было других антагонистических детерминаторов, мешающих ему отвечать актами b на условный раздражитель a .

При наличии этих условий люди всегда поступают согласно своим «убеждениям», т.е. выработанным в процессе жизни условным рефлексам, или шаблонам поведения. И им самим такое поведение кажется «свободным», «совершаемым по своей воле», не стесняемым и не насилуемым ничем, не тормозимым побочными, «чуждыми их природе» силами.

Но такое счастливое стечение обстоятельств бывает далеко не всегда. Каждый из нас в любой момент бодрствования находится в «поле сил» множества безусловных и условных детерминаторов, возбуждающих или требующих от нас множества безусловных и условных рефлексов. Если бы я верил в «предустановленную гармонию» Лейбница^{30*}, то мог бы предположить, что эта тьма раздражителей всегда действует гармонично и солидарно. Но, увы, для этой веры нет оснований вообще и применительно к взаимоотношениям детерминаторов в частности. Как мы уже видели, они нередко антагонизируют друг с другом и требуют от человека несовместимых друг с другом реакций. Если по силе оба детерминатора равны, то они либо взаимно уничтожат друг друга, и победа достанется *tertius gaudens*^{31*}, либо «сосуд», который они разрывают на части, – человек – лопнет и сразу же или через какое-то время погибнет.

Тем самым я хочу сказать, что условные детерминаторы и их рефлекс-сы сплошь и рядом контрарны и тормозят друг друга (например, религиозные рефлекс-сы многих коммунистов тормозят их антирелигиозные акты, требуемые партийными детерминаторами, и наоборот). Кроме того, они могут оказаться антагонистами безусловных раздражителей и их рефлекс-сов и тормозиться ими (примеры этого мы сейчас увидим). Мудрено ли поэтому, что и «убеждения» одного и того же человека не согласованы между собой и противоречат друг другу; мудрено ли, что сплошь и рядом они находятся в состоянии конфликта и что в поступках, мыслях и словах человека нет никакой логики¹⁶⁴; мудрено ли, что люди сплошь и рядом под давлением тормозящих раздражителей поступают отнюдь не по «убеждению» и вместо поведения ab идут по пути ac , да и самими убеждениями играют с легкостью и ловкостью шулера-эквилибриста? Сейчас под давлением одних раздражителей человек доказывает, что a есть b

¹⁶⁴ Распространенное мнение о «логической природе» человека и гармонии его убеждений – великое недоразумение. Человек был и остается существом абсолютно нелогичным, но умеющим с ловкостью шулера маскировать и мотивировать свою нелогичность и непоследовательность. Большая заслуга Парето состоит в том, что он ярче и основательнее, чем кто-либо другой, выявил эту «нелогическую природу человеческих убеждений и актов». См: *Pareto V. Trattato di sociologia generale*. 1916, vol. I–II (особенно глава «L'azione non logiche»).

(например недопустимость убийства, войны, смертной казни, святость собственности, неотъемлемость прав человека, свободу слова и печати, недопустимость правительственной тирании и т.д.), через какое-то время под давлением нового детерминатора тот же человек с таким же пылом доказывает, что *a* есть *non-b* (например: «Я принципиально против убийства, войны, смертной казни, но, принимая во внимание обстоятельства *x*, *y*, *z*, считаю священным долгом вешать убийц, вести патриотическую или революционную войну до сокрушения супостата, пачками расстреливать моих врагов, во имя диктатуры короля, генерала, буржуазии или пролетариата считаю предрассудком все свободы, права» и т.д. («О, коварный, лживый и лицемерный род человеческий!» – сказал бы древний летописец.) Не думайте, что такое поведение – исключение. В той или иной форме оно свойственно почти всем людям, ибо все они находятся под влиянием многих детерминаторов, в том числе и конфликтных¹⁶⁵. Подобное поведение у одних проявляется явно и откровенно, у других оно тщательно замаскировано. Ограничимся этими штрихами и перейдем теперь к голоду.

Из сказанного выше само собой следует, что детерминатор голода и его рефлекс довольно часто вступают в конфликт с рядом условных детерминаторов и их рефlekсами. К числу последних относятся те, которые в данных конкретных условиях так или иначе мешают удовлетворению голода.

Детерминатор голода обрушивается на них и стремится их подавить, депрессировать и тем самым освободить путь пищетаксическим актам. Наблюдение показывает, что эта задача ему нередко удается (о неудачах речь пойдет ниже). Приведем факты, показывающие, какими путями голод нередко подавляет множество мешающих ему рефлексов условного характера, которые принято называть «религиозными», «правовыми», «нравственными», «эстетическими», «профессиональными», «честными», «добропорядочными», «приличными» и т.п. поступками. Человек в этих случаях становится похожим на шар, который под воздействием пищетаксиса разрывает сотни веревок и постромок условных рефлексов, препятствующих его стремлению к пищевым магнитам, иначе говоря, утолению голода¹⁶⁶.

¹⁶⁵ Доказательства этого тезиса см. у Парето (op. cit.).

¹⁶⁶ То же самое происходит и у животных. Опыты Фролова и Розенталя показали, что при голодании условные рефлексy у собак образуются с большим трудом, а сформировавшиеся прежде – исчезают, причем раньше всего исчезают сложные искусственные условные рефлексy, потом – натуральные условные рефлексy, и до самой смерти сохраняются только безусловные (см. указанные статьи Фролова и Розенталя). Аналогичный процесс много раз наблюдался и в жизни. Собаки полярных путешественников, обычно не трогавшие упакованного провианта, при голодании шли на это «преступление». «В прошлую ночь собаки напали на тюк с пеммиканом^{32*}, они оторвали угол мешка, но, к счастью, съели не очень много, – пишет Нансен. – До сих пор они не смели трогать провизии, оставаясь подле нее без присмотра; но теперь они уже слишком голодают, и природа оказалась сильнее дисциплины» (Нансен Ф. Цит. соч., т. II, с. 50, 56 и др.). Такие же факты сообщают Р. Пирри и Э. Миккельсен.

Депрессирование голодом «религиозных» рефлексов поведения

Среди условных рефлексов, называемых религиозными актами, есть такие, которые довольно часто оказываются антагонистичными с пищетаксисом. Некоторые религии запрещают определенного сорта пищу вообще («тотемические» животные и растения^{33*}, ряд животных и растений, охраняемых «табу»^{34*}, пища, которая считается «нечистой пищей», и т.д.) или запрещают ее в определенные периоды времени, например скоромное в посты, или в определенном месте, или определенному кругу лиц. Запреты такого рода чрезвычайно разнообразны. В разных религиях не дозволяется есть рептилий, определенные виды птиц, яйца, молоко, свиней, быков, домашних и других животных, некоторые растения и т.д.¹⁶⁷

Под влиянием голода и когда открывается на то возможность, эти запреты нередко нарушаются, т.е. соответствующие рефлексы («религиозный детерминатор»), удерживающие человека от посягательства на запрещенных объекты, подавляются, и голод «вводит в грех»¹⁶⁸.

Фактов подобного рода более чем достаточно. В наше время (1917–1921) религиозные запреты есть во время поста скоромное почти полностью нарушены. Верующие едят все – и постное, и скоромное, лишь было бы, что поесть. Мало того: едят конину, собачину и прочую «греховную нечисть». Это значит, что голод подавил соответствующие религиозные рефлексы. Случалось это и в прежние времена.

В средневековые голодовки «das fromme Gemüt des Verfassers der Passio Karoli beleidigt des schon, das einige Leute während der Fastenzeit Fleisch essen. Das Gleiche wird auch noch sonst als ein schlimmes Zeichen erwähnt, so 1197 in Rheims»^{169/35*}.

Не только ели и едят в голод скоромное, но едят и множество «нечистых», запретных с религиозной точки зрения животных. «Средневековые источники говорят, что люди вынуждены были есть нечистых животных. Легко понять, что чистые животные скоро съедались. Тогда ели собак, кошек, ослов, лошадей, временами – волков, лягушек, змей. Не пренебрегали в нужде и падалью»¹⁷⁰.

¹⁶⁷ Подробнее см.: *Westermarck E.* The origin and development of the moral ideas, vol. II, ch. XXXVIII: Restrictions in diet.

¹⁶⁸ Не контрарные голоду религиозные рефлексы могут не затрагиваться или даже усиливаться им, что проявляется в виде усиленных молебнов о прекращении голода, о дожде, молитв вроде «хлеб наш насущный даждь нам днесь» или религиозных церемоний, устраиваемых с целью приумножения пищи, вроде обряда Intichiuma у австралийцев и т.д.

¹⁶⁹ *Curschmann F.* Op. cit., p. 56–57.

¹⁷⁰ *Ibid.*, p. 57. «Adeo, quod plurique pauperes (si fas est dicere) cadavera pecorum sicuti canes cruda corroderent, et gramina pratorum sicuti boves in cocte comederent»^{36*} (*Ann. Parch.*, S.S. XVI, 608, 35; цит. по: *Curschmann F.* Op. cit., p. 213). «Pauperes quosdam ad abjecta pecorum cadavera procedere, et ibi more canum carnes crudas dentibus abstractas deglutire»^{37*} (*Wil. Proc. Egmund. Chr. Matthaei Analecta*, II, 579; *ibid.*, p. 213).

То же самое, как уже отмечалось, было и у нас. В Пскове в Великий пост ели конину, что особенно возмущало летописца¹⁷¹. Ели при голодовках кошек, собак, мышей, крыс и всякую падаль, такую нечисть, что «и писать непристойно», – замечает летописец¹⁷². Мало того. Ели людей и человеческие трупы. Факты уже были приведены выше. «Самым скверным явлением, вызванным голодом в средние века, было людоедство. О нем упоминается в весьма значительном числе источников. Иногда сообщается, что некоторые лица пытались продавать на рынке сваренное мясо убитых людей»¹⁷³.

В наше время людоедство стало «бытовым явлением». Факты людоедства, в большем или меньшем объеме (в зависимости от тяжести голода и силы противодействующих рефлексов) проявляющиеся во время голода, свидетельствуют о депрессировании голодом не только религиозного, но и нравственного, и правового, и эстетического, и даже группозащитного детерминаторов и их рефлексов. Они свидетельствуют о том, что голоду удалось в данном случае «опрокинуть» сразу ряд этих детерминаторов и подавить их совместную силу. Факты людоедства – поистине красноречивые свидетели могущества этого «беспощадного царя».

Кроме того, победа голода над контрарными религиозными правовыми и нравственными рефлексамися проявляется и в том, что сами церковные власти, которые устанавливают религиозные нормы и должны следить за их соблюдением, в случае голода вынуждены бывают легально снимать свои запреты и «добровольно» открывать ему дорогу. Приведу пример.

«Епископ Парижа позволил во время голода всем есть мясо даже и в постные дни»¹⁷⁴. В праве древности, в средневековом каноническом праве и праве нового времени, а также у некоторых неевропейских народов имеется понятие «крайней необходимости», под которое всегда подводился и голод. Поступки, совершенные в состоянии голода (нарушение запретов религии, морали, etc), извинялись и признавались или непротивоправными, или ненаказуемыми согласно принципу канонического права: «необходимость не знает закона и сама творит себе закон»¹⁷⁵. Сам факт таких легальных исключений, которые допускаются во время голода, лишней раз свидетельствует о его силе, о том, что контрарные религиозные рефлекссы заранее, по закону уступают ему дорогу и «добровольно» ретируются.

¹⁷¹ Соловьев С.М. История России, кн. I, с. 1220. В 1213 г. летописец пишет: «Бысть глад велик и мясо едяху в великое говение» (Исаев А. Цит. соч., с. 6).

¹⁷² Цитович. Цит. соч., с. 4–6; Романович-Славатинский А.В. Цит. соч., с. 35, 55; Ермолов А. Цит. соч., ч. I, с. 10, 17, 19, 23. То же самое происходило и в Индии (см.: Digby W. Op. cit., passim; Леонтович Ф.И. Цит. соч., с. 9).

¹⁷³ Curschmann F. Op. cit., p. 57–59.

¹⁷⁴ Ibid., p. 56–57.

¹⁷⁵ См.: Розин Н.Н. О крайней необходимости. СПб., 1899, с. 39–47 (глава о каноническом праве); Westermarck E. Op. cit., vol. I, p. 285–288, vol. II, p. 14–15.

Приведенные факты, с одной стороны, доказывают несомненность подавления голодом в ряде случаев враждебных религиозных рефлексов, с другой – ясно показывают, что я понимаю под такими случаями. Можно было бы привести десятки других фактов депрессирования голодом тех или иных религиозных рефлексов («нарушения религиозных норм»). Так, четвертая заповедь Иеговы «Помни день субботний», строго соблюдаемая верующими в нормальных условиях, при голоде обычно нарушается. Религия запрещает хоронить умерших без надлежащего обряда. В голодные времена нарушение этого запрета – обычное явление. Умершие валяются на улицах, их сваливают в ямы и хоронят без обрядов¹⁷⁶. В нормальных условиях это считается недопустимым и святотатственным. Но голод, и опять-таки ненормальность превращается в норму, святотатство – в терпимый и дозволенный акт. Если подобное «святотатство» способствует его удовлетворению, он безжалостно снимает с человека его пышные «социальные» одежды, ту тонкую пленку культурности, наслаивавшейся веками, и показывает нам «голового человека – животное на голой земле». А кому не известны многочисленные случаи религиозного ренегатства из-за «мамоны»^{39*} и голоса желудка! Только слепые могли не видеть, как в наше время многие верующие, но голодные православные из-за пайки переходили в стан коммунистов и под влиянием двухфунтового пайка постепенно забывали свою веру, ее заветы и делались бездушными ее гонителями! Сколько верующих не могли в силу голода и его требований исполнять заветы религии, посещать церковные службы, говеть и нарушали религиозные нормы! Некогда! Нужно копать огород, стоять в очереди, варить кашу, куда-то ехать и заниматься товарообменом. Что все это, как не нарушение ряда рефлексов из-за голода!

Не буду приводить еще и другие факты. После всего сказанного наблюдательный читатель сам может увидеть сколько угодно случаев такого подавления голодом антагонистичных ему религиозных рефлексов. Благо наше время дает на этот счет обильнейший материал, а все общество представляет собой бесплатную лабораторию – только смотри и хоть немного думай...

¹⁷⁶ Примеры. «Fuit etiam haec fames ac pestilentia tam aspera, quod mendicantes absque numero morerentur in campis, sylvis sino memoribus et eorum corpora sine catholicis exequiis sepulturae traderentur in locis agrestibus». Или: «Pauper dum fame moritur et in plateis jacere conspicitur, non multo magis quam canis rabidus diversorum oculis reputatur»^{38*} (*Curschmann F.* Op. cit., p. 215).

То же самое было и у нас. В 1127 г. в Новгороде «падшим от глада трупие, по улицам по торгу и по путым и всюду»; в 1215 г.: «О, горе тогда, братие, бьяше! по торгу трупие, по улицам трупие, по полю трупие; не можаху пси изъедать человек» (*Лешков В.Н.* Цит. соч., с. 460, 465; см. также с. 466, 478 и др.). Повторялось это и позже, вплоть до 1918–1921 гг. Случалось и в Индии. «Народ умирал от истощения на улицах Мадраса и такое событие в силу его частоты перестало трогать» (*Digby W.* Op. cit., vol. I, p. 194; см. у него же жуткое описание массы трупов, брошенных на берегу и пожираемых собаками – vol. I, p. 104, 106, 94). То же самое имеет место и в наши дни.

**Депрессирование голодом «правовых», «нравственных»,
«конвенциональных» детерминаторов и их рефлексов**

Сказанное о подавлении голодом антагонистических религиозных рефлексов применимо с соответствующими изменениями и к правовым рефлексам, когда они оказываются несовместимыми с пищевыми актами.

Типичный пример такого рода явлений дают акты нарушения права собственности под влиянием голода. Социальный рефлекс собственности состоит в актах воздержания от завладения, пользования и распоряжения чужими вещами.

Голод, когда нет иных путей для его удовлетворения, толкает к нарушению этих «мешающих» рефлексов. Он стремится подавить их и довольно часто достигает своей цели.

Весьма правдивую картину борьбы пищевых рефлексов с рефлексами «собственности» и субъективных переживаний по этому поводу рисует Гамсун в «Голоде». Она типична, и я приведу ее. Перед нами предстает герой романа, имеющий весьма твердые и устойчивые правовые рефлексы, в частности рефлекс собственности. Мы видим, как, несмотря ни на что, его правовые рефлексы поначалу выдерживают атаку голода и тормозят акты «нарушения права собственности». Под влиянием голода ему приходит мысль продать одеяло, взятое им у товарища. «Я мог бы заложить его за одну крону и трижды плотно пообедать... Я уже шел к ростовщику, но остановился у подъезда, нерешительно покачал головой и... повернул обратно...» (Правовые рефлексы еще раз победили.) «По мере того, как я удалялся, мне становилось все радостнее от того, что я преодолел это тяжкое искушение. Сознание, что я честен, бросилось мне в голову и наполняло меня горделивым чувством». Но голод продолжается, его давление растет, и в конце концов тормозящие правовые рефлексы подавляются. «Я не святой, не какой-нибудь добродетельный идиот. Я был в полном разуме... И я взял одеяло подмышку и пошел». Но ростовщик одеяла не взял. И тогда «я очень обрадовался, что у меня не оказалось возможности совершить это преступление, которое осквернило бы последние часы моей жизни». Голод продолжается – и герой присваивает 5 крон, которые ему по ошибке дал приказчик. «Мой первый подлинно бесчестный поступок был совершен, моя первая кража, мое первое маленькое, великое падение». Голод был утолен, и в состоянии сытости правовой рефлекс снова оживает. «Я показался себе отвратительным чудовищем. Я мог еще смыть позор», и он отдает остатки денег бедной торговке сладостями. «Какая отрада снова стать честным человеком! Слава Богу! Я возвысился в собственных глазах». Голод продолжается, и снова ряд правовых рефлексов оказываются подавленными¹⁷⁷. Здесь посредством описания субъективных пере-

¹⁷⁷ Гамсун К. Голод, с. 34, 64–65, 82–83, 92–93 и др.

живаний главного героя изображены достоверная картина происходящей объективно борьбы детерминатора голода с несовместимыми с ним правовыми рефлексами и победа первого над вторыми¹⁷⁸.

Массовое подтверждение этого явления дает статистика краж и других нарушений права собственности. *Ceteris paribus*, число преступлений против собственности с ростом массового голодания увеличивается, и иначе быть не может. Подтверждения: 1) не раз устанавливавшаяся зависимость между движением цен на хлеб и преступлениями против собственности: с повышением первых росло и число вторых¹⁷⁹; 2) сезонные колебания кривой краж и других имущественных преступлений: они ежегодно достигают максимума зимой, когда труднее всего добывать пищу, и минимума летом и в сентябре¹⁸⁰.

Подобного рода преступления против собственности у нас за эти годы возросли до бесконечности. Воруют, мошенничают, грабят чуть ли не все, включая и детей, как увидим мы ниже. За 1918–1920 гг. детская преступность чрезвычайно возросла. 70% преступлений, совершенных детьми, составляют преступления против собственности (в приютах и колониях).

Вторым массовым подтверждением победы голода над имущественными правовыми рефлексам служит тот общий факт, что само право вынуждено легально уступать его силе: сознавая бесплодность борьбы с давлением голода, оно и не пытается бороться с ним и само, так сказать, открывает ему дорогу в известных пределах. Я имею в виду при этом, с одной стороны, существовавший почти во все времена и у всех народов уголовно-правовой институт крайней необходимости, а с другой – безнаказанность или очень слабую наказуемость краж из-за голода, краж, совершаемых по нужде. Такие кражи были и остаются минимально наказуемым преступлением в законодательстве множества народов: у ряда диких племен и в древнем Перу, у таитян и китайцев, в древнегреческом и римском праве и праве мусульманском¹⁸¹, в каноническом праве и в «Каролине»^{40*}, в нашем праве (Уложение Алексея Михайловича, Воинский артикул, указы, изданные до Свода Законов, и Свод Законов) и ныне действующем праве западноевропейских народов и даже в соответствующих идеологиях самих юристов, философов, моралистов и т.д. Всюду «кража в состоянии голода», «из-за нужды» или не наказывалась, или влекла за собой смягченное наказание¹⁸². Ска-

¹⁷⁸ См. также «Бродягу» Мопассана, «Мои скитания» Джека Лондона, «Отверженных» В. Гюго.

¹⁷⁹ См.: *Гернет М.Н.* Преступление и борьба с ним, с. 386–390 (в книге приведены статистические данные и указана литература); *Жижиленко А.А.* Преступность и ее факторы. 1922.

¹⁸⁰ *Гернет М.Н.* Цит. соч., с. 380–384. См. также: *Oettingen A.* Op. cit.; *Ван-Кан Ж.* Экономические факторы преступности. М., 1915.

¹⁸¹ См.: *Westermarck E.* Op. cit., vol. I, p. 286–288, vol. II, p. 14–15.

¹⁸² См.: *Розин Н.Н.* О крайней необходимости, с. 61–64; *Oetker F.* Notwehr und Notstand // *Vergleichende Darstellung Allg. Teil. II*, S. 328–395. *Белогриц-Котляревский Л.С.* О воров-

занное относится и к другим имущественным преступлениям: грабежу, разбою, вымогательству, мошенничеству и к преступлениям против личности. Если оказывалось, что эти преступления были совершены из-за голода или нужды, т.е. в ситуации «крайней необходимости», то это способствовало смягчению кары, иногда они даже оставались безнаказанными, а то и вовсе не признавались деяниями противоправными¹⁸³. Что все это, как не «добровольное» отступление права перед голодом!

Приведенных фактов достаточно, чтобы признать многочисленные случаи депрессирования голодом ряда правовых рефлексов имущественного характера несомненно имеющими место.

То же самое можно сказать и о других конфликтных правовых рефлексах.

С повышением давления голода детерминирующая сила всех антагонизирующих с ним правовых рефлексов постепенно уменьшается и зачастую утрачивается совсем. В результате этого человек совершает ряд актов, которых без голода он не совершил бы, или, напротив, не совершает тех поступков, которые совершил бы, не будь он голоден.

Чтобы эти рефлексы выдержали «голодную атаку», нужно, чтобы они обладали силой не меньшей, чем сила голода, и по мере роста последнего получали бы подкрепление, уравнивающее его усиление. Иначе они будут сломлены. Как и чем измерять эту силу – об этом речь пойдет ниже. А пока ясно, что голод может служить отличнейшим реактивом для испытания прочности контрарных ему правовых и других условно-социальных рефлексов людей. Те, которые *ceteris paribus* не выдерживают его атаку, расписываются в слабости своих подавляемых голодом рефлексов, те, что смогли устоять, тем самым доказали их силу.

Если утолению голода мешают правовые рефлексы, запрещающие совершать акты грабежа и разбоя, голод обрушивается на них и, увы, нередко их побеждает. Из-за голода люди, которые по своей натуре не являются ни грабителями, ни разбойниками, часто делаются и разбойниками, и грабителями.

В сытом состоянии большинство людей не убивают себе подобных. Убийство недопустимо – таково их убеждение. В голодном состоянии этот правовой рефлекс часто «отвинчивается» и оказывается не в состоянии удержать голодного от убийства ради утоления голода. Подобного рода факты мы приводили выше (в параграфе о депрессировании рефлекса групповой самозащиты).

Крупные голодовки древности и средневековья, XVI, XVII, XVIII вв. и более позднего времени отмечены такими фактами. Банды разбойников, грабив-

стве-краже по русскому праву; *Фойницкий И.Я.* Учебник уголовного права. Часть особенная – Посягательства на личность и имущество. Пг., 1916; Объяснительная записка к проекту русского уголовного уложения. Т. 7, гл. 30 (воровство, разбой, вымогательство); *Harburger.* Diebstahl und Unterschlagung // *Vergleichende Darstellung.* Besond. Teil. t. VI.

¹⁸³ Кроме указанных работ см.: *Hold von Ferneck A.* Die Rechtswidrigkeit. Bd. II, 1905.

ших и убивавших людей, росли, как грибы после дождя. Грабили и убивали не только чужих, но и своих – родителей и детей, братьев и сестер. В наше время по Руси рыщут сотни банд и шаек, которые останавливают поезда, грабят встречного и поперечного, села и деревни, города и местечки. Причиной их появления является не только политика – какое дело обыкновенному парню и деревенскому мужику до политики, – а больше всего и прежде всего голод и возможность прокормиться, ведя такой образ жизни (подробнее об этом см. ниже).

Такой разгул преступности свидетельствует о том, что у массы людей голод подавил большую часть морально-правовых рефлексов и превратил их в этом отношении в правовых и нравственных «нигилистов».

Явление того же рода представляет собой поведение людей, которые из-за пайков в голодное время становятся профессионалами-убийцами, готовыми пристрелить, убить и ограбить любого, кого укажут «кормильцы». Не легко и не сразу дается такая профессия. Но «голод – не тетка». Подталкиваемые, во-первых, голодом, испытываемым или угрожающим им в случае отказа от «богатого» места, а во-вторых, гипнотизируемые магнитом «жирного» пайка, они не без боли и мучений после ряда колебаний, нередко испытывая угрызения совести, принимаются за свою новую профессию наемных убийц.

В наши дни мы видим, как легко голод подавляет, казалось бы, максимально устойчивые нравственно-правовые рефлексы. И как ничтожна оказывается их сила и цена – часто не больше полутора-двух фунтов хлеба. Бедное право! И бедная нравственность! Как же дешево вы стоите при известных обстоятельствах!

Все эти акты – а они перед нашими глазами проходят тысячами, и история голодовок демонстрирует, в свою очередь, богатую их коллекцию – неопровержимо свидетельствуют о том, что голод, увы, весьма часто депрессирует самые основные и наиболее устойчивые морально-правовые рефлексы.

Нужно ли говорить, что еще легче и чаще он торжествует над менее устойчивыми морально-правовыми рефлексами. Приведу несколько примеров; читатель согласится, что он и сам наблюдал и может привести сотни и тысячи подобных.

Большинство людей в обычном состоянии не мошенничают, не спекулируют, не совершают подлоги. И однако многие из них под влиянием голода впадают в эти грехи. Соответствующие правовые рефлексы, удерживавшие их раньше от подобных преступлений, оказываются подавленными. Тьма спекулянтов нашего времени, масса «комбинаторов», жуликов, законных воров и «честных» мошенников – вот подтверждение сказанного.

Многие порядочные женщины под давлением голода становились проститутками, содержанками, любовницами. Помимо рефлекса полового у них, таким образом, оказывается подавленным и ряд моральных рефлексов.

Перейдем к другим морально-правовым рефлексам. В сытом состоянии родители не продают своих детей в рабство. Такие акты тормозятся и рефлексом

самозащиты, и рефлексами нравственно-правовыми. При сильном голоде эти «тормоза» теряют свою силу, и, как мы уже знаем, родители продают своих детей в рабство или отдают «на вывоз».

У человека есть ряд сложных рефлексов, относящихся к нему самому и называемых «чувством собственного достоинства», «правом первородства», «честью и совестью», «гордостью», «самолюбием».

Этими терминами обозначаются определенные переживания и особые формы поведения. Многие люди, будучи в сытом состоянии, горды, ведут себя с достоинством, берегут свою честь, не торгуют своей совестью и т.д. Часто голод депрессирует и эти рефлексы. Под его влиянием улетучиваются и честь, и совесть, и достоинство, т.е. акты поведения, соответствующие этим понятиям, перестают совершаться и нередко заменяются прямо противоположными. Символом такого поведения является Исав, который под влиянием голода за чечевичную похлебку продал своему хитрому брату-спекулянту Иакову «право первородства», т.е. отказался от определенных «первородных» форм поведения и променял их на другие. Исав – прообраз сотен тысяч людей, продававших и продающих буквально за чечевичную похлебку, за четверть фунта хлеба или полфунта сахара право первородства и многие другие свои права. Сколько людей под давлением голода теряли свое достоинство и шли «бить челом» к тем, кого некогда презирали, поступали на службу, от которой «тошнило», делали то, что сами считали мерзостью, ползали перед теми, кого называли «хаммами». Многие нынешние «спецы», интеллигенты, рабочие, которые десятки раз после очередной выдачи пайка отрекались от своих «неотъемлемых» прав, – кто они все, как не те же самые Исавы, продавшие и продающие право первородства. (Пусть не сочтут эти слова за порицание! Я никого не хвалю и не порицаю. Я только исследую причинную связь явлений.)

Такое поведение свидетельствует о том, что десятки морально-правовых рефлексов разного рода у этих лиц не выдержали испытания голодом и сломались¹⁸⁴.

О том же свидетельствуют и многочисленные самопродажи голодных в рабство, случавшиеся в древности во время голода. Такое поведение – следствие подавления голодом ряда нравственно-правовых рефлексов и «рефлекса свободы». «В средние века голод часто вынуждал бедных добровольно поступать в рабство»¹⁸⁵.

In der älteren Zeit werden die Menschen in der äussersten Not sogar zum selbstverkaufe getrieben^{186/41*}. То же самое было и у нас, например во время голода

¹⁸⁴ Конкретной иллюстрацией может служить поведение героя «Голода», человека гордого. Но гордость не помешала ему опуститься до нищенства, смолчать в ответ на оскорбления из-за бутерброда («долой неуместную гордость») и т.д.

¹⁸⁵ *Роуер В.Г.* Цит. соч., с. 60.

¹⁸⁶ *Curschmann F.* Op. cit., p. 55.

1128, 1446 гг. и др.¹⁸⁷ «Во время путешествия Муркрофта по Гималаям в 1812 г. к нему просился в рабы на всю жизнь один простолоудин, с тем, чтобы получать за то пищу»¹⁸⁸. Многим ли эти «эффекты» голода отличаются от современных массовых «самопродаж» в рабство за паек! Бедные «честь, совесть, гордость» и «достоинство» человека! Можно ли было когда-нибудь предположить, что их вес меньше полутора фунтов плохого суррогатного хлеба!

Приведу еще несколько примеров депрессирования голодом ряда социальных рефлексов, называемых в общежитии соблюдением «правил приличия», «этикетом», «хорошим тоном» и т.п.

Давно ли еще многие из наших сограждан считали невозможным и «постыдным» пойти на рынок и продавать там всякую рухлядь? «Умерли бы со стыда». Наступил голод – и что же мы видим? Почтенных дам, нежных барышень и солидных джентльменов, которые рядами стоят на Сенном или Андреевском рынках и торгуют кто старой юбкой и брюками, кто кофейником и лампой, кто бубликами и т.п.

Соответствующие рефлексы «этикета» и «приличия» исчезли.

Давно ли большинство богачей и интеллигентов считали «неприличным» таскать на себе мешки? Был целый ряд рефлексов, тормозящих такие акты. Теперь эти рефлексы отпали, и ходят они с мешками – было бы только, что в них таскать.

Сытый человек «стыдится» протянуть руку за милостыней. «Лучше умру, а не буду попрошайничать», – говорит он. Но приходит голод и... рука его протягивается, сначала, быть может, с трудом, а потом – довольно легко. Это относится и к интеллигентам, и к неинтеллигентам. «Mendicabant etiam infiniti artifices et diversum artium operarii, ex quibus nonnulli habuere de facultatibus rerum suarum ad valorem centum marcarum argenti»^{42*}; аналогичные описания часто встречаются в средневековых хрониках¹⁸⁹.

Голод депрессирует и эти рефлексы, если они ему мешают.

Давно ли мы стеснялись есть на улице или на заседаниях? А ведь стеснялись и обычно не делали этого. Теперь... едим и на заседаниях, и на улице, и где угодно. «Было бы что пожевать». Соответствующие рефлексы подавлены голодом.

Я полагаю, пора остановиться. Сказанного более чем достаточно для подтверждения выдвинутого положения.

¹⁸⁷ Ермолов А. Цит. соч., т. I, с. 9, 415 и др.

¹⁸⁸ Рошер В.Г. Цит. соч., с. 60. См. ниже главу о голоде и закрепощении.

¹⁸⁹ Curschmann F. Op. cit., p. 55–56. «С Богородичного Рождества, – рассказывает Лесков, – некоторые (из голодавшей в 1840 г. деревни) несмело стали отлучаться... Спросите – куда? Сначала был еще стыд в этом сознаваться – отлучки эти скрывались: люди уходили из села и возвращались в потемочках, “чтобы сумы не было видно”, – но голод и нужда возрастали, и к Покрову все друг о друге стали знать, что всем есть нечего и что “всем надо идти побираться”» (Лесков Н.С. Цит. соч., с. 18). То же самое происходило в неурожайных губерниях и в 1920–1922 гг.

Депрессирование голодом так называемых эстетических рефлексов

В сытом состоянии все люди – в той или иной мере «эстеты». А некоторые – «эстеты» до кончиков ногтей. Они «безумно» любят красоту, искусство, комфорт. Чуть ли не вся их жизнь уходит на разговоры о красоте, на посещение выставок, театров, концертов, на приобретение шедевров – ваз, картин, утвари; на устройство «комфортабельной» обстановки, на «красивую» жизнь, на маникюр и косметику. Люди тратят деньги на духи, пудру, часами занимаются прической и т.п. (Все это – целый ряд условных рефлексов.) Но вот наступил голод. Большая часть подобного рода рефлексов оказывается несовместимой с пищеварительными актами, между ними возникает конфликт, и «эстетические» рефлексы чаще всего пасуют. «Страстный театрал» перестает бывать в театре (днем служба, потом очередь, потом готовка на буржуйке – «некогда», «до театра ли»), редкая, комфортабельнейшая обстановка оптом или в розницу продается за несколько фунтов муки и картошки, «чудное платье» – за *n* фунтов масла, редкая уникальная вещь отходит к маклаку^{43*}, пианино отправляется в деревню; туда же идут и другие шедевры (картины, альбомы, вазы, утварь и т.д.). О «косметике» и «маникюре», о красивой прическе и костюме, о духах и пудре дамы забывают и думать. Кто из нас не знаком с такими людьми! И много ли найдется людей в Питере и Москве, которые, испытав на себе голод, не спустили все, что можно было спустить, чтобы получить «хлеб насущный»? То же самое происходило и раньше во время голода. Беру для примера одну из многочисленных хроник средневековья. Истратив все, даже богатые жители Праги начали распродажу вещей. «*Et hiis omnibus alii exspoliati, aliqui in familia sua consumptis vendebant de uxoribus suis armillas, inares, monalia et omnem ornatum, qui cultui femineo competebat in vestitu, cupientes salutem vitae depulsa esarie consarvare*»^{190/44*}. Знакомая картина!

Приведенных примеров достаточно, чтобы признать несомненность того факта, что в ряде случаев голод депрессирует и «эстетические рефлексы»...

Изменение голодом мимических рефлексов

Нет надобности подробно доказывать, что под влиянием голода у человека меняется выражение лица и его мимические – и безусловные, и особенно условные – рефлексы. Кто не знает, что выражение лица у одного и того же человека, когда он сыт и когда голоден, совершенно разное. И кто не замечал, что одни мимические рефлексы, например улыбка и смех при восприятии смешного, у голодающего человека исчезают, зато появляются многие другие, которых в сытом состоянии у него никогда не было. Точно так же взгляд сытых людей не приковывается к аппетитным пищевым объектам, в голодном – он то и дело об-

¹⁹⁰ *Curschmann F.* Op. cit., p. 56.

ращается в их сторону, сосредоточивается на них и словно бы их гипнотизирует. Вместе с тем меняется и все «выражение» лица. Наблюдая за мимикой людей в этих условиях, можно подметить и вытягивание губ, свидетельствующее о желании схватить «магнит»; а в случаях, когда люди нарочито не желают показать своего исключительного интереса к пищевым объектам (например во время научного заседания), вы замечаете попытку придать лицу преувеличенно-серьезное и «глубокомысленное» выражение (что иногда доходит до смешного), цель которого – показать, что герой не обращает никакого внимания на дразнящий его предмет. Однако если искушение длится достаточно долго, то герой незаметно для себя самого не выдерживает до конца своей роли. Нет-нет, да и слетит притворно-искусственная маска, и из-под нее проглянет подлинное, естественное лицо голодного человека со свойственной ему мимикой. Не раз во время научных заседаний, на собраниях литераторов и интеллигентов я наблюдал за эти годы такие картины. Если бы в моем распоряжении был кинематограф, то я мог бы наглядно их продемонстрировать. Но полагаю, что они и без того замечались многими и ни у кого не вызовут ни малейших сомнений^{45*}.

Депрессирование голодом остальных контрарных условных рефлексов

Наконец, голод депрессирует и деформирует все вообще мешающие ему акты поведения людей. Под его влиянием меняется все поведение человека, это значит – он перестает совершать множество актов, которые без него совершал бы, и наоборот, начинает делать то, чего не делал бы, не будь голода. Ученый, поэт, художник и люди других профессий забрасывают свои дела, если они не обеспечивают их хлебом, и начинают заниматься тем, чем прежде им и в голову не приходило заниматься; массу времени тратят на приготовление пищи, стояние в очередях за фунтом хлеба, на поиски дров, на хождение по рынкам и спекулянтам, на поиски и добывание «пайков». Любимое дело забрасывается, и вместо того, чтобы заниматься им, человек устраивается на «пайковое» место и тратит время на неинтересную и постылую службу в качестве какого-нибудь «спеца». В наше время сотни ученых и художников, поэтов и писателей, представителей других творческих профессий шли и идут в качестве «спецов» в ВСНХ, в военный комиссариат, в администрацию, канцелярию, делаются «пайковыми» лекторами и артистами, кинематографическими чтецами, рисовальщиками «пайковых» плакатов и часто со скрежетом зубовным профанируют и науку, и литературу, и искусство или меняют любимое свое занятие на чуждое и нелюбимое, но более хлебное. То же самое можно сказать и о других людях. Если бы все они вели подробный бюджет времени в сытое и голодное время и сравнили бы первый со вторым, то увидели бы огромную разницу: как будто подменили человека – один уклад жизни и стиль поведения оказывается совершенно непохожим

на другой. В голодное время пищевые акты – чистые и смешанные – занимают чуть ли не весь бюджет времени. Голод деформирует все поведение «по своему образу и подобию».

Изменение речевых рефлексов человека под влиянием голода

Поскольку голод подавляет одни акты и «прививает» другие, т.е. радикально изменяет наши рефлексы, то, естественно, этой участи не избегают и наши «речевые рефлексы» (speech reflexes), т.е. акты словесного реагирования на те или иные явления. Слова, произносимые нами, или наша речь, – особая форма рефлексов, с помощью которых мы реагируем на влияющие на нас раздражители. И в этой области следует констатировать деформирующую роль голода. Один и тот же раздражитель, будь то какое-либо явление, предмет или событие, вызывает в нас совершенно разные «речевые рефлексы» в сытом и голодном состоянии. Вот факты, служащие тому подтверждением. Почти любой из нас еще недавно при виде суррогатного хлеба сказал бы: «Не хочу! Как можно есть такой хлеб! Это же гадость, а не хлеб!» Теперь: «Хочу! Ничего, есть можно!», «Не беда, коли в хлебе лебеда, а вот беды, коль ни хлеба, ни лебеды!» При виде конины: «Фу, какая гадость! Не могу есть, меня тошнит! Это же грех!» Теперь такие слова мы редко произносим и редко слышим, а слышим другие, вроде: «Конина! Отличное блюдо; я с удовольствием ее ем в тушеном виде». Пищевой режим, прежде считавшийся «нищенским и полуголодным», теперь оценивается как «отличный»: «О, да он отлично питается: получает 40 фунтов хлеба, 5 фунтов мяса, 2 фунта масла, 1½ фунта сахара и 10 фунтов крупы в месяц!» Пища, которую мы обычно считаем невкусной, в голодном состоянии признается нами и вкусной, и аппетитной. «Гм... превкусно!» – такими словами Миккельсен и его спутник передали свое ощущение после того, как отведали ядовитой собачьей печени¹⁹¹. В сытом состоянии речевая реакция была бы, конечно, иной.

Такие факты деформации речевых рефлексов известны каждому. Но ими дело отнюдь не исчерпывается. Деформация гораздо шире и глубже и затрагивает все явления, которые прямо или косвенно имеют отношение к питанию. Вот некоторые примеры.

Вышеприведенные факты дают возможность понять, почему в сытом состоянии человек говорит: «Есть в пост скоромное грешно», в голодном: «Есть в пост при голоде не грешно»; в сытом: «Надо уважать чужую собственность», в голодном: «Убирайтесь к черту! Не подыхать же мне с голоду из-за вашей собственности», «собственность – кража»; в сытом состоянии: «Иван Иванович – мерзавец и хам», в голодном: «Иван Иванович оказался чудеснейшим человеком – вопреки ожиданиям, он устроил мне отличный паек». В сытом: «Кража

¹⁹¹ Миккельсен Е. Цит. соч., с. 285.

недопустима», в голодном: «Кража извинительна»; в сытом: «Ах, какая чудесная картина!», в голодном: «Мне не до картин»; в сытом: «Нельзя продавать и профанировать науку и искусство из-за мамоны, ибо “не хлебом единым жив человек”», в голодном: «Живу недурно, читаю лекции, пишу плакаты и получаю пять очень хороших пайков»; в голодном состоянии (пока не устроился): «Советская власть невыносима и гибельна; так жить нельзя», в сытом (после получения хорошего пайка): «Не правда ли, налаживается хозяйство и порядок? Да, эксперимент тяжелый, но здоровый и неизбежный! Это – великая творческая эпоха! Создается новое, невиданное в истории общество!»¹⁹²

Нет смысла приводить другие подобного рода факты. Полагаю, что любой внимательный наблюдатель мог бы рассказать великое множество таких случаев, которые за эти годы наблюдал и на себе самом, и на других людях. Они могут быть подтверждены и экспериментально, например, при помощи точной записи речевых рефлексов – оценки одного и того же блюда одним и тем же человеком в голодном и сытом состоянии (конечно, без информирования экспериментируемого о целях эксперимента). Разновидностью этого изменения речевых рефлексов под влиянием голода являются и случаи молчания, когда надо говорить, и случаи высказывания вместо молчания – при переходе от сытого состояния к голодному и от голодного к сытому. Неисчислимо количество тех людей, которые часто «держали язык за зубами», чтобы не лишиться места (сиречь не попасть в объятия голода), при виде возмутительных поступков, совершаемых их патронами, «хозяевами», начальством, «благодетелями», «кормильцами и поильцами»: «Есть-то ведь надо! Помилуйте, у меня жена и дети! Приходится молчать!» И наоборот. В силу той же причины сотни тысяч людей – сонмища льстецов, приживалок, паразитов от времен Адама до наших дней – пели и поют дифирамбы, лгут, восхищаются, хвалят в глаза своих поильцев и кормильцев, чтобы не лишиться места, «пайка», «кормежки», чтобы получить «подножный корм» или заменить его лучшим. Без этой причины они молчали бы, не стали бы лгать или разразились бы бранью, насмешками, презрительными и оскорбительными словами. Голод или угроза голодом перевертывает все шиворот-навыворот: накладывает печать молчания на уста в тех случаях, когда без него люди высказали бы свое мнение, заставляет людей говорить, хотя они предпочли бы молчание, заменяет одни слова другими, часто прямо противоположными. Так называемая ложь – не что иное, как изменение речевых рефлексов человека, вызываемое многими причинами, в ряду которых довольно часто оказывается и голод¹⁹³. По-

¹⁹² Приведенные примеры – не выдумка, а подлинные факты, записанные почти со стенографической точностью и высказанные устно (а иногда и письменно) одними и теми же субъектами в голодном и сытом состоянии, до пайка и после «пайкового прозрения».

¹⁹³ Иллюстрации сказанного см. в «Моих скитаниях» Джека Лондона, рассказывающего, как он из-за куска хлеба лгал и рассказывал всевозможные небылицы хозяйкам и хозяевам, или в «Голоде» Гамсуна, герой которого по той же причине «лгал за семерых», молча сносил оскорбления из-за бутерброда и т.д.

добные факты неисчислимы в истории людей. Неисчислимы они и сейчас. Приглядитесь к поведению 99 «спецов» нашего времени из 100, и вы найдете подтверждений сколько угодно, в виде ли «фигуры умолчания», или в виде *captatio benevolentiae*¹⁹⁴, или же в виде «чудовищной лжи», над которой в другой среде они потом сами же смеются. Если вы видите, что N.N. стал писать и говорить о таких явлениях, как, например, советский строй, большевики, интернационал и т.п., совсем по-новому, называть белым то, что раньше называл черным, или наоборот, поищите прежде всего, как обстояло и обстоит у него дело с «пайком», не резко ли оно изменилось к лучшему или худшему, – и вы не один раз убедитесь, что искомая причина состоит именно в этой независимой переменной. Прикрытая множеством слоев и побочных обстоятельств, она часто невидима с первого взгляда. Но покопайте поглубже и в большинстве случаев, особенно теперь, вы ее найдете. Многие случаи обращения Савлов в Павлы – простая функция перемены пайка под названием «клади зубы на полку» на паек «спеца», паек «академический», «ответственный» или перемены противоположного свойства¹⁹⁴.

Не являются исключениями и «искренние» обращения. Искренность – самая дешевая вещь на свете. Субъективно человек может думать, что он переменял свои взгляды «искренне». Объективно эта искренность – вуаль, скрывающая суть дела и служащая для самообмана. Это можно сказать наверняка почти о всех тех «прозрениях», которые вели и ведут от голода к сытости, от худшего пайка к лучшему. Подлинными исключениями (в отношении голода)¹⁹⁵ будут только те «искренние» перевоплощения, которые ведут от сытости к голоду, от лучшего пайка к худшему.

Их, увы, не так много – считанные единицы. Остальные случаи «искренности» изменения речевых рефлексов в наше время часто стоят не больше 2 фунтов хлеба в день и нескольких фунтов мяса, крупы, масла и сахара. В более благополучное время они могут стоить и дороже, но от этого суть дела не меняется, и моя теорема не опровергается. При нашей нынешней бедности самые резкие изменения речевых рефлексов у большинства граждан РСФСР можно вызвать совсем крохотным пайком: «академического» пайка за глаза довольно, чтобы заменить речевой рефлекс «будьте вы прокляты!» рефлексом «осанна!» – такова цена «высоких слов» на житейском базаре!¹⁹⁶

¹⁹⁴ Я мог бы рассказать о трех случаях таких внезапных перевоплощений и «прозрений». Весь процесс превращения происходил на моих глазах, и причиной его был пайковый вопрос. И наоборот, множество лиц отрицательно относится к революции потому, что она разорила их и заставила голодать.

¹⁹⁵ Но не в отношении других детерминаторов. «Искреннее перевоплощение» может быть вызвано чувством самосохранения (индивидуальным и групповым), половым и рядом социальных детерминаторов поведения.

¹⁹⁶ Частной иллюстрацией сказанного являются «спецы в области слова»: газетчики, публицисты и журналисты. Продажность их и газет вообще хорошо известна, и для большинства этих «спецов» давно уже установлена такса, определяющая цену их речевых –

Изменение субвокальных рефлексов («убеждений» и «идеологии») человека под влиянием голода

До сих пор речь шла об изменении внешних актов человека, вызываемом голодом. Мы имели дело с объективными, не вызывающими сомнений явлениями, имеющими определенные пространственно-временные координаты и доступными наблюдению. В этом отношении не являются исключениями и «речевые» рефлексы человека. В качестве звуковых символических комплексов они также обладают физическим бытием.

Теперь перенесемся в «душу» людей. Попробуем в нее заглянуть и посмотреть, какие пертурбации под воздействием голодания происходят здесь, в мире душевных переживаний.

В первой главе этой книги мы уже рассматривали ряд деформаций в этой области, вызываемых голодом. Но там я описывал эти изменения, так сказать, со стороны формы, а не содержания душевных переживаний (изменение ощущений, восприятий, мира идей и представлений, памяти и внимания, чувств и эмоций, воли и жизневосприятия).

Теперь направим свет нашего фонаря на само содержание представлений и идей, убеждений и верований, эстетических и моральных оценок и волеизъявлений (субвокальных и заторможенных рефлексов) – на то, что называется «мировоззрением», «идеологией» человека, и попытаемся ответить на вопрос: в какой мере эти невещественные явления зависят от такого вещественного фактора, как фунт хлеба или отбивная котлета?

Из всего вышеизложенного, особенно в параграфе о деформации «речевых рефлексов», следует, что они, увы, зависят, и зависят довольно сильно. Более того, значительная часть «идеологии», прямо или косвенно относящаяся к питанию, часто похожа на вуаль, колеблемую ветром голода, но скрывающую этот ветер. Эта зависимость, строго говоря, такова, что *ceteris paribus* голод стремится ослабить, вытравить и уничтожить – прямо или косвенно, с ухищрениями и дипломатией или без них – все те убеждения и верования, вкусы и обязательства, которые мешают его удовлетворению, и наоборот, усилить, укрепить или создать те, которые в данных условиях помогают насыщению. Иными словами, он стремится переделать наше мировоззрение и идеологию по своему образу и подобию, удаляет, обрезает, глушит, выветривает все конфликтующее с ним и «протежирует» всему, что ему благоприятствует.

чатных – рефлексов. Для одних она составляла полкопейки за строчку, для других – рубль. За ту же цену можно их и купить, т.е. изменить их речевые рефлексы в каком угодно направлении. Исключения – единицы, да и то «неподкупны» они, может быть, потому, что их «неподкупность» или хорошо оплачивается и приносит более крупные дивиденды, чем принесла бы «продажность», или потому, что она, как «невинность» уroda, никому не нужна, и потому никто ею не соблазняется.

«Темна и сложна душа человека, таинственны ее капризные извивы и аккорды», – об этом говорят нам часто, и говорят правду, но не полную. Полная правда гласит: если это и так, то не всегда и не везде. Иногда, в каких-то определенных областях, душа проста, как геометрическая фигура, происходящие в ней процессы ясны и понятны, как движения простого механизма. Питания фунтом больше – один аккорд, фунтом меньше – другой аккорд. Симфония так проста и так часто повторялась со времен Адама, что стала монотонной, набившей оскомину, стереотипно-пошлой, как примитивная частушка.

Начнем с «убеждений», «моральных оценок» и «верований» как субъективных переживаний человека и сделаем черновой набросок миллионы раз повторявшейся и по сей день повторяющейся трагикомедии под названием «жизнь человека». Действие первое. Перед нами сытый человек. Он убежден, что «есть скоромное в пост – грех». Он может говорить об этом, может и не говорить. Действие второе. В течение 36 часов в организм человека не поступило ни одной калории. Перед ним хорошо приготовленный бифштекс. На арене «души» начинается разыгрываться интересная сцена. Есть хочется. Но – «грешно», «совесть не позволяет». Тут откуда-то незаметно для него самого появляется «черт» и начинает нашептывать: «Да полно, грешно ли? Запрет ведь должны соблюдать сытые, а не голодные. Ведь не может того быть, чтобы Бог хотел твоей смерти, да и святые отцы допускали исключения... А разве Христос не ел в субботу колосья? Разве с точки зрения здравого смысла это не абсурдно?» И т.д., и т.д.

Из глубин сознания и интеллекта вылетают сотни дьяволов и начинают вести подкоп под мешающее им убеждение, подтачивать его и так и этак; чем дальше, тем смелее ведется подкоп, аргументов против убеждения находится все больше, и в итоге – «монолитный утес убеждения» рушится. «Оправдание» за его нарушение и вытеснение готово. «Мотивировка» найдена. Мешающая норма отправлена во временную или вечную ссылку, вычеркнута из сознания и заменена противоположной: «есть в пост скоромное можно – это следует из таких-то и таких-то оснований». Все обстоит благополучно: голод насыщен, и нарушение нормы закамуфлировано и оправдано. Насытится человек – и впредь до нового голода вытесненное убеждение может возвратиться и занять свое прежнее место.

Пример. Характерной чертой детей нашего времени становится моральная неустойчивость, которая проявляется в том, что они воруют по мелочи продукты питания, жульнически обмениваются порциями с теми, кто послабее, или просто их обирают, лгут и обманывают старших. «Они высказывают словесную мораль, проявляют чувство раскаяния и сожаления, сознавая неправильность своих поступков, но, при слабости психических задержек, не могут противостоять своим низшим стремлениям»¹⁹⁷. Такова первая стадия. Дальше, с повторением подобных актов, убеждения будут слабеть и в итоге исчезнут или, что случается нередко, поменяются на противоположные.

¹⁹⁷ Аронович Г. Цит. соч., с. 31.

Нарисованная картина может, конечно, иметь другие конкретные формы (в зависимости от человека), но суть ее одна и та же: такую трагикомедию, вызываемую голодом и целым рядом других детерминаторов, мы разыгрываем чуть ли не ежедневно¹⁹⁸. И всегда при этом «сознание» и «разум» играют роль лакеев или проституток¹⁹⁹, которые находятся «на содержании» у голода и других основных детерминаторов, работают по их заказу и требованию и, подобно продажному журналисту, готовы «доказывать», «оправдывать», «мотивировать» все что угодно: сейчас – одно, через час – другое.

У нерефлексирующего человека описанный процесс происходит еще проще. Его сознание редко даже улавливает противоречие. Когда он сыт, то считает греховным есть скоромное в пост. Когда голоден – ест скоромное и уверен, что это не грешно и... только. «Убеждения» его меняются без всяких фокусов и мотивировок, вынимаются и вкладываются безо всяких «оправданий» и «антимоний».

И в том, и в другом случае возможны разные вариации. В одних случаях голод бессилен сразу вытравить несовместимое с ним убеждение. Человек нарушает его, совершает недозволенный поступок, но сознает при этом, что «поступил нехорошо, вопреки убеждениям». Однако чем чаще происходит такое нарушение, тем слабее и слабее становится убеждение, оно начинает чаще и чаще «выключаться» из поля сознания и в конце концов угасает и заменяется противоположным. Угасает хотя бы потому, что «вера без дел мертва есть», что любой акт рикошетом влияет на прочность убеждений, что чем чаще совершаются такие акты «вопреки убеждениям», тем безжизненнее становятся последние, тем скорее и легче они исчезают. Трудно украсть, трудно убить человека в первый и во второй раз, но если мы крали и убивали десятки раз, то от убеждений «не укради» и «не убий» остаются только «рожки да ножки». Нередко они заменяются противоположными: «собственность – кража» и «убийство – хорошее дело». Таким путем голод исподволь подрывает мешающие ему верования и убеждения и чаще всего достигает своей цели²⁰⁰. Для неприхотливого ума

¹⁹⁸ Типичным примером подобной трагикомедии является, например, поведение людей при посадке в трамвай или вагон. Действие первое. Человек протискивается в двери трамвая и возмущается: «Подвиньтесь! Можно ведь потесниться! Дьяволы, только о себе и думают! Что за некультурность!» и т.д. Действие второе. Человек попал, наконец, в трамвай. Теперь в него лезут другие. Убеждения попавшего совершают оборот на 180°, и он с тем же жаром начинает доказывать: «Нельзя! Некуда! Набиты, как сельди в бочке! Не на головы же лезть!» И в вагоне вдобавок норовит занять для себя два-три места. Бедные человеческие убеждения!

¹⁹⁹ Недаром я на лекциях определяю человека как «животное, отличающееся от других животных тем, что оно мотивирует хорошими убеждениями и высокими словами всякую мерзость».

²⁰⁰ Подробнее о рикошетном влиянии акта на психические переживания и убеждения см.: *Сорокин П.А.* Система социологии, т. 1, с. 176–193; *Сорокин П.А.* Влияние профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп // Вопросы изучения и воспитания личности. 1921, № 3; *Джемс В.* Психология. СПб., 1896, гл. XXIV;

не нужно сложных «мотивировок», а изворотливый ум в конце концов найдет какие-нибудь оправдания и нужные мотивировки.

Итак, есть три способа, которыми голод добивается ослабления и уничтожения враждебных ему убеждений, порождает благоприятствующие его утолению и укрепляет нужные: 1) изворотливые дипломатические ухищрения и мотивировки разума; 2) нечувствительность неререфлектирующего сознания к противоречиям и 3) ослабление убеждения в результате рикошетного влияния противоречащих ему актов.

Этими тремя способами голод довольно часто меняет «содержание нашего сознания», наши убеждения и верования, моральные оценки и эстетические вкусы, симпатии и антипатии, наше мировоззрение и идеологию.

Не думайте, что дело здесь ограничивается такими мелочами, как запрет «есть скоромное в пост». Увы, для голода нет святынь. Он слеп и с одинаковой силой обрушивается на все – на большие и малые убеждения и нормы, если они ему противоречат. Когда мы сыты, мы исповедуем «священное право собственности», когда испытываем голод – можем пойти воровать без малейшего угрызения совести; сытые мы убеждены в недопустимости убийства, грабежа, насилия, обмана, мошенничества, проституции и т.д. Голодные – не зарекайтесь, читатель, – можем пойти на эти акты, можем даже прийти к мысли, что убить и ограбить «толстосума-кровопийцу» – вполне дозволенное дело. По крайней мере, наблюдая за поведением многих людей, мы видим, что начинали они с одних убеждений, потом под влиянием голода и нужды нарушали их и в конце концов пришли к убеждениям диаметрально противоположными и теперь гордятся своими дерзкими грабежами и убийствами, артистическими мошенничествами и обманами.

Нужно ли приводить многочисленные факты и подробные доказательства! Оглянитесь вокруг себя, приглядитесь к своим знакомым – и вы увидите только что описанное явление. Массовым примером может служить так называемая интеллигенция. В начале Октябрьской революции она считала «позором» для себя идти на службу к власти и получать из «кровавых рук» «подачки». Прошел голод. И что же мы видим? Движимые, с одной стороны, голодом, а с другой – гипнотизируемые волшебным сиянием заманчивых пайков (плюс другие детерминаторы), один за другим «пошли в Каноссу»^{47*} интеллигенты – профессора, журналисты, врачи, писатели и поэты, адвокаты и инженеры и т.д., – сначала тайком, бочком, украдкой, с заднего хода, «чтобы другие не узнали». «Пайкотропизм» поначалу тормозился рядом рефлексов и вызывал укоры со стороны поправленных убеждений. Было стыдно, неловко, мучила совесть. Но голод не отсту-

Ланге Н.Н. Душевные движения. 1896; *Levis P.* L'education de la volonte; *Payot J.* L'education de la volonte. 1907; *Weiss A.* Relation between Functional and Behavior Psychology // Psychological Review. 1917, № 5.

пал, а все усиливался. Без пайков и службы грозила голодная смерть. Давление этого волшебника росло. Тяга в Каноссу усилилась. Итог: начали с убеждения, что быть вообще на службе у коммунистов недопустимо, кончили тем, что стали добиваться высоких постов, назначение на них стали считать «честью», гордиться им, на получение государственных должностей – спеца, эксперта, консультанта и властью облеченного управителя – стали смотреть как на вполне честное и святое дело. Словом, начали с «проклятия», закончили «осанной». Это ли не блестящий пример деформации убеждений и морально-правовых взглядов под давлением ряда факторов и особенно голода!

На поведении и убеждениях отдельных лиц это явление просматривается еще отчетливее. Сопоставьте их убеждения и источники их существования и вы увидите полную «гармонию»: когда источником средств был монарх или националисты и «Единая Россия», они были убежденными монархистами и националистами, били челом Колчаку, Деникину, царю, целовали ручки княгинь и графинь, руководили соответствующей газетой; когда же источник оказался у интернационала и коммунизма – они стали убежденными интернационалистами или «национал-интернационалистами». Если средства их существования будут исходить от римского папы – они сделаются убежденными папистами. И всегда они будут «искренни», всегда будут руководствоваться «высокими мотивами».

У других эти процессы происходят не так ярко, но суть их одна и та же. Есть, конечно, и такие, что умирают с голода, но не продаются никому и никогда. Есть и такие – но их единицы^{48*}. «Испытание голодом» не выдерживало в средневековых тюрьмах большинство людей; не выдерживают его и убеждения большинства испытуемых им теперь. Они так или иначе «сдаются». Голод лепит их души по своему образу и подобию. Многие из них искренне произносят высокие слова, «мотивируя и оправдывая». Когда вы будете слушать их, читатель, загляните иной раз поглубже. За высокими мотивами вы нередко найдете «бога живота» в буквальном смысле этого слова.

Ниже, при изучении влияния голода на социальную идеологию, я более подробно рассмотрю этот вопрос. Судьба одного из мировоззрений достаточно убедительно подтвердит нашу теорему.

Заключение и резюме

Из всего сказанного выше следует, что:

- 1) Колебание кривой количества и качества пищи, в частности голодание, самым радикальным образом деформирует все поведение человека.
- 2) Основной чертой этой деформации служит явление пицетаксиса и увеличение в нашем бюджете актов пицетаксических, с одной стороны, а с другой – превращение всего нашего организма в аппарат, предназначенный для питания.

3) Сообразно с этим голод стремится депрессировать и ослабить все безусловные и условные рефлексy, мешающие пищеварению и несовместимые с ним, стремится видоизменить «речевые рефлексy», «идеологию» и душевные переживания людей, удалить из них мешающие ему, насадить и укрепить благоприятствующие.

4) Поведение массы людей свидетельствует о том, что эта цель голодом чаще всего достигается.

√ ~~1922~~ и бурные деформации второй половины 1923 г. с очевидностью вскрывают эту связь. Кель или полторы ступенчатые надписи марки в чаше и серебрян. при издании 1923 г.

Каждому, кто в Германии в 1922-23 г., не известно и происхождение в связи с недостатком городского населения и т.д. Отсюда - разрыв между курсом и ростом при переходе в городах Германии в августе - сентябре 1923 г. - ростом при переходе -

Росси́я Росси́я.

В истории нашей родины связь голода и волнений выступает не менее ясно. Метод „сопутствующих изменений“ легко ее вскрывает. Подтверждения. Уже для древности летописцы подметили эту связь.

В 1024 г. „в Суздальской области, по словам летописца, народ умирал с голоду, волновался и производил мятежи“ ¹⁾.

¹⁾ Лешков: Ук. раб., 453

В 1070 г. в голод „убивашета многие жены и имение их отымашета себе“.

В 1230—31 г. „А инии паки злыи человецы почаша добрых людий дома зажигати, кде чююче рожь и тако разграбляваху имение их“ ²⁾.

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Основные социальные эффекты массового голодания.

§ 1. Главные формы социальных эффектов детерминатора питания.

Раз колебание количества и качества пищи изменяет поведение людей, то оно не может не отражаться и на процессах общественной жизни: массовое изменение поведения людей под влиянием этого колебания вызовет и изменение социальных процессов в пределах голодающего общества. Общественные эффекты детерминатора питания чрезвычайно разнообразны и многочисленны.

Прежде всего, они могут быть разделены на: 1) постоянные; вызванные нормальным обменом веществ любого агрегата, 2) на спорадические, наступающие при исключительно резком колебании количества и качества пищи, поступающей в организм агрегата. Далее, те и другие эффекты распадутся на: непосредственные,—первичные функции детерминатора питания, являющиеся прямым его результатом, и на функции посредственные, вторичные, третичные и т. д., представляющие следствия первичных функций.

В задачу данной работы не входит подробное исследование всех этих форм. Ее темой является исследование лишь спорадических социальных функций первичного порядка, вызванных резким ростом дефицитного или сравнительного массового голодания.

Что касается постоянных функций детерминатора питания—то на этот счет я ограничусь самым кратким очерком их. Функции второго, третьего и т. д. порядка я лишь упомяну после исследования спорадических первичных эффектов.

Глава третья

СОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ МАССОВОГО ГОЛОДАНИЯ

1. ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ ДЕТЕРМИНАТОРА ПИТАНИЯ

Если колебание количества и качества пищи влияет на поведение людей, то оно не может не отражаться и на процессах общественной жизни: массовое изменение поведения людей под влиянием голода влечет за собой изменение и всех социальных процессов, происходящих в обществе. Общественные эффекты детерминатора питания чрезвычайно разнообразны и многочисленны.

Прежде всего, они могут быть разделены на 1) постоянные, обусловленные нормальным обменом веществ в агрегате, и 2) спорадические, возникающие при исключительно резком колебании количества и качества пищи, поступающей в организм агрегата. Те и другие эффекты распадаются далее на непосредственные, первичные функции детерминатора питания, являющиеся прямым его результатом, и на функции опосредованные – вторичные, третичные и т.д., представляющие собой следствия первичных функций.

Данная работа не ставит своей целью подробное исследование всех этих форм. Мы ограничимся исследованием лишь спорадических социальных функций первичного порядка, вызываемых резким усилением дефицитного или относительного массового голодания.

Что касается постоянных функций детерминатора питания, то я ограничусь самой краткой их характеристикой, а функции второго, третьего и последующих порядков лишь перечислю по окончании исследования первичных спорадических эффектов.

Постоянные социальные функции детерминатора питания

В обществе, как и в любом организме, происходит непрерывный обмен веществ; оно представляет из себя сложный механизм, воспринимающий пищевую энергию извне и расходующий ее в процессе своей жизнедеятельности. За счет этой энергии общество живет, работает и творит. Так как расходование энергии обществом в «творческих» или «нетворческих» формах происходит постоянно, то и приток пищевой энергии в него также должен быть постоянным.

Отсюда следует, что в любом агрегате, поскольку он живет и пока он живет, неизбежно должна быть непрерывно функционирующая «система питания». Существование этой системы и ее органов – постоянная функция детерминатора питания. Первая вызвана к жизни последним. Не будь его – не было бы и первой. И действительно, в любом социальном агрегате мы находим такую систему органов питания, которая занимает одно из самых главных мест в общей структуре общества. Эта система состоит из: 1) органов (учреждений, институтов) добывания, производства и обработки продуктов питания; 2) органов обмена и распределения последних между членами агрегата; 3) органов потребления этих продуктов.

Примерами органов добывания и производства продуктов питания являются институты охоты, рыболовства, скотоводства, земледелия, предприятия промышленности, занятой добычей и переработкой продовольствия, и т.д. Каждый из этих институтов состоит из группы лиц, выполняющих определенные функции с помощью простых или сложных средств и орудий производства продовольствия (это могут быть, например, мотыги, палки, борона, соха, плуг, рыболовные сети, лодки, машины, фабрики, заводы, а также поля, сады, домашний скот и т.д.), а в своей совокупности они являются тем «насосом», посредством которого общество добывает извне, из окружающей его среды, необходимую ему энергию. Все они, вместе взятые, и образуют систему общественных органов добывания продовольствия как постоянную социальную функцию фактора питания. Правда, некоторые агрегаты не всегда имеют ее в явном виде. Но это значит, что они имеют ее в модифицированной форме, т.е. извлекают необходимую им энергию посредством других агрегатов (например, индустриальные агрегаты – посредством земледельческих, военно-паразитических – через посредство тех, кого они эксплуатируют, и т.д.), для чего должны иметь инструмент такого извлечения, будь то военный аппарат, силой отнимающий продовольствие, или аппарат индустриальный, вырабатывающий эквиваленты, обмениваемые на продукты питания.

Наряду с системой производства питательных благ в любом обществе существует и система их распределения между членами общества. Таковы рынки, ярмарки, магазины, лавки, биржи, вообще весь торговый аппарат, выполняющий функции распределения пищевой энергии между членами общества, занимающийся самой разнообразной деятельностью и обладающий огромным количеством «материальных средств», употребляемых для этой цели: путями сообщения, местами торговли и зданиями рынков, магазинами, биржами, конторами, финансами, конторскими и другими книгами и т.д. Все это вместе взятое образует «кровеносную систему» агрегата, которая состоит из органов распределения питания.

Наконец, в любом обществе имеется и система органов потребления питания, состоящая опять-таки из групп людей, определенных актов, которые они

совершают, и «материальных орудий», обслуживающих эту функцию, к числу которых можно отнести, например, костер, очаг, кухню, трактир, кафе, ресторан, посуду, столовые приборы и т.д.

Все эти или подобные им составляющие в совокупности своей образуют систему органов питания, которая наличествует в любом общественном организме и составляет одну из главных его систем. Она – постоянная функция фактора питания.

Такой же постоянной функцией этого фактора являются и разнообразные процессы добывания, распределения и потребления питательных благ, непрерывно совершающиеся в любом обществе и составляющие одну из основных форм его жизнедеятельности (охота, рыбная ловля, скотоводство, обработка земли, садов, виноградников, плантаций, работа на предприятиях пищевой промышленности, в пекарнях и лабораториях, в столовых и трактирах, изготовление орудий и средств производства питательных благ и т.д.). Общество постоянно расходует энергию и поэтому вынуждено постоянно добывать продукты питания, распределять и потреблять их. Совокупность таких видов деятельности и составляет процесс питания общества, который происходит в нем непрерывно.

Из этой характеристики ясно, что явления, изучаемые политической экономией, по большей части представляют собой постоянную функцию фактора питания.

Наряду с этими постоянными социальными функциями фактора питания, носящими вещественно-материальный характер, есть, конечно, целый ряд других постоянных функций, проявляющихся во всех сферах общественной жизни и неразрывных с первыми.

Если проанализировать интеллектуальный багаж общества, весь комплекс знаний, которыми оно располагает, то окажется, что значительную часть его составляют знания, прямо или косвенно связанные с проблемами питания и вызванные к жизни последними. Таковы все знания, указывающие в той или иной форме способы его добывания, изготовления соответствующих орудий, методы его обработки, приготовления, распределения и потребления. В примитивных обществах они передаются по традиции, усваиваются путем подражания, в процессе обучения и т.д. и переходят из поколения в поколение, от человека к человеку. В более развитых обществах они разрастаются в целую систему теоретических и прикладных дисциплин вроде десятка агрономических наук и многочисленных отраслей прикладной науки, которые преподают в школах, разрабатывают в научных институтах и лабораториях, распространяют с помощью книг, брошюр, газет, журналов и т.п. В любом обществе воспитание, обучение и жизненная экипировка молодых поколений состоят прежде всего в вооружении их знаниями и приемами, необходимыми для добывания пропитания и умения жить в достатке. То же самое относится и к религиозной жизни общества.

Значительное число обрядов, молитв, служб, заповедей и предписаний, начиная с религиозных обрядов «умножения продовольствия» у первобытных племен и молитв типа «хлеб наш насущный даждь нам днесь», которые есть во всякой религии, и кончая обрядом «причащения» (ядения) и предписаниями, определяющими, что, когда и как дозволено есть, а что не дозволено, – все это вызвано к жизни фактором питания и благодаря ему занимает столь значительное место в сфере религии. Все подобного рода явления «выдавлены» на поверхность религиозного моря детерминатором питания, будучи усложненной, опосредованной и своеобразно преломленной функцией последнего. Как в области знаний, так и в области верований любого общества «пищевые явления и темы» всегда занимали и занимают довольно обширное место.

То же самое относится к области морали и права любого общества. Возьмите совокупность моральных и правовых норм, предписаний и заповедей любого агрегата, и в каждой из них вы найдете огромное количество правил, посвященных регулированию отношений, возникающих по поводу питания и связанных с ним, иначе говоря, определяющих поведение членов общества в области добывания, обмена, распределения и потребления питательных благ. Политика любого общества в огромной своей части была, есть и будет прежде всего хлебной политикой, т.е. системой мер, обусловленных детерминатором питания и направленных на разрешение «вопроса ножа и вилки». То же самое относится к управлению и властвованию. И то же самое следует сказать о социальной борьбе. Она была и остается прежде всего борьбой за долю пищевых благ, которую получают отдельные члены и слои общества. Не иначе обстоит дело и с искусством. «Пищевые» темы, образы, эпитеты, сравнения, метафоры и т.д. были, есть и будут одной из популярнейших и постоянно разрабатываемых тем в литературе, живописи, скульптуре, архитектуре и сценическом искусстве, в определенных видах пения и музыки. Прямо или косвенно этим темам посвящены сотни и тысячи произведений искусства: повестей и романов (вроде «Голода» Гамсуна, «Отверженных» Гюго, «Бродяги» Мопассана, «Голого года» Пильняка и т.д.), театральных трагедий и комедий (вроде пьес Аристофана, «Ткачей» Гауптмана), поэм, сказок, стихов, романсов, картин, изваяний, барельефов и т.д.

О житейской этике, правилах приличия и т.п. («не ешь с ножа», «к обеду надевай фрак», «за столом веди себя, как подобает» и т.д.) и говорить нечего. Словом, какую бы сферу общественной жизни, в том числе и духовную, мы ни взяли, в каждой из них всегда можно обнаружить целый ряд проявлений детерминатора питания, которые именно им вызваны к жизни и им же «выдавлены» в данную область. Не будь этого детерминатора – не было бы и этих его постоянных социальных функций. Ограничусь здесь этими штрихами¹ и перейду к рас-

¹ Подробное рассмотрение всех этих вопросов я предполагаю дать в одном из томов «Социальной механики».

смотрению спорадических социальных функций голодания. Нижеследующий порядок их рассмотрения обусловлен как существом дела, так и целым рядом соображений удобства, целесообразности и ясности изложения.

2. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА ОБ ОСНОВНЫХ ПЕРВИЧНЫХ ФУНКЦИЯХ МАССОВОГО ГОЛОДАНИЯ И ИХ КРАТКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ

Допустим, что в данном социальном агрегате количество пищи, поступающей в организм большинства его членов, стало недостаточным (т.е. наступило дефицитное голодание), или резко ухудшилось его качество, или же усилился контраст между диетами высших и низших слоев населения (т.е. началось или усилилось голодание относительное).

Каковы будут социальные эффекты такого роста дефицитного и относительного голодания?

Сейчас для меня безразлично, какими причинами вызван сам факт этого голодания в той или иной его форме. Я рассматриваю его как данность, как «независимую переменную», мне важно лишь его наличие. А чем оно вызвано – неурожаем или войной, экономическим кризисом или революцией, ростом населения, наводнением или какими-то другими причинами, – сейчас для меня не имеет значения. Моя цель – выявление социальных функций массового голодания, и для меня даже выгоднее, когда оно вызвано разными причинами и протекает в разных условиях: это облегчит выделение специфических функций массового голодания, позволив отделить то общее, что наблюдается при всех голодовках, от того пестрого комплекса сопутствующих явлений, которые вызваны «побочными» голоду факторами.

Такова основная моя задача и такова постановка вопроса.

Не скрою, что решать ее исчерпывающим образом я не берусь. Трудно учесть все те бесчисленные эффекты, которые вызывает массовое голодание. Хорошо, если удастся очертить некоторые из важнейших социальных функций этой «независимой переменной». Остальное – со временем «приложится само». Не скрою и того, что в этой области исследователь особенно легко может впасть в заблуждение: явления, подлежащие его анализу, бесконечно сложны, нужного материала часто не хватает или нет вообще, вместо точных цифровых данных о питании населения той или иной страны, в ту или иную эпоху часто приходится довольствоваться самыми общими, иногда неопределенными свидетельствами историков о его ухудшении или улучшении; естественно, что и выводы, сделанные на основании таких посылок, могут показаться весьма сомнительными.

Но... проблема столь важна – и теоретически, и практически, – что пренебречь ею невозможно. От ошибок никто не гарантирован, но ошибки, сделанные одним исследователем, помогут другому их избежать.

Результатом дефицитного (и относительного) голодания индивида является его «тяготение», «стремление» к пище или ее эквивалентам (деньгам, например), дающим возможность ее получить. Что верно относительно индивида, то верно (*ceteris paribus*) и относительно *n*-го числа индивидов. Результатом наступившего дефицитного или относительного голодания большинства членов данного агрегата будет появление и усиление дефицитного или относительного пищевого таксиса в их поведении со всеми вытекающими отсюда последствиями, описанными в предыдущей главе: ослаблением и подавлением всех мешающих удовлетворению голода рефлексов, возникновением и усилением рефлексов, благоприятствующих добыче пропитания, и т.д. Дефицитно или относительно голодающая часть населения будет стремиться утолить свой голод и возвратиться к прежней или по крайней мере недефицитно-голодной норме питания. Как можно этого добиться? Шестью основными способами, которые распадаются, в свою очередь, на ряд форм, а именно: 1) путем изобретения новых и улучшения старых источников пропитания; 2) путем приобретения необходимого продовольствия у других групп (мирным способом); 3) путем перемещения избыточного населения из голодных областей в изобильные (мирная эмиграция и завоевание чужих территорий); 4) путем войны и насильственного захвата чужого продовольствия; 5) путем перераспределения продовольствия и богатств, имеющихся внутри данной группы, в форме: а) эпизодических захватов голодными имущества сытых (путь «преступлений»); б) массового и в известной мере организованного нападения голодных на богатых как держателей «пищевых скопов» и их эквивалентов (путь мятежей, волнений, революций); в) вмешательства власти, которая осуществляет перераспределение сверху и тем самым изменяет экономико-продовольственную организацию общества; г) добровольного отказа богатых от части имеющихся у них питательных благ в пользу голодных – безвозмездно или в обмен на определенные услуги (путь общественной благотворительности, частного соглашения между богатыми и бедными на тех или иных условиях, что нередко ведет к закреплению последних); 6) наконец, если все эти пути по каким-то причинам не достигают своей цели, то остается еще старый и самый «надежный» способ «утоления» голода – смерть и изменение «естественного движения населения», способ всегда и всем «доступный» и неизменно верный.

Других путей и способов – нет.

Если верно, что результатом массового голодания является массовый пищевого таксис, если верно, что он может быть утолен одним из этих способов и что иных путей нет, то отсюда следует, что при наличии массового голодания в социальном агрегате (в деревне, городе, области, государстве, на целом материке) мы

неизбежно должны встретиться в нем с одними, несколькими или всеми указанными способами утоления голода².

Это дедуктивно следует из всего вышесказанного и, как видим, подтверждается и индуктивно.

Связь между голодом и перечисленными выше способами его преодоления не всегда видна с первого взгляда. В социальной жизни она обычно маскируется и вуалируется сотнями «одежд»: пышными и высокими «речевыми рефлексами», заглушающими «урчание брюха», десятками рафинированных идеологий и прекрасных идеалов, в гарнире которых оказываются обычно не очень эстетичные и отнюдь не идеальные требования желудка, массой комических и трагических сцен истории, которые на первый взгляд не имеют никакого отношения к голоду. Но если мы внимательнее присмотримся к кинематографическому полотну истории, то увидим, что режиссером, ставящим на исторической сцене указанные «картины социальной драмы» людей, очень часто оказывается голод. Все остальное в таких случаях только «медь звенящая и кимвал бряцающий»^{1*}, только одежда, скрывающая подлинную суть дела, только нарост или усложненная функция калорийности. «Человек волнуется, а голод руководит им», – можно в подобных случаях повторить вслед за Боссюэ^{2*}. Как уже было сказано, голодание массы населения непременно должно вызывать вслед за собой одно, несколько или все из вышеперечисленных способов борьбы с ним.

В конкретной действительности дефицитное (а отчасти и относительное) массовое голодание чаще всего сопровождается несколькими из них. Но в одном обществе, испытывающем голод, большее значение приобретают какие-то одни способы борьбы с ним, например эмиграция или усиленный ввоз продуктов питания, другие же используются в ничтожных размерах и остаются на заднем плане. В другом обществе на первый план выступают другие социальные последствия голода, например рост преступлений или общественных волнений, в третьем – третьи и т.д.

Какие именно из перечисленных социальных последствий голода и в какой комбинации будут иметь место в каждом конкретном случае массового голодания – это опять-таки не случайность, а факт, определяемый, с одной стороны, целым рядом обстоятельств, в которых находится данный агрегат, с другой – обуславливаемый и взаимными влияниями самих эффектов голода друг на друга.

Поясню мою мысль. Предположим, что голодающий агрегат богат и может ввезти количество продовольствия, вполне достаточное для покрытия дефицитного числа калорий ($= n$ – из других уездов, других губерний, других государств

² Я не утверждаю тем самым, что все случаи подобных явлений обусловлены исключительно голодом и что другие причины их вызвать не могут; я только хочу сказать, что при наличии голода возникают и эти явления в той или иной комбинации. Случаи же, когда они являются следствиями иных причин, меня сейчас не интересуют.

и т.д.). Если такой ввоз совершается и утоляет голод, то пицетаксис исчезает, следовательно, отпадают и остальные его эффекты. Но если ввоз питательных продуктов невозможен или недостаточен (например, не на что их купить, в силу блокады или других причин ввезти нельзя) и не покрывает n -го числа дефицитных калорий, то в таком случае с уверенностью можно ожидать появления других функций массового голода: например, массовой эмиграции («если пищевая гора не идет к Магомету, то в силу пицетаксиса сам Магомет идет к пищевой горе»), если она возможна (есть пути сообщения, свобода выезда и въезда, наличие работы в богатом регионе и т.д.), или всякого рода «изобретений», начиная с открытия пищевых суррогатов и кончая интенсификацией производства продуктов питания.

Опять-таки, если этими путями будет покрыт дефицитный голод, то остальные его следствия не будут иметь места. Но допустим, что ими дефицит не покрывается (например потому, что ни ввоз продуктов, ни эмиграция избыточного населения невозможны, а изобретения не дают должного эффекта); в таком случае с большой вероятностью можно предсказать наступление других последствий голода, например вооруженных нападений со стороны голодных на благополучные области или же целого ряда пертурбаций внутри голодающего агрегата. Какие из них будут иметь место, опять-таки зависит не от случайности. Если, например, внутри общества, испытывающего голод, нет резкой имущественной дифференциации, то делить нечего и грабить некого. Или же грабить нет возможности, поскольку богатые сословия прекрасно организованы и в состоянии оказать отпор нападающим. Если же соседние агрегаты богаты, а их вооруженные силы слабы и незначительны, а военная мощь голодного агрегата огромна, то с большой долей вероятности можно ожидать вооруженного нападения голодного общества на сытое с целью его завоевания, грабежа и эксплуатации. Если, наоборот, процветающие общества вооружены до зубов и завоевать их невозможно, а в самом голодающем агрегате имущественная дифференциация огромна – одни голодают, а другие объедаются, – но богачи при этом плохо вооружены и плохо организованы, так что есть что делить, есть кого грабить, есть чем насытиться, то в таких случаях можно ожидать и роста преступлений, и роста волнений, вплоть до революции, и всевозможных реформ питательной структуры общества сверху или снизу.

В этом случае голодающий социальный агрегат похож на организм с большими жировыми запасами. Когда поступление в него пищи извне прекращается, голодающий организм начинает жить за счет своих жиров и тканей. Точно так же, когда все пути доставки продовольствия извне в голодающее общество закрыты и заказаны, но в нем есть запасы пищи и богатств, сосредоточенные в руках «жировых клеток» общества, то его «голодные клетки», естественно, начинают тяготеть к этим пищевым скопам с целью овладения ими. В этом случае

в «силовом поле» общества, изолированного от других, пицетаксическое притяжение исходит только от внутренних запасов пищи и ее эквивалентов. Когда дневной свет погас и во тьме горит только свет лампы, бабочки в силу фототаксиса тянутся к нему. Точно так же притягиваются к пищевым скопам внутри агрегата – и только к ним – и его голодные клетки. В итоге происходит мирное или сопровождаемое кровавыми эксцессами перераспределение пищевых средств и их эквивалентов внутри общества («коммендации»^{3*}, мятежи, революции, преступления, добровольный отказ богатых от имеющихся у них излишков, реформы сверху и т.д.).

Наконец, может случиться и так, что в результате всех этих мер количество дефицитных калорий все-таки не будет покрыто: целый ряд непреодолимых обстоятельств препятствует наполнению «общественного желудка». Тогда вступает в действие *ultima ratio*^{4*} истории – вечный хирург всех неизлечимых социальных болезней – смерть – и с бухгалтерской точностью подводит баланс успешности всех предпринятых обществом мер и его умению добывать себе пропитание. Осуществляется последняя функция голода: вымирание голодающих, сопровождаемое обычными спутниками голода: болезнями, эпидемиями и целым рядом других явлений из области «естественного движения населения». Из всего вышеизложенного понятно, почему в каждом конкретном случае голодания на первый план выступают те, а не иные из перечисленных социальных функций голода... Понятно, что порядок их появления и степень распространения зависят от многих обстоятельств, в каких находится данный агрегат. В одних случаях все может происходить в том порядке, в каком я это описал, в других – наоборот: например, ввиду недоступности всех прочих способов утоления голода последний вызовет только повышение смертности; смертью его следствия начнутся, смертью и закончатся – никаких других социальных функций голода не будет. И для того, чтобы понять, почему в таком-то случае голод произвел такой, а не иной эффект из вышеперечисленных, и для прогноза, какой из этих эффектов будет иметь место при голодании того или иного агрегата, важно знать условия, в которых живет данное общество: знакомство с ними покажет, какие пути преодоления голода были или будут для него доступны и возможны. А знание этих обстоятельств, в свою очередь, объяснит, почему именно эти следствия из перечисленных наступили, или даст базу для прогноза, почему и какие следствия наступят.

Но, варьируя в порядке своего наступления и в своих комбинациях, все перечисленные функции вместе с тем являются следствиями массового голодания – единой причины *A*, ибо у них всех есть один и тот же элемент *B* – тяготение или стремление к пище, вызванное голодом, но одетое в разные одежды.

Когда *A* выступает в соединении с дополнительными условиями *a* и *b* ($A + a + b$), то и его следствие *B* проявляется с дополнительными функциями *a'* и *b'*,

принимая вид $B + a' + b'$; когда дана комбинация $A + c + d$ – наступает следствие $B + c' + d'$; когда A связано с e и $f(A + e + f)$, его следствие принимает форму $B + e' + f'$ и т.д. Словом, конкретное различие функций одной и той же причины – голода – не только не нарушает принцип единства причины и следствия, но является его прямым подтверждением и служит прекрасной его иллюстрацией.

Таковы вкратце основные первичные социальные функции массового голодания и пицетаксиса. Пока что я их просто перечислил. Ниже мы увидим, что каждая из этих функций обладает более богатым содержанием и большинство из них лежит в основе целого ряда крупнейших социальных явлений.

Но и в развернутом своем виде они, конечно, не исчерпывают всех социальных функций голода. Каждая из них, будучи первичной функцией голода, вызывает, в свою очередь, целый ряд социальных функций второго, третьего и дальнейших порядков, ибо «каждый поступок, каждое слово, брошенное в этот вечно живущий и вечно творящий мир, – это семя, которое не может умереть»³. Голод вызывает эмиграцию; эмиграция, ставшая фактом, «брошенным в этот вечно живущий мир», порождает уже сама целый комплекс социальных явлений, эти последние – еще один, и так без конца плетется сложная трагикомедия человеческой истории, в которой одно колесо явлений, вращаемое определенной силой, приводит в движение другое, это последнее – еще одно и т.д., пока движение, порожденное первым колесом, пройдя ряд этапов, не распадется на тысячи течений, смешанных с потоками, получившими импульс от других «источников сил», среди которых уже трудно различить, что идет от первого источника, а что от других.

Я остановлюсь лишь на первичных социальных функциях голода. Функций второго и последующих порядков я касаться почти не буду. Чтобы подробно исследовать их, понадобилась бы специальная монография. Упомянул же я о них лишь для того, чтобы напомнить читателю, что функциями первого ряда влияние голода отнюдь не исчерпывается, что оно глубже, обширнее, значительнее, что оно продолжает сказываться и тогда, когда сам голод, быть может, уже прекратился, и в таких областях, которые порой очень далеки от сферы его непосредственного влияния.

Пока что этих общих замечаний достаточно, чтобы можно было без ущерба для дела перейти к подтверждению выдвинутых нами тезисов об указанных первичных социальных функциях голода. Делать необходимые уточнения и формулировать более конкретные теоремы я буду по ходу дальнейшего изложения, а краткое резюме дам в конце этой части^{5*}.

³ Карлейль Т. Sartor Resartus. М., 1902, с. 41.

Глава четвертая

ГОЛОД, ИЗОБРЕТЕНИЕ НОВЫХ И УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СТАРЫХ ИСТОЧНИКОВ И СПОСОБОВ ПРОИЗВОДСТВА ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ

Когда в социальном агрегате наступает массовый голод, когда все другие возможности покрытия продуктового дефицита оказываются исчерпанными или недостаточными, пищетаксис заставляет голодающих «шевелить мозгами», чтобы они так или иначе смогли «добыть пропитание». Голод в такой ситуации выступает в роли кнута, который без устали подстегивает ленивый ум человеческий к работе в определенном направлении. В таких случаях голод ставит ультиматум голодающей группе на языке, который понятен и мудрецу, и глупцу: «усовершенствуй старые способы производства продуктов питания, изобрети новые или – умри».

Ультиматум этот ставился человечеству на протяжении всей его истории. Ставится и поныне. Вынужденные так или иначе отвечать на него, голодающие группы в одних случаях кое-что делали, в других – едва ли не более частых – вымирали, и не потому, что им очень нравился такой исход, а потому, что «изобретения», да еще столь важные, не всегда можно делать по заказу или «по щучьему велению, по моему прошению».

Попробуем, во-первых, более точно определить роль голода в указанном отношении, а во-вторых, выяснить, насколько успешной при наступлении массового голодания оказывалась борьба с ним, когда люди пытались открыть новые источники питания.

Что касается второго вопроса, то отвечать на него чаще всего приходится отрицательно: мне лично не известен ни один случай массового голодания, который был бы преодолен благодаря открытию или изобретению неведомых прежде продуктов питания. Изобретения, сделанные под влиянием разразившегося голода, почти никогда не были «сильнодействующими лекарствами», которые могли бы тотчас же излечить эту болезнь человечества. И понятно почему: изобретение – дело весьма капризное; таковым оно было не только в прошлом, но остается и теперь, когда наука шагнула далеко вперед. Те огромные авансы, что щедро раздаются изобретателям новых источников питания, приумножают разве что традиционные продукты на их собственном столе да способствуют от-

крытию... исландского мха, возведенному в ранг великих изобретений, хотя такие открытия были известны чуть ли не со времен Адама. Но помимо «капризности» есть еще и другие причины, в силу которых щедро раздаваемые авансы оказываются напрасной тратой средств. Сильный голод ослабляет умственные способности. А следовательно, уменьшает и шансы на удачное решение такой проблемы, как открытие или создание новых источников питания, – проблемы не метафизической, а реальной, при разработке которой пароксизмы голодного мозга, способствующие иной раз созданию интересных религиозно-философских и эстетических произведений, пользы не приносят и решению проблемы не способствуют.

Не стоит поэтому удивляться, что большая часть изобретений, сделанных в периоды непосредственного голодания, сводилась к открытию пищевой пригодности некоторых суррогатов и подобного рода паллиативам, дававшим кое-что, но не способным наполнить голодный желудок бедствующей группы.

Представление о них дает простой перечень тех суррогатов, которые были «открыты» и употреблялись в пищу во время голода. Перечень таков: голод «научил» людей есть собак, кошек, ослов, конину, волков, лягушек, змей, всякую падаль, особый *Haferbrot*¹, различные корни, траву и сено, кору, землю с ничтожной примесью муки, просто землю (глину) и плюс ко всему – человеческое мясо¹. Далее в этом списке мы находим «хлеб из каштанов, рубленую солому, щепки»². Так было в Западной Европе в Средние века, в XV–XVIII вв., то же самое мы видим и у нас: ели «кору березовую, мох, сосновую кору, липовый лист, сено, солому, мышей и прочую нечисть». В 1734–1735 гг. в Нижегородской губернии питались гнилой дубовой колодой, желудями, лебедой, «олиянным колокольцем», мякиной, избоиной, «дурандой» и прочим «былием травным»; в 1882 г. ели хлеб с глиной, барду из картофеля, камыш, лебеду³; то же самое во время голода употребляли в пищу эскимосы, самоеды и другие народы, которые, чтобы хоть как-то выжить, начинали «поедать неядомое».

Почти все перечисленное, начиная с «дуранды» и кончая всяким «былием травным», глиной, исландским мхом и человеческим мясом, употреблялось в пищу и в наше время. В таком же духе были «изобретения», сделанные и в Германии в годы войны, усилившей голодание немцев. И там настоящих изобретений новых источников пищи не было. Дело ограничилось фабрикацией суррогатов, утилизацией крови забиваемых животных, использованием так называемых «минеральных дрожжей» вместо белков, смеси растительного альбумина и жиров вместо яиц, культивированием масличных растений для получения жиров,

¹ *Curschmann F.* Op. cit., p. 57–59.

² *Цитович.* Цит. соч., с. 4–6.

³ *Романович-Славатинский А.В.* Цит. соч., с. 35, 55; *Исаев А.* Цит. соч., с. 12; *Ермолов А.* Цит. соч., с. 7, 10, 17–23.

использованием для той же цели рыбных отбросов, костей, падали, фекальных масс, добыванием растительного масла из фруктов – вот почти и все⁴.

Паллиативы состояли, собственно говоря, в том, что правительство, общество и частные лица пропагандировали и популяризировали применение подобных суррогатов. Пример тому – пропаганда нашими газетами исландского мха и прочих суррогатов. Точно так же «в 1833 г. правительство учило, как делать хлеб из винной барды и картофеля, в 1840 г. преподавало способы приготовления муки с примесью свекловицы»⁵. Подобные «изобретения» довольно однообразны, и нет надобности подробно перечислять их.

Вывод, к которому мы приходим, гласит, что в периоды самого голода эффект от изобретений и открытий новых средств питания ничтожно мал. Этим путем едва ли когда удавалось обеспечить голодающую группу дефицитными калориями. В этом отношении голод похож на бестолкового мужика, который бьет лошадь кнутом, заставляя ее начать движение (человека – изобретать), и вместе с тем обессиливает ее кровопусканиями (человеческий мозг – ослаблением умственной энергии). Вряд ли лошадь, понукаемая таким образом, потащит тяжелый воз, человек редко когда при голодании откроет новые источники питания.

Но значит ли это, что роль голода в деле изобретения новых источников питания ничтожно мала и исчерпывается «псевдооткрытиями» вроде тех, что перечислены выше? Нет, не значит.

Роль эта весьма значительна, но проявляется она не столько в моменты самого голодания, сколько по его окончании, и состоит она не столько в открытии быстродействующих лекарств, немедленно утоляющих голод, сколько в открытии и осуществлении мер, предупреждающих его возникновение, исподволь интенсифицирующих производство продуктов питания или улучшающих снабжение и обеспечение ими группы.

Неоднократно или хотя бы однажды испытанный голод повелительно заставлял людей «шевелить мозгами» для того, чтобы избежать его в будущем, заставлял их обращать и задерживать внимание на таких явлениях, которые без него остались бы незамеченными, – словом, обогащал человеческий опыт в этом отношении и способствовал прямо или косвенно, случайно или преднамеренно тому, что было сделано великое множество изобретений и улучшений способов добывания питания. В этом смысле голод поистине был великим, хотя и жестоким учителем человечества. Ученик, при всей его бестолковости, не мог – под руководством такого учителя – не научиться многому, благо времени для обуче-

⁴ Nicolai G. Die Biologie des Krieges. Zürich, 1919, S. 206–207; И.Ф. Успехи химии в деле облегчения голода в Германии // Врачебное дело. 1921, 1 февраля, с. 629–632.

⁵ Романович-Славатинский А.В. Цит. соч., с. 35–36. Аналогичные статьи Словцова, Дубянской, Сулима-Самойло и других авторов о суррогатах см. в «Известиях Комиссии здравоохранения Петроградского Комитета» (1919, № 5–6).

ния было достаточно, оно измерялось тысячелетиями, и на повторение урока для малопонятливых учеников этот учитель не скупился.

Мне даже трудно представить себе иную более действенную силу, которая могла бы столь властно заставить лентяя работать, тупицу – шевелить мозгами, человечество в целом – напрягать все силы ради усовершенствования материальной, а в связи с ней и духовной культуры. Без этого учителя человечество едва ли смогло бы проявить столько энергии в деле «завоевания мира» и так далеко продвинуться по пути «прогресса». Боюсь, что без него не было бы у нас ни скотоводства, ни земледелия, ни многочисленных отраслей пищевой промышленности, ни столь блестящего развития наук и искусств.

Эта учеба имела особенно важное значение для ранних эпох существования человечества. Что могло побудить к труду и работе первобытного лентяя-дикаря? Что могло заставить его рыскать по лесам, часами ловить рыбу, заниматься монотонным собиранием плодов и диких семян, целыми днями копать в земле, выкорчевывать пни, мотыгой разрыхлять землю и т.д.? «Потребность развития» (по терминологии П.Л. Лаврова^{2*})? Но ее еще не было. Охотничий инстинкт и рыболовная страсть? Но если бы не угроза голода, едва ли он стал бы тратить на это чуть ли не все свое время и столько энергии, переносить тяжкие лишения и подвергать себя опасностям, терпеть холод и палящий зной, преодолевать усталость и бессонницу. Без голода первобытный дикарь обленился бы, «заплыл жиром», не развил бы ни мускулов тела, ни способностей своего ума.

«С какой стати дикарю напрягаться, когда он больше не чувствует голода?»⁶ «Люди (первобытные) ленивы или трудолюбивы в зависимости от того, легко или с трудом они добывают средства для жизни, и они предпочитают лентяйничать (если нет необходимости что-либо делать) или – если они это могут – заставить других работать на себя как рабов или слуг»⁷, – так резюмирует Вестермарк итоги своих исследований, посвященных изучению трудовых стимулов у дикарей. Многочисленные факты, приводимые им, а также и другими исследователями, подтверждают это положение. Дикари, живущие в среде, которая требует от них постоянного труда, энергичны и инициативны. Одни и те же группы (полинезийцы, самоанцы, нукагиванцы, таитяне, туземцы Сандвичевых островов, Новой Зеландии и др.) усердно работают, когда природа им не благоприятствует, и лентяйничают при благоприятных условиях⁸.

То же самое мы можем наблюдать и в наше время на некоторых представителях «праздного класса», для которых всегда «готов и стол, и дом». Не ведут ли многие из них и теперь совершенно праздную и паразитарную жизнь? Не

⁶ Бюхер К. Цит. соч., т. 1, с. 19; см. также с. 11–12, 16, 18, 27, 40 и др.

⁷ Westermarck E. The Origin and Development of Moral Ideas, vol. II, p. 268–269.

⁸ Ibid., p. 269 и гл. «Industry».

заплывают ли жиром? Не деградируют ли и физически, и духовно⁹? Я смотрю на поведение окружающих меня людей и думаю. Что заставляет их вставать в 8 часов утра и идти на скучную и тяжелую работу? Что заставляет многих работников умственного труда «ворочать мозгами»? Прежде всего – голод. Без этого кнута значительная часть моих соотечественников перестала бы работать и физически, и умственно. Борьба за власть, за привилегии, за сокращение рабочего дня есть в значительной мере борьба за право бездельничать, за возможность предаваться «*dolce far niente*»^{3*}, хотя бы и за счет своего ближнего. Это право отстаивают привилегированные сословия, препятствуя сокращению рабочего дня, его же добиваются и рабочие, требуя сокращения последнего. Так дело обстоит сейчас, так оно обстояло и в прошлом. И с этой точки зрения «радатель» человеческого прогресса может с полным основанием петь акафист великому учителю рода человеческого – голоду...

Постоянно им подхлестываемый, дикарь работал, невольно совершал открытия, которые множились, накапливались, передавались из поколения в поколение, из группы в группу, и в итоге были сделаны величайшие открытия древности, положившие начало и скотоводству, и земледелию, и самой промышленности.

И в дальнейшем все крупные достижения в деле их усовершенствования были в значительной мере функцией голода. Он не переставал ставить свои ультиматумы и... волей-неволей заставлял людей быть изобретательными. «Голод и забота о пропитании способствовали тому, что были сделаны многочисленные изобретения, что люди приучились к земледелию, приручили некоторых животных, изобрели плуг и другие земледельческие орудия, научились охоте и рыболовству, создали технические средства труда», – правильно отмечает Nicolai¹⁰.

Правда, для объяснения этого прогресса выдвигаются и другие гипотезы. Согласно одной из них, «смену форм хозяйства обуславливает большая или меньшая плотность населения. Еще Либихом высчитано, какое пространство земли необходимо для удовлетворения потребностей охотничьей семьи. При возрастающей плотности населения... нет возможности обойтись без перехода к более интенсивным формам хозяйства» (земледелию, виноделию, садоводству, скотоводству и т.д.)¹¹.

Утверждение правильное, но... рост населения может играть такую роль лишь потому, что население это должно питаться, т.е. сам рост его, при неизменном количестве добываемой пищи, означает рост голода, а следовательно, и усиление его подгоняющей роли. При отсутствии голода и заботы о пище население

⁹ См.: *Veblen T. The Theory of the Leisure Class. New York, 1899.*

¹⁰ *Nicolai G. Op. cit., S. 197.*

¹¹ *Ковалевский М.М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. М., 1898, Т. 1, с. VIII–IX.*

могло бы расти сколько угодно, не занимаясь ни земледелием, ни садоводством, ни тем более их развитием. Мало того. Сам рост его возможен только при наличии средств существования. Всякий раз, когда численность населения достигает критической отметки, голод ставит ультиматум: или изобретай – или умри. Одни группы вымирали, другие – изобретали... Эта сказка про белого бычка неоднократно повторялась в истории, продолжается она и по сей день.

С этой точки зрения тезис М.М. Ковалевского – иная редакция моего тезиса. И история развития хозяйства, в частности земледелия, отлично его подтверждает. Не только техника обработки земли, но и смена самих форм землепользования находится в связи с ростом плотности населения, а следовательно, и с увеличением давления голода. Исследования Ковалевского, Кочаровского, Кауфмана, Огановского и других по истории русской общины выявили эту связь весьма рельефно. То же самое можно сказать и о любой отрасли промышленности. Страны неземледельческие, чтобы получить продукты питания, должны иметь соответствующий эквивалент для товарообмена. Эту мысль прекрасно иллюстрирует Плутарх, говоря об Афинах: «Замечая, что население города увеличивается, и видя, что область эта никогда не даст урожая и отличается бедностью почвы, между тем, как моряки считают правилом не привозить ничего туда, где ничего не получают в обмен, Солон заставил своих сограждан заниматься ремеслом, издав закон, по которому сын мог отказать отцу в пропитании, если тот не обучил его никакому ремеслу»¹². Эта зависимость развития промышленности от голода или его угрозы существовала до Солона, во время Солона и после Солона. Стоит ли удивляться поэтому, что именно после пережитого голода малопонятливые группы начинают предпринимать судорожные попытки сделать шаг вперед в деле развития промышленности.

Приведу несколько примеров из истории России. Новые сельскохозяйственные культуры, например пшеница, пшено и некоторые виды овощей, были вве-

¹² Плутарх. Солон, 24. То же самое мы наблюдаем и сейчас. На моих глазах организуется целый ряд лабораторий, мастерских и кооперативов, которые изготавливают зажигалки, сельскохозяйственные орудия, химикаты и т.п. эквиваленты для товарообмена с деревней. По той же причине рабочим теперь приходится работать сверхурочно, чтобы получить долю продуктов промышленности для товарообмена. И не об этом ли вот уже третий год твердят декреты и попытки власти наладить промышленность? «Дайте хлеб рабочим, – говорит она крестьянству, – и вы получите гвозди, плуги и т.п.; работайте, – говорит она рабочим, – и получите хлеб, установится правильный товарообмен». В странах индустриальных, например в Англии, давно уже было замечено, что «в периоды процветания, когда прибыль высока и сбыт товаров идет легко, предприниматели мало заботятся об усовершенствовании своего дела, не думают об улучшениях. Когда же цена падает и приходится вести дело в убыток, тогда начинают применять на практике все те изобретения и открытия, которые до того времени лежали многие годы под спудом и не обращали на себя внимания». Что это, как не проявление, пусть даже и косвенное, все той же подстегивающей роли угрозы голода! (См.: Туган-Барановский М.И. Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь. СПб., 1894, с. 182–183).

дены у нас после голодовок XI в. «Очевидное тому доказательство встречаем мы в первые годы следующего столетия, когда вместе с рожью, до сих пор исключительно упоминаемую в летописях, мы находим пшеницу, пшено и разные овощи»¹³. Наряду с этим, «увеличиваясь в числе, народ для предупреждения голода все более и более завоевывал земли у болот и лесов и обращал ее в луга, пашни и огороды»¹⁴.

И в более позднее время именно после голодовок предпринимались отчаянные усилия, направленные на увеличение площади посева, интенсификацию обработки земли, разведение всяких промыслов и т.д., «имевших целью содействовать развитию хлебопашества, устройению звериных и рыбных промыслов»¹⁵.

Среди актов времен царя Алексея Михайловича мы то и дело встречаем приказы вроде следующего: «Ты бы велел указные их земли пахать и хлеб сеять. А которые люди учнут ослушаться... ты бы тем велел пашни пахать и сеять в неволю и с наказанием». Или указания насчет того, как пахать и обрабатывать пашню, и т.п.¹⁶

При Петре в голодные периоды того времени принимались серьезные меры, чтобы «земледелие приумножать и к приращению приводить», указом 1723 г. предписывалось «крепко» смотреть за крестьянами, «дабы они под хлебный сев землю хорошенько снабдевали и более хлебного всякого севу умножали»¹⁷. При Екатерине II после целого ряда неурожаев «начались заботы о введении в России культуры картофеля», в указе 1765 г. говорилось: «К разведению этого плода приложить всемерное старание, особливо для того, что он в недостатке и дороговизне прочего хлеба великую замену делать может», рекомендовалось выращивать лилии (*Lilium martagon tenuifolium*) и шелковицы, разводить пчел, строить маслобойни, мельницы и т.д.¹⁸

Такие же усиленные меры принимаются и позже. При императоре Павле «повелено было учредить для удельных крестьян школу земледелия; для введения же в употребление в удельных деревнях завести небольшие запашки с пятипольной системой»¹⁹. После голода 1833 г. в 1834 г. основывается первая земледельческая газета, поощряются ученые изыскания, не говоря уже о многочисленных реформах, направленных на улучшение продовольственного снабжения населения. Целый ряд мер самого разного характера предпринимался и

¹³ Лешков В.Н. Цит. соч., с. 489.

¹⁴ Там же, с. 486.

¹⁵ Там же, с. 489.

¹⁶ *Новомбергский*. Очерки внутреннего управления Московской Руси XVII столетия // Продовольственное строение. Материалы. Томск, 1914, т. 1, № 5; см. также: № 7, с. 208, 215, 575 и др.

¹⁷ Ермолов А. Цит. соч., т. I, с. 16; См. также: *Леонтович Ф.И.* Цит. соч., с. 36–37.

¹⁸ Ермолов А. Цит. соч., с. 29.

¹⁹ *Романович-Славтинский А.В.* Цит. соч., с. 57; *Ермолов А.* Цит. соч., т. I, с. 34.

после последующих голодовок (особенно 1891–1892 гг.), то же самое мы видим и в наше время, когда бездна всяких проектов и изысканий, начиная с посевной кампании и кончая «пищевыми институтами», посыпалась как из рога изобилия. Научные исследования, пропаганда сельскохозяйственных знаний, учреждение всевозможных агрономических школ и институтов, селекционных и других станций, опытных полей, «пищевых институтов» и курсов огородничества, введение новых сельскохозяйственных культур, расширение деятельности органов земледелия и т.д. – все это находится в связи с угрозой голода, все это делается и создается с целью предупредить его и смягчить его тяжкие последствия.

В странах, хорошо усвоивших уроки голода, забота о рационализации и улучшении способов обеспечения населения продовольствием проявляется постоянно. В странах отсталых (например в Индии и России) ее кривая резко взмывает вверх после голодовок, в периоды же длительного благоденствия ее подъем замедляется.

Подстегивающая роль голода сказывается не только на системе производства продуктов питания и источниках продовольствия, но и на системе их распределения и потребления. Своим существованием и усовершенствованием они тоже обязаны этому великому учителю – голоду.

Такова в основных чертах связь между голодом и улучшениями организации продовольственного снабжения группы.

На все это можно возразить: если голод играет такую роль, то страны, больше всех голодавшие, должны, по идее, быть и самыми передовыми в этом отношении, и наоборот. Между тем мы наблюдаем совсем иную картину. Поэтому, может быть, правильнее было бы сделать противоположное заключение? Отвечаю.

1) Если бы рост изобретений и улучшений был функцией только голода – то это возражение было бы вполне резонным. Но я вовсе не думаю, что дело обстоит именно так. Способность к изобретениям зависит от слишком многих факторов – прежде всего от расовых свойств населения и целого ряда социальных условий. Голодающий готтентот и голодающий англосакс X–XII вв. обладали этой способностью не в одинаковой мере. Поэтому при равенстве голодания коэффициенты изобретательности у них были, есть и будут совершенно разные. Но зато если бы голодовок не было ни в Англии, ни в других европейских странах, ни в Японии (а начиная с XI в. в Англии, по вычислениям Walford'a, сильный голод был 57 раз, а во всей Западной Европе – не менее 160²⁰), а равным образом не было бы и вечной угрозы голода, то, конечно, нам не пришлось бы стать свидетелями интенсивной работы по улучшению способов обеспечения населения продовольствием.

2) Я не утверждаю, что голодание само по себе улучшает «изобретательную способность». Хотя, как отмечалось выше, голод и может стимулировать изобре-

²⁰ *Mulhall M.G.* The dictionary of statistics, p. 256.

тательность, но в момент самого голодания, особенно очень сильного, умственные способности человека снижаются, и тем самым он лишается возможности их реализовать. Вот почему если голод обрушивается на население слишком часто, то оно чаще всего гибнет, а не изобретает.

3) Далее, как было указано выше, изобретение и улучшение – лишь один из возможных способов преодоления голода. Способ верный и надежный, но не быстро действующий и не уничтожающий уже наступившего голода. Наряду с ним есть более доступные и простые пути, более выгодные с точки зрения преодоления уже разразившегося голода. Люди чаще всего предпочитали брать уже готовое – хитростью, силой – или же покупать за деньги, предпочитали уходить в благополучные места, а не заниматься изобретательством – делом трудным и редко приносящим плоды изобретателю. Вот почему страны, часто голодающие, могут и не быть передовыми в деле изобретений, но зато довольно часто они оказываются передовыми в деле военном, занимают первое место по грабежам и количеству эмигрантов. Наличие таких «отдушин» обеспечивает им возможность не изобретать, несмотря на голодовки, и не вымереть полностью. Прибавьте к этому и ряд других условий. Например, некоторые страны, где плотность населения при существующих у них способах хозяйства достигла критической отметки, должны поневоле проявить изобретательность, если у них нет других «отдушин», – иначе им грозит смерть. Другие страны, например Индия и Россия, обладающие огромными территориями, находили выход не столько в интенсификации производства продуктов питания, сколько в простом расселении или расширении площади обрабатываемой земли. Сохраняя все те же «прадедовские» системы земледелия, эти страны могли гораздо легче и успешнее избежать голода такими доступными им способами, чем с помощью изобретений. «Над ними не каплет», простору – сколько угодно, знай «работай, да не трусь». Изобретения для них вовсе не так уж и необходимы.

Но у тех стран, где плотность населения достигла предела, такой отдушины нет. Для них изобретения стали необходимостью. Если учесть, что плотность населения на квадратную милю в Англии (1901) составляет 341,6 человек, в Германии (1905) – 290,4, в Голландии – 406,4, в Бельгии – 588,7, во Франции – 189,6, в Японии – 316,9, в то время как в России она составляет всего лишь 1,2 человека на квадратную милю, в Турции – 32, а в Индии – 92²¹, то станет очевидно, что необходимость в интенсификации производства продуктов питания и средств существования, которую испытывают эти страны, далеко не одинакова. Одни народы могут позволить себе роскошь жить так, как жил ветхозаветный Адам, другие – нет. Подобного рода обстоятельства и объясняют, почему приведенное выше возражение не только не противоречит моему предположению, но скорее подтверждает его.

²¹ См.: *Webb A. Op. cit.*, p. 407–468, 487.

Вторичные функции. Изобретение, получившее признание и ставшее общим достоянием, вызывает, в свою очередь, ряд серьезнейших последствий в общественной жизни, которые нередко производят в ней настоящий переворот. Каждый гениальный изобретатель всегда был и будет величайшим и подлинным освободителем человечества (в положительном смысле слова, в отличие от «освободителей», занимающихся лечением социальных недугов по методу «тришкина кафтана»). Либих и Пастер в земледелии, целый ряд изобретателей в других областях производства (таких как Уатт, Аркрайт, Фарадей) своими изобретениями дали человечеству гораздо больше, чем все так называемые «освободители». Они изменили жизнь гораздо радикальнее, чем последние. Настоящая история освободительного движения человечества – это история изобретений и изобретателей, покоряющих силы природы. Все прочее – история псевдоосвобождения и мнимых освободителей. Первая история еще не написана, вторая очень популярна, но от этого она не становится истинной.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы:

1) Изобретение новых и улучшение старых способов добычи продовольствия и снабжения им населения были и остаются функцией, одной из независимых переменных которой является голод или его угроза, заставляющие людей быть трудолюбивыми и изобретательными.

2) Все общественные институты производства продуктов питания (или их эквивалентов), системы их распределения, обмена и потребления появились и совершенствовались под влиянием голода или его угрозы.

3) Эта роль голода обнаруживается не столько в периоды голодания, сколько по окончании его. В периоды же, когда голод, особенно сильный, обрушивался на людей, его роль была скорее отрицательной, чем положительной.

4) Новые изобретения и улучшения как средство борьбы с уже разразившимся голодом лишь в редких случаях могут покрыть недостающее число дефицитных калорий. В этом отношении их роль была незначительной – вот почему голодающее население редко когда пыталось найти спасение на этом пути и искало его с помощью иных средств и методов.

5) Изобретения, воплотившись в жизнь, кардинально меняют всю социальную действительность и поведение людей, и тем сильнее, чем они значительнее. Они были и остаются главными и, пожалуй, единственными орудиями освобождения человечества и улучшения его жизни.

Глава пятая

ГОЛОД, ВВОЗ И ВЫВОЗ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ

Самым простым и наиболее доступным способом покрытия дефицита калорий, образовавшегося у населения данного социального агрегата, является ввоз в него продуктов питания (и прекращение их вывоза). В данном случае массовый пицетаксис проявляется в частной форме: в виде сложного комплекса поведения, имеющего своей целью доставку «пищевой горы» голодающему Магомету, независимо от того, каким образом осуществляется эта доставка – мирным или военным. Если нет препятствий (а они очень часто имеются в виде блокады, отсутствия денег и других эквивалентов продуктов питания, дорог и т.д.), то ввоз продовольствия имеет место всегда, когда данный агрегат, будь то деревня, город, губерния, область, государство или целый материк, недостаточно обеспечен пищей, производимой в нем самом.

Отсюда выводы: *ceteris paribus* и при отсутствии препятствий 1) группы «потребляющие» неизбежно должны быть и ввозящими, независимо от того, каким способом осуществляется этот ввоз – путем мирной торговли или вооруженного грабежа; 2) при увеличении дефицита калорий (в силу неурожая или каких-то других причин) должен соответственно увеличиваться и ввоз продовольствия в такие страны (и наоборот, у групп «производящих» должен уменьшаться вывоз); 3) количество ввозимого продовольствия будет тем больше, чем меньше (в пределах минимально-необходимого количества продуктов) группа производит. В реальной действительности так бывает не всегда. В силу целого ряда причин – отсутствия платежеспособных эквивалентов, удобных путей сообщения, войны, блокады, неравномерного распределения, etc – ввоз часто оказывается невозможен или недостаточен, при росте населения он нередко не только не повышается, но и падает. Такие факты, однако, говорят не о том, что сформулированные выше теоремы ошибочны, а о вторжении побочных детерминаторов, ослабляющих или аннулирующих эти эффекты массового пицетаксиса. Потому-то я и подчеркиваю условия: *ceteris paribus* и при отсутствии препятствий. Для общества, которое положительно сводит свой пищевой баланс, эти положения, при равенстве прочих условий, правильны. Там же, где пищевой баланс не сводится и дефицит не покрывается, там неизбежно или произойдет повышение кривой смертности со всеми ее спутниками, или проявятся иные социальные эффекты массового пицетаксиса (эмиграция, etc). Если отсутствие пищевого равновесия общества будет хроническим, то и эти социальные «детища» голодания обретут хронический характер.

Для подтверждения вышеизложенного обратимся к фактам.

Известно, что группы, которые сами не производят достаточного количества калорий, но более или менее удовлетворительно сводят пищевой баланс, являются странами ввоза продуктов питания. Таковыми могут быть города, целые области и даже целые государства. Циркуляция питательных масс направлена к ним, а не от них. Если они и исполняют функции посредников, то в конечном счете их пищевой импорт превышает экспорт.

Крупные города древности (Вавилон, Мемфис, Фивы, Афины, Рим и т.д.), Средних веков и Нового времени, представляя собой скопления больших масс населения, были и остаются центрами, не производившими и не производящими достаточного количества пищевых продуктов. Отсюда – необходимость постоянного ввоза в них продуктов питания из сельских районов страны – ввоза, действительно имевшего и имеющего место и осуществляемого отчасти мирным торговым путем, отчасти – путем насильственным: грабежа населения, сбора дани и привоза «жатвы» в город¹. Если таким путем пищевой дефицит покрывается, то других эффектов голода может и не быть. Если же он не покрывается, как это иногда бывает, то неизбежно проявятся другие функции голодания (повышение смертности, бегство населения из голодных городов, волнения, революции, etc).

Вторую серию фактов предоставляют нам целые страны и области, которые тоже относятся к разряду «потребляющих». Их импорт продуктов питания, если пищевой баланс сводится положительно, всегда превышает экспорт. И превышает тем сильнее, чем больше число дефицитных калорий, не производимых самой страной. Примером такой страны, сравнительно благополучно сводившей за последние десятилетия пищевой баланс, может служить Англия. Изучая ее потребление, производство и ввоз продуктов питания, мы видим, как ввоз растет с увеличением населения² и уменьшением собственного производства пищевых продуктов. Приведу некоторые данные³.

Годы	Количество зерна, собранного в Англии и Уэльсе (в квартерах*)	Ввезено пшеницы (в квартерах)
1839–1840	4022000	1762482
1840–1841	3870648	1925241
1841–1842	3626173	2985422
1842–1843	5078989	2405217

¹ См.: *Бюхер К.* Возникновение народного хозяйства. СПб., 1907 (очерки X–XII); *Böckh A.* Die Staatshaushaltung der Athener. Berlin, 1851, Bd. I, S. 47, 55, 115.

² За период с 1841 по 1911 г. оно увеличилось в Англии и Уэльсе с 16 до 37 млн человек. См.: *Webb A.* Op. cit., p. 477; [Editor]. War and Population // *The Edinburgh Review*. 1920, July, p. 199.

³ *Tooke Th., W. Newmarch W.* Die Geschichte und Bestimmung der Preise. 1858, Bd. I, S. 805.

1843–1844	5213454	1606912
1844–1845	6664368	476190
1845–1846	5699969	2732134
1846–1847	5363196	2458000

Мы видим, что величина импорта и количество зерна, производимого самой Англией, находятся в обратно-пропорциональной зависимости: с ростом недостаточности последнего растет первое. Еще проще эту закономерность колебания величины импорта съестных припасов можно сформулировать следующим образом: чем лучше урожай в стране – тем меньше ввозится в нее пищевых продуктов, чем хуже, т.е. чем больше дефицит калорий, – тем больше ввоз.

«Четырехлетие 1833–1836 гг. замечательно в истории английского хозяйства по необыкновенно хорошим урожаям». «Урожаи эти были так обильны, что в течение нескольких лет Англия почти совсем не нуждалась в привозном хлебе». Ввоз его поэтому резко сократился. Об этом свидетельствуют такие показатели. По сравнению со средним ежегодным количеством пшеницы, ввозимым за предыдущие 4 года, ввоз пшеницы в эти урожайные годы составлял:

в 1833	7%	} среднего ежегодного ввоза пшеницы за предшествующие неурожайные годы ⁴
1834	5%	
1835	2%	
1836	2%	

1837–1838 гг. «были очень неблагоприятны для английского земледелия. Под влиянием двух сильных неурожаев... стоимость всего хлеба, ввезенного в Соединенное Королевство для внутреннего потребления, резко повысилась и достигла небывалой суммы в 10^{1/2} миллионов фунтов стерлингов. В 1836 г. стоимость ввозимого хлеба составляла около 0,1% стоимости всего экспорта Соединенного Королевства, а в 1839 г. она достигла 20%»⁵.

Такое же резкое увеличение ввоза наблюдается и в неурожайные 1846–1847 гг. «За весь 1847 г. в Соединенное Королевство было ввезено всякого рода хлебов для внутреннего потребления на 29 миллионов фунтов стерлингов – ввоз совершенно беспрецедентный в предшествовавшей истории Англии. Ввоз хлеба в 1847 г. равнялся по своей стоимости 50% стоимости всего вывоза продукции Соединенного Королевства, между тем как в 1845 г. он составлял только 3%»⁶.

О том же говорит и рост – абсолютный и относительный – импорта пищевых продуктов, вызываемый увеличением населения, индустриализацией,

⁴ Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. СПб., 1894, с. 100.

⁵ Там же, с. 118.

⁶ Там же, с. 132.

сокращением площадей, отведенных под земледелие и т.д., в результате чего продовольствие, производимое в самой Англии, становится все более и более недостаточным, а увеличение ввоза все более и более необходимым⁷.

Это видно хотя бы из следующей таблицы, в которой зафиксировано количество ввезенных в Соединенное Королевство пищевых продуктов в расчете на душу населения⁸.

Пищевые продукты	Количество ввезенного в Соединенное Королевство на душу населения					
	в среднем за год					
	1866– 1875	1876– 1885	1886– 1895	1896– 1905	1906	1907
Зерно и мука (пшеничная, овсяная, маисовая и др.), в фунтах	295	424	462	526	504	505
Рис	18	22	17	18	22	21
Картофель	10	19	8	17	10	21
Мясо	7,6	19,1	26,8	44	47,3	47,6
Масло, маргарин и сыр	8,7	12,4	15,7	19,2	20,7	18,9
Яйца (штук)	17	24	34	49	52	51

Мы видим здесь, как рост населения (численность которого с 28927000 человек в 1861 г. увеличилась до 41459000 в 1901 г.), способствующий увеличению дефицита калорий, не покрываемого собственным производством продуктов питания, неизбежно ведет и к увеличению их ввоза. Благодаря этому пищевой дефицит покрывается, пицетаксис удовлетворяется, и все другие его эффекты становятся излишними. И так происходило бы всегда, если бы для ввоза продуктов питания не было никаких препятствий. Если бы, скажем, у группы вместо 5 миллиардов калорий, необходимых ей в течение года и производившихся ею самой, вдруг оказалось только полмиллиарда (например по причине грандиозного неурожая), то ее импорт продуктов питания должен был бы подняться с нуля до 4½ миллиардов калорий. И он действительно оказался бы близок к этой величине, если бы не было тормозов. Но тормоза есть всегда, причем очень часто они оказываются непреодолимыми или чрезвычайно сильными. Посему и величина ввоза отклоняется от этой «идеальной» нормы, в результате чего проявляются другие эффекты массового пицетаксиса. Но в той или иной мере ввоз как последствие массового голодания данной группы осуществляется

⁷ Данные об этом см.: *Vigor*. The Increased Yield per Acre of Wheat in England considered in Relation to Reduction of the Area // *Journal of the Royal Statistical Society*. 1910, p. 398–399.

⁸ Great Britain. *Agricultural Statistics*. 1907. London, 1908, part III; *Webb A.* Op. cit., p. 281. См. также: *Mulhall M.* Op. cit., p. 7, 135, 287, 715, 718; *Crawford*. Notes on the Food Supply of the United Kingdom // *Journal of the Royal Statistical Society*. 1899, p. 598; *Rutter F.* Great Production of Europe // *Bulletins of the US Department of Agriculture*. Washington, 1908, № 68; там же см. данные об экспорте и импорте пищевых продуктов других стран.

всегда. Варьируясь по своей величине, он представлял и представляет собой наиболее доступный способ покрытия пищевого дефицита группы.

Вот некоторые факты. Во время голода 1024 г. суздальцы спустились по Волге и «привезоша хлеба из болгар^{2*}».

Во время голода 1230–1231 гг. в Новгороде спасение было найдено в том, что «прибегоша немцы из-за моря с житом и с мукою и сотвориша много добра, а уже бяше при конце город сей». То же самое произошло во время голода 1279 г. (ввоз хлеба на Русь от ятвягов^{3*}). В голод 1422 г. хлеб вывозился из Пскова, где «тогда бяше старых лет клети всякого изобилия изнасыпаны на кромю. И поидоша ко Пскову, Новгородци, корела, Чудь, Вожаны, и Тверци и Москвичи со всей русской земли, и бысть во Пскове много множество. И начаша купяще рожь возити за рубеж⁹». То же самое происходило почти при всех крупных голодовках. Например, при Борисе Годунове «наиболее важной мерой оказался подвоз хлебных запасов, сохранившихся в некоторых областях в изобилии от прежних лет»¹⁰. В исторических документах имеются свидетельства не только о подобно-го рода натуральных ввозах, но и о денежных суммах, ассигнованных властью или обществом для оказания помощи голодающему населению; их назначением было приобретение и привоз продовольствия в районы, охваченные голодом. До Петра, при нем и после него мы постоянно встречаемся с такими «продовольственными ссудами от казны». Например, в 1812 г. для голодной Московской губернии было отпущено 2¹/₂ миллиона рублей «для закупки и раздачи хлеба». В 1813 г. для Калужской и Смоленской губерний – 6 миллионов рублей, в 1833 г. – 29768212, в 1839–1840 гг. – 25414185, в 1844–1846 гг. – 11000000, в 1880–1881 гг. – 11518170, в 1890–1891 гг. – 174992802, в 1905–1906 гг. – 77570398 рублей¹¹.

С тем же самым явлением во времена массового голода мы встречаемся и в истории других стран.

Уже для Карла Великого «первой заботой в эпохи голода было сохранение продовольствия и его ввоз»¹². В средневековых итальянских республиках XI и последующих веков «в случае неурожая, а они случались нередко, *officiales bladi*, или *abundantiae* (магистраты изобилия, вроде нашего «продкома» или «Петрокоммуны»), вступали в переговоры с городами с целью получить у них разрешение на вывоз хлеба из их пределов»¹³.

Исследователь хлебной торговли во Франции XVIII в. показывает, что каждый неурожай здесь наряду с запретом вывоза вызывал увеличение ввоза хлеба из-за границы и приток его в голодающие области. Например, голод 1768 г. «вызвал потребность в иностранном хлебе, ввоз которого был значителен».

⁹ Лешков В.Н. Цит. соч., с. 478, 487.

¹⁰ Ермолов А.С. Цит. соч., ч. 1, с. 20–21.

¹¹ Там же, с. 36, 45, 55–56, 89, 104, 285.

¹² *Curschmann F.* Op. cit., S. 74–75.

¹³ Ковалевский М.М. Какими мерами итальянские республики боролись с голодом и нуждою // Помощь голодающим. М., 1892, с. 352–370.

То же самое имело место в 1740 г.; в 1750 г. ввезено было до 200000 квинталей^{4*} из-за границы, затем – в 1775 г. и позднее¹⁴.

Обратимся к Индии. И здесь мы видим, особенно в последние десятилетия, усиленный ввоз продовольствия в годы голодовок. Об этом свидетельствуют уже одни правительственные ассигнования на помощь десяткам миллионов голодающих¹⁵.

Словом, при отсутствии препятствий ввоз пищевых продуктов в голодающую страну должен повышаться пропорционально росту голода. Наблюдатель-теоретик в такие моменты увидел бы картину интенсивного движения продуктов питания в районы, охваченные голодом. Наблюдатель-реалист в подобных случаях пишет: «По дороге... мы то и дело обгоняли обозы. Впереди, позади, почти без перерыва тянутся они темными лентами, теряясь во мгле»¹⁶. Или: «Впереди шло много длинных поездов, нагруженных зерном, – пишет Киплинг, описывая голод в Индии. – Они ждали на импровизированных запасных путях и затем прицеплялись к поездам», тянулись «повозки, нагруженные пшеницей, ячменем и маисом» и т.д.¹⁷

Удается или не удастся голодающей группе фактически довести до нужной нормы ввоз продовольствия, но несомненно одно – что вся ее деятельность и структура в силу пищетаксиса перестраиваются таким образом, чтобы сделать этот ввоз возможным. В связи с этим обычно отменяются пошлины на иностранный хлеб, выдаются премии и вводятся всяческие поощрения за ввоз продуктов¹⁸, принимается целый ряд мер, направленных на то, чтобы уменьшить ввоз других товаров и усилить ввоз продовольствия¹⁹, всевозможными мерами уменьшается и тормозится вывоз продовольствия из голодающей страны, всячески стараются удержать и не выпустить ввезенное в нее продовольствие²⁰.

¹⁴ *Афанасьев*. Исторические и экономические статьи. 1909, т. I, с. 379–383, 409–410; *Афанасьев*. Условия хлебной торговли во Франции в XVIII веке. Одесса, 1892, с. 167–168.

¹⁵ См.: *Digby*. The famine campaign in Southern India. 1878, vol. I-II, в частности Appendix H., vol. II, p. 490–491; подробности см.: Reports of the Indian Famine Commission. London, 1880–1885, part I; Reports за 1898 и 1901 гг.; Statistical Atlas of India. 1895 г. В прошлом «правительство запрещало вывоз зерна, старалось его ввозить и фиксировало цены» (The Imperial Gazetteer of India. 1907, vol. III, p. 484).

¹⁶ *Короленко В.Г.* В голодный год // Собрание сочинений. Изд. Маркса, т. V, с. 17.

¹⁷ *Киплинг Р.* На голоде // Собрание сочинений. Изд. Сойкина. Пг., 1916, с. 93.

¹⁸ Это делалось и в Средние века, и в Новое время. Например, в Англии в 1795 г. была установлена высокая премия за привоз пшеницы в количестве 400–500 тыс. кварталов. То же самое в иной форме имело место в 1800 г. и во Франции – при голодовках XVI–XVIII вв. В Германии в 1846–1848 гг. были отменены ввозные пошлины на хлеб, как это делалось и раньше. См.: *Рошер В.Г.* Цит. соч., с. 95–97; *Афанасьев*. Условия хлебной торговли во Франции в XVIII веке; *Curschmann F.* Op. cit., S. 71–75.

¹⁹ Карл Фландрский, например, искусственно понизил цены на ввозимое иностранное вино, чтобы заставить ввозить хлеб (*Curschmann F.* Op. cit., S. 75).

²⁰ Вот несколько примеров. В Афинах, где, по вычислению А. Бёка, всегда не хватало около 1000000 медимнов^{5*}, а при плохом урожае должно было ввозиться не менее половины всего хлеба, «вывоз был безусловно воспрещен», а ввоз всячески поощрялся: а) всякий корабль,

Все эти и ряд других явлений представляют собой последствия указанной трансформации структуры и социальной жизни группы, вызываемой повышением массового пицетаксиса.

Такова связь между массовым голодом и кривой ввоза и вывоза продовольствия. Как видим, связь эта прямая. При отсутствии препятствий рост продовольственного дефицита влечет за собой увеличение ввоза и уменьшение вывоза продовольствия из голодающей группы.

Но этой функцией голода «первого порядка» суть дела, конечно, не исчерпывается. Она вызывает целый ряд других явлений, представляющих собой «функции второго порядка».

прибывающий в Афины, должен был две трети продуктов отдавать городу и только одну треть мог вывезти обратно; б) все жители Аттики под страхом смертной казни должны были везти на продажу хлеб только в Афинский эмпориум^{6*}; в) запрещалось давать для перевозки суда, которые не возвращаются назад в Афины, и т. д. См.: *Böckh A.* Op. cit., Bd. I, S. 116–120, 123.

Подобное видим и в Риме, тоже не «самодостаточном» в смысле продовольствия. См.: *Hirschfeld O.* Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten, von Augustus bis auf Diocletian. Berlin, 1905, S. 117–118. См. также указанные ниже работы Ростовцева, Waltzing'a и др. То же самое происходило в Средние века. Например, во время голода 805–806 гг. Карл Великий издал указ, запрещавший вывоз из страны каких бы то ни было съестных припасов: *ne foris imperium nostrum vendatur aliquid alimoniae*^{7*}. Аналогичные указы были изданы в 1269, 1272 и другие голодные годы (*Curschmann F.* Op. cit., S. 71, 74–75).

По существу то же самое происходило в итальянских средневековых республиках (см.: *Ковалевский М.М.* Какими мерами итальянские республики боролись с голодом и нуждой; *Pouper В.Г.* Цит. соч., с. 98–99), а позже – в Англии, во Франции и до последнего времени в Индии (см.: *Афанасьев.* Условия хлебной торговли во Франции в XVIII веке; *De la Mare.* Traité de la police [главы о продовольствии, т. II и III]; *The imperial Gazeteer of India.* Oxford, 1907, vol. III, p. 483–502). И в XIX в., например, в 1804 – в курфюршестве Саксонском и в ряде германских государств в 1846–1848 гг. (см.: *Pouper В.Г.* Цит. соч., с. 98–100).

То же самое было и у нас. Например, во время голода 1422 г. «псковитяне заповедоша не продавать за рубеж рожь и никакого обилия» (*Ермолов А.* Цит. соч., т. I, с. 8). Такие же меры были приняты во время голода 1650 г. во Пскове (см.: *Куриц Б.* Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям Родэса. М., 1915, с. 22–23).

При Петре и его преемниках, например при Екатерине II, в годы крупных неурожаев и голодовок «вывоз хлеба из всех или некоторых портов либо совершенно воспрещался, либо ограничивался». Так было и позже: в 1798–1802, 1803–1805, 1806–1812 и др. гг. (см.: *Ермолов А.* Цит. соч., с. 27; *Романович-Славатинский А.В.* Цит. соч., с. 47–48). Причем сплошь и рядом при голоде в той или иной губернии запрещался и в прошлом и недавно вывоз продуктов в другие губернии. Еще в 1891 г. «в некоторых губерниях местной администрацией было самовольно установлено запрещение вывоза хлеба в другие деревни» (*Ермолов А.* Цит. соч., с. 27).

Со всеми этими явлениями мы столкнулись и в наше время, в 1914–1921 гг., как в России, так и в Германии, Англии и других странах, которые в связи с войной оказались под угрозой голода. Мы видим и запреты вывоза продуктов питания за границу (Германия и Англия), запреты вывоза из губернии в губернию у нас и сотни поощрительных мер к ввозу в Англии, Германии и других странах, регулирование рынка хлебов и снабжения продовольствием армии и населения (см. для Англии: *Early H.S.* Phases of food control // *Edinburgh Review.* 1918, January, p. 108–130; *Bland J.O.* Population and food Supply // *Ibid.*, April, p. 232–252; *Clynes.* Food control in War and Peace // *The Economic Journal.* 1920, June, p. 147–155). См. ниже главу о голоде и принудительном этагизме^{8*}.

Например, чтобы ввоз вообще, а тем более его увеличение были возможны, группа должна иметь или эквиваленты для товарообмена, или войско для того, чтобы силой отобрать продовольствие у других групп. Стало быть, пищевая группа в первом случае подстегивает к развитию промышленности и других видов деятельности, результатом которых являются товары, годные для обмена и торговли с производителями хлеба, во втором – к созданию и усилению аппарата, способного выкачивать продовольствие из других групп. Но если появился институт промышленности или военный институт, то сам факт их наличия вызывает, в свою очередь, целый ряд дальнейших последствий.

То же самое можно сказать и о других функциях голода «второго порядка». Например, по причине того, что даже у богатой группы средства все-таки ограничены, увеличение ввоза продуктов питания неизбежно ведет к уменьшению ввоза других товаров и непродовольственных материалов, увеличивает отток золота за границу и т.д.; это уменьшение и этот отток неизбежно отражаются на целом ряде процессов в жизни группы, изменение каждого из которых, в свою очередь, вызывает ряд дальнейших последствий, и т.д.²¹

Резюме

1) При быстром и резком уменьшении или угрозе уменьшения количества необходимого группе продовольствия наступивший или грозящий наступлением продовольственный дефицит толкает группу к покрытию его увеличением ввоза (и сокращением вывоза) продовольствия.

2) Сообразно с этим группы «потребляющие» при отсутствии препятствий должны быть группами постоянно ввозящими.

3) Если нет препятствий, то *ceteris paribus* этот ввоз увеличивается тем больше (а вывоз сокращается тем сильнее), чем больше продовольственный дефицит.

4) Таким способом продовольственный дефицит, действительно, часто покрывается, но нередки и такие случаи, когда покрыть дефицит путем ввоза не удается.

5) В первом случае положительное сведение продовольственного баланса устраняет другие последствия массового голода, во втором – их появление неизбежно, что заставляет искать иные способы покрытия дефицита.

6) Из этих первичных функций развивается множество функций второго и последующих порядков, одной из независимых переменных которых является голод.

²¹ Примером могут служить те социальные, финансовые и индустриальные последствия, которые были вызваны неурожаями 1834–1838 и 1846–1847 гг. в Англии, повлекшими за собой увеличение ввоза хлеба, повышение стоимости с 3% до 50% в 1846–1847 гг. и с 0,1% до 20% в 1837–1838 гг. всего вывозимого из Англии, отток золота за границу, сокращение ввоза других продуктов, что в итоге способствовало возникновению и усилению кризисов 1836, 1847 гг. и т.д. См.: *Туган-Барановский М.И.* Периодические промышленные кризисы. СПб., 1914, с. 118–122, 137–140. Следует хотя бы отчасти учесть и некоторые последствия оттока нашего золота за рубеж в эти годы для закупки продуктов питания.

Глава шестая

ГОЛОД И ЭМИГРАЦИЯ (МИРНАЯ)

«Если пищевая гора не идет к Магомету, то голодный Магомет в силу пищетаксиса сам притягивается к пищевой горе». Недостаток калорий у данной группы и наличие продуктовых запасов у другой – вот одна из главных причин, в силу которой люди покидают насиженные места и отправляются туда, где у них больше шансов получить пищу. Отсюда – явление миграции как функции голодания и пищетаксиса. Подобно тому как железные опилки притягиваются магнитом, как мухи и тараканы скапливаются около центров «хемотаксиса»^{1*}, – так и люди при голодании притягиваются в места более сытые, богатые «пищевым магнитом», оседают или «поляризуются» здесь.

Миграции подобного рода, собственно говоря, мало чем отличаются от ежедневно повторяющихся миграций к местам, где находятся продукты питания (столовой, ресторану, трактиру, кухне, гастрономическому магазину и т.д.). Не «мигрируем» ли мы регулярно по два-три раза в день из одних мест в другие для того, чтобы съесть завтрак, обед, ужин? Разница между такими ежедневными миграциями и миграцией в узком смысле слова лишь в расстоянии, которое приходится преодолевать. Если пища находится дома, то путь до нее – до обеденного стола – очень короток. Когда же пищи нет не только в доме, но и в других соседних домах, когда получить ее нельзя во всем городе, то пищетаксис заставляет индивида «пробегать» в поисках съестного десятки, сотни и тысячи верст.

В таких случаях при отсутствии препятствий и равенстве прочих условий количество эмигрирующих из голодной страны будет: 1) прямо пропорционально числу голодающих индивидов при одинаковой степени их голодания; 2) при одинаковом количестве голодающих – прямо пропорционально интенсивности их голодания. Таковы главные условия, влияющие на масштабы эмиграции. Но ими дело, конечно, не исчерпывается. Большую роль играет здесь ряд других факторов, которые в каждой конкретной ситуации вносят свои коррективы в идеальный коэффициент интенсивности голодной эмиграции. К числу таких факторов относятся: физическая возможность или невозможность самой эмиграции, наличие или отсутствие «сытой» страны, куда можно было бы эмигрировать, расстояние ее от страны голодающей, удобство путей сообщения, возможность «устроиться» на новом месте, наличие или отсутствие запасов у богатых групп в своей стране и т.д. Все эти условия влияют на интенсивность голодной эмигра-

ции и вносят свои поправки в коэффициент, определяемый количеством голодающих и степени их голодания.

Но кроме них интенсивность пищетаксической эмиграции зависит и от того, насколько голод может быть удовлетворен и удовлетворяется другими путями. Если этими путями покрывается продовольственный дефицит – эмиграции может и не быть. Вообще говоря, при равенстве прочих условий в одном и том же голодающем или находящемся под угрозой голода агрегате величина пищетаксической эмиграции будет тем больше, чем менее эффективны импорт продовольствия, изобретения и другие возможности покрытия продовольственного дефицита. И наоборот: если он целиком покрывается ими, то пищетаксическая эмиграция будет равна нулю. Каждый из этих способов покрытия дефицита, в смысле его распространенности и величины, находится в обратно пропорциональной зависимости от всех остальных. Чем больше эффективность одного из них, тем менее нужными и необходимыми становятся остальные, следовательно, тем меньшие масштабы они принимают.

Такова в общих чертах непосредственная связь между дефицитным и – отчасти – относительным снижением кривой питания группы и движением кривой пищетаксической эмиграции¹.

Для подтверждения указанной связи обратимся к соответствующим фактам.

1) К числу таких фактов прежде всего следует отнести поведение диких кочевых народов. Известно, что они остаются на определенном месте до тех пор, пока оно обеспечивает их средствами существования. Когда же они оказываются исчерпанными, например, животные истреблены или ушли в другие места, семена и плоды съедены, рыба перестала водиться, у скотоводов подножный корм съеден – словом, когда место перестает доставлять минимум прожиточных средств, группа снимается с него и переходит на новое, более богатое продовольствием; если же и оно не оправдывает ожиданий – группа снова приходит в движение, часто при этом распадаясь на более мелкие группы, чтобы легче было прокормиться.

2) История заселения людьми земного шара и различия между отдельными регионами по плотности населения отчасти объясняются установленной нами зависимостью, а отчасти и сами служат ее подтверждением. Известно, что раньше других заселены были те места, которые помимо прочих «удобств» обеспечивали людям возможность нормального питания при данном уровне развития «производительных сил». Места «голодные», бедные животными, рыбой, растениями и плодами, употребляемыми в пищу, а также места бесплодные и непригодные для земледелия заселялись позднее, да и теперь еще остаются мало- или

¹ Тем самым я не хочу сказать, что всякая эмиграция есть функция голода. Причиной эмиграции могут быть и другие детерминаторы, а не только голод. Но эмиграция, вызванная другими причинами, меня сейчас не интересует.

незаселенными (Сахара, Гоби и другие пустыни, земли за полярным кругом)². «Влияние такого естественного фактора, как плодородие почвы, в большей степени сказывается в тех местах, где выше плотность населения. Эта прямо пропорциональная зависимость между плотностью населения и качеством почвы в бассейнах отдельных рек проявляется тем отчетливее, чем слабее развита промышленность, влияние которой нарушает данную закономерность», – утверждает Г. Майр, описывая частный случай тяготения людей к плодородным местам³. «Население естественно стремится в долины, так как они отличаются плодородием», – пишет Майо-Смит⁴. Сравнивая плотность населения разных мест земного шара, еще и теперь, несмотря на множество «пертурбационных» влияний, нетрудно обнаружить корреляционную связь между скоплением населения в тех или иных местах и его обеспеченностью продовольствием.

Такое скопление людей в местах, богатых пищей, тоже свидетельствует о пицетаксическом тяготении.

3) Третий разряд фактов, непосредственно относящихся к эмиграции как функции голодания, предоставляет нам чуть ли не вся история человечества, начиная с «великого переселения народов»^{2*} и кончая современной эмиграцией. Приведу ряд соответствующих фактов, отсылая за подробностями к указанным ниже работам.

Разделение первобытных племен на отдельные группы и эмиграция некоторых из них часто бывали следствием голода. «По мере размножения орды голод заставлял ее делиться на части, расхившиеся в разные стороны в поисках пищи». Это явление имело и имеет место у современных фиджийцев, андаманцев, бушменов и других примитивных народов⁵. О том же свидетельствует и библейское сказание о разделении хозяйств Авраама и Лота^{3*}.

Что было основной причиной эмиграции эллинов из насиженных мест, их расселения и колонизационной деятельности? Пицетаксис. Растущее население не могло прокормиться на небольшой территории Аттики при производственной технике того времени. В силу этого возрастала опасность «перенаселения»,

² См.: *Майр Г.* Статистика и обществоведение. СПб, 1901, т. II, с. 71 и др.; *Майо-Смит Р.* Статистика и социология. М., 1900, с. 366–367; *Levasseur E.* La répartition de la race humaine // Bulletin de l'Institut International de Statistique. 1909, t. XVIII, p. 48–63; *Levasseur E., Bodio L.* Statistique de la superficie et de la population des contrées de la Terre // Ibid., t. XII, p. 1–110; *Сорокин П.А.* Система социологии, т. 1, с. 254–255; *Мечников Л.И.* Цивилизация и великие исторические реки. Киев-Харьков, 1899, с. 74–76; *Brunhes J.* La géographie humaine. 1912; *Vallaux C.* Géographie sociale. 1911; *Ratzel F.* Anthropogeographie. Bd. 1–2, Stuttgart, 1882–1891; *Semple E.C.* Influences of Geographic Environment. New York, 1911 и особенно: *Huntington E.* Civilisation and Climate. New Haven, 1916.

³ *Майр Г.* Цит. соч., т. II, с. 71.

⁴ *Майо-Смит Р.* Цит. соч., с. 366–367. Цифры см. в указ. статье Левассера и Бодьо, а объяснения – в работах социальных географов.

⁵ *Ross E.A.* Foundations of Sociology. New York, 1920, p. 86–87.

т.е. голода. Выход был найден в эмиграции, в захвате и колонизации новых мест. «Избыток постоянно растущего населения необходимо было наделять новыми участками земли, которые можно было найти только за пределами страны» («Я иду на неразделенную часть земли», – говорит царь Полидор). Отсюда мирная и военная колонизационная деятельность греков – «могучее стремление эллинов за пределы родины, ставшей для них слишком тесной»⁶. Та же самая причина лежала в основе распространения и военной колонизации Рима⁷. Относительное перенаселение (а стало быть, и трудности с продовольствием) в ряде случаев было причиной колонизации и в более позднее время, отчасти остается ею и в наше время⁸.

Но оставим эти общие факты – рост массового пицетаксиса, о котором они свидетельствуют, происходит медленно, постепенно и дает знать о себе лишь со временем, так что на первый взгляд его влияние кажется не столь значительным. Поэтому мы перейдем к рассмотрению более тесных взаимосвязей между колебаниями кривой питания и кривой эмиграции. Возьмем разные времена, разные народы и страны. Так как «одна и та же причина вызывает одни и те же следствия», то и в плане миграции населения между ними должно обнаружиться сходство, если не вмешаются серьезные «пертурбационные» обстоятельства.

Обратимся к фактам.

В Риме «массовое изгнание иностранцев во время подорожания было излюбленным средством для облегчения задачи прокормления»⁹.

В Средние века «важным последствием всякого голода было то, что он заставлял людей покидать родину... Когда в голодный год все небольшие запасы оказывались съеденными, крестьянам – если они не хотели умереть с голоду – ничего другого не оставалось, как, бросив свой дом и двор, попытаться найти спасение и помощь где-нибудь в другом месте... Типичная и постоянно встречающаяся картина голода той эпохи – бесчисленные толпы бедняков, которые скитаются по стране, часто без смысла и без цели, и живут только милостыней». Уже Карл Великий в одном из своих капитуляриев упоминает об этом явлении. В «*Passio Karoli*» картинно рассказывается о том, как бедняки скитаются между «бургами» и городами «и часто умирают от голода». Описания вроде следующих

⁶ Пельман Р. Очерк греческой истории и источниковедения. СПб., 1908, с. 44, 33–34, 183. Подробнее о причинах эмиграции и колонизационной деятельности греков см.: Meyer E. Die Wirtschaftliche Entwicklung des Alterthums. 1893, Bd. II, § 138.

⁷ Рошер справедливо считает, что одной из основных причин колонизации является перенаселение, т.е. прежде всего недостаток продуктов питания. См.: Roscher W., Iannasch W. Kolonien, Kolonialpolitik und Auswanderung. 1885.

⁸ См.: Hasse E. Kolonien und Kolonialpolitik // Handwörterbuch der Staatswissenschaft. Bd. V, S. 135–247; Philippowich. Auswanderung // Ibid., Bd. II, S. 260–261, 273–274.

⁹ Фридлендер Л. Картины из бытовой истории Рима. СПб., 1914, с. 27, 28. Waltzing J.P. Étude historique sur les corporations professionnelles chez Romains. Louvain, 1896, t. II, p. 102.

часто встречаются в хрониках того времени: «multi propriis derelictis alienas terras expetant;.. ut multi patriam deserere et ad alias terras cogerentur demigrare;.. nonnuli propter famis intemperiem compulsi sunt de terra sua et cogatione egredi... Nec tantum modo pauperes et mediocres, sed et eorum multi, qui putabantur sibi sufficientes esse, duro famis gladio perurtuto evitare, salutem possent alleviare» и т.п.^{10/4*}

Гонимые голодом массы людей нередко проходили огромные по тем временам расстояния, например из Франции до Люттиха, из Богемии до Тюбингена, Гессена и других областей Германии, из Кракова до России и Венгрии, из Венгрии до Дона и т.д. Людские потери (в районах, охваченных голодом) были весьма значительны. Некоторое представление об их масштабах дает Cont. Aquieinctina, по свидетельству которой в 1196 г. такая масса людей покинула страну, что оставшиеся в ней бедняки могли существовать довольно сносно. «Пустели целые деревни и города; иногда целые монастыри и другие организованные группы покидали сразу свои насиженные места».

С голодом связано и колонизационное движение в Средние века. Голодное население Нидерландов колонизовало Голштинию, население с Запада устремлялось на Восток. Голодовками XI в., а в течение этого столетия на одну только Францию голод обрушивался не менее 11 раз, были вызваны и такие миграции населения, как крестовые походы. В 1095 г. страшный голод был в Бельгии, в следующем году именно оттуда отправилось в поход особенно много крестоносцев. Точно так же и второму крестовому походу предшествовал сильнейший голод 1145–1147 гг. В такие годы призыв идти на завоевание Святой Земли, чтобы заслужить отпущение грехов (Busspredikt), падал на чрезвычайно благоприятную почву. Современники не раз подчеркивают эту связь между крестовыми походами и голодом. Так, Ekkehard говорит: «Francigenis occidentalibus facile persuaderi poterat sura relinquere; nam Gallias per annos aliquot nunc seditio civilis, nunc fames nuac mortalitas nimis affixerat»^{11/5*}.

Нарисованная картина показывает, что средневековые голодовки действительно вызывали эмиграцию населения из голодных областей в места более сытые, причем расстояние, которое при этом приходилось преодолевать, иногда было довольно значительным. Результатом этого переселения было запустение голодных областей и скопление населения в местах сытых, а также целый ряд крупнейших исторических событий (колонизация Востока, крестовые походы и т.п., одной из важнейших причин которых – наряду с другими причинами – был голод). То же самое происходило во время голода и в Византии. Здесь жители также бежали из голодных фемов^{6*} и областей¹².

¹⁰ Curschmann F. Hungersnöte im Mittelalter. Leipzig, 1900, S. 62–68.

¹¹ Ibid., S. 51–55.

¹² См.: Скабаланович Н.А. Византийское государство и церковь. 1884, с. 250–251.

Ту же картину мы видим и в более позднее время. Например, в 1570 г. из-за голода в Германии «множество крестьян оставили свои дворы и ушли в чужие края искать заработка». То же самое повторялось в 1634, 1649, в 1719 и 1736 гг.¹³

В XVIII в. во Франции в годы голодовок «в каждой провинции толпы в пять, десять, двадцать тысяч человек бродили по большим дорогам. В 1777 г. официально была установлена цифра в 1000000 нищих. Крестьяне массами покидали тогда свои деревни в надежде найти где-нибудь лучшие условия»¹⁴.

Такое же явление имело место у нас и в Индии во время голодовок.

Во время голода 1127–1128 гг. в Новгороде «ови изымоша, а друзии разидошася по чюжим землям». В 1214–1215 гг. «останки (оставшиеся в живых) разыдеся, и тако... разыдеся волость наша и град наш»¹⁵. «Разыдеся» они и в 1228 г. В 1419 и 1421 гг. население уходило от голода в Литву. В 1436 г. обитатели Новгородских областей «изыдоша в немци». В 1446 г. «многие разошлись в Литву, к немцам, басурманам и жидам». «Целые области пустели за выходом населения из их пределов». В 1602 г. «царская милостыня привлекла в Москву громадную массу народа»¹⁶.

«Пустели дворы, уменьшалось население и от неурожаев, которые случались довольно часто». Наряду с пожарами они «вынуждали население бросать свои насиженные гнезда и брести туда, где можно было бы найти приют и пропитание». То же самое происходило при Петре. Челобитные вроде следующих рисуют вполне определенную картину: «С прошлого 1711 г. по нынешний 1716 г. иных волостей (Балахнинского уезда) многие крестьяне от скудости своей, которая приключилась от хлебных недородов и от скотского падежа, покидая свои тяглые жеребьи, врознь разбрелись». В Великих Луках «от хлебного недорода крестьяне пришли в великое оскудение и многие от скудости разбрелись врознь»¹⁷. В 1725 г. Ягужинский писал: «Многие бегут за рубеж польский, в од-

¹³ *Цитович*. О голодах в Западной Европе // Голода в России и Западной Европе. Киев, 1892, с. 4; *von Hazzi J.* Betrachtungen über Theuerung und Noth der Gegenwart und Vergangenheit. München, 1818, S. 11–21.

¹⁴ *Кропоткин П.А.* Великая французская революция. М., 1919, с. 16. См. также: *Taine H.* Les origines de la France contemporaine. L'ancien régime. Paris, 1899, t. II, p. 206–207.

¹⁵ *Лешков В.Н.* Русский народ и государство. М., 1858, с. 460–466; *Леонтович Ф.И.* Голодовки в России // Северный вестник. 1892, апрель, с. 10–11.

¹⁶ *Ермолов А.* Наши неурожаи и продовольственный вопрос. 1909, т. I, с. 7–10; *Соловьев С.М.* История России, кн. II, с. 741–742.

¹⁷ *Клочков М.В.* Население России при Петре Великом. 1911, с. 218–219 (там же см. подробности). По данным П.Н. Милюкова, изучавшего причины убыли населения при Петре, «на долю набегов», «нищенствования и разбойничанья» приходится 38,1% всех «убылых дворов» (7389 дворов из 19376 изученных). См.: *Милюков П.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. СПб., 1905, с. 204–205. См. также: *Словцов Ф.И.* Историческое и статистическое обозрение неурожаев в России // Сборник статистических сведений о России, издаваемый статистическим отделением Русского Географического Общества. 1858, кн. III, с. 465–502.

ной только Вологодской губернии... убыло 13000 слишком душ». То же самое повторилось в 1735 г.¹⁸ В 1733 г. «жители из пострадавших (от голода) местностей во множестве устремились на Яик подобно тому, как и в наши дни десятки тысяч голодных крестьян уходили туда же и еще далее в Сибирь»¹⁹. В 1732–1736 гг. «из вотчины кн. Черкасского в Нижегородском уезде (где особенно силен был голод) из 3024 душ бежало 1008 душ от скудности и хлебного недорода, а сверх де оных беглых, многие, оставя дома свои, с женами и детьми для прокормления бродят по миру». «Из Панинской волости, в которой числилось 3927 душ, бежало 1016 человек». В 1749 г. неурожаем в Белгородской губернии повлек за собой огромное стечение народа в Белгороде, где давали кормежку; пришлось за городом разбить лагерь и палатки. В неурожай 1833 г. «тысячи крестьян (не менее 38000), вынужденные из-за голода покинуть свои родные губернии, переселились на Кавказ, но там на них тоже обрушился страшный неурожай, и они двинулись назад»²⁰.

Точно так же и во время голода 1891–1892 гг. «вследствие бесхлебицы из пострадавших губерний и областей хлынула в Сибирь широкая волна переселенцев»²¹. Изучение статистики переселения в Сибирь красноречиво говорит о том, что основные массы переселенцев давали и дают именно те губернии, которые были постигнуты неурожаем и голодом.

Обратимся к Индии. Во время голода 1807 г. «сельское население массами устремилось в города в надежде найти там помощь». То же самое повторилось в 1833 и 1837 гг. В 1860 г. голод «заставил до полумиллиона человек покинуть пострадавший округ». В 1867–1868 гг. «значительная часть поселян вынуждена была бежать со своим скотом из мест постоянной оседлости, частью на юг, частью на север. Перекочевало до миллиона человек»²². «Население эмигрировало в колоссальном количестве, с пожитками и стадами. Из полутора миллионов жителей провинции Магвар около миллиона эмигрировало»²³.

Вот более детальная картина. В страшный голод 1876–1878 гг. в Индапуре из 67000 населения и 44200 голов скота «эмигрировало en masse^{7*} 57000 человек и 33000 голов скота». «В Аколе из 815 жителей и 780 голов скота осталось только 76 человек и 20 голов, в Пимпле из 228 человек и 153 голов осталось 9 и 3, в Бхаталваде из 346 жителей и 340 голов – 77 и 22, в Лакди из 637 человек и 434 голов скота – 16 и 4». В других местах «более 50% населения покинуло свои

¹⁸ Соловьев С.М. История России, кн. II, с. 876–877, 1435.

¹⁹ Ермолов А. Цит. соч., с. 8, 17.

²⁰ Романович-Славатинский А.В. Голода в России. Киев, 1892, с. 42, 52–53.

²¹ Ермолов А. Цит. соч., т. I, с. 103.

²² Там же, т. II, с. 97–100.

²³ The Imperial Gazetteer of India, vol. III, p. 487.

жилища». В течение трех месяцев 1877 г. из провинции Мадрас эмигрировало 207763 человека и т.д.²⁴ Такие же картины наблюдались в Индии во время голода и позднее.²⁵

Наконец, о том же самом, до известной степени, говорят и цифры заокеанской и внутриевропейской эмиграции. Не раз было отмечено, что количество эмигрантов из стран земледельческих повышается в годы неурожая и следующие за ними годы, из стран индустриальных – в годы сильных промышленных кризисов, вообще в годы экономического расстройтва, ведущего к росту дефицитного или относительного голодания значительной части населения. Эта связь более четко проявляется во время сильного голода и в периоды крупных кризисов – отчетливее всего она проявлялась в прошлом, когда мировое хозяйство было еще не столь развитым, страны находились в большей изоляции друг от друга, а сами промышленные кризисы носили более резкий характер, чем депрессии недавнего времени. Та же самая связь отмечается и в странах, принимающих иммигрантов: их численность повышается в годы экономического расцвета этих стран и снижается в годы экономической депрессии.

«Причиной эмиграции, наиболее часто упоминаемой в отчетах синдиков и префектов, является бедность», – пишет Бодио²⁶. «In den meisten Fällen werden hierbei allerdings die wirtschaftlichen Verhältnisse die treibende Ursache (Auswanderung) bilden», – отмечает Филиппович^{27/8*}.

Из многочисленных данных, подтверждающих это положение, приведу лишь немногие; массу других читатель найдет в указанных работах.

Согласно теореме о связи голода с эмиграцией следует ожидать, что эмиграция из стран земледельческих должна возрастать *ceteris paribus* в неурожайные годы, из стран промышленных – в годы сильных кризисов, из стран аграрно-промышленных – когда неурожай совпадает с промышленным кризисом (при их несовпадении минусы одного явления могут быть покрыты плюсами другого), из всех вообще стран – в годы тяжелых войн, ухудшающих экономическое положение народа. Такая связь на примере целого ряда лет была установлена Г. Майром для Баварии – в прошлом страны преимущественно аграрной²⁸. Возьмем еще

²⁴ *Digby W.* The famine Campaign in Southern India. 1878, vol. I, p. 288–293, 10, 13, 247, 265–266, 271; vol. II, p. 34, 333–350, 385–394. Ср.: *The Imperial Gazetteer of India*, vol. I, p. 467–471; vol. III, p. 484.

²⁵ См. официальные Reports Комиссии по борьбе с голодом в Индии, а также *The Imperial Gazetteer of India*. Oxford, 1907, vol. I, p. 467–471; vol. III, p. 484–485.

²⁶ *Бодио Л.* Эмиграция из Италии // *Народонаселение*. М., 1897, с. 307.

²⁷ *Philippovich.* Auswanderung // *Handwörterbuch der Staatswissenschaft*. Bd. II, S. 273–274; *Майо-Смит Р.* Статистика и социология. М., 1900, с. 342.

²⁸ Цифры и диаграммы см. в его книге «Закономерность общественной жизни» (М., 1899).

одну аграрную страну – Ирландию. В 40-е гг. XIX в. количество ирландцев, эмигрировавших за океан, составляло:

1845	686
1846	109624
1847	217512
1848	187803 ²⁹

Зафиксированное резкое повышение числа эмигрантов в 1846–1847 гг. совпадает с сильнейшим неурожаем и голодом, разразившимся в это время³⁰. К этому числу эмигрантов из Ирландии за эти годы следует прибавить еще 500000 (по другим данным – 314000) человек, эмигрировавших в Англию и Шотландию³¹.

Обратимся к другой земледельческой стране – России. Число иммигрантов в США из России составляло³²:

1890	35598	
1891	47426	} Голод 1891–1892 гг.
1892	81511	
1893	42310	
1894	39278	
1895	35907	
1896	51445	
1897	25816	
1898	20828	} Сильный неурожай 1898 г.
1899	60982	
1900	90787	} Сильный неурожай 1901 г. Промышленный кризис, начавшийся в 1900 г.
1901	85257	
1902	107347	} Неурожай в восточных и юго-восточных губерниях 1902 г.
1903	136093	
1904	145141	Неурожай 1903 г.
1905	184897	Сильный неурожай 1905 г. плюс война

Рассматривая эти цифры и ряд факторов, ухудшавших материальное положение масс, прежде всего неурожая, затем промышленный кризис 1900–1902 гг.

²⁹ Филиппович. Эмиграция из отдельных государств Европы // Народонаселение, с. 284; Philippovich. Auswanderung // Handwörterbuch der Staatswissenschaft. Bd. II, S. 291.

³⁰ См.: Conrad. Agrarkrisis // Handwörterbuch der Staatswissenschaft. Bd. II, S. 210.

³¹ Mulhall M.G. Op. cit., p. 257. Он, как и «Commissioners report», считает, что количество эмигрировавших ирландцев за эти годы было еще больше – 1079000 человек.

³² Данные о количестве иммигрантов взяты из цит. статьи Philippovich'a (S. 266), данные о неурожаях – у Ермолова (цит. соч., с. 102–103, 153–154, 232–233, 261–263). О промышленном кризисе 1900 г. см.: Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. СПб., 1914, с. 165.

и войну 1904–1905 гг., мы видим и здесь определенную связь между числом лиц, иммигрировавших в Америку из России, и ростом дефицитного или относительного голодания масс.

Несмотря на то, что эмиграция, как было указано выше, обусловлена многими причинами, ее зависимость от роста дефицитного или относительного голодания (о чем можно судить по урожаю, состоянию промышленности и уровню безработицы) фиксируется соответствующей статистикой и других стран.

Беру для примера данные об эмиграции из Бельгии – страны смешанного характера. Рассматривая ее кривую и соответствующие показатели, мы видим, что кривая числа эмигрантов делает резкие скачки вверх в годы 1844–1847, 1854–1856, 1863–1866, 1878–1881, 1885–1889. На эти же годы приходится либо сильнейший неурожай, либо промышленный кризис, либо и то и другое³³.

Похожим образом выглядит и статистика немецкой эмиграции в Соединенные Штаты Америки.

Кривая численности немецких эмигрантов в США делает скачки:

– в 1825–1826 гг. (кризис 1825 г.);

– в 1845–1854 гг. (годы сильнейших неурожаев второй половины 40-х и начала 50-х гг. и аграрного кризиса; индустриальный кризис в связи с промышленным переворотом второй половины 40-х гг.; революция; с другой стороны – открытие золотых россыпей в Калифорнии, привлекающее сюда массу эмигрантов со всех частей света, в том числе и немцев);

– в 1866–1869 гг. (кредитный аграрный кризис; войны 1864 и 1866 гг.).

В период времени с 1874 по 1879 гг. численность эмигрантов не превышает 47671. Этот же период является периодом процветания Германии.

Новое повышение кривой эмиграции наблюдается в 1880–1885 гг. (аграрный кризис, индустриальная депрессия);

– в 1891–1892 гг. (кризис 1890–1891 гг.).

Далее до 1906 г. уровень эмиграции остается очень низким, колеблясь между 20–30 тыс. человек, несколько повышаясь с 22 тыс. в 1900–1901 гг. до 32 тыс. в 1902–1903 и 36 тыс. в 1902–1903 гг. (кризис 1901–1902 гг.). Это годы блестящего экономического развития Германии³⁴.

То же самое явление можно наблюдать до 80-х гг. XIX в. и на эмиграции из Соединенного Королевства (хотя здесь до 1853 г. не велась отдельная регистрация английских подданных, а регистрировались вообще все отбывающие из портов Великобритании).

³³ См.: Denis H. La mouvement de la population et ses conditions économique // Memoire Courants, Belgium Royal Academy. 1900, t. LIX, p. 1–16.

³⁴ Данные об эмигрантах взяты из указ. статей Филипповича. Данные о кризисах – из статьи Herkner'a «Krisen» (Handwörterbuch der Staatswissenschaft. Bd. V, S. 427–433) и статьи Conrad'a «Agrarkrisis» (Ibid., Bd. II, S. 206–221).

И здесь мы замечаем повышения кривой эмиграции в годы экономического расстройств (сначала – неурожаев, в более позднее время – промышленных кризисов, депрессий и роста безработицы).

Повышения волн эмиграции из Англии наблюдаются в следующие периоды:

– 1816–1819 гг. (кризис 1815–1816 гг.);

– 1825–1826 гг. (кризис 1825 г.);

– 1836–1837 гг. (кризис 1836–1837 гг., неурожай 1837 г.);

– 1840–1842 гг. (депрессия);

– 1846–1854 гг. (голод 1846–1847 гг., кризис 1847 г. и застой последующих лет; открытие месторождений золота в Австралии и Калифорнии);

– 1862–1866 гг. (кризис 1862–1866 гг., хлопковый голод; об эмиграции английских рабочих в эти годы см.: *Туган-Барановский М.И.* Периодические промышленные кризисы. СПб., 1914, с. 423–424);

– 1873 г. (кризис 1873 г.).

Далее начинается время, когда периоды экономического подъема становятся более продолжительными, кризисы и депрессии приобретают более мягкие формы и не сопровождаются резким или даже ощутимым ухудшением положения рабочих (см. об этом: *Туган-Барановский М.И.* Цит. соч., ч. II, гл. VII, VIII и ч. III, гл. IV и V) – и указанная связь перестает быть заметной³⁵.

Установленную нами связь подтверждает и статистика иммиграции, например в США. Это видно хотя бы из следующей таблицы, где представлена численность иммигрантов в годы подъема и депрессии промышленности этой заатлантической республики³⁶.

Годы, оканчивающиеся к 1 июня	Число иммигрантов	Ввоз в миллионах фунтов	Экономическое положение
1873	459803	642	подъем
1879 (1878)	177826	437	депрессия
1882	788992	724	подъем
1886 (1885)	334203	578	депрессия
1893	439370	866	подъем
1897 (1898)	230832	616	депрессия
1906	1100735	1226	подъем

³⁵ См.: *Филитнович.* Эмиграция из отдельных государств Европы // *Народонаселение*, с. 282–283; *Philippovich.* Auswanderung // *Handwörterbuch der Staatswissenschaft.* Bd. II, S. 266; *Copy of statistical tables relating to Emigration and Immigration from and into the United Kingdom.* 8 April 1897, p. 28–29. Данные о кризисах, неурожаях и депрессиях взяты мною из указанной статьи *Herkner*'а и книги *Туган-Барановского*, см. также: *Welby.* The progress of the United Kingdom from the War of the French Revolution to 1913 // *Journal of the Royal Statistical Society.* 1915; *Schou.* The Statistics of the World's foreign Commerce // *Ibid.*, 1900, p. 329–330.

³⁶ *Philippovich.* Auswanderung, S. 244.

«В 40-е гг. XIX в. численность иммигрантов, прибывающих в США, становится огромной, что было вызвано ирландским голодом и социально-политической ситуацией в Европе. Во время войны за освобождение негров она снижается, но с подъемом промышленного производства снова начинает быстро расти и остается на высоком уровне до кризиса 1843 г. С этого времени из-за начавшейся экономической депрессии она резко и неуклонно снижается, и только в 1880 г. это снижение прекращается. В 1882 г. иммиграция достигает небывалой величины, но депрессия 1885–1886 гг. уменьшает число иммигрантов наполовину. Затем начинается новый подъем, продолжавшийся до грандиозного кризиса 1893 г., который при благоприятном положении дел в Европе сильно снижает количество иммигрантов, составившее в 1898 г. только 229229 человек. В XX в. происходит новый всплеск иммиграции, и в 1907 г. ее численность достигает максимума – 1285349 человек. После осеннего кризиса 1907 г. снова происходит резкое ее уменьшение³⁷.

Эти цифры ясно говорят о том, что стремление людей в страны иммиграции, когда те находятся в депрессии, снижается, в годы их подъема, а стало быть, и больших шансов на лучшее питание, – растет, т.е. опять-таки недвусмысленно подтверждает теорему о непосредственной связи голода и пищевых тяг из голодных мест в сытые.

Можно было бы привести немало других данных и сопоставлений, подтверждающих указанную теорему, но я ограничусь сказанным, отослав читателя за подробностями к указанным ниже работам³⁸.

Наконец, все эти положения прекрасно подтверждаются внутренними миграциями населения России в голодные годы (1917–1922). Здесь все мы наблюдали и наблюдаем массовые переселения из голодных городов в деревни, из менее сытых мест – в более сытые.

В 1920 и 1921–1922 гг. из неурожайных губерний, в частности приволжских, крестьяне целыми деревнями, как и в Средние века, снимались со своих мест и шли из голодной области в места более сытые или просто «куда глаза глядят». Повторялись картины средневековья, которые можно было наблюдать воочию. Голод выгонял людей из насиженных гнезд, создавая из них толпы бродячей Руси, гнал их с места на место – и старых, и малых – в поисках пищи. Наряду с этим то же самое явление приобретает и более общий характер оттока населения из голодных мест в области более сытые, например в 1918–1919 гг. – на Украину,

³⁷ *Sartorius von Waltershausen*. Einwanderung // Handwörterbuch der Staatswissenschaft. Bd. III, S. 769–770.

³⁸ Помимо упомянутых работ см.: *Майо-Смун Р.* Цит. соч., с. 342; *Майр Г.* Статистика и обществоведение (т. II, глава о переселениях); *Coletti Fr.* Dell'emigrazione italiana. Milano, 1912 (глава о причинах эмиграции); *Bulletin de l'Institut International de Statistique*. 1909, t. VII, p. 167–168, t. XVIII, p. 11. Сводки данных см. в статистических словарях *Webb'a* и *Mulhall'a*.

на Дон и Кубань. Этот отток происходил по-разному. Случались добровольные стихийные переселения с разрешения властей, многие бежали из голодных мест или вообще из РСФСР вопреки запретам, рабочих по почину власти переселяли на Дон и в другие «контрреволюционные» хлебные места с целью насаждения там «красного» населения, наконец, многие служащие, спецы, сестры милосердия и солдаты Красной Армии охотно шли из голодных северных областей в южные и юго-восточные губернии, богатые хлебом, салом и всякой «добычей». О том же самом явлении говорят и факты бегства населения из голодных городских центров в 1916–1921 гг. Возьмем для примера статистику населения Москвы и Петрограда, которое с 1917 по 1920 г. чрезвычайно уменьшилось.

Годы	Население Москвы	Население Петрограда
1915	1617700	2314500
1916	–	2415700
1917 (февраль)	2017173	2420000
1917 (17 сентября)	1854426	
1918 (21 апреля)	1716022	1469000
1919	–	900000
1920 (3 августа)	1023000 ³⁹	740000 ⁴⁰

Эти данные показывают колоссальное сокращение населения наших столиц за эти годы. В 1920 г. по сравнению с 1918 г. оно сократилось в Москве (несмотря даже на переезд в нее правительства) на 40, в Петрограде – на 50%. Такое сокращение вызвано не только колоссальным ростом смертности (с 1917 г. до 1 июля 1920 г., например, в Петрограде умерло всего 226417 человек, а население уменьшилось на 1670000 человек⁴¹), но главным образом эмиграцией населения из этих городов, вызываемой в первую очередь пищетахисом.

В 1921 г. это переселение из голодных мест приняло грандиозные размеры^{9*}. «Поволжье бежит. Поток людей исчисляется в 100 тысяч человек», – читаем мы уже при первых известиях о неурожае⁴².

«Происходит стихийное движение голодающих масс. С мест снимаются целыми деревнями и селами»⁴³.

³⁹ Красная Москва. 1917–1920 гг. Издание Московского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов, с. 54.

⁴⁰ Материалы по статистике Петрограда. 1920 и 1921, вып. I, с. 10; вып. III, с. 3–4, 23; вып. V, статья С.А. Новосельского.

⁴¹ Материалы по статистике Петрограда, вып. I, с. 10; вып. III, с. 26.

⁴² Маховик. 7 июля 1921 г.

⁴³ Красная газета. 7 июля 1921 г.

«Переселение разрастается. Продают за бесценок все имущество и направляются в Сибирь и на Украину. Многие поселения совсем опустели»⁴⁴, – такими сообщениями полны газеты.

Нужно ли иное более убедительное доказательство влияния пицетаксиса на процессы миграции! На концентрацию животных в каком-нибудь месте (помимо других факторов) «влияет и локализация пищи. Если пища, употребляемая определенным видом животных, сосредоточена на небольшом пространстве, представители этого вида будут тяготеть к нему, встречаться и концентрироваться здесь в силу потребности в пище»⁴⁵. Не в столь простой форме по внешности, но по существу то же самое мы наблюдаем и у людей. Под пестрым покровом, состоящим из множества «высоких и низких» речевых рефлексов, причудливых извилин кривых путей, всяких драматических и комических сцен, которым обычно прикрываются массовые миграции населения, мы обнаруживаем, что в ряде случаев подлинной причиной этого человеческого ледохода является «разлив» голода, или пицетаксис. Все остальное в таких случаях – только «одежда».

Сами по себе факты эмиграции и иммиграции имеют огромное социальное значение как для общественных процессов, происходящих внутри голодающей группы, так и за ее пределами. Эмиграция населения, вызванная голодом, порождает, в свою очередь, целый ряд «вторичных функций», существенно влияющих на ход общественной жизни, структуру и состав населения.

К числу таких «вторичных социальных функций голода», оказывающих свое воздействие посредством эмиграции, относятся:

1) Изменения в составе населения группы: ее численность сокращается, и тем сильнее, чем интенсивнее эмиграция. В связи с этим сокращается или даже приостанавливается рост числа членов группы⁴⁶.

2) Изменяется возрастной, половой, профессиональный, имущественный и т.д. состав населения, причем чаще всего – в ущерб группе, поскольку большую часть эмигрантов составляют, как правило, работоспособные (в возрасте от 16 до 60 лет), энергичные и инициативные мужчины.

3) Все это сказывается и на вооруженных силах группы, и на ее производительности в сфере экономики, и на ее интеллектуально-нравственной жизни и т.д.

⁴⁴ Маховик. 27 июля 1921 г. См.: Помощь, № 1 (корреспонденция из голодающей Херсонской губернии, 24 мая: «Из 100 тысяч населения осталось не более 60 тысяч. Бегут все»; Самара, 20 мая: «Усиливается стихийное бегство»); Петроградская правда. 26 мая 1922: «Из Бузулукского уезда более 40 тыс. выселилось» и т.д.

⁴⁵ *Parmelee M.* The science of human behavior. New-York, 1913, p. 330, 391–395.

⁴⁶ Подробнее об этом см.: *Hayes E.C.* Introduction to the study of sociology. 1921, p. 267–268; *Ross E.* Foundations of Sociology. New York, 1920, p. 10–11; *Fairchild H.P.* Immigration; *Philippovich.* Op. cit., S. 275–278; *Coletti Fr.* Dell'emigrazione italiana. Milano, 1912 (глава о влиянии эмиграции на социальную жизнь); *Chessa Fed.* Le fenomeno dell'emigrazione in Italia // *Revista Italiana di sociologia.* 1913, p. 61–71.

4) Это отрицательное воздействие усиливается еще и тем обстоятельством, что если эмигранты уезжают из страны не на какое-то время, а навсегда, то производителями потомства в группе становятся те, кто остался, а не те, кто уехал; поэтому в тех случаях, когда страну покидает лучшая часть населения, от оставшихся будет рождаться «второсортное», а не «первосортное» потомство.

5) Существенный урон терпит от этого и «богатство» страны. В случаях, когда эмигранты увозят с собой свои сбережения, не присылают на родину заработанные деньги и не возвращаются сами, – страна беднеет. Иное дело, если эти сбережения – все, а то и с лихвой – возвращаются в страну.

6) Если эмигранты, побывав в чужих краях, возвращаются, то вместе с собой они приносят новые навыки, новые воззрения, обычаи и новую психику. В группу, таким образом, инфильтрируются элементы чужеродной для нее культуры и общественной жизни, которые могут быть и положительными, и отрицательными в зависимости от той «школы жизни», которую прошли эмигранты. Происходит, таким образом, «смешение народов, лиц, племен, наречий, состояний» – словом, разных культур и укладов жизни.

Даже если оставить в стороне все другие вторичные функции пицетаксической эмиграции, то уже на основании вышеперечисленного нетрудно понять, какие огромные изменения производят они в жизни группы. Они деформируют и военную мощь группы (вследствие убыли населения и снижения темпов его роста), и экономическое ее положение, и политическую организацию, и религиозно-правовую, интеллектуальную и моральную физиономию группы, что отражается и на ее будущем. Зачастую эти эффекты не заметны с первого взгляда, но если волны пицетаксической эмиграции учащаются и приобретают крупные масштабы, то это может серьезно повлиять на ход всей истории группы и сделать ее совершенно иной по сравнению с тем, чем она могла бы быть без этого фактора и его последствий.

7) Наряду с этим целый ряд изменений происходит и в тех странах, куда иммигрируют. Меняется состав их населения – возрастной, половой, профессиональный, экономические отношения (вследствие увеличения числа рабочих рук, роста производства, усиления конкуренции, ввоза и вывоза товаров), происходит «смешение» нравов, обычаев, воззрений, крови и т.д., изменение потомства страны по причине появления иммигрантов-производителей, изменение военной мощи, заселение новых мест, образование островков и колоний иммигрантов, вроде *piccola Italia*^{10*}, немецкой Америки и т.д. Кроме того, иммигранты, покинувшие свои родные страны по причине голода, нередко оказываются разносчиками болезней и эпидемий. В силу этого они могут повлиять на динамику смертности населения в приютившей их стране, а через это – и на целый ряд других происходящих в ней процессов.

Каждая из этих «вторичных функций» голода порождает, в свою очередь, новые.

Резюме

1) При усилении голодания и невозможности преодолеть его иными способами обычной функцией массового голода становится пицетаксическая эмиграция из голодных областей в более сытые.

2) Масштабы эмиграции тем больше, чем *ceteris paribus*: а) больше количество голодающих; б) чем выше степень их голодания; с) чем богаче сытые области и чем легче в них добыть питание; d) чем они ближе; е) чем менее доступны другие способы покрытия продовольственного дефицита.

3) Посредством эмиграции голод осуществляет ряд других социальных функций второго порядка и производит изменения в составе населения, его свойствах и естественном движении, в организации общества, в его анатомии и «физиологии».

Глава седьмая

ГОЛОД И ВОЙНА (НАСИЛЬСТВЕННАЯ ЭМИГРАЦИЯ, ИММИГРАЦИЯ И ЗАХВАТ ДОСТОЯНИЯ ДРУГИХ ГРУПП)

Если мирная эмиграция почему-либо невозможна (как, например, сейчас для жителей России) и встречает сопротивление со стороны населения стран иммиграции, если преодолеть голод никакими другими способами не удастся, то место мирной эмиграции может занять эмиграция или иммиграция насильственная. В таком случае функцией массового голода становится война. Голодные массы, притягиваемые пищевыми скопами и богатствами других групп, будут пытаться силой преодолеть их сопротивление, вторгнуться в их пределы с тем, чтобы завоевать их и ограбить.

Этот натиск *ceteris paribus* будет тем сильнее, 1) чем голод сильнее, чем ближе кривая интенсивности пицетахсиса к точке максимума; 2) чем богаче население стран иммиграции; 3) чем ближе эти страны; 4) чем сильнее в военном отношении голодающие группы и слабее группы богатые.

Следствиями такой насильственной иммиграции или ее угрозы могут быть: 1) превентивное нападение благополучной страны на голодающую с целью предотвращения ее возможного вторжения; 2) отражение благополучными странами натиска голодающих, что влечет за собой или кровавые социальные бури в стране, испытывающей голод, или «тихое вымирание» ее населения; 3) победоносное вторжение голодающей страны в страну благополучную. В этом случае возможны такие варианты исхода: а) население богатой страны, подвергшейся нападению, спасаясь от нападающих, станет вытеснять соседние группы, те – других своих соседей, и в конечном счете начнется «великое переселение народов» (не раз случавшееся в истории Европы, Азии и Африки); б) население богатой страны, зажатое со всех сторон, будет уничтожено; с) наконец, оно может быть покорено голодными.

В этом случае побежденные становятся эксплуатируемыми, а победители – эксплуататорами (каковыми не раз оказывались римляне, греки, народы, исповедующие ислам, и др.), которые или оседают в завоеванной ими стране, становятся ее повелителями и образуют в ней слой завоевателей-аристократов (как римляне и греки в своих колониях, арийцы в Индии и т.д.), или территориально

живут за пределами побежденной группы, но собирают с нее дань и заставляют ее доставлять им продукты питания (явление, многократно встречающееся в истории войн и побед Персии, Китая, исламских стран, Индии, Рима, Греции, Византии, Турции, Монголии и европейских государств), или, наконец, периодически совершают набеги с целью ограбления процветающих народов.

Таковы наиболее типичные исходы насильственной пищеварической эмиграции. Они представлены, конечно, в схематическом виде, тем не менее все эти варианты неоднократно повторялись в истории и повторяются до сих пор.

Вот, оказывается, какие величайшие социальные катастрофы может вызвать такое простое явление, как... «недостаток калорий» при «дефицитном пищевом обмене веществ»! Незримый режиссер – голод – ставит на сцене истории величайшие мировые трагедии, заставляет человечество проливать потоки крови, приводит в действие танки и пушки, бумеранги и дубины, превращая людей в победителей и побежденных, эксплуатируемых и эксплуататоров, рабов и господ!

Голод или его угроза при невозможности утолить его иными способами порождает войну, а война – порождает голод. Эти два близнеца почти всегда неразлучны и вместе гуляют по миру.

Подтвердим наличие этой функциональной связи между ними.

Общим доказательством ее существования служат прежде всего многочисленные войны «от Адама до наших дней», которые были вызваны уже наступившим голодом или его непосредственной угрозой и «благоразумной» предусмотрительностью той или иной группы, нацеленной на то, чтобы в будущем обеспечить себя продовольствием.

Среди бесконечного множества больших и малых войн, которые происходили в истории, трудно найти такие, которые не были бы прямо или косвенно обусловлены указанными выше «мотивами». Правда, наряду с ними бывали и другие причины войн, не имеющие отношения к голоду, но это вовсе его не исключает и не отрицает его важной роли. Более того, почти во всех войнах, в особенности же тех, что происходили в древности, голод, его угроза, забота об обеспечении продовольствием на будущее играли и играют основную роль.

Это следует из того, что во всех войнах мы видим, с одной стороны, стремление захватить у противника его имущество, землю, скот, богатства, предприятия и иного рода добычу, с другой – защитить свое достояние от нападающих. Война неотделима от аннексий, контрибуций и грабежей – ими она всегда кончалась и кончается. «Надо помнить, – правильно пишет М.И. Ростовцев, – что война, в особенности война завоевательная, в древности более, чем теперь, была не только (я бы сказал – не столько. – П.С.) политическим, но и коммерческим предприятием, обогащавшим всех участников. Добыча (или защита своего достояния. – П.С.) была одним из главных стимулов войны, а грабеж – военных

действий»¹. Так было в прошлом, так обстоит дело и теперь. Вся разница в том, что теперь этот стимул сильнее окутан массой «высоких речевых рефлексов» (рассуждениями о праве, защите культуры, торжестве справедливости, свободе и т.д.), выступает не в столь обнаженном виде и завуалирован сотнями «прекрасных» покровов и социальных одежд. На словах – «освободительная война», на деле – Версальский договор^{1*} и грабеж побежденного врага (и даже побежденного союзника – России).

Все это бесспорно. Правда, мне могут возразить, что военные трофеи не исчерпываются одними пищевыми богатствами, стало быть, война может вестись не только из-за них и их эквивалентов. Я, конечно, не стану этого отрицать. Но вместе с тем хочу напомнить кое-какие показатели бюджета доходов и расходов. И теперь еще от 50 до 80% всех доходов населения тратится на пищу и продовольствие. Стало быть, 50–80% любой военной добычи идет на пропитание, а защита собственного достояния является по преимуществу защитой своего «права быть сытым». Это еще более справедливо применительно к голодным временам – и теперь, и особенно в прошлом, когда продовольствие в виде скота, пищевых запасов, обрабатываемой и плодородной земли, полей, лесов, рек, угодий и т.д. было основным и чуть ли не единственным видом богатства. Да и остальные его виды были прежде всего средством для того, чтобы «хорошо попить да сладко поесть».

Вот почему тезис о «коммерческом» характере всякой войны является вместе с тем и тезисом, который гласит: война чаще всего есть прямая или косвенная функция пицетаксиса.

И действительно, войны между так называемыми первобытными народами так или иначе вспыхивают чаще всего на пицетаксической почве, хотя и здесь субъективная идеология нередко затемняет подлинную суть дела. Таковы столкновения между охотничьими группами из-за вторжения одной из них в места охоты, принадлежащие другой группе, – вторжения, вызванного тем, что место обитания группы, которая нарушила чужие границы, перестало обеспечивать ее достаточным количеством продовольствия и ей требуется новое, уже занятое другими группами; таковы войны, вызванные стремлением захватить достояние соседей и даже отведать на вкус их самих; войны, вызванные желанием наказать врагов-чародеев, которые своими заклинаниями вызвали голод у соседей (субъективное искажение объективной роли голода); войны, обусловленные увеличением численности группы, в результате чего она стала испытывать недостаток средств пропитания и поэтому стремится восполнить его путем захвата территории и достояния других групп; наконец, войны, вызванные желанием иметь «данников» и «побежденных», обязанных кормить победителя, и т.д. У прими-

¹ *Ростовцев М.И.* Рождение Римской империи. Пг., 1918, с. 11. См.: *Nicolai G.F.* Die Biologie des Krieges. 1919, S. 34–35.

тивных народов мы обнаруживаем, по словам М.М. Ковалевского, «факт защиты их районов от всякого вторжения извне». А они случались не редко. «Стоило этим вторжениям принять форму насильственной апроприации этого района соседним племенем – и противодействие принимало характер открытой войны»². «Постоянные войны, характерные для охотничьих племен, первоначально были вызваны увеличением их численности, в результате чего они начинали испытывать нехватку продовольствия», а «по древним обычаям войны победитель получал право на всю собственность врагов, какова бы она ни была и где бы она ни находилась»³. (Римское положение «omnia in victoria lege belli licuerunt»^{2*} было, да и теперь еще остается общим правилом.)

То же самое происходит и у пастушеских народов. И у них недостаток средств пропитания вел «к необходимости искать новые пастбища для скота. Эти пастбища могли быть приобретены силою, путем войны и порабощения соседних племен»⁴. «Между людьми, ведущими пастушеский образ жизни, угон скота был часто повторявшимся явлением... Поводом к враждебным столкновениям могли служить не только споры из-за пастбищ, но и кражи скота, как это мы видим теперь среди южно-американских племен или как то было несколько поколений назад на шотландской границе. Мы узнаем из древних книг Востока, что таковы именно были причины постоянных войн»⁵. Так было у древних германцев, в Перу, у инков и других народов; почти везде эта трагедия с известными вариациями имела место и продолжается до сих пор. То же самое следует сказать и о войнах белых колонизаторов с дикарями, у которых они отнимали землю, скот и другие источники пропитания⁶.

Наряду с войнами за пропитание вообще здесь имели место и войны за отдельные пищевые продукты. Тацит рассказывает, например, о жестоких войнах германцев из-за соли.

От охотников и скотоводов перейдем к так называемым историческим народам. Здесь перед нами развертываются картины бесчисленных войн, происшедших со времен Адама до наших дней, бесконечного числа насильственных миграций, вторжений и столкновений. Кто их режиссер? В чем их причины? Прежде всего в дефицитном и относительном голодании этих народов.

Вот перед нами Египет. В пьесе под названием «История Египта» мы видим постоянные нападения бедуинов, живших в неплодородных местах, которые происходили при Семерхете, Усефае, Пиопи I и других фараонах, видим

² Ковалевский М.М. Социология. СПб., 1910, т. II, с. 138–139.

³ Спенсер Г. Основания социологии. СПб., 1898, т. II, с. 561.

⁴ Westermarck E. The origin and development of the moral ideas. London, 1908, vol. II, p. 26.

⁵ Ковалевский М.М. Экономический рост Европы. М., 1898, т. I, с. IX.

⁶ Спенсер Г. Основания социологии. СПб., 1898, т. II, с. 557. Подробнее см.: Штейнмец Р. Философия войны. СПб., 1915; Waitz T. Цит. р., с. 166 и сл.

бесконечные войны с нубийцами и ливийцами; видим ураганное вторжение гиксосов^{3*}, громадные насильственные переселения жителей Ассиро-Вавилонии за 4000 лет до Р.Х., хананеев, амореев, арамейцев, халдеев, арабов и других народов. Чем все это было вызвано? Прямо или косвенно пищета́ксисом. Об этом свидетельствуют прежде всего памятники древней литературы. «Они приходят, – читаем в одном из них, рассказывающем о нападениях ливийцев, – в страну Египетскую ради потребности своих ртов. Они проводят время, идя по стране и сражаясь, дабы наполнять ежедневно свои утробы»⁷. Эти слова могут служить эпиграфом ко всем египетским войнам. О том же свидетельствует и военная добыча победителей. Снофру похваляется тем, что из Нубии он вернулся с 7000 пленных и 200000 голов скота, Нармер – со 142000 голов мелкого скота, 100000 быков и т.д.⁸ Наряду с этим лагашцы^{4*} заставили Эннагали «платить дань хлебом», и вообще «подать с побежденных соседей взималась продуктами земледелия, особенно зерновым хлебом». Эти факты красноречиво говорят о подлинной пружине войн. О том же косвенно говорят и многочисленные войны из-за «цветущих долин, нужных Египту» (например в феодальную эпоху), из-за охранения и защиты ирригационной системы, из-за рудников, дававших эквивалент для приобретения прежде всего продовольствия и т.д. А в чем причины массовых миграций? «Накопившееся (в Аравии) население всегда искало выхода и распространения в областях, более способных его прокормить, и по временам изливалось в больших движениях, сообщивших семитическое население соседним странам к северу и западу»⁹. Что делают гиксосы, покорив страну? Берут население в ежовые рукавицы и заставляют его на них работать. Чем обычно заканчиваются войны? Данью, захватом достояния побежденных и принуждением их доставлять победителям «корм» или его эквивалент. Такие же картины с тем же режиссером мы видим в истории Ассиро-Вавилонии и Персии. То же самое мы находим в истории Рима и Греции. Уже «Илиада» и «Одиссея» говорят нам, что обычной целью набегов и вооруженных столкновений был скот¹⁰. Фукидид рассказывает, что, как только греки научились мореплаванию, они занялись морским разбоем с целью приобретения богатств и добычи, т.е. прямо или косвенно средств пропитания. Сама колонизация греками Малой Азии и других территорий, обычно сопровождавшаяся войнами, была функцией «относительного перенаселения», стало быть – недостатка продуктов питания. «Если стремление

⁷ Брэстед Д. История Египта с древнейших времен до персидского завоевания. М., 1915, т. II, с. 149.

⁸ См.: Брэстед Д. Цит. соч., т. I, с. 49–51, 141, 117, 120, 143–144; Тураев Б.А. История древнего Востока. СПб., 1913, т. I, с. 66, 81, 86, 172–173. «Каждый солдат похищал тесто для хлеба и сандалии у путника, хлеб из деревни и козу у всех людей (противников)», – читаем мы в надгробной надписи Уэни о его походе (Древний мир в памятниках. М., 1915, с. 13).

⁹ Тураев Б.А. Цит. соч., с. 66.

¹⁰ См.: Гомер. Илиада (пер. Н. Гнедича). XI, 670–686, XVIII, 525–526; Одиссея (пер. В.А. Жуковского). XI, 288–291, 400–402, XXII, 7–10, XXIV, 110–112.

(Спарты к расширению ее территории и могущества) прежде всего направило ее на путь завоевания, то это произошло в силу экономических причин. Экономическим базисом господствовавшего военного класса была исключительно земельная собственность; поэтому избыток постоянно растущего населения необходимо было наделять новыми участками земли (иначе голод. – П.С.), которые можно было найти только за пределами страны»... Отсюда – «могучее стремление эллинов за пределы родины, ставшей для них слишком тесной». Отсюда – столкновения и войны, например покорение Спартой плодородной Мессении, отсюда же – военное «расселение, шедшее рука об руку с разделом территорий», и т.д.¹¹ «На Липаре вся хозяйственная деятельность почти половины населения заключалась только в выходе на добычу и в военном захвате»¹².

То же самое происходило и в Афинах. Здесь уже довольно рано обнаружилась перенаселенность. По вычислению Белоха, во времена Перикла здесь приходилось около 89 человек на квадратный километр, т.е. была плотность населения, которая превосходит плотность населения современной Франции (73) и ряда других стран Европы. При тогдашнем состоянии производительных сил оно, очевидно, прокормиться не могло (по подсчетам Левассера, для народов не индустриальных, а земледельческих плотность населения должна составлять 10–40 человек на квадратный километр; излишек людей должен умирать, эмигрировать или завоевывать новые территории). Таким образом, в Аттике, плотность населения которой составляла 49 человек на квадратный километр, образовался излишек населения. Отсюда – необходимость мирной или военной эмиграции, захватов и войн. «Страна могла прокормить лишь ограниченное число жителей, история ее состояла в том, что излишние элементы постоянно ее покидали» (пока мирная колонизация не прекратилась). Более того. На примере дальнейшей истории Афин мы видим, как с ростом населения и ослаблением мирной эмиграции, а стало быть, и увеличением продовольственного дефицита растет и число войн, с уменьшением же населения – менее частыми становятся и войны. Очень высокой – максимальной – плотность населения Аттики была в V и IV вв. до Р.Х. Эти же века в истории Афин наполнены непрерывными войнами. Убыль населения, которую они производили, восполнялась «быстрым ростом численности рабов, ограничивавшим средства существования для свободного населения». И в результате – «тем сильнее хлынули затем, начиная со времени Александра, потоки греческой эмиграции в Азию». Сами завоевания Александра – функция нехватки продовольствия. В III–II вв. плотность населения уменьшается. «Во времена Полибия возрастает число бездетных семей, происходит обезлюдение страны, вследствие чего пустеют города». «Римское владычество, начавше-

¹¹ Пельман Р. Очерки греческой истории и источниковедения. СПб., 1908, с. 33–34, 44, 183; Пельман Р. История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910, с. 24–26, 41, 590. Подробнее см.: Meyer E. Die Wirtschaftliche Entwicklung des Alterthums. 1893, Bd. II, § 138.

¹² Пельман Р. История античного коммунизма и социализма, с. 41.

еся в 197 г., приносит с собой мир и материальную обеспеченность». И что же? Войн нет, по крайней мере сколько-нибудь значительных и продолжительных. Давление пищетахсиса стало меньше, понизилась и кривая войн¹³. Иногда эта связь выступает еще рельефнее. Что основание колоний афинянами есть функция голода или недостатка пищи, об этом прямо говорит сохранившаяся надпись об основании одной из них на берегу Адриатического моря в 325–324 гг. до Р.Х. «В записи, в которой зафиксирован этот факт, говорится, что афиняне желают иметь собственное Адриатическое море и место, откуда они могли бы получать свой хлеб»¹⁴. «Забота о продовольствии была здесь наиглавнейшей. С этой целью гавань была укреплена так, чтобы обеспечить безопасный вход хлебного флота, который сопровождали вооруженные суда. Когда шесть военных кораблей Спарты встали при Кеосе, Эгине и Андросе, Хабрий вступил с ними в битву, чтобы продовольствие могло быть доставлено в Пирей»¹⁵.

А бесчисленные войны с варварами, с персами, борьба между Спартой и Афинами за гегемонию – разве все это не было в значительной мере борьбой за добычу и корм, за «право» забирать чужое, за то, чтобы подчинить население завоеванных стран и заставить его работать на себя, как это делали 20000 афинских граждан, которые эксплуатировали множество племен и народов и превратили свое государство в нечто вроде акционерной компании? Одни из этих войн были всецело и непосредственно вызваны продовольственным вопросом, другие – частично и косвенно, но едва ли среди них была хоть одна, где эта «независимая переменная» не принимала участия¹⁶.

Примерно так же обстоит дело и с римской колонизацией и большинством внешних и гражданских войн Рима. Невозможность пропитания заставляла население «вечного города» эмигрировать, колонизировать и захватывать все новые и новые области; она требовала завоевания Сицилии, Египта и других житниц Рима; этот путь вел его к конфликтам с многочисленными противниками – то с Карфагеном, то с Митридатом Понтийским. Римская армия – это грабительские, реквизиционные отряды; римские полководцы – кондотьеры^{5*}. Приманкой для армии служила добыча в виде завоеванного достояния противника, в виде гарантированного пайка от государства, в виде участков земли, раздаваемых солдатам и ветеранам. Приемы вербовки, применявшиеся, например Марием, Суллой, Антонием, Цезарем, Помпеем, Октавианом и другими, говорят сами за себя.

¹³ *Мейер Э.* Народонаселение в древности // Народонаселение. М., 1897, с. 50–53. См. также: *Niese B.* Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten. Gotha. 1903, 3 Teil, S. 9–11; *Levasseur E.* La répartition race humaine // Bulletin de l'Institut International de Statistique. 1909, vol. XVIII, liv. II, p. 61–63.

¹⁴ *Новосадский Н.И.* Борьба с повышением цен в древней Греции // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1917, февраль, с. 86.

¹⁵ *Böckh A.* Op. cit., Bd. I, S. 115–116.

¹⁶ См.: *Drummann W.* Die Arbeiter und Communisten in Griechenland und Rom. Königsberg, 1860, S. 50–53.

При наборе «были даны самые определенные обещания относительно добычи, наград и повышенного жалования (*emerita stipendia*). Эти обещания обеспечили неожиданный успех вербовки. Солдаты и легионы переходили к тому, кто больше давал»¹⁷. Метод старый и практикующийся до наших дней, вплоть до взятия Воронежа и Ростова, Крыма и Кронштадта, отдававшихся на поток и разграбление. Лозунг «*panem et circenses*»^{6*} господствовал не только во внутренней политике, но и во внешних войнах Рима. Стечение народа в город привело к нехватке продовольствия, которую требовалось восполнить. Единственные способы этого восполнения – колонизация и захват. Итак, повод имеется, а умением облечь его в «высокие слова и лозунги» люди владели всегда. Если нужно воевать – благородные предлоги найдутся. Иначе грозит голодная смерть.

Простой подсчет населения Италии и Рима, с одной стороны, и площади, занимаемой им, с другой, показывает, что голод здесь довольно рано поставил римлянам свой жесткий ультиматум: или умирай, или завоевывай и колонизируй. Уже по цензу Сервия Туллия в Италии было около 80000 граждан. По цензу 225 г. до Р.Х. свободное население Рима насчитывало около 900000 человек, а всей Италии – около 2700000 (без рабов и несвободных). Площадь Рима составляла тогда около 22700 кв. км, площадь всей Италии – около 128700 кв. км. Стало быть, в Риме на каждого свободного приходилось около 0,025 кв. км, в Италии – около 0,07 кв. км¹⁸. По подсчетам Левассера, в земледельческую эпоху максимальный размер площади, приходящейся на душу населения, колеблется, как сейчас в России, от 0,1 до 0,025 кв. км. При низком уровне развития производственных сил и техники того времени Рим и Италия уже и тогда были перенаселены. Прибавьте сюда полтора миллиона рабов – и перенаселенность станет бесспорной. Отсюда понятны и увеличение нехватки продовольствия, и необходимость колонизаций, войн и захватов. В дальнейшем эта необходимость стала еще сильнее. Таков главный ключ к пониманию военной экспансии Римского государства.

На заре Средних веков мы встречаемся с «великим переселением народов». Откуда оно взялось? «Причина его – засуха, продолжающаяся и поныне (что влечет за собой голод, а стало быть, и необходимость переселения. – П.С.). Когда обитатели Северо-Западной Монголии и Восточного Туркестана увидели, что вода уходит от них, им не оставалось другого выхода, как спуститься на низменности и оттеснить на запад их обитателей»¹⁹. И здесь не обошлось без пицетак-

¹⁷ *Bunper P.Ю.* Очерки истории Римской Империи. М., 1908, с. 10–18, 20, 36–37, 78; *Ферреро Г.* Величие и падение Рима. М., 1916, т. III, с. 115–116, 130, 137, 141–143, 155, 179.

¹⁸ См.: *Мейер Э.* Народонаселение в древности // Народонаселение. М., 1897, с. 53–64; *Pöhlmann R.* Die Ueber Bevölkerung der Antiken Grosstädte. 1884; *Levasseur E.* La répartition de la race humaine, p. 61–62; *Meyer E.* Die Bevölkerung des Altertums // Handwörterbuch der Staatswissenschaft. Bd. 2, S. 905–909.

¹⁹ *Кропоткин П.А.* Взаимная помощь как фактор эволюции. М., 1918, с. 94.

сиса. Вытесненные со своих родных мест народы привели в движение другие народы. Те – следующих, и так разыгралась «историческая кадрили», вызвавшая довольно серьезную сумятицу в истории Европы и заполнившая собой два-три вековых акта в длинной драме истории, сценой для которой служит поверхность земного шара.

И в дальнейшем трудно найти крупную войну, в которой не играли бы роль вопросы *le boire et le manger*^{7*}. Будь то нашествие норманнов, завоевание Англии Вильгельмом Завоевателем (у которого, как и у норманнов, стимулы были чисто грабительские, о чем свидетельствует тот факт, что сразу же после одержанной победы они захватили и разделили земли побежденных) или крестовые походы (о которых уже было сказано, что хронологически они совпадают с небывалыми голодовками XI в. и что армия крестоносцев, которая вербовалась главным образом из населения стран, больше всех пострадавших от голода, на пути в Святую Землю занималась откровенным грабежом вроде разгрома Константинополя²⁰), движение ислама²¹ или даже религиозные войны (которые, если судить по речевым рефлексам, велись *ad majorem gloriam Dei*^{8*}, что не мешало их участникам забирать в первую очередь достояние и богатство побежденного противника), обратимся ли мы, наконец, к военной колонизации немцами стран на восток от Эльбы²², взглянемся ли пристально в войны конкистадоров^{9*} и вообще любую из бесчисленного множества войн – везде можно увидеть присутствие нашего незримого дирижера, т.е. колебание и понижение кривой питания масс, возникающий в результате этого пицетакусис и его последствия в виде насильственной эмиграции и захватнических войн²³.

²⁰ В Средние века «война была доходным занятием». В Святую Землю устремлялись рыцари, жаждавшие золота и денег, и купцы, искавшие наживу. Именно им крестовые походы обязаны своим успехом. См.: *Лависс Э., Рамбо А.* Эпоха крестовых походов. М., 1914, ч. I, с. 53, 324.

²¹ А. Мюллер правильно отмечает, что бурные завоевания ислама находятся в связи с избытком населения на аравийском плоскогорье во времена Магомета и после него. Далее, в Медине «среди приверженцев Магомета нужда росла все больше: впереди были большие затруднения, связанные с проблемой прокормления “людей веранды”. В подобных обстоятельствах араб привык таскать у соседа то, чего ему не хватало». Отсюда – первые грабежи караванов, совершенные Магометом, затем – нападения и войны. «Богатая добыча (которая обычно делилась завоевателями) действовала как неотразимая приманка». В этом была одна из причин возникновения ислама и его успешных войн. «Община Магомета быстро примирилась с учением о войне, доставлявшей ей богатую добычу» (*Мюллер А.* История Ислама. СПб., 1895, т. I, с. 8, 19, 119, 121, 162, 310). См. также: *Бартольд В.В.* Ислам. П., 1918, с. 30; *Hammer J.* Über Länderverwaltung unter der Chalifate. 1835, S. 96–97.

²² См.: *Curschmann F.* Op. cit., S. 62–68, 51–55. Колонизировались они главным образом выходцами из голодных областей Германии.

²³ Причем старый метод стимулирования солдат наделами земли сохраняется и позже (например колонизационные наделы Фридриха II), вплоть до барона фон дер Гольца, обещавшего солдатам железного корпуса земельные наделы в Латвии, или германского правительства, сулившего то же самое за счет земель побежденных.

Обратимся к нашей истории. Набеги одних областей на другие. Для чего? Для грабежа и получения дани. Вторгаются варяги и грабят славян, один удел грабит другой, норвежцы – биармийцев^{10*}, новгородцы – северян, половцы и печенеги совершают набеги на нас, мы – на них, наконец, вторгаются татары и обкладывают славян данью и т.д., и т.д. – все эти войны чуть ли не в обнаженном виде рисуют нам роль голода или его угрозы. Какие бы ярлыки ни наклеивались на мотивы войны, будь то стремление к морю, религиозные разногласия, борьба за свободу, равноправие национальностей, восстановление погрязших прав, во имя справедливой обороны и самосохранения, во имя идеалов социализма и коммунизма, из-за династических распрей, за право занимать место под солнцем и т.д., почти во всех этих войнах роль одного из стимулов выполняет нарушение пищевого обмена у тех обществ, которые являются зачинщиками «благородного» дела войны или принимают в нем участие. Иногда этот детерминатор главный, иногда – один из многих. Но в том или ином виде он почти всегда присутствует, и без его участия дело редко когда обходится²⁴. Если бы велся точный учет калорий, потребляемых обычно всеми обществами, и если бы можно было установить, в какие моменты в крупных агрегатах кривая питания резко понизится, то можно было бы с большой долей вероятности предсказать, что при отсутствии иных способов покрытия дефицита это понижение так или иначе повлечет за собой вооруженный конфликт в той или иной точке земного шара. Вероятно, такой конфликт будет прикрыт соответствующей «идеологией» (во имя Бога, «права», «прогресса», «социализма», «спасения и углубления революции» и т.д.), но эта идеология – вуаль, скрывающая суть дела. Подлинного режиссера надо искать глубже и дальше²⁵. Им чаще всего оказывается изучаемый нами «господин Голод», который уже пришел или грозит прийти.

Не представляют собой исключения из этого правила ни последняя мировая война, ни наша война гражданская.

Что касается мировой войны, то опять-таки, если судить по «речевым рефлексам», причины ее были очень далеки от дефицитного или относительного голодания. Правда, немцы в своих речах неоднократно подчеркивали, что причиной войны является «необходимость бороться за место под солнцем», за которой смутно угадывалась потребность в увеличении продовольствия, для чего им и нужны колонии. Зато другие государства говорили о чем угодно, только не

²⁴ Société de la Paix Massachusetts из 286 больших войн со времени Константина 124 считает вызванными экономическими причинами (борьбой за территорию, дань, сферы влияния, торговые интересы). Подсчет этот очень проблематичен и спорен. Но и он показывает, что процент войн, прямо или косвенно вызванных фактором питания, достаточно велик. См.: *Otlet P. Les problèmes internationale et la guerre. Genève-Paris, 1916, p. 31–32.*

²⁵ Подробнее см.: *Nicolai G.F. Die Biologie des Krieg. 1919, S. 171–213.* «Объектом войны и борьбы за существование является питание, и поэтому борьбу за существование правильнее было бы называть борьбой за пищу».

о голоде или его угрозе как о причине войны. Произносились речи о борьбе за свободу, за право самоопределения, за освобождение угнетенных и т.д.

Версальский мир сдул все эти словесные фиговые листы и показал реальную причину войны – голод. Все высокие слова были забыты. Не иначе (как мы теперь знаем) поступили бы и в Германии, если бы победа оказалась на ее стороне.

Таково одно – бесспорное – свидетельство, указывающее на то, что и здесь подлинной причиной войны был вопрос *le boire et le manger*, а не бредни о каких-то там свободах и равновесиях.

К этому же выводу можно прийти и иначе, если подойти к вопросу с другой стороны.

Известно, что в течение XIX в. население Европы, да отчасти и других стран света, росло чрезвычайно быстро. За 60–70 гг. оно почти удвоилось, а в некоторых странах утроилось. Представление об этом дает следующая таблица плотности населения, в которой по годам зафиксировано, сколько человек в той или иной стране приходилось на один квадратный километр²⁶:

Страна	1820	1840	1860	1880	1890	1900	1905
Германия	49,1	61,2	70,4	83,7	96,5	104,2	112,1
Австрия	47,0	56,0	61,0	73,7	79,6	87,2	–
Франция	56,5	63,2	67,8	71,2	72,5	72,6	73,2
Италия	64,0	80,5	91,2	96,0	–	113,3	–
Англия, Уэльс	79,9	105,3	132,8	171,1	192,0	215,3	–
Швеция	5,7	6,9	8,5	10,1	10,6	11,5	–
Бельгия	–	138,3	151,6	187,4	206,0	227,3	–
Швейцария	–	–	60,6	69,0	73,3	80,5	–
Нидерланды	–	87,8	100,8	121,6	138,7	154,3	–

Увеличилось население и других стран.

Спрашивается: возросло ли соответствующим образом производство продуктов питания в Европе? Конечно, нет. Большинство стран Европы (кроме России, Венгрии, Румынии, Болгарии и Сербии) не производят достаточного количества продовольствия и вынуждены его импортировать²⁷. Да и в тех европейских странах, которые занимаются экспортом продовольствия, он в значительной мере осуществляется за счет уменьшения нормы питания их собственного населения. Европа, взятая в целом, не самодостаточна в продовольственном отношении и вынуждена ввозить продовольствие из других стран и колоний.

²⁶ *Rauchberg H. Bevölkerungsstatistik // Handwörterbuch der Staatswissenschaft. Bd. II, S. 880.*

²⁷ См.: *Webb A. Op. cit., p. 11; Мировое сельское хозяйство. М., 1922.*

Но достаточно ли производится и производилось перед войной продовольствия на всем земном шаре?

По подсчетам Харди и Ива Гюйо – далеко не достаточно. «Харди вычислил, что если все производимое на земле продовольствие поделить на всех поровну, то порция белков, приходящихся на одного индивида, составляла бы только одну треть нужного ему количества»²⁸.

Ив Гюйо, подсчитав количество населения земного шара в 1902–1904 гг. и производимое количество продовольствия, также пришел к выводу, что, «несмотря на прогресс земледелия, достаточное количество продовольствия (по норме пайка французского солдата, равного примерно одному килограмму хлеба в день и 800 граммам мяса. – П.С.) на земле не производится». Мяса вместо 300 г в день имеется примерно только 133 г; не хватает 167 г. Если же взять пшеницу, то ее на душу населения (составляющего в пересчете на взрослого едока 1200 миллионов человек) приходится в год 91,6 кг, т.е. четверть того, что нужно по норме питания французского солдата²⁹.

На это же явление указывал Крукс в своей работе³⁰, равно как и ряд других исследователей, изучавших рост дороговизны перед войной³¹. Не требует доказательства тот факт, что Европа, взятая в целом, не была самодостаточна в продовольственном отношении: она не производила и не производит нужного ей количества ни хлебных продуктов, ни мяса. Недостаток покрывался ввозом из других частей света: Америки, Азии и т.д. Отсюда вполне понятным становится, какое значение для ряда европейских государств имеют заморские колонии, служащие для них не только рынком, но прежде всего житницей, без которой они существовать не могут. Этим и объясняется, почему такие государства, как Великобритания и Германия, заинтересованы в колониях и почему борьба за них была одной из основных причин последней войны.

Но мало того. Если взять производство всех основных продовольственных продуктов земного шара перед войной, то даже при условии их равномерного распределения не приходится говорить об избытке продовольствия.

²⁸ Bland J.O. Population and Food Supply // *Edinburgh Review*. 1918, vol. 227, № 464, p. 247.

²⁹ См.: Guyot Y. The bread and meat of the world // *Quarterly publications of the American Statistical Association*. 1904, № 4, September-December, p. 79–119.

³⁰ См.: Крукс В. Хлебный вопрос. М., 1909.

³¹ См. например: Glier. Die Preiskurve und das Teuerungsproblem // *Zeitschrift für Socialwissenschaft*. 1914, Heft 7, 8; Зальц А. Возрождение хлеба на мировом рынке // *Новые идеи и экономике*. № 4, с. 123–125. По данным Зальца, в 1905 г., например, потребление пшеницы составило 858 миллионов двойных центнеров, произведено же было – 839 миллионов; потребление ржи составило 482 миллиона двойных центнеров, а произведено 382. Дефицит мог быть покрыт лишь из запасов 1904 г. – запасов, образуемых за счет голодания массы людей.

По подсчетам специалистов, в среднем ежегодное производство основных пищевых продуктов на Земле за 1908–1912 гг. выражается в следующих числах³²:

Ячмень	33 млн тонн
Рожь	57 -- // --
Овес	65 -- // --
Рис	85 -- // --
Пшеница	106 -- // --
Кукуруза	128 -- // --
Картофель	161 -- // --

Всех хлебных продуктов производилось, следовательно, 474 миллиона тонн, картофеля – 161 миллион тонн. Если даже не учитывать тот факт, что какая-то часть этих продуктов идет не на питание населения, а на нужды промышленности, пивоварение, винокурение, корм для скота и т.д. – на все это уходит солидный процент, – то, приняв численность населения Земли за 1600 миллионов человек и поделив все эти продукты на всех поровну (чего опять-таки нет фактически), мы получим примерно 18 пудов хлебных продуктов на душу населения, потребляемых в виде хлеба, крупы, каши и т.д., и 6 пудов картофеля. В Европе в 1901–1905 гг. среднее потребление хлеба на одного человека составляло 20,7 пуда³³, в 1907–1911 гг. оно еще больше возросло. Эти числа показывают, что об обеспеченности человечества продовольствием перед войной говорить не приходится.

Если же допустить отсутствие равного распределения и учесть промышленные и иные затраты, которые не идут непосредственно на удовлетворение потребности в продуктах питания, то нехватка продовольствия будет неизмеримо большей. Если Европа была более или менее сыта, то значит, кто-то где-то должен был голодать. Если какие-то неевропейские страны ввозили в Европу хлеб, то не от избытка, а за счет недоедания их собственного населения. То же самое в значительной мере относится и к таким европейским странам, как Россия, Сербия и Болгария, которые вывозят продовольствие. В таких условиях борьба за питание должна была усилиться. Еще более значителен недостаток мяса, сахара, жиров и других более калорийных продуктов питания. Как я уже отмечал, обострение борьбы за колонии было обострением непосредственной или косвенной борьбы за питание.

³² Данные взяты из статьи академика В. Комарова «К истории картофеля» (Человек и природа. 1921, № 2, с. 66). Близкие к ним данные для 1909–1913 гг. содержатся и в указанном сборнике «Мировое сельское хозяйство» (с. 12–17).

³³ Данные взяты из статьи С.А. Перушина «Потребление» (Энциклопедический словарь Гранат. Пб., 1916, т. 33, с. 161–162).

При недостатке его на всей Земле не могли помочь ни ввоз, ни эмиграция, ибо ввоз с иных планет и эмиграция за пределы земли пока что невозможны. Изобретения и улучшение способов добывания продовольствия, как видим, отстали от роста населения. Помочь могло только уменьшение населения. И оно должно было произойти – в результате вымирания от голода и эпидемий, кровопролитных войн или, наконец, в результате всего этого вместе. Уже в этом, как видим, заключалась неизбежность войны и вполне достаточная для нее причина. Признаков ее приближения было довольно много. Одним из них было удорожание жизни. «За несколько лет до войны внимательные наблюдатели уже отмечали усиление напряженности, возникающей в результате нехватки для населения Земли средств пропитания». Вместе с этим они отмечали запаздывание роста земледельческой производительности, т.е. ее отставание от вкладываемых в землю капиталов и труда: производительность не растет в строгом соответствии с последними. Отсюда – ускорение подорожания продовольственных продуктов за последние годы перед войной³⁴.

Bland прав, когда пишет, что «реальная причина такого удорожания состоит в том, что спрос на продовольствие превосходил все его возможное предложение, а увеличение спроса во всем мире вызвано ростом плотности населения и повышением уровня жизни, что оказало свое воздействие так же, как и относительное уменьшение объема и доходности земледельческой промышленности»³⁵.

Отсюда – теснота и относительная перенаселенность, отсюда – нехватка «места под солнцем» и необходимость за него бороться, отсюда – война. Между кем и чем – это истории безразлично³⁶. Ей важен конечный результат – восстановление нарушенного продовольственного равновесия и пищевого обмена веществ в организме народов и человечества. Единственное средство для этого – *rebus sic stantibus*^{12*} – уменьшение населения. История отлично справилась с этой своей задачей и восстановила нарушенное равновесие с помощью войны, революции, эпидемий, голода, падения рождаемости и роста смертности. Невидимый дирижер «господин Голод» сделал свое дело и еще продолжает его делать. Война же вызвана если и не исключительно им, то все равно позволяет старику Мальтусу торжествовать: его теория если и не в деталях, то по крайней мере в основных ее тезисах подтверждается^{13*}. «Народы волнуются и воюют, а голод руководит ими», – можно сказать, перефразируя слова Боссюэ^{14*}.

«Империализм», «борьба за проливы», «за колонии», «за рудники», «за свободу морей или господство на море», «аннексии и контрибуции» – все эти реаль-

³⁴ Bland J.O. Population and food supply, p. 246–247. Удорожание 5 продуктов за последние десятилетия произошло во всем мире. Der Geireldepreis auf der ganzen Welt; die Neuerung ist allgemein^{11*}. См.: Glier. Die Preiskurve und das Teuerungsproblem // Zeitschrift für Socialwissenschaft. 1914, Heft 7–8, S. 521. Там же см. подробности и указание на то, что производство продовольствия при существующей ныне технике близко к пределу.

³⁵ Bland J.O. Op. cit., p. 247.

³⁶ См.: [Editor.] War and Population // The Edinburgh Review. 1920, July.

ные основания войны суть частные проявления основной причины – недостатка продовольствия и борьбы за пищу.

Та же самая причина в наши дни заставляет 76-миллионное население Японии, стиснутое на островах и не обеспеченное пищей, расширять свое место под солнцем, без чего ей грозит голод. Отсюда – ее захваты, ее расширение в сторону Китая, России и сферы влияния США, ее «империализм». Можно ли сомневаться в том, что эта перенаселенность в близком или далеком будущем вызовет новые войны, как уже в 1904 г. вызвала она войну с Россией и вызывает теперь...

В свете этих положений многое становится понятным и в нашей гражданской войне.

Все вышесказанное едва ли оставляет какую-либо возможность оспаривать такой тезис: при отсутствии иных способов покрытия продовольственного дефицита, при невозможности мирной эмиграции и при наличии богатых групп, особенно если они находятся поблизости от групп голодающих, обычной функцией массового голода является война в той или иной ее форме.

Попробуем проверить это положение, рассмотрев его в несколько ином разрезе. Оставим рамки государств и возьмем, с одной стороны, агрегаты населения, которые сами не производят продовольствие или производят его в ничтожном количестве, с другой – агрегаты, занятые главным образом производством продовольствия. Первыми будет население городов вообще и особенно – крупных городов (прежних и современных), вторыми – население сел и деревень.

Спрашивается, как осуществлялось снабжение продовольствием городского населения? Для современных городов, обычно представляющих собой не только центры потребления, но и центры производства фабрично-заводской продукции, проблема решалась и решается путем ввоза продовольствия в обмен на товары, производимые городом. Наличие удобных путей сообщения в нормальное время позволяет справиться с этой задачей довольно легко. Отчасти это применимо и к средневековым городам, сравнительно малочисленным (с населением обычно от 2 до 25–30 тысяч человек) и производившим ремесленные изделия, что обеспечивало им возможность товарообмена и ввоза продуктов питания³⁷.

Совершенно иную картину наблюдаем мы в том случае, если город сам почти никаких эквивалентов не производит и является только потребляющим центром. Население его должно есть. Дать в обмен деревне нечего. Что же происходит? Так как других способов приобретения продуктов питания практически нет, то начинается война с целью ограбления и эксплуатации городом земледельчески-производительного населения. Эта война может принимать разные формы: от явного насилия над сельским населением и взимания с него «дани», от налетов на

³⁷ См.: *Бюхер К.* Возникновение народного хозяйства. СПб., 1907, т. II, очерки X–XII; *Inama-Sternegg K.T.* Bevölkerung des Mittelalters // Handwörterbuch der Staatswissenschaft. Bd. II, S. 882–898.

него городских вооруженных отрядов до принятия сотен законов и мер, имеющих своей целью эксплуатацию городом сельского населения и обеспечение горожан продовольствием, изъятым у земледельцев. Так было в прошлом, то же самое повторяется и теперь, как только город оказывается в аналогичных условиях. Так именно было на Древнем Востоке – в Египте и Ассиро-Вавилонии – в Греции и Риме, в течение нескольких веков Нового времени и в наши дни в РСФСР.

«Тип древнего города – деспотический город. Дань, доставляемая натурой покоренными племенами, наполняет склады и кладовые властелина и обильно кормит тысячеголовый придворный штат и зависимый от него мелкий люд; время от времени походы приносят неисчислимую добычу. Такой город в экономическом отношении только потребительский элемент. Предводитель племени становится властелином над многими племенами и принуждает их к рабскому повиновению». Такой город – центр эксплуатации, его сила – в войске. Его метод снабжения продовольствием – грабеж земледельцев и побежденных, непрерывное насилие как неизбежный и единственный путь к покрытию продовольственного дефицита³⁸.

Так же обстояло дело в Афинах и некоторых других греческих городах. И в Аттике, и в Афинах собственного хлеба и продовольствия не хватало для постоянно живущего в них населения. Частично дефицит покрывался эмиграцией и ввозом продуктов питания в обмен на эквиваленты, но главным образом – с помощью грабежа, захватов, войн и принудительно-несправедливых действий дипломатического корпуса. «Существование такого огромного количества людей возможно было лишь благодаря тому, что Афины свое главенство в Делосском союзе^{15*} превратили в господство над сотнями городов и островов, обязанных платить им дань (т.е. кормить. – П.С.). Афинские граждане превратились, таким образом, во властелинов огромного государства и свыше 20000 человек получало свое содержание из этого источника», т.е. с завоеванного и эксплуатируемого населения³⁹.

Не самодостаточен в продовольственном отношении был и Рим, особенно со второй половины республиканского периода своей истории. «Собственных источников дохода население Рима не имело». Платить за продовольствие было почти нечем. «А жить надо». Отсюда – неизбежность захватнических войн Рима и превращение всего мира в *predia populi romanae*^{16*}. «Население Рима пользовалось своим положением властелина; богатые сколачивали себе состояние из занимаемых должностей; бедные получали от государства “хлеб и зрелища” (и многое другое. – П.С.). Более $\frac{3}{8}$ столичных жителей пользовалось бесплатно раздаваемым хлебом». «Рим, как позднее и Константинополь, обеспечивал свое существование за счет натуральных оброков, получаемых из провинций» (как только что завоеванных, так и уже замиренных). «Это было коммунисти-

³⁸ Бюхер К. Цит. соч., с. 122–123, очерк X.

³⁹ Там же, с. 128. Подробнее см.: *Vöckh A.* Op. cit.

ческо-империалистическое хозяйство, подобного которому свет не видал». (О, теперь мы увидели!) «Производительный труд половины мира поставлен был в услужение столицы». То же самое было и в других провинциальных городах Римского государства⁴⁰.

Господин Голод, как видим, и здесь порождал перманентные войны, насилие и эксплуатацию.

Так же обстояло дело и со средневековыми феодалами, вооруженной рукой собиравшими в житницы своих замков то, чего они не сеяли и не жали.

Так же дело обстояло и в средневековых итальянских городах-республиках. «Интересы сельских обывателей, обязанных доставлять в город весь производимый ими хлеб, несомненно, были принесены ими (законами республик) в жертву благополучию городских классов»⁴¹.

Так же нередко обстояло дело и в более поздние времена, вплоть до XVIII в. Например, во Франции XVIII и более ранних веков регулирование хлебной торговли было следствием таких «отношений города к деревне, в силу которых горожанин рассматривал земледельца как враждебную ему силу и всячески старался обобрать и обезоружить его, когда тот оказывался в стенах города. Таков смысл всех постановлений, направленных к тому, чтобы заставить земледельца дешево продавать свой продукт на городском рынке»⁴².

Одинаковые причины в сходных условиях вызывают одинаковые следствия. В наши годы города РСФСР попали в такое же положение: перестали быть производительными центрами и стали почти исключительно центрами бесплодно потребляющими. В 1918–1921 гг. они ничего не могли дать в обмен^{17*}.

Наконец, ту же связь голода и порождаемой им борьбы мы можем теперь в малых размерах наблюдать и проверять чуть ли не ежедневно. Кто в наше время не был свидетелем множества ссор, брани, драк и конфликтов из-за неправильной выдачи пайка или неправильного раздела продуктов? Кто не знает той ненависти по отношению к группам, получающим «привилегированный» паек, которая исходит со стороны обделенных, их стремления сорвать этот паек, обидеть, оскорбить и подвергнуть насилию его получателя? Кто в наше время не был свидетелем, а может быть и участником, той ожесточеннейшей борьбы за пайки со стороны разных лиц и групп, которые завоевывают их за счет голодания других лиц и групп, – борьбы, которая не всегда выливается в формы кровавых драк только потому, что еще сохранились кое-какие тормоза. А бесчисленные банды «зеленых», из-за хлеба налетающих на села и деревни, нападающих «военным

⁴⁰ Бюхер К. Цит. соч., с. 189–190; *Krakauer*. Das Varpflegungswesen der Stadt Rom in der Späteren Kaiserzeit. 1874.

⁴¹ Ковалевский М.М. Какими мерами итальянские республики боролись с голодом и нуждою, с. 368.

⁴² Афанасьев. Условия хлебной торговли во Франции в XVIII веке. Одесса, 1892, с. 445.

строем» на поезда и транспорты, – что это, как не тот же факт порождения голодом войны! Сам рост банд и бандитизма, вооруженных схваток и настоящих сражений между ними и населением, превращение всей России в поле битвы бесчисленного количества групп – разве это не функция голода как одной из главных независимых переменных? И сами эти факты разве не подтверждение – в малом масштабе – выдвинутых выше положений?

Полагаю, что да.

Все вышесказанное объясняет нам и механизм функциональной связи между голодом и войной. Мы видели, что при голодании, с одной стороны, депрессируются и ослабляются все контрарные ему детерминаторы поведения и их рефлексы, с другой – возникают и укрепляются рефлексы, содействующие его утолению. «Мирное поведение» не способствует насыщению и утолению голода – следовательно, оно должно быть депрессировано. Пищетакус толкает на овладение пищевыми скопами, принадлежащими другому, – стало быть, соответствующие рефлексы будут усиливаться. В результате оказывается, что даже самый миролюбивый человек, если он голодает и если сытые не уступают ему добровольно доли своей еды, может превратиться в насильника-вояку. Подобное превращение, если оно обретает массовый характер и если иные пути преодоления голода перекрыты, порождает войны, борьбу, грабежи, захваты – словом, острые формы борьбы как между крупными и малыми агрегатами, так и между отдельными людьми.

Если при наличии указанных условий массовое голодание влечет за собой войны, то эти последние сами, в свою очередь, вызывают целый ряд важнейших социальных явлений, представляющих собой социальные функции голодания второго и последующих порядков.

Значение эти функции имеют огромное. Главнейшие из них таковы:

1) изменения в самом составе населения, его свойствах, его естественном движении, обусловленные «военным отбором»;

2) изменения в организации общества;

3) изменения в социальных процессах.

Что касается первого пункта, то наиболее существенные изменения, которые производит здесь война, заключаются в следующем. Война уменьшает численность населения и уносит с пира жизни лучшие элементы, оставляя худших. Она уносит главным образом: а) людей самого трудоспособного возраста (от 18 до 40–48 лет), оставляя старых и малых; б) физически самых здоровых, ибо больных, хромых, калек и прочих, «чающих движения воды»^{18*}, в солдаты не берут, и война их мало затрагивает; с) лучших в социально-нравственном отношении, ибо преступники, лица, запятнавшие себя, и антисоциальные на войну не берутся, «шкурники, трусы и лица без глубокого сознания долга» уваливают, «окапываются», не идут на риск и гибель, а гибнут храбрые, лучшие – подобно

Леониду и его спартамцам, они выдвигаются на самые опасные места, да и сами идут на риск; d) она уносит главным образом мужчин, а не женщин; е) и косвенным образом уносит наиболее одаренных, талантливых и энергичных людей, ибо их в первую очередь уничтожают враги как самых опасных. Римское правило «*pacere subjectis et debellare superbos*»^{19*} остается и по сей день законом войны. Покорные, беспринципные и «серые» люди во всех войнах – и во внешних, и в гражданских – выживают, «гордые», сильные, выдающиеся – избиваются и гибнут.

Таким образом, как орудие селекции, война производит отбор «шиворот-навыорот», уничтожая лучших и помогая выживанию худших. «Дайте лучших», – таков был клич на войне у римлян. Он глубоко верен. Война, действительно, берет и уносит первосортный материал, бесплодно проливает лучшую кровь. Она не рождает, а уносит героев, оставляя материал второго и третьего сорта, своего рода «человеческую слякоть»⁴³.

В силу этого человеческий материал воюющего общества ухудшается и деградирует. «Худшие», которые в силу конкуренции при лучших были бы оттеснены на задний план, теперь, выживая, занимают первые места. В этом отношении война похожа на огородника, который вырывает с гряд лучшие овощи и оставляет там сорную траву. Конечно, последняя пышно расцветет и изменит всю растительность огорода. Но мало того. В силу закона наследственности худшие не только выживают сами, но они же становятся производителями последующих поколений. Гибнут не только лучшие, но вместе с ними и их потомство, которое тоже было бы лучшим по сравнению с потомством «слякоти». Не трудно понять колоссальнейшие последствия этого явления. Настоящая расплата за войну, по правильному замечанию Франклина, наступает после войны, через одно-два поколения, произведенных «худшими». Если посеяны будут «плохие семена», плоха будет и жатва – человеческое потомство. Чем сильнее воюет общество, тем сильнее оно ухудшается, тем интенсивнее благородные цветы человечества вытесняются сорной травой – менее здоровыми, менее рослыми, более слабыми, более преступными, менее даровитыми и энергичными, менее вольными⁴⁴.

В итоге – весь народ ухудшается и слабеет тем больше, чем сильнее и чаще он воюет. Вопреки обычному мнению, в конце концов наиболее долго живут и наиболее сильными даже в военном отношении становятся те группы, которые

⁴³ Подробнее об этом см.: *Сорокин П.А.* Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию // *Экономист.* 1922, № 1; *Nowikow J.* Les luttes entre sociétés humaines et leur phases successives. Paris, 1896, p. 15; *Lapouge V.* Les selectiens sociales. 1896; *Vaccaro M.* Les Bases sociologiques du Droit et de l'Etat. Paris, 1898; *Jourdan.* La moisson humaine // *Revue internationale de sociologie.* 1911, p. 673–712; *Nicolai G.F.* Die Biologie des Kriegen. Zürich, 1919. Мнение противоположное см.: *De Maistre J.* Considerations sur la France. Paris, 1851, p. 33–34; *Steinmetz R.* Philosophie der Kriegen. 1907.

⁴⁴ См.: *Darwin L.* On the Statistical Inquiries Needed after the War in Connection with Eugenics // *The Eugenics Review*, vol. 12, p. 159–189.

мало или совсем не воюют, а не те, которые воюют много. Первоначальный расовый материал римлян и греков был превосходен. Отсюда – колоссальная энергия, проявленная этим материалом в начале истории Рима и Греции, те чудеса храбрости, воли, долга, находчивости, силы ума, те громадные достижения в области науки, искусства, техники, политики и т.д., которые до сих пор остаются недосягаемыми для многих народов. Но чем больше они воевали, тем больше гибли лучшие, выживали «худшие», они и их потомство постепенно становились «господами положения». В конце концов декаданс был неизбежен. И мы видим, что после войны с персами и Пелопонесской войны Греция начинает приближаться к своему закату; то же самое происходит и в Риме после войн с Карфагеном и войн гражданских. С конца республики Рим уже мало расширяет свои владения, а переходит к обороне, последующие войны уничтожают остатки «лучшей крови», и звезда Рима тоже начинает клониться к закату⁴⁵. Свежая раса арабов, быстро расцветшая, в течение двух столетий истощила себя благодаря непрерывным войнам. В 1905 г. Япония победила нас не потому, что много воевала, а потому что до этого она 250 лет почти не вела крупных войн, у нее был период «великого мира», а мы почти беспрерывно в течение нашей истории занимались этим делом. В 1910–1920 гг. Америка столь быстро сумела развернуть громадные силы опять-таки потому, что очень мало воевала за всю свою историю. И сейчас самыми сильными державами являются те, кто меньше всего воевал (Япония, США, Англия, всегда щадившая свой человеческий материал и посылавшая на войну главным образом другие народы – союзников и население своих колоний). Мировая война и революция нас доконали. Теперь мы бесконечно слабы даже в военном отношении, несмотря на колоссальное население: нас смогла победить Польша. Но настоящая расплата придет позже; позже будут предъявлены главные векселя: когда вырастут дети и потомки оставшейся «человеческой слякоти» – малорослых, слабосильных, безвольных, бездарных, серых, беспринципных, ленивых, аморальных и темных производителей нашего времени. «По плодам их узнаете их». «Плохи семена – плоха жатва». Правильно было сказано в древности: *Dissipatae gentes, quae bella volunt*^{20*}. После этого понятно, сколь циничны слова Наполеона, которые он произнес, когда ему указали на множество убитых и раненых, лежавших на поле битвы. «Одна ночь Парижа возместит все это», – цинично ответил он. – «Нет, Sir, – можем мы сказать ему и любому другому “вождю”, посылающему в бой во имя чего бы то ни было огромные массы людей, – не возместит ни одна, ни тысяча ночей!» Лучшие семена пропали безвозвратно. Теперь все ночи мо-

⁴⁵ См.: *Ростовцев М.И.* Рождение Римской империи. Пг., 1918, с. 28–29, 38–42, 104–105; *Seeck O.* Der Untergang der Antiken Welt; *Fahlbeck P.* La décadence et la chute des peuples // Bulletin de l'Institut International de Statistique, vol. XV, livre 1–2, p. 367–389; *Gini C.* Fattory demografici dell'evoluzione della nazioni. Torino, 1912; *Васильев Н.А.* Вопрос о падении Западной Римской империи и античной культуры в историографической литературе и в связи с теорией истощения народов и человечества. Казань, 1921.

гут дать только плоды слякоти, а не жатву первосортных «сынов человеческих». Хорошая жатва ушла безвозвратно, и никакие декреты тут не помогут⁴⁶. Таковы основные следствия «военного отбора».

Но, кроме того, и у тех, кто выжил в войну, она изменяет все свойства и рефлексы. Являясь по существу полной противоположностью мирной жизни, она прививает населению и рефлексы, прямо противоположные. Мирная жизнь тормозит рефлексы убийства, насилия, зверства, грабежа, подкупа и разрушения. Война их требует и развивает. Убийство, грабеж, насилие, разрушение, подкуп (врага), ложь и обман (шпионство) она возводит в заслугу и доблесть. Мирная жизнь развивает инициативу, личную свободу, продуктивную работу – война приучает к беспрекословному подчинению и безответственной покорности (дисциплине), стесняет и душит почин («повинуйся и не рассуждай»), отрывает и отучает от продуктивной творческой работы, приучает к совершению чисто разрушительных актов. Мирная жизнь укрепляет правовые и моральные рефлексы уважения личности, ее прав, достоинства и собственности – война прививает рефлексы прямо противоположные. В мирной жизни совершается могучая работа ума в области наук и искусств. Война ее душит: *inter arma silent musae et scietia*^{21*}. «Где исход борьбы решает насилие – все равно, насилие пушек или грубое насилие нетерпимости, – там победа мудрых и положительная селекция по силе мозга затрудняется и делается невозможной»⁴⁷.

Мудрено ли поэтому, что общее озверение, огрубение, одичание, обеднение⁴⁸ – обычные спутники войны и ее детища. Наивные люди думают, что совершаемые нами акты проходят для нас бесследно. Ошибаетесь, господа! Они преобразуют нас и всю нашу душу по своему образу и подобию. Ни один из них не проходит бесследно⁴⁹, а тем более такие акции, которые требуются и прививаются войной: было бы чудом, если бы убийца и зверь на войне не остался бы им и после войны; было бы чудом, если бы отрицание жизни человека, его ценности и прав, его достояния и собственности, воспитываемое войной, не проявилось бы и после войны. Было бы странно, если бы стадность, рабское повиновение, грубая сила как верховный судья, разрушительные инстинкты, игнорирование права и нравственности и т.д. не дали себя знать и после войны. Если поэтому после войн, особенно крупных, вы встречаетесь с повышением кривой преступности, с множеством банд, чудовищными разрушительными актами масс, с ослаблением и крушением права, пренебрежением к мирному труду, со спекуляцией и обманом,

⁴⁶ Подробнее об этом см. в моей «Социальной механике» и указанной статье.

⁴⁷ *Nicolai G.F.* Op. cit., p. 83–84.

⁴⁸ Об экономических последствиях последней войны см.: *Кондратьев Н.Д.* Изменение мирового хозяйства за время войны // Вестник сельского хозяйства. 1922, № 6–7.

⁴⁹ См.: *Сорокин П.А.* Система социологии, т. 1, с. 176–193; *Сорокин П.А.* Влияние профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп // Вопросы изучения и воспитания личности. 1921, № 3, с. 397–419.

с бунтами и захватами, с нарушением собственности и прав, с общим одичанием и озверением – одну из причин всего этого ищите в войне. Она их порождает и должна порождать. Кто хочет войны – тот хочет и их. Кто порождает войну – тот создает и их. «Любишь кататься – люби и саночки возить».

Нужно ли говорить о громадных деформациях, вызываемых всем этим в социальной жизни.

Далее, война изменяет «естественное движение мирного населения» воюющих стран, снижает количество браков, рождаемость и повышает смертность⁵⁰.

Таковы функции войны в области состава населения, его свойств и естественного движения.

В области организации общества они не менее значительны. Если изменяется состав населения и его свойства, то не может не меняться и структура общества: общественная организация дьяволов неизбежно будет иной, чем ангелов. Главнейший эффект войны в этом отношении состоит в том, что она *ceteris paribus* централизует, милитаризует и деспотизирует общественную организацию, превращает все общество в один лагерь или казарму, в одну военную коммуны с неограниченной властью и абсолютным бесправием населения. Казарма и военный строй – это школа рабского послушания. У солдата нет своей воли. Он должен быть слепым и беспрекословным исполнителем приказов. Он – простое орудие, которым управляют сверху. У него не должно быть инициативы и своей личности. Всем, даже его жизнью, распоряжается власть. Война переносит все эти черты и на организацию общества. Права и объем власти (будет ли ее носителем Романов, Фридрих II или Кромвель, Наполеон, Петр, «Комитет спасения» или «Тайный совет» – все равно, это только «вывески») бесконечно расширяются, она начинает вмешиваться во все и все регулировать, население становится бесправным материалом в ее руках, его свободы упраздняются, протесты подавляются, самоопределение отрицается. Получается настоящая военная «коммунизация» общества, и кривая военного коммунизма (в смысле централизма, деспотизма и опеки властью населения) делает колоссальный скачок вверх – тем больший, чем грандиознее и продолжительнее война⁵¹. В этом смысле центра-

⁵⁰ См.: *Nixon J.W.* War and National Vital Statistics with Special Reference to the Franco-Prussian War // *Journal of the Royal Statistical Society*. 1916, July, p. 418–444; *Сорокин П.А.* Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную формацию // *Экономист*. 1922, № 1, с. 77–107; *Baines J.A.* The Recent Trend of Population in England and Wales // *Journal of the Royal Statistical Society*. 1916, July, p. 399–418; *Döring.* Великая война и естественное движение населения // *Вестник статистики*. 1920. № 5–8; *Новосельский С.А.* Война и естественное движение населения // *Общественный врач*. 1915, январь; *Новосельский С.А.* Влияние войны на естественное движение населения; *Wolfe A.B.* Economic Conditions and the Birth Rate after the War // *Journal of Political Economy*. 1917, № 25, June, p. 521–522.

⁵¹ См. об этом гениальную теорию Г. Спенсера (*Основания социологии*. т. II, с. 135–137), а также: *Сорокин П.А.* Система социологии, т. II, с.135–137; *Сорокин П.А.* Война и милитаризация общества // *Артельное дело*. 1922, № 1–4, с. 3–10.

лизм, деспотизм, принудительный этатизм есть неизбежная функция войны. Кто работает на войну, тот работает на пользу и этих ее детищ. Величайшими настоящими создателями военного социализма были все великие вояки, милитаристы и завоеватели.

И наконец, изменение состава населения и его организации, естественно, влечет за собой колоссальнейшие изменения во всех сферах общественной жизни: в экономической и воспроизводственно-генетической, в политической и нравственно-правовой, религиозной, эстетической и интеллектуально-научной. Я не буду здесь их описывать. Скажу лишь, что вся «физиология и психология» общественного организма меняется, все его процессы начинают происходить по-иному – в общем и целом далеко не на пользу общества как с биологической, так и социально-психической точки зрения. Общество «заболевает» тяжелой болезнью, часто уносящей его в могилу истории, если войны часты, упорны и длительны⁵².

Таковы вкратце социальные функции голода «второго порядка». Голод порождает войну, война порождает их. А каждая из них, в свою очередь, порождает новые функции. Снова и снова мы видим, насколько огромны социальные круги явлений, порождаемые камнем голода, брошенным на чистое зеркало океана истории! Они не исчерпываются одним кругом, а вызывают второй ряд кругов, третий и т.д. И пеняется они человеческой кровью, сверкают радугой страданий, вызывают буруны, разрушающие монолитные утесы общественных устоев, меняют направление течений социального океана!

Резюме

1) Обычной социальной функцией голода или его угрозы при невозможности покрытия продовольственного дефицита иными путями и при наличии других – богатых – групп, особенно в непосредственном соседстве с голодающим агрегатом, является война, возникающая в результате насильственной эмиграции голодных и их попыток насильственной колонизации и захвата продовольствия (продуктов, стад, земли, пастбищ, колоний и т.д.) или их эквивалентов и источников у благополучных или других групп вообще в ущерб последним. Война может начаться и в результате превентивных действий этих других групп, желающих предупредить грозящую им опасность.

2) Чем больше количество голодающих, чем ближе степень их голодания к максимуму, чем менее доступны иные пути покрытия пищевого дефицита, чем сильнее контраст между данной группой и соседними в смысле их богатства и обеспеченности продовольствием и чем мощнее военный аппарат голодающего агрегата – тем больше вероятность начала войны.

⁵² Во всех этих отношениях влияние войн до сих пор еще как следует не учтено.

3) Эти войны могут принимать различные формы (спорадические налеты, настоящие сражения, перманентные войны) и иметь разные исходы: уничтожение благополучных и других групп вообще, их вытеснение из данного места, их истребление или постепенное их вымирание, их покорение, подчинение и эксплуатация; и наоборот – все это может случиться и с голодающими группами в случае их слабости.

4) Подтверждением сказанного служат: а) история войн вообще, вызывавшихся главным образом голодом и необходимостью продовольственного обеспечения, действовавшими вместе с другими факторами; б) повышение кривой войн в эпохи усиления продовольственного дефицита и ее снижение в эпохи уменьшения последнего; в) история взаимоотношений непродовольственных городов и деревни от Адама до наших дней; г) абсолютная нехватка мирового продовольствия, что делало и делает войны неизбежными; е) масса вечно повторяющихся бытовых проявлений борьбы между людьми и их взаимного озверения, возникающих из-за нехватки продуктов питания.

5) Порождая войну, голод через нее вызывает к жизни и ряд других специальных функций «второго порядка» в области состава населения, его свойств, «физиологического движения», а также в области организации общества и его «физиологии».

6) Изменения, вызываемые голодом таким путем, колоссальны, грандиозны, катастрофичны. Величайшие исторические катаклизмы и трагедии – функция многих независимых переменных, в ряду которых едва ли не главное место занимает дефицитное нарушение пищевого обмена веществ у крупных общественных агрегатов или социальных организмов.

7) До тех пор, пока такие нарушения будут происходить, пока численность населения как всего земного шара, так и отдельной его части не будет приведена в соответствие с продовольственными средствами существования, войны едва ли исчезнут и какие бы то ни было реформы и революции едва ли их уничтожат.

8) Количество продовольствия, добываемого в наше время во всем мире, по-видимому, недостаточно для того, чтобы прокормить население Земли⁵³. Выход или в увеличении его производства, или в уменьшении населения. *Tertium non datur*^{22*}.

⁵³ Оптимисты обычно критикуют это положение, указывая на то, что можно было бы повысить производительность сельскохозяйственного труда, использовать необрабатываемые площади и т.д. Конечно, «если бы, да кабы», то мало ли что могло бы быть. Но речь идет не о возможном и желательном, а о существующем. При тех условиях, которые были и есть, никакого избытка нет и быть не может – вот что важно.

Глава восьмая

ГОЛОД И РОСТ ПРЕСТУПНОСТИ

Допустим, что все рассмотренные пути преодоления голода (изобретения, ввоз продовольствия, эмиграция, войны и захваты) почему-либо недоступны или покрывают только часть дефицита продуктов питания. Допустим, что в группе по-прежнему остаются голодающие. Что происходит в таком случае?

Если пицетаксис голодных не может быть удовлетворен притоком продовольствия извне или благодаря оттоку из группы части населения, то он будет искать способы удовлетворения в пределах самой группы.

Произойдет нечто подобное тому, что происходит при голодании организма, который в таком случае начинает жить за свой счет – прежде всего за счет собственных жировых запасов, а когда и они оказываются израсходованными, его клетки начинают жить за счет друг друга. Так и в социальном агрегате голодные клетки последнего, лишённые возможности добывать пропитание извне, начнут тяготеть к его «жировым клеткам» – пищевым скопам и их эквивалентам, – будут стремиться к захвату и овладению ими.

А так как эти пищевые скопы принадлежат здесь определенным клеткам и охраняются ими, то результатом такого «тяготения» будет обострение социальной борьбы за пищу в пределах самого общественного организма, охваченного голодом. Мы видели, что у людей, испытывающих голод, он стремится ослабить и подавить все контрарные, мешающие его удовлетворению рефлексы. Эти тормоза постепенно слабеют и перестают удерживать людей от целого ряда актов, от которых они их удерживали прежде. Эта общая закономерность относится и к так называемым «правовым и нравственным» рефлексам. Те из них, которые препятствуют удовлетворению голода, запрещая такие-то и такие-то акты, подвергаются атаке с его стороны и часто ее не выдерживают. В итоге правовые и нравственные запреты нарушаются, иными словами, начинается рост «преступности». Голодные, не удерживаемые теперь никакими тормозящими рефлексам, не имея иных способов удовлетворения голода, под влиянием пицетаксиса будут прибегать к тайному (кража) и обманному (мошенничество) или же явному (насилие, разбой, грабеж) овладению средствами пропитания, имеющимися в пределах группы. Если голодающие встретят отпор со стороны самих «сытых» клеток общества, со стороны органов власти или других лиц, то это может привести к насилию, убийству, телесным повреждениям – словом, к преступлениям над личностью.

Таким образом, при невозможности покрыть продовольственный дефицит иными способами обычной функцией голода, в силу расторможенности у голодающих всех контрарных рефлексов, является увеличение числа, прежде всего, имущественных преступлений, а затем – и преступлений против личности, представляющих собой частный случай обострения социальной борьбы между членами данного агрегата. Для этого нужно только, чтобы в данном агрегате наряду с голодными были и «жировые клетки» или, вообще говоря, те или иные средства пропитания (продовольствие, деньги, ценности и прочие эквиваленты), которыми, пусть даже и не в избытке, обладают некоторые его члены.

Здесь можно сформулировать ряд более конкретных теорем, определяющих степень повышения кривой преступности.

При равенстве прочих условий рост преступности будет тем больше, чем:

- 1) больше число голодающих и чем сильнее степень их голодания, иными словами, чем меньше продовольственный дефицит покрывается иными способами;
- 2) чем резче в данном обществе имущественная дифференциация на голодных и богатых;
- 3) чем меньше богатые добровольно уступают голодным;
- 4) чем слабее и хуже налажен в стране общественный аппарат охраны достояния богатых (полиция, агентура, сыск, суд, система наказаний и т.п.);
- 5) чем меньше для снабжения голодных продовольствием делает власть агрегата и т.д.

Скажут, что так бывает не всегда, что в реальной действительности не всегда происходит увеличение числа преступлений в строгом соответствии с этими теоремами. Возможно, бывают такие архиголодные общества, где преступность повышается не очень резко. Возможно – но именно потому, что нет равенства прочих условий. В одних случаях выход из положения находится благодаря увеличению ввоза продовольствия, в других – благодаря усилению эмиграции, в третьих очень сильными оказываются контрарные голоду рефлексы. Кроме того, эти отклонения от теорем могут быть вызваны: 1) общим обеднением группы, так что красть и грабить не у кого и нечего; 2) усилением тормозящих механизмов, таких, например, как террор, увеличение штатов полиции и других охранительных органов, запирающие парадные двери и установление дежурств у ворот, как у нас, колоссальное усиление кар и репрессий и т.д.; 3) легализацией преступлений, когда преступники совершают кражи, грабежи, разбои, убийства и т.д., исполняя правительственные законодательные акты, распоряжения и декреты. Зачем в таком случае воровать или грабить, если, получив ордер, разбойник и вор могут «легально» явиться куда им угодно, устроить обыск, «секвестрировать» все, что ни пожелают, вволю могут мошенничать, составляя описи, и присвоить себе все, «что душе угодно». Такие акты, конечно, не попадут в «уголовную статистику» государства. Они – не преступления, а «законные деяния, совершенные

по распоряжению законной власти». Мудрено ли, что при таких условиях данные уголовной статистики отклонятся от сформулированных нами теорем? То же самое можно сказать, например, и о преступлениях, совершаемых во время войны. В массовом «легальном» военном грабеже тонут единицы «нелегальных преступлений». И человеку голодному нужно быть настоящим идиотом, чтобы, имея полную легальную и даже поощряемую возможность грабить «законно» (врага внешнего, врага внутреннего), делать это «нелегально» и подвергать себя риску. Таких идиотов немного¹.

Все эти и подобные им явления могут вызвать отклонение кривой преступности от ее идеальной нормы или завуалировать ее «легализациями», но от этого сформулированные выше теоремы не теряют своего значения. Несмотря на все эти отклонения, действительность, как мы сейчас увидим, вполне подтверждает основное положение: увеличение числа голодающих и усиление голодания (до максимума) способствуют повышению кривой преступности и обострению социальной борьбы внутри агрегата.

Подтвердим сказанное.

1) Первым подтверждением этой функциональной связи является тот факт, что основной контингент преступников, нарушающих права собственности, состоит из представителей бедных слоев общества. Представители имущих сословий в области этих преступлений дают гораздо меньший процент. Исследования Вассермана, Линденау, Тарновского, Всесвятского и других ученых свидетельствуют об этом вполне определенно. Так, например, в Австрии из каждых 100000 рабочих осуждено за кражу было 480 человек, а из того же числа капиталистов и лиц, живущих на пенсию, – только 45. «Типичными преступлениями рабочего класса, – пишет М.Н. Гернет, – являются хищения чужого имущества и нанесение телесных повреждений. Из общего числа осужденных ремесленников 52% были осуждены за кражу, а из числа фабричных рабочих – 42%»². Связь между бедностью, т.е. большим ущемлением пищевых рефлексов (большими шансами на голодание) и большим количеством краж после всего сказанного понятна без комментариев.

2) Вторым подтверждением служит так называемый *календарь преступников*. «Преступления против собственности (во Франции) достигают максимума в декабре и январе – т.е. в те месяцы, когда бедные сильнее всего страдают от лишений

¹ Упуская подобного рода явления, некоторые «мудрые» этиологи^{1*} пытались доказать, что войны и революции не повышают преступность. Конечно, не повышают, «мудрые мужи», если обращать внимание на этикетку, а не на суть дела.

² Гернет М.Н. Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества. М., 1914, с. 391–392, 396. «В Италии в 1889 г. бедные составляли 77,58% общего числа преступников; лица, имеющие минимум необходимого, – 13,34%, зажиточные – 6,12%, богатые – 2,8%. В Австрии в 1896 г. необеспеченные составляли 86,7%, малообеспеченные – 13%, обеспеченные – 0,3% преступников. В Швейцарии необеспеченные – 81,8%, средние – 9,7, обеспеченные – 5%. В Пруссии в 1905 г. 77% общего числа преступников составляли бедняки» (Жижиленко А.А. Преступность и ее факторы. Пг., 1922, с. 62).

и нужды», – пишет Левассер³. И в других странах – в Англии, во Франции, Германии, России, Сербии, Болгарии, Бельгии – из года в год максимум преступлений против собственности приходится на зимние месяцы, когда бедняку труднее добывать пищу, и минимум – на лето и осень, когда это делать легче. Это явление, отмеченное Лакассанем, Левассером, Майром, Фойницким, Эттингеном, Тарновским, Гернетом и другими, еще раз вполне определенно подтверждает наш тезис⁴.

3) Третьей категорией фактов, еще рельефнее свидетельствующих о том же самом, является рост преступлений против собственности в земледельческих странах в годы неурожая и роста дороговизны, когда их последствия не компенсируются импортом и иными путями, и рост преступлений в годы промышленных кризисов в странах индустриальных, т.е. в тех и других странах – в годы большего ущемления пищевых рефлексов.

Эти явления достоверно установлены моральной статистикой. Изучив динамику преступлений во Франции с 1838 по 1886 г., Левассер пришел к выводу: «Урожай оказывали сильное влияние на динамику преступности, особенно когда страны были беднее и импорт не способствовал снижению кривой преступности. Число нарушений законов увеличивается в годы неурожая, так как нужда, усиливающаяся в результате этого, толкает на кражи. Это было особенно заметно в 1847 и 1854 гг. – годы плохого урожая»⁵. К такому же выводу пришел Майр, сопоставивший годовые колебания цен на хлеб и количество преступлений в Баварии с 1836 по 1861 гг.⁶ То же самое для всей Германии в период с 1882 по 1898 г. констатировал Берг, для Сербии (сопоставив цены на кукурузу и число преступлений против собственности) – Вадлер, для Италии – Форназари ди Верче, для Англии – Туган-Барановский, для России – Тарновский, Людеров, Трайнин, Гуревич, Гернет, Чарыхов и др.⁷

Так, в Калужской губернии (губернии земледельческой и потребляющей) «годы подъема цен на хлеб – 1881, 1892 и 1907, – так же, как и падения цен – 1883, 1888, 1894–1895, 1900–1901 гг., – были отмечены (в том же или следующем году) соответствующим изменением кривой преступности. По Калужской губернии числа осужденных за кражи... параллельны с ценами на хлеб и нуждой населения в собственном хлебе... Грабежи и разбои подчинены этому же закону»⁸. Такая же связь была установлена Тарновским для Петроградской губернии, Трайниным –

³ *Levasseur E.* La population française. Paris, 1891, vol. II, p. 456–457.

⁴ См.: *Гернет М.Н.* Цит. соч., с. 380–383; *Oettingen A.* Op. cit., S. 488–490 (там же – сводка мнений, показатели и диаграммы); *Жижиленко А.А.* Цит. соч., гл. III.

⁵ *Levasseur E.* Op. cit., vol. II, p. 442.

⁶ *Mayr G.* Statistik und Gesellschaftslehre. Berlin, 1917, Bd. 3.

⁷ См.: *Oettingen A.* Moralstatistik. 1882, S. 486–488; *Ван-Кан Ж.* Экономические факторы преступности. М., 1915; *Чарыхов Х.М.* Учение о факторах преступности. Социологическая школа в науке уголовного права. М., 1910; *Туган-Барановский М.И.* Периодические промышленные кризисы, с. 158 и гл. IV, VII и IX.

⁸ *Гернет М.Н.* Цит. соч., с. 386–387.

для Московской, Гуревичем – для Нижегородской, Тарновским – для 35 губерний. «Так, в 1880–1881 гг. хлеб сильно подорожал, и число возникших дел о кражах и насильственных похищениях поднялось на 20% выше среднего. Вместе с падением цен на рожь в 1885–1890 гг. снизилась и преступность»⁹.

Следует отметить, что в ряде случаев, особенно в странах индустриальных, указанного параллелизма не наблюдается. Но это свидетельствует не об отсутствии доказываемой нами связи, а только о том, что здесь криминализирующее влияние голода депрессировано иными факторами (например повышением заработной платы, усиленным импортом продовольствия и т.п. мерами), которые сводят голод на нет, делают его как бы несуществующим. Такой же эффект в известной степени может быть достигнут и иными мерами, например усилением охранного полицейско-карательного аппарата, препятствующего совершению преступлений, стимулируемых голодом.

Указанная связь между ухудшением питания масс и увеличением числа преступлений против собственности (а отчасти и против личности) для стран индустриальных, согласно сказанному, должна проявляться в годы промышленных кризисов, когда растет армия безработных, доход рабочих падает, стало быть, и питание их ухудшается. Наблюдается ли она в действительности?

Да, наблюдается. Возьмем для примера Англию, в частности ее промышленные округа. Исследование М.И. Туган-Барановского показывает, что в годы благополучия преступность уменьшается, в годы кризисов – быстро возрастает. Промышленный застой начала 40-х гг. вызывает особенно сильное увеличение преступлений¹⁰. То же самое отмечается в годы 1825, 1826, 1827 (кризис), 1847–1848 (кризис, застой), позже максимальные всплески преступности наблюдаются в 1851, 1857, 1863 гг., причем 1851 и 1857 – это годы кризисов, а в 1863 г. достиг своего максимума хлопковый голод; дальнейшее повышение преступности мы находим во второй половине 70-х гг., т.е. в годы промышленной депрессии, и т.д. Всем сказанным наша теорема подтверждается вполне определенно.

4) Наконец, она непосредственно и бесспорно подтверждается резким подъемом кривой преступности в годы массового голодания. Эти годы *ceteris paribus* являются особенно «преступными» годами, т.е. годами, когда голод депрессирует все задерживающие его утолнение условные морально-правовые рефлексy, в итоге чего люди *en masse*^{2*} совершают акты их нарушения, резко возрастает число краж и грабежей, образуются целые банды грабителей и разбойников, нападающие на тех, кто имеет продовольствие и деньги.

Из множества свидетельств приведу лишь некоторые. Для древних голодовок мы, конечно, не имеем статистических данных, но что и тогда преступность резко повышалась, об этом свидетельствуют хроникеры и летописцы, часто отмечающие этот факт. Опираясь на эти источники, Фридлиндер пишет, что в Риме,

⁹ Там же, с. 387–390.

¹⁰ Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы, с. 161, 267–300 и гл. IV, VII и IX. См. также диаграммы № № 3, 7, 11.

«где всегда был большой контингент голодных, разбои, грабежи и кражи были весьма распространены». После гражданской войны 68 г. «необеспеченность жителей чрезвычайно увеличилась», улицы наполнились «ужасными бесчисленными толпами», «нередки бывали нападения разбойников»¹¹. Во многих средневековых хрониках рассказывается о резком повышении преступности. Так, во время голода 1145 г. шайки голодных взяли и разграбили монастырь в Фульде, в 1095 г., по словам Sigebert'a, кражи и разбои были очень распространены. Спустя 100 лет во время голода в Бельгии хроникер отмечает: «Multi hac necessitate constricti, contra consuetum vivendi usum batrones effecti laqueo sunt suspensi»^{3*}. Одного епископа, ехавшего по улице города, голодная толпа заставила слезть с коня и, несмотря на раздачу им денег, тут же этого коня съела. Кражи и насилия в домах, разгромы хлебных лавок и т.п. были частыми явлениями¹². Около хлебных лавок «происходили при этом драки, и многие возвращались домой с окровавленными физиономиями, но без хлеба»¹³. То же самое происходило и позже. В 1709 г. во Франции «немногие, имевшие хлеб, должны были защищать себя от грабежа, как в неприятельских странах»¹⁴. В 1789 г. «на дороге убивали женщин, которые несли хлеб»¹⁵. И у нас в голодовки XIII в. «грабила коромольница торг», во Пскове во время голода 1314 г. «почали бяху грабити недобрыйи люди села и дворы и клети в городе»¹⁶. Во время голода 1601–1603 гг. «толпы народа для спасения себя от смерти составляли шайки и добывали себе пропитание разбоем»¹⁷. В неурожайные годы при царе Алексее Михайловиче «крестьяне жгли помещичьи усадьбы, убивая их владельцев»¹⁸.

При Петре и его преемниках «голода не переводились, вызывая страшное нищенство и разбои. Густые толпы нищих сновали по селам, городам и проезжим путям; разбойники грабили и убивали проезжих»¹⁹. «Современные Петру известия говорят о небывалом развитии разбоя. Разбойничьи шайки нападали регулярным порядком, уничтожали многолюдные села, останавливали казенные сборы, врвались в города. Иной губернатор боялся ездить по вверенному ему краю, и сам князь Меншиков, не краснея, объявил Сенату, что не может справиться с разбойниками в своей губернии»²⁰.

¹¹ Фридендер М. Картины из бытовой истории Рима. СПб., 1914, с. 21. В голодающих Афинах, по Фукидиду, людей больше не удерживал ни страх перед богами, «ни человеческие законы» (Фукидид. История. II, 21–22, 47–53).

¹² Curschmann F. Op. cit., S. 52–53.

¹³ Цитович. Цит. соч., с. 5, 7.

¹⁴ Bonnetère J. Histoire des paysans. Paris. 1874, vol. II, p. 313–314.

¹⁵ Taine H. Les origines de la France contemporaine. Paris, 1899, vol. II, p. 201.

¹⁶ Романович-Славатинский А.В. Голода в России и Западной Европе, с. 41.

¹⁷ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. Пг., 1917, с. 249.

¹⁸ Романович-Славатинский А.В. Цит. соч., с. 52.

¹⁹ Там же, с. 52–53.

²⁰ Ключевский В.О. Курс русской истории. 1918, т. IV, с. 252–253; см. также: Ключков М.В. Население России при Петре Великом. СПб., 1911, с. 211–215.

То же самое наблюдалось и позже. Во время голода 1833–1834 гг. «было немало случаев то покражи хлеба, то грабежа гумна и амбара»²¹.

Более поздние повышения кривой преступности не только при голодовках, но даже при возрастании цены на хлеб зафиксированы, как мы видели, статистикой.

В ряде случаев, как увидим ниже, массовый характер преступлений во время голода принимал столь грандиозные размеры, что перерастал в революции, народные бунты и как бы растворялся в них.

Одинаковые причины при сходных условиях вызывают одинаковые следствия. Обратимся к голодовкам прошлых лет в Индии, когда помощь голодающим здесь еще не стояла на должной высоте. Голод 1876–1878 гг., Мадрас: «Голод оказывает довольно сильное влияние на преступность. В здешней центральной тюрьме находится около 1800 заключенных – вдвое больше, чем обычно, и это количество ежедневно увеличивается. В некоторые дни в тюрьму поступает до 40 новых лиц. Причем многие из них сознательно идут на преступления, чтобы попасть в тюрьму и иметь питание от правительства». Возросло также и число коллективных грабежей. То же самое наблюдалось и в Бомбее (рост краж и грабежей)²².

Обращаюсь, наконец, к современным голодным годам в России. Без преувеличения можно сказать, что за эти годы почти все население России, без различия пола и, пожалуй, возраста, положения и профессии, «криминализировалось». Почти все так или иначе стали ворами и мошенниками, многие – взяточниками, грабителями, разбойниками и убийцами. Боюсь, что мои сограждане оскорбятся такой их квалификацией. Тем не менее за эти годы Россия стала сплошь преступной страной. Трудно найти, особенно в местах, охваченных голодом, такого человека, который так или иначе не был бы повинен в том или ином продовольственном преступлении: в мелкой или крупной краже, в мелком или крупном обмане и мошенничестве с пайками, карточками и т.п. Приведу некоторые факты.

В Петрограде «в 1918 г. расхождение между данными переписи населения и числом выданных продовольственных карточек составляло 327000, т.е. 22% всего населения»²³. На юридическом языке обычного времени это значит, что 327000 человек были ворами, похищавшими общественное достояние. В Москве в мае 1918 г. количество выданных продовольственных карточек составляло 2213000, т.е. было на 530000 человек, или 31,5%, больше действительного населения Москвы, а к июню число лишних карточек увеличилось до 1100000, т.е. составило 70% всего числа жителей²⁴. 70% населения стали ворами, похищавшими общественное достояние, вырывавшими кусок хлеба изо рта своих голодающих соотечественников. Полагаю, что числа эти довольно красноречивы.

²¹ Романович-Славатинский А.В. Цит. соч., с. 42.

²² Digby W. Op. cit., vol. I, p. 183, 251–255.

²³ Материалы по статистике Петрограда. 1921, вып. III.

²⁴ Красная Москва. 1917–1920. М., 1920, с. 53.

То же самое происходило, конечно, и в других городах и областях, охваченных голодом. В нормальное время такие проступки вызывали бы негодование, теперь все стали считать их вполне дозволенными. Голод растормозил соответствующие убеждения.

Еще одну иллюстрацию к сказанному дает сравнение преступности Москвы в 1918 г. с преступностью 1914 г. (по данным уголовного розыска, далеко не адекватным действительности, значительно уменьшающим общую сумму всех преступлений, ибо «легальные» преступления сюда не вошли).

Если преступность 1914 г. принять за 100, то соответствующие виды преступлений в 1918 г. будут выглядеть так²⁵:

Кражи	315
Вооруженные грабежи	28500
Ограбления	800
Покушения на убийство	1600
Убийства	1060
Присвоения и растраты	170
Мошенничество	370

Веселенькие цифры!

Далее, по данным Народного Комиссариата Путей Сообщения за 1920 г. зарегистрировано 17000 хищений и недостач багажа. Похищено 1098000 пудов грузов, т.е. в месяц пропадало больше 100 тысячепудовых вагонов. За семь с половиной месяцев 1921 г. одной только багажной конторой Московско-Курьской железной дороги было составлено 2200 актов о хищении багажа. До войны багажа прибывало в 15 раз больше и было не более 30 хищений в месяц, т.е. 225 краж за те же семь с половиной месяцев. Хищения багажа, таким образом, увеличились в 150 раз по сравнению с довоенным временем²⁶. Эти числа меньше действительных, да к тому же они имеют тенденцию к увеличению, несмотря на суровые репрессии. Недурные симптомы!

Прибавьте к этому мошенничества с пайками (получение 2–3–4 и более пайков, недозволенное во время голода и с точки зрения обычных морально-правовых норм, и с точки зрения интересов ближнего), подделывание ордеров, незаконное получение продуктов питания под предлогом болезни, массовую спекуляцию и «товарообман», массовые злоупотребления с «натурпремиями», под видом которых продавалось чуть ли не все достояние завода, массовое взыскание, замаскированное тысячами легальных и нелегальных предложений²⁷,

²⁵ Там же. О громадном росте преступлений в Петрограде в 1921 г. см.: Петроградская правда. 1922, 5 января.

²⁶ Известия ЦИК. 1921, 2 октября.

²⁷ «У нас взятки на каждом шагу, – авторитетно резюмирует положение Ленин. – Сейчас дело дошло до того, что расход на взятку помещают даже в официальных счетах»^{4*} (Правда. 1921, 22 октября).

кражи на продовольственных складах самими агентами продкомов и людьми посторонними (всем известно, что до 1921 г., когда была разрешена свободная торговля, частные рынки снабжались с этих складов; что выдавали населению, то появлялось и на рынке), самовольные выдача и получение с тех же складов агентами продкома, сильными мира сего, близкими, родными и знакомыми²⁸; присоедините сюда десятки тысяч неправильных «реквизиций и национализаций», когда реквизированное и награбленное поступало в частные карманы, сотни «легальных убийств» и расстрелов ради захвата бриллиантов и других ценностей, бесцеремонный захват скота, одежды, продовольствия во время усмирений и карательных экспедиций. Добавьте сюда и безмерно возросшее число краж на железных дорогах, на почте (продовольственные посылки), совершаемых чиновниками и просто профессионалами, учтите налеты на квартиры и грабежи, нападения на поезда, села и склады; присоедините сюда массовый бандитизм, занимаясь которым уголовники не разбирают ни белых, ни красных, а грабят всех и вся, кражи с полей, огородов и из садов; наконец, примите во внимание то всеобщее озверение, которое широкой волной разлилось по земле русской за эти годы, когда уважение к человеческой жизни (не говоря уже о правах личности) пало до нуля, когда убийство стало «плевым делом» и т.д., и т.д. – и тогда вы поймете, что почти все население России за эти голодные годы стало преступным, Россия превратилась в клоаку преступности, а преступления сделались основным способом добывания средств жизни и главным орудием борьбы за жизнь. Если бы моральная статистика могла регистрировать и учитывать все эти факты, то кривая преступности совершила бы гигантский скачок вверх²⁹. И это несмотря на уменьшение населения благодаря эмиграции и по причине смертности.

²⁸ «Утечка продуктов и предметов первой необходимости (из Петрокоммуны) – довольно велика. Можно отметить все-таки то обстоятельство, что крупных хищений вагонами, как это бывало раньше, теперь уже не бывает, а от мелкого вора не уберешься. Жалуются на недостаток в весе продуктов, говорят, что неправильные гири. Дело не в гирях, а в пальцах приказчиков. Спрашивают, куда девались вещи, бывшие в Гостином дворе, Апраксином рынке и других местах. Кое-что из них расхищено, но все же кое-что мы давали», – так говорит представитель Петрокоммуны; а комиссар г. Куклин прямо заявил, что «у нас ташат до 20%» (Красная газета. 1921, 15 и 16 апреля). Фактически трудно найти за это время учреждение, где этой утечки не происходило бы. Даже в таких институтах, как Дом ученых и ряд других подобных учреждений, где, казалось бы, воровства и утечек не должно быть, они были громадны, злоупотребления и факты «пользования» грандиозны до позора... Они стали «притчей во языцех». И прямо или косвенно в них принимали участие не только «стрелочники», но и «генералы».

²⁹ Начался голод на Волге, и количество преступлений стало там увеличиваться. «Растет число преступлений – воровство и грабежи» (Маховик. 27 июля 1921: «В местах неурожая»). В 1922 г. усиливается голод на Дону, и «воровство, грабежи, убийства по хуторам и станциям принимают стихийные размеры. Уведя скот, грабители сейчас же бьют его, делят мясо и едят, мало заботясь о том, что их могут накрыть». Когда же их накрывают, оправдание одно: «Голодный... Хочу есть». «Их наказывают, но они, выйдя на волю, снова принимаются за грабежи» (Известия ЦИК. 1922, 12 февраля). И так – по всей голодной России. Голод

Так обстоит дело со взрослыми. Не иначе, как мы отчасти уже видели, дело обстоит и с детьми. В местах, охваченных голодом, они также превратились в воров, мошенников, грабителей, разбойников и спекулянтов. Даже те немногие статистические данные, которые имеются, позволяют увидеть это повышение детской преступности в голодные годы и ее «продовольственную окраску». «Детская преступность в Петрограде в 1918–1920 гг. имела специфический характер. Прежде всего, она возросла. В 1918 г. число дел в комиссии по делам несовершеннолетних составляло 6000; в 1919 г. – 8000, а в 1920 г. еще больше, между тем как численность населения значительно уменьшилась (с 1460000 до 706841 человек. – П.С.). 79% всех дел составляют нарушения против собственности, из них около 49% приходится на продовольственные кражи у домашних, а 30% на мошенничество с целью овладения предметами первой необходимости (подделка ордеров и т.п.)»³⁰.

В 1910 г. в Петрограде к уголовной ответственности за кражи, мошенничество, присвоение и растраты было привлечено 1155 несовершеннолетних, совершивших 1452 преступления, что дает индекс детской преступности 3,63%.

В 1920 г. в Петрограде было зафиксировано 4718 тех же преступлений, совершенных несовершеннолетними того же возраста, что (при уменьшившемся населении) делает индекс детской преступности равным 36,97%, т.е. «детская преступность за 10 лет возросла в 7,4 раза»³¹.

То же самое происходило и в других городах³². Причем эти данные скорее занижены: действительность в этом отношении значительно богаче.

Сказанного, полагаю, вполне достаточно, чтобы признать обсуждаемый тезис доказанным. Из этой первичной функции массового голода, в свою очередь,

1921–1922 гг. в охваченных им губерниях резко повысил число преступлений даже по сравнению с 1920 г. Доказательством тому служит число возбужденных в судах уголовных дел:

Губернии	1920	1921
Астраханская	10 800	11 520
Уфимская	13 000	18 000
Саратовская	25 000	27 000
Самарская	37 000	39 000
Симбирская	30 500	31 200

(Василевский Л.М. Жуткая летопись голода, с. 17).

³⁰ Аронович Г. О голодной детской дефективности // Медицинский журнал Вятского Ученого Совета при Губздравотделе, ч. II, № 2, с. 33.

³¹ Аронович Г. Детская преступность // Психиатрия, неврология и экспериментальная психология, вып. I, с. 102.

³² «Рост детской преступности в голодных местах (в Уфимской, Саратовской и других губерниях) – неуклонный и угрожающе быстрый. Бросается в глаза преобладание имущественных правонарушений на почве голода. В Уфимской губернии из 1535 дел $\frac{2}{3}$ составляли продовольственные кражи. Детская преступность растет и качественно: тяжесть преступлений растет (грабежи, бандитизм, убийства)» (Василевский Л.М. Цит. соч., с. 18).

следует ряд его вторичных функций в области состава населения, его свойств, социальной структуры и течения общественных процессов.

Укажу на некоторые из них самым кратким образом. Главнейшие из следствий «криминализации» общества таковы:

1) В области состава населения.

Преимущественная гибель честных элементов с сильно развитыми социально-правовыми и моральными рефлексам. Там, где все воруют и грабят, мошенничают и убивают для добывания продовольствия, честные люди, не желающие этого делать, *ceteris paribus* будут голодать, а следовательно, вымирать. Если они кое-что имеют или честно зарабатывают – они будут объектами нападения и грабежа, следовательно, тоже обречены на гибель. Наконец, они неизбежно будут активно бороться с преступлениями, не смогут спокойно к ним относиться; следовательно, опять-таки подвергаются наибольшему риску. В такой стране шансы на выживание имеют люди беспринципные, «комбинаторы», ловкие спекулянты, мошенники, смелые налетчики и т.д. Они же преимущественно будут пролезать и на командные высоты социальной пирамиды. Следовательно, в моральном плане отбор здесь происходит также шиворот-навыворот: честные вымирают, «нигилисты», спекулянты и разбойники выживают.

В наши годы мы видели и видим, как последние благоденствуют, расцветают и полнеют, ходят чистенько одетыми либо расфранченными, и наряду с ними видим множество людей со впалыми или опухшими от голода лицами, бродящих подобно теньям и часто на улице падающих от истощения.

Далее, преимущественно гибнут люди физически слабые, больные, старики и дети, которые менее способны оказывать активное сопротивление налетчику и сами менее способны грабить и нападать на других. Повышаются кривая смертности (от убийств и т.д.), кривая телесных повреждений, кривая душевных заболеваний, кривая дефективного потомства и т.д.

2) В области социальной структуры.

Структура криминализованного общества деформируется таким образом, что в большей или меньшей степени начинает опираться на обман и насилие. Насилие и обман становятся ее душой, пронизывают ее всю сверху донизу. О каком-либо «правовом» порядке в таком обществе говорить не приходится.

Высшими императивами здесь будут «обман» и «кулачное» или «револьверное право», самой надежной гарантией – произвол, основным видом социальных отношений – взаимный грабеж, эгоистическая забота о собственном пропитании, обогащение и взяточничество.

3) В области социальных процессов.

Обеднение и экономическая дезорганизация всей хозяйственной жизни страны. Там, где все становятся шакалами и хищниками, нельзя заниматься производительным трудом. Те, кто будет им заниматься, все равно ничего не получают

для себя: тысячи грабителей будут драть с них 100 шкур и не оставят им даже голодного пайка. Посему вся экономическая жизнь такого общества неизбежно идет к полному краху, который и произойдет рано или поздно, а именно – когда будет разворовано все и воровать уже станет нечего.

Полная деформация правовой и моральной жизни общества. Такие социальные рефлексy, как уважение к человеку, его достоянию, жизни, здоровью и достоинству, размагничиваются. Воцаряется «борьба всех против всех»^{5*}. Наступает массовое «озверение» и «одичание». «Культурные одежды» спадают, и вместо homo sapiens'ов на исторической сцене появляются жестокие скоты, по-волчьи скалящие зубы и грызущие друг другу горло.

Деформируется и религиозная жизнь. В кругах непреступных она делается более интенсивной. Бог и религия становятся единственными их пристанищами, церковь – единственным местом успокоения, молитва – единственным утешением. В остальных кругах религиозные рефлексy гаснут и слабеют. Поскольку они противоречат хищническому поведению, они становятся одиозными. То же самое следует сказать и об интеллектуально-эстетической жизни населения. Рост научного творчества и распространение знаний снижается и падает («наукой тут не проживешь», а разве только «спекуляцией на науке и шарлатанством!»), приостанавливается и развитие искусства – *inter arma silent musae*^{6*}!

Таковы вкратце вторичные функции массового голода, порождаемые массовой криминализацией.

Резюме

1) При массовом голодании и недостаточном покрытии продовольственного дефицита иными способами функцией пицетаксиса будет притяжение голодающих к «сытым клеткам» общества, размагничивание у них мешающих насыщению голода нравственно-правовых рефлексов и рост преступлений, прежде всего имущественных, внутри данного агрегата.

2) *Ceteris paribus* рост преступности будет тем больше, чем: а) больше число голодающих и чем сильнее степень их голодания; б) чем резче в обществе дифференциация на сытых и голодных; в) чем меньше богатые добровольно отдают голодным; г) чем меньше обеспечивает голодных власть; е) чем слабее полицейский охранительно-карательный аппарат агрегата.

3) Из этих первичных функций массового голода следует ряд весьма важных социальных функций второго порядка, которые в общем и целом дезорганизуют всю общественную жизнь группы и ведут или приближают ее к гибели.

Глава девятая

ГОЛОД, СОЦИАЛЬНЫЕ ВОЛНЕНИЯ, ВОССТАНИЯ И РЕВОЛЮЦИИ

Содержание предыдущей главы само собой наводит на мысль: не является ли – при определенных условиях – массовый голод причиной бунтов, восстаний и революций?

В самом деле, если ущемление пищевых рефлексов, т.е. усиление голода, толкает людей на преступления, если голодающие, не находя иных средств утоления голода, «притягиваются» к пищевым скопам, имеющимся внутри страны, и пытаются насильственным путем овладеть ими, в результате чего им приходится вступать в борьбу как с самими обладателями богатств, так и с охранно-полицейским и правовым аппаратом государства, то стоит допустить, что это явление стало массовым, захваты, насилия и акты овладения продовольствием и богатствами – коллективными, и вместо повышения кривой «преступности» перед нами окажется то, что называется восстанием, волнениями, бунтом, революцией. Когда отдельные индивиды нарушают право чужой собственности, это называется «преступлением». Когда то же самое совершается массой людей, целыми социальными слоями (массовый захват земель, усадеб и другого движимого и недвижимого имущества), это называется революцией (или «социальной революцией»). Когда отдельные индивиды для достижения своих целей нарушают нормы права, убивают других людей, вступают в борьбу с представителями власти – это называется преступлением. Когда то же самое совершают многочисленные группы, когда правонарушения приобретают массовый характер, борьба с властью становится коллективной, убийства и захваты – многочисленными, это называется восстанием, социальным движением, революцией.

Скажут: общественные волнения всегда происходят во имя высоких целей и великих лозунгов, а преступления не имеют «идеологии». Наивное замечание! Идеология, «высокие речевые рефлексы» («свобода, равенство, братство», «земля и воля» и т.п.) – все это «пудра», в которой никогда нет недостатка и которая сама по себе, без тех «реальных благ» (земли, богатства, увеличения дохода, уменьшения труда и т.д.), что скрываются под нею или для овладения которыми она служит средством, не могла бы быть стимулом массовых движений и революций. Когда же имеются эти «реальные стимулы» – идеология появляется сама собой¹.

¹ И. Тэн прав, когда пишет: «Как бы ни был велик лозунг “свобода, равенство и братство”, которым революция украшает себя, по существу она является перераспреде-

В ней недостатка не бывает, в той или иной форме она имеется даже у любого преступника.

Далее, некоторые общественные движения вроде французской Жакерии^{1*} происходили под гораздо более прозаическими лозунгами, но по этой причине никто не называет их «преступными».

Наконец, несущественное значение всех «высоких лозунгов» для различения преступлений и общественных движений обусловлено тем, что ни одно из движений, шедших под этими лозунгами, не воплотило их в жизнь. «Братство, равенство, свобода», «прогресс», «царство Божие» и т.п. до сих пор остаются чаемыми и ожидаемыми, а не осуществленными, хотя стремились к ним чуть ли не со времен Адама.

Я не могу здесь входить в подробности этого вопроса. Замечу только, что при рассмотрении поведения как отдельных лиц, так и революционных и всяких других движений мы постоянно сталкиваемся с явлениями идеологического или социологического иллюзионизма.

Иллюзионизм состоит в том, что люди под бóльшую часть своих поступков подводят «прекрасную идеологию», облагораживающую их и дающую им оправдание. Редко когда человек просто вцепляется в горло ближнего, чаще всего он делает это, доказывая себе и другим, что совершает это во имя «Бога», «Добра», «Красоты», «прогресса», «счастья человечества», «социализма», «интересов революции», «спасения отечества» и т.д., и т.д. Грабит ли человек другого, насилует ли, ворует или убивает – он в большинстве случаев (в отличие от животных) высокими словами и мотивами оправдывает любую совершаемую им мерзость. Откровенных циников (людей, не забавляющих себя и других такими идеологиями и мотивировками) немного: оттого-то их и называют «циниками». Большинство же людей постоянно гипнотизируют себя и других такими иллюзиями, придающими красивую окраску подчас самым отвратительным актам. С этой точки зрения почти все люди в той или иной мере тартюфы^{2*}. Их субвокальные и речевые рефлексы (убеждения) довольно часто расходятся с их поступками.

То же самое еще в большей степени справедливо и по отношению к крупным общественным движениям. Здесь поистине *ducunt volentem fata, nolentem trahunt*^{3*}. Приведу некоторые примеры. Большинство революций в Китае, Персии, Турции, Древнем Египте, Греции (с V в. до Р.Х.) и Риме (с конца республики) шло под высокими лозунгами, но ни один из них объективно не был выполнен.

нием собственности; в этом состоит ее внутренняя основа, ее перманентная сила, ее первый двигатель и исторический смысл. Но когда в древности происходили аналогичные процессы: отмена долгов, конфискация имущества богачей, раздел общественных земель, то эти процессы происходили только в пределах города и ограничивались небольшой территорией. Французская революция впервые (не совсем верно. – П.С.) осуществила это в огромном масштабе и в пределах современного государства» (*Taine H. Les origines de la France contemporaine, vol. II, p. 38*).

Христианство дебютировало идеологией равенства, братства, коммунизма – обьективно оно не выполнило ни одного из этих обещаний. Великая французская революция шла под лозунгами прав человека, свободы, равенства и братства – на деле никогда не было меньше свободы, равенства и братства (десятки тысяч гильотинированных «братьев», деспотизм Конвента, etc), чем в годы революции и во время правления Наполеона.

То же самое произошло и с лозунгами Великой русской революции. Вместо «равенства», «хлеба», «мира», «коммунизма», «разрушения капитализма и государства» и т.п. получились НЭП, игорные дома, голод одних и роскошь других, самый хищный капитализм, всеопекающее государство и т.д.

Великая война прокламировалась как война освободительная, оборонительная, за право национального самоопределения, за братство народов и т.д. Версальский договор^{4*} показал полный иллюзионизм этих лозунгов и идеологий. Так было в прошлом, так обстоит дело теперь и так, по-видимому, будет обстоять еще долго в будущем. В своих речевых и субвокальных рефлексах (словах и субъективных идеологиях) люди были и остаются иллюзионистами, тартюфами, искренними или неискренними – все равно. «Человек есть животное, которое нередко высокими словами искренно мотивирует всякую мерзость». Нужно ли после этого доказывать несущественное значение всяких высоких идеологий и лозунгов! Это самая дешевая вещь на свете.

Таким образом, если голод при определенных условиях вызывает преступления, то при массовом дефицитном или относительном голодании при наличии тех же условий (и некоторых добавочных, о которых будет сказано ниже) такие акты станут массовыми, т.е. в итоге выльются в восстание, общественное движение, социальное волнение, революцию.

Такой вывод, как видим, непосредственно вытекает из предыдущего.

Остановимся несколько подробнее на «механистическом» объяснении связи между массовым голодом и волнениями и укажем условия, необходимые для реализации этой связи.

Как мы уже видели, голодные люди в силу пищетаксиса притягиваются к пищевым объектам (или их эквивалентам) и стремятся овладеть ими.

Если продукты питания можно ввезти – их ввозят.

Если ввоз недостаточен и пищевые скопы находятся за границами области, охваченной голодом, то голодающие эмигрируют (мирно или насильственно) за рубеж.

Если эти пути утоления голода почему-либо недоступны, голодные оказываются в поле силовых линий тех пищевых скопов и их эквивалентов, которые имеются в пределах данной области. Они будут притягиваться ими, концентрироваться около них, стремиться к их захвату.

Пищетаксис непременно будет толкать их в этом, а не в каком-либо ином направлении. Когда голодают немногие, происходят единичные преступления

на почве голода. Когда голодают массы, начинается массовое притяжение к пищевым скопам, предпринимаются массовые попытки их захвата; а так как владельцы богатств обычно мешают этому, защищая свое достояние, так как часто и государственная власть делает то же самое, то становится неизбежной борьба голодных с сытыми, бедноты с богачами и властью, охраняющей права и достояние последних. Эти явления и составляют то, что носит название социальной борьбы, волнений, бунтов, восстаний или революций – в зависимости от масштабов.

Таково механистическое объяснение связи между голодом или ущемлением пищевых рефлексов и социальными волнениями.

Оно позволяет указать и те условия, которые необходимы для того, чтобы голод вызвал волнения подобного рода.

Основными из этих условий являются следующие:

1) Значительное ухудшение *питания масс* и начало дефицитного или относительного голодания.

а) Значение имеет не только ухудшение питания масс, превращающее его из недефицитного в дефицитное, но и всякое значительное ухудшение режима питания, его снижение с более высокого уровня на более низкий, хотя бы этот низкий уровень и не означал дефицитного голодания.

б) Огромное значение имеет, далее, быстрота и резкость этого ухудшения и снижения уровня питания масс. Чем резче и быстрее оно происходит, тем *ceteris paribus* сильнее и внезапнее ущемляются пищевые рефлексy, следовательно, тем вероятнее общественные волнения. И психологическая, и физиологическая реакция организма в этом случае будет весьма бурной.

с) В связи с этими двумя условиями находится третье – их производное. Ущемление имеет свой предел, перейдя который, оно ведет уже не к усилению борьбы за жизнь, а к полной апатии. Поэтому наиболее активных действий от голодающих масс *ceteris paribus* можно ждать тогда, когда голод велик, но не чрезмерен.

При абсолютном голодании максимум активности проявляется в первые два-три дня, при голодании относительном и дефицитном вспышки активности совпадают с моментами резкого усиления голода и происходят до тех пор, пока дефицит не достигает уже столь огромных размеров, что организм лишается энергии, необходимой для совершения активных действий, и превращается по сути дела в живой труп².

² «Организм, утратив значительную часть своего существа, уже не думает об активных мерах для улучшения своего положения. Голод действует подобно наркозу, вслед за начальным возбуждением организма, бурной реакцией следует период угнетения, паралича, апатии». Такие – крайне истощенные – голодные не только нерешительны, но они поражают «своим смирением, покорностью судьбе, отличаются низкопоклонничеством, лестью» (Вальдман В.А. К вопросу о клинике голодания // Юбилейный сборник в честь XXV-летия врачебно-научной деятельности проф. И.И. Грекова. Пг., 1921, с. 441).

Таково первое условие и связанные с ним релевантные обстоятельства.

2) Вторым необходимым условием для начала волнений является наличие в данном обществе имущественной дифференциации, или слоя богачей, обладающих пищевыми запасами и их эквивалентами в виде богатств всякого рода. Если нет этой дифференциации, если все бедны, если нет скопов продовольствия и их эквивалентов в пределах области, охваченной голодом, то нет пищевого магнита, некого атаковать и нечего захватывать.

И наоборот, чем сильнее имущественная дифференциация, чем большие скопы сосредоточены в руках определенных лиц и групп, тем сильнее магнит, тем интенсивнее притягивает он голодные человеческие «опилки». Как скорость течения воды тем больше, чем больше разница уровней, как переход теплоты от более нагретого тела к менее нагретому тем интенсивнее, чем больше разница их температур, так и тяготение человеческих масс и стремление их к захвату богатств тем интенсивнее, чем больше имущественная пропасть между богатыми и бедными, сытыми и голодными.

3) Третьим само собой разумеющимся условием является *невозможность или большая трудность покрытия продовольственного дефицита иными способами*.

Таковы основные условия, необходимые для того, чтобы массовый голод привел к массовым волнениям, восстаниям, бунтам и революциям.

Дополнительными условиями, благоприятствующими такому эффекту, служит множество обстоятельств. Перечислим хотя бы некоторые из них.

1) *Степень и объем добровольной помощи голодным со стороны власти и богачей*. Чем она больше, тем меньше вероятность восстания.

2) *Характер условных рефлексов населения и степень их прочности*. Если эти рефлексы в течение ряда поколений были такими, что часто не могли помешать захватам, нарушениям прав собственности и прав личности (а соответствующие им убеждения тоже позволяли и одобряли это), то они по сути дела не являются тормозами, удерживающими людей от захватов, нападений и насилий, и чем они слабее, тем легче произойдут волнения под влиянием голода. Если же, наоборот, в народе воспитано чувство уважения к чужому достоянию, если он приучен к воздержанию от нарушений чужих имущественных и личных прав, то голоду нужно сначала преодолеть силу сопротивления этих рефлексов, и, только подавив их, он сможет вызвать волнения.

То же самое относится и к другим рефлексам.

Спрашивается теперь: всегда ли массовый голод приводит к волнениям, если имеются указанные выше необходимые и содействующие началу восстаний второстепенные условия: отсутствие добровольной помощи со стороны богачей и власти, наличие у населения соответствующих рефлексов и т.д.?

Ответ: всегда, за исключением тех случаев, когда давление голода нейтрализуется другими столь же могучими детерминаторами.

Мне не раз приводилось экспериментировать с голодными собаками; я клал перед ними кусок хлеба или мяса, и они жадно набрасывались на него. После этого я снова клал кусок, но брал палку и запрещал собаке его трогать. Если она его трогала, то получала сильный удар и после двух-трех таких «уроков» усваивала, что лежащий перед нею кусок трогать нельзя, поскольку палка – налицо.

То же самое и с человеком. Поставьте перед голодным аппетитный бифштекс, и – если нет никаких тормозов – он его с удовольствием съест. Но если приставить к его виску револьвер и пригрозить, что, как только он прикоснется к находящемуся перед ним «магниту», прогремит выстрел, то, естественно, он к нему не притронется. При наличии таких нешуточных тормозов акты захвата продовольствия со стороны голодных масс могут быть заторможены.

Как бы ни был силен голод, но если к виску голодающих приставлен револьвер, т.е. введено военное или осадное положение, отдан приказ о расстреле на месте при малейшей попытке бунта, то волнения могут и не произойти. Эффект голода будет нейтрализован другим «сильнодействующим» средством.

Вот почему в ряде сильнейших голодовок в Индии, России и в прежние времена на Западе, когда условия, необходимые для возникновения волнений, были налицо, они все-таки не возникали или не принимали значительных масштабов.

Как видим, дело обстоит не так просто, как это часто изображают сторонники двух противоположных мнений, к рассмотрению которых мы теперь и приступим.

Сторонники одной из этих точек зрения говорят, что голод всегда ведет к волнениям. Неверно, – приходится отвечать им на основании всего вышеизложенного. Если ухудшение питания совершается исподволь и медленно, если в обществе нет резкой имущественной дифференциации или если имеются более легкие способы удовлетворения голода, если вдобавок к этому богачи, общество и власть делают все, что в их силах, для облегчения голода, если правительственный аппарат крепок, охранительные меры не страдают от излишней мягкости или если рефлексы населения способны удерживать его от актов насилия и захвата, если, наконец, голодание доводит массы до крайней степени истощения, то при наличии ряда таких условий восстаний, революций и т.п. может не быть и чаще всего не бывает.

Так, в России не было сколько-нибудь серьезных волнений ни во время голода 1833–1834 гг., ни в голод 1891–1892 гг., ни даже в ряде областей и городов во время голода 1918–1921 гг. В Питере, Москве и других местах население молча и безропотно умирало в течение нескольких лет.

Сильная власть, крайнее истощение населения, в 1918–1921 гг. – приставленный к виску револьвер и всеобщее обнищание; большая помощь голодающим со стороны общества и власти, покрывавшая большую часть дефицита, плюс сильный карательный аппарат государства, плюс рефлексы повиновения

русского народа палочной власти, привитые рабством, крепостничеством да и всей нашей историей³, – все это способствовало тому, что в 1891–1892 гг., как и в 1833–1834 и другие годы, волнения были «заторможены».

Еще отчетливее это можно видеть на голодовках Индии в эпоху владычества англичан. Помощь голодным, сильный аппарат власти, надлежащие рефлекс-ы повиновения индусов «сахибам»^{6*} – все это тормозило и тормозит волнения. В средневековых голодовках в ряде случаев не было имущественной дифференциации, голодание доводило население до крайней степени истощения, а потому и не было этой социальной функции массового голода.

Но следует ли отсюда, что правы те, кто утверждает, будто голод не ведет к восстаниям и волнениям, что восстают только сравнительно сытые? Такое мнение высказывают как историки (Романович-Славатинский, М.М. Ковалевский, отчасти Е.В. Тарле и др.), так и некоторые биологи (Тарасевич, Бехтерев), которые в известной мере отрицают функциональную связь между голодом и восстаниями.

«Давно замечено, – пишет М.М. Ковалевский, – что революционные движения, хотя и вызываются избытком общественных бедствий, загораются обыкновенно не в моменты наибольшей приниженности, а наоборот, в периоды сравнительного подъема благосостояния масс. Вся история может служить иллюстрацией этой мысли. Положение крестьянства при Людовике XVI было, разумеется, несравненно лучше, чем в последние годы царствования Людовика XIV. Это не приблизило, однако, на столетие французского переворота. Самосознание, возникающее одновременно с материальной обеспеченностью, открывает глаза крестьянству на возможность улучшить свое положение новыми коллективными усилиями»⁴.

Утверждение М.М. Ковалевского содержит только один правильный пункт, гласящий, что сильное дефицитное голодание масс, приводящее к крайнему истощению, не сопровождается волнениями и революциями. Выше я уже указывал на это обстоятельство. Но из него вовсе не следует, что «революционные движения загораются... в моменты сравнительного подъема благосостояния масс», т.е. в моменты, когда их пищевой режим улучшается. Это положение спорно, и доказать его, думается, было бы очень трудно.

Целый ряд фактов повседневной жизни и исторических событий свидетельствует о том, что крупные социальные движения начинаются именно в моменты снижения уже устоявшегося уровня питания масс, а не в моменты его повышения. Исключением являются только такие ухудшения, когда имев-

³ Л.Н. Толстой прав, когда устами Нехлюдова говорит по этому поводу следующее: «Народ вымирает, привык к своему вымиранию, среди него образовались приемы жизни, свойственные вымиранию, – умирание детей, сверхсильная работа женщин, недостаток пищи для всех»^{5*}.

⁴ Ковалевский М.М. Экономический рост Европы. М., 1900, т. II, с. 525–526.

шийся до них уровень питания был крайне дефицитным и истощил население до крайности.

Таковы вкратце условия, при которых ухудшение питания масс (относительное и дефицитное голодание) ведет к волнениям и революциям.

Очертив эту связь между голодом и волнениями, попытаемся теперь подтвердить ее.

1) Первой группой многочисленных и часто повторяющихся фактов, легко доступных наблюдению и проверке, прямо говорящих об этой связи, *служат проявления недовольства, начиная от ропота и кончая бунтами, в небольших социальных агрегатах* (в пансионатах, столовых, общежитиях, в продовольственных очередях, ресторанах, трактирах, среди солдат, рабочих и других лиц, живущих на готовых харчах и получающих определенный «рацион», и т.д.) – проявления, которыми почти всегда сопровождается ухудшение их питания. Мне, вопреки мнению М.М. Ковалевского, не известны факты, когда такие группы реагировали бы ропотом, бранью, битьем посуды, мордобоем и другими формами «бунта» на улучшение их рациона, обеда, пайка, «харчей» и продовольственных выдач. Напротив, всякое увеличение количества и улучшение качества таких выдач вызывают реакцию в виде чувства удовольствия, благодарности, радости и т.п.

Зато при снижении кривой количества и качества пищи реакция «недовольства», «протеста», «возмущения» обычна. Кто не слышал и не знает о «продовольственных бунтах» в учебных заведениях (духовных семинариях, пансионатах, студенческих столовых), приютах, богадельнях, на фабриках, в армии и т.д., вспыхивавших в ответ на ухудшение питания? Сотни таких фактов имели место в русских «государственных столовых» за эти годы, когда и без того дрянная их пища становилась еще хуже; при выдаче пайков, когда их величина уменьшалась или ухудшалось их качество, и т.д., и т.д.⁵ Уменьшение количества и снижение качества пищи, получаемой соответствующей группой людей, во всех этих случаях влекло и влечет за собой маленькие бунты, волнения, иногда – революции, заканчивающиеся «ниспровержением» существующего продовольственного строя, его властей и агентов, битьем посуды и разгромом помещений, иногда избиением действительных или мнимых виновников ухудшения и т.д.

Во всех такого рода событиях отчетливо проявляется указанная связь между ухудшением питания и возникновением волнений и революций. Нужно ли говорить, что они представляют собой уменьшенную копию крупных социальных волнений? Допустим, что вместо нескольких десятков лиц перед нами 500 тысяч человек, у которых уменьшается количество пищи и снижается ее качество, – и тогда вместо «бури в стакане воды» (в приюте, общежитии, бо-

⁵ Я лично наблюдал десятки и сотни таких протестов и волнений в Доме ученых в феврале-апреле 1921 г., когда выдачи пайков резко сократились, в 1918–1919 гг. в столовых университета и Бестужевских курсов, в продовольственной лавке рабфаковцев и студентов Петроградского университета, etc.

гадельне, etc) мы увидим бурю уже более солидную, представляющую собой общественное событие (в виде грандиозного митинга, массовой демонстрации под лозунгом «Хлеба!» или в виде разгрома хлебных лавок, базаров, продовольственных складов и т.п.).

Одного указания на такие факты достаточно, чтобы признать сформулированное выше основное положение доказанным.

2) *Второй разряд фактов, подтверждающих эту теорему, представляет история, позволяющая сопоставить даты и места крупных волнений с характером движения кривой питания масс.* Хотя исторические доказательства (вопреки обычному мнению историков) самые неточные и неудовлетворительные (ибо здесь всегда имеется ряд иксов, и чем древнее эпоха, тем их больше; данные, свидетельства и описания всегда приблизительны), однако для проверки наиболее фундаментальных процессов пригодны и они. Если на основании этого материала нельзя точно определить, на сколько калорий снизилось питание, например, английских рабочих в 40-е гг. XIX в. или французских крестьян и горожан в 1788–1789 гг., то все же можно вполне определенно сказать, улучшилось оно или ухудшилось, т.е. усилилось или ослабло «ущемление» пищевых рефлексов.

Перейдем теперь к проверке нашей теоремы.

Древний Восток. При всей неразработанности истории Древнего Востока в ней все же зафиксированы случаи возникновения волнений на почве недостатка продуктов питания. В Египте, пишет Масперо, «небольшие бунты случались нередко и всегда вызывались нуждой и голодом. Большая часть платы состоит здесь в хлебе, дуру (пшено), масле, порциях пищи, которые начальники работ обыкновенно раздают с первого числа каждого месяца и которых должно хватить до первого числа следующего месяца». «В первые дни месяца порции уменьшаются и начинается ропот; в продолжение последней недели наступает настоящая голодовка, и это отзывается на самой работе. Если справиться в официальных записях, которые вели на местах работ писцы, то окажется, что ближе к концу каждого месяца происходили общие забастовки, вызываемые голодом и слабосилием рабочих»⁶. Было бы интересно проследить связь между колебаниями бедности и волнений в истории Египта. Но, к сожалению, у нас нет необходимых для этого данных. Можно только утверждать, что отдельные эпохи смут и волнений совпадают с периодами обнищания страны. Так, время после XII династии было одним из самых бедственных в Египте⁷. В это время «в экономическом отношении страна быстро клонилась к упадку», «общее шаткое положение вещей подорвало ее сельское хозяйство и промышленность»⁸. Эта

⁶ Масперо Г. Древняя история. СПб., 1903, с. 25–28; Тураев Б.А. Древний Египет. 1922, с. 120–121.

⁷ Тураев Б.А. Цит. соч., с. 70.

⁸ Брэстед Д. История древнего Египта. М., 1915, т.1, с. 224.

же эпоха была и временем величайших социальных революций и смут, о которых дают представление записи современников тех лет – старца Онху и Ипувера.

«Правда выброшена, попораны предначертания богов, земля бедствует, повсюду плач, области и города в скорби. Встаешь рано каждый день, а сердце не облегчается от тяжести. Широка и тяжела моя скорбь. Приди, приди, мое сердце, и объясни мне происходящее на земле...» «Земля перевернута... Злобные обладают богатствами... Почтенные в горе, ничтожные в радости. Умались люди, повсюду предатели... Золото, ляпис лазури и малахит – на шеях рабынь, а знатные женщины говорят: “О, если бы нам поесть...” Они печальны, ибо ходят в лохмотьях. Сын знатной особы не отличается от человека простого происхождения. Рабыни не стесняются в речах, а когда их госпожи говорят, это им не нравится... Князья голодают и страдают, а слуги имеют слуг. Зерно погибло повсюду. Люди лишены одежды, колосьев, масла. Нет ничего. Судебные законы попораны... Чернь ходит взад и вперед по великим палатам, а дети князей выброшены на улицу... Обнаружены тайны царей... Синклит прогнан из дома царей»⁹.

Аналогичные события происходили и в другие эпохи, например при Эхнатоне¹⁰, после 19-й династии¹¹, при Рамзесе III¹² и после него, во времена правления 21–24 династий¹³.

Греция. Здесь связь обеднения массы населения, а следовательно, и ухудшения ее питания с ростом волнений и революций проявляется в том, что начиная с рубежа VII–VI в. до Р.Х., знаменующего собой аграрную революцию, обезземеливание крестьянства, ухудшение материального положения масс, появление богатых групп и рост имущественной дифференциации, начинаются и социальные революции со всеми их жестокостями и насилиями. Эксплуатация крестьянской массы достигает крайней степени. В Афинах, например, крестьяне должны были довольствоваться $\frac{1}{6}$ долей урожая, отдавая $\frac{5}{6}$ в пользу землевладельца. Просуществовать на $\frac{1}{6}$ часть урожая было невозможно. Массы обрекались на голодное и полуголодное существование.

С этого же времени начинаются и революции. Появляется партия пролетариата («кулаков», по терминологии того времени), начинается беспощадная борьба сытых и голодных. «У массы населения сознание безысходной социальной нищеты должно было уступить место другому настроению. Все общественные классы, кроме привилегированного, были охвачены революционным порывом. Разгораются ужасные страсти и преступные инстинкты»¹⁴. Вспыхивает Мегарское восстание (ок. 640 г.), происходившее, по словам современника, под

⁹ Тураев Б.А. Цит. соч., с. 70–71.

¹⁰ Брэстед Д. Цит. соч., т. II, с. 33, 84.

¹¹ Там же, с. 156.

¹² Там же, с. 179–181.

¹³ Там же, с. 200–208, 218, 231–232.

¹⁴ Пельман Р. История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910, с. 353.

лозунгом «Сперва ищи пропитание, добродетели же – когда у тебя уже есть на что жить». Бедняки набрасываются на богачей, раздражаются неистовства, противники готовы «съесть друг друга живьем»¹⁵.

VI и отчасти V вв. до Р.Х. наполнены переворотами и появлением тиранов в Коринфе, Милете, Митилене, на Самосе, в Аргосе, Мегаре, Сиракузах, Кротоне, Афинах и т.д. «Повсюду эти тираны, помимо насилия, проводили одну и ту же политику: как правило, они истребляли выдающиеся умы и добивались уничтожения аристократии с помощью народа»¹⁶.

Ограбление аристократии, ухудшение положения масс и их питания влечет за собой рост числа волнений и переворотов. «По мере того, как мы удаляемся от старого режима, образуется и растет класс бедняков. Раньше, когда каждый человек составлял часть рода и имел своего хозяина, бедности почти не было. Каждого кормил его господин. С распадом родовых связей жизнь стала более независимой, но и более трудной и подверженной случайностям. Теперь каждый должен был сам заботиться о своем благосостоянии. Один обогащался, другой беднел». Возникло резкое имущественное неравенство, а вслед за тем начались и политические перевороты¹⁷.

Позже с некоторыми перерывами бедность масс и имущественные контрасты не уменьшались, а в общем возрастали, «демократия не уничтожила нищеты; напротив, она сделала ее более чувствительной...». Численность бедняков росла непрерывно. Росли и волнения, борьба партий обострялась, становилась все более и более жестокой, перевороты учащались¹⁸.

В это время «даже в демократических Афинах простолюдин одевался не лучше раба. Жизнь массы населения находилась на весьма низком уровне. Поденная плата, равнявшаяся трем оболам^{7*} (в V в. до Р.Х.), была недостаточна для прокормления семьи, несмотря даже на нетребовательность южан». Позже, хотя среднее вознаграждение за квалифицированный труд поднялось до 1^{1/2} и 2–2^{1/2} драхм, «покупательная способность денег снизилась, так что это повышение заработной платы вряд ли может быть признано симптомом увеличения доходов низших классов народа». В Аттике, по подсчетам Г. Майра, минимум, необходимый для существования четырех человек, в конце IV в. до Р.Х. равнялся 525 драхмам^{8*}, так что заработная плата, равнявшаяся 1^{1/2} драхмам в IV в. и 1 драхме в V в., оказывалась ниже этого минимума, необходимого для существования. В других местах дело обстояло еще хуже. Положение усугубляла к тому же и война, которая шла в течение 55 лет¹⁹.

¹⁵ Там же, с. 358–359.

¹⁶ *Fustel de Coulandes N.D.* La cité antique. Paris, 1905, p. 324. См. также: *Drumann W.* Die Arbeiter und Communisten in Griechenland und Rom. Königsberg, 1860, S. 23–24.

¹⁷ *Fustel de Coulandes N.D.* La cité antique, p. 397–398.

¹⁸ *Ibid.*, p. 397–399 и гл. XII.

¹⁹ *Пельман Р.* История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910, с. 370–372, 375, 376.

Мудрено ли, что при таком дефиците продовольствия социальные конвульсии в обществе становятся весьма частыми, в известной мере перманентными. «Бедность порождает гражданскую войну и преступление», – писал Аристотель, резюмируя свои наблюдения над положением вещей²⁰. «Пролетарий этих веков – прирожденный революционер»²¹.

«Бедность и имущественное неравенство становятся побудительными мотивами, вызывающими непрерывные революции», – говорит Пельман²². Социальная борьба V в., согласно Фукидиду, породилась «желанием отделаться от бедности, которую долго приходилось терпеть, и страстным желанием овладеть чужим имуществом». Революция следует за революцией: в 427 г. – в Керкире, в 412 г. – на Самосе, в 370 г. – в Арагосе и т.д., с отбиранием имущества богатей, с захватом земель, «социализациями», бесчисленными убийствами и насилиями²³.

Эту же связь можно проследить и более детально. Известно, что Афины после Персидской войны в течение 30-летнего мира жили сравнительно благополучно²⁴. В этот период не было крупных волнений и переворотов. Но вот – раздражается Пелопоннесская война^{9*}. «Начинает увеличиваться нужда. Сокращаются государственные подачки. Массы населения нищают. К концу войны все продовольствие (в блокируемых Афинах) иссякает, и люди начинают умирать с голоду»²⁵. И что же мы видим? Видим, как с ростом бедности и голода начинаются и конвульсии афинского общества. Внутренняя борьба обостряется, переворот следует за переворотом. Таковы, не говоря о мелких переворотах, революции 411 и 409 гг. Вслед за ними происходят социальные перевороты, руководимые Критием, Фераменом и «тридцатью тиранами»^{10*}, которых быстро свергают, – словом, голодный агрегат начинает почти непрерывно биться в сильнейших революционных конвульсиях²⁶, кровь льется потоками, жестокость доходит до чудовищных размеров, гражданская война – до максимума. По причине такого же обнищания в этот период происходят революции в Керкире и Арагосе²⁷.

В Спарте особенно резкое обеднение и рост имущественной дифференциации выявляются в середине III в. до Р.Х. К этому времени «большинство ее граждан обеднело, и, так как они не могли осуществлять свои гражданские права, должности и общее управление сосредоточились в руках кучки людей. Число спартанцев, имевших недвижимую собственность и богатства, было не более ста человек; таким образом, громадные состояния сосредоточились в руках не-

²⁰ Аристотель. Политика. II, III, 7, 1265b.

²¹ Пельман Р. История античного коммунизма и социализма, с. 451.

²² Там же, с. 452.

²³ Там же, с. 455–456.

²⁴ См.: Busolt G. Griechische Geschichte. Gotha, 1897, Bd. III, S. 580–582, 562–565.

²⁵ Ibid., S. 1402–1403, 1450, 1614, 1628.

²⁶ Ibid., S. 1456–1457.

²⁷ См.: Фукидид. История. III, 81–85.

многих»²⁸. В этот же именно период мы встречаемся здесь с острейшими социальными революциями и переворотами (Агиса IV [243–237] и Клеомена III [236–220 до Р.Х]), сопровождавшимися чудовищной резней, террором, конфискациями, «социализациями» и т.д.

В дальнейшем сытость Спарты не увеличивается. Войны еще более ухудшают ее положение. Вместо обогащения «многие граждане вышли из этих войн еще более разоренными, и это послужило причиной последующей борьбы и переворотов». Социальная революция стала чуть ли не перманентной. При Набисе (конец III – начало II в.) снова повторяется старое: «множество выдающихся и имущих граждан убивается или отправляется в ссылку, их имущество тиран раздает бедным, их жен отдает своим друзьям и солдатам» и т.д. Чем дальше, тем положение становится все хуже, наряду с этим почти без перерыва продолжают и социальные катаклизмы (188 г. и др.), доведшие Спарту до полного упадка и гибели²⁹.

Конечно, указанная нами связь между революциями и обнищанием масс и усилением их голодания описана довольно суммарно, без желательной точности, но все же и такое описание, хотя и весьма приблизительно, но фиксирует эту связь. Революции начинаются со времени обеднения масс и роста имущественной дифференциации, учащаются по мере их роста и прекращаются, пожалуй, только с момента подчинения Греции Риму, когда страшное обезлюдение и мир принесли, наконец, материальную обеспеченность.

Рим. Почти то же самое мы наблюдаем и в истории Рима. В начальный ее период, когда «сплошь консервативное крестьянство, крепко державшееся за землю, безусловно господствовало на форуме... поразительным образом нет упоминаний ни о каких резких классовых противоречиях, ни о сколько-нибудь глубоких классовых конфликтах, ни о нападках на общественный строй»³⁰.

Позднее, по мере обезземеливания крестьянства, роста населения Рима и увеличения численности пролетариата^{11*}, следовательно, с подъемом кривой бедности и голода – резко начинает подниматься и кривая восстаний. А бедность была страшная. «Армия нищеты разрослась до огромных размеров». Ее составляли бедный городской пролетариат, бедные сельские пролетарии, интеллигентный пролетариат плюс армия рабов. «При дороговизне жизни в Риме рабочий, зарабатывавший около 3 сестерциев^{12*} в день, был жалким пролетарием. В Риме скопилась столь огромная масса того элемента, который можно назвать низшим осадком пауперизма, – нищих и бродяг, голодной черни, словом, босяцкого пролетариата, – что о его населении отзывались, как о клоаке»³¹.

²⁸ Niese B. Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten. Gotha, 1899, 2 Teil, S. 296–297.

²⁹ Ibid., S. 563–564; Teil 3, S. 42–43.

³⁰ Пельман Р. История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910, с. 546–548.

³¹ Там же, с. 451. См. также: Сальвиоли Г. Капитализм в античном мире. 1922, с. 13–18, 24, 165–170.

Не лучше обстояло дело и вне Рима. К концу республики общее положение масс продолжало ухудшаться, имущественная дифференциация – увеличиваться. «В римском государстве не наберется и 2000 человек, владеющих каким-либо имуществом», – так охарактеризовал ситуацию трибун Л. Филипп в 104 г. до Р.Х.³²

Ответом на это стали ряд крупных и мелких революционных движений, увеличение анархии и бандитизма. Экономическое положение масс перед началом движения Гракхов рисуется в таком виде: «Даже у лесных зверей имеются логовища, – говорит в своей речи Тиберий Гракх, – граждане же, сражавшиеся за честь и славу государства, не знают, где приклонить главу. У них не осталось ничего, кроме света и воздуха»³³.

Катилина, возглавивший еще одно движение, охарактеризовал положение так: «Дома у нас нищета, вне дома – долги; печально наше нынешнее положение, еще безотраднее будущее»³⁴.

В итоге – ряд революционных конвульсий (движения и восстания Гракха, Цинны, Катилины, Целия, Долабеллы, Спартака, Сатурнина и др.), с ничтожными по времени интервалами следующих друг за другом. Это – с одной стороны. С другой – гражданские войны и развитие преступности.

В движении Сатурнина социальной группой, на которую он опирался, были обезземеленные крестьяне-италики. «Он был политическим вождем италиков», с помощью которых «одерживал свои полувоенные-полуполитические победы на форуме». Борьбу за его незавершенную реформу продолжил Л. Друз, при котором она приобрела характер настоящей войны. Причины ее «вполне понятны». Завоевания Рима, обогатив сам город, «разорили большую часть страны, выжали все соки из патриархальной Италии, довели часть ее населения до нищенского положения». Отсюда – «крестьянская революция, известная под традиционным названием Союзнической войны»^{35/13*}. Всюду здесь в порыве «злобного отчаяния беднота становится движущей и разрушительной силой; она переживает республику и не перестает тревожить и систему цезарей»³⁶.

Наряду с этими «перманентными революциями», бурлящими в конце республиканского периода истории Рима, начиная со II-го века до Р.Х. в Италии в несметном количестве появляются шайки разбойников. Раньше, пишет Диони-

³² Мейер Э. Народонаселение в древности // Народонаселение. М., 1897. Подробнее об ухудшении материального положения римского населения к концу республики см.: *Fustel de Coulanges N.D.* Op. cit., part XII; *Drumann W.* Op. cit., S. 23–24, 39–43; *Niese B.* Grundriss der Römischen Geschichte. München, 1906, S. 146–147; *Duryy.* Histoire des Romains. Paris, 1885, vol. VII, p. 522–523.

³³ Пельман Р. Цит. соч., с. 555–556, 563.

³⁴ Там же, с. 564.

³⁵ Виппер Р.Ю. Очерки истории Римской империи. М., 1908, с. 80–85, 91–93.

³⁶ Пельман Р. Цит. соч., с. 555.

сий Галикарнасский, не было случаев, чтобы «бедные врывались в дома богачей в надежде найти там съестные припасы или же пытались похитить доставленный на рынок хлеб». Теперь это стало нормой³⁷. Вместе с тем все чаще и чаще вспыхивают восстания рабов.

Гражданская война заливает всю страну. Ее лозунгом становится «Война дворцам и мир хижинам» – лозунг, выдвинутый эннским царем рабов^{38/14*}.

Весь общественный организм бьется в судорожных конвульсиях, его клетки, испытывающие нехватку пищи, начинают поедать и истреблять друг друга. Гражданский мир полностью исчезает. То, что во всем этом «вопрос желудка» играет основную роль, помимо всего сказанного подтверждается еще и тем, что основные требования бунтующих всегда так или иначе были связаны с вопросом о хлебе: требование раздела государственных земель, выдвинутое Спурием Кассием, аграрный и фрументарный законы братьев Гракхов^{15*}, закон Мария о снижении цен на хлеб, лозунг «экспроприации богачей», выдвинутый в ходе целого ряда других революций, аграрные требования Сатурнина и Друза и т.д. Даже чисто политические требования были средством к завоеваниям экономическим и продовольственным. «Лозунг “Вся власть народному собранию” ставил своей ближайшей целью обеспечить суверенным гражданам дешевый, а затем и даровой хлеб за счет государства, т.е. реально либо за счет подчиненных и зависимых (от Рима), либо за счет имущих, по отношению к которым все средства принуждения казались дозволенными»³⁹.

Что же касается самого Рима, то он со своим населением, выросшим почти до миллиона человек, был в конце республиканского периода охвачен хроническим голоданием, а потому и непрерывными волнениями. «Необходимо было беспрестанно успокаивать массы и... это успокоение откровенно признается мотивом, побудившим цезаризм признать право масс на хлеб и зрелища». Но... «никогда не удавалось добиться прочного успокоения. Буйные скопища неистовствующих народных масс и всевозможные насилия составляют постоянную рубрику в истории города. Обыкновенно возмущения масс вызывались их затруднительным экономическим положением, жалобой на высокие цены съестных припасов и озлоблением против действительных или мнимых виновников этих высоких цен»⁴⁰. «Римский плебс всегда был готов на беспорядки, как только опаздывал хлеб, привозимый из-за моря»⁴¹. «Вскоре после Брундизийского со-

³⁷ Там же, с. 548–549, 702.

³⁸ Там же, с. 549.

³⁹ *Ростовцев М.И.* Рождение Римской империи. СПб., 1918, с. 10–11. Он же правильно подчеркивает, что «еще более обострилась (социальная) борьба под влиянием... вопроса продовольственного».

⁴⁰ *Пельман Р.* Цит. соч., с. 555–556.

⁴¹ *Фридендер Л.* Картины из бытовой истории Рима. СПб, 1914, с. 27–28; *Сальвиоли И.* Цит. соч., с. 166.

глашения^{16*} флот Помпея отрезал Италию от хлебных рынков, начался голод», а с ним и снова гражданская война⁴².

«В 32 г. вследствие высокой цены на хлеб опять чуть было не начался бунт». Неурожай и голод 5–8 гг. сопровождалось волнениями и бунтами, то же самое произошло в 19 г. В 52 г. «хлеба (в Риме) осталось только на пятнадцать дней, разразился бунт, и Клавдий с трудом избежал народной ярости». Нечто подобное повторилось и в 68 г.⁴³ Начиная с Августа в силу ряда причин в I–II вв. экономическое положение населения Рима если не улучшается, то и не ухудшается. Этот же период является и периодом сравнительного спокойствия⁴⁴.

В III в. снова происходит резкое ухудшение. В силу разных причин растут нищета и голод, с одной стороны, с другой – концентрация богатств и имущественная дифференциация. В это время «земля стала производить мало, и голод превратился в постоянную угрозу, промышленность пала», новых завоеваний и добычи не было, приток рабов почти прекратился, натиск варваров стал сильнее и т.д. – словом, наступило сильнейшее обеднение масс и усиление их голодания⁴⁵.

С этого же времени, как известно, резко поднимается кривая анархии, смут, переворотов, бандитизма, восстаний и революций, прекращавшихся лишь на короткое время и продолжавшихся в общем до падения Западной Римской империи⁴⁶.

Ту же самую картину в этот период и позже мы видим и в римских провинциях, еще не захваченных варварами. Непрерывные волнения, пролетарские социальные революции вроде революции африканских крестьян, анархия, огромные шайки бандитов и грабителей (скамары, циркумцеллионы, багауды^{17*} и т.д.) – вот типичные явления этого периода. Голодавшие солдаты, «собрав вокруг себя голодных поселян и бродяг разных наций, положили начало скамарам, которые вступали в сражения с регулярными войсками и вели переговоры с римскими полководцами, как равные с равными»⁴⁷.

По словам современника, здесь «все вооружились на взаимную гибель»⁴⁸.

⁴² *Ростовцев М.И.* Цит. соч., с. 141.

⁴³ *Waltzing J.P.* Étude historique sur les corporations professionnelles chez les romaines // *Memoires couronnées* Бельгийской Королевской Академии. 1896, vol. II, p. 20.

⁴⁴ *Dury.* Histoire des Romains. Paris, 1885, vol. VI, p. 531.

⁴⁵ См.: *Dury.* Op. cit., vol. VI, ch. XCV, p. 350–351; *Niese B.* Grundriss der Römischen Geschichte. München, 1906; *Сальвиоли Г.* Цит. соч., гл. IX.

⁴⁶ См.: *Dury.* Op. cit., vol. VI, VII; *Niese B.* Op. cit., p. 50–51.

⁴⁷ *Thierry Am.* Récits de l'histoire Romain au V siècle. 1860, p. 141–171.

⁴⁸ См.: *Jordanes.* De Gothorum origine et rebus gestis, L–LII; *Salvianus.* De gubernatione Dei, V. «Порабощенные и истощенные массы поднимались в открытом восстании... Выступает образцовый тип пролетарской революции, “тяжелая поступь” марширующих пролетарских батальонов... Убивая и грабя, сжигая и опустошая, проходили мятежники по стране. Колонны^{18*} кинулись на поместья, рабы – на господ. Восставшие, встречая, например, носилки, заставляли сидящих меняться ролью с носильщиками, а рабы и зависимые принуждали господ исполнять вместо них тяжелую работу» (*Пельман Р.* Ранний христианский коммунизм. 1920, с. 36–38).

Связь между голодом и волнениями и здесь выступает довольно четко. Дефицитный обмен веществ римского агрегата влечет за собой кровавые конвульсии и борьбу.

Византия. Известно, что после Юстиниана (да отчасти и при нем) внутренняя история Византии изобилует волнениями, восстаниями, большими и малыми революциями. С X в. они становятся в известной мере перманентными. Не ошибемся, если в качестве одной из главных причин такой «лихорадки» назовем дефицитный обмен веществ. Необеспеченное сельское население, разоряемое бесконечными реквизициями, грабежом и податями власти, волновалось и восставало. Даже во времена Юстиниана провинции на этой почве «почти непрерывно представляли картину войны» (населения с властью и ее «продорганами») ⁴⁹. Не без этой причины вспыхнуло и знаменитое восстание 532 г. ⁵⁰ Положение населения было тяжелое ⁵¹. «Народные бедствия были нередким явлением», а голодовки, особенно в X, XI и XII вв., – частыми. Так, например, они были (от засухи) в 1026, 1028–1029, 1032–1034, 1037, 1040, 1054, 1058–1059 и др. гг. Мудрено ли поэтому, что «революции были беспрерывными». Императоры менялись, возводились и низводились чуть ли не ежегодно. «Ни один император не мог считать себя в безопасности на троне; из общего числа лиц, занимавших престол, добрая половина окончила жизнь насильственным образом» ⁵².

Кроме того, страна в то время, по-видимому, была перенаселена; по подсчетам Холмса, плотность ее населения в VI в. была вдвое больше, чем теперь, и равнялась $\frac{1}{3}$ плотности населения современной Англии. При уровне развития производительных сил того времени такая плотность была избыточной и значительную часть людей обрекала на голод, а следовательно, создавала кадры участников волнений и смут ⁵³.

Неевропейские страны. Если обратиться к истории волнений, междоусобиц и революций стран неевропейских, то при всей скудности данных можно все-таки утверждать, что фактор голода и здесь играл свою роль; религиозные и другие видимые их «причины» были скорее «одеждами», скрывающими борьбу между голодными и сытыми. Под знаменем религии, пишет Бартольд, в мусульманском мире «происходила борьба между городом и деревней, аристократическими и демократическими элементами городского населения» ⁵⁴. То же самое

⁴⁹ *Holmes W.* The age of Justinian and Theodora. London, 1907, p. 450–452. «Сбор налогов встречал регулярное сопротивление, вызывал кровавые восстания».

⁵⁰ *Ibid.*, p. 453–458. Одной из причин восстания было огромное скопление голодных беглецов с семьями.

⁵¹ См. *Holmes W.* *Op. cit.*; Очерки по истории Византии. СПб., 1912, вып. II, с. 63–65.

⁵² *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и церковь. СПб., 1884, с. 252–253, 134, гл. I и III.

⁵³ *Holmes W.* *Op. cit.*, p. 136–137, 123.

⁵⁴ *Бартольд В.В.* Культура мусульманства. 1918, с. 75–76.

mutatis mutandis^{19*} применимо и к другим странам. Когда читаешь историю Персии, Китая, Турции и т.д., то видишь только мелькание множества восстаний, революций и смут. Причины их, однако, не ясны. Дело изображается обычно так: вздумал такой-то правитель-герой произвести переворот – произвел; завтра то же самое вздумал сделать другой – и сделал. Участие народных масс и тысяч рук, нужных для этого, как будто являются сами собой или падают с неба. Мы так смотреть на дело не можем и, естественно, вынуждены искать более глубокие причины. Одной из них была и остается борьба за право быть сытым, за то, чтобы «хорошо поесть и сладко попить», легко собирающая тысячи голодных рук вокруг самого пустого знамени или лозунга. И хроникеры временами дают основания для такого объяснения, так же как и ряд побочных соображений.

Возьмем, например, историю Китая. Первое, на что мы здесь обращаем внимание, это исключительно высокая плотность населения, ведущая к перенаселенности. Второе – что целый ряд волнений следует за периодами быстрого роста населения (например волнения во времена Ван Ань-ши, восстание тайпинов, боксеров^{20*} и т.д.). Третье – это бедность народных масс и в прошлом, и теперь. Четвертое – хронологическое совпадение крупных волнений с временами голода и ухудшения экономического положения масс. Этих данных достаточно, чтобы признать наличие тех условий, которые нужны для возникновения социальных конвульсий. В последних в истории Китая, действительно, нет недостатка: политические волнения здесь происходят часто. Их «одежды» и внешние поводы могут быть разными, но без роли нашего фактора большая часть из них едва ли обошлась⁵⁵. Что большинство династических (на первый взгляд) переворотов было вызвано голодом и другими бедствиями, это следует из того, что, по верованию китайцев, «ужасы войны, эпидемии и голод – свидетельства неба о том, что император не есть сын неба, а потому должен быть свергнут. Когда (богдыханы^{21*}) поступают несправедливо, бог посылает бури, голод и другие бедствия, если же они упорствуют – против них выносится приговор. Власть отнимается от них и передается более достойному», – читаем мы в «Шу цзин». Таково идеологическое отражение этой связи.

Аналогичный характер носят волнения, зафиксированные в истории ислама, Персии и Турции. Как успехи самого Магомета, так и последующие бесконечные восстания, революции и междоусобицы не обошлись без исследуемой нами причины. Она играла роль в борьбе суннитов и шиитов⁵⁶, в восстаниях хариджитов^{22*}, во второй гражданской войне при Омейядах⁵⁷ и в третьей полосе

⁵⁵ О плотности населения Китая в прошлом веке см.: *Parker E.* China Past and Present. London, 1903, p. 26–27; *Smith A.* Life in China. London, 1906, p. 18–19. О бедности народных масс и скудности их питания см.: *Parker E.* Op. cit., p. 2–3, 276; *Smith A.* Op. cit., p. 49.

⁵⁶ *Бартольд В.В.* Цит. соч., с. 51, 60–61; *Мюллер А.* История ислама. СПб., 1895, т. I.

⁵⁷ *Мюллер А.* История ислама, т. II, с. 29, 33.

междоусобиц⁵⁸. И наоборот, в эпоху процветания Аббасидов было сравнительно спокойно⁵⁹. Не обошлись без нее и основные социальные движения VIII–X вв.: сирийско-кайситское, хариджитов, алидов^{23*} и движения коммунистические. В это время экономическое положение государства заметно ухудшается⁶⁰. Почти перманентные социальные революции и междоусобицы в Багдадском халифате после Гаруна: восстание коптов, коммунистов-бабекистов, алидов, рабов и т.д., затем карматов, еще позднее – ваххабитов^{24*} и т.д. – все они имели своей основной факт голода и бедности масс. И именно с их ростом в IX–XI вв. связано увеличение числа волнений и то, что они становятся перманентными⁶¹. В этот период, с одной стороны, «роскошь жизни больших городов все увеличивается», с другой – происходит рост бесчисленной армии голодной бедноты. «Земледелец (которого грабили и разоряли) не мог более выносить такое существование». Оно стало безвыходным. «И в городах было немало несчастных и недовольных». Исчезало среднее сословие. «Страдала и городская чернь, падение заработной платы увеличивало число нуждавшихся, и росла нищета. Хуже всех приходилось рабам». В итоге – притесняемый народ всколыхнулся со всей силой и перешагнул за пределы всякой гуманности. Начиная с правления Мустасима восстания принимают характер чрезвычайно жестокий, восставшие стремятся в корне истребить весь предшествующий порядок. Картины те же самые: грабежи и убийства богачей, всеобщий разгром, реки крови и т.д.⁶² Не было здесь недостатка и в коммунистических лозунгах, вплоть до обобществления женщин (Бабек)⁶³.

То же относится и к Персии. Движения вроде революции Маздака при Кобаде, множество других смут и волнений – функция того же дефицитного обмена веществ персидского агрегата⁶⁴.

И в Турции коммунистические восстания вроде восстания под предводительством Беддредина при Магомете I тоже вспыхивали и учащались во времена бедственного положения большинства или части населения⁶⁵. То же самое наблюдается в Японии. Например, в XV в. «население, обессиленное эпидемиями и голодом, изгнанное из деревень войной или пожарами, часто восставало; здесь были свои Жакерии и “бедные Конрады”»^{25*}.

Средние века. Мелкие локальные волнения, разгром лавок, вторжения в дома богачей, убийства были нередкими явлениями во время голода в Средние

⁵⁸ Там же, с. 122, 229–230.

⁵⁹ Там же, с. 100, 153.

⁶⁰ Там же, с. 151, 178, 182, 187–192, 278–280.

⁶¹ Там же, с. 210–217, 240.

⁶² Там же, с. 278–281.

⁶³ Там же, с. 195–196, 237–239, 288, 292.

⁶⁴ См.: *Malcolm*. The History of Persia. London, 1829, vol. I, p. 100, 106, 120, vol. II, p. 344, 353.

⁶⁵ См.: *Fehmi Y.* Histoire de la Turquie. 1909, p. 31–32, 107; *Hammer*. L'histoire de l'empire Ottoman. Paris, 1835, vol. II, p. 181–190.

века. Так было, например, в Праге и Магдебурге; в «Страсбурге дело дошло до мятежа», в ряде монастырей низвергали аббатов и на их место возводили новых лиц – *virum juvenem, sed industrium et providum*⁶⁶ и т.д.⁶⁶

Если подобные волнения не принимали в то время значительных размеров, то следует, с одной стороны, учитывать, что голодовки эти были истощающими и смертельными, а с другой – что они тонули в общей массе средневековых волнений, перманентной борьбы, разбоев, грабежей, войн и социальных движений, начиная со всякого рода еретических и коммунальных восстаний и кончая крестовыми походами против еретиков и иноверцев, постоянно трепавшими средневековые агрегаты лихорадкой и конвульсиями.

Если мы зададимся вопросом об их причинах, то едва ли сможем согласиться с теми историками, которые сводят их к одним только религиозным верованиям⁶⁷ (т.е. условным раздражителям, почти всегда более слабым, чем безусловные) или какому-то «духу свободы», обуявшему вдруг средневековые коммуны, к невежеству или, наоборот, – успехам в деле просвещения и т.д.

Привести в движение сотни тысяч людей и заставить их отправиться в Святую Землю или на юг Франции, рисковать жизнью, страдать и гибнуть – этого не в состоянии сделать комплекс условных рефлексов, вызываемых условными же стимулами, которые называются религией. О необоснованности и бессодержательности гипотезы, согласно которой коммунальные движения были вызваны «духом свободы», недавно писалось в научной литературе⁶⁸. Еще менее подтверждается она фактами грабежа богачей, срыванием ценностей с богатых дам, разгромом и т.п. – обычным аккомпанементом коммунальных революций⁶⁹.

Религиозные и другие условные стимулы хотя и сыграли во всем этом свою роль, но весьма скромную. Более серьезные мотивы надо искать глубже – в области безусловных раздражителей, в частности в голодном состоянии масс.

Оно в Средние века было бытовым явлением. В то время «население было бедным и плодовитым»⁷⁰. «Угнетенная невероятной бедностью народная масса» в силу ужасных условий существования обычно голодала⁷¹. Нередко голод имел катастрофические последствия. Чрезвычайно типична в этом отношении

⁶⁶ *Curschmann F.* Hungersnöte in Mittelalter. Leipzig, 1900, Bd. II, S. 53–54.

⁶⁷ «Видеть в войнах, подобных Альбигойскому крестовому походу^{27*}, только религиозные войны, значит быть вне реальности», – правильно отмечает Парето, который, анализируя средневековые хроники, вскрывает «желудочные» причины человеческих действий (*Pareto V.* Trattato di sociologia generale, vol. I, p. 804–805).

⁶⁸ См.: *Оттокар.* Опыты по истории французских городов в Средние века. Пермь, 1919.

⁶⁹ См., например: *Лависс Э., Рамбо А.* Эпоха крестовых походов. М., 1914, т. I, с. 403–404.

⁷⁰ Там же, т. I, с. 8.

⁷¹ *Ли Ч.* История инквизиции. СПб., 1911, т. 1, с. 388.

и сама неуравновешенность психики масс того времени, ненормальный ее характер, делавший возможными все средневековые духовные эпидемии, психозы, массовый гипноз и помешательство со всеми нелепейшими верованиями и идеологиями того времени. Это была «впечатлительная масса, доступная самым крайним порывам, суеверная. В воображении всех невидимый мир (дьяволов, ангелов, ведьм, etc) рисовался реальным». «Народы этой эпохи легко поддавались впечатлению минуты и доходили до иступления» (шабаши, бичующие себя флагелланты^{28*}, женщины, нагими бегавшие по улицам, крестовые походы детей, ужасы инквизиции, etc)⁷². Такая психика и такое поведение типичны для голодающего общества.

Если дефицит продуктов питания в Средние века носит хронический характер, то не мудрено, что социальные организмы бьются в конвульсиях, что «война здесь является нормальным состоянием», что под разными лозунгами вспыхивают волнения, в которых нетрудно усмотреть их «желудочную основу»⁷³, что страны превратились в «непотребный дом народов, где обитатели грызутся друг с другом» (Данте), что мира и спокойствия нет. В таких условиях их и не может быть. Конкретные лозунги, вокруг которых разворачивались движения, могли быть разными, иногда до смешного пустыми (например, спор в 1220 г. между флорентийским и пизанским посланниками из-за собаки, вызвавший войну), но было бы наивно видеть суть дела в таких внешних поводах. Не будь собаки – война или восстание вспыхнуло бы из-за «кошки», не было бы призыва освободить Святую Землю, появился бы другой; если социальный организм болен – недостатка в симптомах болезни не будет: она проявится не в одном месте, так в другом, не этим, так иным способом.

Проследим с этой точки зрения ряд важнейших социальных движений в истории Англии, Франции, Германии и России. Их связь с ухудшением экономического положения масс, а следовательно, и питания (ибо 50–80% бюджета бедняка идет на питание) проявляется довольно ясно: они разражаются в годы ухудшения и особенно много их в периоды тяжелого экономического положения.

⁷² Там же, с. 38, 94.

⁷³ Например, призывы к неплатежу десятины и к отобранию богатств церкви в движениях, связанных с именами Танхельма, Петра Брюнсенского, Генриха Лозаннского, Арнольда Брешианского, лионских бедняков и т.д. (*Лу Ч.* Цит. соч., т. I, с. 42–44, 46–48). Далее, «неурожаи, предшествующие 1095 г., по всей Европе сильно содействовали тому одушевлению, которое произвели крестовые походы» (*Рошер В.Г.* Цит. соч., с. 60). Именно XI в. отмечен рядом страшных голодовок (их было не менее 11); сильнейший голод был и перед вторым крестовым походом в 1045–1047 гг. И особенно охотно шло в поход население голодных мест (*Curschmann F.* Op. cit., S. 62–68, 51–55). С другой стороны, среди них, как и среди тех, кто участвовал в походе против альбигойцев и других еретиков, было «немало таких, которые искали случая пограбить да погулять; и всех равно привлекала добыча» (*Лу Ч.* Цит. соч., с. 95). Фактическое поведение крестоносцев красноречиво свидетельствует об этом.

Англия. Непосредственно перед «войной баронов»^{29*} дела в Англии шли все хуже и хуже... «Недовольство усилилось из-за голода 1257–1258 гг. и вскоре перешло всякие границы»⁷⁴.

Большое восстание баронов, столь богатое последствиями в истории английской конституции, по мнению Лингардта, безусловно, было ускорено дороговизной 1257–1258 гг.⁷⁵

Начало XIV в. после смерти Эдуарда I (1307) и во время правления Эдуарда II (1307–1327) было бурным периодом истории Англии, временем кулачного права, низложения и убийства короля, больших волнений, анархизации и бесцеремонных расправ, которые учиняли друг над другом представители враждующих партий. Эти же годы были годами голодовок и резкого повышения цен на хлеб⁷⁶. По Роджерсу, средняя цена тонны хлеба (в марках) была такая: в 1271–1280 гг. – 84,50, в 1281–1290 гг. – 75,81, в 1291–1300 гг. – 90,73, в 1301–1310 гг. – 79,64; в 1311–1320 гг. она повышается сразу до 111,79, затем в 1321–1330 г. несколько снижается – до 99,90 и в дальнейшем идет на понижение – 67,75 и т.д.⁷⁷

Хотя в силу целого ряда причин (неизбежной неточности исторического материала, малозначительности сведений о номинальной цене на съестные припасы, если отсутствуют соответствующие данные о заработной плате и покупательской способности денег и т.д.) номинальное движение цен – неудовлетворительный критерий для оценки повышения или понижения экономического уровня социальных групп (почему я и не привожу всех соответствующих таблиц), однако в ряде случаев вместе с другими свидетельствами они могут иметь некоторую ценность и до известной степени служить показателями повышения или понижения кривой питания масс. Вот почему в некоторых случаях я их все-таки привожу.

Понижение экономического уровня, а следовательно, и ухудшение питания имело место и до, и во время *крестьянского восстания 1381 г.* Достигнутый ранее, после «Черной смерти» 1349 г.^{30*}, уровень жизни населения в конце 70-х – начале 80-х гг. стал снижаться. «Страна переживала последний период бесславной войны», которая разоряла ее в течение 10 лет. В связи с ней находилась бесконечный рост податей и обложений, падавших главным образом на крестьянство. «Общины беднеют», – заявляли члены парламента в 1380–1381 гг. Ухудшилось положение вилланов^{31*}, из которых лорды выколачивали штрафы и дефициты. Прибавьте к этому знаменитый poll tax 1380 г.^{32*}, с наибольшей

⁷⁴ Грин Д.Р. История английского народа. М., 1897, т. I, с. 185.

⁷⁵ Рошер В.Г. Цит. соч., с. 60–61.

⁷⁶ «Шесть лет (во втором десятилетии XIV в.) принадлежат к самым мрачным эпохам в истории Англии. Ряд страшных голодовок усилил бедствия» (Грин Д.Р. История английского народа. М., 1891, т. I, с. 248).

⁷⁷ Schmitz O. Die Bewegung der Warenpreise in Deutschland von 1851 bis 1902. Berlin, 1913, S. 437–438.

тяжестью легший на беднейшие слои населения, рост безземельных и мало-земельных крестьян, составивших $\frac{1}{8}$ часть всех несвободных крестьян, наконец, образование в городах «несчастливого слоя представителей грубого труда, вечно висевших на волоске от голодной смерти», а наряду с ними появление группы богачей и рост имущественной дифференциации⁷⁸ – и картина обнищания, рисуемая современником, будет ясна: «богатый радуется, бедный плачет, народу невтерпез, и страна быстро пустеет». Фруассар подчеркивает, что больше всего пострадали в этом отношении графства Кент, Эссекс, Бедфорд, «которые и стали первым очагом восстания». Итог – социальная конвульсия в виде восстания, идеологически, как всегда, «припудренная благородными лозунгами»⁷⁹.

Эпоха Тюдоров (конец XV и XVI вв.) характеризуется относительным благополучием, низкими ценами на хлеб (максимум – 54 марки за тонну, минимум – 30 марок), и она же во внутреннем отношении была эпохой сравнительного покоя и отсутствия волнений⁸⁰.

В годы, предшествовавшие революции 1640–1650 гг., произошло резкое снижение экономического уровня, а следовательно, и питания масс. В эти годы «всюду были заметны признаки обеднения. Плохие урожаи 1646 и 1647 гг. повысили цену квартера пшеницы с 30 тысяч до 58 с лишним, в той же пропорции произошло повышение цен на овес, гречиху и горох. Мясо подорожало вдвое против прежнего. Заработная плата тоже увеличилась, но далеко не в равной пропорции»⁸¹.

Присоедините к этому неурожай 1646–1647 гг., колоссальный рост населения, численность которого достигла к тому времени 4 миллионов человек, тогда как полвека назад, в конце царствования Елизаветы, оно не превышало

⁷⁸ См.: *Грин Д.Р.* История английского народа, т. I, с. 277, 281, 295. О богатстве знати ходили невероятные рассказы. «Хлеб настолько поднялся в цене, что за день работы невозможно было заработать пшеницы в количестве, достаточном для прокормления одного человека».

⁷⁹ *Оман Ч.* Великое крестьянское восстание в Англии. Изд. мир. 6–7, 9–10, 11, 18, 25–26. *Ковалевский М.М.* Экономический рост Европы, т. II, с. 589, 592, 600. *Петрушевский Д.М.* Восстание Уота Тайлера. М., 1915; *Эшли У.* Экономическая история Англии. М., 1897, с. 5, 39–43.

⁸⁰ См.: *Schmitz O.* Op. cit., S. 437–438.

⁸¹ *Ковалевский М.М.* От прямого народовластия к представительному. т. II, с. 178. См.: *Роджерс.* История земледелия и цен, т. V, с. 205, 623; т. VI, с. 54, 286. Рошер пишет, что «средняя цена квартера пшеницы с 1626 по 1645 г. составляла 39,10 тысячи, в 1646 г. – 48, в 1647 – 78,8, в 1648 – 85, в 1649 – 80, в 1650 – 76» (*Рошер В.Г.* Цит. соч., с. 61); Т. Тоок и Ньюмарч приводят такие цены квартера пшеницы: 1646 г. – 49,2; 1647 – 65,5 $\frac{1}{4}$; 1648 – 75,6 $\frac{1}{4}$; 1649 – 71,1 $\frac{1}{5}$ (*Tooke T., Newmarch.* Die Geschichte und Bestimmung der Preise. 1858, Bd. II, S. 797–799). См. также: *Sommerland.* Zur Geschichte der Preise // Handwörterbuch der Staatswissenschaft. 1910, Bd. VI, S. 1167–1168.

(по подсчетам Роджерса) двух с половиной миллионов, «огораживания» и отнятие земли у арендаторов при Карле I, лишившее их куска хлеба, что уже и раньше вызывало бунты (например, в 1637 г.). «Нас разоряют, чтобы наделить пастбищами телят эссекских. Все осушено, а нам остается только умереть», – говорили восставшие. Наряду с этим происходило обогащение других групп и рост имущественной дифференциации. Итог – конвульсии, сначала местного значения (в 1642 г. в графстве Линкольн и других местах, а еще раньше – при Эдуарде VI, когда восставшие призывали: «Пойдемте к господам в дома, там мы найдем оружие, деньги и съестные припасы»), а затем и всеобщая революция 1649–1650 гг.⁸²

Следующей бурной эпохой в смысле внутренних волнений в истории Англии является конец XVIII в. и почти вся первая половина XIX в. Несмотря на некоторые временные затишья, в целом она представляет собой один из самых неспокойных периодов в истории Англии.

И этот же период отмечен такими явлениями, как обнищание масс, рост дороговизны, намного обгонявший рост зарплат, увеличение имущественной дифференциации и резкое снижение реальной заработной платы. Вот лишь некоторые тому подтверждения. «1795 г. в Англии был одним из наиболее беспокойных. Урожай был плохой, война расстроила промышленность, народ все больше нищал, а вместе с тем проявлял и все большую склонность к беспорядкам». «Происходили митинги под открытым небом, один из которых был по-настоящему грандиозным (в нем участвовало до 150000 человек)». Лозунги были такие: «Мир!», «Дайте хлеба!», «Нет – голоду!». Совершенно было, как известно, нападение на королевскую карету и т.д.⁸³ 1795 г. является годом резкого повышения цен на хлеб. Цена за квартал пшеницы в 1791 г. была 49 шиллингов, в 1792 – 47, в 1794 – 54, а в 1795 сразу подскочила до 82⁸⁴. Это снижение уровня жизни народных масс, несмотря на некоторые колебания, приняло с начала XIX в. характер чрезвычайный. Дороговизна резко росла, повышение зарплаток значитель-

⁸² Ковалевский М.М. От прямого народоправства к представительному. т. II, с. 360–369; Rogers. The Economic Interpretation of History. London, 1891, p. 174.

⁸³ См.: Кареев Н.И. История Западной Европы, т. IV, гл. XXV; Афанасьев. Исторические и экономические статьи. Киев, 1908, т. 1; Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы, с. 21–23, 28, 38, 40, 41, 52–54, 56–68; Cunningham W. The Growth of English Industry and Commerce in modern time. 1892; Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. 1905. Числовые данные см. в статьях и работах Bowley и Wood'a. Общее резюме экономического положения в Англии в первой половине XIX в. см.: Lord Welby. The progress of the United Kingdom from the War of the French revolution to 1913 // Journal of the Royal Statistic Society. 1915, January, p. 2–15.

⁸⁴ Tooke T., Newmarch. Op. cit., p. 797–799. По Левассеру, за время с 1779 по 1790 г. «средняя цена гектолитра пшеницы увеличилась на 20 и даже на 33 франка» (Levasseur E. Le prix du blé dans divers au XIX siècle // Bulletin de l'Institut International de Statistique, vol. XVIII, p. 112).

но отставало⁸⁵. В период с 1820 по 1850 г. цена квартера пшеницы колебалась от 39 до 76 шиллингов⁸⁶, в период с 1830 по 1845 г. – от 111 до 140⁸⁷. Приведенные данные по заработной плате, конечно, приблизительны. Как показывают исследования Bowley, заработная плата в Англии в это время испытывала значительные колебания в зависимости от места и характера производства. Но главное, что в конце XVIII – начале XIX в. она почти не повышалась даже номинально, а реально, конечно же, падала⁸⁸. Словом, факт обнищания масс, а следовательно, и ухудшения их питания в это время не подлежит никакому сомнению. В итоге мы видим, что английский социальный агрегат почти полстолетия находится в состоянии перманентного волнения и революционных конвульсий⁸⁹, временами несколько затихавших, но в общем не исчезающих вплоть до конца 40-х гг. XIX в. Происходят восстания сельскохозяйственных рабочих, массовые поджоги хлебных складов, мельниц, целый ряд беспорядков в городах, грандиозные митинги и стачки, заговоры, образование мощных союзов, убийства и небывалая агитация, чрезмерное распространение бродяжничества и воровства, борьба за

⁸⁵ Это видно хотя бы из следующей таблицы:

Год	Цена за квартал пшеницы (в шиллингах)	Средняя заработная плата за неделю (в шиллингах и пенсах)	Год	Цена за квартал пшеницы (в шиллингах)	Средняя заработная плата за неделю (в шиллингах и пенсах)
1799	76		1810	112	
1800	127		1811	108	
1801	129		1812	118	
1802	67	13 ш. 10 п.	1813	120	
1803	60		1814	85	
1804	69		1815	76	
1805	88		1816	82	5 ш. 2 п.
1806	88	10 ш. 6 п.	1817	116	4 ш. 3 п.
1807	78		1818	98	
1808	85		1819	78	
1809	106		1820	76	

⁸⁶ *Tooke T., Newmarch.* Op. cit., p. 798–799.

⁸⁷ *Афанасьев.* Исторические и экономические статьи. Киев, 1909, т. II, с. 454–455. «Ясно, что заработная плата не поднималась вместе с ценой на хлеб – происходило совершенно противоположное» (там же, с. 505).

⁸⁸ *Bowley A. Wages in the United Kingdom in the nineteenth Century.* 1900, p. 32–34, 40, 70.

⁸⁹ См.: *Rosenblatt F. The Chartist movement in its Social and Economic Aspects // Columbia University Studies.* New York, 1916, vol. LXXIII, № 1; *Slosson P.W. The Decline of the Chartist Movement // Ibid., № 9;* *Миклашевский.* История политической экономии. 1909, с. 298, 345–346; *Джефсон.* Платформа, ее возникновение и развитие. 1901, т. II, с. 45–128, 189–194, 294–296, 370–418; *Гаммедж.* История чартизма. 1907; *Tilsday.* Die Entstehung und die okon. Grundsätzen Chartistenbewegung. 1989; *Dicey.* Law and Public Opinion in England. 1908; *Уэбб С. и Б.* История рабочего движения в Англии. 1899; *Welby.* Op. cit.

парламент, реформу 1832 г., за реформы 20-х гг., борьба против хлебных законов, чартизм^{33*} и т.д. Причем и в течение этого периода обострение борьбы происходит в годы особенно неурожайные (после 1837–1840, 1845–1847 гг., после голода в Ирландии 1845–1849 гг.) и в годы промышленных кризисов.

Со второй половины XIX в. начинается весьма значительное и почти неуклонное улучшение материального положения масс в Англии, а следовательно, и улучшение их питания⁹⁰. Этот же период является и периодом относительного спокойствия и внутреннего мира. В общем и целом революционные стремления английских рабочих за это время становятся все более умеренными, а потом и вовсе исчезают, рабочий класс «обуржуазивается», место революционности занимают либерализм и реформизм. Конечно, и в то время бывали периоды относительного роста волнений, но они не приобретали острых форм и больших размеров и совпадали опять-таки с моментами роста безработицы и ухудшения материального положения, т.е. усиления относительного или дефицитного голодания. Таковыми были, например, волнения 1862 г., вызванные огромным ростом безработицы (по причине «хлопкового голода»), в результате чего жизненный уровень массы рабочих снизился до уровня пауперов^{34*}; таковы волнения 70-х гг., особенно 1878 г. (в Ланкашире), волнения 1885–1886 гг., когда дело дошло даже до грабежа лавок и магазинов в Лондоне; стачки, митинги, рост популярности идей анархизма и коллективизма в 1890–1893 гг. Именно эти годы были годами кризисов и безработицы⁹¹. Но все это была сравнительно мелкая рябь, не сильно нарушавшая внутренний мир.

Так продолжалось вплоть до 1917–1921 гг., когда жизненный уровень рабочих Англии снизился, армия безработных стала стремительно увеличиваться вместе с ростом дороговизны, т.е. когда произошло их относительное обеднение и вместе с тем и ухудшение питания⁹². Имущественная же дифференциация не

⁹⁰ Представление о нем дает следующий индекс реальной (а не номинальной) заработной платы рабочего класса с 1850 по 1900 г., если реальную заработную плату 1850 г. принять за 100:

Годы	Реальная заработная плата
1850	100
1860	103
1870	118
1880	134
1890	166
1900	183

(Wood G.H. Real Wages and the Standard of Comfort since 1850 // Journal of the Royal Statistic Society. 1909, March, p. 102–103).

⁹¹ Подробнее об этих движениях см.: Туган-Барановский М.И. Цит. соч., 3 изд., с. 413, 425, 427–428, 433, 435, 438–444, 452–453.

⁹² Уже в 1916 г. питание рабочих Англии ухудшилось по сравнению с довоенным временем (см.: Ferguson. The Family Budgets and Diaries of Forty Lab Class Families in War Time // Proceedings of the Royal Society of Edinburgh. Vol. XXXVII, p. 120–133); причем, как пока-

уменьшилась. Процент безработных среди членов тред-юнионов возрастал. Так, в 1916–1917 гг. он был равен 0,5, в 1918 г. – 0,9, в 1919 г. – 2,1, в 1920 г. – 1,1, в январе 1921 г. – 6,9, в феврале – 8,5, в марте – 10,0, в апреле – 17,6, в мае – 22,2 (не считая бастовавших горнорабочих). Общая численность безработных в апреле 1921 г. составляла 1615000 человек плюс 897000 работающих неполное время⁹³. Эти данные определенно говорят об усилении если не дефицитного, то относительного голодания масс, которого в таких размерах давно уже не знала Англия. И что же? Наряду с этим усилением мы видим и рост волнений и революционных конвульсий рабочего класса, тоже давно уже неизвестный Англии в таком масштабе: забастовки и стачки по своему размаху и числу участников приобрели небывалые размеры⁹⁴, рабочее движение «полевело», волнения участились, демонстрации, митинги, захваты предприятий, разгромы продовольственных лавок, магазинов и т.п. стали частым явлением, возникла коммунистическая партия, левое крыло в рабочей партии усилилось, армия сторонников «прямого действия»^{35*} увеличилась – словом, с усилением голода социальный организм Англии стал менее спокойным, начал биться в конвульсиях волнений и беспорядков. О связи этих двух явлений свидетельствуют сотни телеграмм вроде следующих: «*Лондон*. 20. IV. В угольных копях Ланкашира бастующие углекопы разграбили лавки со съестными припасами, булочные и рыбные торговые ряды. Много товаров было выброшено на улицу, откуда женщины и дети растащили их по домам. Убытки достигают нескольких миллионов фунтов»⁹⁵. Или: «В Норуиче безработные, участвовавшие в демонстрации, вошли в ратушу и заявили: “Мы должны что-нибудь иметь к Рождеству. Околевать с голоду мы не намерены. Если безработные не найдут работы – будут волнения”»⁹⁶. А сколько было острых волнений, заставивших правительство даже мобилизовать войска и принять военные меры во время грандиозной забастовки горнорабочих в марте-мае 1921 г.!

зывает Wood, ухудшение питания особенно резко коснулось бедных классов. См.: *Wood F.* The increase in the Cost of food or different classes of society since the outbreak of War // *Journal of the Royal Statistic Society*. 1916, Joule, p. 501–508.

⁹³ *Боголепов*. Европа после войны. 1923. См. также: *Экономист*. № 4–5, с. 293.

⁹⁴ Число бастовавших было:

в 1914 – 327055 человек
 в 1915 – 401930
 в 1916 – 284396
 в 1917 – 86027
 в 1918 – 1096000
 в 1919 – 2581000

(Сборник статистических сведений о современном экономическом положении иностранных государств. М., 1922, с. 32).

⁹⁵ Руть. 1921, 21 апреля.

⁹⁶ Петроградская правда. 1921, 1 февраля.

Поистине, сходные причины в сходных условиях вызывают сходные результаты. «Люди волнуются, а количество и качество калорий руководят ими», – так можно перефразировать изречение Боссюэ^{36*}.

Перейдем к Франции.

Франция. *Жакерия 1358 г.* Ухудшение положения крестьян перед 1358 г. общеизвестно. В XIII и начале XIV в. их положение было более или менее сносным. Д'Авенель находит даже, что в XIII в. реальные доходы крестьянина и рабочего были очень высоки⁹⁷. Во второй же половине XIV в. произошло резкое ухудшение. 1) «Период с 1351 по 1375 г. был временем наибольшей дороговизны за всю эпоху феодализма: средняя цена хлеба во Франции поднялась на 9 франков за гектолитр. Эти же 25 лет царствования Иоанна Доброго и Карла Мудрого отмечены также тем, что покупательная способность денег была самой минимальной, а жизнь – наиболее дорогой»⁹⁸. 2) Как раз в этот же период цена на хлеб совершает резкий скачок вверх. Тонна пшеницы в марках стоила в среднем: в 1276–1300 гг. – 7,79, в 1301–1325 – 96,99, в 1325–1350 – 75,04, в 1351–1375 г. – 100,80⁹⁹. 3) Эти обстоятельства отягчались грабежом населения и предшествующими 1358 г. двумя годами полного неурожая. «Безысходное положение, в которое крестьянство попало из-за феодальной неурядицы, должно было неизбежно, помимо всякого стремления к уравниванию состояний, привести к кровавому столкновению с поместным сословием».

После поражения при Пуатье^{37*} армия «жила систематическим грабежом населения, и в силу этого, по словам современника, земли в течение двух лет, непосредственно предшествовавших восстанию, вовсе не обрабатывались». В 1358 г., когда впервые появились жаки, «сбор винограда произведен не был, поля оставались невспаханными и незасеянными, на пастбищах не видно было ни коров, ни овец. Глаз не отдыхал при виде зеленых лугов и желтеющих нив. Всюду господствовала глубокая нищета, особенно среди сельских жителей, так как сеньоры умножали их бедствия, отнимая у них даже самое необходимое для поддержания хотя бы нищенской жизни»¹⁰⁰.

Налицо была и резкая имущественная дифференциация. Итог – всем известные грандиозные революционные конвульсии социального агрегата.

⁹⁷ D'Avenel. Paysans et ouvriers. Paris, 1899, p. 11–18, 28.

⁹⁸ Ibid., p. 152. Покупательная способность драгоценных металлов по сравнению с их способностью в 90-х гг. XIX в., принимаемой за единицу, была такова:

в 1201–1225 – 4^{1/3}
 1226–1300 – 4
 1301–1350 – 3^{1/2}
 1351–1375 – 3
 1376–1400 – 4

(См.: D'Avenel. La fortune privée. 1895, p. 37).

⁹⁹ Schmitz O. Die Bewegung der Warenpreise in Deutschland von 1851–1902. Berlin, 1913, S. 434–435.

¹⁰⁰ Ковалевский М.М. Экономический рост Европы. М., 1900, т. II, с. 543.

Под влиянием того же фактора одновременно с крестьянским восстанием в те же годы произошла революция в Париже (собрание Генеральных штатов и движение Э. Марселя^{38*}). Не обошелся без нашей причины и мятеж панцирников в Париже, где поборы и пошлины с товаров задевали материальные интересы и низов, и буржуазии^{39*}.

Еще яснее прослеживается связь между голодом и социальными волнениями в междоусобицах и смутах второго десятилетия XV столетия, в частности в гражданской войне Арманьяков и Бургиньонов и вакханалиях кабошинов^{40*} (1412–1413). Это период мрачный во всех отношениях. Неудачи французов в ходе Столетней войны^{41*}, беспорядочное правление, сумасшествие короля и т.д. совершенно расстроили экономику страны и ухудшили положение народа⁴¹.

Период с 40-х гг. XV до середины XVI в. характеризуется ростом благосостояния, низкими ценами на хлеб и высокой заработной платой¹⁰². Этот же период характеризуется и отсутствием больших волнений и смут.

Следующей эпохой, особенно бурной по внутренним движениям и волнениям в истории Франции, является *вторая половина XVI в.* Это время отмечено такими явлениями и событиями, как *религиозные войны, Варфоломеевская ночь, целый ряд восстаний в городах и селах, «Лига», парижская революция, смена династии Валуа Бурбонами и т.д.*^{42*}

Спрашивается: не стоит ли и это повышение волнений в функциональной связи с ухудшением питания?

На этот вопрос следует ответить положительно. Об этом говорят прежде всего конкретные причины отдельных восстаний. Так, восстание 1548 г. в Гиени произошло из-за соляного налога, в 1568 г. в Нормандии – из-за грабежа и насилия солдат, отнимавших имущество граждан, и непомерных налогов. Аналогичные поводы были у восстаний, происходивших в 1593–1595 гг.¹⁰³

Еще более знаменательно то, что именно в эту эпоху кривая цен на хлеб и продукты питания делает резкий, небывалый скачок вверх.

Тонна пшеницы в марках стоила в 1476–1500 гг. в среднем 44,80, в 1501–1525 гг. – 44,80, в 1526–1550 гг. – 78,40. Далее цена пшеницы совершает скачок и становится больше вдвое и втрое с лишним: в 1550–1575 гг. – 134,40, в 1576–1600 гг. – 224,00, а затем, в 1601–1625 гг., снова несколько снижается – до 159,60.

¹⁰¹ С 1401 по 1440 г. цены на хлеб снова растут. С 4 франков 65 су они поднимаются в среднем до 7 франков 20 су, а на юге Франции – до 50 франков. И именно со второго десятилетия XV в. юг Франции испытывает голод, продолжавшийся без перерыва в течение 10 с лишним лет. Голодавшие Арманьяки легко могли двинуться куда угодно, а тем более на Париж. «Это было время, когда Арманьяки и Бургиньоны по очереди лили кровь в Париже» (*D'Avenel. Paysans et ouvriers*, p. 152–153). См.: *Coville. Les cabochiens et l'ordonnance de 1413.* 1888.

¹⁰² *D'Avenel. Paysans et ouvriers*, p. 14–15, 28, 154.

¹⁰³ *Гуго. Социализм во Франции в XVII–XVIII вв. // Предшественники новейшего социализма.* СПб., 1907, т. II, с. 315–321.

Цена хлеба в период с 1576 по 1600 гг. – самая высокая на всем протяжении XV–XVI и первой половины XVII в.¹⁰⁴

«В течение полстолетия, с 1526 по 1575 г., средняя для всей французской территории цена на хлеб поднялась с 4 франков до 7, а затем и до 12 за гектолитр. При Генрихе III (1574–1589) и в последние 25 лет XVI в. цены в 30 и 40 франков (за гектолитр) были обычными... В 1595–1596 гг. средняя цена равнялась 43 и 47 франкам. Понятно, что это экстраординарное подорожание вызвало крайнее обнищание народа»¹⁰⁵.

Представление об этом росте нищеты станет еще более ясным, если учесть, что в то же самое время *покупательная способность денег резко упала*¹⁰⁶, *номинальная заработная плата сельскохозяйственных и промышленных рабочих также сильно понизилась*. Поденщик, который при Карле VIII (1483–1498) зарабатывал 3 франка 60 су, при Генрихе IV зарабатывал не более 1 франка 95 су. Таким образом, рабочий конца XVI в. зарабатывал на жизнь лишь половину того, что зарабатывал его дед 100 лет тому назад¹⁰⁷. И у ремесленников – как у мастеров, так и у чернорабочих (*manoeuvres*) – с начала XVI в. начинается снижение заработка. Поденная плата снизилась с 4 франков 80 су при Людовике XII до 2 франков 85 су при Карле IX (1560–1574). К концу XVI в. она снизилась еще больше¹⁰⁸.

Таким образом, цены на продукты питания росли, а заработная плата и покупательная способность денег резко падали. Следовательно, питание все ухудшалось, голодание усиливалось. На свой годичный заработок рабочий мог купить

¹⁰⁴ *Schmitz O.* Op. cit., S. 434–436. В Париже, по Левассеру, цена за тонну пшеницы в марках росла так:

Годы	Цена
1520–1529	80,30
1530–1539	87,70
1540–1549	88,59
1550–1559	96,77
1560–1569	145,38
1570–1579	183,01
1580–1589	195,58

(Ibid., S. 434–436).

¹⁰⁵ *D'Avenel.* Paysans et ouvriers, p. 156–157.

¹⁰⁶ Ее коэффициенты по сравнению с покупательной способностью денег в конце XVIII в. таковы:

1451–1500	6
1501–1525	5
1526–1550	4
1551–1575	3
1576–1600	2,5

(*D'Avenel.* La fortune privée. 1895, p. 7).

¹⁰⁷ *D'Avenel.* Paysans et ouvriers, p. 28–29.

¹⁰⁸ Ibid., p. 91.

в 1451–1525 гг. 46 гектолитров зерна, в 1526–1550 гг. – только 25 гектолитров, в 1551–1575 гг. – 15 и, наконец, в 1575–1600 гг. – уже только $9\frac{3}{4}$ гектолитра.

«Если допустить, что рабочий или ремесленник довольствовался только сухим хлебом и холодной водой и ежедневно потреблял килограмм хлеба, что составляет около 500 литров зерна в год, то получается, что на одежду, квартиру, освещение и удовлетворение других потребностей у него оставались средства, на которые можно было купить всего лишь 475 литров зерна. Если же он имел семью, то даже и этого хлеба у него не было... В таком случае рабочий должен был довольствоваться хлебом из овса»¹⁰⁹. Таков был уровень питания в эту эпоху. Страна находилась в состоянии полной разрухи. Земля была заброшена, города и деревни разорены, население в бегах, повсюду рыскали разбойничьи шайки и т.д. В итоге – волнения, смуты, революция – словом, судорожные конвульсии голодающего социального агрегата.

Следующей эпохой волнений является вторая половина XVIII в., закончившаяся французской революцией 1789 г. Мелкие хлебные волнения, конечно, происходили и в промежутках между этими эпохами крупных волнений (например, в 1699 г. в Понтуазе, во время голода 1709 г. и др.), но я на них не останавливаюсь.

XVIII же столетие является веком: 1) падения покупательной способности денег; 2) снижения зарплат рабочих и крестьян; 3) подорожания хлеба и продуктов питания; 4) неурожая и 5) небывалой роскоши привилегированных сословий. Таким образом, во Франции в XVIII в. налицо имеется, с одной стороны, ряд явлений, объективно свидетельствующих об усилении голодания и обнищания масс, или об ухудшении их питания, а с другой – ряд условий, благоприятствующих волнениям. Причем чем ближе к концу века, тем эти факторы все более и более усиливались. Наряду с этим учащались и усиливались социальные волнения, закончившиеся катаклизмом – революцией.

Теперь кратко подтвердим эти положения.

Коэффициенты покупательной способности денег были таковы¹¹⁰:

1701–1725	2,75
1726–1750	3,00
1751–1775	2,33
1776–1790	2,00

Заработная плата сельских батраков, слуг, поденщиков, ремесленников и рабочих в течение XVIII в. была чрезвычайно низкой, снизившись еще больше при Людовике XVI. Если в предыдущие столетия она равнялась 3–5 франкам в день, то «в период 1751–1775 гг. поденщик получал не больше 1 франка 75 су, а при Людовике XVI и того меньше – 1 франк 64 су»¹¹¹. «Поденная плата мастера

¹⁰⁹ Ibid., p. 159–163.

¹¹⁰ D'Avenel. La fortune privée, p. 17.

¹¹¹ D'Avenel. Paysans et ouvriers, p. 66–67.

колебалась в XVII в. от 3 франков при Генрихе IV до 2 франков 30 су при Кольбере, поденная плата рабочего – от 2 франков 28 су до 1 франка 70 су. В XVIII в. мастер зарабатывал 2 франка 84 су при министерстве Флери и 2 франка 30 су в момент начала революции, рабочий соответственно – 2 франка 10 су и 1 франк 64 су перед революцией»¹¹².

«Франция 1789 г. богата, а ее крестьянин и рабочий бедны; Франция 1475 г., очевидно, была бедной, в то время как ее пролетарий был богат. Вот явление, весьма заслуживающее запоминания»¹¹³.

Рост цен на хлеб в XVIII в. виден из следующей таблицы¹¹⁴:

Годы	Цена за тонну пшеницы (в марках)
1726–1750	123,20
1751–1775	148,40
1776–1790	168,00
1791–1795	125,63
1796–1800	244,52

Кроме того, XVIII в. постоянно страдал от неурожая. «Чуть неурожай – и хлеба не хватало. В Париже в течение 80 лет 12 раз происходило сильное подорожание, голодовки же в провинции, в Лиможе, Пуату, Гиени стали явлением частым и периодическим»¹¹⁵.

Итог ясен: экономическое обнищание масс и усиление голода. По «Les cahiers en 1789»^{43*}, питание масс рисуется в это время в таком виде: «Пища поденного рабочего – хлеб, обмакиваемый в соленую воду. Мясо ели только в последний день Масленицы, в день Пасхи и день именин». «Рабочие питались почти исключительно хлебом и водой, спали на соломе и жили в норе (un réduit). Условия их жизни были хуже, чем у американских дикарей»¹¹⁶. «Обедневший крестьянин походил скорее на дикаря. Одежда и жилище его были ужасны. Пища

¹¹² Ibid., p. 120–121.

¹¹³ Ibid., p. 135. См. также: *Tocqueville A. de. L'Ancien Regime et la revolution. 1877, p. 179–180.*

¹¹⁴ *Schmitz O. Op. cit., S. 434–436.* В переводе на мясо рогатого скота заработная плата поденщика (в килограммах мяса) равнялась:

1726–1750	1,78
1751–1775	1,56
1776–1790	1,24

¹¹⁵ *Афанасьев.* Исторические и экономические статьи, т. I, с. 70.

¹¹⁶ *D'Avenel. Paysans et ouvriers, p. 290.* О положении рабочих см.: *Levasseur E. Histoire des classes ouvrières. 1904, vol. I; Тарле Е.В. Рабочий класс во Франции в эпоху революции. СПб., 1909.* О положении крестьян см.: *Кареев Н.И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. М., 1879; Ковалевский М.М. Происхождение современной демократии. М., 1895, т. I.* См. также работы по истории французской революции Жореса, Токвиля, Кропоткина и особенно Тэна (*Taine H. Les origines de la France contemporaine. Paris, 1899, vol. II: L'ancien régime, p. 199–200.*)

отличалась скудостью. Мясо ели совсем немногие – две трети населения его не употребляло»¹¹⁷.

По мере ухудшения экономического положения, и в первую очередь питания масс, в XVIII в. стали усиливаться и волнения.

«Неурожай 1739 г. вызвал три восстания в провинции». «В 1740 г. в Лилле произошли народные волнения из-за отсутствия зерна». «В Париже народ был готов к революции». «В 1747 г. из-за хлеба произошли значительные волнения в Тулузе», «в 1750 г. – в Берне», «в 1752 г. – трехдневное восстание в Руане и его окрестностях, в Дофине и Оверни». «В одной только Нормандии восстания вспыхивали в 1725, 1737, 1739, 1752, 1765, 1767, 1768 гг. – и все из-за хлеба». «В 1770 г. – волнения в Реймсе, в 1775 г. – в Дижоне, Версале, Сен-Жермене, Париже, в 1782 г. – в Пуатье, в 1785 г. – в Провансе, в 1788–1789 гг. – в Париже и во всей Франции».

Неурожай 1752 г. вызвал волнения. «С 1765 г. урожаи становились все хуже, и в 1768–1770 гг. ситуация сложилась настолько серьезная, что в Лиможе и Оверни дело дошло до того, что народ по-настоящему бедствовал». «Увеличение цен на хлеб вызвало волнения в ряде мест Нормандии, Шампани, Иль-де-Франса и Бургундии. Всколыхнувшийся народ нападает на хлебные запасы на базарах и складах и даже грабит хлеб в амбарах у самих земледельцев. Волнения происходили в Реймсе, Дижоне, Шалоне, Монтаржи и тысяче других мест. В Руане восстание вспыхнуло 22 марта и продолжалось в течение нескольких дней, то прекращаясь, то возобновляясь снова. Буяны, не встречая никакого сопротивления, грабили лавки и хлебные склады купцов, а также амбары разных монастырей, как в городе, так и в его окрестностях»¹¹⁸.

Урожай 1774 г. был плохим, не лучший ожидался и в 1775 г. Вспыхнувшие весной 1775 г. беспорядки приняли весьма крупные размеры, получив даже название «мучной войны». Эту смуту пришлось подавлять силой, для чего пришлось поставить под ружье 25000 солдат.

Шайки грабителей нападали на хлебные караваны, поджигали сараи с запасами хлеба, производили беспорядки на городских рынках. 2 мая шайки появились в самом Версале и потребовали от короля установить таксу на хлеб. На следующий день они проникли в Париж и произвели там беспорядки, сопровождавшиеся грабежами. Только 4 числа вооруженные силы сумели пресечь новую попытку грабежа¹¹⁹.

«С этого времени в Версале начинают расклеивать прокламации, направленные против короля и его министров. Бунты были подавлены, но они оставили

¹¹⁷ Афанасьев. Исторические и экономические статьи, т. I, с. 65.

¹¹⁸ Афанасьев. Условия хлебной торговли во Франции в XVIII веке. Одесса, 1892, с. 142–143.

¹¹⁹ См.: Кареев Н.И. История Западной Европы. 1913, т. III, с. 448.

глубокий след»¹²⁰. С 1777 по 1783 г. урожаи были хорошими, и волнений происходило сравнительно немного. С 1784 г. начинается новая полоса неурожаев, и волнения растут. В 1785 и 1786–1787 гг. произошел ряд волнений и бунтов в Севеннах, Визиле, Жеводане, Лионе, Виваре, Пуатье и других местах¹²¹.

В конце XVIII в. Франция становится похожей на вулкан с непрекращающимся гулом, сотрясением почвы и мелкими, но частыми извержениями. Росли волнения, росло число браконьеров, бандитских шак, бродяг, нищих, разбойников – словом, формировалась армия будущей революции¹²². Эти конвульсии голодающего социального агрегата в конце концов, поскольку голод не исчезал, а привилегированные сословия богатели, должны были привести к катастрофе.

Эта катастрофа опять-таки была ускорена неурожаем 1788 г. «И вот бунты приняли широкие и угрожающие размеры... Первым поводом для движения был вопрос о хлебе»¹²³.

К неурожаю присоединились еще промышленный кризис и безработица. «Безработица и дороговизна хлеба – вот два бича, от которых больше всего страдало население Парижа в 1789 г. Промышленный кризис стал остро ощущаться уже с 1787 г. К концу 1788 г. во Франции насчитывалось более 200000 безработных. Потребление повсеместно сократилось. Зима 1788–1789 гг. была особенно тяжела для промышленности и торговли; производство сворачивалось». Вдобавок «голодный год гнал в Париж из провинции новые и новые массы безработного люда, и этот горячий материал внушал беспокойство многим наблюдателям». «На этой почве и разыгралась та стихийная вспышка, которая прекрасно характеризует страшную возбудимость нуждающейся городской массы 1789 г. и ее готовность пойти на самые решительные и немотивированные действия по любому ничтожному внешнему поводу. Этой первой вспышкой в Париже были бурные беспорядки за неделю до открытия Генеральных штатов (в апреле 1789 г.), поведшие к разгрому домов фабрикантов Ревельона и Анри^{44*}. Причина этого бунта была «исключительно в голоде, безработице, дороговизне и отсутствии хлеба»¹²⁴.

Чем дальше, тем дело становилось хуже. «Голод свирепствовал в Париже все больше и больше. Даже плохой, желтой, горелой муки и той (около 27 июля и позже) не хватало... В ряде мест предпринимались попытки скосить зеленые хлеба»¹²⁵.

¹²⁰ Крпоткин П.А. Великая французская революция. М., 1919, с. 23.

¹²¹ Афанасьев. Исторические и экономические статьи, т. I, с. 402, 398.

¹²² См.: *Taine H. Les origines de la France contemporaine*. Paris, 1899 vol. II: L'ancien régime, p. 280–298.

¹²³ Крпоткин П.А. Цит. соч., с. 39–41. «Хлебные бунты в городах с 1789 г. были явлением гораздо более частым, чем прежде. Наиболее чувствительны были затруднения циркуляции хлеба для Парижа» (Афанасьев. Исторические и экономические статьи, т. I, с. 434–435).

¹²⁴ Тарле Е.В. Рабочий класс во Франции в эпоху революции. СПб., 1909, ч. I, с. 17–18, 51.

¹²⁵ Крпоткин П.А. Цит. соч., с. 46–47, 61–72.

Голод усиливался – усиливались и волнения, как в провинции, так и в Париже. 8 июля – бунт безработных, 10-го – сожжение застав в Париже, 12-го Камилл Демулен уже призывает к оружию, 13-го народ направляется туда, где есть хлеб, а именно в монастырь Сен-Лазар и осаждает его с криками: «Хлеба, хлеба!», 14-го июля – взятие Бастилии¹²⁶. Голод усиливался – все интенсивнее шло и «углубление» революции. «Стоял сентябрь; жатва была закончена, но хлеба не хватало. У дверей булочных громадные очереди с раннего утра, и часто после долгих часов ожидания люди уходили без хлеба». Движение 5 октября началось при криках «Хлеба!». И здесь главной причиной и главным требованием толпы был хлеб.

В 1789 и начале 1790 г. голод усиливался *crescendo*^{45*} – *crescendo* развертывалась и революция. Но в 1790–1791 гг. ее «углубление» и «расширение» начинает замедляться и приостанавливаться. Почему? Потому что 1790 и 1791 гг. были годами относительно более благополучными, чем 1789. Кризис 1789 г. ослабел; урожаи 1790 и 1791 гг. были сносными, промышленность стала оживать, безработица уменьшилась¹²⁷. Приостановилось или замедлилось и углубление революции. Появилась слабая надежда на введение стихии в берега. Но, увы, «с 1792 г. это временное улучшение исчезает, и Франция – особенно после начала войны с первой коалицией^{46*} – вступает в новый длительный кризис»¹²⁸. С этого же года кривая революции снова делает резкий скачок вверх, и последняя «углубляется» до своих крайних пределов. С усилением голода человеческие клетки начинают поедать друг друга, старые устои разрушаются один за другим, стихия революции выходит из берегов и затопляет потоками крови всю Францию.

«По мере того как надвигалась зима 1792–1793 гг., голод в городах принимал все более и более мрачный характер. Муниципалитеты выбивались из сил, чтобы добыть хлеб, хотя бы по четверти фунта на жителя». Одновременно с этим росло и недовольство богатыми и правящими жирондистами^{47*}. Восстание против них стало неизбежным, и 31 мая 1793 г. оно вспыхнуло. Но не накормил и Конвент – поэтому в том же 1793 г. в 8 департаментах Франции начались восстания и против него. Так как голод не прекращался, то должна была пасть и диктатура Горы. Термидор^{48*} был неизбежен¹²⁹. Во все эти годы голодные восстания не прекращаются. «21 жерминаля вспыхивает восстание в Эвре, потому что на целую неделю выдают только по 2 фунта муки на едока, за три дня перед тем выдавали всего лишь по 1½ фунта. Вспыхивают восстания в Диеппе 14 и 15 прериала, потому что народу выдается всего по 3–4 унции хлеба, восстание

¹²⁶ Там же, с. 111, 149, 155, гл. XV; *Афанасьев*. Цит. соч., т. I, с. 434–435. См. также: *Тарле Е.В.* Цит. соч. (здесь очень четко обрисованы движения рабочих и их основная причина – нужда).

¹²⁷ См.: *Тарле Е.В.* Цит. соч., с. 116–117.

¹²⁸ Там же, с. 122.

¹²⁹ См.: *Кропоткин П.А.* Цит. соч., с. 327, 394, 435.

в Вервене 9 прериала, потому что муниципалитет повысил цену с 25 до 50 су за фунт, восстание в Лилле 4 мессидора по той же причине». «Два раза вспыхивали восстания в столице – в жерминале и прериале III-го года^{49*} (после уменьшения пайка с 1 фунта и до $\frac{3}{4}$ фунта). Продолжались они и после термидора и приобретали временами крупные размеры»¹³⁰.

Наполеон сумел дать выход этим волнениям, развязав завоевательные войны. В результате революционного террора и войн численность населения Франции уменьшилась, и благодаря этому и некоторым другим обстоятельствам «эпоха реставрации была временем относительно высокого благосостояния масс»¹³¹. Она же была и эпохой сравнительно очень спокойной.

С конца 20-х гг. снова начинается ухудшение положения и застой в промышленности¹³². И снова начинаются волнения – революция 1830 г., ряд восстаний (вроде Лионского восстания 1831 г., проходившего под лозунгом «*Vivre en travaillant ou mourir en combattant*»^{50*}). «Создался порочный круг: недостаток работы вызывал восстания, а восстания еще более ухудшали хозяйственную жизнь». Поэтому годы 1831–1832 были «годами перманентных восстаний рабочих под лозунгом “Работы или хлеба!”»¹³³.

Не без связи с голодом произошли и Февральская революция 1848 г., и июньское восстание рабочих. 1847 г. был годом сильного неурожая, 1847 и 1848 гг. были, кроме того, годами промышленного кризиса. Положение и крестьян, и особенно рабочих ухудшилось. Исследование Левассера показывает, что заработная плата рабочих даже по сравнению с началом XIX в. понизилась, а не повысилась. «Почти всех рабочих задел кризис 1848 г.». В ряде производств это снижение зарплаты по сравнению с уровнем 1830 г. было громадным. В то же время жизнь в Париже подорожала почти вдвое. Вместо 3000 франков теперь для того, чтобы сохранить тот же уровень жизни, что и в 1830 г., нужно было 6000 франков. «В эпоху кризиса и неурожая нищета особенно велика была в торговых и промышленных департаментах»¹³⁴.

Социальной функцией такого детерминатора явилась Февральская революция 1848 г.¹³⁵ Но, как почти и все революции, она не улучшила положение трудящихся масс, число калорий не возросло. «Более 100000 безработных было в Париже, и промышленные департаменты оставались в том же (печальном)

¹³⁰ Taine H. Op. cit., vol. III, p. 529–532.

¹³¹ Кареев Н.И. История Западной Европы, т. IV, с. 590.

¹³² Л. Блан пишет, что в 1830–1831 гг. заработок рабочих, равный раньше 4–6 франкам, снизился до 18–25 су. (Blanc L. Revolution française. Histoire de dix ans 1830–1840. Paris, 1877, vol. III, p. 48). См. также: Levasseur E. Histoire des classes ouvrières. 1904, vol. II, p. 6–7.

¹³³ Levasseur E. Op. cit., p. 10–11.

¹³⁴ Ibid., p. 259, 262–264, 281, 285.

¹³⁵ См.: Маркс К. Классовая борьба во Франции в 1848–1850 гг. СПб., Изд. Просвещения, с. 32–33.

положении». После закрытия Национальных мастерских^{51*} рабочие оказались в безвыходном положении. Закрытие их (22 июня), начавшийся голод и его угроза вызывают июньское восстание, начавшееся на следующий день¹³⁶.

Наконец, *связь революции и коммуны 1871 г. с голодом слишком известна, чтобы на ней настаивать*. С кризиса 1866 г. начинается ухудшение положения рабочих, а вместе с тем и рост забастовок. Война и осада сделали положение отчаянным^{137/52*}. Революция произошла в осажденном городе с огромным дефицитным голоданием, не имеющем никакой возможности покрыть голод иными способами, в городе с огромной имущественной дифференциацией.

Нечто похожее происходило позднее и в других местах. Например, в Бельгии в связи с кризисом 1884–1886 гг. «произошло сильное сокращение спроса на рабочие руки; оно особенно резко проявилось в 1886 г.; и этот же год отмечен огромными и кровавыми забастовками»¹³⁸.

То же самое мы видим и в 1919–1921 гг. Дороговизна¹³⁹, экономический кризис, падение заработной платы, рост безработных – словом, ухудшение экономического положения рабочих Франции в эти годы вызвало «полевение» рабочего класса, профсоюзов, социалистической партии, увеличение числа коммунистов и сторонников III-го Интернационала, рост популярности идей «прямого действия» и «социалистической революции», рост забастовок, волнений и кровавых столкновений¹⁴⁰.

Снова и снова мы видим, что одна и та же причина в сходных условиях вызывает сходные результаты.

Германия. Таким же образом можно было бы проверить теорему и на истории Германии. В полном объеме я этого делать не буду, а остановлюсь на одном-двух революционных движениях в истории этой страны.

Очень бурной эпохой крестьянских восстаний, коммунальных движений, борьбы бедноты с богачами в городах (а также рыцарских восстаний, религиозных междоусобиц и войн) в истории Германии является *конец XV в. и первые 35 лет XVI столетия*.

Эти же периоды, как показали исследования Лампрехта, Роджерса, Зоммерлада, отчасти Инама-Штернегга и особенно Казера, являются годами резкого подорожания на продукты питания, падения доходов трудовых масс, обременения

¹³⁶ *Levasseur E.* Op. cit., p. 382–387.

¹³⁷ См.: *Лукин (Антонов) Н.* Парижская коммуна. 1922, с. 55–56.

¹³⁸ *Denis H.* Le mouvement de la population et ses conditions économiques // *Memoires couronnes*. Бельгийская Королевская Академия, vol. LIX, p. 8.

¹³⁹ По сравнению с индексом цен 1901–1910 гг., принятым за 100, цены во Франции росли за годы войны, достигнув максимума в сентябре 1920 г., когда индекс был равен 607,5, затем стали понемногу спускаться, понизившись до 411,9 в марте 1921 г. (*Боголепов*. Европа после войны. 1921, с. 28). 1920 г. был и годом максимальных волнений.

¹⁴⁰ Число бастовавших рабочих было: в 1914 г. – 160566 человек, в 1919 г. – 651702 (Сборник статистических сведений о современном экономическом положении иностранных государств. М., 1922, с. 32).

их податями и налогами, роста бедности, а в связи с этим – и резкого ухудшения питания. Например, цены на хлеб в Саксонии были таковы:

Годы	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес
1455–1480	10,62	13,90	10,69	5,47
1521–1530	22,50	–	–	–
1531–1540	29,44	29,80	22,89	12,51 ¹⁴¹

Зарботки, наоборот, не росли, а скорее падали. К этому присоединился ряд неурожайных лет. «Питание крестьянина в это время было скудное. Особенно же плохо приходилось во время войн, ибо война того времени должна была кормиться войной, т.е. грабежом населения». Прибавьте к этому грабительские объезды короля, постоянные неурожаи, невыносимое налоговое бремя – и голодание населения становится бесспорным¹⁴². «Теперь эксплуатация сделалась невыносимой, – писал Лютер. – Разве помогло бы крестьянину, если бы на его поле росло столько гульденов, сколько на нем стеблей и зерен?»¹⁴³ Между тем имущественная разница между чернорабочим и крестьянином, с одной стороны, и буржуазией и аристократией – с другой, была чрезвычайно резкой.

Следствием такого положения вещей становится рост восстаний в конце XV и в начале XVI в.: в 1476 г. – восстание в Бегейме, в 1491 г. – восстание «сырников», рисовавших на своих знаменах скверный ячменный хлеб с зеленым сыром (красноречивая эмблема), в 1493 г. – мятеж в Швабии, в 1500 и последующих годах – движение «башмака», в 1514–1515 гг. – восстание «Бедного Конрада»^{53*}, в 1525 г. – великое крестьянское восстание, целый ряд восстаний в 1530–1532 гг. (в Оснабрюке, Падеборне, Мюнстере и в Нижней Германии) и т.д.¹⁴⁴

Еще яснее прослеживаемая нами связь выступает в волнениях 1840-х гг. в Германии и в революции 1848 г.: революция цен, индустриальный переворот, рост безработных, падение зарботков, дороговизна плюс неурожаи 1846–1847 гг. «Рабочие едва оплачивали соль для своей похлебки»¹⁴⁵.

¹⁴¹ *Sommerland*. Op. cit., S. 1181.

¹⁴² *Кулишер И.М.* Лекции по истории экономического быта. Пг., 1918, с. 98–105.

¹⁴³ *Каутский К.* От Платона до анабаптистов // Предшественники новейшего социализма. СПб., 1907, ч. 1, с. 249–250, 277.

¹⁴⁴ Подробнее см.: *Kaser*. Politische und soziale Bewegungen in deutschen Burgertum zu Beginn der 16 Jahrhunderts. 1899; *Schoenlack*. Soziale Kämpfe vor dreihundert Jahren. 1894. В Нижней Германии много восстаний было в 1530–1532 гг. В эти же годы здесь наступила страшная дороговизна. Четверик ржи стоил летом 1529 г. 3½ шиллинга, в 1530 г. он стоил уже 9 шиллингов, а в 1531 г. цены поднялись еще больше. В Дортмунде в 1530 г. четверик ржи стоил 5½ шиллингов, в 1531 г. – 14 шиллингов. Плюс – «турецкий налог» в размере 10% всех доходов. В итоге – резкое увеличение числа восстаний (см.: *Каутский К.* Цит. соч., т. 1, с. 337–341).

¹⁴⁵ См.: *Блос В.* Германская революция. История движения 1848 года в Германии. СПб., 1907; *Hartmann O.* Die Volkserhebung der Jahre 1848–1849 in Deutschland. 1900.

Наконец, четкое выявление этой связи дает *революция в Германии в 1918–1919 гг. и последующие восстания коммунистов и рабочих, особенно в 1923 г.*

К концу войны питание германского населения резко ухудшилось. Несмотря на суррогаты, не хватало ни белков, ни жиров. Смертность мирного населения в связи с этим повысилась. Параллельно с ростом дороговизны и усилением голодания росли и волнения, произошла революция, прокатилась волна восстаний и забастовок, рабочие заметно «полевели». Голодный социальный агрегат «нереволюционного» немецкого народа стал биться в конвульсиях. Бурные беспорядки второй половины 1923 г. с очевидностью вскрывают эту связь. Все мы помним стремительное падение марки в июле и последующие месяцы того года. Каждому побывавшему в Германии в 1922–1923 гг. бросалось в глаза, что городское население недоедает^{54*}. Отсюда – растущие беспорядки в городах Германии, в августе–сентябре достигшие громадных размеров.

Теперь ту же связь голода и волнений проследим на истории России.

Россия. В истории России связь голода и волнений выступает не менее ясно. Метод «сопутствующих изменений» легко ее вскрывает. Вот некоторые тому подтверждения. Уже в древности летописцы подметили эту связь.

В 1024 г. «в Суздальской области, по словам летописца, народ умирал с голоду, волновался и производил мятежи»¹⁴⁶.

В 1070 г. во время голода «убивашета многы жены и имение их отгымашета себе».

В 1230–1231 гг. «инии паки злыи челоvence почаша добрых людии дома за-жигати, кде чююче рожь и тко разграбливаху имение их»¹⁴⁷.

В голод 1279 г. ятвяги^{55*} перебили отряд Владимира Васильевича, посланный к ним с житом. «И избиты быша, жито поимаша, а люди потопиша»¹⁴⁸.

В 1291 г. «по случаю дороговизны произошел мятеж, и грабиша коромольницы торг».

В 1314 г. во время голода во Пскове «почали бяху грабити недобрии люди села и дворы в городе и клети на городке»¹⁴⁹.

Дано независимое переменное – голод (а), и за ним следует его функция – волнения (b).

То же самое происходит и в более поздние времена.

Экономическое положение масс к концу XVI в. значительно ухудшилось. В центральной России, по исследованию Рожкова, у малоземельного крестьянина по уплате всех податей и оброка получался дефицит в 14 денег. Он не мог свести концы с концами. Только у более обеспеченных крестьян оставался не-

¹⁴⁶ Лешков В.Н. Русский народ и государство. М., 1858, с. 453.

¹⁴⁷ Там же, с. 455, 457.

¹⁴⁸ Там же, с. 470. См.: Соловьев С.М. История России, кн. I, с. 887–888.

¹⁴⁹ Лешков В.Н. Цит. соч., с. 471–472.

большой избыток. «Крестьяне старых областей беднели и разорялись. Подати и оброки были невыносимы»¹⁵⁰. Это явление должно было привести ко взрыву и конвульсиям. Нужно было только его резкое усиление. Такое усиление и было дано страшными неурожаями 1601–1602 гг. и наступившим в 1601 г. «баснословным голодом»¹⁵¹. В связи с ним и начались волнения. «Толпы народа для спасения себя от (голодной) смерти составляли шайки и добывали себе пропитание разбоем... Ни одна область Руси не была свободна от разбойников. Они бродили около Москвы, и против одной такой шайки Хлопка царю Борису пришлось выставить крупную военную силу, которой – и то с трудом – удалось одолеть эту толпу разбойников».

С 1601 же года появились слухи о самозванце, и начинается «великая смута»¹⁵². «Именно с этого голода началась, по словам современника, “беда во всей России” – наступило смутное время»¹⁵³. Голодающий агрегат России начинает биться в судорогах, его клетки принимаются усиленно истреблять друг друга, один правитель сменяется другим и, не накормив население, сбрасывается в свою очередь¹⁵⁴ – и так продолжалось до тех пор, пока не обнищала вся страна и не уменьшилась плотность населения.

Следующей эпохой, богатой волнениями, было царствование Алексея Михайловича. Положение и питание народа в то время ярко рисуется патриархом Никоном в его письме 1661 г.: «Ты всем проповедуешь поститься, – пишет он царю, – а теперь и неведомо, кто не постится ради скудости хлебной; во многих местах и до смерти постятся, потому что есть нечего; все данями обложены тяжкими; везде плач и сокрушение; нет никого веселящегося в дни сии». В письме, написанном в 1665 г., он добавляет: «Берут людей на службу, хлеб, деньги дерут немилостиво; весь род христианский отягчил данями сугубо, трегубо и больше – и все бесполезно»¹⁵⁵.

Неудивительно, что все это царствование полно мятежами и волнениями. Мелких бунтов, вызванных реквизициями хлеба в государевы житницы, было, по-видимому, очень много. В делах приказов часто встречаются упоминания о них в донесениях воевод и других должностных лиц, вроде следующего: «А того хлеба («по разверстке». – П.С.), государь, они – посадские люди и крестьяне

¹⁵⁰ Рожков Н.А. Народное хозяйство Московской Руси во второй половине XVI в. // Дела и дни. Кн. I, с. 78–79.

¹⁵¹ См.: Фирсов. Исторические характеристики. Казань, 1922, с. 6–7 (Голод перед смутным временем).

¹⁵² Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. Пг., 1917, с. 249.

¹⁵³ Платонов С.Ф. Московский голод 1601–1603 гг. // Артельное дело. 1921, № 9–16.

¹⁵⁴ В 1608 г. народ ждет спасения от царя и, прежде обвиняя в своем страдании Бориса, теперь винит Василия, говоря: «Сии убо глад и меч царевна ради несчастья!» или крича: «Хлеба! Хлеба! Иначе – да здравствует Тушинский!»^{156*} (Лешков В.Н. Цит. соч., с. 484).

¹⁵⁵ Ключевский В.О. Курс русской истории. 1918, т. III, с. 307–308.

старицкие – не дают, а отказывают мне, чинятся ослушны, а чинятся твоему, великий государь, указу сильны»¹⁵⁶.

Наряду с мелкими бунтами здесь было много крупных волнений. «В 1648 г. мятежи в Москве, Устюге, Козлове, Сольвычегодске, Томске и других городах; в 1649 г. приготовления к новому мятежу закладчиков в Москве, вовремя предупрежденному; в 1650 г. бунты в Новгороде и Пскове; в 1662 г. новый мятеж в Москве из-за медных денег; наконец, в 1670–1671 гг. огромный мятеж Разина»¹⁵⁷.

Некоторые из этих бунтов, например бунты в 1650 г. в Новгороде и Пскове, вспыхивали непосредственно на почве голода. «Народ жаловался, что ныне, государь, и достоль стала у нас хлебная скудость, и ни единого осмака дорогой ценой на торгу и нигде купить не добудем и мы... до остатку с голоду помираем и многие, государь, православные христиане по деревням едят оловину, и сосну, и ужоvinу». И в 1649 г. во Пскове была «хлебная скудость и дороговизна большая»¹⁵⁸.

Продовольственную почву имел и бунт 1643 г. из-за высоких цен на соль, и бунт 1662 г., вызванный дороговизной из-за выпуска медных денег и спекуляции.

Спокойствия в стране не было. Она перманентно билась в конвульсиях. Положение вещей ярко рисует современник – шведский посол Родэс – в своих донесениях: «Видно, что это дело (бунт) распространяется, и кажется, как скоро огонь в одном месте потушен, сейчас же снова загорается в другом месте, как будто здесь и там лежит под холодной водой скрытый пышущий жар»¹⁵⁹.

Наконец, как правильно отмечают Соловьев и Платонов, не обошлось без продовольственной причины и восстание Разина. «Вследствие тяжелого экономического положения» народ бежал на Украину и на Дон. «Народа на Дону все прибывало, а средства пропитания сокращались»¹⁶⁰ (выходы отсюда были закрыты Польшей и татарами); «этих беглых скопилось на Дону так много, что здесь возник “голод большой”»¹⁶¹. «Лишась последнего выхода, голытьба казацкая опрокидывается внутрь государства и поднимает с собой низшие слои населения против высших»¹⁶². И здесь, как видим, недостаток калорий играл свою роль^{57*}.

Ужасное материальное положение народа при Петре «Великом» теперь твердо установлено. Бесконечные подати и налоги, выколачиваемые полковы-

¹⁵⁶ *Новомбергский Н.Я.* Очерки внутреннего управления в Московской Руси XVII столетия. Продовольственное строение. Материалы. Томск, 1914, т. 1, № 112. То же самое происходило в Торжке, Курске, Борисове, Ефремове и других местах (там же, №№ 69, 75, 260, 327, 374).

¹⁵⁷ *Ключевский В.О.* Цит. соч., с. 303.

¹⁵⁸ *Куриц Б.* Состояние России в 1650–55 г. по донесениям Родэса. М., 1915, с. 23–24.

¹⁵⁹ Там же, с. 37.

¹⁶⁰ *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории, с. 365. См. также: *Соловьев С.М.* История России, кн. III, с. 291–292.

¹⁶¹ Акты исторические, т. IV, № 202; *Фирсов.* Крестьянские волнения до XIX в. // Великая реформа (юбилейное издание), т. II, с. 27.

¹⁶² *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории, с. 365; *Соловьев С.М.* История России, кн. III, с. 291–292.

ми командами («продотрядами». – П.С.), которые, по словам Ключевского, вели себя «в завоеванной России хуже татарских баскаков^{58*} времен Батяя», безжалостная трата человеческого материала вконец разорили народ. «Мироед, весь мир переел», «крестьян разорил с домами», «побрал их в солдаты», «антихрист», «замененный» и т.п. – такова адекватная оценка Петра народом, куда более верная, чем «Великий» – эпитет, которым наградили его грабители-чиновники и неумные историки¹⁶³. Вместе с тем неурожаи случались довольно часто¹⁶⁴.

Крупных бунтов, кроме Астраханского, Булавинского и Стрелецкого^{59*}, не было (в силу страшного и беспощадного террора, игравшего роль тормоза). Зато мелких бунтов, разбоев, бандитизма, грабежей, в которые выливались заторможенные конвульсии и волнения, было как никогда много.

Так или иначе голод выполнял свою функцию. По словам Посошкова, «во всех государствах христианских и басурманских разбоев нет таких, каковые у нас на Руси»¹⁶⁵. Современные Петру известия говорят о небывалом разгуле бандитизма. Разбойничьи шайки, предводительствуемые беглыми солдатами, соединялись в благоустроенные и хорошо вооруженные конные отряды и нападали «порядком регулярным», уничтожали многолюдные села, останавливали казенные сборы, врываются в города. Разбоями народные низы отвечали на произвол верхов; это была своеобразная круговая порука беззакония и неспособности, с одной стороны, и безрасчетного отчаяния – с другой. (Не знакомая ли нам, читатель, картина? И не сходны ли тормоза, мешающие разрастись мелким бунтам в большие?)

Не обошлось без голода и пицетаксиса и в Булавинском бунте. Бежали в Башкирию из-за «скудости». Агитация Булавина ясно свидетельствует о сути дела: «Атаманы-молодцы! Кто похочет с военно-походным атаманом *К.А. Булавиным* погулять, по чисту полю красно походить... сладко попить да поесть, то приезжайте в черны вершины Самарские»¹⁶⁶.

После Петра годами крупнейших неурожаев и голодовок были 1733–1734. Массы народа «во множестве устремились на Яик»^{167 / 160*}. И сразу же вслед за тем, «в 1734–1735 гг., на юго-востоке и на юге появились самозванцы. Они име-

¹⁶³ См.: *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории, с. 531–532; *Ключевский В.О.* Курс русской истории. 1918, т. IV, лекция LXIX; *Клочков М.В.* Население России при Петре Великом, гл. V.

¹⁶⁴ *Словцов Ф.И.* Историческое и статистическое обозрение неурожаев в России // Сборник статистических сведений о России, издаваемый статистическим отделением Императорского Русского Географического Общества. 1858, кн. III, с. 465–502.

¹⁶⁵ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. 1918, т. IV, с. 252–253; см.: *Клочков М.В.* Цит. соч., с. 211–215.

¹⁶⁶ *Соловьев С.М.* История России, кн. III, с. 1454. Чем не «хлеб, мир и свобода»!

¹⁶⁷ *Ермолов А.С.* Наши неурожаи, с. 6, 17; *Романович-Славатинский А.В.* Голода в России и Западной Европе и меры правительства против них. Киев, 1892, с. 53; *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории, с. 555.

ли успех среди населения и войска, но скоро были изловлены». «Но и без них народный ропот не смолкал», все были уверены, что «хлеб не родится, потому что женский пол царством владеет». «Неспокойно было и в придворной среде». Опять-таки крупных восстаний не было, потому что «страшный режим не давал возможности народу сплотиться»¹⁶⁸, действовал тормоз беспощадного террора (плюс – первичные рефлексы сервиллизма^{61*} перед властью). При Елизавете (1741–1761) частых и сильных неурожаев не было, кроме неурожая 1748–1749 гг. И внутри страны было относительно спокойно.

При Екатерине II целый ряд крупнейших неурожаев и голодовок (1766, 1772, 1774, 1776, 1783, 1784, 1785, 1787, 1788 гг.)¹⁶⁹ и непомерное усиление эксплуатации народа привели к тому, что произошла вспышка крупных бунтов: картофельный бунт 1765 г., Московский («чумной бунт»)^{62*}, вызванный в конечном счете голоданием 1771 г., и пугачевский бунт 1773–1774 гг. плюс до 40 других крестьянских восстаний¹⁷⁰.

Связь их с голодом ясна. После неурожая 1766 г. «особенно усилились волнения помещичьих крестьян»¹⁷¹.

«Некоторые исследователи ставят Пугачевский бунт в связь с неурожаем, охватившим восточные области России. Самый разгар этого бунта относится к осенним месяцам голодного 1774 г.»¹⁷². И правильно. Неурожаи 1772–1774 гг. его подготовили; зародился он в местах, постигнутых неурожаем, куда раньше от голода сбежалась масса народа; наконец, пожар, перебросившийся сначала в Казанскую губернию (преимущественно крестьянскую), легко воспламенил здесь крестьян, «приведенных в безнадежность» (по рапорту Свечина от 29 февраля 1764 г., посланного для исследования причин бедности в Казанской губернии). Сам победитель Михельсон писал: «Не можно себе представить, до какой крайности весь народ здесь бунтует». Мудрено ли, что Пугачев, разбитый под Казанью, «на другой же день имеет в своем стане 15000 мужиков»¹⁷³.

В то же самое время происходит множество волнений среди заводских крестьян (Сиверса, Чернышева, Демидова и др.), которые «с запущенной недоимкой и пашней быстро обращались в совершенно нищих», «алчно пожираемых заводчиками»¹⁷⁴.

Новая волна крестьянских волнений начинается в 1796–1797 гг. Они охватили, перекидываясь с одного места на другое, 32 губернии. В жалобах крестьян ясно указывается их причина: «Мы из сил своих вышли и ваших (помещичьих)

¹⁶⁸ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории, с. 555–556.

¹⁶⁹ Ермолов А.С. Цит. соч., с. 6, 22.

¹⁷⁰ Фирсов. Исторические характеристики. Казань, 1922, с. 4.

¹⁷¹ Там же, с. 44.

¹⁷² Ермолов А.С. Цит. соч., с. 22.

¹⁷³ Фирсов. Цит. соч., с. 48–50.

¹⁷⁴ Там же, с. 36.

уроков сработать не можем, потому что мы хлеба уже для пропитания не имеем, от мразу и гладу умираем, а пропитание имеем только-только, как маленькие ребята наши, ходя в мир, попросят и нас напитают»¹⁷⁵. В те же годы в Ярославской губернии наблюдается рост дороговизны и волнений. Если в 1785 г. «средняя цена четверти пшеницы колебалась от 4 до 6 рублей, а четверти ржи – от 2 рублей 30 копеек до 4 рублей 20 копеек, то «в 1795 г. колебания выражались: за четверть пшеницы – от 5 рублей 30 копеек до 8 рублей 75 копеек, за четверть ржи – от 4 рублей до 5 рублей 50 копеек»¹⁷⁶.

Грандиозный и безграничный террор вместе с другими причинами помешал тогда разрастись этим мелким вспышкам в один грандиозный пожар. Время Александра I – исключительно. Влияние голода оказалось при нем завуалировано, с одной стороны, войнами (и наш поход на Запад в известной мере есть функция голода), а с другой – отсутствием частых и очень сильных неурожаев.

С 1826 по 1861 гг. произошел целый ряд крестьянских волнений. Среди прочих их причин «экономические причины отмечены в 208 волнениях». Из них чисто «продовольственной нуждой» вызвано было 30 плюс 17 волнений в связи с переселением и голодом¹⁷⁷.

Крупные крестьянские волнения этого периода обнаруживают явную связь с голодом. Годами крупных голоденок и неурожаев этого периода были 1833–1834, 1847–1848, 1855¹⁷⁸. И что же мы видим? Крупные волнения и беспорядки именно в местах голода.

Ряд некрупных волнений был и в следующие неурожайные годы (в 1867–1868, 1873, 1880 и 1891–1892 гг.), но мерами власти и общества, путем переселений и другими средствами, голод удавалось смягчить или дать ему иные выходы.

Далее, начиная с 1905 г. Россия вступила в полосу неурожаев. Неурожаем этого года был громадный. Он «охватил огромную площадь земель Европейской России, причем от него пострадали многие из важнейших по земледельческой культуре районы (Черноземный, Средневожский, Заволжский), площадь полей в которых составляет 43% всех пахотных земель России». Недобор хлебов по сравнению с пятилетием составил в Пензенской губернии 65,3%, Рязанской – 53,3%, Воронежской – 51,3%, Тульской – 49,5%, Саратовской – 48%, Тамбовской – 42%, Симбирской – 40% и т.д.¹⁷⁹

Начались волнения, разгром помещичьих усадеб, хлебных запасов, разбор запасных хлебных магазинов, столкновения и убийства толпой земских начальников, помещиков и т.д. Это аграрное движение, вызванное голодом, совпало с общим возбуждением в городах, вызванным иными детерминаторами.

¹⁷⁵ Там же, с. 56–58.

¹⁷⁶ *Довнар-Запольский*. Крепостники в первой четверти XIX века // Великая реформа, т. II, с. 125–126.

¹⁷⁷ *Игнатович*. Крестьянские волнения // Великая реформа, т. III, с. 49–50.

¹⁷⁸ *Ермолов А.С.* Цит. соч., ч. I, с. 43–56.

¹⁷⁹ Там же, с. 276–278.

«Чем дальше, тем становилось хуже. С одной стороны, уже со второй половины сентября и в начале октября наступил если не голод, то сильная нужда, и в то же время сам контингент нуждающихся постепенно увеличивался по причине закрытия фабрик. Настроение масс со второй половины октября ухудшилось и в ноябре достигло кульминационного пункта: просить перестали – стали требовать. К этому времени относятся разгромы имений, насилия над сельскими властями и земскими начальниками»¹⁸⁰.

Итог известен – революция 1905 г. Одна из главных скрытых ее причин – сокращение калорий, поступающих в организм крестьян и рабочих.

Сильнейшим был и неурожай 1906 г. Он был «исключительным по размерам охваченной им площади». Дело ухудшила еще необычайно суровая зима 1906–1907 гг. Осенью цены резко поднялись по сравнению с весной (на 20–100%)¹⁸¹. Итог тот же самый – продолжение революции в 1906–1907 гг.

Наконец, *фактор голода лежал и в основе революции 1917 г.* Мы на себе испытали, как с 1916 г. наше питание (особенно в городах) резко пошло на убыль¹⁸². К концу 1916 и началу 1917 г. города стали голодать. Итогом явились разгромы рынков, лавок, магазинов, сначала разрозненные; рост недовольства и агитации. В январе-феврале 1917 г. в городах (благодаря слабости власти и целому ряду благоприятных обстоятельств) разразился хлебный бунт, начавшийся с остановки и опрокидывания трамваев и перешедший в опрокидывание более солидных вещей вроде престолов и правительств. Опрокинули монархию.

¹⁸⁰ Там же, с. 280–281.

¹⁸¹ Там же, с. 306–307, 312, 325.

¹⁸²

	Потребление белка в граммах		
	1913–1914	1915–1916	1916–1917
Артель механиков	131,5	119,0	113,5
Артель красильщиков	119,5	106,4	96,6
Артель ткачей	109,9	102,2	101,3
Артель женщин	99,8	81,5	79,7

Причем белки животного происхождения систематически сокращались. Потребление жиров в 1915–1916 и 1916–1917 гг. в процентах к потреблению их в 1913–1914 гг.:

	Потребление белка в граммах		
	1913–1914	1915–1916	1916–1917
Артель механиков	100	87	47
Артель красильщиков	100	90	65
Артель ткачей	100	76	62
Артель женщин	100	86	67

Сократилось и потребление углеводов. См.: *Сваницкий Н.* Питание московских рабочих во время войны // Вестник статистики. 1920, №№ 9–12, 1921, №№ 1–4, с. 135–136. В 1918–1919 гг. дело еще более ухудшилось и в качественном, и количественном отношении. См.: *Клепиков С.А.* Питание русского крестьянства. М., 1920, с.12.

Но голод усиливался¹⁸³. Параллельно «углублялась» и революция: в октябре опрокинули Временное правительство и стали «социализировать буржуев», чему это правительство мешало (значение имущественной дифференциации).

Поскольку голод усиливался и поскольку было что «социализировать», революция должна была «углубляться» и власть должна была быть в тех руках, кто поощрял эту социализацию. Перелом должен был наступить тогда, когда, во-первых, национализировать стало бы уже нечего, во-вторых, голод оставался бы ненасыщенным, и в результате пришлось бы кое-кому, в частности крестьянству, не столько брать, сколько отдавать. Так оно и случилось. С 1919 г., когда все было поделено, в городах и потребляющих губерниях нужда возросла, а в производительных губерниях все излишки и даже почти все, вплоть до семян, стало отбираться, по стране прокатилась волна стихийных восстаний против Советской власти. Чем дальше, тем все больше протест против Советской власти принимал формы бандитизма или же выражался в поддержке «белых». Причем любопытно, что в 1918–1919 гг. восстания были главным образом в губерниях потребляющих: Вологодской, Архангельской, Череповецкой, Петроградской, Ярославской, Новгородской, Псковской, Тверской и др. В эти годы потребление деревни было здесь уже ниже норм довоенного времени, тогда как в губерниях производящих оно было не ниже этих норм. С 1920 г. положение дел меняется. На Севере и в Центре – урожай. Производящие губернии (Саратовскую, Самарскую, Тамбовскую, Воронежскую, Сибирь и т.д.) постигает сильнейший неурожай. Кроме того, отсюда выкачивают почти все, вплоть до семян. И с 1920 г. эти же губернии начинают бурлить восстаниями и наполняются бандами, тогда как Север молчит и сравнительно спокоен.

При микроскопическом анализе этой эпохи мы видим еще более детальное проявление связи между волнениями и голодом. В 1919, 1920 и 1921 гг. крестьянское движение обычно резко усиливалось с осени и, как правило, было гораздо сильнее зимой, чем весной и летом. Причем осенью обычно происходило взимание разверстки и продналога, заставлявшее крестьян бороться с реквизициями, грозившими им голодом – опасностью, для них, увы, не мнимой. В центрах потребляющих, в частности в городах, волнения усиливались с февраля-марта: с этого

¹⁸³ Например, рабочие ударной группы в Петрограде получали суточных калорий:

Июль (1917)	1698	Январь (1918)	698
Август	1657	Февраль	554
Сентябрь	1584	Март	954
Октябрь	1393	Апрель	992
Ноябрь	1167	Май	480
Декабрь	1038		

В 1918 г. среднее число потребляемых в день калорий равнялось 1617 (плюс покупаемое на рынке); в 1919 г. – 1394 (но покупалось меньше); в 1920 г. – 1577 (*Словцов Б.И.* Государственное питание рабочих ударной группы за 1917–1920 гг. // Бюллетень отдела статистики труда, № 32).

момента учащались забастовки, демонстрации и акции протеста. Обычно больше всего их было в весенние и летние месяцы, до созревания овощей и нового урожая. Причина понятна: в феврале-марте обычно заканчивались или начинали подходить к концу запасы старого урожая, недовоз и перебои регулярных выдач хлеба (в силу распутицы) учащались, сам паек уменьшался. Итог – рост волнений¹⁸⁴.

Это явление особенно резко дало себя знать в феврале-марте 1921 г. В феврале 1921 г. в Петрограде и Москве наступило резкое ухудшение продовольственного снабжения (из-за сибирского восстания и расстройств транспорта). «Экстраординарные» пайки были отменены. Все пайки были сокращены на треть в течение двух-трех дней. Итог: рост забастовок, волнения, 24–27 февраля выход рабочих на улицу и вооруженные столкновения. Волнение росло. Власть усилила тормоза: 25 февраля вводится военное положение, 2 марта – осадное. Волнение перебрасывается в Кронштадт^{63*}. Война. Все тормоза пускаются в ход. Наряду с этим принимаются героические меры улучшить снабжение рабочих, им представляются маршрутные поезда, снимаются заградительные отряды, дается право провоза продуктов, из последних запасов им выдаются хлеб, масло, мясо и т.д. Благодаря этим мерам уменьшения голода и усиления тормозов в Питере удается ослабить движение. То же самое происходит и в Москве. Изолированный Кронштадт 18 марта падает. (Опять-таки отчасти, как объясняют Петриченко, Козловский и др., потому, что власть восставших не сумела быстро улучшить продовольственное снабжение Кронштадта.) Здесь связь, анализируемая нами, проступает резко и отчетливо.

Столь же ясно проступает она и в забастовочном движении. Роль голода выявляется здесь из требований самих забастовщиков. Таковыми были у железнодорожников – требование «права провоза продуктов» («провизионки»), у рабочих – права провоза двухпудовой поклажи и т.п. Почти все забастовки в Петрограде в 1919 г. происходили «на экономической почве, а именно в связи с вопросами продовольствия»¹⁸⁵. Политические требования носили лишь дополнительный характер и то не всегда.

В июле 1919 г. 28 предприятий с общим числом рабочих 49510 человек были охвачены забастовками, возникавшими главным образом на почве обострения продовольственного вопроса (бастовало 24955 человек).

¹⁸⁴ По количеству калорий и по количеству углеводов, жиров и белков пища ударной группы рабочих в Петрограде по годам и месяцам была такова: резкое понижение в октябре-ноябре 1917 г. (с 1581 калории в сентябре она падает до 1167 калорий в ноябре, азотистые вещества уменьшаются с 40 г до 28, жиры – с 14 до 9, углеводы с 20 до 13); в течение 1918 и 1919 гг. цифры очень низки (616 и 1393 калории), в 1920 г. число калорий повышается до 1677, но снова резко падает в феврале 1921 г. (с 1861 калории в декабре 1920 г. до 1362). То же самое происходит с белками, жирами и углеводами. См. *Словцов Б.И.* Государственное питание рабочих ударной группы за 1917–1920 гг. // Бюллетени отдела статистики труда, № 3.

¹⁸⁵ *Новосельский С.А.* Забастовочное движение в промышленности Петрограда // Бюллетени отдела статистики труда. 1919, № 8, 15 ноября, с. 3–7.

Первыми забастовали рабочие мастерских Северо-Западной железной дороги. Непосредственной причиной прекращения работ послужило отсутствие хлеба (7-го июля хлеб вообще не выдавался). Бастовавшие требовали: увеличения хлебного пайка и свободного провоза продуктов («провизионки»). «9 июля работы возобновились; выдача хлеба была восстановлена», была удовлетворена и часть других требований. Причиной забастовок других рабочих, забастовавших 9 июля (Обуховского и Невского заводов, завода Новый Лесснер и др.), «явилось сокращение выдачи хлеба», а также требование права провоза двух пудов груза на человека и др. Эти требования были удовлетворены, и с 17 июля забастовка пошла на убыль. (Именно 17-го хлебный паек первой категории был увеличен до $\frac{3}{16}$ фунта в день, трудовой паек – до $\frac{3}{8}$ фунта.) Такими же причинами были вызваны и сентябрьско-октябрьские забастовки¹⁸⁶.

Эти более детальные сопоставления делают исследуемую нами связь еще более очевидной и бесспорной. А подобные явления наблюдаются, особенно в наши годы, чуть ли не ежедневно. И телеграф приносит известия о них почти каждый день.

Вот некоторые примеры: «*Чита. 23 июня.* В Китае, в провинции Хунань, начались голодные бунты, угрожающие разрастись в национальное бедствие»¹⁸⁷.

Во второй половине 1920 г. продовольственное положение Польши, в частности ее рабочих, ухудшилось. Следствие – рост волнений и забастовок с продовольственными требованиями. Такие требования правительству предъявляет, в частности, союз горнорабочих¹⁸⁸.

В Австрии «во время последних (продовольственных) беспорядков в Вене рабочие, собравшись перед зданием парламента, отправились массами по улице, рассыпались по отелям, кофейням и банкам, избивая спекулянтов»¹⁸⁹.

«*Оренбург. 7 февраля* толпа голодных в 100 человек напала на хлебные ряды базара и разгромила их»¹⁹⁰.

Целый ряд аналогичных демонстраций, забастовок и волнений происходил в эти годы во Франции, Англии, Германии, Италии и других странах. Постепенное улучшение продовольственных дел в Европе сопровождается и «поправением» и «успокоением» рабочего революционного движения. Отмена «хлебных карточек, когда хлеба имеется в избытке, действует гораздо сильнее в смысле успокоения волнений и “контрреволюции”, чем всякая агитация или введение осадного положения».

Напротив, с ростом недоедания и голода в Германии в 1922–1923 гг. снова начинают расти забастовки, волнения, демонстрации, кровавые столкновения и

¹⁸⁶ Там же, с. 6–7.

¹⁸⁷ Красная газета. 1921, 5 июля.

¹⁸⁸ Robotnik. 29.X.1920.

¹⁸⁹ Красная газета. 1921, 16 декабря.

¹⁹⁰ Петроградская правда. 1922, 17 февраля.

попытки низвержения существующего строя. Я не хочу сказать, что революции вызываются только «ущемлением» пищевых рефлексов и что другие факторы не играют роли. Конечно, играют. Но важно было на примере одного из основных рефлексов показать значение его «ущемления» в процессе возникновения волнений. Этим объясняется, почему я сконцентрировал внимание на голоде. Теперь, когда связь между голодом и волнениями выяснена, мы можем перейти к другим рефлексам и другим доказательствам нашей основной теоремы^{64*}.

Сформулированная нами теорема подтверждается еще с одной стороны. *Города, особенно большие, гораздо чаще оказываются центрами социальных волнений и революций, чем деревни.* Население городов чаще испытывает социальную лихорадку. И вместе с тем города являются агрегатами, где контрасты между нищетой и роскошью, голодом и богатством особенно велики. В них соседствуют друг с другом Кордильеры плутократии и бездны беспроблемной нищеты, как правильно отмечает Э. Хайес¹⁹¹.

При этом, *чем больше нищеты в таком городе, чем менее обеспечены низшие слои его населения, чем больше роскоши наверху, тем он беспокойнее, тем чаще происходят в нем волнения, мятежи и революции и тем более кровавые формы они принимают.* Отсюда понятно, почему столь часты были волнения в городах древнего Востока и почему они сравнительно редки в таких городах, как Лондон и Нью-Йорк; почему Древний Вавилон, Фивы, Рим, Афины и Константинополь были более революционными, чем сравнительно сытые города нового времени. Многим эти утверждения покажутся парадоксальными, но от этого, однако, они не перестанут быть правильными.

Правда, как я уже заметил выше, историческая индукция – одна из самых недостоверных. Но в данном случае я взял не только исторические факты, а, что гораздо важнее, ряд постоянно повторяющихся фактов, доступных непосредственному наблюдению и в известной мере даже экспериментальной проверке. Они являются *уменьшенной моделью* больших явлений того же рода и дают основное подтверждение сформулированной нами теореме. Могут сказать: а есть ли у вас гарантии, что подъемы кривой волнений не вызваны другими факторами, например войной или чем-то другим? Есть, отвечаю я, поскольку в приведенной серии фактов мы видим подъемы кривой волнений не только в периоды войн, но и в периоды мира, и наоборот: во время и после крупнейших войн внутренние волнения отсутствуют. Стало быть, движение приведенной нами кривой волнений не является функцией одной только войны. Не мне отрицать громадную роль последней. Эта роль была уже описана выше, и несомненно, что в ряде случаев война тоже оказывается источником волнений. Но, во-первых, не всегда, а во-вторых, если она и бывает таким источником, то непременно в союзе с голо-

¹⁹¹ Hayes E.C. Introduction to the Study of Sociology. New York – London, 1920, p. 62–63.

дом. Разорение и голод, к которым часто приводит война, конечно, способствуют ее превращению в «революционный фактор». Без них быть таким фактором она может только в редких случаях. В том случае, когда война вызывает голод, а голод – войну (см. выше), эта чета обычно вместе гуляет по миру и порождает своих детей, одним из коих (помимо смерти и других «детей») является социальное волнение или революция. Сказанное относится и к другим факторам. Приведенные из истории Англии, Франции, Германии и России «*кривые волнений*» идут параллельно именно с кривой экономического положения масс (а значит, прежде всего с кривой их питания, ибо – напомним – 50–80% бюджета народных масс шло и идет на питание, и сокращение первого неизбежно отражается и на втором), а не какого-нибудь другого детерминатора. Я не хочу тем самым сказать, что эти другие детерминаторы при определенных условиях не могут вызвать волнений. Я утверждаю лишь то, что приведенная мною серия волнений состоит не в ближайшей связи с ними и не совпадает с их подъемом и понижением, а потому и не может считаться исключительно их функцией.

Не говорю я и того, что на движение приведенных кривых волнений эти другие факторы не оказывали никакого влияния. Нет, любое конкретное историческое явление есть равнодействующая многих детерминаторов, кооперирующихся с исследуемым детерминатором и то усиливающих, то ослабляющих его эффекты. Так же обстоит дело и в данном случае. Например, речевые рефлексy просветительской философии XVIII в. или освободительные идеи русской либерально-социалистической интеллигенции, растормозившие многие условные рефлексy (религиозные, правовые в виде уважения и подчинения сеньюру, дворянству, королю, царю, капиталу, буржуям, etc), мешавшие появлению и росту революции, и наоборот, прививавшие рефлексy «революционные», «атеистические», «нигилистические», «демократические» (Руссо, Вольтер, энциклопедисты) и т.п. помогали голоду вызвать волнения и революции, усиливали его эффекты¹⁹². То же самое относится и к другим детерминаторам. Но из этого не

¹⁹² «Громадную роль в событиях 17 октября 1905 г.^{65*} и в последующее время сыграли социалистические идеи, отрицающие и колеблющие право собственности, мысли Толстого, Маркса и т. д.» (*Bumme C.Ю.* Воспоминания. Т. II, с. 4). То же самое можно сказать и обо всех «освободительных» рефлексy русской интеллигенции от Радищева и декабристов до Плеханова, Чернова и даже кадет. Наряду с этой благоприятствующей или тормозящей ролью «идеологическим факторам» (речевым – словесным и письменным – и субвокальным убеждениям-рефлексам) в подобных случаях принадлежит и другая роль: роль штурвальных, указывающих направление и формы движения, вызванного «паром» голода. Голод вызывает волнения. Но в какие русла они войдут, под какими лозунгами будут происходить и в какие формы выльются – в формы ли крестового похода для освобождения гроба Господня или же в формы борьбы за «диктатуру пролетариата и Интернационал», будут ли происходить под лозунгом борьбы за католичество, христианство, социализм, демократию или республику, во имя Христа, Магомета, Библии, короля, Ж.Ж. Руссо или Маркса и т.д. – это зависит прежде всего от состояния идеологии общества. Она придает исторически-конкретную физиономию движению, вызванному колебанием кривой питания. Такую же благоприятствующую роль

следует, что приведенные волнения – функция главным образом «идеологических» детерминаторов. Не следует потому, что в ряде приведенных выше волнений (например в смуте, в волнениях при Алексее Михайловиче, Пугачевщине и Жакерии) такой предварительной идеологической работы – сколько-нибудь значительной – не было, а волнения были; и наоборот: довольно часто революционная идеология налицо, а революций и волнений нет; эта идеология не прививается и не дает революционных эффектов, если общество не испытывает голода. Мало того, ниже мы увидим, что сам успех прививки революционной и бунтарской идеологии находится в определенной связи с колебанием кривой питания масс. Поэтому приведенные серии волнений не могут считаться функцией главным образом «идеологических переменных». Они в данном случае – факторы вспомогательные, а не решающие.

Если волнения обозначим буквой x , а их независимые переменные буквами a (голод), b , c , d ,... n (остальные детерминаторы), то «валентность»^{66*} a будет в данном случае гораздо значительнее, чем любого из остальных факторов. Если влияние всех этих факторов примем за 100, то a придется приписать коэффициент валентности более высокий, чем любому из остальных, например: $x = f(a_{50} + b_{10} + c_5 + d + n_{12})$ ¹⁹³.

Не является, наконец, возражением и указание на то, что сам голод обусловлен другими факторами. Конечно, обусловлен. Но если так возражать, то ведь и эти другие факторы обусловлены предыдущими, последние – еще более ранними и т.д. без конца.

Такой способ полемики бесплоден и противоречит основным предпосылкам любой науки¹⁹⁴. Наука берет и может брать эту причинную бесконечную цепь в любом из ее звеньев и, взяв любой элемент этого звена за отправной пункт, за «независимую переменную», может и имеет право искать функции последнего, независимо от того, функцией каких «переменных» является сам этот элемент. Так я и делаю. Мне безразлично, какими причинами обусловлено колебание кривой голодания того или иного общества; важно лишь, чтобы было дано само голодание (явление a). Взяв его, я ищу его функцию (явление b). Если каждый раз, когда дано a , дано и b (с вариациями: $f[a + x] = b + x$; $f[a + y] = b + y$; $f[a + z] = b + z$ и т.д.), то моя задача решена. Если a при наличии указанных выше

в нашей революции сыграли отсутствие у нас устойчивых рефлексов собственности (воздержания от захвата, пользования, владения и распоряжения чужим достоянием) и особенно война, разбившая тормоза, удерживавшие от убийств и других подобных рефлексов.

¹⁹³ Я постоянно говорю о *приведенной* серии волнений, далеко не исчерпывающих всех волнений в истории. В других случаях волнений валентность голода может быть ничтожной, а войны, полового или идеологических факторов – более значительной; но сейчас меня эти случаи не интересуют.

¹⁹⁴ См.: *Cournot A. Essai sur les fondements de nos connaissances*. Paris, 1851, p. 49–52; *Чупров А.А. Очерки по теории статистики*. СПб., 1909, с. 104–106; *Сорокин П.А. Система социологии*, т. 1, с. 46–47.

условий обычно влечет за собой b (восстания), то это дает мне право утверждать, что между ними имеется функциональная или корреляционная зависимость с коэффициентом, близким к единице. Для полноты картины я могу, конечно, поставить вопрос и о «независимых переменных» самого явления a , взяв его за функцию. Но это уже другой вопрос, абсолютно не влияющий на решение вопроса о функциях a .

Итак, мы видим, что многие величайшие исторические трагедии и комедии представляют собой пьесы, постановка которых осуществляется господином Голодом. Если костюмы и грим, реплики и детали декораций и не зависят от колебаний кривой питания общества, то будет ли поставлена пьеса «Волнение» или нет – решает именно он. Если вопрос о постановке решен положительно, то недостатка ни в «авторах», ни в инсценировщиках, ни в сцене, ни в актерах не будет. Сценой становится территория голодающего общества или обществ, соседних с ним, актерами – голодные массы; основной темой драмы – борьба голодных и сытых. Детали пьесы определяются «идеологией» общества и другими обстоятельствами. Неважно, если пьеса будет не очень эстетичной или не очень удачной. Истории до этого нет дела; ей важно лишь, чтобы какая-нибудь пьеса на эту тему была поставлена. Социальный агрегат, испытывающий при указанных выше условиях дефицитное или относительное голодание и вынужденный жить за свой счет, начинает биться в конвульсиях, его клетки начинают поедать друг друга, голодные клетки нападают на жировые, и в итоге вспыхивает восстание, бунт, революция. Какие актеры при этом особенно выделяются: Грахх или Катилина, Робеспьер или Кромвель, Пугачев или Наполеон; каковы будут детали диалогов, монологов и голоса «хора» («Святая земля!», «Республика!», «Король», «Интернационал», «Социализм», «Аллах»), сколько будет эффектных сцен в виде пожаров, кровопролитных схваток, убийств и насилий; из скольких действий будет состоять пьеса, как быстро будет она развиваться, соблюдено ли будет «единство действия»^{67*}, чем она кончится: триумфом «вождя голодных» в апофеозе славы или «великого усмирителя», увенчанного лаврами, – все это детали, причем детали второстепенные, варьирующиеся от эпохи к эпохе, от места к месту, но всегда в той или иной форме имеющиеся. То, что важно, то, что неизменно, – это волнение, это однообразный припев народного хора: «Хлеба!» и «Грабь сытых!», это борьба голодных клеток с сытыми. Остальное – фиоритура^{68*}, костюм, который меняется в зависимости от времени и места. Сложная ткань Истории в этом отношении ясна и однообразна. Как исписавшийся романист, она преподносит нам один и тот же сюжет, только маскирует эту повторяемость и монотонность разными декорациями, костюмами, переменной имен главных героев и их диалогов.

Вторичные функции голода. Опять-таки: *волнения и революции как первичная функция голода, в свою очередь, однажды появившись, становятся при-*

чиной целого ряда вторичных функций голода, деформирующих и состав населения, и структуру общества, и течение социальных процессов. Если взять крупные волнения в форме глубоких и серьезных революций, с кровопусканием, насилием, гражданской войной (а таковы все настоящие революции), то социальные следствия, вызываемые ими, очень похожи на описанные выше следствия войны вообще. Почему? Потому что серьезная революция – всегда выливающаяся в форму гражданской войны – та же самая война.

I. Это значит, что в области состава населения революции вызывают: 1) *громкое количественное уменьшение населения* (через войну, голод, эпидемии); 2) *качественный его отбор шиворот-навыворот*, т.е. преимущественную гибель наиболее здоровых и трудоспособных слоев населения (по тем же причинам, что и война), мужчин, наиболее волевых, одаренных и выдающихся лиц с той и другой стороны (ибо рядовые монархисты и якобинцы выживают, а Робеспьеры, Дантоны, Кондорсе, Эберы и крупные роялисты гибнут – ведь и здесь обе борющиеся стороны держатся правила: *Parcere subjectis et debellare superbos*^{69*}), наиболее интеллектуальных и квалифицированных (таковые всегда служат мишенью, а кроме того, сильнее страдают от голода и нужды¹⁹⁵), наиболее честных (ибо беспринципные перевертыши легко меняют свои позиции). Если присовокупить к этому эмиграцию и значение наследственности, то можно сказать, что *кровавые революции – могучее орудие селекции, убивающей первосортный материал и оставляющей жить и плодиться второсортные человеческие семена*. В этом смысле революция – слишком дорогое лекарство для лечения социальных недугов.

II. В области *естественного движения населения* глубокие и длительные революции вызывают *падение рождаемости* (обычно при повышении кривой брачности) и *исключительный подъем смертности*.

III. В области *поведения населения они влекут за собой резкое его изменение*. Суть последнего заключается в том, что у населения отмирают, «отвинчиваются» самые высокие и сложные рефлексы благожелательного и творческого характера, тормозящие в обычных условиях свободу проявления рефлексов примитивно-животных и зверских. Последние, получив свободу, развертываются вовсю и способствуют варваризации и озверению населения. Революция, объявляя право, мораль, религию, обычаи, научные положения, несогласные с ней, «буржуазными предрассудками», в процессе кровавой борьбы разрушает эти тормоза, удерживавшие от убийств, насилия, грабежа, нарушения прав личности и ее уз (семейных, государственных и т.д.), соблюдения ряда форм поведения. Отсюда половая вольность в эпохи революции, вытекающая из свободной, ничем не тормозимой деятельности половых рефлексов, отсюда – рост убийств,

¹⁹⁵ Причем обычно гибнут не настоящие виновники страданий народа, а люди невинные. Это относится ко всем революциям в Европе, и неевропейских стран. См., например, характеристику революции в Керкире в 427 г. до Р.Х., данную Фукидидом (История. III, 81–85), и революции ислама (Мюллер А. История ислама, т. II, с. 280–282).

грабежей, разрушительных актов, обмана, лени, мошенничества, спекуляции, злоупотреблений, неуважение к религии, праву, жизни, ценностям вообще, что обусловлено деятельностью неконтролируемых примитивных импульсов. В соответствии с этим в такие эпохи происходит полная переоценка ценностей, явлений, людей и свойств. Прежде признаваемое хорошим теперь считается дурным, и наоборот. Метод продуманных действий заменяется методом примитивно прямого действия¹⁹⁶.

¹⁹⁶ Когда читаешь хотя бы то же фукидидовское описание Керкирской революции, создается впечатление, что оно написано историком европейской революции. «Война становится учительницей насилия и приводит настроение большинства в соответствие с текущими обстоятельствами... Смерть предстала во всех видах... Отец убивал сына, людей отрывали от святынь и убивали возле них... Керкирцы убивали всех, кто казался врагом (низвергнутой демократии), некоторые были убиты из личной вражды, кредиторы – должниками... Изменилось даже привычное значение слов в оценке человеческих действий. Безрассудная дерзость стала считаться мужеством, предусмотрительная медлительность – трусостью, рассудительность – обликом труса, внимательность ко всему – неспособностью к делу, безумная решительность – свойством настоящего мужа, осторожное обдумывание – за предлог для уклонения, кто вечно недоволен – тот заслуживает веры, кто ему возражает – тот человек подозрительный. Кто задумал коварный замысел и имел удачу – умный, а тот, кто разгадал это, еще умнее; кто же сумел обойтись без того и другого – предатель и трус. Словом, восхваляли того, кто умеет сделать что-нибудь дурное раньше другого, и того, кто подговорит человека, которому и в голову это не пришло бы. Родственное чувство стало менее прочной связью, чем партийное товарищество, требовавшее риска без оговорок. Верность скрепляли не столько божеским законом, сколько совместным совершением преступления. Отомстить за обиду считалось важнее, чем претерпеть ее». Клятвы не соблюдались. Дав гарантии – нарушали их. «Большинство соглашается скорее, чтобы их называли ловкими плутами, чем честными простаками, последнего названия стыдятся, первому – радуются». «Таким образом, вследствие смут явилось извращение нравов; простодушие и благородство подверглось осмеянию и исчезло» и т.д. (*Фукидид*. История. III, с. 81–85).

См. также вышеприведенное описание старца Онху жизни в Египте. Здесь «крокодилы называются филантропами, жрущие людей – гениями, ничтожества – героями» и т.д. (*Taine H. Les origines de la France contemporaine*. Paris, 1885, vol. I: Preface).

«В революциях всегда есть тенденция возврата к чисто животной деятельности вследствие разрушения прежних привычек. Итогом может быть полное извращение социальной жизни в сторону варварства и животности, ибо борьба, как одна из самых примитивных форм деятельности, стимулирует все низшие центры активности. Поэтому революционные периоды – благоприятные условия для проявления грубости и дикости в человеке. Методы достижения целей в революции – методы, характерные для низших стадий культуры. Они нерелевантны, крайне прямы и жестки. Постоянно апеллируют к грубой силе, вместо обходных путей предпочитают террор». Борьба «освобождает примитивные инстинкты человека, с таким трудом контролируемые цивилизацией. Неприкритое насилие редко может быть применено в высшей стадии цивилизации без уничтожения целей, для которых оно предназначено. С его применения начинается процесс одичания, разрушительный для высших ценностей, с помощью которых человек так долго учился управлять своим поведением. При долгой продолжительности насилие может уничтожить всю цивилизацию» (*Ellwood C. Introduction to Social Psychology*, ch. VIII).

«Выигрывали люди заурядного ума. Без знаний они смело приступали к делу. Люди, более одаренные, чаще погибали беззащитными» (*Фукидид*. Цит. соч.).

Словом, происходит сильнейшая деградация поведения, стремящаяся в пределе к созданию «голового человека – животного на голой земле». Правда, есть во всем этом и обратная сторона (как и у войны): любовь и альтруизм к своей партии, жертвенность в пользу своей фракции.

Далее, крушение старых форм поведения волей-неволей заставляет искать новые способы деятельности, вызывает необходимость быть изобретательным, проявлять изворотливость, энергию – иначе смерть. Но это капля в море и количественно, и качественно. Отсюда понятно преобладание в революции разрушения над созиданием, отсутствие мирной, продуктивно-творческой работы, возведение убийства в доблесть, отрицания прав личности – в заслугу, кровожадности – в подвиг, сострадания – в позор, проповеди мира – в преступление, рост спекуляции, мошенничества, беспринципности и т.д.

IV. Такое изменение поведения людей влечет за собой резкое *изменение строения социального агрегата и социальной организации*. Отмечу главные из них. 1) В первый период революции важнейшие социальные группировки и расслоение (расовое, языковое, имущественное, религиозное, профессиональное, объемно-правовое и т.д.¹⁹⁷) смешиваются и частью пропадают. Наступает всеобщее смешение. Кажется, что настает полное – и навсегда – уничтожение всех этих перегородок и царство равенства. Но очень скоро «вечная иллюзия» исчезает, и то же расслоение появляется в других формах и с изменившимся составом жильцов в каждом слое. Бывшие жители «бельэтажа» сбрасываются в подвал, а многие обитатели последних поселяются в «бельэтажах»: богачи беднеют, многие бедняки богатеют, бесправные становятся привилегированными властителями, бывшие повелители и аристократы – бесправными, рабочие – министрами, министры – рабочими и т.д. Довольно скоро вся рассыпанная хранина перегородок воскресает снова, но с иными жильцами. «Вечная иллюзия» рассеивается, и снова все идет по-старому. 2) Революция, как и война, вызывает централизацию, деспотизацию и абсолютизацию всей социально-политической организации общества. Права власти и объем ее вмешательства в жизнь населения бесконечно расширяются, права и автономия населения уменьшаются до минимума. Власть здесь – диктатор. Население – всего лишь манекен. Вся его жизнь начинает контролироваться и управляться сверху¹⁹⁸.

См. также: *Ross E. Foundations of Sociology. 1905; Сигеле С. Преступная толпа. СПб., 1898.*

¹⁹⁷ См.: *Сорокин П.А. Система социологии, т. II.*

¹⁹⁸ «Социальная революция, – пишет Лебон, – имеет следствием... заключение общества в смирительную рубашку. Разнузданная чернь, вооруженная, жаждающая мщения и разъяренная: пики, топоры, ножи и молотки, угрюмый притихший город; полиция у семейного очага; подозрительность ко всякому мнению; подслушанные речи... подмеченные слезы... сосчитанные вздохи... выслеженное молчание... везде шпионство и доносы... неумолимые реквизиции... вынужденные займы... обесцененные бумаги... война на границе... безжалостные проконсульства... жестокосердные комитеты безопасности – вот плоды революции» (*Лебон Г. Психология социализма. СПб., 1908, с. 539*).

Поистине большим шутником был тот, кто выдумал, что эпохи революции являются эпохами свободы и власти большинства. Свобода (и прежде всего свобода масс) и революция – вещи несовместные. Диктатура и власть большинства – полярности. Ни один абсолютный деспот не имеет такой деспотической власти, как революционная диктатура. И любой раб первого имеет не меньше прав, чем гражданин революции, крестьянин и рабочий (кроме агентов революционной власти, компетенция коих беспредельна). Свобода слова, печати, союзов, собраний, неприкосновенность, автономия и святость личности – все это при революции (красной или белой – все равно) сводится к нулю. Ценность жизни превращается в фикцию, достояние – в случайность. Власть вмешивается во все. По поводу и без повода люди убиваются пачками – *ad majorem gloriam*^{70*} революции и контрреволюции. Суда и гарантий нет. Апеллировать не к кому. Гражданин превращается в улитку, которую может безнаказанно раздавить каблук любого комиссара. Вот почему не так далеки от истины парадоксальные положения, гласящие, что величайшими эпохами реакции являются эпохи революции, а величайшими деспотами – величайшие революционные диктаторы¹⁹⁹. Так называемые контрреволюционные усмирители – только иное издание и продолжатели революционных диктаторов. Если с течением времени после революции наступает восстановление свобод и автономии населения, его энергии и труда, то не благодаря, а вопреки революции, не при ней, а какое-то время спустя после ее окончания.

V. *Меняются и все процессы социальной жизни.* 1) Падает производство, хозяйство разрушается, мирный труд прекращается. Приходят бедность, голод, эпидемии и смерть. 2) Останавливается творчество во всех областях – в науке, искусстве, общественной жизни и т.д., кроме сферы уничтожения людей, т.е. техники расстрела и гильотины. Эта остановка обусловлена и голодом, и тяжелым нервным состоянием творцов в атмосфере борьбы и кровопролития. Впрочем, в области речевых рефлексов («братство, равенство, свобода», etc) революция вызывает огромную продуктивность. Водопадами льются высокие и святые лозунги, но... увы, – они остаются лозунгами, а не фактами. Из многих десятков изученных мной революций я не знаю ни одной, которая эти векселя оплатила и не оказалась бы банкротом. Революция – стихия. При современных условиях и людях они время от времени неизбежны, как неизбежны и тяжелые болезни для организма. Такие болезни – свидетельство плохих условий жизни и плохой конституции организма. Здоровые организмы живут без них. То же самое можно сказать и о революциях. Тяжелые болезни либо ослабляют организм, либо ведут его к смерти. Либо ослабляют общество, либо сдают его в архив истории²⁰⁰.

¹⁹⁹ Webster N. A Study in Democracy. London, 1919.

²⁰⁰ Все эти положения мной будут доказаны в подготовленной к печати работе о революции^{71*}.

Глава десятая

ГОЛОД И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

1. ПОНЯТИЕ ПРИНУДИТЕЛЬНО-ЭСТАТИЧЕСКОГО И «АНАРХИЧЕСКОГО» ОБЩЕСТВА И СВЯЗЬ ПЕРВОГО С ГОЛОДОМ

Следующей социальной функцией, которую массовый голод выполняет в том или ином объеме при определенных дополнительных условиях (которые будут указаны ниже), является изменение всей социальной организации голодающего агрегата – изменение, называемое мною *ростом принудительного эстатизма*. Условимся, что я разумею под последним.

Под идеальным (предельным) принудительно-эстатическим обществом я понимаю такой агрегат, в котором государственная власть централизованно регулирует все стороны поведения и взаимоотношений своих подданных, начиная с взаимоотношений религиозных, правовых, нравственных и т.д. и кончая взаимоотношениями экономическими. Иными словами, «идеальное» принудительно-эстатическое общество характеризуется: 1) *беспредельным и неограниченным объемом вмешательства, опеки и регулирования жизни, поведения и взаимоотношений граждан со стороны власти;* 2) *ничтожным, практически нулевым объемом автономии и самоопределения последних и* 3) *нередко уравниТЕЛЬНЫМ деспотизмом.* Это общество, где власть и ее агенты полностью регулируют и нормируют поведение граждан, предписывая им, что они должны делать, каким трудом и как именно им следует заниматься, вступать или не вступать в брак и при каких условиях, что им есть, сколько и когда, как одеваться, как верить и как думать, чему учиться, что читать и что писать, жить или умереть, иметь или не иметь детей и т.д. – словом, все сферы поведения и все их взаимоотношения. В таком обществе усмотрению и автономному решению подданных не предоставлено ни малейшего простора, частной инициативе нет места. Люди здесь – манекены, направляемые и управляемые властью, не нечто самоценное, а всего лишь собственность последней. Говоря юридическим языком, здесь совершенно нет *частно-правовых отношений, а все отношения – публично-правовые, регулируемые и определяемые сверху.* Из этого определения вытекают основные характеристики такого общества. Самые главные из них суть следующие:

1) *Компетенция власти здесь в принципе абсолютна и неограниченна.* Нет таких «прав человека и гражданина», которые она не могла бы отменить. Нет ни одной сферы поведения граждан, вплоть до самой интимной, в которую она не могла бы вторгнуться и которую не могла бы регулировать. Власть здесь – выше закона, ибо «что власти угодно, то имеет силу закона». (*Princeps legibus solutus est. Quod principi placuit – legis habet vigorem*¹). Подданные, как солдаты в строю, должны беспрекословно повиноваться ей и исполнять ее приказания.

2) *Это общество, централизованное во всех отношениях.* Частной инициативе, личному почину, децентрализованной автономии лиц и групп в какой бы то ни было сфере отношений здесь нет места (а если и есть, то лишь настолько, насколько это угодно власти).

а) *Все экономические отношения регулируются централизованной властью. Все орудия, средства производства и обращения принадлежат ей* (или, как говорится, «обществу»). *Частной собственности, в том числе и на средства производства, нет вообще.* Власть и ее «главки» определяют, что производить и сколько, как распределять произведенное, как его потреблять. Это «общество организованное», в котором нет «анархии производства, конкуренции частных предпринимателей»¹.

в) *Властью же, сверху и централизованно, определяются и все иные отношения ее подчиненных: весь распорядок жизни каждого члена общества со дня его рождения и до самой смерти.*

с) *Причем власть «регламентирует» жизнь подданных как в положительном, так и в отрицательном смысле. Она не только сдерживает – она также и понуждает.* Она не только говорит индивиду, чего он не должен делать, она предписывает ему также и что ему делать².

3) *Сообразно с этим характерной особенностью такого общества является обычно уравнительный деспотизм, превращающий всех в бесправных рабов власти;* в целях самосохранения власть нередко отнимает у более богатых слоев населения часть их достояния и бросает эту кость беднякам, чтобы они заглушили свой голод и перешли на ее сторону.

4) *Из такой организации подобного общества вытекает еще одна его черта, хотя и более частная, но заслуживающая того, чтобы ее отметить.* В капиталистическом обществе присвоение прибавочной ценности^{2*} осуществляется в основном *владельцами средств и орудий производства и обращения – классом капиталистов.*

В принудительно-этакическом обществе такого класса de jure нет. Социальной группой, присваивающей здесь прибавочную ценность, тем слоем, на который и работают массы, является слой властвующих с их агентами и сторонниками.

¹ Бухарин Н.И., Преображенский Е. Азбука коммунизма. 1920, с. 51–52.

² Спенсер Г. Основания социологии. СПб., 1898, т. II, с. 431–432.

Таковы основные черты предельного принудительно-этакического общества³.

Его противоположностью является *предельное «индивидуально анархическое общество»* – общество, где нет ни бога, ни власти, где царствует полная автономия поведения лиц, где все отношения – частно-правовые, где нет никакой опеки и регулирования сверху. В идеально-предельном, чистом виде эти типы общества едва ли когда-нибудь существовали в истории. Все социальные организации по сравнению с ними являются типами промежуточными. Но одни агрегаты ближе к принудительно-этакическому, другие – к анархическому типу. Между ними качается история, приближая то к одному, то к другому типу создаваемые ею общества или одно и то же общество в разные периоды его истории. Меняются костюмы и актеры, сцена и декорации, пространство и время, – а указанные типы остаются вечными.

Разбавьте, смягчите в том или ином отношении предельное этакическое общество и вы получите множество первобытных обществ, государство инков, деспотии Востока – Египет, Ассирию, Вавилон, Персию, Китай, Японию – в определенные периоды их истории, Спарту и Афины, Рим III–IV вв., Византию, общину Магомета, ряд халифатов и средневековых коммун (Табор, Новый Иерусалим Иоанна Лейденского, коммуну Мюнцера, общества эпох войн и революций, Австрию времен императора Иосифа, Пруссию при Фридрихе Великом, Россию Петра Первого, Францию Наполеона и РСФСР эпохи военного коммунизма и государственного капитализма).

То же самое *mutatis mutandis*^{3*} относится и к чистому индивидуально-анархическому типу, слабые формы которого встречаются и в прошлом (хотя реже, чем первый тип), но особенно многочисленны в Новое время, в эпоху «капитализма и индивидуализма» (например большинство стран Европы и Америки, особенно Англия и США). Этот тип в Европе и Америке более характерен для Нового времени, хотя как в древности были общества «анархического» типа, так и в наше время иногда происходит трансформация последних в тип «этакический»⁴.

³ Они сходны с военным типом общества, описанным Г. Спенсером в его «Основаниях социологии» (т. II, с. 428–447) и И. Покровским (Основные проблемы гражданского права. Пг., 1917, гл. 1).

⁴ Я ограничусь здесь этими общими чертами. Подробную характеристику этих типов я дам в готовящейся к печати работе «Этакизированное общество, его основные черты, разновидности, причины и следствия». Здесь же отмечу лишь, что предлагаемая мною классификация обществ, ранее очерченная Г. Спенсером, куда как более важна, существенна и обоснованна, чем всяческие деления обществ на республики и монархии, автократии и демократии, капиталистические и социалистические, не говоря уже о целом ряде еще более поверхностных делений, скользящих по поверхности явлений и не проникающих в суть, в святая святых социального механизма.

Нетрудно увидеть, что *ослабленным вариантом того же этатического типа являются все конструируемые разновидности социалистического и коммунистического общества* (кроме действительно добровольного социализма, когда «социализм» оказывается иным названием для анархического общества). Основные признаки коммунистического типа общества таковы: 1) обобществление (фактически огосударствление) средств и орудий производства (а согласно некоторым доктринам, и предметов потребления); 2) уничтожение собственности; 3) замена «анархии частных волей» государственным (или общественным) плановым хозяйством с централизацией, главками, бюрократией; 4) регулирование обмена, распределения и потребления (с целью установления равенства); 5) общественное – одинаковое для всех – воспитание и образование (т.е. то же самое регулирование сверху); 6) обобществление семьи, брака, контроль над рождаемостью (по некоторым доктринам) и т.д., и т.д. Что все это, как не тот же этатизм в ином варианте и в других пропорциях! Если же к этому прибавить еще и то обстоятельство, что большинство идеологов коммунизма связывают воплощение такого типа общества с «диктатурой», применением силы и принуждением, то все сомнения исчезают. В качестве спасительной новинки нам предлагают и навязывают вещи очень старые. Правда, апостолы таких конструкций утверждают, что их общества не будут знать ни классов, ни неравенства, ни эксплуатации, ни войн, ни государства и власти (*sic!*), ни нищеты, ни борьбы, а будет мир, прогресс и кисельные берега с молочными реками. Но нам важно не то, что говорят, а то, что фактически получается при осуществлении таких планов и проектов. А фактически дело обстоит так, что из всех многочисленных опытов их реализации я не знаю ни одного, который привел бы к осуществлению этих прекрасных иллюзий. Во всех – без исключения – случаях получалось нечто диаметрально противоположное, т.е. эксплуатация, неравенство, борьба, война, деспотизм власти, бедность и т.д. не уменьшались, а увеличивались. Если ученый в лаборатории производит опыт один, пять, десять, двадцать раз, и результат получается противоположный тому, какой он ожидал, то ему следует отказаться от своей гипотезы и признать правильной противоположную. Социальный мир – та же лаборатория. Опыты истории – те же эксперименты. Если многократные попытки реализации общества этатического типа ни разу не оправдали больших надежд, то надо быть либо дураком, либо мошенником, чтобы утверждать, что указанные блага достижимы в условиях социалистического общества и ему присущи. Таких «ученых», если они занимаются проблемами естествознания, гонят из науки в три шеи, в социальных дисциплинах они, увы, процветают. Да еще как!

Новое в этих конструкциях разве что речевые рефлексy – лозунги и громкие слова. Но, во-первых, и они, увы, тысячу раз повторялись, причем чуть ли

не дословно, а во-вторых, представляют собой только «пудру», прикрывающую факты, вовсе им не соответствующие⁵.

Исследователь, который стал бы судить о фактах по речевым рефлексам, оказался бы глупейшим и наивнейшим простофилей (а такими простофилями полны социальные науки). Пора от таких ошибок избавляться и смотреть в корень вещей, а не на пудру слов. Если же смотреть в корень, то следует признать, что между этаким типом общества и указанными выше прекрасными иллюзиями человечества нет причинно-следственной связи^{6/5*}.

Массовый голод при определенных условиях вызывает изменение социальной организации, по крайней мере в области продовольственного механизма, а через него нередко и в других сферах жизни общества в сторону принудительного этатизма. Эта деформация выражается: 1) в расширении объема правительственного регулирования и вмешательства в экономико-продовольственные отношения (а косвенно – и в другие); 2) в сокращении автономии и самостоятельного поведения граждан; 3) в ограничении права собственности и других имущественных прав, что приводит к таксации, монополии, реквизиции, разделу, национализации, нередко – к полному потребительскому коммунизму; 4) в росте централизации и регулирования сверху экономики (производства, обмена, распределения питательных благ) за счет децентрализованного «анархического» саморегулирования граждан, иначе говоря – *в росте принудительного (государственного) хозяйства за счет свободного (индивидуалистического).* Нетрудно понять, почему так должно быть. *Когда какого-либо блага имеется в избытке и каждый может потреблять его «вволю», какое бы то ни было регулирование здесь становится излишним, никакие ограничения свободы поведения граждан не нужны.* Отсюда понятно, почему и сейчас нет регламентации потребления воздуха или воды там, где они имеются в избытке; понятно, почему в прошлом при наличии ничейной земли всякий мог брать ее сколько ему угодно, и никакой регламентации не было. То же самое относится и к любому ценному продукту, в частности к хлебу. Картина резко меняется, когда начинает ощущаться нехватка чего-либо. Земельная теснота повлекла за собой регламентацию и ряд ограничений в сфере пользования, владения и распоряжения землей, то же самое происходило и с водой в тех местах, где ощущается ее недостаток, то же самое происходило и происходит с продуктами питания и произошло бы с воздухом, если бы его не хватало. *Полная свобода в потреблении того, что имеется*

⁵ И в этом отношении симфония истории довольно монотонна и однообразна.

⁶ Все уже сказанное и последующее, надеюсь, даст ответ на возражение г. Быстрянского против того, что я ставлю в один ряд Древний Египет, государство инков и... РСФСР. См. замечания г. Быстрянского в его рецензии на книгу Б.А. Тураева (Книга и революция. 1922, № 5)^{4*}.

*в избылиии, и ограничения в сфере потребления таких благ, которые приходится учитывать*⁷, – такова причинная связь явлений.

Отсюда понятна неизбежность этатизации общества при недостатке продуктов питания и голоде.

Она имеет место: 1) *при невозможности преодоления голода иными путями* (ибо, если такая возможность есть, этатизация излишня); 2) *при наличии имущественной дифференциации*: «скопов продовольствия» и богатств внутри страны (ибо без них нечего было бы делить, регламентировать, раздавать голодным и нечему было бы притягивать последних); 3) *при ряде дополнительных условий*, к числу которых относятся: а) *соотношение силы богачей и бедняков* (если богачи сильны – они отражают натиск бедняков, и тогда этатизация – путем закрепощения бедняков – происходит за их счет: богатые богатеют, а бедные беднеют еще больше и попадают в зависимое положение; если бедняки сильны – их руководящая группа захватывает власть и осуществляет этатизацию в их пользу); б) *сила и направление политики власти*, которая, однако, этатизацию предотвратить не может, а может лишь повернуть ее или в свою пользу (вырывание последнего куска у голодных в пользу своих клиентов и тех, кто является ее социальной опорой), или в пользу богачей («закрепощение низов»), или в пользу бедноты («экспроприация экспроприаторов», «национализация буржуев» и т.п.); в) *характер рефлексов населения* (например, если рефлекс собственности и уважения к чужому достоянию прочно «ввинчены» в сознание населения, то это будет тормозить процесс «этатизации», если эти рефлекс развиты слабо – это будет ему способствовать).

Если все иные способы преодоления голода не достигнут своей цели, то пищетакисс начнет толкать голодных к овладению теми пищевыми скопами и богатствами, которые имеются в стране.

Эта задача может быть решена тремя основными путями: 1) *путем прямого действия голодных масс*, выливающегося в волнения и революции с их «национализациями» и «экспроприациями»; 2) *путем давления на власть с целью заставить ее кормить голодных за счет богатых и сытых*; 3) *путем добровольной уступки богатыми и сытыми части своего достояния и продуктовых запасов голодным* – либо бесплатно (чего в крупных масштабах не бывает), либо за те или иные услуги и обязательства. Последний случай возможен лишь тогда, когда

⁷ *Barnich G. Essai de politique positive basés sur l'énergetique social de Solvay. Bruxelles, 1919, p. 34.* Отсюда следует, что если социалистическое общество возможно лишь при избылии всего («каждому – по потребностям»), то тогда сама регламентация при социализме не нужна вовсе. Она нужна лишь при недостатке, т.е. когда нет избылия, когда и думать не приходится, чтобы было «каждому по потребностям». Вывод: или будет бедность – тогда будет, как и был, всерегламентирующий этатизм-социализм; или будет избылие – в таком случае не будет последнего.

сила сопротивления богатых велика и они способны отразить натиск «прямого действия» голодных. В этом случае итогом будет этатизация в пользу богачей, закрепощение голодных и увеличение неравенства (см. ниже). Первые же два случая ведут – прямо или косвенно, в большей или меньшей мере – к усилению этатизма.

Если революция в результате «прямого действия» окажется удачной, то голодные, сбросив старую власть, устанавливают свою диктатуру и создают новую власть, безгранично расширяющую рамки своего вмешательства, экспроприирующую экспроприаторов, все и вся национализирующую, т.е. ограничивающую автономию граждан. История всех «удачных» революций служит тому подтверждением. Даже если пищетаксическая тяга голодных и не перерастает в крупную революцию, то она все-таки так или иначе оказывает сильнейшее давление на власть, заставляя ее кормить голодных за счет богатых. Так как сама власть не сеет и не жнет, а лишь собирает посеянное другими, то эту задачу она может выполнить только путем вмешательства в экономику общества, таксации, учета и реквизиции запасов, монопольного контроля за их распределением и т.д. – т.е. путем этатизации. Таким образом, рост последней неизбежен и в этом случае⁸.

Этатизация происходит тем легче, чем охотнее власть идет навстречу требованиям голодных; происходит она и в тех случаях, когда власть бывает вынуждена уступать им «скрепя сердце», ибо просто отмахнуться от давления голодных и не поддаться ему в той или иной мере не может никакая власть.

Наконец, если революция неудачна и власти удается ее подавить, то и в этом случае рост этатизации в определенной мере неизбежен. Почему? Чтобы подавить волнения – нужно иметь войско, клиентов и преторианцев^{6*}; чтобы их иметь – надо их кормить; чтобы кормить – надо брать продовольствие внутри страны (ибо иные пути мы исключили), стало быть, приходится усиливать продовольственно-реквизиционный аппарат власти, ее вмешательство, учет, контроль, централизацию, монополизацию и т.д. Иначе – нечем будет кормить преторианцев, и они разбегутся, а вместе с ними исчезнет и власть. В этом случае власть в голодной стране бывает вынуждена временами реквизировать не только «из-

⁸ Вот некоторые примеры из множества подобных. В Вене, где к концу 1921 г. продовольственное положение рабочих было тяжелое, а богачи утопали в роскоши, «рабочие предъявили правительству требование о введении государственного контроля над биржевыми операциями, о запрещении ввоза предметов роскоши, отобрании в казну церковных имуществ и золота, обеспечении детей, конфискации крупных богатств и прибылей» (Красная газета. 1921, 16 декабря). «Вена. На митингах безработных в Вене была принята резолюция, требующая от правительства организации общественных работ, расширения государственного вспомоществования, страхования безработных и принудительного найма их предприятиями» (Красная газета. 1922, 18 февраля). То же самое, но в еще более резкой форме происходило у нас в 1917 г. и с разными вариациями тысячи раз повторялось и повторяется от Адама до наших дней.

лишки», но и последнее зерно у населения, не только у богачей, но и у бедняков, не в пользу голодных, а в свою собственную пользу и в пользу тех, кто составляет ее опору. И если при этом власти удастся удерживать голодных в «покое», удастся заставить их умирать молча и безропотно, то значит, совокупная сила тормозов и тех насильственных мер, которые она предпринимает, чтобы забрать последние крохи у населения, особенно велика – и в количественном и в качественном отношениях⁹. Здесь кривая этатизма поднимается на максимальную высоту, ибо власть должна сосредоточить в своих руках все ничтожные запасы продовольствия. Террор и насилие здесь безграничны, произвол и деспотизм – необъятны.

Таким образом, во всех этих случаях в большей или меньшей мере рост этатизма, как правило, неизбежен.

К тому же самому результату голод ведет и иначе – через вызываемые им войны и революции. Мы видим, что следствием как войны, так и революции оказывается милитаризация, централизация и «военная коммунизация» общества, т.е. тот же принудительный этатизм. Изменение социальной организации при частых войнах в сторону «военного коммунизма» обусловлено детерминатором группового самосохранения – стремлением группы к выживанию, ибо группа, превращенная в единый военный лагерь, имеет больше шансов на успех, чем группа немилитаризованная. (См. мои указанные ниже статьи о роли войны.) Тот же детерминатор групповой самозащиты требует подобной этатизации голодающего или не обеспеченного пищей общества, ибо без этатизации и имущественной уравниловки в нем происходила бы перманентная борьба сытых и голодных. Эта борьба ослабляла бы группу и уменьшала ее шансы на успех в случае столкновения с другими группами. Вот почему в таких обществах – без осознанного намерения с чьей бы то ни было стороны – в силу стремления к самосохранению должен был стихийно установиться режим принудительного этатизма, который с учетом сложившихся обстоятельств, по сути дела, целесообразен. Отсюда понятно, почему при анализе причин, вызвавших этатизацию данного агрегата, часто бывает трудно определить, что приходится на долю войны (детерминатора группового самосохранения), а что – на долю голода. Общим руководящим принципом в таких случаях служит правило: *этатизация в области экономико-продовольственных отношений – преимущественно функция голода, этатизация в других областях – функция главным образом детерминатора групповой самозащиты. В целом же нравственное состояние общества – функция обеих переменных, плюс некоторых других детерминаторов, менее важных в данном отношении.*

⁹ «При деспотизме и денежной аристократии всегда основным правилом считалось нужным кормить опасную для власти часть народа – буйную чернь главных городов (и, конечно, своих клиентов и опору) за счет прочих подданных и жителей деревни. Это делается всего легче посредством стеснения хлебной торговли (и автономии личности вообще. – П.С.)», – правильно замечает В.Г. Рошер (цит. соч., с. 81–82).

Все вышеизложенное объясняет механизм связи между нравственным состоянием общества и голодом¹⁰.

2. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕМЫ И ИХ ПРОВЕРКА

Если верна основная гипотеза о связи между массовым голодом и этатизмом, то из нее вытекают дальнейшие теоремы, правильность которых будет подтверждением истинности основной гипотезы.

Первая теорема. *При равенстве прочих условий в агрегатах, не обеспеченных продовольствием и находящихся под постоянной угрозой голода, где в то же время существует имущественная дифференциация, мы должны обнаружить этатизм в сфере экономико-продовольственных отношений (а через него и в других областях, особенно если это агрегаты милитарные) весьма развитым, т.е. в таких агрегатах объем вмешательства и регулирующих функций власти в этой сфере должен быть широким, централизация должна быть развитой, хозяйственная автономия частных лиц – ограниченной.*

В агрегатах, более обеспеченных в продовольственном отношении, этатизм должен быть менее развитым, а хозяйственная автономия граждан должна иметь более широкие пределы.

Вторая теорема. *Ceteris paribus в одном и том же агрегате кривая этатизма в экономико-продовольственной сфере должна подниматься, когда: 1) уси-*

¹⁰ Отсюда понятно, что усиление голода не есть единственная «независимая переменная» роста этатизма. Последний – функция многих переменных. Главными из них являются война и голод. Голод – отец этатизма, война – его мать. Мы уже знакомы с «этатизирующей» ролью войны. (См. об этом: *Спенсер Г.* Основания социологии, т. II, гл. XVII–XIX; *Сорокин П.А.* Система социологии, т. II, с. 135–136; *Сорокин П.А.* Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную формацию // *Экономист.* 1922, № 1; *Сорокин П.А.* Война и милитаризация общества // *Артельное дело.* 1922, № 1-4; подробно эта проблема будет исследована в последующих томах моей «Системы социологии»). Такою же роль играет и голод. Когда же эта чета появляется вместе и поселяется в какой-нибудь стране надолго, то *ceteris paribus*^{7*} их чадушко – этатизм – растет не по дням, а по часам и достигает максимального размера. Названия он принимает разные, и это часто вводит в большое заблуждение многих наивных исследователей, не подозревающих о том, что под разными паспортами речевых рефлексов и терминов скрывается один и тот же субъект. Стоит ли удивляться тому, что кривая этатизма поднялась в 1914 г. во всех воюющих странах и стала опускаться с ее окончанием и уменьшением угрозы голода. Стоит ли удивляться, что у нас она достигла максимальной высоты, если оба супруга у нас поселились прочнее и основательнее, чем где бы то ни было. Учета влияния этих двух факторов достаточно, чтобы понять и объяснить основной ход всей нашей революции, ее причин, подъема и падения. Вместо поверхностных, пустых, часто запутанных «теорий», сочиняемых тьмой мало знающих и еще меньше понимающих публицистов и обывателей для объяснения нашей революции (и по существу ничего не объясняющих, несмотря на все их словесное многомудрие), эта теория ясно и четко вскрывает причины, ход и падение кривой нашего революционного этатизма.

ливается голодание масс (или ухудшается их питание); 2) увеличивается имущественная дифференциация (или усиливается относительное голодание) или 3) происходит и то и другое, т.е. ухудшение питания масс и рост имущественной дифференциации. И наоборот. Кривая принудительного этатизма должна падать, когда: 1) улучшается питание масс (уменьшается дефицитный и относительный голод); 2) уменьшается имущественная дифференциация или 3) происходит и то и другое. Наконец, кривая этатизма может остаться неизменной, если ухудшение питания масс совпадает с соответствующим уменьшением имущественной дифференциации или улучшение первого сопровождается соответствующим ростом последней.

Для проверки этих теорем мы согласно принципу «сходные причины в сходных условиях вызывают сходные следствия» должны взять модели¹¹ групп, удовлетворяющих указанным условиям, и посмотреть, так ли обстоит дело, как гласят сформулированные нами теоремы. Такие модели история дает нам в изобилии.

Обратимся сначала к постоянно повторяющимся фактам, затем – к истории разных народов.

Подтверждение теорем повторяющимися фактами

В социальной жизни часто встречаются агрегаты, оказавшиеся под угрозой голода. К числу таковых относятся защитники осажденных городов и крепостей; экипажи кораблей, пассажиры поездов и т.д., потерпевших крушение и оказавшиеся в таком же положении; иногда участники географических экспедиций (например Пржевальского, Стенли, Скотта, Миккельсена и др.); члены семейств или других более многочисленных групп и т.д. Наблюдая их, мы видим, что, как только над ними нависает угроза голода, обычно в той или иной форме появляется и этатизм: все имеющееся продовольствие (в городе, крепости, на корабле, в экспедиции, в семье и т.д.) ставится на учет, право распоряжения им сразу же ограничивается, достояние отдельных частных лиц «обобществляется», устанавливается рацион, минимальный размер порции, вводится общественный контроль за распределением и потреблением – словом, этатизм в ясной и четкой форме. И чем сильнее становится голод, тем сильнее закручивается «винт» этатизма. За последние годы каждый из нас, вероятно, наблюдал множество семейств, в которых скудное довольствие не предоставлялось, как это бывало при изобилии, «анархическому поеданию» по воле каждого члена семьи, а делилось

¹¹ Как известно, метод моделей, который я уже не раз использовал, является основным методом англо-американских физиков. В социологии мы сами, к сожалению, пока не можем строить модели и вынуждены брать их готовыми из «рук истории». Однако от этого метод моделей не теряет своего значения. См.: Дюгем П. Физическая теория. Ее цель и строение. СПб., 1910.

на всех, и каждый получал свою часть; таким образом, автономный производ за-менялся планомерным распределением продуктов по воле главы семейства или всех его членов. Как только наступало изобилие и достаток – этатизм в указанной форме исчезал.

Подобные процессы происходили в прошлом, во множестве форм происходят они и теперь. В уменьшенном размере они рисуют то, что при аналогичных условиях происходит и с крупными социальными агрегатами. Они могут наблюдаться каждым и служат убедительным доказательством обеих наших теорем.

Историческая проверка первой теоремы. Возьмем, с одной стороны, модели обществ, не обеспеченных продовольствием и постоянно испытывающих угрозу голода, с другой – модели агрегатов в этом отношении благополучных и посмотрим, так ли обстоит дело, как гласит теорема.

Моделями агрегатов, которым постоянно угрожает голод и которые действительно часто голодают, могут служить многие первобытные сообщества, большие города и области Древнего Востока, Египта, Китая, Персии, Японии, ряд государств Древней Греции и Рима в те или иные периоды их истории, Византия, некоторые государства ислама, многие государства Средневековья и ряд слаборазвитых стран Нового времени. Моделями сравнительно благополучных обществ могут служить наиболее культурные государства Европы и Северной Америки XIX и XX вв., когда дефицитный массовый голод перестал им угрожать.

Обратимся к краткому рассмотрению этих моделей.

Первобытные общества. Будучи агрегатами, состоящими из рыболовов, охотников, собирателей дикорастущих плодов, съедобных семян и корней, они в большинстве случаев не имеют ни обыкновения, ни возможности делать запасы (в частности по причине отсутствия соли и других средств сохранения продуктов). Они живут согласно евангельскому предписанию: «Не заботьтесь о завтрашнем дне: довлеет дневи злоба его»^{8*}. Полностью завися от стихии и случайностей охоты и рыболовства, они то объедаются, то чаще всего «испытывают горькую нужду, и единственная их одежда – пояс – служит им буквально тем ремнем, который они затягивают потуже, чтобы хоть как-то заглушить муки голода»¹².

Словом, угроза голода здесь постоянна, фактическое голодание – обычное явление. Исключения бывают, но они не так уж многочисленны¹³.

¹² Бюхер К. Возникновение народного хозяйства. СПб., 1907, т. I, с. 37, 11–19, 40–46.

¹³ См.: Спенсер Г. Основания социологии, т. I, с. 26–30; т. II, с. 557–558; Westermarck E. The origin and development of moral ideas. London, 1908, vol. II, p. 269–271; Vierkandt A. Naturvölker und Kulturvölker. 1896, S. 20–21; Steinmetz R. Rechtsverhältnisse von eingeborenen Völkern in Afrika und Ozeanien. Berlin, 1903; Heckewelder. Nachricht von d. Geschichte, d. Sitten und Gebrauchen d. Indianischen Völkerschaften. Göttingen, S. 182, 330, 365; Srencher B., Gillen F. The northern Tribes of Central Australia и Native Tribes of Central Australia (London, 1899, глава о питании и образе жизни); Бюхер К. Цит. соч., т. I, гл. I; Hobhouse L.T., Wheeler G.C., Ginsberg M. The Material Culture and Social Institutions of the Simpler Peoples: An Essay in Correlation. London, 1915; Grosse E. Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft.

Согласно высказанному предположению, мы должны найти в таком агрегате сильно развитый «потребительский коммунизм», широкий объем власти группы¹⁴ в сфере регулирования питания, отсутствие личной собственности (или крайне ограниченные ее размеры), ничтожный объем индивидуальной автономии во всех этих вопросах и в сфере индивидуального поведения, всестороннюю опеку со стороны власти группы, которая проявляется в том, что любое отступление от правил влечет за собой серьезные репрессии, и т.д.

Так ли обстоит дело в действительности? Да, именно так, по крайней мере в первобытных группах, если только они не находятся в исключительно благоприятных условиях в смысле продовольствия и его добычи. Вся пища в большинстве *первобытных групп* – *общее достояние группы*, кроме разве что той ее доли, которую съедают на месте добывшие ее охотники. Все остальное поступает в распоряжение группы, распределяется между ее членами по определенным правилам, потребляется во время общего пира, устраиваемого группой или ее подразделениями. Права личности в сфере владения, пользования и распоряжения добычей – ничтожны. Объем прав группы (в лице вождя, жреца, старейшин и т.п.) – неограничен. Словом, действительность подтверждает наше предположение¹⁵.

То же самое еще в большей степени относится здесь к *главным средствам производств питательных благ* – земле, воде, стадам домашних животных.

Наконец, не требует доказательств факт полной и всесторонней опеки личности, регулирования ее поведения и образа жизни со стороны группы: объем

Freiburg, 1896; Ковалевский М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. СПб., 1895. См. также курсы первобытной культуры и этнографии Липперта, Шурца, Харузина и др.

¹⁴ Не важно, единоличная это власть или в ней участвуют все полноправные члены группы, выборная она или назначаемая, важно лишь то, насколько власть группы или сама группа – сознательно или бессознательно – связывает индивида, ограничивает свободу его действий и автономию поведения.

¹⁵ Соответствующие факты см. в указанных работах Спенсера (т. II, с. 612–613, 687, гл. XIII), Бюхера (т. I, с. 10), Westermarck'a (vol. II, p. 50, 71), Steinmetz'a (S. 25) и др. См. также: Ковалевский М.М. Социология, т. II, с. 125–153; Ковалевский М.М. Экономический рост Европы, т. I; Petrucci. Les origines naturelles de la propriété. Bruxelles, 1905; Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1901. Должен при этом заметить, что для меня не имеет абсолютно никакого значения спор о том, какой статус имеет добыча у первобытных народов – находится ли она в «общем пользовании» или ее следует считать «общей собственностью». Эти методологические тонкости (впрочем, не такие уж «тонкие») в применении к первобытным обществам не имеют никакого смысла. Важно лишь одно: каковы действия людей в этой области? Сами ли они пользуются добытым ими продовольствием, по своему ли усмотрению они его распределяют или, наоборот, это делают властные структуры группы? Мы видим, что действительности соответствует последнее. А если так, то пусть Даргун и другие ученые назовут это хоть «индивидуальной собственностью» – от этикетки суть явления не изменится^{9*}.

автономии личности здесь ничтожен, она поглощена группой¹⁶. Примитивный коммунизм первобытных групп и полное поглощение личности группой (этатизм) – функция непрерывных войн (детерминатора группового самосохранения) и постоянной угрозы голода.

Связь между голодом и этатизмом на примере этой модели подтверждается.

Древний Египет. Продовольственное положение населения Египта, особенно городского, в значительной степени опиралось на такой шаткий фундамент, как военный грабеж. Как видно из сохранившихся памятников, голодовки здесь были частыми. Угроза их – постоянной. Положение масс – жалкое¹⁷. Войны происходили часто. Неудивительно поэтому, что почти во все эпохи истории Египта хозяйство его было, по существу, *государственным хозяйством*. Автономия лиц в этой сфере как в эпохи государственного единства, так и в период феодализма была ничтожной. Земля – принадлежность фараона или начальника нома^{18/10*}. Государство наделяет ею своих подданных. Оно же ведает земледелием, скотоводством, оросительной системой и общественными работами, путями сообщения, промышленностью, искусством, строениями (пирамидами, храмами, etc); образование, внешняя торговля, добыча золота и драгоценностей – все это в его монополии; оно регулирует и контролирует религию, профессию, жилища, питание – словом, почти всю экономическую и духовную жизнь¹⁹. Власть здесь – бог. Она ничем не ограничена. Все централизовано.

Государство ведет регулярный учет всего населения и его достояния (с помощью своих государственно-статистических органов). Оно проводит «посевные кампании» и руководит производством. Оно – главный агент обмена и

¹⁶ Если «продовольственный коммунизм» первобытных групп есть функция их голодания и необеспеченности пищей, то эта всесторонняя опека и регулирование жизни их членов – функция ряда независимых переменных, среди которых помимо голода важнейшую роль играет детерминатор групповой самозащиты и группового самосохранения. Этот детерминатор и вынуждает первобытные группы часто вести войны в интересах выживания. Вместе с голодом он и вызвал этот всесторонний этатизм первобытных групп. В этом смысле обе эти независимые переменные часто действуют солидарно. Если бы здесь не было потребительского коммунизма – шансы на гибель группы увеличились бы: неудачная охота тех или иных членов группы в течение длительного времени – весьма, надо сказать, вероятная – могла бы стать причиной их смерти, если бы не было помощи других членов. С другой стороны, при отсутствии потребительского коммунизма голодные члены группы в силу пищетропизма должны были бы набрасываться на сытых; это вело бы к постоянной внутригрупповой борьбе. А оба эти явления – вымирание голодных и борьба голодных и сытых – ослабляли бы группы и уменьшали их шансы на выживание. Таким образом, потребительский коммунизм, диктуемый голодом, увеличивал шансы на выживание, а само стремление к выживанию вело к потребительскому коммунизму.

¹⁷ См.: *Брэстед Д.* Цит. соч., т. I, с. 45, 84, 88, 92, 103–105, 125, 157, 172, 179, 247; т. II, с. 40–44, 97, 128, 174, 254, 258; *Геродот.* История. II, 124–125; *Древний мир в памятниках его письменности.* М., 1915, с. 3, 6, 9–10.

¹⁸ *Брэстед Д.* Цит. соч., т. I, с. 87, 125; *Тураев Б.А.* Древний Египет, с. 42–45.

¹⁹ *Брэстед Д.* Цит. соч., т. I, с. 84.

распределения (собирает хлеб и другие жизненно необходимые блага в свой «продком» – «сокровищницу»). Определяет пайки для рабочих и выдачи агентам и чиновникам, следит за большей частью закрепощенного населения, за их питанием и одеждой, жилищем²⁰ и трудом (прикрепление – даже наследственное – к профессии, переброска – по идеалу Л.Д. Троцкого – сотен тысяч людей из одного места в другое), за соблюдением религиозных обрядов, воспитанием и образованием и т.д.²¹ Объем прав и свободы населения ничтожен. Частная инициатива не играет почти никакой роли.

Конкретное представление о хозяйственных функциях власти дает хотя бы надпись из гробницы визиря Тутмоса III. Помимо суда, защиты и управления визирь «заведует раздачей земли, к нему поступают духовные завещания, он посылает рубить деревья (без разрешения нельзя срубить ни одного дерева), заботится о водоемах во всей стране. Он посылает комендантов и старшин для обработки земли в период жатвы... Он устанавливает границы каждого дома, полей, контролирует храмовые доходы и заключение контрактов. Он принимает документы о залогах, заведует священной жертвой, собирает налоги, распределяет подати, наблюдает за доходами всей страны... составляет список всех быков... наблюдает за каналами... поднятием Нила» и т.д. Надпись, найденная в гробнице другого сановника, гласит: «Я поддерживал страну в неурожайные годы. Я завел десять стад коз, два новых стада рогатого скота и одно стадо ослов. Я сделал тридцать судов и ввозил зерно. Я строил дома» и т.д. – одним словом, налицо все функции Совнархоза, налицо сильнейшая этатизация...²²

Сходной была картина и в **Ассирии-Вавилонии, Древней Персии и Древней Индии**²³. И здесь войны и голодовки – обычные явления (в Индии и Персии

²⁰ Временами паек был недурной. Например, при Сети I каменщик получал в день четыре фунта хлеба, два пучка овощей и кусок жареного мяса и дважды в месяц чистое льняное платье. Жилища городского населения, а также бараки и казармы были государственными (*Брэстед Д.* Цит. соч., т. II, с. 95; т. I, с. 92).

²¹ Там же, т. II, с. 128, 258. Над постройкой пирамиды Хуфу, например, трудились 100000 человек в течение 20 лет. Не только люди, но, как известно, и города здесь создавались и передвигались по желанию фараона.

²² Помимо указанных работ см. также: *Масперо Г.* Исторические чтения. СПб., 1905, гл. I–V, XII; *Бюхер К.* Цит. соч., т. II, с. 122; *Erman A.* Aegypten und Aegyptische Leben im Altertum. 1885.

²³ Для Вавилона см.: *Страбон.* География, кн. XVI; Законы Хаммурапи. М., 1914; *Jean.* Les lettres de Hammurabia Sin-idinnam. 1913. Для Персии см. описания Геродота и Ксенофонта; *Malcolm.* The History of Persia. London, 1829, vol. I, p. 5, 6–9, 548–550, vol. II, p. 303–306, 344–354, 336–337, 343, 378, 399–400, 452. Для Индии: Законы Ману. СПб., 1913; The Sacred Books of the East, vol. I, p. 311–312 (о кастах), vol. II (история); *Bouglé C.* Essai sur le régime des castes. Paris, 1908; *Senart.* Les castes dans l'Inde. Paris, 1896; *Ketkar Sh. V.* The History of Caste in India. Ithaca, 1909; *Mazzarella J.* Le forme di aggregazione sociale nell'India // *Revista Italiana di sociologia.* 1911; *Parker.* Op. cit., p. 276; *Smith A.H.* Village Life in China. New York, 1899, p. 49.

они остаются таковыми и по сей день). И здесь автономия поведения индивида – ничтожна, вся его жизнь регламентирована до мелочей (касты Индии, подобие каст в Древней Персии и Ассири-Вавилонии). Население – бесправный объект власти. Компетенция и права последней – неограниченны. В ее воле – и жизнь, и достояние подданных. Никаких прав собственности, нерушимых для власти, не существует. Она сама в значительной мере предприниматель и хозяин, она осуществляет контроль за земледелием и промышленностью, регулирует процесс труда, отнимает и раздает надель, собирает «продналог», устанавливает твердые цены, выдает «пайки», заведует торговлей и т.д. И она же следит за образом мыслей, занятиями и поведением.

Конечно, в длительной и темной для нас истории этих древних государств, как и в истории Египта, было немало изменений, были ослабления и усиления этатизма, однако указанные черты остаются доминирующими при всех эпохах. Кстати говоря, низшие слои населения Персии, Индии и Египта (как и Китая) были преимущественно вегетарианцами. Не находится ли их пассивность и покорность в функциональной связи с растительной пищей?

Древний и отчасти современный Китай. И теперь голодовки в Китае – обычное явление. И теперь питание масс довольно скудное и плохое, бедность – на грани нищеты, так что даже рис считается роскошью²⁴. В прошлом – судя по источникам – они были не менее и скорее более частыми. Перенаселенность Китая (вечная его проблема) время от времени приводила – через голодовки, эпидемии, войны, революции и т.д.²⁵ – к колоссальным потерям населения, исчисляемым десятками миллионов человек.

При таких условиях уровень этатизма здесь должен быть высоким. И он действительно высок. Поведение населения шаблонно и со всех сторон окружено опекой (через конфуцианство и т.д.), регламентирующей его, за исключением немногих аспектов, до мелочей. Права власти – неограниченны. Богдыхан – сын неба. Хозяйственные функции власти также очень широки (таксация цен, государственные монополии, государственное хозяйство, земледелие, промышленность и т.д.).

«С давних времен земля рассматривается как собственность власти. Здесь не было частной собственности, но подданным позволялось получать надел за плату, состоявшую из определенной части урожая». В прошлом (а отчасти и теперь) «строгие религиозные правила регулировали ежедневную жизнь (как власти, так и подданных) до мельчайших подробностей». «Эти-то правила и помогают со-

²⁴ «Бедность, бедность, бедность, всегда и без конца – бедность» (*Smith A.H.* Op. cit., p. 310, 161).

²⁵ О плотности населения в Китае см.: *Parker*. Op. cit., p. 26–27; *Smith A.H.* Op. cit., p. 18–19. Например, в 723 г. по Р.Х. численность населения Китая составляла 45 млн человек, в 755 г. – 53 млн, в 781 г. – уже только около 20 млн (результат анархии, войны, голода). Восстание тайпинов^{11*} уменьшило население с 334 до 260 млн.

хранить в целостности государственный организм Китая в течение ряда столетий. Здесь едва ли есть хоть один акт в правительственной или общественной жизни, который выполнялся бы без установленных церемоний. Они регулируют и одежду, и слова, и позу в частной и общественной жизни». Население разделено на 9 классов – земледельцев, ремесленников, чиновников и т.д. Занятия, права и поведение каждого класса заранее определены и полностью регулируются сверху (для этой цели существуют 6 департаментов). «Считается, что широкие массы населения не знают, как себя вести в различных условиях жизни, и второй из этих департаментов – департамент воспитания – заботится о благоприличии народа. Юрисдикция мандарина простиралась на все жизненные отношения масс: на их занятия, торговые сделки, гражданские обязанности, религиозную и семейную жизнь и т.д. Подданный даже в своей частной жизни находился под контролем власти. Например, специальный мандарин наблюдал, чтобы ни один мужчина не оставался неженатым после 30 лет, девушка – не оставалась незамужней после 20». Каждому назначался род занятий и профессия (сделавшиеся даже наследственными, как в касте), тысячи правил регламентировали прикладные искусства и промышленность, государство владело монополией на соль, железо, торговлю. Шестой департамент ведал многочисленными общественными работами и т.д.²⁶

Так дело обстояло при династии Чжоу (Chou) за 1000 лет до Р.Х. То же самое мы видим и в другие эпохи, например во времена Конфуция и после него (ок. 500 г. до Р.Х.), когда «каждый акт жизни был строго регламентирован и оставлен церемониями, расписанными самым подробным образом; все аспекты повседневной жизни были подчинены строгим правилам. Существовали даже предписания, касающиеся пищи, которую позволялось есть разным классам населения»²⁷. То же самое было и через полторы тысячи лет, например при Ван Ань-ши (XI в. по Р.Х.)²⁸.

Опять-таки уровень этицизма то понижался, то повышался в течение длинной истории Китая, но в общем был всегда высоким, а в некоторых сферах жизни остается высоким и теперь. То, что этот высокий уровень этицизма был обычным в истории Китая, следует и из докладной записки китайского реформатора-социалиста Ван Ань-ши. В докладе Чжень Цзуну он пишет, что «древние правители установили правила, регулирующие брачные обряды, похороны, пиры, какое платье и когда следует носить, что есть и пить, какую посуду пользоваться», что учить. «Тому, что было не надо (для государственной службы), не учили; то же, что было необходимо на службе, входило в цикл преподаваемых предметов» (современные университеты в РСФСР как рассадники чиновников. – П.С.).

²⁶ См.: *Hirth*. The ancient History of China. 1908, p. 297–298, 109–115, 204.

²⁷ *Ibid.*, p. 245.

²⁸ См.: *Иванов А.И.* Ван Ань-ши и его реформы XI в. СПб., 1909.

В этом же докладе дано описание государственной организации труда, производства, обмена и распределения, существовавшей в предыдущие эпохи²⁹.

Как видим, и Китай соответствует нашей теореме.

Древняя Япония. Эти же черты еще более резко были выражены в старой дореформенной Японии^{12*}. И причины здесь были те же самые: непрерывные войны, частые голодовки и их постоянная угроза³⁰. Соответственно – и весь режим отмечен резкой печатью милитарно-голодного этатизма³¹.

Массу населения составляли бесправные крепостные. Жизнь и поведение каждого регулировались, как и в Китае, до мелочей. «Каждый аспект жизни земледельца был предписан законом – от места, образа и стоимости его жизни до таких вещей, как количество и качество столовых приборов, которыми он мог пользоваться во время еды. Закон устанавливал не только место его жительства и стоимость его домашней обстановки, но даже материал и фасон одежды, которую ему разрешалось носить; не только свадебные обряды и торжества, но и сосуды, в которых должна готовиться пища; не только формы женских украшений, но и материал, из которого должны быть сделаны ремни для сандалий; не только цену подарков друзьям, но характер и цену самой дешевой детской игрушки... Иерархическая организация общества точно отражалась в условной организации языка – в порядке местоимений, чисел и глаголов... Бесчисленные правила строго определяли, что должно быть сказано, какие слова следует употреблять и какие грамматические формы использовать. Одни глаголы, местоимения и другие части речи должны были употребляться при общении с высшими, другие – с низшими, третьи – с равными. Точные правила регулировали выражение лица, форму улыбки, дыхание, позу во время сидения и при вставании, походку... Страшным преступлением было улыбаться или смеяться в присутствии вышестоящего лица так, чтобы видны были все зубы». Глава семьи следил за поведением ее членов, глава группы семей – за поведением первого, община – за поведением последнего (причем «в общине господствовал социалистический принцип: все вещи были общими»³²), владелец земли контролировал поведение общины, сёгун^{13*} – поведение всех, в том числе и землевладельцев. Все действия регулировались как положительно, так и отрицательно (т.е. предписывалось, что должно делать и чего делать нельзя). Правительство вмешивалось во все: эдикт 1193 г. устанавливал цену на рис, эдикт 1253 г. фиксировал цену съестных при-

²⁹ Там же, с. 56–61, 65, 25–27.

³⁰ О бедственном положении народных масс в феодальной и монархической (дореформенной) Японии, вызываемом войной, междоусобиями, землетрясениями, неурожаем и т.д. см.: *Gulick S. Evolution of the Japanese*, p. 47, 52, 277. Голодовки были часты и ужасны; питание – плохое: рис, как и в Китае, был недоступной роскошью для большинства населения и т.д.

³¹ *Hearn. Japan*, p. 186–193, 275–277.

³² *Gulick S. Op. cit.*, p. 54, 52, 58.

пасов и предметов обихода и запрещал их продажу выше этой цены. Особенно строго была регламентирована денежная ссуда. Регламентировались празднества, воспитание, образование, наука, религия, искусство, производство и распределение и т.д. Личность была абсолютно подавлена. Ни у одного индивида, до такой степени подчиненного чужой воле, не было никакой свободы действия, в том числе и свободы передвижения; никакой свободы слова и свободы мысли тоже, разумеется, не было.

Древняя Греция. Липарское государство^{14*} (VI в. до Р.Х.). Живя на острове, население Липары само ничего не производило, а занималось в основном военным грабежом³³ – поэтому милитаризм вместе с постоянной угрозой голода привели к тому, что здесь установился режим полного этатизма-коммунизма.

Земля и захваченная добыча – общее достояние; питание – общественное в виде совместных обедов; централизация и опека – полные. Регулирование жизни и поведения граждан носит всесторонний характер³⁴.

Спарта. Как и большинство крупных городов-государств Древней Греции, Спарта не была самодостаточна в продовольственном отношении. В ней, как и «других центрах, в которых существование населения зависело от торговли и промышленности, поскольку продуктов местного земледелия не хватало для удовлетворения его потребностей, должно было особенно ощутительно сказываться, на каком узком и колеблющемся основании покоилась экономическая жизнь города, какие опасности для населения мог повлечь за собой любой экономический кризис, малейший перерыв торговых отношений, всякая задержка с доставкой продовольствия. При таком положении дел надзор за производством, распределением и потреблением благ и решительное вмешательство в них представлялись не только правом, но и обязанностью городских властей»³⁵.

Было бы чудом, если бы при наличии постоянной опасности голода здесь не развился «принудительный этатизм». Вмешательство власти в экономическую жизнь было беспредельным и выражалось «в политике относительно хлебной торговли и в мероприятиях, направленных против дороговизны, в таксах и строгих запретительных мерах, направленных против скупщиков средств пропитания, в воспрещении вывозить земледельческие продукты и сырье, в покровительстве местному рынку запрещениями вывоза и привоза товаров, в ограничении свободы перевозки товаров и штапельных прав^{15*}, во вмешательстве в денежное обращение и кредитные сделки, предпочтительном праве государства приобретать известные необходимые для него блага, в часто встречавшихся государственных монополиях»³⁶, вплоть до общественных обедов (сисситий), запретов на предметы роскоши, введения железных денег – марок и т.д. Сло-

³³ Пельман Р. История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910, с. 25–26.

³⁴ Там же, с. 26–27.

³⁵ Там же, с. 334–335.

³⁶ Там же, с. 334–337.

вом, мы имеем налицо «полную экономическую тиранию»³⁷. К голоду присоединилось еще влияние постоянных войн, а итогом является всесторонний безграничный «принудительный этатизм» со всеми присущими ему чертами. Уже при самом появлении ребенка на свет вопрос о его жизни и смерти решается государством. Если вопрос решается в смысле сохранения ему жизни, то только затем, чтобы отдать его на воспитание и обучение государству, от опеки которого освобождает только смерть. «Государство каждому определяет его деятельность, каждого день и ночь держит под контролем. Оно назначает ему срок вступления в брак. Гражданин без разрешения не смеет покинуть места своего жительства, он – собственность государства»³⁸.

Словом, всесторонний принудительный этатизм Спарты – функция необеспеченности ее продовольствием и опасности голода плюс милитаризма³⁹.

Эта «модель», как и предыдущие, подтверждает проверяемую теорему.

Афины. То же самое мы видим и на примере Афин. По вычислениям А. Бёка, «Атика потребляла 3400000 медимнов^{16*} хлеба, из которых в среднем она могла производить только 240000 медимнов»; при малейшем неурожае она должна была ввозить не менее половины всего хлеба⁴⁰.

При таких условиях «могла постоянно возникнуть большая нужда, если бы не было соответствующих учреждений и не проводились бы надлежащие мероприятия. Поэтому забота о питании была основной заботой Афин»⁴¹. «Нельзя назвать тенденциозным преувеличением взгляд Аристотеля, усматривавшего в своей истории афинского государственного строя руководящий мотив политики (Афин) в намерении доставить массе народа достаточное пропитание»⁴². «Десять раз в году ставился перед народом вопрос “о хлебе и безопасности страны”». Несмотря на все принимаемые афинянами меры, все-таки появлялся голод»⁴³.

Эта необеспеченность и «необычайно серьезные опасности, грозившие государству в случае возникновения затруднений в деле обеспечения населения необходимыми средствами пропитания, привели даже самые передовые общины к системе государственного регулирования», – правильно замечает Пельман⁴⁴.

³⁷ Там же, с. 337–338.

³⁸ Там же, с. 32–33. Описание спартанского этатизма см.: *Xenophont. Lacedaimonion politeia*. с. 1–10; *Плутарх*. Ликург.

³⁹ То же самое относится и к другим античным государствам. «Гражданин здесь во всех отношениях и без всяких ограничений принадлежит государству, весь целиком, душой и телом. Не было в человеке ничего, что было бы независимым». Не было никакой свободы и автономии. См.: *Fustel de Coulandges N.D. La cité antique*. Paris, 1905 (ch. XVIII: De l'omnipotence de l'Etat).

⁴⁰ *Böckh A. Die Staatshaushaltung der Athener*. Berlin, 1851, Bd. I, S. 125.

⁴¹ *Ibid.*, S. 115.

⁴² *Пельман Р.* Цит. соч., с. 430.

⁴³ *Новосадский Н.И.* Борьба с повышением цен в древней Греции // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1917, февраль, с. 78–80.

⁴⁴ *Пельман Р.* Цит. соч., с. 35–36.

Это регулирование выражалось в сотне мер: 1) власть регулировала ввоз и вывоз отдельных продуктов; «вывоз был безусловно воспрещен, ввозимое в Атику продовольствие должно было оставаться Афинам; только одна треть его могла быть вывезена за пределы города»⁴⁵; 2) власть ограничивала частную торговлю; продажа и покупка свыше определенного количества каралась смертной казнью⁴⁶; 3) власть таксировала цены на хлеб; 4) принимала суровые меры против дороговизны и спекулянтов; 5) весь продовольственный обмен регулировался и контролировался специальными представителями власти – ситофилаксами^{17*}; 6) само государство производило целый ряд работ на принадлежавших ему предприятиях⁴⁷; а также «скупало хлеб в местах урожая и продавало гражданам по дешевой цене»; 7) иногда государство занималось бесплатной раздачей хлеба, рыбы, соли, угля и дров, что при Перикле стало нормой; 8) бедные содержались за счет государства; 9) были и «хлебные марки» (карточки), как свидетельствует надпись, найденная в Элевсине. Словом, почти все продовольствие было монополизировано и централизовано в руках государства. Наряду с этим опека и регулирование власти простирались на всю экономику и другие стороны поведения граждан и общественной жизни. То же самое было и в других греческих городах⁴⁸.

Налицо, таким образом, все основные черты развитого этатизма. Данная «модель» изучаемого нами общества также подтверждает проверяемую теорему.

Рим. Со времени своего расширения и падения земледелия в Италии Рим оказался в положении города, которому голод постоянно угрожал и был в нем довольно частым явлением. «Земледелие в Италии со времени второй Пунической войны^{18*} падало, и даже самые хлебные провинции – Сицилия и Сардиния, к которым позже присоединилась Африка, – едва могли удовлетворить возрасставшие потребности». Плохое управление, войны, гражданские смуты, спекуляция в последнее столетие республики привели к тому, что «жизнь в Риме стала невыносимой; призрак голода появлялся все чаще и чаще»⁴⁹.

Эта появившаяся и возрасставшая опасность голода должна была, согласно теореме, повлечь за собой рост «принудительного этатизма» в экономико-продовольственной сфере. Действительность вполне подтверждает это предположе-

⁴⁵ Böckh A. Op. cit., S. 116; Новосадский Н.И. Цит. соч., с. 86.

⁴⁶ Böckh A. Op. cit., S. 117.

⁴⁷ См.: Плутарх. Перикл. II, 12; Aristoteles. Republika Athen, с. 47–54.

⁴⁸ См.: Böckh A. Op. cit., S. 117, 119–124, 125, 304; Новосадский Н.И. Цит. соч., с. 79–80, 82–83, 85, 90; Пельман Р. Цит. соч., с. 591, 430; Francotte. Le pain à bon marché et le pain gratuit dans les cités grecques // Mélanges du droit public grecques. Paris. 1910, с.29; Hirschfeld O. Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten, von Augustus bis auf Diocletian. Berlin, 1905, S. 230.

⁴⁹ Hirschfeld O. Op. cit., S. 231. Голод был здесь в 22 и 18 гг. до Р.Х., 19, 32, 41, 52, 68–69 гг. по Р.Х., случался он и впоследствии. «В этом отношении не произошло перемен и в позднейшие времена» (Фридендер М. Картины из бытовой истории Рима. СПб., 1914, с. 27–28).

ние. «Только государство, действуя энергично и инициативно, могло произвести существенное улучшение, и это убеждение, хотя и постепенно, начало распространяться уже в республиканскую эпоху»⁵⁰. И раньше «в случаях голода эдилы^{19*} покупали хлеб в Этрурии, Умбрии и Сицилии и продавали его по дешевой цене»⁵¹. Теперь же, с ростом продовольственного кризиса, винт «государственного социализма» начинает закручиваться все сильнее и сильнее. Проявлением этого служат:

1) Фрументарный закон Г. Гракха (123 г. до Р.Х.), предоставлявший каждому гражданину право получения «из государственных магазинов ежемесячно около 5 модиев немолотого зерна по $6\frac{1}{2}$ ассов^{20*} за модий»⁵².

2) Учреждение в 104 г. до Р.Х. комиссаров с исключительными полномочиями на предмет борьбы с голодом и его предупреждения; при Цезаре они, превратившись в постоянный институт, состояли из двух *aediles plebis ceriales*^{53/21*}.

3) В дальнейшем этот римский «продком» расширяется: в 22 г. до Р.Х. после сильного голода во главе его становится сам Август как *curatur annonae*^{22*}. К 18 г. до Р.Х. устанавливается уже четыре *praefecto frumenti dandi*^{23*}.

«Основными функциями этого института были сбор или покупка продовольствия, его транспортировка, хранение на складах, приготовление и, наконец, распределение». Вначале все это отдавалось на откуп публиканам^{24*}, позже – само государство взяло дело в свои руки. Для всего этого требовалась обширнейшая администрация и колоссальный штат служащих. Они и были созданы (кроме высших магистратов) в виде «продотрядов», реквизировавших хлеб в провинциях, в виде транспортных отрядов (*navicularii*), носильщиков (*saccarii*), весовщиков и измерителей (*mensores*), хранителей и сторожей складов (*horrearii*), лодочников Тибра (*codicarii*), водолазов (*uri atotes*) и т.д. Словом, колоссальнейшая организация римского «продкома» появилась на свет и начала расти. Государство монополизировало чуть ли не все продовольственное дело: оно само собирало, реквизировало или покупало (через римский «внешторг») продовольствие, перевозило и собирало его в свои склады, контролировало доброкачественность продуктов, само пекло хлеб и определяло размеры выдач, само распределяло или продавало; короче – регулировало все дело продовольствия⁵⁴. «Ежегодно префект рассылал наместникам провинций приказы, в которых было точно обозначено, сколько хлеба, вина, свинины, железа, лошадей и т.п. каждый из них должен взыскать с населения провинции и куда, в какое складочное место он

⁵⁰ *Hirschfeld O.* Op. cit., S. 231.

⁵¹ *Waltzing J.P.* Étude historique sur les corporations professionnelles chez les Romains. Louvain, 1896, vol. II, p. 23; *Ростовцев М.И.* Фрументарии и фрументарные законы // Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон, т. 72, с. 826–830.

⁵² *Ростовцев М.И.* Цит. соч., с. 826–830.

⁵³ *Hirschfeld O.* Op. cit., S. 251–252.

⁵⁴ *Waltzing J.P.* Op. cit., p. 26–103.

должен все это отправить; устройство таких запасных магазинов также лежало на префекте»⁵⁵.

«Частная конкуренция хлеботорговцев почти не играла никакой роли»⁵⁶. Даже за «ненормированными» продуктами был установлен строгий контроль. «Все виды индустрии и торговли... также контролировались»⁵⁷. Как видим, «принудительный этатизм» в области продовольственных отношений достиг полного своего расцвета. Опека и вмешательство государства здесь стали необъятными⁵⁸.

4) Расширяется и снабжение государством хлебом. По закону Теренция Кассия и трибуна Клодия, хлеб стали раздавать даром. Растет и число лиц, получающих его бесплатно. Ко времени Цезаря оно достигает в Риме 320000, а с членами семейств – почти 600000 человек. Цезарь сокращает его до 150000, выслав остальных в колонии, Август устанавливает количество таких лиц в 200000 человек, «но так как служащие двора, стража, преторианцы, а со времени Траяна и *pueri alimentarii*^{25*} получали свою долю, то ежегодный расход в 76 миллионов сестерциев^{26*} не уменьшился»⁵⁹. С этих пор «императоры никогда не осмеливались касаться этой привилегии народа-короля. Их политика в Риме состояла в том, чтобы кормить и забавлять плебс (*duas tantum res anxius optat: panem et circenses*^{27*}), заслуживший название “хлебного плебса”, ибо он не желал ничего другого, кроме забав и питания. За эту цену он отказывался от свободы, будучи, однако, готовым на бунт, когда заморский хлеб опаздывал с прибытием»⁶⁰.

5) Далее зерно заменяется выдачей хлеба; начиная со времени правления императора Септимия Севера вдобавок к бесплатному хлебу бесплатно выдают масло, с Аврелиана – свинину и шпик.

6) Наряду с этими постоянными выдачами появляются и растут экстраординарные (*condiaria*) выдачи денег, вина, соли, одежды, закусок, театральных билетов и т.п., вплоть до «марок на проститутки» (была, например *tessera vinaria*, на которую «можно было немедленно приобрести фляжку вина и тут же выпить его, *lasciva pomistata*, дававшая право на любовь одной из многих проституток Рима» и другие «марки»)⁶¹.

⁵⁵ *Петрушевский Д.М.* Очерки по истории средневекового общества и государства. М., 1917, с. 57.

⁵⁶ *Hirschfeld O.* Op. cit., S. 235; *Фридендер М.* Цит. соч., с. 26. «Торговля римская – всего лишь спекуляция» (*Петрушевский Д.М.* Цит. соч., с. 112).

⁵⁷ *Waltzing J.P.* Op. cit., p. 101–102.

⁵⁸ *Hirschfeld O.* Op. cit., S. 232–233.

⁵⁹ *Waltzing J.P.* Op. cit., vol. II, p. 19–263; *Hirschfeld O.* Op. cit., S. 232–233; *Бюхер К.* Цит. соч., т. II, с. 128.

⁶⁰ *Waltzing J.P.* Op. cit., vol. II, p. 20.

⁶¹ *Ростовцев М.И.* Римские свинцовые тессеры. СПб., 1903, с. 111–113. Подробности см. в указанных работах *Ростовцева*, *Waltzing'a*, *Hirschfeld'a*, *Фридендера*, *Пельмана*.

7) Изменялся и сам механизм распределения. Вначале «пайки» выдавались зерном раз в месяц. Потом вместо зерна стал ежедневно выдаваться хлеб. В первое время все это выдавалось по особым спискам, затем введена была «карточная» (марочная) система (*tessera*), позже снова замененная особыми списками (*incisi*)⁶².

Этот «принудительный этатизм» перекинулся затем и на всю экономику Рима, а еще позднее – чуть ли не на все поведение его подданных. Кроме налогов в денежной форме государство требовало и налоги натурой. Само оно платило своим чиновникам и тем, и другим (*mercedem et cibaria ex aerario*^{28*}). Установлена была система «пайков», строго нормированных для разных чинов и даже... лошадей (*carut*). Один паек (*annona*) – для солдата, другой – для офицера и т.д. Например, легионер-трибун получал в день 16 фунтов белого хлеба, 40 фунтов черного, 2 секстариуса^{29*} масла, полпоросенка, две индейки, 30 фунтов свинины, 40 фунтов воловьего мяса, по одному секстариусу вина и соли, маслины, овощи и т.д. При Диоклетиане денежная система почти полностью отмерла. К этому же времени опека сделалась всесторонней, «гражданин стал рабом государства и должен был жертвовать своим временем, работой и деньгами»⁶³. В итоге мы имеем перед собой, говоря словами Бюхера, развитое «коммунистически-империалистическое хозяйство»⁶⁴.

Из сказанного мы видим, что и эта модель голодающего и находящегося под угрозой голода социального агрегата со времени появления в нем этой опасности вызвала и развила ее детище – «принудительный этатизм». Искомая нами связь снова подтверждается.

Византия. Не иначе обстояло дело и здесь в силу тех же причин – войн и постоянных голодовок. Византия в этом отношении – копия Рима. Объем вмешательства власти в жизнь подданных, в частности в экономико-продовольственные отношения, огромен.

«Основой византийской государственности была идея авторитета, полного подчинения личности государству, частного – общему. Воплощение этой идеи отозвалось в Византии крайностями централизации и деспотизма»⁶⁵. Византия – это «царство монополии, привилегий и протекционизма. Правительство во все вмешивается, все контролирует, все регламентирует. Оно не терпело са-

⁶² См. указанные выше работы М.И. Ростовцева.

⁶³ См.: *Waltzing J.P.* Op. cit., p. 10–16; *Петрушевский Д.М.* Цит. соч., с. 67, 126–127.

⁶⁴ *Бюхер К.* Цит. соч., т. II, с. 189–190. Подробности см.: *Waltzing J.P.* Op. cit., vol. II, p. 19–115; *Hirschfeld O.* Op. cit., S. 230–246; *Ростовцев М.И.* Римские свинцовые тессеры. См. также: *Dill S.* Roman Society in the Last Days of the Western Empire. Автор последней из указанных книг не без основания сближает этот строй (и строй Византии) с кастовым строем.

⁶⁵ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. СПб., 1884, с. 132, гл. III, V–VI.

модельности общества. Энарх (градоначальник) заведовал промышленными заведениями и ремесленными корпорациями. Каждый был прикован в избранном занятию. Под страхом наказания плетями и конфискации имущества запрещалось заниматься двумя различными ремеслами. Чтобы вступить в ремесленную корпорацию, требовалось разрешение градоначальника. Производство подвергалось полицейским стеснениям, торговля – мелочной регламентации. Полицейский устав ограничивал барыши. Запрещалось делать чрезмерные запасы (продовольствия). Торговля и промышленность находились под бдительным надзором полиции»⁶⁶.

Налицо здесь и развитое государственное хозяйство (государственные производства) с его монополиями, и полное регулирование всей экономической жизни. И система разверстки, и натуральных налогов, реквизиции, и «продком», и «пайки», и сосредоточение торговли в руках власти, и всесторонняя регламентация поведения населения в сфере профессии и занятий, воспитания, верований, повсеместный «контроль и учет». Права личности – ничтожны. Собственность частных лиц существовала только на бумаге, ибо постоянно нарушалась властью. Власть – в интересах самосохранения – часто устраивала богачам кровопускание и национализировала их достояние и т.д., и т.д.

А что бедность и голод населения были здесь обычными явлениями – это уже сказано выше. Даже во время блестящего (с виду) царствования Юстиниана положение масс было ужасным. Не было «ни мира вне, ни процветания внутри». Блеск Софии и прекрасный *Corpus juris*^{30*} были только фасадом, за которым скрывались нищета и бесправие. После Юстиниана картина еще более ухудшилась. Кстати говоря, вот еще одна маленькая закономерность: во всех обществах такого типа процветает институт шпионства и... ученые наделяются рядом привилегий и льгот (как и в РСФСР). Так дело обстояло в Китае и Японии, в Византии и Греции, в Персии и Египте, в мире ислама и деспотии Тамерлана и т.д. А еще говорят, «история не повторяется»!

Мир ислама. Перенесемся в другую область. Происхождение общины Магомета было милитаристическим. Состояла она из бедноты. Вся ее экономическая жизнь, как и первых халифатов, основывалась почти исключительно на вооруженном грабеже. Этот милитаризм с постоянной угрозой голода придал всей организации общины Магомета и первых халифатов ту же печать резко выраженного этатизма (коммунизма). Власть Магомета и первых халифов абсолютна и неограниченна. Централизация – полная. Подчиненность и дисциплина членов общины – железная и беспрекословная. Поведение их регламентировано до деталей, никаких личных прав нет. Личной собственности – также. Господствует полный коммунизм: все награбленное, кроме той доли, которая жертвуется

⁶⁶ *Безобразов П.* Очерки Византийской культуры. СПб., 1919, с. 96–101.

в пользу Бога и бедных, делится между членами общины. О свободе личности не приходится и говорить. Община представляет собой военно-коммунистическую казарму. Всякое отклонение от правил беспощадно наказывается, инаковерующие – истребляются и т.д. Голод случается часто.

Что касается покоренных народов, то и среди них устанавливался режим этатизма. Завоеванная земля отнималась и передавалась уже на правах простой аренды. Жизнь и смерть, права и достояние подданных зависели от каприза властителей. Если здесь они регламентировали не всю сферу поведения, а главным образом ту ее часть, которая связана с получением дани и налогов, то это просто случайность, а не юридически гарантированное состояние. Когда напал каприз, регламентация вводилась – иной раз даже чрезмерная⁶⁷.

Сказанное об общине Магомета и халифате применимо и к другим военно-голодным государствам, подобным царству первых повелителей турок, Чингизхана, Тамерлана, мамелюков и др.⁶⁸ Всюду здесь налицо тот же милитарно-голодный этатизм.

Государство Перу. Теперь перенесемся в совершенно другой мир – в Америку, в царство инков.

В силу тех же причин мы и здесь видим те же самые следствия – военно-голодный этатизм в полном его расцвете⁶⁹.

Европейское Средневековье. Рассмотрим далее несколько «моделей» обществ эпохи Средневековья, которым постоянно угрожает голод. Вообще говоря, почти вся средневековая Европа представляла собой территорию, население которой чуть ли не все время находилось под угрозой голода и фактически весьма часто голодало. Не будучи «самодостаточными» в смысле продовольствия, представляя собой социальные агрегаты, похожие на острова среди моря, связь которых с сельскими областями, обеспечивавшими их продовольствием, могла в любой момент прерваться, не имея ни хороших путей сообщения, ни мирового или даже хотя бы национального рынка, городские общины Средневековья, да и

⁶⁷ Мюллер А. История ислама от основания до позднейших времен. СПб., 1895, т. I, с. 83, 108, 109, 112, 120, 124, 127, 171, 186, 193, 238, 244, 302, 305, 309–310, 323.

⁶⁸ См.: Hammer. L'histoire de l'empire Ottoman, vol. II, p. 6; Мюллер А. Цит. соч., т. III; Howorth. History of the Mongols. London, 1876.

⁶⁹ «Такой же регламентации, как и армия, было подчинено и государство вообще. В деревнях были чиновники, наблюдавшие за пахотой, посевом и жатвой. Когда подолгу не бывало дождя, государство снабжало население определенным количеством воды. Путешествующий без разрешения – наказывался». Регламентировалась одежда, пища, воспитание, верования, брак и т.д. Частной собственности не было. Предписывалось место жительства. Опека была полная. «Перуанцы не имели монеты: они не продавали ни одежды, ни домов, ни имений, и их торговля почти не выходила за пределы простого обмена съестными припасами» (Спенсер Г. Основания социологии. СПб., 1898, т. II, с. 435–436). См.: Martens. Un grand État Socialiste au XV siècle. Paris, 1910.

целые области, действительно постоянно испытывали угрозу голода⁷⁰. Наряду с этим в средневековых городах было резкое деление на богатых и бедных⁷¹.

Эти причины должны были привести, согласно нашей гипотезе, к широкому развитию правительственного регулирования, опеки, вмешательства, «этизации» в области продовольствия и экономических отношений вообще. Объем компетенции власти (города, области, государства) в этих сферах жизни должен быть, согласно нашей гипотезе, весьма широким. Фактически дело именно так и обстоит. Почти все Средневековье по всей Европе представляет собой эпоху широкой регламентации и всестороннего вмешательства власти в область питания, продовольствия, торговли и промышленности. Об автономии граждан в этой сфере здесь не может быть и речи. Все эти отношения не были предоставлены на усмотрение индивида, а детально, до мелочей регламентировались многочисленными властями средневековых агрегатов. Покупка и приобретение хлеба самими городами и государствами для его дешевой раздачи, установление акцизов на хлеб, пиво и такс на продуктовые запасы, регулирование ввоза и вывоза, определение времени и места продажи и т.д., и т.д. – все это явления, свойственные в большей или меньшей степени почти всем государствам средневековой Европы⁷².

В ряду причин, способствовавших столь сильному развитию «принудительного этицизма», необеспеченность продовольствием и постоянная опасность голода занимали одно из центральных мест. В пользу этого предположения говорит, как увидим ниже, и тот факт, что сами «акцизы» вызваны были голодом и вводились после и во время него. Регулирование сверху усиливалось опять-таки в голодные годы.

Таким образом, все Средневековье, взятое в совокупности, проявляет исследуемую нами связь между голодом и «этицизмом».

Однако такая картина слишком обща. Целесообразно было бы рассмотреть ее более подробно – взять отдельные средневековые агрегаты и на примере их истории проверить нашу теорему более строго.

⁷⁰ См.: Бюхер К. Возникновение народного хозяйства, т. II, с. 145–146. «Тогдашнее экстенсивное земледелие не в состоянии было прокормить... даже и то незначительное число жителей», которые населяли средневековые города. «Через каждые два-три года масса народу погибала от чумы, голода, войн или осад; иногда в течение нескольких летних месяцев умирала десятая, шестая или даже четвертая часть населения. С 1326 по 1400 г. было 32 эпидемии чумы, с 1400 по 1500 г. – около 40» (там же, с. 145–146). О частоте средневековых голодовок см.: Curschmann F. Op. cit.

⁷¹ Кулишер И.М. Лекции по истории экономического быта. Пг., 1918, с. 118–121. Не отрицает этого даже Бюхер (цит. соч., с. 161–162).

⁷² См.: Ковалевский М.М. Экономический рост Европы. М., 1903, т. III, с. 1–85; т. II, с. 670–671; Эшли У. Экономическая история Англии. М., 1897, с. 18–30. Подробный список литературы см.: Кулишер И.М. Лекции по истории экономического быта. Пг., 1918, с. 106–108.

Так я и поступлю, выбрав для этого средневековые итальянские республики. К ним можно было бы прибавить анализ ряда других агрегатов, но так как это увело бы меня далеко в сторону, а главное – так как ниже, при проверке второй теоремы, будет исследован ряд других агрегатов, то здесь я ограничусь лишь кратким очерком этой «модели», предлагая читателю самому проверить теорему на других средневековых агрегатах, удовлетворяющих нужным условиям.

Итальянские республики XII–XIV вв. Прежде всего следует отметить, что эти агрегаты вполне пригодны в качестве «модели» обществ, которым постоянно угрожает голод.

«При слабом развитии международного обмена, частых войнах с соседями и незначительности подведомственных городу территорий республиканские правительства Италии поставлены были в необходимость направлять все свои силы на заботу об обеспечении народа продовольствием. Страшными для них являлись не только неурожайные годы. Достаточно было соседу истребить посевы “наездом” или изгнанным эмигрантам прервать сношения города с окружающими его селами – и населению пришлось бы вымереть от голода, если бы общественные магазины не были заблаговременно снабжены богатыми запасами пшеницы, ржи, ячменя и риса»⁷³.

В чем же состоит функция этой «независимой переменной» (опасности голода)? В том, что мы назвали «принудительным этатизмом» в деле продовольствия. Причем объем правительственного вмешательства, монополии и регулирования в этой области тем больше, чем сильнее опасность голода, угрожающая республике. «В строгом смысле слова безусловной монополии в деле народного продовольствия придерживались лишь немногие общины, отрезанные от соседей морем и располагавшие ничтожными запасами туземного хлеба»⁷⁴. Картина «продовольственной коммунизации» здесь в общих чертах такова.

Во главе продовольственного дела стоит особый «магистрат изобилия», или *Or Son Michele* (соответствующий нашему «продкому»). Его задача – обеспечение республики продовольствием (хлебом, вином, овощами, маслом, яйцами и т.д.). От имени государства он реквизирует, добывает и покупал продовольствие, регулировал его ввоз и вывоз, устанавливал цены на продовольственные продукты, нормы выдач, организовывал хлебопекарни, мельницы и т.д., распределял продукты, надзирал за их надлежащим весом, и доброкачественностью, карал спекулянтов и т.п., наконец, регламентировал и контролировал весь товарообмен. Словом, как и наш «продком», монополизировал и «национализировал» почти все дело обеспечения населения продовольствием.

⁷³ Ковалевский М. Какими мерами итальянские республики боролись с голодом и нуждою // Помощь голодающим. М., 1892, с. 355.

⁷⁴ Там же, с. 361.

Регламентация была детальной. Например, поселяне принудительно прикреплялись к земледелию (за нарушение – кара), запрещалось уходить из поместья и менять профессию, определялся порядок обработки полей – время и количество вспашек и прополок («посевная кампания»), устанавливалось время доставки урожая в город (как и у нас время уплаты «продналога»), предписывалось везти в город и сдавать весь хлеб, кроме семян и прожиточной нормы (как и у нас), продажа могла происходить только публично и под контролем власти (иначе – кара), никому не позволялось покупать больше 4 корзин пшеницы и лишь один раз в две недели, налицо были «заградилочки», постоянные обыски, облавы, реквизиции и т.д., и т.д. – словом, картина, опять-таки знакомая нам по опыту⁷⁵.

С теми или иными изменениями, но по существу ту же самую картину мы наблюдаем во всей средневековой Европе, не обеспеченной продовольствием, часто голодающей и от голода вымирающей⁷⁶.

«Людам XIII и XIV столетий, – пишет М.М. Ковалевский, – так же трудно было понять то, что мы разумеем под свободой хлебной торговли, как нам усвоить себе представление (мы теперь это отлично усвоили! – П.С.), что земледельцы, мельники и булочники – слуги общественные, обязанные под присягой отправлять свои промыслы к общей пользе граждан и жертвовать личными интересами для блага общественного. А что так именно смотрели на них средневековые правительства – в этом легко убедиться из чтения любого из их законодательных памятников»⁷⁷. Так было в Англии, где акцизы на хлеб и пиво были введены в 1202 г. и с тех пор сохранялись в течение всего Средневековья⁷⁸. Так было и во Франции, где «с конца XIII в. ввиду часто повторяющихся неурожаев центральное правительство и городские муниципии считают своим долгом установить максимум хлебных цен, запретить вывоз хлеба за границу и строгими наказаниями предупредить возможность спекуляций со стороны скупщиков»⁷⁹.

⁷⁵ См.: там же, с. 358–369.

⁷⁶ Свободной торговли в нашем смысле здесь не было. Она ограничивалась сотнями способов: справедливой ценой, etc. «Деятельность посредников почти повсюду регламентировалась до мельчайших подробностей». Так же детально был регламентирован труд рабочего, его время, техника и т.д. «Понятие свободы труда было чуждо этому экономическому строю». Сам факт развития здесь гильдеизма, цехов, ассоциаций, корпораций, поглощавших личность, находится в связи с нашей «независимой» переменной. См.: Лависс Э., Рамбо А. Всеобщая история, т. II, с. 6, 11, 25, 29, 37, 43, 45. Любопытно, что в наши годы обнищания мы видим и в идеологии (гильдейский социализм, синдикализм), и на практике попытки возврата к реставрации Средневековья!

⁷⁷ Ковалевский М. Какими мерами итальянские республики боролись с голодом и нуждой, с. 352–353.

⁷⁸ Ковалевский М.М. Экономический рост Европы, т. II, с. 670–671; Эшли У. Экономическая история Англии, с. 20–21, 27–28.

⁷⁹ Ковалевский М. Какими мерами итальянские республики боролись с голодом и нуждой, с. 353.

Пока я ограничусь приведенными фактами, специально подобранными так, что они относятся к разным временам и разным странам.

Другие «модели» голодных агрегатов будут приведены ниже, при проверке нашей второй теоремы, подтверждение которой будет подтверждением и данной. На примере рассмотренных «моделей» мы видели, что наша теорема подтверждается.

Теперь обратимся к «моделям» сытых агрегатов, которые почти не знают массового голода, и посмотрим, действительно ли для них характерен меньший объем правительственной опеки, централизации, вмешательства в сферу продовольственных отношений. Действительно ли здесь автономия личности больше, права ее существенно шире, инициатива и самоопределение менее стеснены?

Здесь наша задача сравнительно проста. Примером таких (относительно) «сытых» обществ могут служить западноевропейские страны – Англия, Франция, Германия, а также США XIX в. и Япония после реформы. В этом столетии перечисленные страны не испытывали массового дефицитного голода. В течение этого века они богатели, уровень жизни масс поднимался, питание в общем и целом, по сравнению с предыдущими столетиями, улучшалось⁸⁰. Словом, они перестали быть «моделями» обществ, которым угрожает голод, а стали обществами, не знающими дефицитных голодовок.

Что же мы видим? Мы видим, что XIX в. для этих стран – век автономии личности *par excellence*^{31*}, век индивидуализма, небывалого развития индивидуальной почва, индивидуальной собственности, свободы торговли и промышленности. Словом, *век резкого падения правительственно-государственной опеки, регулирования, регламентации и централизации, во-первых, в деле обеспечения страны продовольствием, а во-вторых – в сфере торговли и всей социальной жизни вообще*. О государственной монополии на хлеб и продукты питания здесь нет и речи, ташировка цен отсутствует; производство, обмен и распределение продовольствия предоставлено целиком воле отдельных лиц, торговля свободна –

⁸⁰ См.: *Cauderlier E. L'évolution économique du XIX siècle*. Stuttgart, 1903, p. 73–74. Здесь представлена общая сводка улучшения питания и экономического благосостояния населения Англии, Франции, Бельгии и США в XIX в. *D'Avenel* говорит, что стол Карла IV едва ли был лучше, чем у современного парижанина средней руки (*D'Avenel. Le mécanisme de la vie moderne*. Paris, 1908, 1-е serie, p. 158–159). Об этом улучшении см.: для Англии – *Wood. Real Wages and the Standard of Comfort since 1850 // Journal of the Royal Statistical Society*. 1909, march, p. 102–103; *Wood. Some Statistics related to Working Class Progress since 1860 // Ibid.*, 1899, p. 639–666; *Bowley A. Wages in the United Kingdom in the nineteenth Century*. 1900; *Giffen. The Progress of the Working Classes // Essay in Finance. Second series*. London, 1890; для Франции – *Levasseur E. Histoire des classes ouvrières*. 1904, t. I–II; для Бельгии – *Engel E. Die Lebenskosten belgischer Arbeiterfamilien // Bulletin de l'Institut International de Statistique*, t. IX; для Германии – соответствующие главы в курсе Шмоллера. Общие сводки приведены в статистических словарях *Mulhall'*я и *Webb'*а. Подробная литература указана у С.И. Солнцева («Заработная плата как проблема распределения». СПб., 1911). Автор этой работы также не отрицает абсолютного улучшения положения масс в течение XIX в.

словом, яркая картина господства частных волей граждан, их автономии, расцветшей за счет сократившегося до минимума объема государственного регулирования в этой сфере⁸¹.

Эти факты настолько известны, что доказывать их излишне. Если и в этих странах в XX в., особенно в годы войны, были относительные повышения объема государственного вмешательства, то, во-первых, это – частные явления, во-вторых, как мы это увидим ниже, они имели место как раз в моменты усиления милитаризма и опасности голодания, в моменты продовольственного дефицита и ухудшения питания. Следовательно, даже эти частные колебания не подрывают, а красноречиво подтверждают нашу теорему.

Мало того. В этих странах государственная опека тем меньше, чем они богаче и обеспеченнее. Кому не известно, что первое место по «индивидуализму» и мизерному объему государственного вмешательства в поведение граждан, в общественную и экономическую жизнь занимают Англия и США. И кому не известно, что эти же страны – самые обеспеченные, обладающие наиболее высоким «уровнем жизни» трудовых масс, питающихся лучше, чем население остальных стран. Знаменательное совпадение. Как ни парадоксально покажется это на первый взгляд, но я склонен видеть в этом «индивидуализме» англосаксов функцию многих независимых переменных, среди которых почетное место занимает их наибольшая обеспеченность, в частности сытость. И наоборот. Россия ни в XIX, ни в XX вв. не вышла из положения «голодающего» агрегата. И не Россия ли была и остается страной, где объем вмешательства власти наибольший, где власть продолжает со всех сторон контролировать население, где нет и не было граждан, а были и остаются подданные, где власть наиболее деспотична,

⁸¹ То же самое мы видим и в Японии. В течение двух с половиной веков, начиная с XVII до середины XIX в. (период «великого мира» во время сёгуната Токугавы), Япония почти не воевала. Благодаря этому она – в силу отсутствия отрицательной селекции войны и сопровождающей ее разрухи – накопила силы и человеческие, и материальные. Следствием этого стал ее расцвет, самым ярким проявлением которого является европеизация Японии. И мы видим, как рука об руку растут, с одной стороны, свобода, индивидуализм, деэгатизация, а с другой – материальная обеспеченность и улучшение питания японцев. «Общий уровень жизни со времен реформы 60-х гг. XIX в. значительно повысился. Мясные магазины теперь имеются по всей стране – вещь, в прежние времена неизвестная, и рис, бывший раньше роскошью лишь для немногих, теперь стал доступен для всех. Раньше обладать большими средствами могло ограниченное число семейств. Теперь мы видим общее процветание и тенденцию к роскоши, неизвестную в прошлом. Жизнь крестьянина резко изменилась. Он стал обеспеченным и живет с комфортом, одевается в шелк, тогда как раньше не имел и бумажной ткани, ежедневно ест рис – раньше он едва ли знал его вкус». Раньше не было свободы – теперь он лично свободен, не было индивидуальности – теперь она налицо. От былого эгатизма осталось немного. Кривая его резко пала. Из эгатической Япония превратилась в индивидуально-капиталистическую, европейскую, великую державу, с конституцией, свободами, правами личности и т.д. (См.: *Hearn*. Op. cit.). Это ли не поразительный эксперимент истории, подтверждающий правильность моего тезиса!

автономии личности и ее неотъемлемых прав не было и нет – словом, где царил этатизм, а с ростом голода и войны в 1914–1921 гг. он поистине предстал во всем своем блеске. Совпадение тоже знаменательное! Наш этатизм (и прежний дореволюционный, и нынешний послеоктябрьский, представляющий собою прямое продолжение, «плоть от плоти и кость от кости» первого) – функция тех же двух причин: голода и милитаризма.

Правда, мне скажут: а не забываете ли вы о том, что XIX в. – век социализма? Не забываете ли вы о том, насколько возросла роль государства в XIX в.? Разве не известно, «что государство именно в XIX в. распространило свое влияние далеко за пределы обеспечения безопасности и теперь гораздо активнее, чем когда бы то ни было, вмешивается в сферу экономической жизни?» «Никогда еще государство не вело столь активной промышленной и торговой политики»⁸². А охрана труда? А страхование? А минимум заработной платы? А сокращение рабочего дня и забота об общественной гигиене и безопасности? А монополии государства: телефон, телеграф, почта, железные дороги, банки, сберегательные кассы? И т.д. Что все это, как не увеличение регулирующих функций государства? Можно ли повторять ошибку спенсерианства^{32*}, простительную в свое время, но не теперь?

Отвечаю. Во-первых, идеологию социализма и коммунизма оставим пока в стороне – она стара, как мир, и не является характерной особенностью XIX в. Во-вторых, меня интересует не идеология, а реальная жизнь. А она в XIX в. не совпадала с этой идеологией: социализм и коммунизм как были, так и остались идеологией, действительность же в XIX в. была индивидуалистически-капиталистической. В-третьих, ниже, в специальном параграфе, я подробно рассмотрю причины успеха и неуспеха (подъема и падения) социалистически-коммунистической идеологии в XIX в. Это рассмотрение покажет, что ее судьба вполне объяснима с развиваемой здесь точки зрения и не только не противоречит ей, но подтверждает ее.

Теперь замечание о спенсерианстве. Я не утверждаю, подобно Спенсеру и другим антиэтатистам, что в будущем функции государства отомрут (не утверждаю, подобно этатистам, и противоположного – что они разовьются еще сильнее). Никаких «исторических тенденций» я не устанавливаю. Я только говорю: если – *ceteris paribus* – голод усиливается, то кривая «принудительной этатизации» идет вверх, если голод ослабевает – она падает. Указанные выше «благополучные» страны в XIX в. перестали страдать от массового голода – согласно сформулированной теореме, кривая «принудительного этатизма» должна была пасть, и она пала. И только. Относительно же будущего мой тезис гласит: если при прочих равных условиях сытость агрегатов будет увеличиваться – этатизация и экономически-продовольственные функции государства будут уменьшать-

⁸² Bourguin M. Les systèmes socialistes. 1917, p. 275–276.

ся; если, наоборот, «сытость» будет уменьшаться, а опасность голода возрастать (как это было в годы войны), то произойдет увеличение и усиление регулирующих функций государства в области экономико-продовольственной. Положение это, как видим, принципиально отличается от «исторических законов», которые открывают и этатисты, и антиэтатисты. Произойдет ли в будущем рост благосостояния или, наоборот, усилится голод – этого я не знаю и потому не пророчествую; но зато я знаю, какие последствия будут в том и другом случае.

Перехожу теперь к возражению относительно возрастания регулирующей роли государства в XIX в., которое на первый взгляд кажется более серьезным. На самом деле оно наивно. Во-первых, в интересующей меня области продовольственных отношений, как было указано выше, XIX в. – век резкого сокращения экономико-продовольственных функций государства в «благополучных» агрегатах по сравнению с рассмотренными моделями обществ «голодающих». Это бесспорно.

Во-вторых, взятые в целом все регулирующие функции государства в XIX в. в этих странах ничтожны по сравнению с его функциями в тех же странах в былые времена, когда их население находилось под угрозой голода. Разве не выпали из области государственного регулирования целые сферы поведения граждан, которые раньше были строго регламентированы? Разве не достигнуты были именно в этот век свободы слова, печати, союзов, собраний, религии, раньше целиком регламентировавшиеся государством? Разве не в XIX в. личность обрела автономию, не существовавшую раньше? Разве, далее, не в XIX в. были обеспечены гарантии неприкосновенности личности, ставящие определенные и довольно узкие границы вмешательству власти в поведение индивида?

Все эти трюизмы можно было бы и не напоминать, если бы их не забывали господа этатисты, социалисты и милитаристы. Не иначе обстоит дело и в экономической сфере. Здесь указывают на охрану труда и общественной гигиены, контроль за продолжительностью рабочего дня, на почту, телеграф, телефон, железные дороги и другие монополии государства как на свидетельство увеличения роли государства.

О, да! Теперь государство редко вмешивается в спор рабочих и предпринимателей. Но неужели же забыли возражающие, что раньше оно не только вмешивалось в качестве третейского судьи, но само выступало предпринимателем, руководившим работой почти всех своих подданных, всецело определяло их status, их профессию, экономические условия их жизни, питание, одежду, брак, место жительства и т.д. Не была ли территория страны и ее население – вотчиной, собственностью власти, с которой она делала, что ей угодно? Не слишком углубляясь в историю, сравните с этой точки зрения Францию XIX в. с Францией времен Кольбера, Англию XIX в. – с Англией XIV–XVII вв., Германию XIX в. – с Пруссией Фридриха II или Германией средневековой. О сравнении с античны-

ми государствами я уж и не говорю. Они не уступят, а пожалуй, и превзойдут даже РСФСР, а не только «буржуазные» государства Запада в смысле этатизации и объема правительственного регулирования. Такое сравнение покажет весьма и весьма ощутимую разницу.

О, да! Теперь государство заботится о гигиене общества. Но разве и в прежние времена власть не выполняла эту функцию, когда боролась с эпидемиями, половыми болезнями и проституцией, когда заботилась об улучшении санитарных условий – в соответствии с достигнутым уровнем знаний? Кто сомневается в этом, пусть прочтет ряд религиозно-правовых сводов, начиная с Вед, Авесты, Корана, Законов Ману, Библии, Законов Хаммурапи и кончая полицейскими регламентами, предписаниями муниципальных властей и другими официальными документами XVI, XVII и XVIII вв. Ознакомившись с ними, он убедится, что правила соблюдения гигиены регламентировались в них столь дотошно, что даже определялись такие детали, как, например, горячим или холодным должно быть кушанье, с покрытой или непокрытой головой нужно его есть, обратиться лицом к северу или югу, когда и где человек может мочиться, обратиться к солнцу или против солнца, может ли он делать это на пепел, в загоне, против ветра и т.д.⁸³

Конечно, государство в XIX в. имеет ряд монополий, но эти монополии, кроме возникших недавно (телефон, телеграф, etc – да и то в ряде стран, как известно, немонополизированных), были и раньше монополиями власти (дороги, почта, etc). А сколько монополий было в ее руках, помимо них! Не все ли народное хозяйство рассмотренных этатических агрегатов управлялось властью? Говорят о страховании и социальном обеспечении. Но разве не было их в Афинах, где нуждающиеся получали по 2 обола^{33*} в день, в Риме, где, как мы знаем, почти все население жило на «казенный счет», у евреев, в Средние века и т.д.^{84?}

Словом, какую бы сторону регулирующей роли государства XIX в. мы ни взяли, она и раньше входила в круг ведения государственной (или иной) власти. Но кроме нее в круг государственного регулирования входило еще и множество других сторон жизни, ставших автономными в XIX в. В этом отношении объемы регулирующей функции государства и власти в прежних голодавших и воевавших агрегатах и в Англии, Америке, Франции и Германии XIX в. – несоизмеримы: современный, якобы небывало широкий объем государственного вмешательства – жалкий остаток былого объема.

Если в XIX и XX вв. он временами и расширялся, то именно в периоды войн и относительного голодания, т.е. в силу тех причин, которые, согласно нашему положению, являются родителями «принудительного этатизма».

⁸³ См., например: Законы Ману. Спб., 1913 (гл. 3, стихи 236–244; гл. 4, стихи 45–46) и курсы полицейского права, особенно старых полицейстов.

⁸⁴ См.: *Uhlhorn G., Münsterberg E. Geschichte der öffentlichen Armenpflege // Handwörterbuch der Staatswissenschaft. 1909, Bd. II, S. 6–30.*

Если впоследствии он не исчез совсем, то причиной тому – помимо войн – послужил рост имущественной дифференциации в XIX в., благодаря которому относительное голодание масс не исчезло и едва ли даже уменьшилось (в противоположность голоданию дефицитному)⁸⁵.

Повторяю, все это можно было бы не напоминать, если бы этот вздор относительно небывалого увеличения активной роли государства в XIX в. не был столь распространенным⁸⁶. XIX в. был в благополучных странах веком индивидуализма, роста автономии личности, падения опеки и регулирования со стороны власти, ослабления централизации и абсолютизации во всех областях жизни, в частности и в сфере экономико-продовольственных отношений.

В XIX в. голод этим странам угрожать перестал.

Таким образом, рассмотренные нами модели благополучных и сытых обществ подтверждают – с противоположной точки зрения – проверяемую теорему.

Перейдем теперь к проверке второй теоремы, подтверждение которой будет косвенным подтверждением первой, а правильность их обеих – подтверждением основного тезиса, утверждающего связь между голодом и принудительным этатизмом.

Но прежде я хочу еще раз подчеркнуть, что говорю здесь о росте и падении кривой принудительного этатизма *только* применительно к экономико-продовольственной сфере общественных отношений, хотя те же самые теоремы с небольшими изменениями могут быть применены и ко всей общественной жизни. В периоды ухудшения материального положения масс при неизменности имущественной дифференциации общества или при росте последней, но неизменности первого или – особенно – при обнищании масс и увеличении богатства верхов общества кривая принудительного этатизма, сопровождаемая всевозможными уравнительными социальными движениями или попытками провести те или иные уравнительные реформы, всегда поднимается вверх. Именно эти периоды являются эпохами революционно-уравнильно-этатическими. Причем для сути дела совершенно безразлично, кто именно – король или революционный вождь – осуществляет этот процесс этатизации. В ряде случаев мы видим, что эту роль берет на себя король (Агис, Клеомен, Кобад, некоторые фараоны, Петр I, Фридрих II,

⁸⁵ «Какова бы ни была степень благосостояния в современном обществе, распределение благ в нем совершается далеко не равномерно. В обществе процветающем и цивилизованном контраст этот весьма резок», – правильно констатирует Левассер (*Levasseur E. Histoire des classes ouvrières*, vol. II, p. 282–283). Данные о распределении доходов см.: *Kider. Répartition sociale de revenu // Bulletin l'Institut International de Statistique*, vol. XVII, № 1, p. 68–75; *Meyer E. Einkommen // Handwörterbuch der Staatswissenschaft*. 1909, Bd. XIII, S. 663–694; *Солнцев С.И.* Цит. соч., гл. 8–10; *Сорокин П.А.* Система социологии, т. II, с. 161–169, 406–420. Это наличие резкой имущественной дифференциации, несмотря на общий рост благосостояния, усиливает сравнительный пицетаксис и, как указано выше, вместе с неисчезнувшими войнами также ведет к «этатизации».

⁸⁶ Другое дело вопрос о том, в пользу каких групп и классов государство вмешивалось в жизнь общества в прошлом и вмешивается теперь. Но это совершенно иная проблема.

Наполеон, Диоклетиан), в других случаях ее исполняют революционеры. Но те и другие, сами того не зная, делают одно и то же дело. *Ducunt volentem fata, nolentem trahunt*^{34*}. Периоды противоположного характера, периоды «органические», спокойные, мирные, иначе говоря, периоды экономического процветания всего общества по самому существу своему антагонистичны всяким уравнилельно-этакическим реформам и движениям, которые не имеют в такие эпохи успеха и даже редко когда имеют место. Периоды экономической депрессии, бедности, упадка, особенно когда они сопровождаются обогащением небольшой части общества, суть эпохи уравнилельно-этакические и революционные. Это эпохи социальных бурь и катаклизмов, эпохи, когда принудительный этакизм, социализм и эгалитаризм^{35*} расцветают пышным цветом и пожинают богатую жатву. В истории народов мы все время наблюдаем ритмическую смену этих двух периодов, откуда следует, что ни этакисты, ни анархисты, усматривающие в истории какие-то прямые линии развития, не правы. Тем и другим непременно хочется найти желательные для них «тенденции», а история прекрасно может обойтись и обходится без них, «бесмысленно» шарахаясь из стороны в сторону. Это явление было замечено довольно давно, но попытки правильно его объяснить оказывались крайне неудачными и не схватывали сути дела. Кроме Сен-Симона^{36*}, в новое время такие попытки были сделаны Шмоллером и А. Вебером⁸⁷.

Этот закон колебания, взятый в целом, гораздо сложнее. Ведь существует связь не только между движением кривой материальной обеспеченности и этакизмом, но между обеднением и натуральным хозяйством, между последним и ростом принудительного регулирования, между ростом принудительного регулирования и ростом крепостничества и других форм несвободы и зависимости, между изменениями имущественного и объемно-правового строения социальной пирамиды и т.д. Словом, целый ряд сложных взаимозависимостей, которые до сих пор почти не исследованы. При таком подходе рушатся многие обычные схемы исторической эволюции (образцом коих в наши дни может служить «Русская история» Н.А. Рожкова с ее чисто искусственной схемой «стадий развития», одинаковых для всех народов, и насильственными втискиваниями в одну и ту же стадию совершенно разнородных социальных структур, например двухтысячелетнего периода истории Китая – в одну стадию феодализма, и т.д. Такое притягивание за волосы фактов и конструирование истории наподобие кадрили со сменяющимися друг друга в определенном порядке фигурами – абсолютно ничем не обосновано). Пока что все эти «законы стадий», начиная с контонских^{37*}, представляют собой плоды фантазии и ничего больше.

Здесь я ограничусь лишь тем, что прослежу связи между кривыми питания и этакизма. Точная формулировка и доказательство этих положений и теорем будут даны мною в последующих томах «Системы социологии».

⁸⁷ См.: *Schmoller G.* Die Einkommensverteilung in alter und neuer Zeit // Bulletin l'Institut International Statistique, vol. IX, 1, № 17, p. 4–9; *Weber A.* Le rythme du progrès. Paris. 1913.

Историческая проверка второй теоремы может быть проведена по отношению к *отдельным годам и малым периодам, являющимся годами быстрых и резких ухудшений питания населения агрегата, и по отношению к более или менее длительным периодам*, представляющим собой периоды растущего обеднения масс и упадка экономической жизни общества.

Так я и поступлю. Замечу только, что здесь волей-неволей придется ограничиться рядом эпох и отдельных периодов: иначе пришлось бы перебрать всю историю всех народов. Но чтобы яснее было, что сходные причины в сходных условиях вызывают сходные следствия, я нарочно возьму разные народы и разные периоды времени. Такой прием до известной степени заменит обозрение всей истории, непосильное по существу, да и ненужное по сути дела.

Прежде всего эту теорему можно было бы очень рельефно проверить *на судьбах социалистических и уравнилельных идеологий, их успехе и неуспехе, их заразительности в периоды массового голода и непопулярности в периоды сытости*. Но эту задачу я выполню позже. Пока же буду иметь дело не с идеологиями, а с реальными фактами «принудительного этатизирования» общественного строя в эпохи роста абсолютной и относительной бедности (дефицитного и относительного голодания).

Уже история *древних народов Востока* говорит нам об отдельных случаях подъема кривой принудительного этатизма в эпохи усиления голода. Библейское предание об Иосифе – один из таких примеров. При наступлении «семи тощих коров» (семи лет голода) Иосиф установил полную государственную монополию на хлеб. Воспользовавшись известной дороговизной в Египте, он не только все земли, за исключением церковных, обратил в собственность фараона, но даже свободных землевладельцев сделал его рабами, усилил принудительную организацию труда, организовал общественно-принудительные работы и т.д.⁸⁸

О росте принудительного этатизма в голодные годы свидетельствуют и такие факты, как усиление продовольственной централизации государства и сосредоточение у него всех продуктовых запасов, расширение объема государственных работ, введение всестороннего государственного контроля, бесплатного питания государством граждан и т.д.⁸⁹

Аналогичные факты имели место и в Вавилоне: устройство громадных складов зерна и раздача его во время голода; при Хаммурапи – расширение общественных работ, усиление барщины и трудовой повинности и т.д.

⁸⁸ Бытие 47, 20–21; *Рошер В.Г.* О хлебной торговле и мерах против дороговизны. Казань, 1857, с. 61; *Лешков В.Н.* Русский народ и государство. М., 1858, с. 557.

⁸⁹ Об этом свидетельствует ряд литературных памятников. «Когда страна испытывала нужду, я поддерживал город с помощью меры зерна и позволял гражданину брать для себя зерна, и его жене, вдове и сыну. Я сложил недоимки», – читаем в одном из них. «Я поддерживал Гебелен в неурожайные годы», – читаем в другом. «Когда наступили голодные годы, я вспахал все поля Антилоньяго нома» и т.д. (*Брэстед Д.* История Египта с древнейших времен до персидского завоевания. М., 1915, т. I, с. 168–169).

В ряде случаев, как мы видели выше, тот же процесс усиления этатизации (и коммунизации) осуществлялся путем социальных революций, национализировавших все и вся и доводивших опеку власти до предела. А революции, как было сказано, происходят в эпохи роста бедности и голода. Нечто подобное видим мы и в истории *Китая*. Здесь подъем кривой этатизации тоже совпадает с эпохами обеднения. Такие подъемы имели место, например, при падении династии Шан-Инь и начале династии Чжоу, во время Конфуция, при Ван Ань-ши, вызванных разными причинами⁹⁰.

Если взять эпоху расцвета всестороннего этатизма-коммунизма в Персии (обобществлялось не только достояние, но и женщины), наступившую после реформ, проведенных Маздаком при содействии царя Кобада, то и это опять-таки эпоха экономической разрухи и усиления голода, чем и объясняется успех этой недолговечной реформы⁹¹.

При таких же условиях происходили и более поздние вспышки аналогичных движений в мире ислама: маздакистов, Бабека, Бедредина в Турции и др. Ряд крайне этатических эпох, особенно в области экономики и продовольствия, имел место и в Индии, где, например, во время голода при Акбаре вся земля «национализировалась», у земледельцев все отбиралось, кроме семенного фонда и прожиточного минимума.

То же самое мы видим и в истории *Афин*. Здесь, как мы знаем, «этатизм» и без того был развит. Но его винт еще сильнее закручивался в годы неурожая и более острых голодовок. Доказательством тому служит институт *ситонии*^{38*}. Когда с появлением голода «цены не только на хлеб, но и на предметы первой необходимости возрастали и доходили до крайних пределов, тогда государство принимало специальные меры. Для борьбы с надвигавшимся голодом избирали особых уполномоченных – ситонов. Учреждение комиссии ситонов, носившей в древнем периоде временный характер, являлось в Афинах признаком уже наступившего голода, начала бедствия. Для борьбы с голодом ситоны покупали хлеб на средства государства и продавали его народу по дешевой цене. Запрещался вывоз продуктов из мест, застигнутых голодом. Иногда ситоны занимались частной благотворительностью и принимали меры по борьбе со спекуляцией». В ранние периоды истории Афин это был институт чрезвычайный, появляв-

⁹⁰ См. *Hirth*. The ancient History of China. 1908, p. 97–98. При Ван Ань-ши экономическое положение было чрезвычайно тяжелым. Социалистически-коммунистические опыты его реформ, пытавшиеся превратить государство в подобие РСФСР, – функция крайней бедности и голода. Вначале они имели успех, потом в силу печальных итогов народ от них отвернулся, и реформатор пал. См.: *Иванов А.И.* Ван Ань-ши и его реформы в XI в. СПб., 1909, с. 16, 20–24, 27–28, 42, 193.

⁹¹ «Нет собственности в мире, – учил Маздак. – Один только Бог – собственник. Нельзя говорить: это моя собственность, моя жена, моя дочь, мой сын». И все это осуществлялось на практике. См.: *Malcolm*. History of Persia, vol. I, p. 100, 104–105.

шийся именно в годы голода, институт, наделявший огромными полномочиями. «Институт ситонии был, по-видимому, очень распространен в Греции – мы имеем свидетельства о его существовании во многих городах-общинах древней Эллады»⁹². Таково общее свидетельство правильности нашей теоремы. Растет голод – растет и объем вмешательства власти, уменьшается автономия лиц, усиливается принудительное регулирование, уменьшается право собственности, появляется тенденция уравнилельно-деспотичного этатизма.

Это подтверждается и отдельными фактами. «Когда в Ольвии наступил голод... поднялась тревога. Ольвийские власти признали необходимым сделать запасы хлеба»⁹³. «В Лакедемонe в случае недостатка в съестных припасах каждый пользуется продуктами, получаемыми с местных полей»⁹⁴.

Но следует посмотреть на этот вопрос шире. Обеспечить людей продовольствием можно не только путем раздачи им последнего – это экстраординарное лекарство, – но в такой же мере путем предоставления им средств и орудий производства. В земледельческих странах главным средством производства является земля. Поэтому, согласно теореме, *повышение кривой принудительного этатизма при росте голода должно проявляться в таких странах в усилении борьбы за землю, в попытках ограничения прав ее владельцев, в росте «уравнилельных переделов», осуществляемых бедняками при поддержке или попустительстве «законной» или революционной власти.*

Такое предположение действительно подтверждается как историей Греции, так и историей других землевладельческих государств. В Спарте требования нового раздела земли впервые прозвучали в суровые времена второй Мессенской войны^{39*}. Это требование раздавалось со стороны разоренных войной граждан, которые теперь остались без хлеба⁹⁵. С VI в. до Р.Х., как известно, наступило обезземеление масс и ухудшение их положения. Это привело к тому, что «государственный и общественный интерес сосредоточился на... земельном вопросе»⁹⁶.

Обедневшая масса «требовала равномерного участия всех в обладании отечественной территорией. В данном случае мы впервые встречаемся с требованием “земля – народу” как лозунгом обездоленных»⁹⁷.

И мы видим, как совершается вмешательство власти в эту сферу: осуществляется целый ряд реформ, приписываемых Ликургу и Солону; земля объявляется общей собственностью, распределяется равномерными участками, устанавливается максимальный надел. Наряду с этим этатизация идет дальше: вводится

⁹² Новосадский Н.И. Цит. соч., с. 80–82.

⁹³ Там же, с. 84.

⁹⁴ Пельман Р. История античного коммунизма, с. 591.

⁹⁵ Там же. В стихотворении Гиртея «Добрый порядок» говорится, что «граждане, обедневшие вследствие войны, требовали передела земли» (там же, с. 597).

⁹⁶ Там же, с. 336.

⁹⁷ Там же, с. 360.

(Периандром) «трудовая повинность», учреждается контроль за тем, чтобы никто не расходовал больше, чем зарабатывает, аннулируются долги, в целях установления равенства вводятся железные деньги, конфискуются ценности и движимая собственность и т.д. Словом, мы наблюдаем резкий подъем правительственного регулирования и сопровождающего его уравнительного коммунизма.

После таких реформ временно наступало успокоение вплоть до нового экономического обеднения, когда та же самая история повторялась с вариациями снова.

Точно так же и в Афинах VI–V вв. до Р.Х. суть века обезземеления и обнищания народа. Эти же века были эрой появления «принудительного этатизма», широкого вмешательства власти во все сферы жизни, монополизации не только недвижимого, но и вообще всякого имущества вплоть до детей. Затем усиление этатизации вследствие резкого ухудшения продовольственного положения Афин при наличии имущественной дифференциации наступило после Пелопонесской войны и целого ряда социальных переворотов, в результате которых власть победителей – и демократов, и олигархов – до максимума расширила свои функции вмешательства. «Дележ стал постоянным учреждением в Афинах», а само государство стало, по словам Эсхина, похожим на товарищество или торгово-промышленную компанию, собирающую доходы и надзирающую за каждым шагом своих членов и за всем их поведением⁹⁸.

Сходное видим и в обедневшей Спарте III в. до Р.Х., где объем вмешательства власти (при Агисе, Клеомене, Набисе и их противниках) расширяется чрезвычайно: все национализируется и «обобществляется»⁹⁹.

По мере учащения таких переделов и «социализаций», по мере роста принудительного этатизма бедность все росла и росла, и кончилось все крахом и падением античных государств.

Такой же приблизительно параллелизм роста бедности и роста принудительного этатизма мы видим и в истории Рима.

И здесь раздача дарового или дешевого хлеба, монополизация продовольствия государством, переделы земель и абсолютизация власти в широком масштабе начинают проявляться во II–I вв. до Р.Х., т.е. эпоху обезземеления италийского крестьянства, образования в Риме огромного слоя голодного и плохо оплачиваемого пролетариата^{40*}, общего обеднения наряду с обогащением небольшой группы аристократии¹⁰⁰. И именно в эту эпоху резкого обеднения про-

⁹⁸ Потом эту всестороннюю опеку личности афинским государством Прудон приво-
дил как доказательство того, что «даже при самой совершенной демократии можно не быть
свободным» (*Прудон П.Ж.* Что такое собственность. СПб., 1907, с. 21).

⁹⁹ См. указанные работы G. Busolt'a, В. Niese, Р. Пельмана и др.

¹⁰⁰ Именно в этот период деревня «выбрасывала мелких землевладельцев с насижен-
ных мест... и везде, особенно в Риме, обострился в небывалых размерах продовольственный
вопрос» (*Ростовцев М.И.* Рождение Римской империи. Пг., 1918, с. 12–13).

водятся фрументарный и земельный законы братьев Гракхов^{41*} (123 и 133 гг. до Р.Х.)¹⁰¹, в эту эпоху раздаются требования «национализации земли», уравнивания имуществ (*aequatio bonorum*) и конфискаций (Гракхи, Сатурнии, Л. Друз, Рулл, Руф, Катилина); теми же Гракхами предпринимаются попытки организации грандиозных государственных работ и производств. В эту эпоху деспотизм начинает резко усиливаться, сначала появляются диктаторы вроде Суллы и Мария, потом – Цезарь и Август, что служит как бы пограничным столбом между республикой и монархией.

Римский «продком» все более и более монополизирует дело снабжения и продовольствия, пухнет, ширится, его органы растут; входят в норму «бесцеремонное отношение аграрных комиссий, распоряжающихся землей, к благоприобретенным правам и массовая насильственная передача имуществ из рук в руки»¹⁰². Грабежи, национализации и конфискации, производимые властителями (Марием, Суллой, Антонием, Помпеем, Цезарем, Августом) в пользу своих сторонников, становятся обычным бытовым явлением¹⁰³. Власть совершенно перестает считаться с правами граждан – и личными, и имущественными; бесцеремонно вмешивается, куда ей угодно, и плюет на все не устраивающие ее законы. *Civis romanus* и *status libertatis*^{42*} – фактически резко ограничиваются. Автономия поведения и пользования своими благами попадает в полную зависимость от власти. Последняя, эксплуатируя весь мир, время от времени бросает кость голодной черни, затыкает ей глотку то дешевым хлебом, то всевозможными раздачами по поводу и без повода. Пока сыт – державный плебс спокоен; чуть голоден – волнуется и грозит «коммунизацией» богатств самих властителей.

Словом, по мере обеднения пресс принудительного этатизма начинает завинчиваться сильнее и сильнее, и это завинчивание проявляется в десятках различных явлений, частично указанных выше.

В этом отношении эпоха конца республики весьма знаменательна; в ней, как мы только что видели, с момента ухудшения и обеднения параллельно шло и развитие принудительного этатизма.

Во время императоров в первые два века по Р.Х. опасность голода если не усиливалась, то и не исчезала вполне. Посему давление государственного пресси здесь если и не растет резко, то и не падает. Так как с I в. по Р.Х. Рим уже мало расширяет свои пределы, а с III в. начал даже терять некоторые территории, то с III в. наступает эра нового ухудшения материального положения. «Промышленность и торговля, лишенные безопасности, падали; земельные собственности – разорвались... Прибавьте к этому сплошную череду ужасных бедствий,

¹⁰¹ Подробности см.: *Виппер Р.Ю.* Очерки истории Римской империи. М., 1908, с. 47–48; *Пельман Р.* Цит. соч., с. 563, 574.

¹⁰² *Пельман Р.* Цит. соч., с. 572.

¹⁰³ Подробности см.: *Ростовцев М.И.* Рождение Римской империи, с. 21–22; *Ферреро Г.* Величие и падение Рима. М., 1915–1916, т. I–III.

наполнявших весь несчастный III в.; опустошительные эпидемии, ужаснейшие голодовки, все учащавшиеся нашествия опустошали население... и уменьшали доходы Империи; дань с целых провинций была потеряна». В итоге – «в течение III в. население... ницало со дня на день». «Голод обрушивался все чаще и чаще»¹⁰⁴. Словом, с III в. началось новое резкое ухудшение положения народных масс, а следовательно, и усиление голода.

И что же мы видим? Видим, что именно с III в. принудительный этатизм делает новый, небывалый скачок вверх. Пресс власти начинает давить сильнее и сильнее, опека и регулирование становятся универсальными, автономия личности падает до нуля, частная собственность и инициатива фактически исчезают; словом, уже к концу III в. (царствование Диоклетиана: 285–305 гг.) на месте Римского государства возникает близкое к предельному принудительно-этатическое общество.

Главнейшие проявления этого подъема принудительного коммунизма таковы:

1) Власть становится абсолютно неограниченной и деспотичной. Ее верховный носитель – божество. *Princeps legibus solutus est. Quod principi placuit – legis habet vigorem*^{43*}.

2) Полная централизация и всесторонняя опека населения и всей его деятельности.

3) Полная потеря свободы.

4) Государственное «плановое» хозяйство и уничтожение частной промышленности и торговли.

5) Фактическое уничтожение денежной системы.

6) Замена ее натуральными повинностями.

7) Система пайков для разных категорий населения.

8) Бесконечно возросшая армия чиновников.

Словом, все опекается, все регламентируется, все принудительно регулируется сверху.

Позволю себе привести выдержки, подробнее рисующие положение дела. «Все опекается и контролируется. Но для этого нужен *бесчисленный штат чиновников. Он и создается, но занимается преимущественно тем, что грабит и ворует, чем еще больше ухудшает положение.* Государству нужны *бесчисленные средства*, ибо его потребности растут. Нужны безумные суммы для удовлетворения капризов императора и его пышного двора, для забав и питания черни, на которую он опирается, для платы легионам, от которых он зависит. Прибавьте

¹⁰⁴ *Waltzing J.P.* Op. cit., vol. II, p. 263–264. См. также: *Seeck O.* Geschichte des Unterganges der Antiken Welt. Bd. I, S. 318–368; *Vanlaer.* La fin d'un peuple. 1895; *Dury.* Histoire de Roma, vol. VI, ch. XCV, p. 550–551. «По мере того, как варвары надвигались, римская торговля деградировала». «Земля обесплодилось...» «Голод стал вечной угрозой...» «Земледелие пало». «Промышленность – тоже». Ввоз рабов прекратился. «Только один класс пролетариев рос непрерывно» и т.д. Между тем концентрация богатств была чрезмерной.

к этому жалование армии чиновников и служащих, расходы на непрерывные войны – и экономическое положение будет ясно.

Работа населения и профессиональных корпораций, некогда бывших свободными, с Августа признанных публично-правовыми, но все же свободными, теперь стала обязательной и наследственной. *Corporati* и *collegiati* (члены «профсоюзов», по теперешней терминологии. – П.С.) *теперь (с III в.) принадлежат власти со всем своим достоянием*. Государство, взявшее на себя удовлетворение всех потребностей – публичных и частных, фатально приходит к необходимости закрепощения даже частного труда. Ремесленники и коммерсанты должны целиком отдаться своим ремеслам и торговле, как колон должен возделывать землю. *Империя превращается в обширную мастерскую, где под контролем толпы чиновников работают для императора, государства и частных лиц. Почти вся промышленность управляется государством; оно же распределяет, причем весьма неравномерно, и продукты. Члены корпораций (профсоюзов. – П.С.) уже не свободные личности, свободно работающие для прокормления своей семьи; это – рабы государства, содержимые им, подобно чиновникам, но довольно плохо и недостаточно. Хозяин земли и работы – государственная власть – оказывается буквальным воплощением теории Платона и как бы говорит подданным: Будучи законодателем, я не считаюсь ни с вами, ни с вашим имуществом как с чем-то вам принадлежащим; я рассматриваю вас и ваши семьи со всем имуществом как собственность государства. Это было воистину подлинной государственной организацией труда, где в руках государства находилось почти все производство и распределение богатств»¹⁰⁵.*

«Для гражданина, как и для государства, как с политической, так и с экономической точки зрения последствия оказались смертельными. Для граждан не было даже вопроса ни о правах индивидуальных, ни о свободе личности. Были только обязанности. Была одна цель – чтобы они лучше могли выполнять свои обязанности в пользу государства. Были нарушены священнейшие права личности, отняты важнейшие свободы. Право или политическая свобода – пустые слова. Прикованные почти неразрывными цепями к условиям своей жизни, заключенные в нечто вроде каст, открывающиеся только для входа, а не выхода, они (*collegiati* и *corporati*) не могли и думать о восхождении по социальной лестнице. Права гражданские и частные были конфискованы или, точнее, оставлены лишь настолько, насколько нужно было для облегчения их работы в пользу государства. Право собственности... не существовало или превратилось в нечто иллюзорное. Профессиональной свободы не стало. *Corporati* не могли выбирать род занятий, соответствующий их талантам, вкусам, призванию; они не могли работать там, где им хотелось бы, потому что были прикреплены к мастерской

¹⁰⁵ *Waltzing J.P. Op. cit., p. 480–482.*

или к городу; они не имели права устраиваться, где и как хотят. Они не имели свободы брака. Они не располагали даже своей личностью. Их жены и дети участвовали в их рабстве. Они и их дети – рабы и останутся рабами! Поистине этот режим у подвластных ему отнял все. И нельзя удивляться тому, что население из всех сил призывало варваров-освободителей. Но и ленивая и голодная толпа, для которой трудилось и страдало столько людей, не была более счастливой. Голод ей угрожал постоянно. Она часто восставала».

«Лучше ли выполнялись другие обязанности? Все эти чиновники, предназначенные для наполнения казны, для доставления роскошных одеяний двору, экипировки – армии, для снабжения городов и выполнения публичных работ, создали ли они то, что ожидали от организации столь жестокой и тиранической? Нет! Постоянно оказывалось, что все делаемое государством не было ни более успешным, ни более дешевым. Несмотря на бессердечную жестокость, всюду царствовал обман! Всяду контроль был недостаточен. Более того. Чиновники участвовали в обманах. Они разрушали государство взяточничеством, граждан – вымогательством. “Фиск – это разбойничество”, – говорит современник тех лет Сальвиан».

«Частный интерес был подавлен. Частное лицо было придавлено. Оно стало инертным. Частная инициатива испарилась. Государство предпринимало все, следовательно, частному лицу было нечего делать».

«И даже там, где царствовало принуждение, не хватало рук для работы. Закрепощенные крестьяне всюду страдали. Коллегии (профсоюзы) обезлюдели: их члены не женились, чтобы не дать жизнь несчастным. Вот результат этой универсально-государственной организации труда. Никогда не было администрации, более придирчивой и жестокой для населения и менее продуктивной для страны... Этот режим был основан на принуждении: всюду рука государства, всюду его тирания, всюду насилие удерживает или рекрутирует работников. Нигде нет ни частной инициативы, ни свободного труда».

«Никогда насилие не содействует продуктивности труда. Промышленный прогресс возможен только при свободе»¹⁰⁶.

Далее. «Диоклетиану пришлось решительно перейти к натурально-хозяйственной податной системе, уже до него нередко практиковавшейся, теперь же сделавшейся единственно возможным способом обеспечить необходимые для государства правительственные средства»¹⁰⁷.

«Все чиновники и служащие получали определенную сумму денег и определенный паек (*mercedem et cibaria ex aerario*). Придворные получали шелковую

¹⁰⁶ Ibid., S. 482–484.

¹⁰⁷ Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1917, с. 156–157.

одежду и пурпур. Правительство давало солдатам пищу, одежду, оружие, населению Рима – всякого рода продовольствие»¹⁰⁸.

Эти пайки, как уже отмечалось, были строго нормированы: для солдат они заключались в «определенном количестве хлеба, свинины, телятины, соли, вина, оливкового масла и уксуса. Поднявшись на более высокую ступень служебной лестницы, солдат получал две *annonae* (пайки). И офицеры получали *annonae*, причем количество их зависело от звания. Была установлена норма и для лошадей (*сарут*). Уже при Диоклетиане содержание натурой получали и гражданские чиновники»¹⁰⁹.

Dill говорит, что введена была почти восточная система каст, прикреплявшая всех – от сенатора до лодочника Тибра – к их профессии, регулировавшая всю жизнь каждого вплоть до брака, сделавшая профессии наследственными и т.д.^{110/44*}

В итоге – Римская империя погибла.

Если исследуемую связь проследить детальнее, то можно было бы увидеть, как в годы голода (например, в 20 и 18 гг. до Р. Х., в 5, 8 и 19 гг. по Р. Х., в 52 г. при Траяне) кривая этатизма делает скачки вверх.

Такая же судьба спустя несколько столетий, как известно, постигла и Византию, где тот же режим этатизма «убил в великой армии труда всякую свободу и личное достоинство. Различные ветви промышленности, которую здесь так ревниво охраняли, перекочевали постепенно на Запад, торговля падала; все больше иссякало богатство и ослаблялась сила сопротивления врагам, пока не наступила окончательная катастрофа»¹¹¹.

Из сказанного видно, что наша теорема историей Рима подтверждается вполне.

Подтверждается она и историей *Средних веков*. Появляется голод – и кривая этатизма в разных формах сразу делает скачки вверх. Буду краток. Разражается голод 792–793 гг. – и Карл Великий «на Франкфуртском Синоде впервые устанавливает строго фиксированные цены»¹¹². Голод 805 г. – и появляется приказ, по которому «никто свое продовольствие не может продавать дороже определенной цены», запрещаются вывоз и свободная торговля: «*ne foris imperium nostrum vendatur aliquid alimoniae*»^{45*}; а «так как эти таксированные цены были ниже свободных цен, то они могли быть введены только с применением сильнейшего насилия и принуждения»¹¹³. Далее, приказывается, чтобы во время голода «каждый епископ, аббат или аббатиса кормили четырех голодных, если не могут

¹⁰⁸ *Waltzing J.P.* Op. cit., S. 10–12.

¹⁰⁹ *Петрушевский Д.М.* Цит. соч., с. 67.

¹¹⁰ *Dill S.* Roman Society in the Last Days of the Western Empire, book III, ch. I.

¹¹¹ См.: *Безобразов П.* Очерки византийской культуры. СПб., 1919.

¹¹² *Curschmann F.* Op. cit., S. 71.

¹¹³ *Ibid.*, S. 71–75.

четырёх, то одного, двух или трёх». То же самое предписывается и всем держателям королевских бенефиций^{46*}. Ограничивается свобода договоров и сделок и т.д., словом, с ростом голода растёт и принудительный этатизм, проявляясь в десятках различных форм государственного вмешательства в жизнь граждан и экономико-продовольственные взаимоотношения¹¹⁴.

Нечто аналогичное происходило и при других голодовках средневековья: таксировка цен, ограничение свободной торговли, регулирование ввоза и вывоза, даровая раздача хлеба или дешёвая его распродажа, конфискация запасов у богатей и их раздел между бедными, обыски и реквизиции, установление максимума запасов, которые могут иметь граждане, отбирание излишков, регулирование посевов, величины выпекаемых хлебов и т. д. и т. д. – все эти виды вмешательства власти и сокращения автономии граждан – обычное явление во время голода¹¹⁵. Производство и обмен, распределение и потребление в такие периоды начинают в гораздо большей мере регулироваться сверху. В силу постоянной угрозы голода в Средние века эта регламентация и так была достаточно развита. В годы голодовок она ещё более усиливается. Пришлось бы долго и нудно перечислять отдельные годы и даты. Ограничусь немногими фактами, отсылая за подробностями к указываемым работам. В Англии в 1201–1202 гг. был сильный голод, а в 1202 г. – впервые введены акцизы на хлеб и пиво¹¹⁶. Рост принудительного этатизма далее обнаруживается во время голода 1483, 1512, 1521, 1586 и др. гг.¹¹⁷ С развитием торговли, с началом господства над морями, с того времени, когда Англия обеспечила себя хлебом колоний (с XVII в.), когда постоянная угроза голода исчезает, отмирают и эти меры, воцаряются свобода торговли и саморегулирование, падает и кривая принудительного этатизма. Позднее она неоднократно поднимается вверх, но как раз в те годы, когда возрастает угроза голода (например в годы континентальной блокады^{47*} и наполеоновских войн).

Такой же параллелизм движения кривой голода и кривой принудительного этатизма видим мы и в истории Франции. Прежде всего, и здесь основные регулирующие экономико-продовольственные отношения регламенты появляются в годы голодовок (эдикты 1304–1305 гг. Франциска I, постановление 1565 и королевские орданансы 1567, 1577 гг., приказы парижского прево^{48*} 1391, 1591, 1635 гг., постановление парижского парламента 1662 г., ряд мер регламентации в 1662, 1684, 1693, 1699, 1709 и др. гг.¹¹⁸ Усиливается голод – растут и прину-

¹¹⁴ Ibid.

¹¹⁵ Ibid., S. 74–75.

¹¹⁶ Ковалевский М.М. Экономический рост Европы. М., 1903, т. III, с. 22.

¹¹⁷ Эшли У. Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. М, 1897, с. 287–291, 297–311; Schanz. Englische Handelspolitik gegen Ende des Mittelalters. 1881.

¹¹⁸ См.: Афанасьев. Условия хлебной торговли во Франции в XVIII веке. Одесса, 1892, с. 1–3; Araskhanianz. Die französische Getreidehandelspolitik bis Zum Jahre 1789 // Staats und Socialwissenschaft Forschungen (изд. Шмоллером). 1882, Bd. 4, Heft 3, S. 10–12; Biollay. Études economique sur le XVIII Sleclu 1885, p. 35.

дительное вмешательство и регламентация. Падает голод – ослабляются и последние. «Сколько нам ни приходилось читать официальную переписку (властей о хлебной торговле), мы всегда могли заметить, что она (а равно и меры регламентации) оживлялась во времена дороговизны и неурожая и замирала, когда урожай был хорош, когда народное продовольствие не вызывало забот правительства. В эти последние периоды правительство не настаивало на исполнении хлебных регламентов и последние не исполнялись во всей точности... Когда хлеб бывал дешев, на закононарушения смотрели сквозь пальцы... При голодовках же строгость предписаний усиливалась»¹¹⁹.

В такие периоды все обычные формы вмешательства власти, давление ее принудительного пресса усиливались. Обыски и реквизиции с помощью «продотрядов» становились нормой. Излишки запасов отбирались. Таксировка цен была обычным делом. До деталей регламентировались торговля и рынок; вводились пайки, дешевая продажа хлеба государством; устанавливались общественные запашки (подобие «колхозов»), правительство регулировало посевные кампании и т.д.¹²⁰ «При всяком подъеме цен власти устремляли подозрительный взгляд на земледельца и принимали меры к тому, чтобы заставить его снабжать рынок». Как и при предыдущих голодовках, в голод 1693 г. «предписывается ежемесячная проверка запасов хлеба, и те, у кого на руках хлеб, обязаны объявлять, куда они девали недостающее количество; в случае, если окажется, что они не посылали на рынок предписанного количества, они приговаривались к штрафу (в двойном размере)...». Ослабляется голод – давление пресса падает. Усиливается он снова, например в 1708 г., и снова «из арсенала вынимаются все распоряжения, касающиеся хлебного дела». Вводится во всей строгости ордонанс 1577 г., предписывающий «властям открывать амбары и обязывать везти хлеб на рынок», учитывать его, причем «они не должны стесняться отсутствием хозяев и могут выламывать двери амбаров», комиссары «распределяют между рынками землевладельцев и назначают количество хлеба, которое каждый из них должен доставить на указанный рынок (по таксе), а также и время, когда хлеб должен быть доставлен» и т.д.¹²¹

Эта причинная зависимость особенно рельефно проявляется тогда, когда во главе всей экономической политики государства оказываются принципиальные противники государственного вмешательства. Примером может быть Тюрго. В 1774 г. он издает эдикт о полной свободе торговли. Но неурожай 1774–1775 гг.

¹¹⁹ Афанасьев. Цит. соч., с. 8, 17, 2–4. См. также: Гуго К. Социализм во Франции в XVII–XVIII вв. // Предшественники новейшего социализма. СПб., 1907, т. II. с. 301–303; de Tocqueville A. L'Ancien Regime et la revolution. 1887, p. 281.

¹²⁰ Подробности см. в указанных работах Рошера, Эшли, Афанасьева, Schanz'a, Araskhanianz'a, Ковалевского. См. также: Цитович. О голодах в Западной Европе; Clément P. La police sous Louis XIV. 1866.

¹²¹ Афанасьев. Цит. соч., с. 2–3, 5, 8, 144–148, 155, 158; Tocqueville A. Op. cit., p. 281.

очень быстро сводит эту свободу на нет и заставляет самого Тюрго принять ряд регулирующих мер (премии за ввоз хлеба, оставление в силе запретов вывоза и т.д.). Эдикт 1774 г. остается на бумаге. То же самое повторилось и при Неккере, Дюпон де Немуре и даже при Национальном собрании. Последнее декретирует 29 августа 1789 г. свободную торговлю и подтверждает ее в 1790 г. Но напрасно! Голод в эти годы растет, и закон остается на бумаге. Люди предполагают, а судьба располагает! Юридические декреты аннулируются декретами необходимости¹²². *Pia desideria*^{49*} свободной торговли продолжаются в первые годы революции (с 1789 г. по 30 сентября 1791 г. было не менее пяти эдиктов, подтверждающих ее). Но увы! В силу голода они были обречены на бездействие; «в действительности этой свободы не существовало и эдикты не исполнялись»¹²³. Рост сильнейшего голода с 1788–1789 гг.¹²⁴ влечет за собой *de facto* и рост принудительного этатизма, завершившийся, как известно, законом о максимуме 3 мая 1793 г., законом 29 сентября 1793 г. и всей практикой якобинцев, доведших принудительный этатизм до высшего давления. Отчасти и *de jure*, а главное фактически в период диктатуры якобинцев объем вмешательства власти расширился беспредельно, личные и имущественные права граждан были сведены на нет, их автономия тоже, собственность – фактически – была уничтожена, конфискации, реквизиции и секвестрации стали правилом, коммунизации и национализации – нормой, государственная власть все опекает, все регулирует, во все вмешивается, не оставляет автономии даже в области мышления и верований, брака и эстетических вкусов. «Вмешательство государственной власти во все области частной жизни, давление ее, производимое на труд, обмен и собственность, на семью и воспитание, на религию, нравы и чувства, принесение частных лиц в жертву обществу – такова программа и практика якобинцев»¹²⁵.

Хотя 23 декабря 1794 г. закон о максимуме отменяется (отчасти потому, что все было уже уравнено и национализировано и больше нечего было захватывать,

¹²² См.: *Афанасьев*. Цит. соч., с. 299–300, 370–371; *Афанасьев*. Исторические и экономические статьи, т. I, с. 357, 363, 394–398, 439, 353–440. Я говорю здесь о росте этатизма под влиянием голода только в продовольственной области, но рост его здесь неизбежно вызывал его рост и в других областях общественной жизни. Рост централизации, бюрократизации, деспотизации власти, падение автономии лиц и общин, короче говоря – рост принудительного этатизма во Франции, проявляющийся особенно сильно в XVII и XVIII вв., происходил не без влияния голода (и других факторов, главным образом – войны). Французская революция, по верному мнению Токвиля, только окончательно завершила этот процесс. См.: *Tocqueville A.* Op. cit., p. 38–40, 49, 63–64, 110–111, 162, 242–243, 277–278, 383–384, 442.

¹²³ *Zolla*. La crise des subsistances sous la Revolutions // *Revue des deux Mondes*. 1 декабря 1915 г.

¹²⁴ См.: *Тарле Е.В.* Рабочий класс во Франции в эпоху революции, ч. I–II.

¹²⁵ См.: *Taine H.* Les origines de la France contemporaine. 1885, vol. III, p. 120–121, гл. I–II второй книги, p. 370–372, 461–550. См. также: *Кропоткин П.А.* Великая французская революция. М., 1919, с. 434–442; *Zolla*. Op. cit.

т.е. в силу падения имущественной дифференциации), но фактически – в силу продолжающегося голода – вмешательство государства уменьшается мало¹²⁶.

Такие же подъемы и понижения кривой принудительного этатизма в связи с движением нашей «независимой переменной» мы видим и позже, при Наполеоне, когда в силу той же причины плюс войн принудительный этатизм стоял высоко и «полнейшим произволом отличалось его вмешательство в экономическую жизнь страны»¹²⁷; вся страна стала «казармой». Далее эти подъемы этатизма мы видим в 1812, 1817, 1837, 1848 и в 1871 гг. – в годы неурожая, кризисов и усиления голода¹²⁸. Наконец, то же самое произошло и в 1914–1918 гг. – в связи с войной и обострением продовольственного вопроса.

Ту же связь можно проследить и на истории нашего отечества. В годы роста голода (*ceteris paribus*) при наличии имущественной дифференциации и у нас в той или иной форме возрастал принудительный этатизм. Проявлениями подъема последнего служили и служат следующие социально-экономические процессы.

1) *Усиливалось правительственное регулирование ввоза и вывоза продовольствия*. В древности «без княжеского дозволения вывоз хлебов за рубеж не был во власти торговцев при неурожае в самой Руси». Так было, например, в 1279, 1452 и 1650 гг., когда псковитяне «заповедаша не продавать за рубеж ржи и никакого обилия». При Петре заграничный отпуск хлеба постановлено разрешать лишь в том случае, если хлеб в Московской губернии будет стоить ниже рубля, а когда выше – то отпуску за море не быть. То же самое было при Екатерине и повторялось в голодных областях в 1798–1802, 1803–1805–1806, 1812, а затем – в 1839, 1833–1834, 1848, 1854–1855, 1891–1892 и 1905–1906 гг.¹²⁹, повторяется это и в наши дни.

2) *Устанавливались властью цены на хлеб и продовольствие (таксы)*. Так, во время голода 1601–1602 гг. Борис Годунов установил «хлебную цену одну: купити и продавати ржи четь по полтине, овса четь – в полполтины, ячменя четь – в четыре гривны». Сходное повторялось при Василии Шуйском, Алексее Михайловиче, при Петре, Екатерине и в более поздние времена. Например, в голод 1833–1834 гг. правительство основную свою задачу видело в поддержании умеренных цен на хлеб¹³⁰.

¹²⁶ Taine H. Op. cit., p. 516–550.

¹²⁷ Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. СПб., 1894, т. IV, с. 193, 135–136.

¹²⁸ См.: *Levasseur E. Histoire des classes ouvrieres*. 1904, vol. II, p. 285–286, 337–338.

¹²⁹ См.: *Ермолов А.* Наши неурожаи и продовольственный вопрос. СПб., 1909, ч. I, с. 8, 14, 27, 55, 104–105; *Романович-Славатинский А.В.* Голода в России. Киев, 1892, с. 47–48, 56; *Лешков В.Н.* Русский народ и государство. М., 1858, с. 470, 487; *Куриц Б.* Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям Родэса. М., 1915, с. 22–23.

¹³⁰ См.: *Ермолов А.* Цит. соч.; *Лешков В.Н.* Цит. соч., с. 481–483; *Платонов С.Ф.* Московский голод 1601–1603 гг. // Артельное дело. 1921, № 9–16; *Романович-Славатинский А.В.* Цит. соч., с. 38, 56.

3) Властью принимался ряд различных принудительных мер, как-то: принуждение объявлять количество запасов продовольствия, учет их, установление их максимума, принуждение везти их на рынок, определение максимума покупок, реквизиция хлеба и продовольствия и другие ограничения права собственности, обыски, наложение наказаний за нарушения регламентов и другие меры вмешательства власти в регулирование продовольственно-экономических условий.

Такие меры практиковались и до голода 1601–1603 гг. В эти же годы предписано было произвести опись запасов и «отобрать хлеб у лиц, которые их утаят», «духовенству и боярам приказано вывозить хлеб на продажу и продавать его по дешевой цене»¹³¹. «За скупщиками велено было следить и сыскивать и их запасы. Скупка и вывоз хлеба запрещались, найденные запасы переписывались, и их велено было продавать всяким людям врознь, понемногу». Спекулянтов, воров-скупщиков велено было «бити кнутьем» и «метать в тюрьму». Запрещалось пиво и винокурение и т.д.¹³² «Градским же законом», т.е. принуждением, действовал и Василий Шуйский, принимая такие же меры¹³³. При Алексее Михайловиче, как увидим ниже, эти меры практиковались в изобилии и этатизм поднялся до монополии на хлеб¹³⁴. То же самое повторяется при Петре в годы голода. «Так как в неурожайные годы многие мрут с голоду, – говорит указ 1723 г., – того ради надлежит ныне иметь менаж, дабы неимущих пропитать, и потому... описать у зажиточных лишний хлеб и вычислить, сколько нужно им самим для домашнего обихода, остальной раздать неимущим». Практикуется «посевная кампания», «чтобы крестьяне сеяли хлеба более», «дабы они под сев землю хорошенько снабдевали», дабы помещики кормили крестьян, иначе у не кормящих имения отбираются в казну и т.д.¹³⁵

Эта система была введена указом 1734 г., подтверждена указом 1749 г., усилена в 1750 г. При Бироне строгости дошли до того, что за утайку хлеба грозили смертной казнью. Такие же меры – от имени ли центральной власти или от имени властей местных – практиковались и при позднейших голодовках. Еще в 1891–1892 гг. в ряде мест «производилась перепись запасов хлеба у частных лиц», «воспрещалась его продажа без разрешения, земские начальники делали повальные обыски крестьянских изб и амбаров» и т.д.¹³⁶ То же самое в громадном масштабе повторилось и в 1916–1921 гг.

¹³¹ Ермолов А. Цит. соч.; Романович-Славатинский А.В. Цит. соч., с. 47; Лешков В.Н. Цит. соч., с. 482.

¹³² Платонов С.Ф. Цит. соч., с. 4–5.

¹³³ Лешков В.Н. Цит. соч., с. 483, 490.

¹³⁴ См.: Ермолов А. Цит. соч., с. 11–13; Лешков В.Н. Цит. соч., с. 492–494.

¹³⁵ Лешков В.Н. Цит. соч., с. 494–495; Ермолов А. Цит. соч., с. 14–16; Романович-Славатинский А.В. Цит. соч., с. 61.

¹³⁶ Лешков В.Н. Цит. соч., с. 496–497; Ермолов А. Цит. соч., с. 105, 110.

4) *Государство пыталось продавать продовольствие по дешевой цене или давать его даром («бесплатное питание»).*

Это опять-таки обычное явление при голодовках, говорящее о том же росте принудительного этатизма. Оно имело место при голоде 1601–1603 гг. («царская милостыня»), при Василии Шуйском, в 1674 и 1682 гг.; то же самое в виде даровых ссуд, натуральной и денежной помощи, устройства бесплатных столовых, питательных пунктов и т.п. практиковалось и позже, вплоть до наших дней¹³⁷.

5) *Государство организовывало общественно-государственные работы.* В годы голода – это явление общее, и в прошлом, и теперь¹³⁸.

6) *Устраивались общественные запашки и «коммуны»:* «совхозы» и «колхозы» не новы. Еще по указу 1827 г. была учреждена общественная запашка полей, которые удобрялись, обрабатывались и убирались по наряду, всем миром, под надзором особого агента. Этой мерой высокопоставленные прожектеры того времени надеялись достигнуть чудес. В голодный 1834 г. бюрократы предлагают организовать такие работы в огромном масштабе. Благодаря отрицательному отзыву ряда учреждений предложение это отклоняется; по отзыву графа Киселева, общественные запашки существовали в то время в 34 губерниях, занимая 91 тыс. десятин земли. После голода 1840 г. вопрос снова поднимается, и граф Перовский пытается рьяно насаждать их, но обязательное распространение их отклоняется ввиду их бесполезности¹³⁹.

Все эти явления, возникавшие при крупных голодовках и представлявшие разные проявления принудительного этатизма, снова говорят о том, что: 1) сходные причины в сходных условиях порождают сходные следствия; 2) усиление голода при указанных условиях ведет к усилению принудительного этатизма.

Если же развернуть подробнее те меры, которые кроются под схематически указанными рубриками, то картина роста этатизма станет более резкой и четкой. Это можно сделать, взяв какую-нибудь голодную эпоху в нашей истории. В качестве примера можно взять время Алексея Михайловича и Петра. Я остановлюсь подробнее на первом.

Царствование Алексея Михайловича – эпоха длительного страшного голода и недоедания. Страна недавно вышла из смуты. Война и армия «в конец заедали казну». Сильнейшие неурожаи, спекуляция, взяточничество и т.д. усиливали бедствие. «Экономическое положение народа было очень тяжелым»; люди думали: «весь мир качается» и «ходить всем по колено в крови»¹⁴⁰. На этой почве

¹³⁷ См.: Ермолов А. Цит. соч., с. 12, 20, 119.

¹³⁸ См.: Ермолов А. Цит. соч.

¹³⁹ Ермолов А. Цит. соч., с. 42, 43, 59–64; Романович-Славатинский А.В. Цит. соч., с. 65–66.

¹⁴⁰ Ключевский В.О. Курс русской истории. 1918, т. III, с. 270–273 и лекции LI–LII; Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. Пг., 1917, с. 352–367.

возникало множество волнений, и мелких, и крупных (мятежи 1648, 1650, 1662, 1670–1671 и др. гг.). Следствиями такого положения дел были эмиграция, вымирание населения, войны и т.д. Одним из них было и повышение кривой принудительного этатизма. В экономико-продовольственной области оно выразилось в следующем:

1) *В монополии государства на хлеб и другие предметы первой и второй необходимости.* По словам посланника того времени Родэса, хлеб «принадлежит их Царскому величеству, и абсолютно ни одному частному лицу не дозволяется им торговать»¹⁴¹.

2) *В существовании разверстки и раскладки сверху,* определявшей, сколько зерна, крупы, толокна и т. д. должна доставить та или иная волость, область и т.д. Например, один из «продагентов» доносит государю: «По твоему, великий государь, указу я, холоп твой, с таличан (по 3 четверика ржи, по 3 – овса со всяких людей) хлеб собрал (устроил в житницы государевы и целовальника приставил) и... тот хлеб приказал беречь до твоего, великий государь, указу»¹⁴².

3) *В принудительной реквизиции, если разверстка и «продналог» не выполнялись.* Представление об этом дает донесение «продкомиссара» Маслова о том, что мещане всяких чинов оказались непослушны, «четверикового хлеба в город не везут, а градские люди не платят». Власть снова приказывает ему «четвериковый хлеб собирать с радением и неоплошно. А ослушникам, которые чинятся непослушны, чинил бы наказание, вместо кнута бил батоги нещадно, чтобы тому хлебному сбору ни малого матчания ни зачем не было, да о том к нам, великому государю, писал в разряд». Имелись «продотряды» – пушкари и рассыльщики¹⁴³ и т.д.

4) *В производстве своего хлеба государством на «десятинных пашинях».* Здесь он сеялся, снимался, учитывался и т.д. прямыми агентами власти¹⁴⁴.

5) *В регулировании путем принудительных мер посева и увеличения урожая.* (Современная «посевная кампания» и «принуждение с убеждением».) Пример. Из приказа пишут стольнику Яропкину. «Как к тебе сия наша грамота придет... ты бы тем всем людям (жителям Карпова) велел... указные земли пахать и хлеб сеять. А которые люди учнут ослушаться... ты бы тем велел пахать и сеять в неволю и с наказанием. А которые люди скудные (и семян не имеют)... ты бы

¹⁴¹ Куриц Б. Цит. соч., с. 159; там же см. подробности.

¹⁴² См. материалы и дела приказов, изданные Н.Я. Новомбергским: «Очерки внутреннего управления в Московской Руси XVII столетия. Продовольственное строение. Материалы. Томск, 1914, №№ 55, 105, 286, 281, 251, 243, 292 и др.» Из этих приказных дел рисуется очень интересная – до деталей – картина продовольственного строения того времени. К ним я и отсылаю читателя.

¹⁴³ Там же, № 112. См. также №№ 292, 75, 112, 113, 377 и др.

¹⁴⁴ Там же, №№ 2, 3, 577, 211–213 и др.

тем на семена давал яровой хлеб из наших житниц». Далее приказывается ему накрепко смотреть, чтобы пахали, удобряли и сеяли хорошо. В другой грамоте комиссару дается нагоняй за то, что «белгородцы нашу пашню пашут не вовремя твоим нерадением и оплошкою», и приказывается: «велел ты есмь над сошными людьми смотреть и беречь накрепко. Да и сам бы еси надсматривал, чтобы упыхивали и боронили мягко и хлеб сеяли и молотили вовремя, чтобы он не обронился и не прогнил» и т.д.¹⁴⁵

6) *В хранении в государственных житницах собранного и реквизируемого хлеба, в точной государственной отчетности и контроле, в распределении хлеба самим государством: куда перевезти, кому отдать, сколько продать или купить, почем и т.д.*¹⁴⁶

7) *В государственном снабжении служащих и в системе пайков*¹⁴⁷.

8) *В твердых ценах на хлеб («указная цена»).*

9) *В кредитных операциях государства с хлебом, выдававшимся часто в долг нуждающимся.* Причем государство часто дает дрянь, а берет сухой и хороший хлеб. Власть, например, хвалит воеводу Колюбакина за то, что он «329 чети слеглых круп и толочна» короточаянам роздал, «а за те же крупы и толочко то же число взял с них рожью. И мы, великий государь, за то твое радение жалуем тебя, милостиво похваляем»¹⁴⁸.

Словом, налицо полное государственное «плановое» хозяйство. Частной воле и усмотрению нет места¹⁴⁹.

Принудительный этатизм, однако, шел здесь еще дальше. «Их величество монополизировал торговлю шелком, ревенем, солью, рыбой, мехами, табаком, ювелирными вещами» и т.д. Имелся институт, подобный современному «Внешторгу»¹⁵⁰. Летописец жалуется: «Цена невольная и купля нелюбовная, и во всем скорбь великая, и вражда несказанная, и всей земли ни купити, ни продати не сметь никому же помимо (власти)»¹⁵¹.

¹⁴⁵ Там же, № 208; см. №№ 5, 7, 215–216, 227, 208, 575 и др.

¹⁴⁶ Там же №№ 584–585, 547, 252, 541, 400, 301, 452, 225, 227, 597, 588 и др.

¹⁴⁷ Например, дьякону Петру в Белгороде «велели дать нашего жалованья, руги [содержания] 5 рублей на год. 5 четвериков ржи, 5 четвериков овса из наших житниц» и т.д. См. №№ 47, 359, 365, 6, 49, 504, 221, 406 и др.

¹⁴⁸ Там же, № 309.

¹⁴⁹ Причем все это делалось с обычными злоупотреблениями. Реквизиторы напивались пьяными, занимались вымогательством и т.д. Подьячий Конон Иванов, собиравший налог, «днем и ночью пьян, на кабаке беспрестанно и... напився, крестьян и людей мучит из своих взяток. И со многих взятки берет и с съезжего двора не отпускает в дома их и по вся дни посылает за ними, и взяв с них взятки отпускает. А с иных допроса (хлеб и деньги) отписей не дает, а их волочит из своих же взяток». К тому же хлеб часто гнил в государственных житницах. См. №№ 466, 254, 263, 278, 218 и др.

¹⁵⁰ См.: Куриц Б. Цит. соч., с. 151–207.

¹⁵¹ Ключевский В.О. Курс русской истории, т. III. с. 297.

Это «завинчивание» принудительно-государственного пресса вело далее к «завинчиванию» и всей общественной жизни (в связи с войнами). Вся страна оказалась милитаризованной. Свобода и автономия общества пали. «Эта свобода крайне затрудняла правительство и противоречила его стремлению, потом проведенному в Уложении, всех привлечь к работе на государство и строго регулировать народный труд в интересах казны. Отсюда – определение всем сверху службы и тягла (как и в Риме – *П.С.*), наследственное прикрепление к ним, т.е. рост опеки и жертва общества в пользу государства»¹⁵². Этот рост этатизма выразился: «в отмене урочных лет для беглых и в окончательном прикреплении их к земле», в закреплении посадского населения, во взятии закладчиков в тяжелое государственное тягло, в обособлении и прикреплении к службе служилого сословия, в падении земских соборов и в росте бесконтрольности власти, которая «ищет опоры уже не в земских соборах, а в собственных исполнительных органах: начинается бюрократизация управления, торжествует “приказное” начало». Воцаряется, по выражению Крижанича, «неумеренность власти»¹⁵³.

Такой же, но еще, пожалуй, более резкий подъем принудительного этатизма в связи с голодами (и войной) мы имеем при Петре. Здесь опека души и тела граждан была всесторонней. Голодание населения – отчаянным. Словом, совпадение, указываемое теоремой, мы встречаем и здесь¹⁵⁴.

Наконец, красноречивейшее свидетельство проверяемой теореме дают последние годы. С началом войны в 1914 г. продовольственное положение всех воюющих держав стало более затруднительным. Чем дольше длилась война, тем продовольственный кризис становился острее. Параллельно с обострением последнего поднималась и кривая принудительного этатизма во всех воюющих, а затем и в ряде нейтральных государств. И она поднялась всего выше в тех странах, где продовольственное положение стало всего хуже. В Англии очень скоро после начала войны ввиду возникшей угрозы голода (от перерыва сношений и уменьшения подвоза) учреждается Committee on Food Supplies^{50*}: его функции постепенно расширяются; в 1916 г. появляется уже The Royal Commission on Wheat Supplies^{51*}, 26 декабря 1916 г. проходит билль о продовольственном контроле. В итоге «в течение войны промышленность и торговля во всех воюющих

¹⁵² Там же, с. 270–271, 199.

¹⁵³ *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории, с. 355–356, 361; *Ключевский В.О.* Курс русской истории, т. III, с. 198–204, 205–235, 262–263.

¹⁵⁴ См.: *Миллюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. СПб., 1905; *Клочков М.В.* Население России при Петре Великом. 1911, гл. I–V; *Ключевский В.О.* Курс русской истории, т. IV. О регламентации духовной жизни и печати см.: *Фойницкий И.Я.* Моменты истории законодательства о печати // Сборник государственных знаний. СПб., 1875, с. 348–396.

странах были подчинены государственному контролю в такой мере, какая неизвестна со Средних веков. Даже в Великобритании, вопреки ее либеральным традициям, обширная область экономической деятельности постепенно подпала под государственное управление, огромное большинство деловых людей перестало быть автономными лицами, свободными покупать и продавать»¹⁵⁵. Еще резче это проявилось в Германии, во Франции и других странах¹⁵⁶, как воюющих, так и нейтральных.

Особенно резко кривая принудительного этатизма должна была подняться в России, где очень скоро после начала войны возникли продовольственные затруднения, перешедшие скоро в кризис. Подъем этот начался и в основных чертах был проведен до Октябрьской революции руками царских министров, Думы и Временного правительства – сторонников свободы торговли и промышленности. Октябрьская революция здесь ничего нового не прибавила, кроме классового пайка и усиления централизации. Все было сделано здесь до 25 октября 1917 г. Законы необходимости заставляют осуществлять их декреты руками тех, кто далек от идеалов принудительного этатизма. Красноречивое свидетельство правильности теоремы!

Учреждение 17 августа 1915 г. Особого Совещания для обсуждения и объединения правительственных мероприятий по заготовкам продовольствия и фуража, а затем выпуск правил 25 октября 1915 г., коими органам власти предоставлено было право выяснения продовольственных запасов на местах, их учета, осмотра торговых книг, документов, рынков и складов, вплоть до права реквизиций и секвестра, были тем Рубиконом, перейдя который, государство вступило на путь принудительного этатизма. С изданием их *alea jacta erat*^{152*}. Принудительный этатизм родился!

А дальше все пошло как по маслу. Развитием этого зародыша стали: Продовольственный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, Общегосударственный Продовольственный Комитет, с 5 мая 1917 г. Министерство Продовольствия – с его широчайшими полномочиями, к которым Октябрьской революции было уже нечего прибавлять. Затем постановления 29 ноября 1916 г., 25 марта 1917 г., 20 августа 1917 г. относительно регулирования заготовок привели к тому, что до Октябрьской революции весь почти частноторговый и кооперативный аппарат был сведен на нет и замещен государством. То же самое произошло и с регулированием потребления и распределения продовольствия.

¹⁵⁵ *Hilton*. Merchant Shipping and State Control // *Edinburgh Review*. April 1918, p. 359–360. Подробную историю этого процесса см.: *Early H.S. Phases of Food Control* // *Ibid.* January 1918, p. 108–130; *Clynes*. Food Control in War and Peace // *The Economic Journal*. June 1920.

¹⁵⁶ См.: *Zolla*. *Op. cit.*; *Ольденбург-Янушау*. *Quousque Tandem* // *Tag.*, 1 октября 1916.

И здесь карточки, нормы и пайки введены были до большевиков¹⁵⁷. Октябрьская революция – ввиду усиления голода и наличия имущественной дифференциации – только довела до конца этот процесс, подвергнув все и вся огосударствлению и коммунизации. Законы необходимости заставляют делать одно и то же лиц и правительства самых разных направлений и взглядов. Поистине, «люди волнуются, а законы необходимости руководят ими».

К 1920 г. у нас было все уравнено и социализировано. Скопов богатств не стало. Пришла всеобщая бедность. Новая буржуазия еще только-только нарождалась. Этатизировать стало нечего.

Такое громадное падение имущественной дифференциации должно было (согласно теореме) вызвать ослабление принудительного этатизма. Это всеобщее уравнивание совпало еще и с окончанием войны, что тоже ведет к деэтатизации. И мы видим, что она начала развиваться с лихорадочной быстротой. Не будь в этом году голода – это раскручивание пружины государственного этатизма пошло бы еще быстрее. Голод мешает этому, чем и объясняются многие фактические несоответствия современной практики и декретов. Из сказанного вытекает и прогноз на будущее: если *ceteris paribus* страна в дальнейшем будет богатеть и голод падать и вместе с тем имущественная дифференциация будет умеренной – кривая деэтатизации (в какой угодно форме и при любой власти) пойдет книзу, и тем быстрее – чем быстрее пойдут первые процессы. При росте голода и имущественной дифференциации – деэтатизация не будет падать.

Всего сказанного, полагаю, достаточно, чтобы признать: *1) правильность нашей основной теоремы о связи голода и принудительного этатизма, а также двух подсобных теорем, более точно определяющих эту связь; 2) чтобы лишний раз убедиться в том, что «сходные причины в сходных условиях вызывают сходные следствия»; 3) наконец, чтобы напомнить правильность поговорки «ничто не ново под луной». То, что многим казалось и кажется чем-то необычным и абсолютно новым, бывало, читатель, и бывало много раз! Меняются только декорации, актеры, костюмы, время и место действия, а пьеса играется старая, шедшая много, много раз на сцене истории.*

Последняя, подобно исписавшемуся автору, под новым соусом преподносит довольно старые вещи. Принудительный этатизм, признаваемый многими за высочайший идеал общественного устройства, – вещь весьма и весьма старая и давным-давно появившаяся на Божий свет^{53*}. Он существует уже десятки веков. Многие все еще сочувствуют идее «социалистического общества», которое на

¹⁵⁷ За неимением места я не могу остановиться подробнее на истории нашего «этатизирования». Отсылаю читателя к печатающейся книге проф. Н.Д. Кондратьева (в издательстве Народного Комиссариата Земледелия) «Регулировка рынка с 1914 г.», где этот процесс описан подробно и выпукло. Приношу ему благодарность за предоставление мне этого труда в рукописи.

самом деле обычно оказывается не чем иным, как этатизмом. Совершенно ясно, почему популярность социалистической идеологии возросла за эти годы войны и обнищания. Но, как показано в настоящем исследовании, неправильно утверждать, как это делают многие социалисты, что подлинно социалистических форм правления никогда раньше не существовало и что национализация должна принести благие результаты. Опыт России и других стран, которые здесь рассматривались, свидетельствует о прямо противоположном, а именно: национализация, обобществление и развитие этатизма ведут к нищете, а не к процветанию – ни в коем случае не улучшат они социальных условий жизни народных масс.

Caveant consules!^{54*}

ПРИЛОЖЕНИЯ

Т. Линн Смит

Предисловие к английскому изданию

Уже очень скоро читатель убедится, насколько необычна эта книга. Необычен и ее автор. Труд создавался в необычных условиях, настолько сложных, насколько только можно себе представить, условиях тяжелых, часто омерзительных и временами страшных. Хотя книга написана более полувека назад, она остается актуальной и сейчас, когда человечество вступило в последнюю четверть XX в. В 70-е гг. хронический голод по-прежнему является повседневной реальностью сотен миллионов людей. Миллионы страдают от хронического недоедания и истощения. В то время, пока печаталась эта книга, голодом были поражены целые регионы Африки и Индокитайского полуострова. Пройдут годы, и многие современные работы антропологов, экономистов, политологов, социологов уйдут в небытие, эту же книгу по-прежнему будут читать и изучать во всем мире.

Питирим Александрович Сорокин родился в России 21 января 1889 г. в селе Турья Яренского уезда Вологодской губернии¹. Его отец – русский, мать – коми. Коми, как описывал их сам Сорокин, «здоровые, сильные и высокие люди». Их антропологический тип представляет собой смесь скандинавских и некоторых азиатских черт. Лингвистически коми принадлежат к финно-угорской языковой семье, хотя уже во времена детства Сорокина практически все коми говорили по-русски. Этот народ, который составлял раннее социокультурное окружение Питирима и память о котором он идеализировал на протяжении всей жизни, являлся одним из наиболее грамотных народов России. Коми хранили свое богатое наследие фольклорной музыки, народного искусства, а также традиционных верований и обрядов. Они жили за счет земледелия, подкрепляемого охотой и лесоразработками. Будучи крестьянами, они тем не менее не знали крепостного права. Отец его был вольным ремесленником, который переходил из села в село, расписывая церкви и освежая серебряное покрытие обрамлений икон, так называемых риз.

Самые ранние воспоминания Сорокина связаны со смертью матери, когда ему было всего 3 года. С этого времени воспитанием Питирима в основном занималась одна из сестер матери, которую он, пока жил в России, периодически

¹ Материалы для этого и следующих трех абзацев взяты из книги: *Sorokin P.A. A Long Journey. New Haven, Conn.: College and University Press, 1963, p. 11–39.*

навещал. Однако уже с ранних лет Сорокин сопровождал отца в его скитаниях по селам. Отец, судя по всему, очень добрый и заботливый человек, после кончины супруги все чаще начал находить утешение в алкоголе, что превращало его в чудовище. Во время одного из запоев, когда Питириму было 11 лет, а его старшему брату 14, отец с молотком набросился на них, покалечив брату руку, а Питириму разбив губу настолько сильно, что шрам остался на всю жизнь. Этот инцидент вынудил братьев уйти от отца, которого с тех пор они уже не видели, но в течение 2 лет они еще продолжали самостоятельно заниматься его делом. В возрасте 13 лет Сорокин поступил в церковно-приходскую школу, и с этого времени началось его формальное образование.

Очень рано Сорокин на собственном опыте узнал, что такое голод и недоедание. Как следует из его автобиографии, если в дороге расстояние между селами было очень большим, то он и брат вынуждены были ложиться спать впроголодь, не имея даже куска хлеба. В селах отсутствовали общественные пункты питания, зачастую не было возможности «даже за деньги купить еду у крестьян». Одежда их тоже была не по погоде, и зимой они постоянно мерзли. Их жильё обычно ограничивалось съёмной «половиной» в крестьянской избе, где готовили либо они сами, либо хозяйка дома. В удачный сезон, когда была работа, еды хватало, «в периоды же безработицы мы голодали». Позднее Сорокин объяснял характерные особенности своих «рахитичных ног» хроническим недостатком витаминов.

Сведения о начальном образовании по меньшей мере обрывочны. Как Питирим пишет в автобиографии, он не помнит, «как, когда и где» он научился писать и читать, вполне возможно, что эти азы, а также основы арифметики он перенял от отца и брата. Как бы то ни было, получив начатки знаний, он стал их развивать, читая «всевозможную литературу, что попадалась в коми деревнях». По утверждениям его супруги, эта литература представляла собой дешёвые издания великих классиков, выходивших в качестве приложений к популярному многотиражному журналу «Нива». Благодаря «неуемной страсти к чтению» он познакомился с творчеством Пушкина, Гоголя, Толстого, Тургенева и Достоевского, а позже с такими произведениями, как «Принц и нищий» Марка Твена, некоторыми романами Чарльза Диккенса, житиями святых, сказками, а также популярными брошюрами по истории и естественным наукам. За подростком с интересом наблюдали сельские учителя, священники и обычные крестьяне, которые давали ему читать книги, помогали советами, предлагали «еду и теплую одежду в зимнее время». Религией жителей «было православие, смешанное с отголосками дохристианских языческих верований», и оба направления естественным образом соединились у Питирима в единое целое. Это влияние усиливалось в процессе работы в церквях и окрестных селах, где он общался со священниками и церковными старостами. Многие из них были людьми образованными

и в значительной мере «повлияли на формирование моей ранней личности и взглядов».

Формат данной статьи не позволяет в полной мере раскрыть события и обстоятельства, повлиявшие на формирование личности одного из самых своеобразных и плодотворных ученых в мире². На позднем этапе своей карьеры Сорокин настолько исчерпывающе подытожил свой жизненный путь в материале для книги «Авторы двадцатого столетия»³, что к этому трудно что-либо добавить. Последующий текст во многом опирается на указанный материал.

Обзор своего пути Сорокин начинает с высказывания: «Насыщенность событиями является, наверно, самой характерной чертой моего жизненного пути». Когда Сорокин писал эти строки, ему было 63 года, и к этому времени он прошел через несколько культурных сред, включая «скотоводческо-охотничью культуру коми», сельскую и городскую культуры России и Европы и, наконец, «технократическую культуру мегаполисов в Соединенных Штатах». Сын бедного ремесленника и крестьянки, он поработал на земле, «был ремесленником, заводским рабочим, служащим, учителем, регентом хора, революционером, политическим заключенным, журналистом, студентом, редактором городской газеты, членом кабинета Керенского, эмигрантом», профессором российских, чешских и американских университетов и всемирно признанным ученым. Другие стороны его жизни не менее насыщены. Он был 6 раз арестован, «трижды при царе и трижды при коммунистическом режиме». Один из этих арестов «не забудется никогда:

² Достаточно легко узнать подробности о его плодотворной карьере из обширных биографических материалов. Помимо автобиографии «Долгий путь», цитированной выше, Сорокин опубликовал 310-страничную монографию «Листки из русского дневника» (*Leaves from a Russian Diary*. New York: E. P. Dutton & Company, 1924), основанную на записях, которые он вел в период с января 1917 по 24 сентября 1922 г., т.е. до того дня, когда он и его супруга пересекли границу своей родины, куда они уже никогда не возвращались. Дальнейшее описание в значительной мере основано на этой работе. Свою жизнь и творчество Сорокин обобщил в предисловии к книге Филиппа Алена «Питирим Сорокин в обозрении» (*Allen Ph.J., ed. Pitirim A. Sorokin in Review*, Durham, N.C.: Duke University Press, 1963), озаглавленном «Социология моей духовной жизни». Важную биографическую информацию можно почерпнуть из двух небольших книг Карла Циммермана; вместе с ним Сорокин работал в Миннесоте и Гарварде, совместно они издали фундаментальный труд «Основы сельской и городской социологии» и трехтомник «Хрестоматии по социологии села». (*Principles of Rural-Urban Sociology*. New York: Henry Holt & Co., 1929; *Systematic Source Book in Rural Sociology*, 3 vols. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1930–1932). Эти две книги – «Питирим Сорокин – самый выдающийся социолог в мире» и «Социологические теории Питирима Сорокина» (*Sorokin – The World's Greatest Sociologist*. Saskatoon: University of Saskatchewan, 1968; *Sociological Theories of Pitirim A. Sorokin*. Bombay: Thacker & Co. Ltd., 1973). Кроме того, ценные обобщения жизненного пути Сорокина содержатся в статье Джозефа Форда «Жизнь и труды Питирима Сорокина (1889–1968)» (*Ford J.B. Life and Work of Pitirim Alexandrovich Sorokin (1889–1968)* // *Revue Internationale de Sociologie*. 1971, ser. 2, vol. 7, no. 2, p. 820–837).

³ См.: *J. Kunitz S.J., ed. Twentieth Century Authors: A Biographical Dictionary*. New York: H.B. Wilson, 1955, p. 936–937.

приговоренный к смертной казни коммунистами, я в течение двух недель испытывал то, что чувствует человек, ожидающий расстрела». Он познал, что такое слава и поношение, изгнание и потеря в политической борьбе братьев и друзей. Он был убежден, что этот «жизненный опыт» научил его большему, чем все прочитанные книги и прослушанные лекции вместе взятые.

Ему было примерно 11 лет, когда он впервые увидел город. «Случайным образом» он научился читать и писать, так же «случайно» он оказался в церковно-приходской школе. Со смертью родителей в возрасте 11 лет он стал «независимым», т.е. без гроша в кармане, но свободным в определении своего жизненного пути. Зарабатывая на жизнь и «учась в учительской семинарии, был арестован за политическую деятельность в 1906 г., когда оставалось всего 4 месяца до ее окончания». Позднее, будучи полуголодным и преследуемым властями революционером, он продолжал учиться в вечерней школе, затем в Психоневрологическом институте и, наконец, в Санкт-Петербургском университете. За время двух арестов он получил практическое знание криминологии и пенологии (именно в этой области была написана его выпускная работа). Так начиналась карьера университетского профессора. Еще будучи студентом университета, он опубликовал свою первую книгу «Преступление и кара, подвиг и награда» (1913). В 1916 г. он получил степень магистра уголовного права, а в 1922 г. степень доктора социологии в Санкт-Петербургском университете.

С началом русской революции Сорокин стал одним из создателей крестьянских советов (позднее запрещенных и распущенных коммунистами) и редактором ежедневной газеты «Воля народа». В революционном правительстве он занимал должность члена и исполнительного секретаря в Совете и в кабинете премьер-министра Керенского, состоял членом Учредительного собрания (также распущенном коммунистами).

С самого начала революции он был убежденным противником Ленина, Троцкого, Каменева и других лидеров большевиков. За это он был арестован 3 января 1918 г. и посажен «на 4 месяца в русскую Бастилию, казематы Петропавловской крепости». После освобождения он продолжил борьбу против коммунистов и «вошел в состав группы, планировавшей свержение коммунистического правительства в Архангельске в 1918 г.». В октябре того же года он был арестован и приговорен к смерти коммунистическим правительством Вологодской губернии. «После 6 недель ожидания расстрела» его по распоряжению Ленина освободили, и он вернулся к преподавательской работе в Университете Санкт-Петербурга. Здесь он стал читать курс по социологии, основал и возглавлял отделение социологии до его закрытия в 1922 г., а также «опубликовал 5 томов по социологии и праву».

В дополнение к тому, что сам Сорокин вспоминает о своем участии в революции в России, можно привести отрывки из воспоминаний Эдгара Сиссо-

на, «полномочного представителя президента Вильсона». В своей книге «Сто красных дней: личные хроники большевистской революции»⁴ Сиссон концентрирует свое внимание на отношении американцев к вооруженному восстанию. В то время в кинотеатрах Петрограда показывали американский фильм «Гибель нации», название которого звучало как своего рода предупреждение. Примерно тогда же «Питирим Сорокин заявил на заседании сессии Совета о крушении нации, и это заявление было опубликовано в печатном органе партии социалистов-революционеров “Воля народа” (№ 121, 17 октября). Историческая статья под тем же, что и фильм, названием “Гибель нации”, но представлявшая “социалистический” взгляд на Россию, совпадала с представленным в фильме»⁵.

Большевики очень быстро заметили совпадение названий и обвинили Сорокина в том, что он является платным иностранным агентом. Сиссон пишет:

«Они цинично вступили в спор с американцами и мадам Брешковской (лидером партии эсеров и “бабушкой” революции), которая в это время скрывалась и ничем ответить не могла. 8 декабря “Воля народа”, не сумев с ней связаться, напечатала следующее:

О пустых нападках

«Во вчерашнем номере “Знамени труда”, органе левых социалистов-революционеров, в виде письма к редактору был опубликован материал под заголовком “Молчать совесть не позволяет”. В этом письме господин Бакрылов, бывший секретарь мадам Брешковской, автор ура-патриотических обращений к солдатам, а также брошюр о войне, земле и прочем, неожиданно ставший крайне левым, предпринимает безуспешную попытку опорочить мадам Брешковскую. Он строит свои беспочвенные обвинения, ссылаясь на финансовые средства, предоставленные американскими друзьями в распоряжение г-жи Брешковской для комитета по народному образованию. В настоящее время г-жа Брешковская находится вне пределов города, но мы сделаем все возможное, чтобы в одном из следующих номеров она дала свой ответ на несправедливые нападки г-на Бакрылова. Редакторы»⁶.

Сиссон так и не узнал, был ли получен от нее ответ, но в то же время он убежден, что большевики, без сомнения, знали, «где она находилась, и не без галантности охраняли ее и, когда она ускользнула от их слежки, злорадно перемигнулись».

С Сорокиным же была совсем другая история.

⁴ Sisson E.G. One hundred red days: a personal chronicle of the bolshevik revolution. New Heaven: Yale University Press, 1931.

⁵ Ibid., p. 45.

⁶ Ibid., p. 48.

Выпады Бакрылова были и против него, но тот был сделан из другого теста и парировал нападки в «Воле народа» следующим образом:

«Г-н Бакрылов, внезапно превратившийся из ярого патриота и оборонца в левого эсера, в своей нечистоплотной статье, пытающейся дискредитировать Е.К. Брешко-Брешковскую, посвящает нижеследующие строки мне». [Сорокин цитирует абзац из статьи Бакрылова, где он упоминается.]

«По этому поводу считаю необходимым заметить следующее.

Если г. Бакрылов этими строками мне инкриминирует мое сочувствие фильму “Гибель нации”, то я открыто заявляю, что считаю эту фильму (sic!) очень ценной, очень нужной и был бы от души рад, если бы кто-нибудь мог как эту, так и подобные ей фильмы бросить по всей России.

Если же г. Бакрылов своей параллелью между фильмой “Гибель нации” и моей статьей “Гибель нации”, не имеющей с первой ничего общего, кроме названия, делает намек на что-то другое, в частности на какие-либо коммерческие причины, то я попрошу его иметь смелость формулировать ясно свою мысль, чтобы я мог привлечь его к третейскому суду как грязного клеветника».

Вызов остался без ответа. Более того, вскоре не осталось и третейских судов. За Сорокиным осталось последнее острое слово в газетной перепалке⁷.

«Голод как фактор» является одним из основополагающих трудов второго из четырех периодов долгой и профессионально продуктивной карьеры Сорокина. Этот период начинается с 1919 г., сразу после его освобождения из большевистской тюрьмы, или, что более важно, с завершением пытки ежедневного и еженощного ожидания, что каждый час может стать последним в жизни. Не раз в течение заключения охранники собственноручно казнили его сокамерников, каждый день зачитывались списки с именами знакомых ему людей и с приказом на выход, после этого почти сразу звучали выстрелы, уносившие их жизни. Сорокин остался в живых только благодаря вмешательству Ленина. Ленинская публикация является единственным документальным источником, относящимся к самому главному жизненному решению Сорокина, какой мне удалось обнаружить. Это статья Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина», опубликованная в газете «Правда» 21 ноября 1918 г. Как известно, она написана в связи с кампанией по поддержке «беднейшего» и «среднего» крестьянства, и именно ей Сорокин обязан своим освобождением и временной отсрочкой угрозы казни. (Уместно напомнить, что Сорокин получил более 3 миллионов голосов на выборах в Учредительное собрание.) Ленин также сослался на выход Сорокина из своей партии (и политики) и из Учредительного собрания⁸. Статья начинается словами:

⁷ Ibid., p. 48–49.

⁸ См. перевод статьи в: *Fineberg A., ed., V.I. Lenin. Selected Works.* New York: International Publishers, n.d., vol. 8, p. 144–153 и примечания к ней на p. 409–411.

«Правда» поместила сегодня замечательно интересное письмо Пителири-ма Сорокина, на которое надо обратить особое внимание всех коммунистов. В письме этом, напечатанном в «Известиях Северо-Двинского Исполнительного Комитета», Пителирим Сорокин заявляет о своем выходе из партии правых эсеров и о сложении им с себя звания члена Учредительного собрания. Мотивы автора письма сводятся к тому, что он затрудняется не только другим, но и самому себе указывать спасительные политические рецепты и потому «отказывается от всякой политики». «Истекший год революции, – пишет Пителирим Сорокин, – научил меня одной истине: политики могут ошибаться, политика может быть общественно полезна, но может быть и общественно вредна, работа же в области науки и народного просвещения всегда полезна, всегда нужна народу...» Подпись под письмом: «Приват-доцент Петербургского университета и Психоневрологического института, бывший член Учредительного собрания и бывший член партии эсеров Пителирим Сорокин»⁹.

Таким образом, лишившись иллюзий в отношении любой политики, живой и деятельный Сорокин всецело окунулся в напряженную жизнь научной работы. Ярко выраженная бихевиористская структура терминологического аппарата, используемого в «Голоде как факторе», тесное сотрудничество с Павловым в Институте мозга, содержание «Системы социологии», «Социальной мобильности», «Социологии революции» и других книг, написанных им в период между 1919 и 1930 гг., свидетельствуют об увлеченности Сорокина эмпирическими и прикладными исследованиями, что характеризует второй период его профессиональной карьеры. Данный период начинается с подготовки и издания сорокин-ского представления об общей социологии как научной системы, и практически сразу он написал книгу, предлагаемую сейчас читателю в английском переводе.

Обстоятельства, при каких была написана работа «Голод как фактор», Сорокин подытожил в той части «Листков из русского дневника», которая озаглавлена «Жизнь среди смерти: 1919–1922» и которая затем вошла в автобиографию «Долгий путь» в качестве девятой главы. Его супруга Елена Сорокина, сама будучи сложившимся ученым-цитологом, ярко описывает подробности тех дней в прологе к предлагаемому изданию. Тем не менее будет нелишним упомянуть о чрезвычайно трудных и невыносимых условиях выживания, через которые Сорокиным пришлось пройти, когда писались «Система социологии» и та работа, переведенная на английский язык, что следует сразу после этого предисловия¹⁰. Лучше всего это время передают выдержки из «Листков из русского дневника».

⁹ Ibid., p. 144.

¹⁰ Сорокин планировал «Систему социологии» в 3-х томах. Однако после того, как ему с большими трудностями удалось подготовить и издать первые два тома, он решил: «Я отложил написание третьего тома с тем, чтобы вплотную заняться изучением явлений, обычно сопровождающих революцию, и приступил к исследованию влияния голода на поведение, общественную жизнь и социальную организацию» (A Long Journey, p.188).

Работа над книгой и преподавание в университете требовали полной отдачи. Когда надо было писать, «я сидел, закутавшись во все одеяла и платки, в перчатках, с ногами, обернутыми тряпками. Время от времени я вставал и делал упражнения, чтобы разогнать застывшую в жилах кровь. После обеда и вечерами я уходил на работу, пешком от одного института до другого, по 10–12 верст в день. Вымотанный этими усилиями и голодом, я рано ложился спать, если только не подходила моя очередь дежурить всю ночь...

Отчаяние охватывало меня каждый раз, когда я приходил в университет. В здании его больше не слышались молодые голоса и смех. Оно было погружено в темноту, за исключением физического факультета, где профессор Хвольсон каким-то чудом смог достать немного керосина для освещения лаборатории. Лекции проводились только по вечерам, потому что днем студенты искали себе пропитание. Знакомые мне (университетские коридоры) отзывались только эхом моих собственных шагов...

Заходя в кабинет, находившийся в конце главного корпуса университета, я часто видел в мерцающем свете лампы следующее объявление: «По распоряжению Петроградского Совета завтра и послезавтра объявляются обязательные работы для профессоров, ассистентов, лекторов, административных работников и другого университетского персонала. Работы состоят в транспортировке дров. Лица с фамилиями, начинающимися от А до М, должны прибыть к Адмиралтейству завтра к 10 часам утра. Остальные должны быть там же в то же время послезавтра. Не подчинившиеся распоряжению будут арестованы как контрреволюционеры»...

Преподаватели факультета посещали университет только для проведения собраний и конференций. В нашем читальном зале, как и везде, царил запустение. Мы не получали ни новых книг, ни журналов, ни научной периодики. Отрезанные от остального мира, мы были не в курсе, чем занимаются наши коллеги за рубежом. Более того, мы также не знали ничего о коллегах в других университетах России. Во время обеда профессора выстраивались в очередь с посудой и ложками, которые каждый должен был иметь с собой, и напоминали нищих, стоявших в прежние времена у церковных ворот. Спустя полчаса ожидания профессора, многие из которых имели всемирную известность, усаживались с миской горячей воды, в которой плавало немного вареной картошки и капусты. Не было ни хлеба, ни соли, если только кто-нибудь не поделится немногим из приобретенного в контрабандных лавках. Во время еды мы разговаривали или пытались разговаривать на обычные рабочие темы, но в основном разговор переходил к тому, кого арестовали в этот день, кого расстреляли, а кто умер. Иногда же темы обсуждений оказывались необычайно к месту. Профессора Введенский и Свере просветили нас, сколько калорий в еде мы потребляем, каков их химический состав и как долго человек сможет прожить на таком рационе. Профессор С.

рассказал о собаке, умершей в лаборатории от голода, и ее условных рефlekсах. Доктор Л. рассказал о химическом составе мозга 20 умерших от недоедания мужчин и женщин.

Психологи и психиатры делились с нами результатами своих революционных исследований в области психозов и неврозов. Мы не могли записать многие из этих открытий, не имея ни бумаги, ни ручек, ни даже карандашей. Поэтому приходилось пересказывать содержание друг другу.

Закончив с обедом и разговорами, мы расходились по домам. “До свидания, надеюсь, завтра встречу тебя живым”, – таково было наше обычное расставание. Шли дни, и все меньше и меньше оставалось среди нас тех, кто говорил эти слова» (р. 224, 227–228).

«То, чего мы больше всего боялись, случилось с Россией в 1921 г.». С этих слов Сорокин начинает свое повествование о жутких реалиях массового голода, сократившего население России на миллионы в течение этого трагического года. «Глядя на карту страны, где были отмечены губернии с низким урожаем или совсем неурожайные, мы предупреждали: “По крайней мере 25 миллионов обречены на голодную смерть этой зимой, если только остальной мир не придет нам на помощь”. Мы говорили об этом задолго до того, как правительство и Максим Горький обратились со срочным призывом к народам мира помочь голодающим... Когда разразился массовый голод в 1921 г., спасения от него уже не было. Ни одна из областей не имела достаточного запаса зерна»¹¹.

Может быть, закономерно, что именно в этот год массового голода Сорокин написал книгу, которая сейчас представляется англоязычному читателю. Как уже было отмечено, постоянная необходимость добывать еду и бороться с голодом как для Сорокина, так и для всех, кто был с ним связан, заставили его отложить работу над третьим томом «Системы социологии» и заняться исследованием воздействия голода на поведение, общественную жизнь и социальную организацию совместно со своими единомышленниками в Институте мозга (Павловым и Бехтеревым). Кроме того, осенью того года Сорокину запретили преподавательскую деятельность. «Оставшись без иной работы, кроме исследовательской в Институте мозга и в Институте истории и социологии университета, я чувствовал себя относительно свободным. Я начал изучать голод в городе, где в качестве одного из объектов исследования был я сам, теперь же лабораторией стало голодающее население российских деревень. Зимой 1921 г. я отправился в Самарскую и Саратовскую губернии для научного изучения массового голода»¹². Непередаваемый ужас массового голода, который он увидел во время этой поездки, оставил глубокий отпечаток на его жизни и работе. Если до этого Сорокин в основном

¹¹ Leaves From a Russian Diary, p. 282–283.

¹² Ibid., p. 284.

имел дело с чистыми абстракциями, работая над «Системой социологии», сетуя на неспособность теории объяснить конкретные реалии живого организма общества (проблема и тогда и сегодня хорошо знакомая социологам), то экспедиция в голодающие села дала ему опыт, ставший наиценнейшим приобретением для социологической науки. Так или иначе, в последующие десять лет, когда были написаны работы, принесшие ему международную известность и приглашение создать департамент социологии в Гарвардском университете, все его внимание было приковано к прикладному изучению функционирования реально существовавших обществ с основой на эмпирические данные. Успехи в какой-то мере сглаживают его резкие суждения о слабости теории в научном объяснении фактов. «Я сразу же должен признать, что в своих намерениях я потерпел полную неудачу (намерение научного исследования голода). Я не смог провести научного исследования, но я видел голод, и сейчас я знаю, что это такое. То, что я вынес из увиденного в этих страшных местах, не сможет дать никакое научное исследование. Моя нервная система, привыкшая ко многим ужасам за годы революции, была совершенно подорвана зрелищем голодающих миллионов в моей пораженной разрухой стране. Может, после этого я не стал лучше как ученый, но во мне определенно стало больше человека, противника любой группы людей, способной причинить такие страдания человеческому роду»¹³.

Не исключено, что эмоциональное потрясение, испытанное Сорокиным во время поездки по голодающим деревням России, предвосхитило четвертый период его профессиональной карьеры, когда после выхода на пенсию он основал Гарвардский исследовательский центр по изучению созидательного альтруизма¹⁴. В любом случае, впечатления об этих страшных событиях Сорокин пронес через всю свою жизнь. По их свежим следам и писалась работа «Голод как фактор».

Вкратце следует сказать о редактуре текста и переводе. Переводчик и редактор вместе внимательно работали над каждой страницей рукописи. Оба сознавали, что адекватный перевод очень сложен и даже вряд ли возможен. В данном случае им помогло то обстоятельство, что значительная часть тем, затронутых в книге, была изложена Сорокиным на английском языке, особенно в «Социологии революции» (которая является расширенным изложением главы 10 данной работы), «Листках из русского дневника» и «Социальной мобильности». В меру своих способностей они постарались максимально точно передать авторские идеи, сохранив его характерный стиль изложения.

Перевод П.П. Кротова

¹³ Ibid., p. 284–285.

¹⁴ См., например: *Sorokin P.A. The Ways and Power of Love: Types, Factors, and Techniques of Moral Transformation. Boston: Beacon Press, 1954.*

Пролог

Большая часть книги «Голод как фактор» была написана в Петрограде (Ленинграде) в 1918–1919 гг.^{1*}, а закончена она была в Царском Селе в 1922 г. В эти годы большевистское правительство пыталось в стране, разгромленной и разоренной в Первой мировой войне, построить подлинно коммунистическое общество. Эксперимент с треском провалился; коммунистическое общество продержалось лишь до восстания матросов в Кронштадте, поднятого ими в 1921 г. После этого Ленин ввел новую экономическую политику, разрешившую – в ограниченных пределах – частную собственность.

Поскольку мы оба, Питирим и я, оказались невольными членами коммунистического общества и испытали на себе все его тяготы, в том числе и голод, то материал, лежащий в основе этой книги, может быть подкреплён и нашим личным опытом. Вот как мы жили в это время.

Петроградский университет, Академия наук и многие другие научные и технические институты располагались на Васильевском острове, в районе Петрограда, который по расположению своих улиц чем-то напоминает многие американские города; там были так называемые «линии», идущие параллельно друг другу и обозначаемые номерами. Вдоль улиц расположены в основном жилые многоквартирные дома, тесно примыкающие друг к другу и высотой в 5-6 этажей. У каждого дома есть свой отдельный двор, в который можно попасть через железные ворота. В парадной есть лифт, но черный ход имеет только лестницу. Однако в то время, о котором я рассказываю, лифты не работали. И не было центрального отопления. Раньше квартиры отапливались дровами, которые жгли в знаменитых русских печах, сложенных из кирпича и облицованных глазурованной плиткой. Эти печи отапливали дома очень хорошо даже в самые сильные холода. Дрова каждый день к каждой квартире в доме приносил дворник. Однако во время революции дров, чтобы отапливать квартиры, не было, и поэтому водопровод замерз практически во всех домах. Более того, в многоквартирных домах отключили и электричество.

Зима 1918–1919 г. была чрезвычайно холодной. В это время мы жили в пятикомнатной квартире мадам Дармалатовой, близкого нашего друга, которая просила нас переехать к ней отчасти и для того, чтобы обезопасить себя от вторжения посторонних, которые могли заселиться согласно декрету городского Совета, установившего размер жилой площади на человека. Дом, в котором мы жили, был отобран у прежних владельцев и теперь находился в собственности властей. Никакой квартплаты не взимали, но в каждом доме был домком, в обязанности которого входило регистрировать в милиции паспорта жильцов, следить за их

поведением, сообщать обо всех подозрительных поступках и назначать жильцов каждой квартиры на ночные дежурства у ворот. Дело в том, что парадные в многоквартирных домах были постоянно закрыты, единственным входом, через который человек мог попасть в свой дом, служили ворота, а их после полуночи закрывали на тяжелый запор и замок. По этой причине люди обычно не рисковали по ночам выходить на улицу, и таким образом как бы сам собой появился комендантский час. Единственные люди, которых можно было увидеть на улице после полуночи, – это отряды чрезвычайной комиссии (чека), занимавшиеся своим обычным делом: выслеживанием контрреволюционеров и спекулянтов, а иногда имевшие ордера на арест тех или иных лиц. Помню один случай, когда муж Нади, дочери нашей хозяйки Дармалатовой, дежуривший ночью у ворот, увидел приближающийся патруль. Поскольку домкома не было, он позвонил в нашу квартиру и предупредил, что к нам идут с обыском. Естественно, мы сразу же спрятали те немногие ценности, какие у нас еще оставались, и стали ждать красногвардейцев. Как раз в то время, когда нагрянули нежданные гости, дали электричество. В этот раз они искали оружие, запасы продовольствия, драгоценности, но, к счастью, не моего мужа.

Поскольку день на широте Петрограда в январе и феврале длится недолго и темнеет рано, а электричества не было, и керосина для старомодных настольных ламп не хватало, изобретательные петроградцы придумали «коптилку»^{2*}. Устроена она была просто: в небольшую банку вставлялась пробка, в которую продевался фитиль. Она потребляла мало керосина и давала очень тусклый свет. Таким было освещение, при котором писалась большая часть книги «Голод как фактор».

Как я уже упоминала, система отопления замерзла полностью. Мы могли пользоваться канализацией, но воду надо было набирать из колонки во дворе и носить ведрами на пятый этаж, поэтому мы ее очень экономили. По утрам мы разбивали лед, образующийся на воде в ведре. Поскольку дом никак не отапливался, а температура зимой в Петрограде бывает иногда ниже 40 градусов, народ пытался придумать что-нибудь для обогрева дома и приготовления пищи. В результате была изобретена знаменитая «буржуйка». Это была небольшая железная печь с длинной изогнутой трубой, которая выходила наружу через круглое отверстие в оконном стекле. В этой печке можно было жечь что угодно. Но поскольку дров не было, топливом для этой небольшой печки служили книги, мебель, заборы, разбирались также деревянные части уличного покрытия (многие улицы в Петрограде были вымощены деревянными восьмиугольниками). Но даже такую древесину можно было достать, только когда поблизости не было милиции. Как-то раз мы получили извещение, что гражданам будут распределять дрова в районном Совете. Я взяла санки и пошла узнать, где я могу получить причитающиеся мне дрова. Придя на место, указанное в моем ордере,

я не нашла ни дровяного склада, ни того, кто занимался бы распределением дров. Когда я собралась назад домой, я заметила, как трое матросов весело подходят к этому месту. На бескозырках у них было написано «Аврора» и длинные ленточки, развевающиеся на ветру. Крейсер «Аврора» участвовал в штурме Зимнего дворца во время Февральской революции и сыграл важную роль при свержении царского режима^{3*}. Впоследствии моряки с «Авроры» заняли привилегированное положение, как те гуси, что спасли Рим; Троцкий называл их «красой и гордостью русской революции». Заметив, что эти «красавцы» несли тяжелые инструменты, очень удобные, чтобы ломать вещи, я остановила их и спросила, где я могу получить дрова по ордеру. Они посмотрели на меня и ответили: «Этот дом, вам нужно его разломать». Передо мной был чудесный деревянный дом, так называемый «особняк», которым до революции владел, очевидно, какой-то весьма состоятельный человек или, говоря по-нынешнему, «буржуй». Не успела я спросить, почему мы должны сломать такое красивое здание, как эти разрушители пробили большой пролом в его середине. По части разрушения матросы были очень искусны и сильны. Они отдали мне дверь и несколько досок, и я пошла домой, думая, как я втащу ее по лестнице и как мы ее будем пилить. Муж встретил меня у ворот и легко внес эту дверь на пятый этаж. До позднего вечера слушали мы монотонный звук нашей тупой пилы. Но наконец-то у нас было достаточно топлива для нашей «буржуйки», чтобы нагреть воды для ванной и стирки белья.

Официально мы оба были связаны с университетом: мой муж был основателем кафедры социологии и первым профессором-социологом, а я числилась «аспиранткой», специализирующейся в области ботаники. Требования к выпускникам были гораздо выше, чем в американских университетах, и соискатель ученой степени должен был пройти долгий путь для завершения своего образования. Аспирант, чтобы получить степень магистра, должен был основательно изучить выбранную им тему, самостоятельно написать диссертацию и за 2 или 3 года сдать серьезные экзамены по теме диссертации и избранной им сфере науки. При нормальных условиях жизни это была прекрасная система, которая не сковывала молодого ученого обязательными курсами и посещением лекций, как у студентов. Он или она могли все свое время посвятить учебе, т.к. их стипендия вполне соответствовала их положению. Однако в те времена, о которых я рассказываю, ни жалованье профессорам, ни стипендия аспирантам не выплачивались. Правда, они получали бумажные деньги, тысячи рублей, но на черном рынке на них едва ли можно было купить буханку хлеба.

Самым главным вознаграждением за труд в тот период были продовольственные карточки. Было три категории этих карточек. Первая – для рабочих, занятых физическим трудом; вторая – для интеллигентов, художников, учителей, служащих и т.п.; а иждивенцы – домохозяйки и престарелые, особенно буржу-

азного происхождения – получали карточки третьей категории. Думаю, что домохозяйек отнесли к третьей категории по той причине, что в коммунистическом обществе, как предполагалось, каждый должен был работать. Детей отдали бы в детские дома, питались бы все в общественных столовых, так что домохозяйкам дома нечего было бы и делать. Стены общественных столовых украшали лозунги: «Кто не работает, тот не ест!» и «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Те, кому выдавали карточки первой категории, получали примерно фунт черного хлеба в день, те, кто получали карточки второй категории, – полфунта, а третьей категории – четверть фунта. Хлеб был с множеством всяких добавок, таких как отруби, что было хорошо, и сечка, что было очень плохо. Люди получали также ежемесячные пайки, состоявшие из двух фунтов сахара, какого-то количества растительного масла и мороженой картошки, но основным местом питания были так называемые «столовки», где каждый должен был предварительно зарегистрировать свою карточку. Чаше всего на первое был суп, в котором плавали небольшой кусочек капусты и селедка, а на второе – овсяная каша. В Западной Европе овсянку едят люди и ею кормят домашних птиц, но в Соединенных Штатах овес выращивают в основном для скота. Советское же население так много ело овсянки, что, когда один скульптор-модернист сделал бюст Карла Маркса с выпирающей вперед бородой, кто-то намазал его бороду овсянкой и написал: «Ешь сам!»

Даже те, кто пользовался карточками первой категории, не могли жить на том рациионе, какой они предоставляли; некоторые получали чрезвычайный паек как высокопоставленные члены Коммунистической партии; другие получали дополнительные продукты на заводах, где они работали; кто-то еще спекулировал на черном рынке. Больше всего страдали интеллигенты среднего и пожилого возраста. У них не хватало физических сил, чтобы перенести все риски, связанные с добыванием продуктов у спекулянтов, т.к. отряды чека и милиции работали, не смыкая глаз. Многие из них умерли именно от голода. Ежедневно мы наблюдали скорбные процессии людей, направляющихся на кладбище и везущих на санках гроб своего близкого.

За исключением служебных автомобилей и грузовиков движения на улице почти не было. Ходили трамваи, на которых ездили бесплатно. Однако попасть в них было не так-то просто, потому что набиты они были битком, многие стояли на подножках, висли на амортизаторах и на всем, чем только можно. Дезертиры с фронта, не поехавшие к себе домой в деревню, оказавшись в городе, пользовались случаем получить удовольствие, прокатившись на трамвае. Позднее всех этих бездельников отправили по местам их назначения, и снова стало можно ездить на трамвае. Однако большинство людей ходили по заснеженным улицам пешком, обувшись в валенки, теплые и мягкие и очень удобные. Я однажды видела, как в них танцевала балерина.

Ежедневные наши заботы были обусловлены голодом и необходимостью добывать пищу. Утром мы первым делом набирали воду из колонки во дворе и приносили ее на пятый этаж. Затем на буржуйке делали чай или кофе – так называемый кофе – из жареных пшеничных зерен, после чего шли занимать длинную очередь за ежедневным хлебным пайком. Затем мы пешком шли километров 5 обедать в университетскую столовую, где были зарегистрированы наши карточки. Еду на ужин можно было брать с собой и приносить домой. Поскольку мы все время сидели почти на голодной диете и как-то надо было набираться энергии для этих хождений и других дел, мысль о том, где бы еще раздобыть еды, никогда меня не оставляла.

В третьей главе этой книги^{4*} («Изменение поведения людей при голодании») мой муж рассказал о том, как в марте-апреле 1919 г. испытал заметное снижение умственных способностей, приписав его нехватке еды, дефицитному голоданию. Несмотря на это, он с любопытством наблюдал за человеческим поведением и текущими событиями, продолжал писать и заниматься другой умственной работой. Что касается меня, то я отложила свою работу по геоботанике и экологии, основанную на тех материалах, которые я собирала в течение предыдущих 3 лет во время экспедиций вдоль русла Волги, и полностью посвятила себя нелегальному добыванию продуктов питания.

Одним из источников продуктов был черный рынок, где процветал обмен товаров, но частые облавы, совершаемые милицией, делали такой обмен занятием рискованным. Существовала еще спекуляция на дому. Друзья давали тебе адрес, где часто происходил обмен, но такое мероприятие тоже было по-своему опасно. Спекулянтов часто выслеживали и арестовывали. После чего в квартире оставляли специального агента, чтобы отслеживать ничего не подозревавших покупателей. К счастью, меня не схватили во время ни одного моего визита. Обычно у спекулянтов можно было приобрести муку, масло, крупу, картошку и мясо. Торговля приняла форму обмена продуктов на ткани, кольца, платья и прочие товары, которые большевики не успели конфисковать. Но спекулянты в городе заламывали цены.

Чтобы продать вещи повыгоднее, надо было ехать в деревню. Однажды мы с подругой разработали такой план. Поскольку поездки по железной дороге были бесплатны и требовалось только командировочное удостоверение с места работы, мы пошли к комиссару университета, молодому матросу, назначенному на место прежнего почтенного ректора, и сказали ему, что нам нужно съездить в Новгородскую губернию и взять пробы пшеницы в разных крестьянских хозяйствах, чтобы изучить количество сорняков в зерновых образцах. Не знаю, поверил он нам или нет, но разрешение и официальный документ с его подписью мы получили. Я приготовила несколько небольших мешков и написала на них имена выдуманных крестьян. А моя подруга об этом не позаботилась и взяла

с собой всего один, но большой мешок. Ехали мы в товарном вагоне. Снаружи на нем было написано: «Сорок человек или восемь лошадей». Сидеть было не на чем, и мы устроились прямо на полу. Часа через два или три мы приехали на нужную нам станцию, обошли дворы тех крестьян, каких мы знали, и совершили наш обмен. Я насыпала зерно в приготовленные мешки и открыто несла их в корзине. Моя подруга забеспокоилась по поводу того, что у нее таких мешков нет, и решила спрятать свое зерно под пальто, прицепив мешок спереди на платье. Только мы пришли на станцию, чтобы сесть на обратный поезд, как милиционер заметил ее выпирающую грудь и со словами «зерно» повел ее к станционному комиссару. Я пошла вместе с ней, и нам пришлось ждать своей очереди, чтобы попасть к комиссару, поскольку впереди нас было много других задержанных. Когда очередь подошла, я пошла первой и, показав комиссару пропуск, сказала:

– Товарищ, я не могу понять, что такое случилось с товарищем милиционером – наверное, он не умеет читать. Вот официальный документ от университетского комиссара, удостоверяющий, что это зерно нужно нам для нашего исследования, вот его официальная подпись и университетская печать.

– Темнота, темнота, что ты с этим поделаешь, – ответил станционный комиссар и разрешил нам идти.

Таким образом мы благополучно добрались до дома и в течение многих дней ели зерновую «кашу».

Впоследствии мы совершили еще несколько таких поездок, но все они обошлись без происшествий.

Вскоре для научных работников стало нормой устраиваться на работу в несколько институтов, в частности в сельскохозяйственную академию, которая имела свое экспериментальное хозяйство и приносила доходы в виде овощей и мяса. Питирим и я были зачислены в штат Агрономического института. Как-то мы случайно узнали о том, что штатным сотрудникам и работникам будут выдавать мясо в таком-то месте. Я взяла санки и пошла на Каменный Остров, в другой район Петрограда, в нескольких километрах от нас. Когда я пришла, мне велели идти в конюшню и самой взять мясо. Я открыла ворота конюшни и, к великому своему удивлению, увидела 8 замороженных туш лошадей, лежащих на спинах с вытянутыми вверх ногами. Вскоре появились люди, очевидно, из отдела животноводства, которые начали распиливать и разделывать туши. На мою долю достался чудесный кусок огузка, а когда ответственный за это дело спросил, не хотим ли мы в качестве дополнительных кусков взять себе части от голов и ног, я взяла кое-что для своих друзей. Для них это были самые лучшие подарки.

С наступлением весны условия жизни улучшились. Трубы у нас в доме, несмотря на зимние холода, не лопнули, так что с приходом тепла у нас появилась водопроводная вода. Районный совет вывесил объявление, что все желающие приглашаются поработать на садовых участках, закрепленных за общественны-

ми столовыми. Работа вознаграждалась продуктами в размере, пропорциональном отработанному времени. Здесь тоже все работники делились на 3 категории, так что те, кто занимался физическим трудом, получали самую большую долю. Мы оба относились к первой категории, Питирим – потому что вручную копал землю, а я – как специалист по сельскому хозяйству, уполномоченный Аграрным институтом.

Тем летом я получила еще более солидную должность на институтских угодьях в Царском Селе, переименованном в Детское Село. Объяснялось это тем, что туда из Петрограда была переведена бóльшая часть детских домов. Место это находилось в 21 километре от Петрограда, и поезда ходили хорошо. Я стала заведующей геоботанической экспериментальной станции. Агронимический институт занял под нее ферму, которая до революции поставляла молочные продукты императорскому двору. А километрах в двух от нее находился Александровский дворец (фактическая резиденция царя Николая II). Все здания, окружающие дворец, были отданы институту под лаборатории и жилые помещения для студентов и профессорско-преподавательского состава. Мне выделили двухкомнатную квартиру, которую раньше занимали охранники царского дворца, обеспечили достаточным запасом дров, чтобы ее обогреть, определенным количеством молока и продуктов с фермы и отвели изрядный участок земли под овощи и картошку для следующей зимы. Я числилась в институте под моей девичьей фамилией, но официально была зарегистрирована в Петрограде под фамилией мужа. Это делалось специально, для того чтобы чека не знала, где живет Питирим. Разумеется, чекисты несколько раз приходили на квартиру мадам Дармалатовой с ордером на арест Питирима, но всякий раз получали один и тот же ответ: «Не знаю, где он». Поскольку тех, кого они разыскивали, чтобы арестовать, было много, они не усердствовали в поисках Питирима, и мы оставались в Царском Селе до тех пор, пока нас не выслали из России в 1922 г.

Перевод В.В. Сапова

Справка

[Книга] П. А. Саротина "Голод как фактор"

[не] разрешена выходя в свет.

[наб]ранные 18 листов были уничтожены

[даль]нейшим набор разсыпан. Разрешено

[для] архива уфам. "Кенос" сделать в

10 (десять) экземпляров книги из

[отпечат]анных 18 листов.

[Быв]ший Председатель Правления уфам. "Кенос"

[Заведую]щий Редакцией ар. и. "Витязел"

КОММЕНТАРИИ

Текст печатается по следующим источникам:

1) По сохранившемуся экземпляру первых 280 страниц, которые директор кооперативного книгоиздательства «Колос» Ф.И. Витязев-Седенко передал (после того, как книга была запрещена и дальнейший ее набор рассыпан) в библиотеку Румянцевского музея (ныне РГБ) и, по-видимому, в ряд других российских библиотек. На одном из двух экземпляров, хранящихся ныне в РГБ, имеется такая надпись: «В Библиотеку Румянцевского Музея. Уничтоженная книга. Уцелело 17 листов в количестве 10 экземпляров. От Витязева. *Ф.И. Витязев-Седенко*». Два других экземпляра спасенной Витязевым-Седенко «полукнижки» хранятся в РНБ (Санкт-Петербург) и библиотеке ИНИОН РАН (Москва).

На контртитule первого – несостоявшегося – издания воспроизведено название книги по-английски: «Hunger as Factor. The Influence of Hunger on the Behavior of Men, their Social Organisation and Social Life». Набиралась и печаталась книга в 14 Государственной типографии (Петроград. Социалистическая, 14); предполагавшийся тираж – 2000 экз. Имеется отметка о цензурном разрешении: Р.Ц. № 1526. Выходные данные книги: Петроград: «Колос», 1922.

2) По ксерокопии корректурных оттисков последующих страниц книги, которые П.А. Сорокин вывез из России и которые ныне хранятся в его домашнем архиве в Винчестере. Эти страницы пронумерованы от руки (всего их 147) и разделены на 19 форм (galley proofs); по-видимому, в таком виде корректура поступала к автору для правки.

3) Последние страницы десятой главы книги (корректурные оттиски которых не сохранились) переведены с английского по изданию: *Hunger as a Factor in Human Affairs*. Gainesville: University Press of Florida, 1975, p. 309–319.

ПРЕДИСЛОВИЕ

^{1*} «Система социологии» – главный научный труд П.А. Сорокина российского периода творчества. Весь труд, по замыслу автора, должен был состоять «по меньшей мере» из восьми томов и включать такие разделы, как «социальная аналитика», «социальная механика» и «социальная генетика». Изданные в 1920 г. два тома «Системы социологии» (переиздание: М., 1993) включали в себя только «социальную аналитику». Упрощенное и сокращенное изложение «социальной механики» было дано Сорокиным в «Общедоступном учебнике социологии» (Ярославль, 1920; переиздание: М., 1994). В списке своих неопубликованных работ, вывезенных из России (см.: Новая русская книга. Берлин, 1922, № 10, с. 7–10), Сорокин называет и третий том «Системы социологии», посвященный учению о социальных силах (ок. 30 п. л.). Однако ни третий, ни последующие тома «Системы социологии» так и не были опубликованы. — 17

^{2*} *Номографический* (от греч. *nomos* – «закон») и *идиографический* (от греч. *idios* – «особенный», «своеобразный» и *grafo* – «пишу») – методы познания, применяемые соответственно в естественных и гуманитарных науках (или науках о культуре, по терминологии баденской школы неокантианства). Понятия эти введены в науку В. Виндельбандом и подробно развиты Г. Риккертом. См.: *Виндельбанд В.* Прелюдии. Философские статьи и речи. СПб., 1904, с. 320; *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911, с. 80–81. — 17

ВВЕДЕНИЕ

^{1*} Вечный двигатель (*лат.*) — 21

^{2*} «Principia» (Начала) – сокращенное название главного сочинения И. Ньютона «Математические начала натуральной философии» (1687). Русский перевод опубликован в «Известиях Николаевской морской академии» (Пг., 1915. Вып. IV). — 21

^{3*} Тело – это машина, работающая на топливе (*англ.*) — 21

^{4*} В «Общедоступном учебнике социологии» автором этого афоризма Сорокин называет Гете (*Сорокин П.А.* *Общедоступный учебник социологии.* Статьи разных лет. М., 1994, с. 96). В «Системе социологии» он приводит цитату из книги Л. Уорда «Чистая социология»: «Голод и любовь являются основными причинами всех поступков, и можно сказать, что практически все человеческие страсти так или иначе обусловлены ими» (*Сорокин П.А.* *Система социологии.* М., 1993, т. 1, с. 148, 439). Но, вероятнее всего, афоризм принадлежит Ф. Шиллеру, чье стихотворение «Мудрецы» (1795) заканчивается словами:

И чтобы мир был молод,
Царят любовь и голод!

(*Шиллер Ф.* *Собрание сочинений в 7-ми тт.* М., 1955, т. 1, с. 205). — 22

^{5*} Я ничего не предполагаю, ничего не навязываю – я показываю (*фр.*) — 24

^{6*} *Витамины* (от лат. *vita* – «жизнь») – группа органических соединений разнообразной химической природы, необходимых для питания животных и человека в ничтожных количествах по сравнению с основными питательными веществами, но имеющих огромное значение для нормального обмена веществ и жизнедеятельности. Основоположник учения о витаминах – русский врач Н.И. Лунин (1880), но само название «витамины» предложил в 1912 г. польский врач К. Функ. Поэтому в начале 20-х гг. XX в. это слово было сравнительно новым и непривычным. — 26

^{7*} *Вазомоторные* (от лат. *vas* – «сосуд» и *motor* – «приводящий в движение») процессы – передача сосудодвигательными нервными волокнами импульсов, исходящих от центральной нервной системы к гладкой мускулатуре кровеносных сосудов, что вызывает ее сокращение или расслабление и приводит к сужению или расширению сосудов; *аккомодация* (от лат. *accomodatio* – «приспособление») – термин, близкий к адаптации и означающий приспособление организма к изменениям в окружающей среде; различают аккомодацию глаза, физиологическую аккомодацию (приспособление мышечной и нервной ткани к действию медленно нарастающего по силе раздражителя) и гистологическую (изменение формы и соотношения клеток в процессе приспособления к изменившимся условиям). — 33

^{8*} *Анимизм* (от лат. *anima* – «дух», «душа») – термин, обозначающий религиозные представления первобытных народов о всеобщей одушевленности материального мира. Э.Б. Тайлор, который ввел в науку этот термин, считал веру в отдельных от тела духов «минимумом религии», созданным «дикарем-философом» в результате размышлений над причинами сновидений, смерти и т.п. — 36

^{9*} Регулирование питания и тепла... является функцией нервной системы во всей ее совокупности, а не той или иной ее части или отдела (*нем.*) — 39

^{10*} *Закон Вебера-Фехнера* (основной психофизиологический закон) определяет связь между интенсивностью ощущения и силой раздражения, действующего на какой-либо орган. Основан на наблюдении немецкого физиолога Э. Вебера, который в 30-х гг. XIX в. установил,

что воспринимается не абсолютный, а относительный прирост силы раздражителя (света, звука, груза, давящего на кожу, и т.п.). Например, если исходная масса груза, давящего на кожу, равна 75 г, человек ощущает увеличение его на 2,7 г, если же исходная масса равна 150 г, человек ощущает прирост на 5,4 г. Для своих опытов Вебер создал ряд методик и приборов; для определения порога кожной чувствительности он изобрел специальный прибор, получивший название «циркуль Вебера», который применяется и в настоящее время. В 1858 г. немецкий физик Г. Фехнер, обобщив результаты, полученные Вебером, вывел математическую формулу, согласно которой интенсивность ощущения равна логарифму силы раздражителя. Подробнее см.: *Ярошевский М.Г.* Психология в XX столетии. М., 1974, с. 66–68. — 45

^{11*} От греч. *allēlon* – «друг друга», «взаимно» (заменяющие, усиливающие и т.п.). — 50

^{12*} *Гуморальные* (от лат. *humor* – «жидкость») раздражители действуют через жидкие среды организма: кровь и лимфу. — 51

^{13*} Положение, которое было прежде (*лат.*). — 52

ГЛАВА ПЕРВАЯ

^{1*} *Соматическое* (от греч. *soma* – «тело») – телесное. — 55

^{2*} При прочих равных условиях (*лат.*). — 55

^{3*} *Партеногенетическое размножение* (от греч. *partenos* – «девственница» и *genes* – «рождение») – одна из форм полового размножения организмов, при которой женские половые клетки развиваются без оплодотворения. — 56

^{4*} *Базедова болезнь* – заболевание, связанное с повышением функции щитовидной железы, описанное немецким врачом К. Базедовым (1799–1854); *микседема* (от греч. *múxa* – «слизь» и *oídēma* – «опухоль», «отек») – слизистый отек, заболевание, обусловленное недостаточностью или полным выпадением функций щитовидной железы. — 61

^{5*} *Чинуки и шошоны* – племена североамериканских индейцев; *арауканы* – народ, составляющий основную массу индейского населения Чили; *эскимосы* – палеоазиаты полярных и заполярных территорий; *лапландцы* – лопари (саами), относящиеся к северной группе финноязычных народов; *камчадалы* (современное название «ительмены») – коренные обитатели Камчатки, сохранившиеся на западном побережье этого острова в Корякском национальном округе; *огнеземельцы* – индейцы она, алакалуф и яганы андо-экваториальной языковой семьи; *андаманцы* – коренное население Андаманских островов, численность которых, по некоторым данным, составляет несколько сот человек (средний рост мужчин – 148 см, женщин – 138 см); *ведда* – древнейшее коренное население Цейлона численностью около 800 человек; *бушмены* (в букв. переводе с голландского «люди кустарников») – народ, населяющий западные и центральные районы Ботсваны, а также соседние районы Намибии и Анголы; *акка* – карликовое племя, обитающее в Центральной Африке в бассейне реки Конго, средний рост которых не превышает 150 см. — 62

^{6*} *Раджпуты* (т.е. «сыновья раджи») – группа каст высокого статуса в современной Индии (всего их 36 семейств), которые претендуют на происхождение от древней варны кшатриев; *шудры* – представители низшей из четырех древнеиндийских варн, которые были слугами, ремесленниками, зависимыми и подчиненными работниками. *Уйданур* – город в Индии в штате Раджастхан; *Пенджаб* – природная и историческая область на территории Индии и Пакистана. — 63

7* Дети осады (фр.). — 69

8* *Квинталь* – старинная французская мера, равная 48,9 кг. — 75

9* *Астения* (от греч. *astheneia* – «бессилие», «слабость») – болезненное состояние, проявляющееся повышенной утомляемостью и истощаемостью; *кахексия* (от греч. *kakos* и *hesis* – «состояние») – состояние глубокого истощения и физической слабости организма; *кахексия ex inanitione* (лат.) – истощение в результате голодания. — 79

10* Голод – это страдание [боль] (англ.). — 84

11* Голод обычно исчезает после приема пищи. Аппетит имеет более «духовный» характер и сохраняется даже после еды. Это желание съесть какой-то продукт, в отличие от отвращения к нему. Аппетит, возможно, является той причиной, в силу которой после еды подают еще и десерт (англ.). — 85

12* *Кинестетические* (от греч. *kineo* – «привожу в движение» и *aisthetikos* – «относящийся к чувственному восприятию») *ощущения* – совокупность процессов, обеспечивающих возникновение ощущений о положении различных частей тела животного и человека и его перемещениях. — 86

13* Тупая подавленность; тупая боль; боль; ноющая боль; тупая, гнетущая подавленность; что-то вроде боли (англ.). — 87

14* См. прим. 7* к Введению. — 92

15* Слабоумие (лат.). — 96

16* Об этом эпизоде П.А. Сорокин подробно рассказывает в 8-й главе автобиографической книги «Дальняя дорога» (М., 1992, с. 111–114) и очерке «На лоне природы», написанном в 1923 г. (см.: *Сорокин П.А.* Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994, с. 317–330). — 96

17* Имеются в виду нелегальные черные рынки, где можно было обменять одежду на муку, которую крестьяне привозили из деревень (прим. Е.П. Сорокиной). — 97

18* Т.е. упорно возобновляющиеся, навязчивые (от лат. *perseveratio* – «настойчивость», «упорство»). — 98

19* См. выше прим. 2*. — 98

20* *Факиризм* (от араб. «факир» – «бедняк») – в данном случае означает не фокусничество, притворство («ловкость рук»), в каком значении это слово обычно понимается в Европе, а учение и практику мусульманских странствующих дервишей. — 108

21* См. прим. 10* к Введению. — 109

22* Французский психолог Альфред Бине совместно с Т. Симоном разработал шкалу интеллекта, что стало началом тестологического движения. См.: *Бине А., Симон Т.* Ненормальные дети. М., 1911. — 109

ГЛАВА ВТОРАЯ

1* *Тропизмы* – определенные движения организмов, происходящие под влиянием различных раздражителей. Тропизмы называются положительными, если движение направлено в сторону раздражителя, и отрицательными, если оно направлено от раздражителя. В зависи-

мости от раздражителя различают несколько видов тропизмов: хемотропизмы – под влиянием химических веществ, гелиотропизмы – под влиянием света, геотропизм – под влиянием силы тяжести, электротропизм и т.д.; *таксисы* – двигательные реакции свободно передвигающихся микроорганизмов и простейших растений. Различают фототаксисы, термотаксисы, гальванотаксисы, хемотаксисы и т.п. — 111

^{2*} Своего рода, своеобразный (*лат.*). — 118

^{3*} См. прим. 2* к главе первой. — 120

^{4*} Земледелием они занимаются мало; их пища состоит главным образом из молока, сыра и мяса. Ни у кого нет определенных земельных участков и вообще земельной собственности; но власти и князья каждый год наделяют землей, насколько и где найдут нужным, роды и объединившиеся союзы родственников (*лат.*). — 122

^{5*} *Золотой Берег* (Gold Coast) – побережье Гвинейского залива на территории Ганы (бывшей британской колонии). — 123

^{6*} Немецкий статистик Эрнст Энгель на основании изучения структуры бюджетов пролетарских семей установил, что с ростом дохода семьи удельный вес расходов семьи на пищу снижается, на одежду, жилище, отопление и освещение – сравнительно мало меняется, на удовлетворение культурных потребностей – увеличивается. Отсюда следует, что при прочих равных условиях доля дохода, расходуемая на пищу, может служить показателем уровня благосостояния данной группы населения. — 127

^{7*} Парафраз цитаты из стихотворения Михалевича – персонажа романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо»:

Новым чувствам всем сердцем отдался,
Как ребенок, душою я стал;
И я сжег все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигал.

(Тургенев И.С. Собрание сочинений в 6-ти тт. М., 1968, т. 2, с. 75). — 130

^{8*} См. прим. 10* к Введению. — 132

^{9*} Имеется в виду глава десятая – «Голод, социальные волнения, восстания и революции». — 134

^{10*} Третий радующийся (*лат.*) – т.е. человек (в данном случае – «детерминатор»), выигрывающий от распри двух сторон. — 135

^{11*} См. прим. 16* к главе первой. — 139

^{12*} Потеря веса, истощение, снижение работоспособности и физической пригодности населения (*нем.*). — 141

^{13*} Кронштадтское восстание (28 февраля – 18 марта 1921) проходило под лозунгом «Вся власть Советам, а не партиям» (или «Советы – без коммунистов»). Вместе с «антоновщиной» (крестьянским восстанием в Тамбовской губернии) Кронштадтское восстание послужило наиболее серьезной причиной, вынудившей большевиков ввести НЭП. Подробнее см.: Семанов С.Н. Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа. М., 1973; Семанов С.Н. 18 марта 1921 г. М., 1977; Шишкина И. Кронштадтский мятеж 1921 года: «неизвестная революция»? // Звезда. 1988, № 6. — 141

^{14*} В лето от Рождества Христова 1317, 1318 и 1319 в Польше и Силезии был настолько сильный голод, что во многих местах родители поедали своих детей, а дети – родителей,

а многие подозревались в том, что они едят мясо умерших. [Или:] В прошлом (793) году повсюду был такой голод, что начали поедать человек человека, брат – брата, и даже матери – своих детей. В 868 г. повсюду был голод, и люди набрасывались друг на друга, как дикие животные. В глазах мужчин и женщин [охваченных голодом] областей от тех времен застыл ужас в глазах. В других местах люди умирали от истощения. В 1032 г. стало известно, что люди сильные, чтобы выжить, отрубали себе части тела, варили их на огне и ели (*лат.*). — 146

^{15*} *Номады* – греческое название кочевников. — 148

^{16*} И таким образом они восполняли нехватку съестных припасов (*лат.*). — 148

^{17*} Не во все ли времена не хватало людям жалости? Но теперь и среди ближайших родственников исчезла всякая снисходительность, и никто никому не оказывал поддержки, так что, оказавшись в величайшей нужде, ни родители не хотели знать детей, ни дети – родителей, и никто никому не желал давать даже самого необходимого для жизни (*лат.*). — 150

^{18*} Сострадание, жалость (*лат.*). — 150

^{19*} Столица государства Бенин, существовавшего до конца XIX в. в южной части современной Нигерии. — 151

^{20*} Соитие, совокупление (*лат.*). — 156

^{21*} Зеленоватый тритон (*лат.*). — 157

^{22*} *Планарии* – ресничные черви, отличающиеся крупным размером (длина тела до 35 см), распространенные по всему земному шару и обитающие в пресных водах, реже – в морях, а в тропиках – и на почве. — 157

^{22*} *Аменорея* (от греч. *a* – отрицат. частица, *мен* – «месяц» и *rheo* – «теку») – отсутствие менструации, свидетельствующее о каком-то заболевании. — 158

^{23*} Преступлений против нравственности (*фр.*). — 164

^{24*} И вот... по мере того, как супружеские узы стали цениться как кусок мяса, тем все чаще верность меняли на незначительное количество пропитания (*лат.*). — 165

^{25*} Многих молодых девушек, в сущности еще почти детей, заниматься проституцией вынуждает нищета (*нем.*). — 166

^{26*} См.: *Сорокин П.А.* Система социологии. М., 1993, т. 2, с. 142–145. — 169

^{27*} Подобного рода высказывания и послужили, вероятно, причиной того, что коммунисты уничтожили эту книгу (*прим. Е.П. Сорокиной*). — 169

^{28*} См. выше прим. 2* — 170

^{29*} См. прим. 11* к Введению. — 170

^{30*} *Предустановленная гармония* – одно из центральных понятий философии Лейбница. Так как «монады» (простые субстанции) вовсе не имеют окон, через которые что-либо «могло бы туда войти или оттуда выйти», и поскольку «душа следует своим собственным законам, тело – также своим», они, по Лейбницу, «сообразуются в силу гармонии, предустановленной между всеми субстанциями...» (*Лейбниц Г.В.* Сочинения в 4-х тт. М., 1982, т. 1, с. 413–414, 427: *Монадология*, § 7, 78). — 175

^{31*} См. выше прим. 10*. — 175

^{32*} *Пеммикан* (слово, заимствованное из языка индейцев алгонкинов) – брикеты из сушеного и растертого в порошок мяса (оленьего, бизоньего или говяжьего), смешанного с жиром и соком кислых ягод (или с сушеными фруктами). По словам Р. Пири, «из всех видов мясных продуктов пеммикан наиболее питательный и абсолютно необходим во время длинных санных походов в Арктике» (Пири Р. Северный полюс; Амундсен Р. Южный полюс. М., 1972, с. 21). — 176

^{33*} *Тотемические животные и растения* (слово «тотем» на языке северо-американских индейцев племени оджибве означает «его род») считаются родоначальниками того или иного племени или рода; тотемом могут быть не только животные и растения, но и явления природы и даже неодушевленные предметы; тотем не может быть предметом охоты или какого бы то ни было утилитарного использования. — 177

^{34*} *Табу* – полинезийское слово, означающее запрет, налагаемый на предмет, действие или слово, нарушение которого влечет за собой кару со стороны сверхъестественных сил. — 177

^{35*} Набожная душа автора «*Passio Karoli*» была оскорблена тем, что некоторые люди во время поста едят мясо. Это упоминается еще и как дурной признак: так было в Реймсе в 1197 г. (нем.). — 177

^{36*} Доходило до того, что многие бедняки (если была на то возможность), как дикие псы, поедали трупы животных и, наподобие быков, считали съедобными сухие луговые травы (лат.). — 177

^{37*} Иногда бедняки не брезгают и мертвечиной и, как собаки, набрасываются и рвут зубами мясо дохлых животных (лат.). — 177

^{38*} «Здесь опять был... голод и так свирепствовала чума, что бесчисленных нищих, оказавшихся на улице и умирающих без покаяния, хоронили без католического обряда в чистом поле». Или: «Бедняк, умирающий с голоду и валяющийся на улице, обращал на себя столько же внимания, сколько в иных местах обращают внимания на лающих собак» (лат.). — 179

^{39*} *Мамона* (маммона) – арамейское слово, означающее «богатство»; в Новом Завете – обозначение осуждаемой демонической власти собственности (Лк. 16, 9, 11, 13; Мф. 6, 24). — 179

^{40*} «*Каролина*» – общегерманское уголовно-судебное уложение, составленное в 1532 г. и названное так по имени императора Карла V; действовало до конца XVIII в. Русский перевод: Каролина. Алма-Ата, 1967. — 181

^{41*} В старые времена находились люди, которые в случае крайней нужды занимались даже самопродажей (нем.). — 184

^{42*} Нищенствуют даже неплохие ремесленники и разного рода деревенские поденщики, хотя некоторые из них вполне могли бы заработать достаточное количество денег (лат.). — 185

^{43*} *Маклак* – посредник при мелких торговых сделках; тот, кто наживается при перепродаже; спекулянт. — 186

^{44*} Одни семьи, чтобы спастись от голода и выжить, простились со всем своим имуществом, другие продали женские браслеты, позолоту, ожерелья и все украшения, которыми их жены старались украсить свою одежду (лат.). — 186

^{45*} К этому мне хотелось бы добавить кое-что из своих личных воспоминаний. Как-то раз в феврале 1919 г. в гости к нам пришел один из наших друзей. Это был блестящий профес-

сор Петроградского университета, большой эрудит и чрезвычайно интересный собеседник. В прежние времена мы очень радовались его визитам и обычно часами вели с ним оживленные споры на разные темы. В этот раз он выглядел совершенно осунувшимся, изнуренным, а выражение лица напоминало безжизненную маску. Когда я поставила перед ним тарелку пшенной каши, он начал есть ее с такой сосредоточенностью, как будто в мире ничего, кроме каши, не существовало. Поистине, это был пример полной деградации яркой человеческой личности (*прим. Е.П. Сорокиной*). — 187

^{46*} Снискание расположения (*лат.*). — 190

^{47*} *Каносса* – замок в Северной Италии, перед воротами которого германский император Генрих IV три дня простоял в одежде кающегося грешника, добываясь приема папы Григория VII. С тех пор выражение «идти в Каноссу» стало означать согласие на унижительную капитуляцию. — 194

^{48*} Статья «Голод и убеждения (идеология) человека», которая представляет собой сокращенный вариант данного параграфа, заканчивается словами, не вошедшими в основной текст книги «Голод как фактор». Приводим их здесь:

«Но всегда ли и у всех ли убеждения не выдерживают этого “испытания голодом”? Нет, не всегда и не у всех. Я уже сказал, что это бывает тогда и у тех, у кого эти убеждения на самом деле оказываются слабыми и непрочными. У тех же, у кого они прочны, голод не в состоянии ни подавить, ни ослабить их. Хотя сравнительно не так уж и много таких людей и таких убеждений – все-таки они были и есть. Примерами могут служить некоторые аскеты, голодавшие неделями во имя своих религиозных убеждений, хотя голод испытывали они так же остро, как и мы с вами. Можно назвать многих ученых, которые с научной целью голодали по 10, 20, 30 и даже 50 дней. Кому не известны политические голодовки в тюрьмах прошлого и настоящего, когда голодавшие доводили себя до смерти, но не изменяли своим убеждениям? Кто не знает голодных родителей, последний кусок хлеба отдававших и отдающих своим детям? В наше время многим известны люди, добровольно отказывающиеся от пайков, иногда весьма обильных, лишь бы не пойти ни на малейшую сделку со своей совестью, не изменить ни на йоту своим убеждениям. Такие люди и явления свидетельствуют, с одной стороны, о том, что голод не всегда выходит победителем из дуэли с убеждениями, с другой – о том, что убеждения этих людей действительно прочны, если даже испытание голодом не в состоянии их поколебать. Нужно, однако, сказать, что таковых меньшинство, по крайней мере, в нашей стране. Большинство же этого реактива не выдерживало и не выдерживает.

Независимо от того, хороши или плохи с моей точки зрения эти неизменные убеждения, я не могу относиться к таким людям иначе, как с глубоким уважением. Прочность убеждений, не изменяемых в зависимости от источника и величины пайка, самое достоверное свидетельство того, что этот социальный костюм, делающий человека человеком, надет на них не случайно, что кора культуры на них – не тонкая пленка и не развеется в прах при первом же искушении голодом. Это те люди, которые не мягкотелы, которые способны и добывать, и отстаивать свои права. Это те люди, которые нужны каждому народу. Если их мало, то масса населения похожа на бесхребетную улитку, из которой можно веревки вить. Мало того, если, с одной стороны, в народе много искренно меняющихся “хамелеонов” или “беспринципных рептилий”, а с другой – если сам народ не дорожит своими убеждениями, относится к ним пренебрежительно и легкомысленно, то такой народ не может быть ни великим, ни счастливым, ни свободным.

История показывает, что только народы, искренно дорожившие своими убеждениями, не менявшие их по воле ветра, не продававшие свои права, честь и совесть за “чечевичную похлебку”, – были и остаются великими народами. Как мошенник и преступник в нормальной жизни в конце концов попадаетея и гибнет, так и беспринципный народ, думающий выехать на кривде, в конце концов теряет и свободу, и величие, и честь, и совесть, и... хлеб» (Артельное дело. 1921, № 9–19, с. 16). — 195

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

^{1*} 1 Кор. 13, 1. — 205

^{2*} На самом деле это парафраз цитаты из «Всемирной истории» Ж.Б. Боссюэ: «Человек волнуется, а Всевышний руководит им». Эту цитату неоднократно приводит в своих сочинениях М.М. Ковалевский. См., например: *Ковалевский М.М.* Социология. СПб., 1910, т. I, с. 10. — 205

^{3*} *Коммендация* (от лат. *commendo* – «вверяю», «передаю») – в Западной Европе в период раннего средневековья договор, закреплявший акт отдачи себя под покровительство другому, более «сильному», становившемуся патроном первого (коммендирующегося). — 207

^{4*} Последний довод (лат.). Происхождение выражения – надпись на французских пушках, которая чеканилась на них до 1790 г.: *ultima ratio regis* – последний довод королей. — 207

^{5*} Видимо, по замыслу автора книга должна была состоять из нескольких частей. В сохранившихся материалах обозначены только две части: в первую входит введение, первая и вторая главы, вторая часть начинается с третьей главы, после чего разделение книги на части исчезает. Поскольку восстановить с достаточной степенью достоверности первоначальную структуру книги не представляется возможным, в настоящем издании (как, впрочем, и в переводе, подготовленном Е.П. Сорокиной) разделение книги на части снято. — 208

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

^{1*} Овсяный хлеб (нем.). — 210

^{2*} Согласно П.Л. Лаврову, с того момента, когда в человеке пробуждается чувство собственного достоинства, начинается его нравственное развитие. «На несколько высшей ступени в нем вырабатывается... потребность *развиваться*». Затем человек ставит перед собою и «обязанность развиваться» (*Лавров П.Л.* Философия и социология. Избранные произведения в 2-х тт. М., 1965, т. 2, с. 392). — 212

^{3*} Сладостное ничегонеделание (итал.). — 213

ГЛАВА ПЯТАЯ

^{1*} *Квартер* (quarter) – английская мера сыпучих тел; 1 квартал = 11,34 кг. — 220

^{2*} Имеются в виду волжско-камские болгары (булгары), государство которых охватывало территорию от Самарской Луки до Северной Чувашии и Южного Приуралья; существовало с X в. до 1241 г., когда оно было полностью покорено монголами и вошло в состав Золотой Орды. — 223

^{3*} *Ятвяги* – древнепрусское племя, близкое к литовцам; обитало между средним течением Немана и верховьями реки Нарев. — 223

^{4*} См. прим. 8* к первой главе. — 224

^{5*} *Медимн* – древнегреческая мера сыпучих тел, равная 52,5 л. — 224

^{6*} *Эмпорциум* (от греч. и лат. *emporium* – «рынок») – оборудованные ряды, обычно на берегу моря, для оптовой дальней торговли, где предоставлялись пошлинные и складские льготы (например афинская гавань Пирей). — 225

^{7*} За пределы империи нашей не должны продаваться никакие продукты питания (*лат.*). — 225

^{8*} Имеется в виду глава десятая – «Голод и организация социального агрегата». *Этатизм* (от фр. *état* – «государство») – политическая доктрина, согласно которой государство рассматривается как высший результат и цель общественного развития. «Государство – все, личность гражданина – ничто» – такова формула «предельного» этатизма. Сущность этатизма в той его форме, в какой он сложился в России после революции, очень хорошо выразил академик И.П. Павлов: «Мы живем под господством жесткого принципа: государство, власть – все... личность обывателя – ничто. Жизнь, свобода, достоинство, убеждения, верования, привычки, возможность учиться, средства к жизни, пища, жилище, одежда – все это в руках государства. А у обывателя только беспрекословное повиновение» (см.: Звезда. 1989, № 10, с. 116). — 225

ГЛАВА ШЕСТАЯ

^{1*} См. прим. 1* к главе второй. — 227

^{2*} *Великое переселение народов* – условное название совокупности этнических перемещений в Европе IV–VII вв., главным образом с периферии Римской империи на ее территорию и в ее пределах. — 229

^{3*} См.: Быт. 13, 6–12: «И непоместительна была земля для них, чтобы жить вместе, ибо имущество их было так велико, что они не могли жить вместе». — 229

^{4*} Многие бросили свои земли и отправились искать чужие, многих согнали с родных мест и переселили на чужбину... некоторые из-за сильного голода продали свои земли и намерены отправиться в поход... И не только бедные и обездоленные, но и многие другие, считающие, что им не хватает пропитания, взялись за меч, чтобы добыть себе недостающие им блага (*лат.*). — 231

^{5*} Западных франков легко можно было уговорить покинуть свои деревни; ибо Галлию в течение несколько лет жестоко угнетали то гражданская война, то голод, то смертность (*лат.*) – цитата из «Всеобщей хроники» Эккехарда из Ауры (ч. 14) в переводе И.М. Дьяконова. — 231

^{6*} *Фемы* – военно-административные единицы в Византийской империи, во главе которых стояли начальники войсковых подразделений, также называвшихся «фемами»; в XIV в. это устройство уступило место системе уделов, находившихся в наследственном владении крупных феодальных фамилий. — 231

^{7*} В целом (*фр.*). — 233

^{8*} Конечно, в большинстве случаев причины эмиграции носят экономический характер (*нем.*). — 234

^{9*} Голод 1921 г. и бедствия крестьян Самарской и Саратовской губерний, охваченных им, ярко описаны Птитиримом Сорокиным в его первой книге, изданной в Соединенных Штатах (*Leaves from a Russian Diary*. New York, 1924; 2-е изд. – 1970). Поскольку я лично наблюдала все эти события, могу сказать, что единственным светлым пятном в воспоминаниях о том времени остается помощь, оказанная миллионам голодающих Американской Администра-

цией Помощи (ARA), возглавляемой Гувером. Эта помощь никогда не сотрется в памяти русских людей (*прим. Е.П. Сорокиной*).

Герберт Кларк Гувер (1874–1964) – крупный промышленник, по специальности горный инженер, был пайщиком и директором предприятий во многих странах мира, в том числе в дореволюционной России. В 1919–1923 гг. он возглавлял Американскую администрацию помощи (ARA), впоследствии стал президентом США (1929–1933). — 239

^{10*} Маленькая Италия (итал.) — 241

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Седьмая глава книги П.А. Сорокина «Голод как фактор» печатается по тексту уничтоженного советской цензурой издания книги и корректуре, предоставленной в наше распоряжение Сергеем Питиримовичем Сорокиным (см. ниже прим. 17*).

^{1*} *Версальский договор*, подписанный 28 июня 1919 г., официально завершил Первую мировую войну. — 245

^{2*} Закон войны позволяет победителю все (*лат.*) — 246

^{3*} *Гиксосы* (название происходит от египетского «хека хасут» – «правители пустынных стран») – семитские и хурритские племена, завоевавшие Египет и правившие им примерно с 1710 по 1560 г. до н.э. — 247

^{4*} *Лагаш* – древнее государство в Шумере на территории современного Ирака, существовавшее в XXVI–XXI вв. до н.э. — 247

^{5*} *Кондотьеры* (от итал. *condotta* – «договор о найме на военную службу») – предводители наемных военных отрядов в Италии в XIV–XVI вв., находившихся на службе отдельных государей и римских пап. — 249

^{6*} Хлеба и зрелищ (*лат.*) – требование римской черни эпохи империи. — 250

^{7*} Стол, еда; букв.: питье и еда (*фр.*) — 251

^{8*} К вящей славе Господней (*лат.*) – девиз ордена иезуитов. — 251

^{9*} *Конкистадоры* (от исп. *conquistador* – «завоеватель») – участники испанских завоевательных походов в Южную и Центральную Америку в конце XV–XVI вв. — 251

^{10*} *Биармийцы* – обитатели страны на крайнем северо-востоке России; Биармия славилась мехами, серебром и мамонтовой костью. Некоторые историки считают, что Биармия (или Биармаланд) – это скандинавское название берега Белого моря, Двинской земли, другие отождествляют ее с «Пермью Великой». — 252

^{11*} Повышение цен во всем мире; новшество повсеместное (*нем.*) — 256

^{12*} При неизменном положении вещей (*лат.*) — 256

^{13*} Согласно «естественному закону народонаселения» Мальтуса, население имеет тенденцию размножаться в геометрической прогрессии, в то время как средства существования могут увеличиваться лишь в арифметической прогрессии. Возникающая таким образом диспропорция должна регулироваться эпидемиями, голодом, войнами, непосильным трудом, истребающими огромные массы людей. — 256

^{14*} См. прим. 2* к третьей главе. — 256

^{15*} *Делосский союз* (или Афинский морской союз) был заключен в 478–477 гг. до н.э. и распался после поражения Афин в Пелопоннесской войне. В союз входило 208 добровольных и вынужденных членов, которые платили взносы в союзную казну (которой фактически распоряжались Афины) в размере до 1460 талантов. — 258

^{16*} Добыча римского народа (*лат.*). — 258

^{17*} На этом кончается текст, имеющийся в России (с. 259), и далее начинается текст корректуры. — 259

^{18*} Евангельское выражение, смысл которого понятен из контекста: «В них [у крытых ходов в купальню “Овечьи ворота” в Иерусалиме] лежало великое множество больных, слепых, хромых, иссохших, ожидающих движения воды» (Ин. 5, 3). — 260

^{19*} Покорных шадить и усмирять горделивых (*лат.*) – слова из «Энеиды» Вергилия (VI, 53). — 261

^{20*} Рассеются племена, жаждущие войны (*лат.*). — 262

^{21*} Среди оружия молчат Музы и искусство (*лат.*). — 263

^{22*} Третьего не дано (*лат.*). — 266

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

^{1*} *Этиология* (от греч. *aitia* – «причина») – раздел патологии, изучающий проблему причинности в медицине. — 269

^{2*} В полном составе, целиком; в подавляющем большинстве (*фр.*). — 271

^{3*} Многие здесь под влиянием нужды вместо того, чтобы по привычке подчиняться своим патронам, вешают их (*лат.*). — 272

^{4*} В своем докладе на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г. В.И. Ленин сказал: «У политически просвещенного народа взятка не будет, а у нас они на каждом шагу» (*Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд., т. 44, с. 172). — 274

^{5*} «*Борьба* (точное: война) *всех против всех*» – по Т. Гоббсу, гипотетическое состояние человечества в дообщественном состоянии (или при отсутствии «гражданского состояния»). См.: *Гоббс Т.* Сочинения в 2-х тт. М., 1991, т. 2, с. 95). — 278

^{6*} См. прим. 21* к седьмой главе. — 278

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

^{1*} *Жакерия* (от Jacques Bonhomme – «Жак-Простак» – презрительного прозвища, данного крестьянину дворянами) – антифеодальное восстание крестьян во Франции в 1358 г. — 280

^{2*} *Тартюф* – герой одноименной пьесы Ж.Б. Мольера, нарицательное имя ханжи и лицемера. — 280

^{3*} Желаящего идти судьба ведет, не желаящего – тащит (*лат.*). — 280

^{4*} См. прим. 1* к седьмой главе. — 281

^{5*} Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22-х тт. М., 1983, т. 13, с. 226 («Воскресение», ч. 2, гл. VI). — 285

^{6*} *Сахиб* – господин, почтительное обращение к европейцу в колониальной Индии. — 285

^{7*} *Обол* – самая мелкая серебряная или медная древнегреческая монета; афинский серебряный обол весил 0,73 г. — 289

^{8*} *Драхма* – денежная единица Древней (и современной) Греции различного достоинства. Масса афинской серебряной драхмы составляла 4,46 г (1 драхма = 6 оболам). Во времена Солона мидимн зерна стоил 1 драхму, бык – 5 драхм; при Перикле прожиточный минимум семьи составлял 1/3 драхмы в день. — 289

^{9*} *Пелопоннесская война* – серия войн за господство в Греции между демократическими Афинами и олигархической Спартой в 431–404 гг. до н.э., описанных в «Истории» Фукидида.

^{10*} *Тридцать тиранов* – так называются 30 олигархов (Ферамен, Критий и др.), которые после поражения Афин в Пелопоннесской войне при поддержке спартанского наварха (командующего флотом) Лисандра захватили неограниченную власть и с 404 г. до н.э. установили в Афинах режим террора. — 290

^{11*} Имеется в виду «пролетариат» в древнеримском, а не современном смысле слова; в Риме пролетариями называли тех, кто не имеет никакого достояния, кроме потомства (*proles*).

^{12*} *Сестерций* – самая мелкая римская серебряная монета достоинством 2,5 асса (см. прим. 20* к десятой главе). В период поздней республики сестерций был бронзовой монетой, Август велел чеканить его из латуни (27,3 г). — 291

^{13*} Восстание автономных италийских племен против Рима, известное под названием «Союзнической войны», произошло в 90–88 гг. до н.э. В ходе восстания италийцы, обязанные предоставлять Риму вспомогательные войска и конницу, но не имевшие гражданских прав, основали самостоятельное государство со столицей, названной Италия; несмотря на ряд военных неудач, восставшие сумели добиться предоставления им прав римских граждан, после чего многие италийские города благодаря развитию экономики и торговли достигли расцвета в своем развитии. — 292

^{14*} *Энна* (ныне Кастроджиованни) – город в Сицилии, где в 134 г. до н.э. вспыхнуло восстание рабов под предводительством раба Эвна, провозгласившего себя сирийским царем Антиохом; римлянам понадобилось почти три года, чтобы подавить это восстание, под Энной их войска простояли 2 года, после чего город был взят не столько силой оружия, сколько голодом. См.: Моммзен Т. История Рима. СПб., 1994, т. II, с. 61–62. — 293

^{15*} Согласно аграрному закону Тиберия Гракха, римляне не должны были владеть землей площадью более 500 югеров; для этого необходимо было изъять излишки земли у крупных латифундистов и поделить их между бедными и безземельными гражданами; фрументарный (от лат. *frumentarius* – «относящийся к хлебу») закон Гая Гракха предусматривал снижение цен на зерно и продажу хлеба беднякам (по их личной заявке) за половину цены. См.: Моммзен Т. История Рима. СПб., 1994, т. II, с. 81. — 293

^{16*} См.: там же, с. 249–292. — 294

^{17*} *Скамары* (букв.: «разбойники») – участники народного движения (в основном беглые рабы, колонны и разорившиеся крестьяне), охватившего в V–VI вв. Фракию и Иллирию; в начале VI в. все области Северной Фракии находились в руках скамаров, особенно боль-

шой размах это движение получило в период начавшегося вторжения славян во Франкию и облегчило славянам завоевание Балканского полуострова; *циркумцеллионы* (от лат. *circumcelliones* – «бродящие вокруг клетей»), или агонистики, – демократическая христианская секта в римской Африке IV–V вв., члены которой считали себя сторонниками «истинной веры» и выступали с проповедью аскетизма и мученичества; возглавили ряд восстаний сельской бедноты и рабов; *багауды* (возможно, от кельт. *baga* – «борьба») – участники антиримского движения в Галлии и Сев. Испании в III–V вв., основную массу которых составляли разорившиеся крестьяне, мелкие ремесленники, закрепощаемые колонны и беглые рабы. — 294

^{18*} *Колоны* (от лат. *colonus* – «земледелец») – в Римской империи мелкие арендаторы; в средневековой Западной Европе одна из категорий феодально-зависимых крестьян. — 294

^{19*} С известными оговорками (лат.). — 296

^{20*} *Восстание тайпинов* (1850–1864) – крестьянская война в Китае, направленная против маньчжурской династии Цин, в ходе которой восставшие провозгласили создание Небесного государства всеобщего благоденствия («Тайпин тяньго»); *восстание боксеров* (Ихэтуаньское восстание) – народное антиимпериалистическое восстание в Китае в 1899–1901 гг. — 296

^{21*} *Богдыхан* (монг. – «священный государь») – термин, которым в русских грамотах XVI–XVII вв. называли императоров Китая. — 296

^{22*} *Сунниты* – представители основного направления в исламе, считающегося ортодоксальным и опирающегося на священное предание мусульман («сунну»), в отличие от *шиитов* (от араб. *ши'а* – «секта», «партия»), которые признают имами-халифами лишь Али и его прямых потомков; в странах распространения ислама сунниты составляют большинство; шиизм (в разных формах) исповедуют в Иране, Йемене, Индии и Пакистане, Сирии, Южном Ираке и в Азербайджане; *хариджиты* (от арабск. «харидж» – «повстанец») – приверженцы наиболее ранней секты в исламе. Движение хариджитов возникло в начале второй половины VII в. Согласно их учению, халиф получает власть от общины путем выборов, причем избран может быть любой мусульманин, в том числе и негр; проявляя фанатическую нетерпимость ко всем инакомыслящим, хариджиты применяли террор, насилие и убийства не только по отношению к господствующим классам, но и к трудящимся. — 296

^{23*} *Алиды* – сторонники четвертого халифа Али, двоюродного брата и зятя Мухаммеда, убитого в 661 г. одним из хариджитов и объявленного шиитами первым имамом; некоторые секты крайних шиитов обожествляют Али и почитают его больше, чем Мухаммеда. — 297

^{24*} *Копты* – египтяне, исповедующие христианство с некоторыми чертами ислама; *бабекисты* – сторонники Бабека (ок. 798/800–838), вождя крупного народного восстания в Азербайджане и Западном Иране в 816–837 гг.; *карматы* (этимологическое значение слова не установлено) – приверженцы фанатичной мусульманской секты, возникшей в конце IX в. в Южном Ираке; в начале X в. образовали государство в Восточной Аравии, просуществовавшее до XI в.; *ваххабиты* (от имени основателя – Мухаммеда ибн Абд-аль Ваххаба) – последователи социально-религиозного течения в арабских странах, зародившегося в конце XVIII в., выступавшие с требованием восстановления «чистоты» начального ислама; к началу XIX в. ваххабиты образовали самостоятельное государство, ликвидированное в 1818 г., но восстановленное в 1901 г.; в 1924 г. ваххабиты завоевали Западную Аравию; позже образовалось ваххабитское государство – Саудовская Аравия. — 297

^{25*} *«Бедный Конрад»* – тайное общество, существовавшее в начале XVI в. в герцогстве Вюртемберг и поднявшее в 1514 г. восстание крестьян и горожан, которое было наиболее крупным революционным выступлением в Германии накануне Реформации и Крестьянской войны 1524–1526 гг. — 297

^{26*} Людей молодых, но трудолюбивых и предусмотрительных (*лат.*). — 298

^{27*} *Альбигойцы* – участники широкого еретического движения в Южной Франции, сторонники катаров и вальденсов; название происходит от города Альби, первоначального центра движения, или от искаженного названия албанцев (*Albanenses*), т.к. учение катаров распространилось с Балканского полуострова. Крестовые походы против альбигойцев были предприняты по инициативе папы Иннокентия III и продолжались с перерывами 20 лет (1209–1229); окончательно ересь исчезла в XIV в. — 298

^{28*} *Флагелланты* (от *лат. flagellare* – «бичевать») – полусектантское движение, охватившее Западную Европу с середины XIII в. и продолжавшееся, несмотря на запрет папы, до середины XV в.; флагелланты призывали к самобичеванию в знак покаяния и «крещения кровью», якобы дающего искупление грехов; движение их охватило Италию, Францию, Германию, Чехию, Польшу и приобрело характер массового психоза. — 299

^{29*} *«Война баронов»* – гражданская война в Англии (1263–1267) между сторонниками так называемых Оксфордских провизий, устанавливавших режим баронской олигархии, и рыцарями, которые представили королю Генриху III Вестминстерские провизии (1259), защищавшие рыцарство и свободных крестьян от произвола крупных феодалов и королевской администрации; в годы этой войны возник английский парламент (1265), окончательно утвердившийся при Эдуарде I. — 300

^{30*} *Черная смерть* – историческое название эпидемии чумы в Европе в 1347–1353 гг., за время которой погибло ок. 25 млн человек (почти половина населения Европы). — 300

^{31*} *Вилланы* (от *лат. villa* – «усадьба») – в Англии категория крестьянства, находившаяся в одной из наиболее суровых форм феодальной зависимости. — 300

^{32*} *Подушный налог* (*англ.*). Впервые этот поголовный единовременный налог был введен парламентом в 1377 г.; в 1380 г. он был увеличен втрое. Налог и злоупотребления при его взимании послужили непосредственным поводом к крестьянскому восстанию под предводительством Уота Тайлера. — 300

^{33*} *Чартизм* – рабочее движение в Великобритании в 30–50-х гг. XIX в., проходившее под лозунгом борьбы за проведение «Народной хартии» (*People's Charter* – откуда название движения), в которой содержались требования всеобщего избирательного права, тайного голосования и др. Наиболее широкий размах движение приобрело в 1847–1848 гг. в связи с экономическим кризисом, волнениями в Ирландии, революционными событиями на континенте; после 1848 г. чартистское движение пошло на спад, а в конце 1850-х гг. окончательно сошло с исторической арены. — 304

^{34*} *Паупер* (от *лат. pauper*) – нищий, неимущий. — 304

^{35*} *«Прямое действие»* (*action directé*) – программное требование французских анархо-синдикалистов, сформулированное одним из видных теоретиков этого движения Г. Лагарделем. «Прямое действие предполагает деятельное вмешательство отважного меньшинства... Образуется избранная группа, которая в силу своего качества увлекает массу и направляет ее на путь битвы» (*Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991, с. 473–474). — 305

^{36*} См. прим. 2* к третьей главе. — 306

^{37*} *Битва при Пуатье* (в ходе Столетней войны) произошла в 1356 г. Французы потерпели поражение, король Иоанн Безземельный вместе со многими сеньорами попал в плен к англичанам, которые потребовали за него и других феодалов непомерный выкуп. — 306

^{38*} Имеется в виду Парижское восстание 1357–1358 гг., вызванное резким ухудшением положения парижан после поражения французских войск при Пуатье. Восстание возглавил купеческий прево (старшина) Парижа Этьенн Марсель. На созданных в феврале Генеральных штатах Э. Марсель выработал так называемый Великий мартовский ордонанс, в котором содержалось требование участия Генеральных штатов в управлении государством, их регулярный созыв 2 раза в год для решения важнейших дел, контроля над взиманием налогов, расходами государственной казны и т.д. 22 февраля восставшие захватили королевский дворец, власть в столице фактически перешла в руки Э. Марселя. Тем не менее в июле 1358 г. восстание было подавлено, Э. Марселя убили его бывшие приверженцы. — 307

^{39*} Имеется в виду восстание «молотобойцев», или «майотенов» (подмастерьев, поденщиков и мелких торговцев), вспыхнувшее в Париже 1 марта 1382 г. при первой попытке взимания введенного с января того же года косвенного налога. Восставшие захватили в арсенале боевые молоты, вооружились ими и стали убивать сборщиков налогов, разгонять королевских чиновников, освободили из тюрем заключенных. — 307

^{40*} *Арманьяки и Бургиньоны* – группировки крупных феодалов во Франции первой половины XV в., боровшиеся между собой за власть во время правления слабоумного короля Карла VI (1380–1422). Конец борьбе между ними положил договор в Аррасе (1435). *Кабошны* (кабошены) – участники народного восстания в Париже в 1413 г. Одним из вождей восставших был Симон Лекутелье по прозвищу Башка (по-французски *Saboch*). Основные требования восставших состояли в снижении налогов и отставке королевских чиновников. Восстание было жестоко подавлено в конце августа 1423 г. объединенными силами арманьяков и бургиньонов. — 307

^{41*} *Столетняя война* – война между Англией и Францией (1337–1453), основной причиной которой было стремление Франции вытеснить англичан из Гиени, а Англии – ликвидировать вассальную зависимость Гиени от Франции и вернуть утраченные при Иоанне Безземельном Нормандию, Анжу и др., а также стремление обоих государств к господству над Фландрией; война закончилась капитуляцией Англии в Бордо (19 октября 1453 г.). — 307

^{42*} *Религиозные войны* – войны между католиками и кальвинистами (гугенотами) во Франции во второй половине XVI в.; *Варфоломеевская ночь* – массовая резня гугенотов в Париже 24 августа 1572 г., организованная королевой-регентшей Екатериной Медичи и вождями католиков Гизами; под *целым рядом восстаний в городах и селах*, вероятно, имеется в виду крестьянское движение «кроканов», охватившее Францию в конце XVI – начале XVII в.; свое название движение получило от лозунга «На грызунов» (*Aux croquants*), как называли восставшие дворянство, духовенство, королевских чиновников и откупщиков; «*Лига*» (точнее «Католическая лига») – объединение части французского католического духовенства и дворянства, учрежденное в 1576 г. для борьбы с гугенотами; в конце 1576 г. Лига фактически распалась и была восстановлена в 1585 г.; *парижская революция* – так называемый «день баррикад», народное восстание в Париже 12–13 мая 1588 г. — 307

^{43*} Так называемые «наказы» избирателей своим депутатам в Генеральные штаты. — 310

^{44*} Собственник бумажной и обойной фабрики Ревельона (сам бывший рабочий) прославился фразой: «Для рабочего достаточно черного хлеба и чечевичи, белый хлеб – не для него». 27 апреля 1789 г. народ, раздраженный его словами, стал носить по улице его чучело, чтобы судить его и сжечь. 28 апреля толпа явилась к фабрике Ревельона и заставила его рабочих бросить работу; затем она взяла штурмом его дом и разграбила его. Это событие стало непосредственным предвестием начала Французской революции. Подробнее см.: *Кроноткин П.А.* Великая французская революция. 1789–1793. М., 1979, с.40–41. — 312

^{45*} Постепенно увеличивая силу, возрастая (*итал.*). — 313

^{46*} В состав «первой коалиции» входили Австрия и Пруссия, затем к ним присоединилась Англия, а позднее и Россия. — 313

^{47*} *Жирондисты* – политическая партия периода Великой французской революции, получившая свое название по департаменту Жиронда, откуда происходили многие деятели партии. Представители республиканской торгово-промышленной и земледельческой буржуазии, находились у власти с 1792 г. до 31 мая – 2 июня 1793 г., когда они были свергнуты в результате народного восстания. — 313

^{48*} *Гора* (монтаньяры) – левая демократическая группировка Конвента, представлявшая партию якобинцев и занимавшая в Конвенте верхние ряды; *термидор* – контрреволюционный переворот 27/28 июля 1794 г. (9 термидора по республиканскому календарю), в результате которого Робеспьер и его ближайшие сторонники были арестованы и казнены. — 313

^{49*} Республиканский календарь был введен декретом Конвента от 5 октября 1793 г.; новая эра начиналась с 22 сентября 1792 г. (дня провозглашения республики); для месяцев были установлены названия, которые учитывали времена гола: осенние (вандемьер, брюмер, фример), зимние (нивоз, пловиз, вантоз), весенние (жерминаль, флореаль, прериаль), летние (мессидор, термидор, фрюктидор); таким образом, *жерминаль* (от лат. *germen* – «росток», «побеги») – седьмой месяц французского республиканского календаря, соответствующий периоду 21/22 марта – 19/20 апреля, *III год* – с сентября 1794 по сентябрь 1795 г. Республиканский календарь действовал по 1 января 1806 г. — 314

^{50*} Жить работая, или умереть сражаясь (*фр.*). Лионское восстание 1831 г. началось 21 ноября в связи с отказом мануфактуристов принять новые, более высокие расценки ткацких работ, выработанные смешанной комиссией из предпринимателей и ткачей. 23 ноября правительственные войска были разбиты в боях с восставшими и вынуждены были оставить город, однако вступившие в Лион крупные воинские части подавили восстание. — 314

^{51*} *Национальные мастерские* – форма организации общественных работ для безработных во Франции; 22 июня 1848 г., когда было принято решение о частичном закрытии Национальных мастерских, в них было занято свыше 100 тыс. человек; 3 июля, после жестокого подавления Июньского восстания, Национальные мастерские были распущены. — 315

^{52*} Имеются в виду франко-прусская война 1870–1871 гг., закончившаяся поражением Франции, и Парижская Коммуна (18 марта – 28 мая 1871 г.). — 315

^{53*} *«Башмак»* – название тайных крестьянских союзов в Юго-Западной Германии XV – нач. XVI вв., сыгравших важную роль в подготовке Крестьянской войны. — 316

^{54*} Фраза о «побывавших в Германии в 1922–1923 гг.» вписана от руки. — 317

^{55*} См. прим. 3* к пятой главе. — 317

^{56*} Имеется в виду Лжедмитрий II по прозвищу Вор; поскольку его укрепленный лагерь был расположен в подмосковном селе Тушино, за ним в истории закрепилось прозвание «тушинский вор». Подробнее см.: *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993, с. 287–297. — 318

^{57*} Следующие абзацы (до абзаца, начинающегося со слов «При Екатерине II...») вычеркнуты, скорее всего, по цензурным соображениям, поскольку негативную оценку Петра I П.А. Сорокин неоднократно приводил в других своих сочинениях. — 319

^{58*} *Баскак* – чиновник монгольского хана, ведавший сбором дани и учетом населения в завоеванных землях; на Руси баскаки появились в середине XIII в., но уже в начале XIV в. ханы были вынуждены сбор дани на Руси передать в руки русских князей. — 320

^{59*} *Астраханский бунт* произошел в 1705 г., восстание донских казаков под предводительством К. Булавина – в 1709 г., *Стрелецкий бунт* – в 1698 г. — 320

^{60*} *Яик* – старинное название реки Урал, переименованной в 1775 г. по указу Екатерины II после подавления восстания под руководством Е.И. Пугачева, в котором активное участие принимали яицкие казаки. — 320

^{61*} *Сервиллизм* (лат. *servilis* – «рабский») – раболепие, прислужничество; рабская угодливость. — 321

^{62*} «*Чумной бунт*» в Москве вспыхнул в сентябре 1771 г. во время эпидемии чумы; обстановка усугубилась безработицей основной массы городского населения и голодом вследствие закрытия мануфактур из-за карантина, отсутствием медицинской помощи и т.д. Непосредственной причиной бунта послужила попытка московского архиепископа Амвросия в качестве карантинной меры воспрепятствовать жителям толпами собираться около чудотворной иконы у Варварских ворот Китай-города; после трехдневных уличных боев восстание было жестоко подавлено войсками под командованием Г.Г. Орлова. — 321

^{63*} См. прим. 13* ко второй главе. — 325

^{64*} Абзац вписан от руки. — 327

^{65*} Имеется в виду «Манифест 17 октября 1905 года», в котором Николай II обещал даровать народу «незыблемые основы гражданской свободы», неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов, признать думу законодательным органом, без одобрения которого никакой закон не может войти в силу, и т.д. На основании манифеста была объявлена всеобщая политическая амнистия и отменена предварительная цензура печати. Автором манифеста был С.Ю. Витте. — 328

^{66*} *Валентность* (лат. *valentis* – «имеющий силу») – химическое свойство элемента, определяющее его способность вступать в соединения; величина валентности определяется числом атомов водорода, с которыми соединяется (или которое замещает) один атом данного элемента. — 329

^{67*} Один из компонентов «закона трех единств» драматического искусства классицизма, сформулированных Н. Буало, – места, времени и действия. — 330

^{68*} *Фиоритура* (итал. *fioritura* – «цветение») – украшение мелодии звуками краткой длительности, например трелями; украшающий, оживляющий элемент чего-либо, например речи, танца и т.п. — 330

^{69*} См. прим. 19* к седьмой главе. — 331

^{70*} К вящей славе (лат.). — 334

^{71*} Имеется в виду книга «Социология революции», изданная П.А. Сорокиным уже в Америке на английском языке: «The Sociology of Revolution» (Philadelphia-London, 1925). Книга была написана на русском языке и готовилась к печати в России, а после высылки Сорокина из Советской России – в Чехословакии. — 334

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

^{1*} Повелитель законам не подчиняется. Что угодно повелителю, то имеет силу закона (лат.). — 336

^{2*} В советской марксистской литературе немецкое Wert переводилось как «стоимость»; однако многие (в том числе, по-видимому, и П.А. Сорокин) считали и считают такой перевод

неправильным, предпочитая переводить это слово как «ценность». Наиболее убедительную критику советско-марксистского варианта перевода дал Б.П. Вышеславцев в своей книге «Кризис индустриальной культуры» (1953). См.: *Вышеславцев Б.П. Сочинения.* М., 1995, с. 236–237. — 336

^{3*} См. прим. 19* к девятой главе. — 337

^{4*} В рецензии на книгу Б.А. Тураева «Древний Египет» (Пг., 1922) В.А. Быстрянский (ссылаясь на статью П.А. Сорокина «Война и милитаризация общества») писал: «Некий досу-жий социолог додумался недавно до утверждения, будто “черты военного социализма”, из которого лишь недавно вышла Советская Россия, наблюдались не только в Римской империи III–IV вв., но и в истории древних деспотий Востока, Египта, Персии, Ассири-Вавилонии. [Уж не потому ли Сорокин проводит знак равенства между фараоновским Египтом и недавним прошлым Советской России, что в эпоху древнего царства (4 тыс. до Р. Х.) “денег не было, хозяйство было натуральным; торговля была меновая, подати поступали натурой, и под управлением “главного казначея” была “белая палата”, наполненная всякого рода продуктами и сырьем” (Тураев, 47)].

Опровергать подобные социологические домыслы, доказывать полное отсутствие у их творца понимания не только современности, но и прошлого, игнорирование экономического фундамента сходных на поверхностный взгляд исторических фактов не приходится; следует только признать, что прав был старик Цицерон, утверждавший, что “нет такой нелепости, которую не сказал бы какой-либо философ”. Если так обстоит дело с философами, что же тогда сказать о не-философах.

Но оказывается, что вышедшая недавно книга известного знатока истории древнего Востока о “древнем Египте” нимало не подтверждает последнего “открытия” российского социолога» (Книга и революция. 1922, № 5 [17]). — 339

^{5*} То есть построение принудительно-этакического общества не приводит к реализации в жизни этих иллюзий. — 339

^{6*} *Клиенты* – близкие по своему статусу к рабам зависимые слои Древнего Рима, которые обязаны были своим патронам сельскохозяйственными повинностями и военной службой; *преторианцы* – в Древнем Риме привилегированные войска, предназначенные для личной охраны императора. — 341

^{7*} См. прим. 2* к первой главе. — 343

^{8*} Мф. 6, 34. В современном переводе: «Не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы». — 345

^{9*} Для понимания этого примечания необходимо ознакомиться с критическими замечаниями М.М. Ковалевского, направленными против гипотезы, которую выдвинул австрийский этнограф Л. Даргун по поводу происхождения частной собственности у охотничьих народов. См.: *Ковалевский М.М. Социология.* СПб., 1910, т. II, с.134–136. — 346

^{10*} *Ном* – округ, административно-территориальная единица в Древнем Египте. — 347

^{11*} См. прим. 20* к девятой главе. — 349

^{12*} Имеется в виду Япония после так называемой революции Мэйдзи, в результате которой после отмены сёгуната (см. следующее примечание) страна вступила на путь вестернизации и капитализации. Подробнее см.: *Тонеха П. Падение сёгуната // Япония. Вопросы истории.* М., 1959. — 351

^{13*} *Сёгун* (сокращенное название от «сеи тай-сёгун» – великий полководец, покоряющий варваров) – первоначально воинское звание, присваивавшееся командующим войсками, по-

сылаемыми из древней японской столицы Киото с 794 по 811 г. для покорения народности эбису в северо-восточной части о. Хонсю. С переходом фактической власти от императора к феодальному дому Минамото в 1192 г. звание сёгуна было присвоено главе этого дома. С тех пор сёгунами стали называть управляющих страной от имени императора представителей военно-феодальных династий Минамото (1192–1333), Асиката (1335/1338–1573), Токугава (1603–1867). Последним сёгуном был Токугава Ёсинобу (Кэйки), свергнутый в результате революции 1867–1868 гг. — 351

^{14*} *Остров Липара* (совр. итал. Липари) расположен в южной части Тирренского моря. «Липарцы, по словам Павсания, были колонистами книдян... Они основали город на мысе Пахине в Сицилии, но, жестоко теснимые войной со стороны эллинов и финикийян, они должны были покинуть его. Они захватили тогда острова или необитаемые, или в свою очередь выгнав оттуда жителей... На одном из них, на Липаре, они поселились и выстроили город, а на других островах... они занимались земледелием, переезжая туда на кораблях» (*Павсаний*. Описание Эллады. М., 1994, т. II, с. 422–423). — 352

^{15*} *Штапельное право* – то же, что и складское право (от нем. *stapeln* – «складывать в стопки», «укладывать в штабеля»). — 352

^{16*} См. прим. 5* к пятой главе. — 353

^{17*} *Ситофилаксы* – должностные лица в Афинах, надзиравшие за хлебным рынком; сначала их было 5, затем коллегия ситофилаксов увеличилась до 20 человек. — 354

^{18*} *Вторая Пуническая война* (218–201 гг. до н. э.) между Римом и Карфагеном («пунийцами») закончилась победой римлян при Заме. — 354

^{19*} *Эдилы* – члены городского магистрата, в обязанность которых входил надзор за строительством, состоянием улиц, храмов и рынков, а также раздача хлеба, проведение общественных игр и охрана государственной казны. — 355

^{20*} *Модий* – в Древнем Риме мера сыпучих тел (8,74 л); *асс* – денежная единица; в период республики асс представлял собой сначала бронзовую, а затем медную монету, лицевую сторону которой украшало, как правило, изображение бога Януса; в конце III в. до н.э. вес монеты составлял 27,3 г, во времена поздней республики – 13,64 г, затем по указу Августа – 11 г.

^{21*} *Церемониальные эдилы* (*лат.*), в обязанности которых входило проведение общественных игр в цирке и хлебные раздачи; должность была введена Юлием Цезарем в 44 г. до н.э. — 355

^{22*} Попечитель годового сбора (*лат.*). — 355

^{23*} Префект, осуществляющий надзор за снабжением хлебом (*лат.*). — 355

^{24*} *Публиканы* – откупщики римских государственных доходов, во времена поздней республики превратившиеся в финансовую аристократию. — 355

^{25*} Дети, вскармливаемые за государственный счет (*лат.*). — 356

^{26*} См. прим. 12* к девятой главе. — 356

^{27*} [Этот народ] о двух лишь вещах беспокойно мечтает: хлеба и зрелищ (*лат.*) – *Ювенал*. Сатиры. X, 81. — 356

^{28*} Зарплата и паек из казны (*лат.*). — 357

^{29*} *Секстариус* – римская мера объема жидких и сыпучих тел; означает буквально: «одна шестая кувшина» (римский «кувшин» – конгиус – вмещал 3,28 л); римский фунт составлял примерно 327 г. — 357

^{30*} Свод гражданских прав (*лат.*), в состав которого входил и «кодекс Юстиниана», составленный комиссией юристов, учрежденной императором в 528 г. — 358

^{31*} По преимуществу (*фр.*). — 363

^{32*} Г. Спенсер, выделяя военный и промышленный типы организации общества, считал, что социальная эволюция идет в направлении от первого ко второму, т.е. что «регулирующие функции государства» постепенно ослабевают и в конце концов должны отмереть. — 365

^{33*} См. прим. 7* к девятой главе. — 367

^{34*} См. прим. 3* к девятой главе. — 369

^{35*} *Эгалитаризм* (от фр. *égalité* – «равенство») – социально-философское учение, проповедующее всеобщую уравнительность как принцип организации общественной жизни. — 369

^{36*} По мнению Сен-Симона, история человеческого общества представляет собой очередную смену двух эпох (или состояний) – критических и органических. Подробнее см.: Изложение учения Сен-Симона. М.-Л., 1947, с. 104. — 369

^{37*} Согласно «закону трех стадий» О. Конта, любое из важнейших человеческих понятий, равно как и каждая из областей познания неизбежно проходит через 3 различных теоретических состояния: 1) теологическое, для которого характерна власть над людьми ими же измышленных фикций; 2) метафизическое, когда над человеческим познанием господствуют отвлеченные сущности, конструируемые познающим субъектом; 3) научное (или «положительное», «позитивное»), находящееся под знаком господства в сфере понятий, выработанных точными науками. Подробнее см.: История теоретической социологии. М., 1997, т. 2, с. 59. — 369

^{38*} *Ситония* – древнегреческое учреждение, в ведении которого находилась закупка хлеба за общественный счет и его раздача; должность ситона была выборной. — 371

^{39*} *Вторая Мессенская война* – восстание спартанских илотов в середине VII в. до н.э.; восставшие под руководством Аристомена вступили в союз с Аргосом и Аркадией и, несмотря на военное превосходство спартанцев, нанесли им ряд поражений. Только после взятия мессенской крепости Хира восстание было подавлено. — 372

^{40*} См. прим. 11* к девятой главе. — 373

^{41*} См. прим. 15* к девятой главе. — 374

^{42*} Римский гражданин [и] статус свободного гражданина (*лат.*). — 374

^{43*} См. выше прим. 1*. — 375

^{44*} На этом текст корректуры, присланной С.П. Сорокиным, заканчивается; далее следует текст статьи «Влияние голода на социально-экономическую жизнь общества» (Экономист. 1922, № 2, с. 43–53). — 378

^{45*} См. прим. 7* к пятой главе. — 378

^{46*} *Бенефиций* (от лат. *Beneficium* – «благоденствие») – в Западной Европе в эпоху средневековья условное срочное пожалование (преимущественно земельное) за выполнение военной или административной службы. — 379

^{47*} *Континентальная блокада* – система экономических и политических мероприятий, проводившихся в 1806–1814 гг. наполеоновской Францией по отношению к Великобритании; была объявлена 21 ноября 1806 г. декретом Наполеона, согласно которому всем подвластным Франции странам и ее союзникам запрещалось вести торговые, почтовые и прочие сношения с Британскими островами. — 379

^{48*} *Прево* (фр. *prévo*, от лат. *praepositus* – «начальник») – должностное лицо в средневековой Франции, с XI в. прево – королевские чиновники, обладавшие судебной, фискальной и военной властью в пределах административно-судебных округов; в XVIII в. должность прево была ликвидирована. В средневековом Париже (в XIII–XVIII вв.) и Лионе (в конце XVI–XVIII вв.) существовала выборная должность «купеческого прево», который являлся главой муниципалитета. — 379

^{49*} Благие пожелания (лат.). — 381

^{50*} Комитет по продовольственному снабжению (англ.). — 387

^{51*} Королевская комиссия по запасам пшеницы (англ.). — 387

^{52*} Жребий был брошен (лат.) – парафраз известной фразы Юлия Цезаря «*alea jacta est*» (жребий брошен), произнесенной им в 44 г. до н.э. при переходе через Рубикон. — 388

^{53*} Далее следует текст перевода, выполненного по изданию: *Sorokin P.A. Hunger as a Factor in Human Affairs*. Gainesville: University Press of Florida, 1975, p. 319. — 389

^{54*} Пусть консулы будут бдительны! (лат.) — 390

ПРИЛОЖЕНИЯ

В приложениях к настоящему тому помещены две статьи, открывающие издание английского перевода книги «Голод как фактор». Одна из них носит название и характер Предисловия и принадлежит перу американского социолога, ученика Питирима Сорокина Томаса Линна Смита (Thomas Lynn Smith, 1903–1976); другая написана Еленой Петровной Сорокиной, вдовой социолога, взявшей на себя после смерти мужа нелегкий труд восстановления и перевода фактически уничтоженной в 1922 г. книги. В русском переводе обе статьи публикуются впервые.

Статьи носят популярный характер и в общем не нуждаются в комментариях. Некоторые незначительные неточности, которые допустил в своем предисловии Т. Линн Смит (связанные в основном с реалиями российской жизни и переводом некоторых русских названий на английский язык), исправлены в процессе перевода на русский. Что касается неточностей, обнаруженных в «Прологе» Е.П. Сорокиной, то они отмечены и исправлены в нижеследующих комментариях.

^{1*} Эта датировка вызывает сомнения. 1918 г. в научном отношении оказался для Питирима Сорокина практически «нулевым» (единственный случай в его жизни). До конца декабря он находился под арестом в Великом Устюге и ожидал расстрела, от которого его спасла лишь упомянутая Т. Линном Смитом статья В.И. Ленина. В 1919–1920 гг. он интенсивно работал над своей «Системой социологии» и только зимой 1921 г., после поездки в Тамбовскую, Самарскую, Саратовскую губернии, охваченные голодом, взялся за научную разработку этой темы. С конца 1921 г. начинают появляться в различных журналах его статьи на тему голода. Так что правильная датировка работы над книгой «Голод как фактор» – 1921–1922. — 401

^{2*} Далее следует пояснение для англоязычного читателя: *which means something that smokes*. — 402

^{3*} В данном случае Е.П. Сорокину, конечно, подвела память: выстрел «Авроры» ознаменовал начало большевистского переворота, за которым впоследствии закрепилось название Великой Октябрьской социалистической революции. И свергали большевики не царский режим (уже давно свергнутый к октябрю 1917 г.), а Временное правительство. — 403

^{4*} В главе второй русскоязычного оригинала книги. — 405

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А

- Аббасиды**, арабская династия (750–1258) — 297
- А.В.** (в тексте английского издания книги «Голод как фактор» – А.У.Т.), товарищ П.А. Сорокина, с которым осенью 1918 г. он скрывался в Северодвинских лесах; кто скрывается за этими инициалами, установить не удалось — 139
- Август** (Augustus) Гай Юлий Цезарь Октавиан (69 до н.э. – 14 н.э.), римский император (с 27 до н.э.), основатель принципата – формы правления, при которой сохранялись республиканские институты — 249, 294, 324, 355, 356, 374, 376
- Августин** (Augustinus, St. Augustine) Аврелий (354–430), христианский теолог и философ, представитель христианской патристики — 159
– Enarratio in psalmum. XLII, 8 [Толкование псалма XLII, 8] // Migne. Patrologiae cursus. Parisiis. 1845–1849, t. XXXVI — 159
- Авраам** (библ.), мифический родоначальник евреев, отец Исаака — 229
- Аврелиан** (Aurelianus; 214 или 215–273), римский император с 270 г. — 356
- Агис IV**, спартанский царь, правивший в 244–241 гг. до н.э.; начал проведение земельных реформ, предусматривавших возврат к установлениям Ликурга, но эти его планы были сорваны царем Леонидом II — 291, 368, 373
- Адам** (библ.), первый человек, созданный Богом и вместе с Евой изгнанный из Рая — 189, 192, 210, 217, 244, 246, 266, 280, 341
- Аджигарта**, персонаж нескольких памятников древнеиндийской литературы («Законов Ману», «Айтарея-брахманы»), бедный брахман, согласившийся продать одного из своих сыновей за сто коров — 149
- Акбар**, Джелаль-ад-дин Мохаммед (1542–1605), император (великий могол) Индостана, из последней мохаммеданской (монгольской) династии Баберидов, царствовавший с 1526 г. — 371
- Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею.** СПб., 1843, т. IV — 319
- Александр Македонский** (356–323 до н.э.), царь Македонии с 336 г., полководец и завоеватель — 248
- Александр I** (1777–1825), российский император с 1801 г. — 322
- Алексей Михайлович** (1629–1676), русский царь с 1645 г. — 181, 215, 272, 318, 329, 382, 383
- Аммон** (Ammon) Отто (1842–1916), немецкий социолог, представитель социал-дарвинизма — 64, 67
– Die natürliche Auslese beim Menschen [Естественный отбор у людей]. Jena, 1893 — 64, 67

- Анрио** (Henriot), французский фабрикант (владелец селитроварни), дом которого в Парижском предместье Сент Антуан был разгромлен рабочими накануне Великой французской революции (27 апреля 1789 г.) — 312
- Антоний Великий** (ок. 250–356), христианский святой, основатель монашества в Египте — 97, 159
- Антоний Марк** (Marcus Antonius; ок. 83–30 до н.э.), римский политический деятель и полководец — 249, 374
- Анучин** Дмитрий Николаевич (1843–1923), русский антрополог, географ, этнограф и археолог, один из основоположников антропологии в России — 64, 65, 67
– О географическом распределении роста мужского населения России. СПб., 1889 — 64
- Апер** (Apert) Эжен (1868–1940), французский педиатр — 26, 58, 68
– La croissance [Процесс роста]. Paris, 1921 — 26
- Аристотель** (384–322 до н.э.), древнегреческий философ — 290, 353
– Политика — 290
– Republika Athen [перевод: Афинская полития. М., 1937] — 354
- Аристофан** (ок. 445–ок. 386), древнегреческий поэт и комедиограф — 202
- Аркрайт** (Arkwright) Ричард (1732–1792), английский предприниматель — 218
- Арнольд Брешианский** (Arnaldo da Brescia; кон. XI / нач. XII в. – 1155), итальянский политический деятель, борец против католической церкви — 299
- Аронович** Гедалий Давидович (1894–1966), врач, профессор-невропатолог — 86, 94, 98, 106, 153, 192, 276
– О голодной детской дефективности // Медицинский журнал Вятского Ученого Совета при Губздравотделе. Ч. II, № 2 — 86, 94, 153, 276
– Детская преступность // Психиатрия, неврология и экспериментальная психология, вып. I — 276
- Артельное дело**, 1922, № 1–4 — 140
- Афанасьев** Георгий Емельянович (1848–1926), русский историк и журналист, с 1879 г. директор Одесского общества взаимного кредита — 224, 225, 259, 302, 303, 310–313, 379–381
– Условия хлебной торговли во Франции в XVIII веке. Одесса, 1892 — 224, 225, 259, 311, 379
– Исторические и экономические статьи. Издание почитателей и друзей. Киев, 1908, т. I; 1909, т. II — 224, 302, 303, 310–312, 381

Б

- Бабек** (798/800–838), вождь народной войны в Азербайджане против арабских завоевателей — 297, 371
- Бабкин** Борис Петрович (1877–1950), русский физиолог, автор трудов по физиологии пищеварения, с 1922 г. в эмиграции — 37–42, 48
– Внешняя секреция пищеварительных желез. Пг., 1915 — 37

- Барниш** (Barnich) Жорж (1876–1948), бельгийский социолог, директор Института социологии им. Э. Сольве (Брюссель) — 340
 – Essai de politique positive basés sur l'énergetique social de Solvay [Очерк позитивной политики, основанной на принципах социальной энергетики Сольве]. Bruxelles, 1919 — 340
- Барро** (Barrot), французский путешественник, исследователь Африки — 60
- Бартольд** Василий Владимирович (1869–1930), русский востоковед — 251, 295, 296
 – Ислам. Пг., 1918 — 251
 – Культура мусульманства. Пг., 1918 — 295
- Батый** (ум. ок. 1255), монгольский хан — 320
- Бедредин** Симави (1358/1363–1416/1420), шейх, основатель религиозно-сектантского учения о всеобщем имущественном равенстве и единобожии, приверженцами которого были мусульмане, христиане и иудеи; вождь восстания 1416–1418/1420 гг. в Валахии и Болгарии против турецкого господства — 297, 371
- Безобразов** Павел Владимирович (1859–1918), русский историк — 358, 378
 – Очерки византийской культуры. СПб., 1919 — 358, 378
- Бейнс** (Baines) Джервойс Ательстан (1847–1925), английский этнограф и статистик, колониальный чиновник, член Королевского географического общества — 264
 – The Recent Trend of Population in England and Wales [Демографические тенденции в современной Англии и Уэльсе] // Journal of the Royal Statistical Society. 1916, July — 264
- Белогриц-Котляревский** Леонид Сергеевич (1855–1908), русский криминалист, ординарный профессор Киевского университета — 181
 – О воровстве-краже по русскому праву. Киев, 1880, вып. 1 — 181, 182
- Белох** (Beloch) Карл Юлиус (1854–1929), немецкий историк античности — 248
- Бельский** Павел Григорьевич, русский юрист, профессор, сторонник теории «моральной дефективности», организатор первой в СССР комиссии по делам несовершеннолетних — 147, 152
- Бентли** (Bentley) Артур (1870–1957), американский социолог и психолог — 118
- Берг**, немецкий статистик, установивший связь между годовыми колебаниями цен на хлеб в Германии и динамикой преступности — 270
- Бертильон** (Bertillon) Жак (1851–1922), французский статистик и антрополог — 64, 65
 – Taille [Рост] // Dictionary encyclopedique des Sciences médicales. Paris, 1867 — 64, 65
 – La taille en France [Рост во Франции] // Revue scientifique. 1885, 2-me semestre, № 16 — 64, 65
- Бетховен** (Beethoven) Людвиг ван (1770–1827), немецкий композитор — 21
- Бехтерев** Владимир Михайлович (1857–1927), русский психиатр и психолог — 49, 57, 173, 285, 399
 – Значение гормонизма и социального отбора в эволюции организмов // Природа. 1916, № 10 — 57
 – Общие основания рефлексологии. Пг., 1918 — 49
- Бёк** (Böck) Август (1785–1867), немецкий филолог и историк Древней Греции — 220, 224, 225, 249, 258, 353, 354
 – Die Staatshaushaltung der Athener [Государственное хозяйство афинян]. Berlin, 1851, Bd. I — 220, 249, 258, 353

- Библия.** Книги Священного Писания — 145, 328, 367
 – Бытие (Быт.) — 370
 – Второзаконие (Втор.) — 145
- Биддл,** физиолог, занимавшийся проблемами внутренней секреции — 61
- Бине** (Binet) Альфред (1857–1911), французский психолог, основатель тестологического движения — 109
- Биоллэ** (Biollay) Леон (1830–1920) – французский экономист — 379
 – Études économique sur le XVIII siècle [Очерк экономики XVIII века]. Paris, 1885 — 379
- Бирон** Эрнст Иоганн (1690–1772), граф, фаворит императрицы Анны Ивановны — 383
- Блан** (Blanc) Луи (1811–1882), французский утопический социалист, историк и журналист, деятель революции 1848 г. — 314
 – Revolution française. Histoire de dix ans 1830–1840 [Французская революция. История десяти лет. 1830–1840]. Paris, 1877, vol. III — 314
- Блос** (Blos) Вильгельм (1849–1927), немецкий историк, публицист и политический деятель — 316
 – Германская революция. История движения 1848 года в Германии. СПб., 1907 — 316
- Боголепов** Михаил Иванович (1879–1945), русский экономист — 305, 315
 – Европа после войны. Пг., 1921 — 305, 315
- Боджо** (Bodio) Луиджи (1840–1920), итальянский статистик, профессор политической экономии, с 1874 г. директор итальянского статистического бюро в Риме — 229, 234
 – Эмиграция из Италии // Народонаселение. М., 1897 — 234
- Бонвик** (Bonwick) Джеймс (1817–1906), английский педагог, писатель и историк — 162
 – Daily Life and Origin of the Tasmanians [Повседневная жизнь и происхождение тасманийцев]. London, 1870 — 162
- Боннемер** (Bonnemère) Жозеф Эжен (1813–1893), французский историк и писатель – 146, 272
 – Histoire des paysans [История крестьян]. Paris, 1874, vol. II — 146, 272
- Боринг** (Boring) Эдвин Гарриг (1886–1968), американский психолог, историк психологии, профессор Гарвардского университета — 34, 84, 85, 87, 96, 105, 106, 112
 – Processes Referred to the Alimentary and Urinary Tracts [Процессы, влияющие на пищеварительный тракт и мочеточники] // Psychological Review, 1915, № 4 — 34, 84
- Борис Годунов** (ок. 1552–1605), русский царь с 1598 г. — 223, 318, 382
- Боровский** Петр Фокич (1863–1932), русский врач — 68
- Боссюэ** (Bossuet) Жак Бенинь (1627–1704), французский писатель, церковный деятель, епископ — 205, 256, 306
- Боули** (Bowley) Артур Лайон (1869–1957), английский экономист и статистик — 302, 303, 363
 – Wages in the United Kingdom in the nineteenth Century [Заработная плата в Великобритании в XIX в.]. Cambridge, 1900 — 303, 363
- Брэстед** (Breasted) Джеймс Генри (1865–1935), американский египтолог — 247, 287, 288, 347, 348, 370
 – История Египта с древнейших времен до персидского завоевания. М., 1915, т. I–II — 247, 370

- Брюн** (Brunhes) Жан (1869–1930), французский географ, профессор Коллеж де Франс, один из первых теоретиков французской школы «географии человека» — 229
– La géographie humaine [География человека]. Paris, 1912 — 229
- Бугле** (Bougle) Селестен (1870–1940), французский социолог, представитель школы Э. Дюркгейма, директор Высшей нормальной школы в Париже — 348
– Essai sur le régime des castes [Этюды о кастовом режиме]. Paris, 1908 — 348
- Будда** (Buddha; санскр. букв. «просветленный») Сиддхартха Гаутама (623–544 до н.э.), царевич из рода Готамы, по индийской традиции основатель буддизма — 108
- Бузольт** (Busolt) Георг (1850–1920), немецкий историк античности — 290, 373
– Griechische Geschichte [Греческая история]. Gotha, 1904, Bd. III — 290
- Булавин** Кондратий Афанасьевич (ок. 1660–1708), донской казак, предводитель крестьянского восстания 1707–1709 гг. — 320
- Бурбоны**, французская королевская династия, занимающая престол в 1589–1792, 1814–1830 гг. — 307
- Бургуин** (Bourguin) Морис Мари Виктор (1856–1910), французский экономист — 365
– Les systèmes socialistes et l'évolution économique [Социалистические системы и экономическая эволюция]. Paris, 1906 — 365
- Бухарин** Николай Иванович (1888–1938), советский политический деятель, экономист и социолог — 336
– Азбука коммунизма: Популярное объяснение программы РКП(б). М., 1920 (в соавторстве с Е.А. Преображенским) — 336
- Быстрянский** Вадим Александрович (1886–1940), советский партийный деятель, историк и публицист — 339
– Рецензия на книгу Б.А. Тураева «Древний Египет» // Книга и революция, 1922, № 5 (17) — 339
- Бюхер** (Bucher) Карл (1847–1930), немецкий экономист и статистик — 122, 212, 220, 257–259, 345, 346, 348, 356, 357, 360
– Возникновение народного хозяйства. СПб., 1907, т. I–II — 122, 220, 257, 345, 360

В

- Вагнер** (Wagner) Адольф (1835–1917), немецкий экономист и политический деятель — 139
- Вагнер** (Wagner) Рудольф (1805–1864), немецкий физиолог и сравнительный анатом, профессор зоологии в Аугсбурге — 160
- Вадлер**, статистик, изучавший связь между годовыми колебаниями цен на хлеб и динамикой преступлений против собственности в Сербии — 270
- Вайц** (Waitz) Теодор (1821–1865), немецкий психолог, автор одного из первых сводных сочинений по антропологии и этнографии — 59, 63, 158
– Anthropologie der Naturvölker [Антропология первобытных народов]. Leipzig, 1877, Bd. I — 59
- Ваккаро** (Vaccaro) Микеланджело (1854–1937), итальянский социолог и юрист — 261
– Les Bases sociologiques du Droit et de l'Etat [Социологические основы права и государства]. Paris, 1898 — 261

- Ваксвейлер** (Waxweiler) Эмиль (1867–1916), бельгийский инженер и социолог, член Королевской Академии Бельгии и Международного института статистики — 30
- Валло** (Vallaux) Камилл (1870–1945), французский географ — 229
– *Géographie sociale* [Социальная география]. Paris, 1911 — 229
- Валуа**, французская королевская династия, правившая в 1328–1589 гг. — 307
- Вальдман** Виктор Александрович (1892–1970), терапевт, профессор Ленинградского государственного педиатрического института — 79, 99, 104, 282
– К вопросу о клинике голодания // Юбилейный сборник в честь XXV-летия врачебно-научной деятельности (1894–1919) проф. И.И. Грекова. Пг., 1921 — 79, 99, 282
- Вальсинг** (Waltzing) Жан Пьер (1857–1929), бельгийский историк — 225, 230, 294, 355–357, 375, 376, 378
– *Étude historique sur les corporations professionnelles chez les Romains* [Исторические очерки о профессиональных корпорациях у римлян] // *Memoires couronnés* Бельг. Корол. Академии. Louvain, 1896, vol. II — 225, 230, 294, 355–357, 375, 376, 378
- Ван Ань-ши** (1021–1086), китайский государственный деятель-реформатор, ученый и писатель, в 1070–1076 гг. первый министр; пытался провести ряд демократических реформ, которые в результате противодействия крупных землевладельцев и ростовщиков в 1085 г. были отменены — 296, 350, 371
- Ван-Кан** (van Kan) Жозеф (1877–1946), нидерландский социолог, кандидат прав Амстердамского университета — 181, 270
– *Экономические факторы преступности*. М., 1915 — 181, 270
- Ванновский**, детский врач — 69
- Варпеус** (Varräus) Иоганн Эдуард (1812–1879), немецкий географ и статистик — 164
- Василевский** Лев Маркович (1876–1936), врач, поэт, театральный критик — 107, 140, 166, 276
– *Жуткая летопись голода*. Уфа, 1922 — 107, 140, 166, 276
- Васильев** Николай Александрович (1880–1940), философ, этик, психолог, историк, поэт и переводчик — 262
– *Вопрос о падении Западной Римской империи и античной культуры в историографической литературе и в связи с теорией истощения народов и человечества*. Казань, 1921 — 262
- Вассерман** (Wasserman) Рудольф, немецкий демограф, криминалист и статистик, автор сочинения «Понятие и границы уголовной статистики» (М., 1912) — 269
- Вебер** (Weber) Альфред (1868–1958), немецкий социолог и экономист, брат М. Вебера — 369
– *Le rythme du progrès* [Ритм прогресса; частичный перевод: Новые идеи в социологии. СПб., 1914, сб. 3]. Paris. 1913 — 369
- Вебер** (Weber) Эрнст Генрих (1795–1876), немецкий анатом и психофизиолог — 45, 109, 132
- Веблен** (Veblen) Торстейн (1857–1929), американский экономист и социолог — 213
– *The Theory of the Leisure Class* [перевод: Теория праздного класса. М., 1984]. New York, 1899 — 213
- Вебстер** (Webster) Нестра Хелен (1876–1960), английский историк, сторонница и пропагандист «теории заговоров» — 334
– *A Study in Democracy* [Исследование демократии]. London, 1919 — 334
- Веды**, древнейшие памятники индийской литературы — 159

- Вейсс** (Weiss) Альберт (1879–1931), американский психолог, сторонник бихевиоризма — 33, 118, 194
- Relation between Functional and Behaviour Psychology [Соотношение между функциональной и бихевиористской психологией] // Psychological Review, 1917, № 5 — 33, 194
 - Relation between Structural and Behaviour Psychology [Соотношение между структуральной и бихевиористской психологией] // Psychological Review, 1917, № 4 — 33
- Вестермарк** (Westermarck) Эдвард (1862–1939), финский социолог и этнограф — 59, 123, 145, 147, 149, 151, 159, 160–162, 166, 177, 178, 181, 212, 246, 345, 346
- Geschichte der Menschlichen Ehe [История брака у людей]. Berlin, 1902 — 166
 - The origin and development of the moral ideas [Происхождение и развитие нравственных идей]. London, 1908, vol. I–II — 59, 123, 145, 147, 149, 151, 159, 162, 177, 178, 181, 212, 246, 345, 346
- Виллермэ** (Villemé) Луи Рене (1782–1863), французский врач, экономист и статистик, с 1823 г. член Академии нравственных и политических наук — 64
- Memoire sur la taille del’homme en France [Исследование роста мужчин во Франции] // Annales d’hygiene publique et médecine légale. 1-er serie. Paris, 1829, vol. 1 — 64
- Вильгельм I Завоеватель** (Wilhelm) (ок. 1027–1087), английский король с 1066 г. — 251
- Вильгельм** (Willelm, Willelm Procuratoris Egmond), средневековый монах XIV в., прокуратор аббатства Эгмонд (в окрестностях современного Бергена), автор хроники, охватывающей период с VII по XIV в. (Chronicon ab Ann. 674. usque ad Ann. 1333) — 149, 177
- Виппер** Роберт Юрьевич (1859–1954), русский историк — 250, 292, 374
- Очерки истории Римской империи. М., 1908 — 250, 292, 374
- Витте** Сергей Юльевич (1849–1915), государственный деятель — 328
- Воспоминания. Т. II — 328
- Витязев-Седенко** Ферапонт Иванович (1886–1938), русский историк, библиограф, член партии эсеров, в 1918–1926 гг. директор кооперативного издательства «Колос» — 19
- Владимир Васильевич** [правильнее: Василькович] (XIII в.), Галицко-Волынский князь — 317
- Власенков**, свидетель по делу о малолетних преступниках Яковлевых — 152
- Воинский артикул**, военно-уголовный кодекс России, изданный в 1715 г. — 181
- Вольни** (Wollny) Мартин Эвальд (1846–1901), немецкий агроном и почвовед, один из создателей агрофизики — 57
- Вольтер** (Voltaire) (псевдоним Франсуа Мари Аруэ; 1694–1778), французский писатель, мыслитель и публицист — 328
- Воронов** Николай Григорьевич (1857–1915), русский социолог — 109
- Врангель** Фердинанд Петрович (1796–1870), русский путешественник — 59
- Всесвятский** Петр Васильевич (1884–1938), русский правовед и статистик — 269
- Вуд** (Wood) Джордж Генри (1874–1945), английский экономист и статистик, ученик и последователь А. Боули — 302, 304, 363
- Some Statistics related to Working Class Progress since 1860 [Некоторые статистические данные об улучшении жизни рабочего класса с 1860] // Journal of the Royal Statistical Society, 1899 — 363

– Real Wages and the Standard of Comfort since 1850 [Реальная заработная плата и уровень жизни с 1850] // Journal of the Royal Statistic Society, 1909, March — 304

Вундт (Wundt) Вильгельм (1832–1920), немецкий психолог, философ, физиолог, языковед — 132

Вяземский Н.В. Изменения организма в период формирования (возрасты от 10 до 20 лет). СПб., 1901, т. I — 68

Г

Гагеман (Hagemann) Оскар, немецкий биолог, профессор физиологии животных Сельскохозяйственной академии в Бонне-Поппельсдорфе — 163

– Физиология домашних животных: Руководство для слушателей сельскохозяйственных и ветеринарных институтов, ветеринарных врачей, животноводов и для сельских хозяев. СПб., 1908 — 161

Гальтон (Galton) Фрэнсис (1822–1911), английский психолог и антрополог, автор работы «Hereditary Genius» [Наследственный гений]. London, 1892 — 60

Гаммедж (Gammage) Роберт Джордж (1815–1888), деятель английского рабочего движения, автор первой крупной работы о чартизме — 303

– История чартизма. СПб., 1907 — 303

Гаммер, Гаммер-Пургшталь (Hammer-Purgstall) Йозеф фон (1774–1856), австрийский дипломат и ученый-востоковед, автор ряда исследований по истории народов Ближнего и Среднего Востока — 251

– Über Länderverwaltung unter der Chalifate [О странах, находящихся под господством халифата]. Berlin, 1835 — 251

Гамсун (Hamsun; наст. фам. Педерсен) Кнут (1859–1952), норвежский писатель, лауреат Нобелевской премии — 87, 92, 94, 97, 103–105, 159, 170, 171, 180, 202

– Голод (Полное собрание сочинений. СПб., 1910, т. II) — 87, 94, 97, 104, 105, 159, 171, 180, 202

Гарбургер (Harburger) Генрих (1851–1916), немецкий юрист, профессор Мюнхенского университета — 182

– Diebstahl und Unterschlagung [Воровство и растрата] // Vergleichende Darstellung. Besond. Teil. Bd. VI — 182

Гарун аль-Рашид (766–809), арабский халиф — 297

Гауптман (Hauptmann) Герхарт (1862–1946), немецкий писатель и драматург, лауреат Нобелевской премии (1912) — 202

– Ткачи — 202

Генрих III (1551–1589), король Франции с 1574 г., последний из династии Валуа — 308

Генрих IV (1553–1610), французский король с 1594 г., первый из династии Бурбонов — 308, 310

Генрих Лозаннский (Henri de Lausanne или Henri l’Hérétique; ум. 1148), французский еретик, воспитанник клюнийского ордена; проповедовал в южной Франции в одеянии кающегося грешника против злоупотреблений церкви, за что подвергся преследованиям — 299

- Гернет** Михаил Николаевич (1874–1953), русский юрист, специалист в области уголовного и исправительно-трудового права — 163, 181, 269, 270
 – Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества. М., 1914 — 163, 269
- Геродот** (ок. 484–425 до н.э.), древнегреческий историк — 347, 348
 – История — 347
- Гертнер** (Gärtner) Август (1848–1934), немецкий гигиенист и бактериолог — 25
 – Handbuch der Hygiene [Учебник гигиены]. Herausgegeben von A. Gärtner. Leipzig, 1912 — 25
- Геффдинг** (Хёфдинг) (Höffding) Харальд (Гаральд) (1843–1931), датский философ и психолог — 132
- Гиллен** (Gillen) Френсис Джеймс (1855–1912), австралийский этнолог, исследователь (совместно с Б. Спенсером) племен центральной и северной Австралии — 59, 60, 63, 122, 162, 163, 345
- Гильберт** (Gilbert), немецкий натуралист — 73
- Гинсберг** (Ginsberg) Морис (1889–1970), английский социолог литовского происхождения, ученик Л.Т. Хобхауза, один из основателей и первый президент Британской социологической ассоциации — 345
 – The Material Culture and Social Institutions of the Simpler Peoples: An Essay in Correlation [Материальная культура и социальные институты примитивных народов]. London, 1915 (в соавторстве с Л.Т. Хобхаузом и Дж. К. Уиллером) — 345
- Гиффен** (Giffen) Роберт (1837–1910), английский статистик, экономист и финансовый обозреватель — 363
 – The Progress of the Working Classes [Прогресс рабочего класса] // Essay in Finance. Second series. London, 1890 — 363
- Глей** (Gley) Эжен (1857–1930), швейцарский физиолог, анатом и врач-эндокринолог — 40, 61
 – Quatre leçons sur les sécrétions internes [Четыре лекции о внутренней секреции]. Paris, 1920 — 40
- Гнедич** Николай Иванович (1784–1833), русский поэт, писатель и переводчик — 247
- Голд фон Фернек** (Hold von Ferneck) Александр (1875–1955), австрийский юрист, профессор Венского университета — 182
 – Die Rechtswidrigkeit [Правовое нарушение]. Bd. II, 1905 — 182
- Голод** // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. IX (статьи проф. И. Тарханова [с. 102] и А.Я. [с. 102–104]) — 146
- Гольдшмидт** (Goldschmidt) Рихард (1878–1958), немецкий биолог — 56
 – Основы учения о наследственности в двадцати лекциях для естествоиспытателей, медиков и сельских хозяев. СПб., 1913 — 56
- Гомер**, легендарный древнегреческий поэт — 247
 – Илиада (пер. Н. Гнедича) — 160, 247
 – Одиссея (пер. В.А. Жуковского) — 160, 247
- Горовой-Шалтан** Владимир Антонович (1896–1951), врач из клиники душевных и нервных болезней Военно-медицинской академии — 107, 109
 – К вопросу о душевной заболеваемости населения при современных условиях // Врачебное дело, 1 февраля 1921 — 107

- К вопросу о душевной заболеваемости населения при современных условиях // Психиатрия, неврология и экспериментальная психология, 1922, № 2 — 107
- Готье** (Gautier) Арман (1837–1920), французский врач и химик, член Французской медицинской академии — 25
– Alimentations [Питание]. Paris, 1904 — 25
- Гракхи**, братья: 1) Тиберий (Tiberius Gracchus) (162–133 до н.э.), римский народный трибун до 133 г. до н.э., 2) Гай Семпроний (Gaius Gracchus) (153–121 до н.э.), римский народный трибун в 123 и 122 гг. до н.э. — 292, 293, 330, 355, 374
- Грин** (Green) Джон Ричард (1837–1883), английский историк-позитивист — 138, 300, 301
– История английского народа. М., 1891, т. I — 138, 300, 301
- Гроссе** (Grosse) Эрнст (1862–1927), немецкий этнолог и историк искусства, позитивист — 345
– Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft [Формы семьи и формы хозяйства]. Freiburg, 1896 — 345
- Гротьян** (Grotjahn) Альфред (1869–1931), немецкий врач, один из основоположников социальной гигиены, автор трудов по вопросам алкоголизма, венерических заболеваний, регуляции рождаемости и др. — 28, 30, 61
– Über Wandlungen in der Volksernährung [Об изменениях в питании народа] // Staats- und Socialwissenschaftliche Forschungen, herausgegeben von G. Schmoller. Leipzig, 1902, Bd. XX, Heft 2 — 28
- Груздев** Виктор Сергеевич (1866–1938), русский акушер-гинеколог, с 1897 г. приват-доцент акушерства и гинекологии в Военно-медицинской академии, с 1900 г. профессор по кафедре акушерства и гинекологии в Казанском университете — 68
- Грюнхаген** (Gruenhagen) Альфред Вильгельм (1842–1912), немецкий физиолог — 160
– Lehrbuch der Physiologie [Учебник физиологии]. 1885–1887, Bd. III — 160
- Гуго** (наст. фамилия Линдеман) Карл (1867–1950), немецкий социалист — 307, 380
– Социализм во Франции в XVII–XVIII вв. // Предшественники новейшего социализма. СПб., 1907, т. II — 307, 380
- Гудим-Левкович**. Функциональная аменорея // Реферативный медицинский журнал, 1921, № 2 — 158
- Гулик** (Gulick) Сидней Льюис (1860–1945), американский писатель и миссионер, много лет проведший в Японии — 351
– Evolution of the Japanese [Эволюция японцев]. New York, 1905 — 351
- Гуревич**, русский криминалист — 270, 271
- Гюго** (Hugo) Виктор Мари (1802–1885), французский поэт и писатель — 181, 202
– Отверженные. М., 1915 — 181
- Гуйю** (Guyot) Ив (1843–1928), французский политический деятель, участник Парижской коммуны (1871), с 1874 г. муниципальный советник Парижа, в 1876 г. один из организаторов Женевского международного конгресса против регламентации проституции — 254
– The bread and meat of the world [Хлеб и мясо мира] // Quarterly publications of the American Statistical Association, 1904, № 4, September-December — 254
- Гюппе** (Hürpe) Фердинанд (1852–1938), немецкий бактериолог и гигиенист, профессор Пражского университета, автор трудов и учебника по гигиене — 25

- Гюцлав** (Gützlaff) Карл Фридрих Август (1803–1851), немецкий миссионер на Дальнем Востоке, автор сочинений о Китае и других странах региона — 148
– A Scetch of Chinese History [Очерк истории Китая]. London, 1834, vol. I — 148

Д

- Д'Авенель** (d'Avenel) Жорж (1855–1939), французский историк, исследователь истории Франции XVII в. — 30, 126, 127, 306–310, 363
– La fortune privée à travers sept siècles [Частное имущество на протяжении семи веков]. Paris, 1895 — 306, 308, 309
– Paysans et ouvriers [Крестьяне и рабочие]. Paris, 1899 — 306–310
– Le mécasime de la vie moderne [Механицизм современной жизни]. Paris, 1908, 1-e serie — 30, 126, 363
- Дайси** (Dicey) Альберт Венн (1835–1922), английский юрист, теоретик права — 303
– Law and Public Opinion in England [Право и общественное мнение]. 1908 — 303
- Данилевский** Александр Яковлевич (1838–1923), русский биохимик — 56
- Даниэлс** — см. Daniels A.L. and Nichols N.B.
- Данте Алигьери** (Dante) (1265–1321), итальянский поэт, философ, политический деятель — 299
- Дантон** (Danton) Жорж Жак (1759–1794), деятель Великой французской революции, один из вождей якобинцев — 331
- Дарвин** (Darwin) Леонард (1850–1943), четвертый сын Чарлза Дарвина, президент Королевского Геологического общества (1908) — 261
– On the Statistical Inquiries Needed after the War in Connection with Eugenics [О необходимости проведения статистических исследований после войны в связи с евгеникой] // The Eugenics Review, vol. 12 (то же: Journal of the Royal Statistical Society, 1916, March) — 261
- Дарвин** (Darwin) Чарлз Роберт (1809–1882), английский естествоиспытатель, основоположник эволюционного учения — 56, 62
– Происхождение человека и половой отбор. СПб., 1871 — 62
- Даргун** (Dargun) Лотар фон (1853–1893), австрийский этнограф, профессор в Кракове — 346
- Де Грееф** (De Greef) Гильом (1842–1924), бельгийский социолог — 62, 67, 73
– La structure générale des sociétés [Общая структура общества]. Paris, 1908, vol. I — 62, 67
- Декроли** (Decroly) Жан Овид (1871–1932), бельгийский врач, психолог и педагог — 109
- Деламар** (De la Mare) Николас (1639–1723 или 1728), французский полицейский деятель, администратор и писатель — 225
– Traité de la police [Трактат о политике]. Vol. 1–3, 1707–1719 — 225
- Дементьев** Евстафий Михайлович (1850–1918), врач и общественный деятель, один из основоположников санитарной статистики в России — 69
- Де Местр** (De Maistre) Жозеф Мари (1753–1821), французский политический деятель и философ — 261
– Considerations sur la France [перевод: Рассуждения о Франции. М., 1997]. Paris, 1851 — 261

- Демидов**, Никита Демидович Антуфьев (1656–1725), тульский кузнец, выдвинувшийся при Петре I и получивший огромные земли на Урале для строительства металлургических заводов — 321
- Демор** (Demoor) Жан (1867–1941), бельгийский врач, дефектолог и педагог, организатор вспомогательных школ для детей с отставанием в развитии, профессор физиологии Брюссельского университета — 67
- Демулен** (Desmoulins) Камилл (1760–1794), деятель Великой французской революции, адвокат; накануне восстания 14 июля 1789 г. призывал народ к вооруженной борьбе с монархией; гильотинирован по решению революционного трибунала — 313
- Дени** (Denis) Гектор (1842–1913), бельгийский географ и экономист, профессор Брюссельского университета — 236, 315
– *La mouvement de la population et ses conditions économique* [Движение населения и его экономические условия] // *Memoire Courants, Belgium Royal Academy*. 1900, vol. LIX — 236, 315
- Деникин** Антон Иванович (1872–1947), с осени 1918 до начала апреля 1920 г. главнокомандующий Вооруженными силами Юга России и зам. верховного правителя России адмирала А.В. Колчака — 195
- Деревенская правда**, 1921, 12 ноября, № 162 — 149
- Дерябин** Викторин Сергеевич (1875–1955), физиолог и психиатр, ученик и последователь И.П. Павлова — 49
- Де Фриз** (De Vries) Хуго (1848–1935), голландский ботаник, один из ученых, вторично открывших законы Менделя — 56
- Дёринг** (Döring C.). Великая война и естественное движение населения // *Вестник статистики*, 1920. № 5–8 — 264
- Джексон** (Jackson) Джон Хьюлингс (1835–1911), английский невролог, невропатолог — 60
- Джемс**, Джеймс (James) Уильям (1842–1910), американский философ и психолог, один из основателей прагматизма — 132, 193
– *Психология*. СПб., 1896 — 193
- Дженнингс** (Jennings) Герберт Спенсер (1867–1947), американский биолог — 56
- Джефсон** (Jephson) Генри Лоренцо (1844–1914), английский ученый и политик, занимавшийся политической историей Великобритании и историей развития демократических институтов; член Прогрессивной партии (1901–1910) — 303
– *Платформа, ее возникновение и развитие*. СПб., 1901, т. II — 303
- Джини** (Gini) Коррадо (1884–1965), итальянский демограф и социолог, профессор политэкономии в Падуе — 262
– *I fattory demografici dell'evoluzione delli nazioni* [Демографические факторы национального развития]. Torino, 1912 — 262
- Джордан** (Jordan, Jourdan) Дэвид Старр (1851–1931), американский ихтиолог, зоолог и пацифист, считавший войну противоестественной деятельностью, которая уничтожает сильнейших особей человека — 261
– *La moisson humaine* [Человеческая жатва] // *Revue internationale de sociologie*, 1911 — 261

- Дигби** (Digby) Уильям (1849–1904), английский журналист, писатель и политический деятель — 142, 149, 150, 152, 178, 179, 224, 234, 273
 – The famine campaign in Southern India [Борьба с голодом в Южной Индии]. 1878, vol. I–II — 142, 149, 152, 178, 179, 224, 234, 273
- Дилль** (Dill) Сэмюэль (1844–1924), ирландский историк, профессор в Оксфорде, один из учредителей Белфастского университета — 357, 378
 – Roman Society in the Last Days of the Western Empire [Римское общество в последние дни Западной империи]. London, 1899 — 357, 378
- Диоклетиан** (Diocletianus) Гай Аврелий Валерий (243–316), римский император в 284–305 гг. — 357, 369, 375, 377, 378
- Дионисий Галикарнасский** (I в. до н.э. – I в. н.э.), древнегреческий историк и ритор времени императора Августа — 292
- Добнаш-Рождественская** Ольга Анатольевна (1874–1939), русский историк-медиевист, первая в России женщина-доктор по всеобщей истории — 146
 – Эпоха крестовых походов (Запад в крестоносном движении). Общий очерк. Пг., 1918 — 146
- Довнар-Запольский** Митрофан Викторович (1867–1934), русский историк, профессор Киевского университета — 322
 – Крепостники в первой четверти XIX в. // Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. М., 1911, т. II — 322
- Долабелла** Публий Корнелий (ок. 69–43 до н.э.), древнеримский политический деятель, зять Цицерона; будучи народным трибуном, неудачно пытался провести закон о кассации долгов — 292
- Дольчино** (Dolcino), вождь крестьянско-плебейского восстания 1304–1307 гг. в северо-западной Италии, направленного против феодальных повинностей и церковной власти — 146
- Домалди**, древний король Швеции, принесенный в жертву во время голода — 151
- Древний мир в памятниках его письменности**. М., 1915 — 347
- Друз**, Марк Ливий Друз (ок. 124–91 до н.э.), римский политический деятель, народный трибун, автор ряда демократических реформ, убитый политическими противниками — 292, 293, 374
- Друмманн** (Drumann) Карл-Вильгельм-Август (1786–1861), немецкий историк и археолог — 249, 289, 292
 – Die Arbeiter und Kommunisten in Griechenland und Rom [Рабочие и коммунисты в Греции и Риме]. Königsberg, 1860 — 249, 289
- Друммонд** (Drummond) Генри (1851–1897), английский богослов-натуралист — 57, 60
- Дубянская**. [Статья о суррогатах] // Известия Комиссии здравоохранения Петроградской Коммуны — 211
- Дуглас** (Douglas) Роберт Кеннуэй (1838–1913), английский синолог, вице-президент Королевского Азиатского общества — 148
 – Society in China [Общество в Китае]. London, 1894 — 148
- Дэвис** (Davis) Маргарет (1887–1967), американский биохимик, открывшая вместе с Э. Макколлумом витамин А — 26, 60
 – [Observations on the isolation of the substance in butter fat which exerts a stimulating influence on growth (Наблюдения за изоляцией вещества в сливочном масле, оказы-

вающего стимулирующее влияние на рост и развитие)] (в соавторстве с М. Дэвис)
// *Journal of Biological Chemistry*, 1914, vol. 19; 1915, vol. 21, 23 — 26

Дюгем (Duhem) Пьер (1861–1916), французский физик-теоретик, философ и историк естествознания — 344

– Физическая теория. Ее цель и строение. СПб., 1910 — 344

Дюпон де Немур (Dupont de Nemours) Пьер-Самюэль (1739–1817), французский экономист — 381

Дюркгейм (Durkheim) Эмиль (1858–1917), французский социолог и философ, основатель французской социологической школы — 140, 346

– О разделении общественного труда. Одесса, 1901 — 346

– Самоубийство. СПб., 1912 — 140

Дюрюю (Duguу) Жан Виктор (1811–1894), французский историк и государственный деятель, член Французской академии — 292, 294, 375

– *Histoire des Romains* [История римлян]. Paris, 1885, vol. VI, vol. VII — 292, 294, 375

Е

Екатерина II Великая (1729–1796), российская императрица с 1762 г. — 215, 225, 321, 382

Елизавета Петровна (1709–1761), российская императрица с 1741 г., дочь Петра I и Екатерины I — 321

Елизавета I (Elizabeth; 1533–1603), английская королева — 301

Елистратов Аркадий Иванович (1873–1955), ученый-правовед, в 1911–1913 гг. проректор Московского университета — 166

– Борьба с проституцией в Европе. Казань, 1909 — 166

Ермолов Алексей Сергеевич (1846–1917), государственный деятель России, ученый-аграрник, в 1892–1905 гг. возглавлял Министерство государственных имуществ — 146, 150, 178, 185, 210, 215, 223, 225, 232, 233, 235, 320–322, 382–384

– Наши неурожаи и продовольственный вопрос. СПб., 1909, т. I — 146, 150, 232, 381

Ж

Жан (Jean) Шарль Франсуа (1874–1955), французский востоковед — 348

– *Les lettres de Hammurabia Sin-idinnam* [Законы Хаммурапи]. 1913 — 348

Жебелёв Сергей Александрович (1867–1941), русский историк античности — 19

Жижиленко Александр Александрович (1873 – не ранее 1930), российский юрист-криминалог — 181, 269, 270

– Преступность и ее факторы. Пг., 1922 — 181, 269

Жорес (Jaurès) Жан (1859–1914), французский историк, видный деятель международного социалистического движения — 310

Жуковский Василий Андреевич (1783–1852), русский поэт, переводчик и критик — 247

- Законы Ману.** СПб., 1913 — 149, 159, 165, 348, 367
- Законы Хаммурапи,** вавилонского царя. М., 1914 — 165, 348, 367
- Зальц А.** Вздорожание хлеба на мировом рынке // Новые идеи в экономике, СПб., 1914, № 4: Вздорожание жизни — 254
- Зеек (Seeck) Отто** (1850–1921), немецкий историк античности, профессор, умер в Риге — 375
– *Geschichte des Unterganges der antiken Welt* [История гибели античного мира]. Stuttgart, 1895, Bd. I — 375
- Зееманн (Seemann) Бертольд** (1825–1871), немецкий ботаник и путешественник, исследовавший Центральную и Южную Америку и острова Фиджи — 145
- Зеленый (Zeliony) Георгий Павлович** (1878–1951), русский биолог, ученик И.П. Павлова — 43, 49, 51
– Материалы к вопросу о реакции собаки на звуковые раздражения. Диссертация на степень доктора медицины. СПб., 1907 — 43
– Психологические реакции животных как объект естествознания // Природа, 1913, октябрь, № 10 — 49
– Современная биология и психология // Новые идеи в философии, СПб., 1913, сб. № 9 — 49
- Зиммель (Simmel) Георг** (1858–1918), немецкий социолог, философ и культуролог — 126
- Золла (Zolla) Даниэль,** французский экономист, профессор, специалист по экономике сельского хозяйства — 381, 388
– *La crise de subsistances sous la Revolutions* [Продовольственный кризис во время революций] // *Revue des deux mondes*, 1 декабря 1915 г. — 381, 388
- Зоммерлад (Sommerlad) Теодор** (1869–1940), немецкий экономист, социолог и историк — 315
– *Zur Geschichte der Preise* [К истории цен] // *Handwörterbuch der Staatswissenschaft*. 1910, Bd. VI — 315

И

- Иаков** (библ.), младший из двух сыновей-близнецов Исаака и Ревекки — 184
- Иванов Алексей Иванович** (1877–1937), китаевед, профессор Петербургского университета, репрессирован — 350, 371
– Ван Ань-ши и его реформы XI в. СПб., 1909 — 350, 371
- Иванов Конон** (XVIII в.), подъячий — 386
- Иванов-Смоленский Анатолий Георгиевич** (1895–1982), русский физиолог и психиатр, ученик В.М. Бехтерева — 173
– Условные рефлексы в психиатрии // Журнал психиатрии и неврологии, 1922, № 1 — 173
- Игнатович Инна Ивановна** (1879–1967), русский историк, ученица В. Семевского, специализировавшаяся на истории крестьянства в первой половине XIX в. — 322
– Крестьянские волнения // Великая реформа. М., 1911, т. III — 322

- Иегова** (Яхве), имя Бога в Ветхом Завете, которое он дал сам себе: «Я есмь Сущий [Иегова]» (Исх. 3, 14) — 179
- Иеринг** (Ihering) Рудольф фон (1818–1892), немецкий юрист, основатель социологической школы в юриспруденции — 169
– Борьба за право. М., 1874 — 169
- Йеркс**, Йеркс (Yerkes) Роберт (1876–1956), американский психолог — 109
- Иероним Блаженный** (347–419), раннехристианский писатель, один из отцов церкви, автор перевода Библии на латинский язык, известного под названием «Вульгаты» — 145
- Известия ЦИК**, газета
– 1921, 2 октября — 274
– 1922, 29 января — 147
– 1922, 12 февраля — 107, 140, 150, 275
- Иисус Христос** — 108, 328
- Инама-Штернегг** (Inama-Sternegg) Карл Теодор фон (1843–1908), немецко-австрийский историк-экономист и статистик — 257, 315
– Bevölkerung des Mittelalters [Население в Средние века] // Handwörterbuch der Staatswissenschaft. Bd. II — 257
- Иоанн II Добрый** (1319–1364), французский король с 1350 г. из династии Валуа — 306
- Иоанн Лейденский** (Jan van Leiden; 1509–1536), голландский анабаптист, вождь Мюнстерской коммуны (1534–1535) — 337
- Иогансен** (Johansen) Фридерик Яльмар (1867–1913), норвежский полярный путешественник, участник экспедиций Ф. Нансена и Р. Амундсена — 124
- Иордан** (Jordanes), готский историк VI в. — 294
– De Gothorum origine et rebus gestis [О происхождении и деяниях готв] — 294
- Иосиф** (Joseph), библейский персонаж, одиннадцатый сын Иакова, проданный в рабство в Египет своими братьями — 370
- Иосиф II** (1741–1790), соправитель Марии Терезии в 1765–1780 гг., император «Священной Римской империи германской нации» в 1780–1790 гг., король Венгрии — 337
- Иост** (Jost) Людвиг (1865–1947), немецкий ботаник — 131
– Физиология растений. Пг., 1914 — 131
- Ипувер** (Ipuwer), предполагаемый автор древнеегипетского трактата «Речения Ипувера», сохранившегося в копии времени Нового царства (примерно XIV–XIII вв. до н.э.) — 288
- Исав** (библ.), старший сын Исаака и Ревекки, продавший своему брату Иакову право первородства за чечевичную похлебку — 184
- Исаев** Андрей Александрович (1851–1924), русский экономист, статистик и социолог — 146, 149, 178, 210
– Неурожай и голод. СПб., 1892 — 146
- Ишбульда**, башкир-людоед (XX в.) — 147
- И.Ф.** Успехи химии в деле облегчения голода в Германии // Врачебное дело, 1921, 1 февраля — 211

Й

- Йейт** (Yate) Уильям (1802–1877), английский миссионер и писатель — 123
– Account of New Zealand [Описание Новой Зеландии]. London, 1835 — 123

К

- Казер** (Kaser) Курт (1870–1931), немецкий историк, профессор в Граце — 315, 316
– Politische und soziale Bewegungen im deutschen Burgertum zu Beginn des 16 Jahrhunderts [Политические и социальные движения в немецких городах в начале XVI века]. Stuttgart, 1899 — 316
- Каннингем** (Cunningham) Уильям (1849–1919), английский историк и экономист — 302
– The Growth of English Industry and Commerce in modern time [Развитие английской промышленности и торговли в новейшее время]. Cambridge, 1892 — 302
- Карамзин** Николай Михайлович (1766–1826), русский писатель и историк — 146
– История государства Российского. СПб., 1853, т. XI — 146
- Кареев** Николай Иванович (1850–1931), русский историк и социолог — 19, 302, 310, 311, 314, 382
– Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. М., 1879 — 311
– История Западной Европы в новое время. СПб., 1913, т. III — 311
– История Западной Европы в новое время. СПб., 1894, т. IV — 302, 314, 382
- Карл Великий** (Carolemagne; 742–814), франкский император, покровитель католической церкви — 223, 225, 230, 378
- Карл Фландрский** (1084–1127), граф Фландрии — 224
- Карл I** (Charles; 1600–1649), английский король с 1625 г., казненный по приговору Верховного суда трибунала, созданного Долгим парламентом — 302
- Карл IV Красивый** (Charles; 1294–1328), французский король — 363
- Карл V** (Charles) Мудрый (1338–1380), французский король — 306
- Карл VIII** (Charles) (1470–1498), французский король с 1483 г. — 308
- Карл IX** (Charles) (1550–1574), французский король с 1560 г. — 308
- Карлейль** (Carlyle) Томас (1795–1881), английский историк, философ и публицист — 208
– Sartor Resartus. M., 1902 — 208
- Карлсон** (Carlson) Антон Джулиус (1875–1956), американский психолог шведского происхождения — 84
– Contributions to the Physiology of the Stomach [Заметки о физиологии желудка] // American Journal of Physiology, 1913, № 31 — 84
- Кассиан** Иоанн (кон. IV – нач. V в.), христианский святой, ученик Иоанна Златоуста, один из первых основателей монашества на Западе — 159
- Кассий** Спурий Висцеллин, из древнего патрицианского рода в Риме; в 501 г. до н.э. был первым magister equitum; в 502, 493 и 486 гг. был выбран консулом — 293

- Кассий** Теренций, автор закона о бесплатной раздаче хлеба в Риме — 356
- Катилина** (Catilina) Луций Сергий (108–62 до н.э.), римский претор в 68 г.; в 66–63 гг. пытался захватить власть, привлекая недовольных обещанием кассации долгов; заговор был раскрыт Цицероном — 292, 330, 374
- Каутский** (Kautsky) Карл (1854–1938), немецкий социал-демократ, один из лидеров и теоретиков II Интернационала — 146, 316
– От Платона до анабаптистов // Предшественники новейшего социализма. СПб., 1907, ч. I — 146, 316
- Кауфман** Илларион Игнатьевич (1848–1916), русский экономист — 214
- Кельнер** (Kellner) Оскар (1851–1911), немецкий агрохимик и физиолог — 28, 58, 71–73
– Кормление сельскохозяйственных животных. Киев, 1912 — 28, 58, 73
- Кеннон** (Cannon) Уолтер Брэдфорд (1871–1945), американский психолог, невропатолог и физиолог, профессор Гарвардской медицинской школы, член Американского психологического общества — 84, 105, 106
– An Explanation of Hunger [Объяснение голода] (в соавторстве с М.Ф. Уэшберном) // American Journal of Physiology. 1912, № 26 — 84, 105, 106
- Керн** (Kern) Йохан Хендрик Каспар (1833–1917), голландский лингвист и востоковед — 159
– Histoire du Buddhisme dans l'Inde [История буддизма в Индии]. Paris, 1903, vol. II — 159
- Кеткар** (Ketkar) Шридхар Венкатеш (1884–1937), индийский социолог, историк, писатель и журналист; писал на маратхи — 348
– The History of Caste in India [История каст в Индии]. Ithaca, 1909 — 348
- Кетле** (Quetelet) Ламбер Адольф Жак (1796–1874) франко-бельгийский ученый-математик, социолог, один из создателей научной статистики, основоположник математических методов обработки социальной информации — 64
– Physique Sociale [перевод: Социальная физика или опыт исследования о развитии человеческих способностей]. 1869 — 64
- Киплинг** (Kipling) Джозеф Редьярд (1865–1936), английский писатель — 150, 224
– На голоде (в Индии) (Собрание сочинений. Пг., 1916) — 150, 224
- Кирилл** (ум. 1427), основатель Кирилло-Белозерского монастыря, литературный деятель — 162
- Киселев** Павел Дмитриевич (1788–1872), граф, русский государственный деятель, с 1835 г. постоянный член всех секретных комитетов по крестьянскому делу — 384
- Клавдий** (Claudis) (10 до н.э. – 54 н.э.), римский император — 294
- Клавихеро** (Clavijero; англ. Clavigero) Франсиско Хавьер (1731–1787), мексиканский историк, иезуит — 148
– History of Mexico [История Мексики]. 1807, vol. I — 148
- Клайнс** (Clynes) Джон Роберт (1869–1949), английский политический деятель, один из лидеров лейбористской партии — 225, 388
– Food Control in War and Peace [Контроль за продовольствием во время войны и мира] // The Economic Journal, 1920, June — 225, 388

- Клеман** (Clément) Жан Пьер (1809–1870), французский экономист-историк — 380
 – La police sous Louis XIV [Охрана общественного порядка при Людовике XIV]. 1866 — 379
- Клеомен III** (Cleomenes III; 260–219 до н.э.), царь Спарты в 235–221 гг. до н.э., реформатор конституционно-правовой системы Спарты и ее армии — 291, 368, 373
- Клепиков** Сократ Александрович (1895–1978), советский книговед, библиограф и экономист — 29, 30, 127, 323
 – Питание русского крестьянства. М., 1920 — 29, 323
- Клодий** (Clodius) Публий (ок. 93–52 до н.э.), римский народный трибун; провел законы о бесплатной раздаче хлеба плебсу, об ограничении власти цензоров — 356
- Клочков** Михаил Васильевич (1877–1952), историк, краевед и публицист, профессор русской истории в Харьковском университете — 232, 272, 320, 387
 – Население России при Петре Великом по переписям того времени. СПб., 1911 — 232, 273, 320, 387
- Ключевский** Василий Осипович (1841–1911), русский историк — 272, 318–320, 384, 386, 387
 – Курс русской истории. М., 1918, т. III–IV — 272, 318, 320, 384, 386, 387
- Кобад** (Кабадес, Кавад, Гобад), персидский царь из династии Сасанидов, сын Фируза, преемник Палаша, царствовал в 488–531 гг. — 297, 368, 371
- Ковалевский** Максим Максимович (1851–1916), русский историк, социолог и правовед — 213, 214, 223, 225, 246, 259, 285, 286, 301, 302, 306, 310, 346, 360, 361, 362, 379, 380
 – От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. М., 1906, т. I, II — 301, 302
 – Какими мерами итальянские республики боролись с голодом и нуждой // Помощь голодающим. М., 1892 — 223, 225, 259, 361, 362
 – Происхождение современной демократии. М., 1895, т. I — 310
 – Очерк происхождения и развития семьи и собственности. СПб., 1895 — 346
 – Экономический рост Европы. М., 1898, т. I, 1900, т. II, 1903, т. III — 213, 246, 285, 301, 306, 360, 362, 379
 – Социология. СПб., 1910, т. II — 246, 346
- Ковилль** (Coville) Альфред (1860–1942), французский историк и государственный деятель — 307
 – Les cabochiens et l’ordonnance de 1413 [Кабошьены и ордонанс 1413 года]. Paris, 1888 — 307
- Кодерлье** (Cauderlier) Эмиль (1847–1889), бельгийский экономист — 363
 – L’évolution économique du XIX siècle [Эволюция экономики в XIX веке]. Stuttgart, 1903 — 363
- Кодрингтон** (Codrington) Роберт Генри (1830–1922), англиканский священник, этнограф и антрополог, один из первых исследователей культуры Меланезии — 145
- Козловский** Александр Николаевич (1864–1940), генерал-майор русской армии, военспец в РККА, организатор обороны во время Кронштадтского восстания в 1921 г.; после подавления восстания вместе с 8 тысячами кронштадтцев ушел в Финляндию — 325
- Колдаев Б.** Физиологическая приспособленность пищеварительного канала к роду пищи // Природа, 1916, № 9 — 56

- Колетти** (Coletti) Франческо (1866–1940), итальянский экономист и статистик — 238, 240
– Dell’emigrazione italiana [Об итальянской эмиграции]. Milano, 1912 — 238, 240
- Колчак** Александр Васильевич (1873–1920), адмирал (с 1917 г.), один из главных руководителей белого движения в Сибири во время гражданской войны — 195
- Кольбер** (Colbert) Жан Батист (1619–1683), крупный деятель французского абсолютизма, министр Людовика XIV — 310, 366
- Кольцов** Николай Константинович (1872–1940), русский биолог, основоположник отечественной экспериментальной биологии — 26, 52, 57, 61, 81, 140
– Физиология исхудания // Природа, 1919, № 10–12 — 26
- Колюбакин** Михаил Васильевич, в 1653–1656 гг. воевода Вереи — 386
- Комаров** Владимир Леонтьевич (1869–1945), русский биолог, автор трудов по систематике, флористике и географии растений — 255
– К истории картофеля // Человек и природа, 1921, № 2 — 255
- Кондорсэ**, Кондорсе (de Condorcet) Жан-Антуан-Никол Коришот (1743–1774), французский писатель и политический деятель — 331
- Кондратьев** Николай Дмитриевич (1892–1938), русский экономист, автор теории «длинных волн» — 10, 19, 263, 389
– Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. Изд-во «Новая деревня», 1922 — 389
– Изменения мирового хозяйства за время войны // Вестник сельского хозяйства, 1922, № 6–7 — 263
- Конрад** (Congrad) Иоганн (1839–1915), немецкий политэконом, профессор в Галле — 65, 126, 235, 236
– Agrarkrisis [Аграрный кризис] // Handwörterbuch der Staatswissenschaft. 1909. Bd. II — 235, 236
- Конфуций**, Кун-цзы (551–479 до н.э.), древнекитайский философ — 350, 371
- Коран**, священная книга мусульман — 367
- Короленко** Владимир Галактионович (1853–1921), русский писатель и публицист — 224
– В голодный год (Собрание сочинений. Изд. А.Ф. Маркса, т. V) — 224
- Кохрен** (Cochrane) Джон (1780–1825), английский путешественник, в 1820–1823 гг. побывал в Сибири и на Камчатке, где женился на дочери петропавловского священнослужителя; автор книги «Narrative of a pedestrian journey through Russia and Siberian Tartary, from the frontiers of China to the Frozen Sea and Kamtschatka...» (London, 1824) — 59
- Кочаровский** Карл (Карл-Август) Романович (1870–1917), русский публицист, книгоиздатель, экономист-аграрник, сотрудничавший с партией эсеров — 214
- Красная газета**, газета
- 1921, 15 и 16 апреля — 275
 - 1921, 5 июля — 326
 - 1921, 7 июля — 239
 - 1921, 11 ноября — 149
 - 1921, 16 декабря — 326, 341
 - 1921, 31 декабря — 147, 150
 - 1922, 31 января — 107

- 1922, 18 февраля — 341
- 1922, 2 августа, № 172 — 140

- Красная Москва. 1917–1920 гг.** Издание Московского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов. М., 1920 — 106, 129, 239, 273
- Красногорский** Николай Иванович (1882–1961), русский врач-педиатр и физиолог, ученик И.П. Павлова — 49
- Крижанич** (Križanić) Юрий (1618–1683), хорватский писатель, сторонник идеи «славянского единства», главную роль в осуществлении которой отводил Русскому государству — 387
- Критий** (ок. 460–403 до н.э.), вождь крайних олигархов-рабовладельцев в Афинах — 290
- Кромвель** (Cromwell) Оливер (1599–1658), вождь английской буржуазной революции — 264, 330
- Кропоткин** Петр Алексеевич (1842–1921), князь, русский революционер, теоретик анархизма, ученый-географ и геолог — 232, 250, 310, 312, 313, 381
- Взаимная помощь как фактор эволюции. М., 1918 — 250
 - Великая французская революция. М., 1919 — 232, 312, 380
- Крук** (Crooke) Уильям (1848–1923), английский этнолог и историк-индолог — 63, 71
- The tribes and Castes of the North-Western provinces [Племена и касты Северо-Западных провинций]. Calcutta, 1896 — 63, 71
- Крукс** (Crookes) Уильям (1832–1919), английский физик и химик — 254
- Хлебный вопрос. М., 1909 — 254
- Ксенофонт** (Xenophon; ок. 430 до н.э. – 355/4 до н.э.), древнегреческий историк — 138, 348, 353
- Hellenica [перевод: Греческая история. СПб., 1993] — 138
 - Lacedaimonion politeia [Лакедемонская полития] — 353
- Куделли** Прасковья Францевна (1859–1944), деятель революционного движения в России, партийный публицист — 149
- Куклин А.С.**, председатель Петрокоммуны с июля 1920 г. — 275
- Кулишер** Иосиф Михайлович (1878–1934), русский экономист и историк народного хозяйства — 316, 360
- Лекции по истории экономического быта. Пг., 1918 — 316, 360
- Курно** (Cournot) Антуан Огюстен (1801–1877), французский математик, экономист и философ — 329
- Essai sur les fondements de nos connaissances et sur les caractères de la critique philosophique [Очерк оснований нашего познания и особенностей философской критики]. Paris, 1851 — 329
- Кури** Борис Григорьевич (1885–1938), русско-украинский историк, востоковед и педагог; репрессирован — 225, 319, 382, 385, 386
- Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям Родэса. М., 1915 — 319, 383
- Куршман** (Curschmann) Фриц (1874–1946), немецкий историк — 142, 145, 149, 165, 177–179, 184–186, 210, 223–225, 231, 251, 272, 298, 299, 360, 378
- Hungersnöte in Mittelalter [Массовый голод в Средние века]. Leipzig, 1900, Bd. II — 142, 231, 298, 378

Л

- Лависс** (Lavissee) Эрнст (1842–1922), французский историк — 251, 298, 362
 – Всеобщая история, т. II (в соавторстве с А. Рамбо) — 362
 – Эпоха крестовых походов. М., 1914, ч. I (в соавторстве с А. Рамбо) — 251, 298
- Лавров** Петр Лаврович (1823–1900), русский философ и социолог, теоретик революционно-го народничества — 212
- Лакассань** (Lacassagne) Александр (1843–1924), французский антрополог и криминолог, судебный эксперт, медик и криминалист, профессор, основоположник антропологической школы в криминологии; трагически погиб в результате автокатастрофы — 270
- Лампрехт** (Lamprecht) Карл Готфрид (1856–1915), немецкий историк — 315
- Ланге** Николай Николаевич (1858–1921), русский психолог — 194
 – Душевные движения. 1896 — 194
- Ланинский** Михаил Никитович (1862–1947), русский невропатолог, профессор Киевского университета, эмигрировавший из России после революции 1917 г. — 56, 61
 – О развитии личности у женщины. Киев, 1915 — 56
- Лануж** (Larouge) Жорж Ваше (1854–1936), французский социолог, последователь теории социального дарвинизма и один из идеологов расизма — 261
 – Les selectiens sociales [Социальный отбор]. 1896 — 261
- Лебон**, Ле Бон (Le Bon) Гюстав (1841–1931), французский психолог, социолог, антрополог и историк — 71, 333
 – Психология социализма. СПб., 1908 — 333
- Левассер** (Levasseur) Пьер Эмиль (1828–1911), французский экономист и историк — 126, 163, 229, 248, 249, 250, 270, 302, 308, 310, 314, 315, 363, 368, 382
 – La population française [Французское население]. Paris, 1891, vol. II — 163, 270
 – Histoire des classes ouvrières [История трудящихся классов]. 1904, t. I–II — 126, 310, 314, 363, 368, 381
 – La répartition de la race humaine [Размещение человеческого рода] // Bulletin de l'Institut International de Statistique. 1909, vol. XVIII, liv. II — 229, 250
 – Statistique de la superficie et de la population des contrées de la Terre [Статистические данные о размерах территорий и численности населения стран земного шара] (в соавторстве с L. Bodio) // Bulletin de l'Institut International de Statistique, vol. XII — 229
- Лейбниц** (Leibniz) Готфрид Вильгельм (1646–1716), немецкий философ, математик, физик и изобретатель, юрист, историк и языковед — 175
- Лейкарт** (Leuckart) Рудольф (1822–1898), немецкий зоолог, член-корреспондент и почетный член Петербургской академии наук; учился в Гёттингене у физиолога Рудольфа Вагнера (1805–1864) — 160, 161
 – Wagner [P. Вагнер] // Handwörterbuch der Physiologie. 1890, Bd. IV — 160
- Лексис** (Lexis) Вильгельм (1837–1914), немецкий экономист и статистик — 65, 70, 71, 73, 81
 – Anthropologie und Anthropometrie [Антропология и антропометрия] // Handwörterbuch des Staatswissenschaft Conrad'a. 1909, Bd. I — 65, 70, 81

- Ленин** Владимир Ильич (1870–1924), организатор Коммунистической партии Советского Союза, основатель и глава Советского государства — 274
- Лениц** Александр Карлович (1882–1952), невропатолог и психиатр, профессор и зав. кафедрой психиатрии в Белорусском государственном университете, 3-м государственном Ленинградском мединституте, Военно-морской медицинской академии, ученик И.П. Павлова и В.М. Бехтерева — 74, 173
- Об изменении химического состава мозга при голодании (автореферат) — 74
 - Методика и область применения условных рефлексов в исследовании высшей нервной («психической») деятельности // Журнал психиатрии и неврологии. 1922, № 1 — 173
- Леонид**, царь Спарты, правивший в 491–480 гг. до н.э., летом 480 г. защищал с шестью тысячами воинов (в том числе и личной гвардией из 300 спартанцев) Фермопильский проход при наступлении персидских войск и погиб в бою — 261
- Леонтович** Федор Иванович (1833–1921), русский историк права — 146, 178, 215, 232
- Голодовки в России // Северный вестник, 1892, № 4 — 146, 232
- Лесгафт** Петр Францевич (1837–1909), русский педагог, анатом и врач — 68
- Лесков** Николай Семенович (1831–1895), русский писатель — 86, 151, 165, 166, 185
- Юдоль (Полное собрание сочинений. СПб., 1903, т. XXXIII) — 86, 151
- Летурно** (Letourneau) Шарль (1831–1902), французский социолог-эволюционист, автор работ, основанных на материале по истории брака и семьи, собственности, морали, права, торговли и пр. — 148
- Эволюция нравственности. СПб., 1910 — 148
- Лешков** Василий Николаевич (1810–1881), русский историк славянофильского направления, профессор Московского университета — 148–150, 179, 215, 223, 232, 317, 318, 370, 382, 383
- Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века. М., 1858 — 148–150, 179, 215, 223, 232, 317, 318, 370, 382
- Лешли** (Lashley) Карл Спенсер (1890–1958), американский психолог и физиолог, специалист в области поведенческой психологии и нейропсихологии — 49
- The human salivary Reflex [Слюнный рефлекс у людей] // Psychological Review, 1916, № 6 — 49
- Ли** (Lee) Генри Чарлз (1825–1909), американский историк, автор трудов по истории папства и католической церкви — 298, 299
- История инквизиции. СПб, 1911, т. 1 — 298
- Либих** (Liebig) Юстус (1803–1873), немецкий химик, один из основателей агрохимии — 213, 218
- Ливи** (Livi) Ридольфо (1856–1920), итальянский антрополог — 64, 70
- Antropometria militare [Военная антропометрия]. Rome, 1896 — 70
 - Sullo sviluppo del corpo in rapporto con la professione [О телесном развитии в зависимости от профессии]. Roma, 1897 — 64
 - Essai d'anthropométrie militaire [Очерк военной антропометрии] // Bulletin de l'Institut international de statistique, 1893, t. VII, livre 2 — 64
- Ликург** (390–324 до н.э.), государственный деятель и оратор Древних Афин — 372

- Лингардт** (Lingard) Джон (1771–1851), английский историк и католический священник, автор «Истории Англии от первого вторжения римлян» и «Истории древностей англосаксонской церкви» — 300
- Линденау**, криминолог и статистик — 269
- Липперт** Юлиус (1839–1909), австралийский историк и этнограф — 346
- Лойола** (Loyola) Игнатий (1491?–1556), основатель ордена иезуитов — 91, 108, 158
– Духовные упражнения — 107–108
- Ломброзо** (Lombroso) Чезаре (1835–1909), итальянский ученый, психолог и криминалист — 109
- Лондон** (London) Джек (наст. имя Джон Гриффит; 1876–1916), американский писатель — 181, 189
– Мои скитания (Собрание сочинений. СПб., 1915, т. XV) — 181, 189
- Лондон** Ефим Семенович (1868/1869–1939), русский патофизиолог, биохимик и радиобиолог — 37–39, 42, 46
– Физиология и патология пищеварения. Пг., 1916 — 37
- Лоренц** (Lorentz) Хендрик Антон (1853–1928), нидерландский физик и математик — 24
– Элементы высшей математики. М., 1910, т. I — 24
- Лот** (библ.), племянник Авраама, пощаженный вместе с семьей Богом при наказании грешного города Содомы — 229
- Луазель** (Loisel) Гюстав (1864–1933), французский физиолог, доктор медицины, профессор Сорбонны — 157
– Influence du jeûne sur la spermatogenèse [Влияние голода на спермообразование] // Comptes Rendus hebdomadaires séances et Mémoires. Société de biologie. 1901, t. 53 — 157
- Лукин** Николай Михайлович (псевдоним Н. Антонов; 1885–1940), русский историк — 315
– Парижская коммуна. 1922 — 315
- Лучиани** (Luciani) Луиджи (1840–1919), итальянский физиолог, автор трудов, посвященных физиологии сердца, дыхания, влиянию длительного голодания на организм и физиологии центральной нервной системы — 34, 39, 72, 78–80, 86, 91
– Das Hungern [Голод]. Hamburg-Leipzig, 1890 — 36, 39, 72, 86
- Любарский** Владимир Антонович (1881–1939), русский врач, зам. директора по научной части Центрального научно-контрольного института в Москве, доктор медицинских наук; репрессирован — 141
– О недоедании // Природа, 1921, № 7–9 — 141
- Людеров**, русский криминалист — 270
- Людовик XII** (Louis XII; 1462–1515), французский король в 1498–1515 гг. — 308
- Людовик XIV** (Louis XIV; 1638–1715), французский король с 1643 г., время правления которого ознаменовано расцветом королевского абсолютизма — 146, 285
- Людовик XVI** (Louis XVI; 1754–1793), французский король в 1774–1792 гг., свергнутый с престола в ходе Великой французской революции и казненный по приговору Конвента — 285, 309
- Лютер** (Luther) Мартин (1483–1546), вождь Реформации в Германии, основатель немецкого протестантизма — 316

М

- Магомет**, устаревшая транскрипция имени основателя ислама Мухаммеда — 91, 108, 251, 296, 328, 337, 358, 359
- Магомет** (Мехмед) I (ум. 1421), турецкий султан — 297
- Маздак** (ум. 529), проповедник религиозно-философского учения и руководитель крестьянского движения в Персии — 297, 371
- Майо-Смит** (Mayo-Smith) Ричмонд (1854–1901), американский социолог, профессор политэкономии и социальных наук Колумбийского университета — 229, 234, 238
– Статистика и социология. М., 1900 — 229, 234
- Майр** (Maug) Георг (1841–1925), немецкий статистик и государственный деятель — 229, 234, 238, 270, 289
– Закономерность общественной жизни. М., 1899 — 234
– Статистика и обществоведение. СПб., 1901, т. II — 229, 238
– Statistik und Gesellschaftslehre [Статистика и обществоведение]. Berlin, 1917, Bd. 3 — 270
- Макколлум** (McCollum) Элмер (1859–1929), американский биохимик, открывший вместе с М. Дэвис витамин А — 26
– [Observations on the isolation of the substance in butter fat which exerts a stimulating influence on growth (Наблюдения за изоляцией вещества в сливочном масле, оказывающего стимулирующее влияние на рост и развитие)] (в соавторстве с М. Дэвис) // Journal of Biological Chemistry. 1914, vol. 19; 1915, vol. 21, 23 — 26
- Малькольм** (Malcolm) Джон (1769–1833), английский генерал, государственный деятель, историк — 297, 348, 371
– The History of Persia [История Персии]. London, 1829, vol. I, II — 297, 348, 371
- Мальтус** (Malthus) Томас Роберт (1766–1834), английский экономист, священник, автор «Опыта о законе народонаселения» (1798) — 256
- Манассеин** Вячеслав Авксентьевич (1841–1901), русский терапевт и общественный деятель — 74
- Мандзони** (Manzoni) Алессандро (1785–1873), итальянский писатель-романтик; после 1810 г. обратился к религии и под влиянием своего близкого друга философа А. Розмини стал ревностным католиком — 159
– Osservazioni sulla morale cattolica [Обозрение католической морали]. Firenze, 1887 — 159
- Маннхардт** (Mannhardt) Вильгельм (1831–1880), немецкий этнолингвист, мифолог, специалист по германской и скандинавской мифологии — 162
– Walde und Feldkulte [Лесные и полевые культы]. Berlin, 1875. Bd. I — 162
- Манувриэ** (Manouvrier) Леонс Пьер (1850–1927), французский антрополог, исследовавший весовые соотношения мозга и частей человеческого тела — 65
– Sur la taille de Parisiens [О росте парижан] // Bulletin de la soc. d'Anthrop. de Paris. 1888 — 65
- Маньковский В.И.** К вопросу о голодании (Гистологическое исследование). СПб., 1882 — 74
- Марий** Гай (Gaius Marius) (ок. 157–86 до н.э.), римский полководец и политический деятель — 249, 293, 374

- Маркс** (Marx) Карл Генрих (1818–1883), немецкий философ и экономист, деятель немецкого и международного рабочего движения — 314, 328
– Классовая борьба во Франции в 1848–1850 гг. СПб. Изд. «Просвещение» — 314
- Марро** (Marro) Антонио (1840–1913), итальянский психиатр — 82
– La Pubertà [Период полового созревания]. Torino, 1900 — 82
- Марсель** (Marcel) Этьенн (?–1358), руководитель Парижского восстания 1357–1358 гг. — 307
- Марш** (Marsh) Ховард, американский психолог — 34, 72, 78–80, 86–89, 91, 92, 95, 98, 99, 103, 132, 171
– Individual and Sex Differences Brought out by Fasting [Проявление индивидуальных и половых различий при голодании] // Psychological Review, 1916, vol. 23 (November) — 34, 72, 79, 80, 87, 89, 95, 103, 171
- Маршалл** (Marshall) Альфред (1842–1924), английский экономист — 31
– Principles of economics [перевод: Принципы экономической науки. М., 1993]. London, 1891, vol. I — 31
- Маслов**, сборщик налогов («продкомиссар»), XVIII в. — 385
- Масперо** (Maspero) Гастон Камиль Шарль (1846–1916), французский египтолог — 287, 348
– Древняя история. СПб., 1903 — 287
– Исторические чтения. СПб., 1905 — 348
- Матейка** (Matiegka) Индржих (Henry) (1862–1941), чешский антрополог, профессор Пражского университета — 71
– [Статья] // Revue Scientifique. 1903 — 71
- Матвеев** Александр Павлович (1816–1882), русский врач-акушер — 68
- Материалы по статистике Петрограда.** Пг., 1920–1921, вып. I, III, V — 239, 273
- Маттеи** (Matthaei) Христиан Фридрих (1744–1811), немецко-русский палеограф, классический филолог, профессор в Москве (где жил в 1772–1784 гг. и с 1803 г. до конца жизни) и Виттенберге — 149, 177
– Analecta [Сочинения] — 149, 177
- Мах** (Mach) Эрнст (1838–1916), австрийский физик и философ — 24
– Познание и заблуждение. М., 1909 — 24
- Махабхарата**, древнеиндийский эпос — 160
- Маховик**, 27 июля 1921 (статья «В местах неурожая») — 239, 240, 275
- Мейер** (Meyer) Макс (1873–1967), германо-американский психолог и музыкальный теоретик — 33
– The fundamental Laws of human behaviour [Основные законы человеческого поведения]. Boston, 1911 — 33
- Мейер** (Meyer) Эдуард (1855–1930), немецкий историк древности — 230, 248–250, 292, 368
– Народонаселение в древности // Народонаселение и учение о народонаселении. М., 1897 — 230, 248, 249, 250, 292, 368
– Die Wirtschaftliche Entwicklung des Alterthums [Экономическое развитие древнего мира]. 1893, Bd. II — 230, 248
– Einkommen [Доход] // Handwörterbuch der Staatswissenschaft. 1909, Bd. XIII — 368
– Die Bevölkerung des Altertums [Население в древности] // Handwörterbuch der Staatswissenschaft. Bd. 2 — 250

- Мендель** (Mendel) Лафайет Бенедикт (1872–1935), американский биохимик, изучавший роль в питании сливочного масла — 26, 57, 60
 – [The stability of the growth-promoting substance in butter fat (Наличие в сливочном масле вещества, способствующего росту)] (в соавторстве с Т.Б. Осборном) // Journal of Biological Chemistry, 1915, vol. 20 — 26, 57, 60
- Меньшиков**, Меншиков Александр Данилович (1673–1729), светлейший князь, сподвижник Петра I, генералиссимус — 272
- Мечников** Лев Ильич (1838–1888), русский географ, социолог и публицист, представитель географической школы в социологии — 229
 – Цивилизация и великие исторические реки. Киев-Харьков, 1899 — 229
- Микеланджело** Буонаротти (Michelangelo Buonarroti; 1475–1564), итальянский скульптор, живописец, архитектор и поэт — 21
- Миккельсен** (Mikkelsen) Эйнар (1880–1971), датский полярный исследователь — 87, 88, 93, 97, 112, 123, 124, 138, 153, 176, 188, 344
 – По следам жертв ледяной пустыни. Пг., 1914 — 87, 93, 97, 112
- Миклашевский** Иван Николаевич (1858–1901), русский экономист и статистик — 303
 – История политической экономии. 1909 — 303
- Милюков** Павел Николаевич (1859–1943), русский историк и социолог, публицист и политический деятель — 232, 387
 – Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905 — 232
- Мировое сельское хозяйство**. М., 1922 — 253, 255
- Митридат VI Евпатор** (132–63 до н.э.), царь Понта; вел борьбу со скифами — 249
- Михельсон** Иван Иванович (1740–1807), подполковник Санкт-Петербургского карабинерного полка, отряд которого в 1774 г. нанес решающее поражение Пугачеву — 321
- Мопассан** (Maupassant) Ги де (1850–1893), французский писатель — 94, 160, 181, 202
 – Бродяга (Полное собрание сочинений. СПб., 1909–1912, изд. Шиповник, т. XXI) — 94, 160, 181, 202
- Моргулис** (Morgulis) Сергиус (1885–1971), американский биохимик и врач австрийского происхождения, профессор университетов Небраска и Чикаго — 58, 157
 – Studies of Inanition in its Bearing upon the Problem of Growth [Изучение истощения и его влияние на рост] // Archiv für Entwicklungsmechanik der Organismen. 1913, Bd. XXXII, N. 2 — 58, 157
 – Studien über Inanition in ihrer Bedeutung für das Wachstumsproblem [Изучение истощения и его влияние на рост] // Ibid., Bd. XXXVI, N. 4 — 157
- Муркрофт** (Moogcroft) Уильям (1767–1825), английский исследователь, ветеринарный врач по образованию, служащий Ост-Индской компании, автор посмертно изданных записок «Travels in the Himalayan Provinces of Hindustan and the Punjab, in Ladakh and Kashnair, in Peshawur, Kabul, Kunduz and Bokhara, from 1819 to 1825» (1841) — 185
- Мустасим**, Аль-Мустасим (1212–1258), аббасидский халиф — 297
- Мюлиус**, Мюлиус-Эриксен (Mylius-Erichsen) Людвиг (1872–1907), датский журналист, писатель и этнограф, исследователь Гренландии — 153

- Мюллер** (Müller) Август (1848–1892), немецкий востоковед — 138, 251, 296, 331, 359
 – История ислама от основания до позднейших времен. СПб., 1895, т. I–II — 138, 359
- Мюльгаль** (Mulhall) Майкл Джордж (1836–1900), английский статистик — 66, 72, 73, 127, 128, 216, 222, 235, 238, 363
 – The dictionary of statistics [Словарь статистики]. London, 1903 — 66, 72, 73, 127, 128, 216, 222, 235, 238, 363
- Мюнцер** (Münzer, Müntzer) Томас (ок. 1490–1525), немецкий революционер, один из главных вождей Крестьянской войны в Германии (1524–1526) — 337

Н

- Набис**, Набид (Nabis), тиран Спарты с 207 по 192 г. до н.э., продолживший реформу, начатую Агисом IV и Клеоменом III — 291, 373
- Нансен** (Nansen) Фритьоф (1861–1930), норвежский исследователь Арктики. Комиссар Лиги Наций по делам военнопленных, один из организаторов помощи голодающим Поволжья — 88, 124, 137, 153, 176
 – Во мраке ночи и во льдах. Путешествие норвежской экспедиции на корабле «Фрам» к Северному полюсу. СПб., 1901, т. II — 88, 124
- Наполеон I Бонапарт** (Napoleon) (1769–1821), французский государственный деятель и полководец, первый консул Французской республики (1799–1804), император Франции (1804–1815) — 262, 264, 281, 314, 330, 337, 369, 382
- Нармер**, древнеегипетский фараон III тыс. до н.э., один из объединителей Верхнего и Нижнего Египта — 247
- Натузиус** (Nathusius) Герман фон (1809–1879), немецкий зоотехник — 58, 70
- Неккер** (Necker) Жан (1732–1804), французский финансист и государственный деятель, в 1777–1781, 1788–1790 гг. министр финансов — 381
- Немилов** Антон Витальевич (1879–1942), русский гистолог — 19, 21, 39, 40, 50, 53, 61, 72, 154
 – Гормоны (Деятельность внутренних органов). Пг., 1917 — 40, 61
 – О голодании // Ежемесячный журнал., 1918, № 2–3 — 21, 55, 74, 154
- Низе** (Niese) Бенедикт (1849–1910), немецкий филолог и историк, профессор в Бреславле и Марбурге — 249, 291, 292, 294, 373
 – Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten [История греческих и македонских государств]. Gotha. 1899, 2 Teil; 1903, 3 Teil — 249, 291
 – Grundriss der Römischen Geschichte [Очерк римской истории]. München, 1906 — 292, 294
- Николай** (Nicolai) Георг Фридрих (1874–1964), немецкий врач, физиолог, пацифист; в 1922 г. эмигрировал в Южную Америку — 211, 213, 245, 252, 261, 263
 – Die Biologie des Krieges [Биология войны]. Zürich, 1919 — 211, 213, 245, 252, 261, 263
- Николай II**; Николай Александрович Романов (1868–1918), последний российский император — 264
- Никольс** — см. Daniels A.L. and Nichols N.B.

- Нильссон** (Nilsson). Об аменорее во время войны // Zbl. f. g., 1920, № 32 (Реферативный медицинский журнал. 1921, № 2) — 158
- Ничефоро** (Niceforo) Альфредо (1876–1960), итальянский социолог, криминалист и статистик — 64, 65, 69, 70–72, 74, 75, 81, 82, 109
 – Italiani del Nord e Italiani del Sud [Итальянцы севера и итальянцы юга]. 1901 — 65
 – Les classes pauvres [Бедные классы]. Paris, 1905 — 64, 65, 69, 70
- Новиков** (Nowikow) Яков Александрович (Jacque) (1849–1932), русско-французский социолог — 261
 – Les luttes entre sociétés humaines et leur phases successives [Борьба между человеческими сообществами и их последовательные фазы]. Paris, 1896 — 261
- Новомбергский** Николай Яковлевич (1879–1941), историк, сибирский общественный и политический деятель, профессор юридического факультета Томского университета, в правительстве А.В. Колчака возглавлял отдел печати и вероисповеданий — 215, 319, 385
 – Очерки внутреннего управления в Московской Руси XVII столетия. Продовольственное строение. Материалы. Томск, 1914, т. 1 — 215, 319, 385
- Новосадский** Николай Иванович (1859–1941), русский филолог-эллинист, специалист по греческой эпиграфике и папирологии — 249, 353, 354, 372
 – Борьба с повышением цен в древней Греции // Журнал Министерства Народного Просвещения, 1917, февраль — 249, 353
- Новосельский** Сергей Александрович (1872–1953), русский демограф и статистик — 239, 264, 325
 – Влияние войны на естественное движение населения // Общественный врач, 1915, январь — 264
 – Забастовочное движение в промышленности Петрограда // Бюллетени отдела статистики труда, 1919, № 8, 15 ноября — 325
- Ноулс** (Knowles) Джозеф (1869–1942), американский художник, который в 1913 г. два месяца прожил в лесу, повторив эксперимент Г. Торо — 124
 – Два месяца в лесах. СПб., 1914 — 124
- Ньюмарч** (Newmarch) Уильям (1820–1882), английский экономист и статистик — 220, 301–303
- Ньютон** (Newton) Исаак (1643–1727), английский физик и математик, заложивший основы классической механики и астрономии — 21
 – Principia, Philosophiae Naturalis Principia Mathematica [Математические начала натуральной философии]. 1687 — 21

О

- Обозненко П.Е.**, русский социолог, врач и общественный деятель, автор книги «Поднадзорная проституция Санкт-Петербурга по данным врачебно-полицейского комитета и Калининской больницы» (СПб., 1896) — 166
- Объяснительная записка к проекту русского уголовного уложения.** Т. 7 — 182
- Огановский** Николай Петрович (1874–1938), русский экономист-аграрник, статистик и политический деятель — 214

- Окинчиц** Людвиг Людвигович (1874–1941), русский акушер-гинеколог — 158
 – Влияние войны и революции на половую сферу женщины // Врачебная газета, 1922, № 1 — 158
- Октавиан** — см. Август
- Олдфилд** (Oldfield) Август Фредерик (1820–1887), английский этнолог, ботаник и зоолог — 161, 162
 – On the Aborigines of Australia [Об австралийских аборигенах] // Transactions of the Ethnological Society of London. New Series. 1865, vol. III — 162
- Олорис и Алигера** (Olóriz y Aguilera) Федерико (1855–1912), испанский врач, гигиенист и анатом, занимавшийся криминальной антропологией, профессор школы полиции и Антропологического музея в Мадриде — 64
 – La talla humana en España [Рост населения в Испании]. Madrid, 1896 — 64
- Ольга** (?–969), княгиня, жена князя Игоря — 138
- Ольденбург-Янушау** (Oldenburg-Januschau) Элард фон (1855–1937), немецкий юнкер, консервативный политический деятель — 388
 – Quousque Tandem [Доколе же?] // Tag[eblatt], 1 октября 1916 — 388
- Оман** Чарлз Уильям Чедвик (1860–1946), английский военный историк — 301
 – Великое крестьянское восстание в Англии. Изд-во «Мир» — 301
- Омейяды**, династия арабских халифов (661–750) — 296
- Онху**, древнеегипетский «старец», автор записок — 288, 332
- Орбели** Леон Абгарович (1882–1958), русский физиолог, ближайший ученик и И.П. Павлова — 49
- Осборн** (Osborne) Томас Бэрр (1859–1929), американский химик — 26, 57, 60, 61
 – [The stability of the growth-promoting substance in butter fat (Наличие в сливочном масле вещества, способствующего росту)] (в соавторстве с Л.В. Менделем) // Journal of Biological Chemistry, 1915, vol. 20 — 26, 57, 60
- Осипов** Виктор Петрович (1871–1947), русский психиатр — 107
 – О душевных заболеваниях и душевной заболеваемости в Петрограде // Известия Комиссии Здравоохранения Петроградской Трудовой Коммуны, 1919, № 7–12 — 107
- Оствальд** (Ostwald) Вильгельм (1853–1932), немецкий химик и философ, лауреат Нобелевской премии по химии (1909) — 21
 – Die allgemeinen Kennzeichen d. organ. Substanz [Всеобщий признак органической субстанции] // Allgemeine Biologie. Leipzig, 1915 — 21
- Отле** (Otlet) Поль (1868–1944), бельгийский писатель, предприниматель, мыслитель, юрист и борец за мир; один из основателей теории информатики — 252
 – Les problèmes internationale et la guerre [Международные проблемы и война]. Genève-Paris, 1916 — 252
- Оттокар** Николай Петрович (1884–1957), русский историк-медиевист, идейный единомышленник и близкий друг Л.П. Карсавина, с 1922 г. в эмиграции — 298
 – Опыты по истории французских городов в Средние века. Пермь, 1919 — 298
- Очерки по истории Византии**. СПб., 1912, вып. II — 295

П

Павел, апостол — 190

Павел I (1754–1801), российский император с 1796 г., сын Петра II и Екатерины II — 215

Павлов Иван Петрович (1849–1936), русский физиолог, академик (с 1907 г.), создатель учения о высшей нервной деятельности — 19, 36, 38, 39, 41, 47, 49, 51, 52, 94, 168, 169

– Лекции о работе главных пищеварительных желез. СПб., 1897 — 38, 51, 52, 170

– Физиология и психология при изучении высшей нервной деятельности животных // Психиатрическая газета, 1917, № 6 — 47, 49

– Настоящая физиология головного мозга // Природа. 1917, № 1 — 49

– Рефлекс свободы // Природа, 1917, № 1 — 168

Палладин Владимир Иванович (1859–1922), русский ботаник и биохимик — 26, 57, 60, 61

– Роль витаминов в питании // Врачебное дело, 1919, № 18–19 — 26

– Возможен ли рост при питании льняным маслом // Врачебное дело, Киев, 1921, № 1–6 — 26

Пальяни (Pagliani) Луиджи (1847–1932), итальянский врач-гигиенист, сыгравший важную роль в общественном здравоохранении Италии — 64, 66, 70, 73, 81

– Lo sviluppo umano per età, sesso e condizione [Возрастное развитие человека, пол и условия жизни]. Milano, 1879 — 64

– [La demografia italiana all'Esposizione universale di Parigi nel 1878: studi antropometrici sullo sviluppo dell'organismo umano (Итальянская демография на Всемирной выставке в Париже 1878 года: антропометрические исследования развития человеческого организма)] // Annali di statistica. 1878, vol. 2 — 64

Памфил (XV–XVI вв.), игумен Спасо-Елиزارова монастыря, автор послания псковскому наместнику о необходимости прекращения «купальских игр», устраиваемых населением в ночь на праздник рождества Иоанна Крестителя (23–24 июня) — 162

Паран-Дюшатле (Parent-Duchatelet) Алексис Жан Батист (1790–1836), французский врач, доктор медицины, президент совета оздоровления Парижа, специалист по вопросам гигиены — 166

– De la prostitution dans la ville de Paris [Проституция в Париже]. 1857, vol. I–II — 166

Парето (Pareto) Вильфредо (1848–1923), итальянский социолог и экономист — 24, 159, 175, 176, 298

– Trattato di sociologia generale [Трактат по общей социологии]. Firenze, 1916, vol. I–II — 24, 159, 175, 298

Паркер (Parker) Эдвард Харпер (1849–1926), английский синолог и исследователь древней истории тюркских народов — 149, 296, 348, 349

– China Past and Present [Китай в прошлом и настоящем]. London, 1903 — 149, 296, 348, 349

Пармели (Parmelee) Морис (1882–1969), американский социолог, экономист и криминолог — 240

– The science of human behavior [Наука о человеческом поведении]. New-York, 1913 — 240

Паррот (Parrot) Иоганн Фридрих фон (1791–1841), русский естествоиспытатель и врач — 74

Паршапп (Parchappé) Жан Батист Максимьен (1800–1866), французский психиатр, ученик Эскироля; прославился тем, что впервые ввел принцип тщательного и непрерывного на-

- блюдения за душевнобольными, автор «Теоретического и практического руководства к изучению душевной болезни» (1841) — 71
- Пастер (Pasteur) Луи** (1822–1895), французский ученый, основоположник микробиологии и иммунологии — 218
- Пахомий Великий** (ок. 292 – ок. 346), христианский подвижник, основатель монастыря, которому дал строгий монастырский устав — 159
- Пашутин Виктор Васильевич** (1845–1901), основоположник русской школы патофизиологов — 24, 56, 58, 69, 74, 78–80, 86, 87, 95, 97, 99, 101, 104, 131, 132, 147, 151, 156
– Курс общей и экспериментальной патологии (Патологической физиологии). СПб., 1902, т. II — 24, 69
- Пельман (Pohlmann) Роберт** (1852–1914), немецкий историк античности — 230, 248, 288–294, 352–354, 356, 372–374
– Очерк греческой истории и источниковедения. СПб., 1908, т. 1 — 230
– История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910 — 248, 288–291, 352, 372
– Die Ueberbevölkerung der Antiken Grosstädte [Перенаселенность больших городов античности]. 1884 — 250
- Первушин Сергей Алексеевич** (1880–1966), русский социолог — 30, 127, 128, 255
– Потребление // Энциклопедический словарь Гранат. Пб., 1916, т. 33 — 30, 127, 128, 255
– Очерки массового потребления // Экономист, 1922, № 4–5 — 128
- Периандр** (668–585 до н.э), тиран Коринфа — 373
- Перикл (Pericles)** (ок. 495–429 до н. э.), крупнейший афинский государственный деятель, время правления которого было самой блистательной эпохой в истории Афин — 248, 354
- Перовский Лев Алексеевич** (1792–1856), граф, в 1841–1852 гг. министр внутренних дел России, в 1852–1856 гг. министр уделов — 384
- Петр Брюнсенский, Петр де Брюи (Pierre Bruys, Brusius, Bruzsius)**, предводитель средневекового антицерковного движения, живший в XII в. в Лангедоке — 299
- Петр I Великий** (1672–1725), русский царь с 1682 г., первый российский император с 1721 г. — 215, 223, 225, 232, 264, 272, 319, 320, 337, 368, 382–384, 387
- Петр**, дьякон в Белгороде (XVIII в.) — 386
- Петражицкий Лев Иосифович** (1867–1931), польско-русский социолог и правовед — 33–36, 38, 41, 44, 45, 49, 77, 83, 92, 96, 117, 118, 122, 155
– Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб., 1907 — 34, 77, 83, 155
- Петроградская Правда**, газета
– 1921, 1 февраля — 305
– 1921, № 192 (16 сентября) — 150
– 1921, № 215 — 149
– 1922, 5 января — 147, 274
– 1922, 10 февраля — 147
– 1922, 17 февраля — 326
– 1922, 10 марта — 107
– 1922, 26 марта — 147
– 1922, 12 мая — 147
– 1922, 26 мая — 240

- Петруччи** (Petrucci) Рафаль (1871–1917), французский социолог и востоковед, специалист по японскому искусству — 346
 – Les origines naturelles de la propriete [Естественное происхождение собственности]. Bruxelles, 1905 — 346
- Петрушевский** Дмитрий Моисеевич (1863–1942), русский историк – 301, 356, 357, 377, 378
 – Восстание Уота Тайлера. М., 1915 — 301
 – Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1917 — 377
- Петриченко** Степан Максимович (1892–1947), старший писарь линкора «Петропавловск», глава Временного революционного комитета Кронштадтского восстания в марте 1921 г. — 325
- Пешель** (Peschel) Оскар (1826–1875), немецкий географ и этнограф — 63
 – Völkerkunde [Этнография]. Leipzig, 1881 — 63
- Пикок** (Peacock) Томас Бевилл (1812–1882), английский врач-кардиолог, автор исследования «Tables of the weights of the brain and of some other organs of the human body» [Таблицы весов мозга и некоторых других органов человеческого тела] (London, 1861) — 71
- Пикте** (Pictet) Франсуа Жюль (1809–1879), швейцарский натуралист, профессор зоологии в Женеве — 56
- Пильняк** (наст. фамилия Вогау) Борис Андреевич (1894–1937), русский писатель — 166, 202
 – Голый год. Пб. – Берлин, 1922 — 166
- Пиопи I**, древнеегипетский фараон VI династии (III тыс. до н.э.) — 246
- Пири** (Peary) Роберт Эдвин (1867–1920), американский полярный путешественник — 88, 122, 153, 176
 – По большому льду к северу. СПб., 1906 — 88, 122
- Пирсон** (Pearson) Карл (1857–1936), английский математик, биолог и философ — 24
 – Грамматика науки. СПб., 1911 — 24
- Пифагор** (Pythagoras; ок. 540–500 до н.э.), древнегреческий философ и математик, основатель пифагорейской школы — 159
- Платон** (Platon; 427–347 до н.э.), древнегреческий философ — 376
- Платонов** Сергей Федорович (1860–1933), русский историк — 146, 272, 318–321, 382–384, 387
 – Лекции по русской истории. Пг., 1917 — 146, 272, 318–321, 384, 387
 – Московский голод 1601–1603 гг. // Артельное дело, 1921, № 9–16 — 318, 382
- Плеханов** Георгий Валентинович (1856–1918), русский философ и пропагандист марксизма — 328
- Плутарх** Херонейский (Plutarch; ок. 46–119), древнегреческий писатель и философ-моралист, верховный жрец Аполлона Пифийского в Дельфах — 214, 353, 354
 – Ликург — 353
 – Перикл — 354
 – Солон — 213
- По** (Poe) Эдгар Аллан (1809–1849), американский писатель, поэт и критик — 147
 – Повесть о приключениях Артура Гордона Пима (Собрание сочинений. СПб., 1896, т. II) — 147

- Покровский** Иосиф Алексеевич (1868–1920), русский юрист, профессор римского и гражданского права — 337
– Основные проблемы гражданского права. Пг., 1917 — 337
- Полибий** (Polybius; ок.200–120 до н.э.), древнегреческий историк, автор «Всемирной истории» в 40 книгах (полностью сохранились первые пять) — 248
- Полидор** (VII в. до н.э.), спартанский царь — 230
- Помощь. Художественно-литературный и научно-популярный сборник.** Симферополь: изд. ЦК Помгола, 1922, № 1 (июль) — 240
- Помпей** (Gnaeus Pompeius Magnus) Гней (106–48 до н.э.), римский полководец и политический деятель — 249, 294, 374
- Посошков** Иван Тихонович (1652–1726), русский экономист и публицист, автор «Книги о скудости и богатстве» — 320
- Поярков Е.** (Poïarkov E.) L'influence du jeûne sur le travail des glandes sexuelles du chien [Влияние голодания на работу половых желез у собак] // Compt. rend. hebd. des seances de la soc. de biolog. 1913, t. 74 — 157
- Правда**, 1921, 22 октября — 274
- Преображенский** Евгений Александрович (1886–1937), большевик с 1903 г., в 1918 г. левый коммунист, с 1923 г. активный деятель троцкистской оппозиции, в 1927 г. исключен из партии, в 1929 г. восстановлен, но затем снова исключен и репрессирован — 336
- Пржевальский** Николай Михайлович (1838–1888), русский географ — 59, 123, 344
- Прудон** (Proudhon) Пьер Жозеф (1809–1865), французский философ и экономист, теоретик анархизма — 373
– Что такое собственность. СПб., 1907 — 373
- Пруст** (Proust) Адриен (1834–1903), французский врач-гигиенист, профессор, отец писателя Марселя Пруста — 141
- Пугачев** Емельян Иванович (1742–1775), руководитель восстания крестьян и казаков в России в XVIII в. — 321, 330
- Пэйо** (Payot) Жюль (1859–1939), французский педагог и публицист — 194
– L'éducation de la volonté [Воспитание воли]. 1907 — 194

Р

- Радищев** Александр Николаевич (1749–1802), русский писатель и философ — 328
- Разин** Степан Тимофеевич (?–1671), донской казак, руководитель восстания крестьян и казаков в 1667–1671 гг. — 319
- Рамбо** (Rimbaud) Альфред (1842–1905), французский историк — 251, 298, 362
- Рамзес III** (Ramses; ум. 1156 до н.э.), египетский фараон — 288
- Ранке** (Ranke) Иоганн (1838–1918), немецкий физиолог, психолог и антрополог, основатель музея первобытных древностей в Мюнхене — 59
– Человек. СПб., 1901, т.1–2 — 59

- Расери** (Raseri) Энрико, итальянский либеральный статистик — 75, 82
 – *Inchiesta della Societe Antropol.* [Исследование антропологического общества] // *Annali di Statistica.* 1881, serie II, vol. 6 — 82
 – [Статья] // *Giornale degli Economisti e annale di economia,* 1898, april — 75
- Рассел** (Russel) Сайлас Бент (1860–1941), американский психолог — 51
 – *Compound substitution in behaviour* [Сложный заменитель в сфере поведения] // *Psychological Review.* 1915, vol. XXIV, № 1 — 51
- Ратцель** (Ratzel) Фридрих (1844–1904), географ, этнограф и социолог — 229
 – *Anthropogeographie* [Антропологическая география]. Bd. 1–2, Stuttgart, 1882–1891 — 229
- Раубер** (Rauber) Август (1841–1917), немецкий анатом — 74, 75
 – *Der Ueberschuss an Knabengeburt und seine biologische Bedeutung* [Излишек рождения мальчиков и его биологический смысл]. Leipzig, 1900 — 75
- Раухберг** (Rauchberg) Генрих (1860–1938), немецкий юрист и статистик, профессор Пражского университета — 253
 – *Bevölkerungsstatistik* [Статистика населения] // *Handwörterbuch der Staatswissenschaft.* Bd. II — 253
- Ревельон** (Réveillon) Жан-Батист (1725–1811), французский мануфактурщик, владелец Королевской шпалерной (обойной) мануфактуры «Folie Titon» в парижском предместье Сент-Антуан, дом которого был разграблен восставшими рабочими накануне Великой французской революции (сам Ревельон укрылся в Бастилии, а позднее эмигрировал в Англию) — 312
- Робертсон-Смит** (Robertson-Smith) Уильям (1846–1894), шотландский востоковед, филолог и библист, профессор теологии — 148
 – *Kinship and marriage in Early Arabia* [Родство и брак в древней Аравии]. London, 1903 — 148
- Робеспьер** (Robespierre) Максимилиан (1758–1794), деятель Великой французской революции, один из лидеров якобинцев — 330, 331
- Роджерс** (Rogers) Джемс Эдвин Торолд (1823–1890), английский экономист-историк — 300–302, 315
 – *The Economic Intepretation of History* [Экономическая интерпретация истории]. London, 1891 — 302
 – *Histry of agriculture and prices in England* [История земледелия и цен в Англии]. Oxford, 1866–1902, vol. 1–7 — 301
- Родэс**, Родес (Rodes; Rhodes) Иоганн де (начало XVII в. – 1655), торговый комиссар Швеции в России (с 1647 г.), автор сочинений о России XVII в., в том числе «Подробного донесения о происходящей в России коммерции» (октябрь 1653) — 225, 319, 382, 385
- Рожков** Николай Александрович (1868–1927), русский историк — 317, 318, 369
 – *Народное хозяйство Московской Руси во второй половине XVI века* // *Дела и дни.* Исторический журнал. Пг., 1920, кн. I — 318
 – *Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики).* Пг.-М., 1918–1926, т. I–XII — 369

- Розенбах** Павел Яковлевич (1858–1918), русский профессор медицины, специалист по нервным и душевным заболеваниям — 74, 95, 104
 – О влиянии голодания на нервные центры (диссертация). СПб., 1883 — 74, 95
- Розенблатт** (Rosenblatt) Фрэнк Фердинанд (1882–1927), американский историк — 303
 – The Chartist movement in its Social and Economic Aspects [Чартистское движение в его социальных и экономических аспектах] // Columbia University Studies. New York, 1916, vol. LXXIII, № 1 — 303
- Розенталь** Иосиф Сергеевич (1884–1965), физиолог, сотрудник Института физиологии АН СССР — 95, 107, 176
 – Влияние голода на условные рефлексы // Архив биологических наук. 1922, т. 22, вып. 3–5 — 95
- Розин** Николай Николаевич (1871–1919), юрист, профессор Томского университета, общественный деятель — 178, 181
 – О крайней необходимости. СПб., 1899 — 178, 181
- Романович-Славатинский** Александр Васильевич (1832–1910), правовед, профессор Университета Св. Владимира в Киеве — 146, 178, 210, 211, 215, 225, 233, 272, 273, 285, 320, 382–384
 – Голода в России и Западной Европе и меры правительства против них. Киев, 1892 — 272, 320
- Романов** — см. Николай II
- Росс** (Ross) Эдвард Олсворт (1866–1951), американский социолог и социальный психолог — 59, 229, 240, 333
 – Foundations of Sociology [Основания социологии]. New York, 1920 — 229, 240, 333
- Ростовцев** (Rostowzew) Михаил Иванович (1870–1952), русский историк античности и археолог, в 1918 г. эмигрировал из Советской России — 225, 244, 245, 262, 293, 294, 355–357, 373, 374
 – Фрументарии и фрументарные законы // Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон, т. 72 — 354
 – Римские свинцовые тессеры. СПб., 1903 — 356, 357
 – Рождение Римской империи. Пг., 1918 — 245, 262, 293, 373, 374
- Роусон** (Rawson) Уильям Роусон (1812–1899), английский государственный деятель и статистик, президент Статистического общества, основатель Международного статистического института — 64
- Рошар** (Rochard) Жюль (1819–1894), французский врач-гигиенист — 74, 75
 – Sexe [Пол] // Encyclopedie d'hygiène. Paris, 1894 — 75
- Рошер** (Roscher) Вильгельм Георг (1817–1894), немецкий экономист, основоположник исторической школы политэкономии — 146, 149, 184, 185, 224, 225, 230, 299–301, 342, 370, 380
 – О хлебной торговле и мерах против дороговизны. Казань, 1857 — 146, 370
 – Kolonieren, Kolonialpolitik und Auswanderung [Колонии, колониальная политика и эмиграция]. 1885 (в соавторстве с Iannasch) — 230
- Ру** (Roux) Вильгельм (1850–1924), немецкий зоолог, анатом, родоначальник экспериментальной эмбриологии, профессор анатомии и директор анатомического института в Галле — 21
 – Das Wesen des Leben [Сущность жизни] // Allgemeine Biologie. Leipzig, 1915 — 21

- Рубнер** (Rubner) Макс (1854–1932), немецкий врач, физиолог и гигиенист — 25, 26, 43, 141
 – Учебник гигиены. СПб., 1897 — 25, 26, 43, 141
 – Питание и пищевые продукты. М., 1909 — 43
 – Über der moderne Ernährungsreformen [О современной реформе в сфере питания] // Archiv für Hygiene. Bd. 81 — 43
 – Wandlungen in der Volksernährung [Изменения в сфере питания народа]. Leipzig, 1913 — 43
- Рудольский** Леонид Васильевич, биолог, автор исследования «О беременности у животных при недостаточном питании организма» (1892) — 156
- Рулл** (Rullus) П. Сервилий, римский народный трибун, современник Цицерона — 374
- Руль**, 1921, 21 апреля — 305
- Русский врач**. Ежедневная медицинская газета. СПб., 1908, 1909 — 147, 150
- Руссо** (Rousseau) Жан-Жак (1712–1778), французский писатель, философ и публицист — 328
- Руф**, Марк Целий (Rufus; 82–48 до н.э.), римский политический деятель — 374

С

- Саатчиан** — 79
- Савл**, имя апостола Павла до его обращения в христианство — 190
- Сальвиан** (Salvianus) Марсельский (390–484), христианский писатель и проповедник в Галлии, автор труда «О власти Господа» (De gubernatione Dei) и других сочинений — 294, 377
- Сальвиоли** (Salvioli) Г. (Джузеппе) (1857–1928), итальянский историк и политический деятель — 291, 293, 294
 – Капитализм в античном мире. Харьков-Екатеринослав, 1922 — 291
- Самарская коммуна**, 1 декабря – 150
- Сарториус** фон Вальтерсгаузен (Sartorius von Waltershausen) Август (1852–1938), немецкий экономист, один из редакторов «Handwörterbuchs der Staatswirtschaften» — 238
 – Einwanderung [Иммиграция] // Handwörterbuch der Staatswissenschaft. 1909, Bd. III — 238
- Сатурнин** (С.-Л. Apuleius Saturninus), римский политический деятель I в. до н.э., стремившийся провести новые аграрные законы — 292, 293
- Сборник статистических сведений о современном экономическом положении иностранных государств**. М., 1922 — 305, 315
- Сваницкий Н.** Питание московских рабочих во время войны // Вестник статистики, 1920, № 9–12, 1921, № 1–4 — 323
- Свечин** Александр Иванович (кон. 1720-х гг. – 1796), полковник, в 1763–1765 гг. возглавлял Сенатскую комиссию по ревизии корабельных лесов и выяснению причин обнищания государственных крестьян Казанской губернии — 321

- Свод законов Российской империи.** СПб., 1913, кн. 1–4 — 181
- Семерхет**, древнеегипетский фараон I династии — 246
- Семпл** (Semple) Эллиен Черчилль (1863–1932), американский географ, автор ряда работ по антропогеографии и энвайронментализму (учению об окружающей среде) — 229
– Influences of Geographic Environment [Влияние географической среды]. New York, 1911 — 229
- Сенар** (Senart) Эмиль (1847–1928), французский индолог — 348
– Les castes dans l’Inde [Касты в Индии]. Paris, 1896 — 348
- Сен-Симон** (Saint-Simon) Клод Анри де Рувруа (1760–1825), французский мыслитель, социолог, социалист-утопист — 369
- Сент-Илер** (Saint-Hilaire) Этьен Жоффруа (1772–1844), французский зоолог — 109
- Септимий Север** Луций (Lucius Septimius Severus; 145–211), римский император в 193–211 гг., основатель династии Северов — 356
- Серапион** (ум. в 359 или 366), христианский святой и литературный деятель, автор «Писем к монахам» и «Монашеских правил» — 159
- Сервий Туллий** (Servius Tullius), согласно античному преданию, шестой царь Древнего Рима (578–534/533 до н.э.) — 250
- Сети I** (ум. ок. 1279 до н.э.), египетский фараон — 348
- Сеченов** Иван Михайлович (1829–1905), русский физиолог — 154
– Физиология органов чувств. Зрение. Переделка сочинения «Anatomie und Psychologie der Sunnesorgane» von A. Fick. 1862–1864. СПб., 1867 — 154
- Сиверс** Яков Ефимович (1731–1804), русский государственный деятель, дипломат, в 1764 г. Новгородский губернатор — 321
- Сигеберт из Жамблу** (Sigebert, Sigebertus Gemblacensis; ок. 1030–1112), средневековый монах из бенедиктинского аббатства Жамблу (Бельгия), автор всемирной хроники, охватывающей период с 381 по 1111 г. — 272
- Сигеле** (Sighele) Сципио (1868–1913), итальянский социолог, ученик и последователь Э. Ферри — 333
– Преступная толпа. СПб., 1898 — 333
- Симон** (Simon) Теодор (1873–1961), французский психолог — 109
- Скабаланович** Николай Афанасьевич (1848–1918), русский историк-византист — 149, 231, 295, 357
– Византийское государство и церковь. СПб., 1884 — 149, 231, 295, 357
- Скотт** (Scott) Роберт Фолкон (1868–1912), английский исследователь Антарктиды, 18 января 1912 г. вместе с четырьмя спутниками достигший Южного полюса (на 33 дня позже Р. Амундсена) и погибший на обратном пути — 88, 344
- Словцов** Борис Иванович (1874–1924), русский биохимик — 25, 26, 57, 74, 140, 211, 324, 325
– Влияние фосфатного белка на рост и развитие костей // Русский врач. 1916, т. 15 — 57
– Пищевые раскладки. Пг., 1919 — 25

- Биохимия одностороннего питания. Пг., 1922 — 26, 140
- Государственное питание рабочих ударной группы за 1917–1920 гг. // Бюллетень отдела статистики труда, № 32 — 324, 325
- [Статья о суррогатах] // Известия Комиссии здравоохранения Петроградской коммуны, 1919, № 5–6 — 211
- Словцов Ф.И.** Историческое и статистическое обозрение неурожаев в России // Сборник статистических сведений о России, издаваемый статистическим отделением Императорского Русского Географического Общества. 1858, кн. III — 232, 320
- Слоссон (Slosson) Престон Уильям** (1892–1984), американский историк, профессор Бристольского университета — 303
 - The Decline of the Chartist Movement [Закат чартистского движения] // Columbia University Studies. New York, 1916, vol. LXXIII, № 9 — 303
- Смит (Smith) Артур Гендерсон** (1845–1932), американский миссионер, проведший в Китае более полувека — 296, 348, 349
 - Village Life in China [Деревенская жизнь в Китае]. New York, 1899 — 348, 349
 - Life in China [Жизнь в Китае]. London, 1906 — 296
- Снофру**, египетский фараон, основатель IV династии (27 в. до н.э.) — 247
- Солнцев Сергей Иванович** (1872–1936), русский экономист, до революции занимавшийся исследованием бюджетов рабочих и проблемами заработной платы — 363, 368
 - Заработная плата как проблема распределения. СПб., 1911 — 363
- Соловьев Сергей Михайлович** (1820–1879), русский историк — 141, 146, 148, 149, 178, 232, 233, 317, 319, 320
 - История России. СПб., б/г, 3-е изд., кн. I–III — 141, 146, 148, 178, 232, 233, 317, 319, 320
- Солон** (640/635 – ок. 559 до н.э.), афинский архонт 594 г. — 214, 372
- Сорокин Питирим Александрович** (1889–1968):
 - Система социологии. Пг., 1920, т. I–IV — 22, 49, 172, 174, 193, 229, 263, 264, 329, 333, 343, 368
 - Социальная механика — 108, 202, 263
 - Общедоступный учебник социологии. Ярославль, 1920 — 137, 143, 154
 - Влияние профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп // Вопросы изучения и воспитания личности, 1921, № 3 — 193, 263
 - Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию // Экономист, 1922, № 1 — 261, 264, 343
 - Война и милитаризация общества // Артельное дело, 1922, № 1–4 — 264, 343
- Спартак** (?–71 до н. э.), вождь крупнейшего восстания рабов 73/74–71 до н.э. в Италии, уроженец Фракии — 292
- Спенсер (Spencer) Болдуин** (1860–1929), английский антрополог и этнограф, совместно с Ф. Гилленом изучавший племена Центральной Австралии — 59, 60, 63, 122, 162, 163, 345
 - The native tribes of Central Australia [Коренные племена Центральной Австралии]. London, 1899 — 345
 - The northern tribes of Central Australia [Северные племена Центральной Австралии]. London, 1904 — 59, 60, 122, 160, 163, 345

- Спенсер** (Spencer) Герберт (1820–1903), английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма — 59, 60, 62, 63, 148, 172, 246, 264, 336, 337, 343, 345, 346, 359, 365
– Основания социологии. СПб., 1898, т. I–II — 59, 148, 246, 264, 336, 337, 343, 345, 359
- Стасюлевич** Михаил Матвеевич (1826–1911), русский историк — 138
– История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. СПб., 1913, т. I — 138
- Стенли** (Stenley) Генри Мортон (1841–1904), английский путешественник, исследователь Африки — 123, 344
- Стоглав** [Сборник постановлений Московского церковного собора 1551 г.] — 162
- Страбон** (Strabo; 64/63 до н.э. – 23/24 н.э.), древнегреческий географ и историк — 348
– География — 348
- Сукки**, участник научного эксперимента, голодавший под наблюдением Л. Лучиани — 72, 81, 86, 91, 92, 132
- Сулима-Самойло** Андрей Фомич (1874–1933), врач, доктор медицины — 211
– [Статья о суррогатах] // Известия Комиссии здравоохранения Петроградской коммуны, 1919, № 5–6 — 211
- Сулла** (Sulla) Луций Корнелий (138–78 до н.э.), римский государственный деятель, с 53 г. диктатор Рима — 249, 374
- Сытин** Иван Дмитриевич (1851–1934), русский издатель-просветитель — 24

Т

- Тамерлан** (Tamerlane) — см. Тимур
- Таннер**, врач, голодавший в течение 40 дней — 72, 81
- Танхельм**, предводитель средневекового антицерковного движения, еретик, проповедовавший в первой половине XII в. в северной Галлии и Бретани — 299
- Тарасевич** Лев Александрович (1868–1927), русский микробиолог, один из организаторов борьбы с эпидемиями в годы Гражданской войны — 40, 67, 69, 91, 92, 141, 285
– О голодании. Киев, 1907 — 40, 91, 141
– Голодание // Энциклопедический словарь Гранат. СПб., 1912, т. 15 — 69, 141
– Реферат доклада // Врачебное дело, 1 февраля 1921 — 67
- Тарле** Евгений Викторович (1875–1955), русский историк — 19, 285, 310, 312, 313, 381
– Рабочий класс во Франции в эпоху революции. СПб., 1909, ч. I–II — 310, 312
- Тарновский** Евгений Никитич (1859–1936), русский правовед и социолог, автор многих работ по уголовной статистике и анализу преступности, в частности статьи «Помесячное распределение главнейших видов преступности» (Журнал министерства юстиции. 1903), составитель сборника «Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874–1894 гг.)» (СПб., 1899) — 269–271
- Тацит** Публий Корнелий (ок. 55 – ок. 120 н. э.) последний великий римский историк — 246
- Теннент** (Tennent) Джеймс Эмерсон (1804–1869), ирландский политический деятель, путешественник и этнограф; в 1845–1850 гг. жил на Цейлоне и впоследствии издал книгу

«Ceylon. An Account of the Island, Physical, Historical, and Topographical with Notices of its Natural History, Antiquities and Productions» (2 vols., 1859), в которой описал быт и нравы веддов, коренного населения Цейлона — 60

Тертуллиан (Tertullian) Квинт Септимий Флоренс (ок. 160 – после 220), раннехристианский мыслитель и писатель, выразитель бескомпромиссного отрицания старой языческой цивилизации, государственности и культуры — 159

– De jejuniis, De resurrectione carnis [О посте, О воскресении плоти] (Opera omnia. Migne. Patrologiae cursus. 1844, vol. II) — 159

Тимофеевский Александр Дмитриевич (1887–1985), русский патолог, онколог, академик АМН СССР — 74

– [Статья] // Русский врач, 1912, т. 11 — 74

Тимур (Timur) (Тамерлан) (1336–1405), среднеазиатский государственный деятель, полководец, эмир с 1370 г. — 358, 359

Тиртей, древнегреческий поэт VII–VI вв. до н. э. — 372

Токвиль (Tocqueville) Алексис де (1805–1859), французский социолог, историк и политический деятель — 310, 381

– L'ancien régime et révolution [перевод: Старый порядок и революция. М., 1997]. Paris, 1877 — 310

Токугава (Tokugawa), третья династия (1603–1867) сёгунов, военно-феодалных правителей Японии, свергнутая в результате революции 1867–1868 гг.; после чего власть формально перешла к императору, фактически – правительству буржуазно-помещичьего блока (Мэйдзи – «просвещенное правление»; по традиции каждое царствование в Японии избирает свой девиз) — 364

Толстой Лев Николаевич (1828–1910), русский писатель и мыслитель — 285, 328

Томас (Thomas) Уильям Айзек (1863–1947), американский социолог и социальный психолог — 74, 75

– On a difference in the metabolism of the sexes [О различии в обмене веществ в зависимости от пола] // American Journal of Sociology, 1897, July — 75

Топинар (Topinard) Поль (1830–1911), французский антрополог — 69

– Anthropologie générale [Общая антропология]. Paris, 1885 — 69

Траинин Арон Наумович (1883–1957), российский и советский юрист, член-корреспондент Академии наук СССР (1946), автор работы «Движение преступности в Московской губернии за период 1884–1897 гг.» (1908) — 270

Траян (Trajan) Марк Ульпий (53–117), римский император с 98 г., удостоенный сенатом титула Optimus Princeps («наилучший император») — 356, 378

Троцкий (наст. фамилия Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940), советский государственный и партийный деятель, один из вождей Октябрьской революции 1917 г., в 1929 г. выслан из СССР, убит агентом НКВД — 348

Туган-Барановский Михаил Иванович (1865–1919), русский экономист и социолог — 214, 221, 226, 235, 237, 270, 271, 302, 304

– Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь. СПб., 1894 — 214

- Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. СПб., 1914 [3-е изд.] — 221, 226, 235, 237, 270, 271, 302
- Тук** (Tooke) Томас (1774–1858), английский экономист, примыкавший к классической школе политэкономии, критик теории денег Рикардо — 220, 301–303
 – Die Geschichte und Bestimmung der Preise [История цен и состояние обращения] (в соавторстве с У. Ньюмарчем). 1858, Bd. II — 220, 301
- Тураев** Борис Александрович (1868–1920), русский историк, основоположник отечественной школы истории и филологии Древнего Востока — 247, 287, 288, 339, 347
 – История Древнего Востока. СПб., 1913, т. I — 247
 – Древний Египет. Пг., 1922 — 287, 347
- Тутмос III** (Thotmos III; ум. 1426 до н.э.), египетский фараон — 348
- Тысяча и одна ночь**, памятник средневековой арабской литературы — 160
- Тьерри** (Thierry) Амедей Симон Доменик (1797–1873), французский историк, брат О. Тьерри — 294
 – Récits de l’histoire Romaine au V siècle [Рассказы из истории Рима V века]. 1860 — 294
- Тэн** (Taine) Ипполит (1828–1893), французский философ и историк, один из основоположников социологии искусства — 164, 232, 272, 279, 280, 310, 312, 314, 332, 381, 382
 – Les origines de la France contemporaine [Происхождение современной Франции]. Paris, 1885-1889, vol. I–IV — 164, 232, 272, 310, 312, 332
- Тюдор** (Tudor), королевская династия в Англии (1485–1603) — 301
- Тюрго** (Turgot) Анри Робер Жак (1727–1781), французский государственный деятель, философ-просветитель и экономист — 380

У

- Уатт** (Watt) Джеймс (1736–1819), английский изобретатель — 218
- Угримов** Александр Иванович (1874–1974), общественный и политический деятель, ученый-аграрник, до революции председатель Российского общества сельского хозяйства — 156
- Уилер** (Wheeler) Джеральд Клэр (1872–1943), английский социолог — 345
 – The Material Culture and Social Institutions of the Simpler Peoples: An Essay in Correlation [Материальная культура и социальные институты примитивных народов] (в соавторстве Л.Т. Хобхаузом и М. Гинсбергом). London, 1915 — 345
- Уложение Алексея Михайловича 1649** [Соборное уложение], памятник русского права — 181
- Ульhorn** (Uhlhorn) Герхард (1826–1901), немецкий лютеранский богослов и историк церкви, пастор в Ганновере — 367
 – Geschichte der öffentlichen Armenpflege [История общественной благотворительности] (в соавторстве с Э. Мюнстербергом) // Handwörterbuch der Staatswissenschaft. 1909, Bd. II — 367

- Уолфорд** (Walford) Корнелиус (1827–1885), английский экономист, автор работ по страхованию, с 1857 г. член Статистического общества — 216
- Уотсон** (Watson) Джон Бродес (1878–1958), американский психолог, основоположник бихевиоризма — 33, 49
- An attempted formulation of the scope of Behaviour Psychology [Предварительное определение границ бихевиористской психологии] // *Psychological Review*, 1917, № 5 — 33
 - The Place of the conditioned Reflex in Psychology [Место условного рефлекса в психологии] // *Psychological Review*, 1916, № 2 — 49
- Уошберн** (Washburn) Маргарет Флой (1871–1939), американский психолог, автор работ по поведению животных и моторной теории — 51, 84, 105, 106
- The function of Incipient Motor Processes [Функция начальных моторных процессов] // *Psychological Review*, 1914, vol. XXI, № 5 — 51, 84, 105, 106
- Усефай** (Ден, Удиму), фараон Раннего царства Древнего Египта, правивший ок. 2915 г. до н.э. — 246
- Уэлби** (Welby) Реджинальд (1832–1915), лорд, президент Королевского статистического общества — 237, 302, 303
- The progress of the United Kingdom from the War of the French revolution to 1913 [Развитие Великобритании начиная с войн Французской революции до 1913 года] // *Journal of the Royal Statistic Society*, 1915, January — 237, 302
- Уэбб**, Вебб (Webb) Сидней (1859–1947) и Беатрис (урожд. Поттер; 1858–1943), супруги с 1892 г., английские экономисты и общественные деятели, идеологи тред-юнионизма и так называемого фабианского социализма — 303
- История рабочего движения в Англии. СПб., 1899 — 303
- Уэни**, древнеегипетский чиновник, служивший под начальством Тети, Пиопи I и Мернера (первых трех правителей 6-ой династии); на стенах его гробницы сохранились древнейшие надписи — 247

Ф

- Фальбек** (Fahlbeck) Понтус (1850–1923), шведский историк-юрист, профессор государственной науки в Лундском университете — 74, 75, 262
- La noblesse de suéde [Шведское дворянство] // *Bulletin de l'Institut International de statistique*. 1912, t. XII, livre 1 — 75
 - La décadance et la chute des peuples [Упадок и вырождение народов] // *Bulletin de l'Institut International de statistique*, vol. XV, livre 2 — 262
- Фарадей** (Faraday) Майкл (1791–1867), английский физик — 218
- Фауст**, герой немецкой легенды, возникшей в период Реформации; ученый, заключивший союз с дьяволом ради знания, богатства и мирских наслаждений, персонаж многих литературных и музыкальных произведений (особенно знамениты трагедия Гете и опера Ш. Гуно) — 117

- Ферамен** (ок. 451–403 до н.э.), афинский политический деятель, глава умеренной олигархии, совершившей в 411 г. до н.э. антидемократический переворот и захватившей в 404 г. власть: один из Тридцати тиранов — 290
- Ферворн** (Verworn) Макс (1863–1921), немецкий физиолог и психолог — 21, 131, 132
– Общая физиология. Основы учения о жизни. М., 1911, вып. II — 21, 132
- Фере** (Féré) Шарль (1852–1907), французский врач, ученик Шарко — 141
- Ферреро** (Ferrero) Гульельмо (1871–1942), итальянский историк — 250, 374
– Величие и падение Рима. М., 1915–1916, т. I–III — 250, 374
- Фехнер** (Fechner) Густав Теодор (1801–1887), немецкий физик и философ — 45, 132
- Филипп Л.**, римский трибун — 292
- Филиппович** (Philippovich) фон Филиппсбер Эуген (1858–1917), немецкий экономист — 230, 234–237
– Эмиграция из отдельных государств Европы // Народонаселение и учение о народонаселении. М., 1897 — 234, 237
– Auswanderung [Эмиграция] // Handwörterbuch der Staatswissenschaft. Bd. II — 230, 234, 235, 237
- Фиркандт** (Vierkandt) Альфред (1867–1953), немецкий социолог и этнолог, основатель Немецкого социологического общества (1910), с 1925 г. профессор социологии в Берлине — 345
– Naturvölker und Kulturvölker [Первобытные и культурные народы]. Leipzig, 1896 — 345
- Фирсов** Николай Николаевич (1864–1934), русский историк — 318, 319, 321
– Исторические характеристики. Казань, 1922 — 318, 321
– Крестьянские волнения до XIX в. // Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. М., 1910, т. II — 319
- Флери** (Fleury) Андре Эркюль де (1653–1743), французский государственный деятель, кардинал — 310
- Флобер** (Flaubert) Гюстав (1821–1880), французский писатель — 97, 104
– Искушение святого Антония (Полное собрание сочинений. СПб.: Шиповник, 1913, т. 3) — 97, 104
- Фойницкий** Иван Яковлевич (1847–1913), русский юрист — 182, 270, 387
– Моменты истории законодательства о печати // Сборник государственных знаний. 1875 — 387
– Учебник уголовного права. Часть особенная. Посягательства на личность и имущество. Пг., 1916 — 182
- Фойт** (Voit) Карл (1831–1908), немецкий физиолог — 72
- Фольбогт** Георгий Владимирович (1885–1960), русский физиолог, ученик и сотрудник И.П. Павлова — 49, 51
– Тормозные условные рефлексы. СПб., 1912 — 51
- Фон дер Гольц** (Von der Goltz) Рюдигер (1865–1946), граф, немецкий военный деятель — 251
- Форназари ди Верче** (Fornasari di Verce), итальянский криминалист и статистик, автор книги «La criminalità e le ricende economiche in Italia» (Torino, 1893) — 270

- Франклин** (Franklin) Бенджамин (Вениамин) (1706–1790), американский просветитель, государственный деятель и ученый — 261
- Франциск I** (Francois I; 1494–1547), французский король с 1515 г. из династии Валуа — 379
- Фредерик** (Fredericq) Леон, бельгийский физиолог — 40
– Химическая координация жизненных явлений // Успехи биологии. Одесса, 1912 — 40
- Фрейд** (Freud) Зигмунд (1856–1939), австрийский врач-психиатр и психолог, основатель психоанализа — 154
- Фридлендер** (Friedländer) Людвиг (1824–1909), немецкий историк и филолог — 230, 271, 272, 293, 354, 356
– Картины из бытовой истории Рима. СПб., 1914 — 230, 272, 293, 354
- Фридрих II Великий** (Friedrich II; 1712–1786), прусский король с 1740 г. — 251, 264, 337, 366, 368
- Фролов Н.** О влиянии резкого изменения в составе пищи // Архив биологических наук, 1922, № 3–5 — 95, 99, 106, 107, 176
- Фруассар** (Froissart) Жан (1338–1410), французский поэт и один из крупнейших хроникеров позднего средневековья — 301
- Фукидид** (Thucydides; 460–396 до н.э.), древнегреческий историк — 247, 272, 290, 331, 332
– История — 272, 290, 331, 332
- Функ** (Funk) Казимеж (1884–1967), польский биохимик; в 1912 г. первый выделил витаминный препарат и ввел термин «витамин» — 26
- Фэйрчайлд** (Fairchild) Генри Пратт (1880–1956), американский социолог — 240
– Immigration [Иммиграция]. New York, 1913 — 240
- Фюстель де Куланж** (Fustel de Coulanges) Нума Дени (1830–1889), французский историк — 289, 292, 353
– La cité antique [Гражданская община античного мира]. Paris, 1905 — 289, 353

Х

- Хабрий** (погиб в 354 г. до н.э.), афинский военачальник — 249
- Хаззи** (Hazzi) Йозеф Риттер фон (1768–1845), баварский государственный деятель, определявший политику в сельском хозяйстве — 146, 232
– Betrachtungen über Theuerung und Noth der Gegenwart und Vergangenheit [Размышления о росте цен и нужде в наше время и в прошлом]. München, 1818 — 146, 232
- Хайес**, Хейс (Hayes) Эдвард Кэри (1868–1928), американский социолог, основатель и президент Американской социологической ассоциации — 240, 327
– Introduction to the study of sociology [Введение в изучение социологии]. New York - London, 1921 — 240, 327
- Хаммурапи** (Hammurabi; 1792–1750 до н.э.), вавилонский царь — 165, 348, 367, 370

- Хантингтон** (Huntington) Элсуорт (1876–1947), американский географ, профессор Йельского университета, сторонник идей географического детерминизма и геополитики — 229
– *Civilisation and Climate* [Цивилизация и климат]. New Haven, 1916 — 229
- Харди** (Hardie) Джеймс Кейр (1856–1915), деятель рабочего движения Великобритании, реформист — 254
- Харузин** Николай Николаевич (1865–1900), русский этнограф — 160, 162, 346
– *Этнография*. Вып. II: *Семья и род*. СПб., 1893 — 160, 162
- Хассе** (Hasse) Эрнст (1846–1908), немецкий политический деятель — 230
– *Kolonieen und Kolonialpolitik* [Колонии и колониальная политика] // *Handwörterbuch der Staatswissenschaft*. 1910, Bd. V — 230
- Хейл** (Hale) Хорейшо Эммонс (1817–1896), американский этнограф — 123
– *Ethnology and Philology: U.S. Exploring Expedition* [Этнология и филология: американская научная экспедиция]. Philadelphia, 1846, vol. VI — 123
- Хеквельдер** (Heckewelder) Джон Готлиб (1743–1823), моравский миссионер в Северной Америке — 345
– *Nachricht von der Geschichte, den Sitten und Gebräuchen der Indianischen Völkerschaften* [Сообщение об истории, обычаях и нравах индейских племен]. Göttingen, 1821 — 345
- Хенселер** (Henseler) Хайнц (1885–1968), немецкий биолог — 57, 70, 71
– *Untersuchungen über den Einfluss der Ernährung auf die morphologische und physiologische Gestaltung des Tierkörpers* [Изучение влияния питания на морфологическое и физиологическое сложение животных] // *Kühn-Archiv*. 3 Bd., 1913 — 57, 71
- Херкнер** (Herkner) Генрих (1863–1932), немецкий экономист, представитель «молодой исторической школы», основанной Г. Шмоллером — 236, 237
– *Krisen* [Кризисы] // *Handwörterbuch der Staatswissenschaft*. 1910, Bd. V — 236
- Хирн** (Hearn) Патрик Лафкадио (1850–1904), ирландско-американский прозаик, переводчик и востоковед, специалист по японской литературе, с 1890 г. жил в Японии, где натурализовался под именем Коидзуми Якумо и женился на японке — 351, 364
– *Japan* [Вероятно: *In Ghostly Japan* (В призрачной Японии)]. Boston, 1899 — 351, 364
- Хирт** (Hirth) Фридрих (1845–1927), немецко-американский синолог, историк, один из основателей синологии США — 350, 371
– *The ancient History of China* [История Древнего Китая]. New York, 1908 — 350, 371
- Хиршфельд** (Hirschfeld) Отто (1843–1922), немецкий историк, археолог и эпиграфист, специалист по древней истории — 225, 354–357
– *Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten, von Augustus bis auf Diocletian* [Императорские государственные чиновники со времен Августа до Диоклетиана]. Berlin, 1905 — 225, 354–357
- Хлопок**, главарь разбойничьей шайки, действовавшей при Борисе Годунове в окрестностях Москвы — 318
- Хобхауз** (Hobhouse) Леонард Трелоги (1864–1929), английский политический философ, журналист и социолог — 345
– *The Material Culture and Social Institutions of the Simpler Peoples: An Essay in Correlation* [Материальная культура и социальные институты примитивных народов]. London, 1915 (в соавторстве Дж. К. Уиллером и М. Гинсбергом) — 345

- Холмс** (Holmes) Уильям Гордон (1845–1927), английский историк — 295
– The age of Justinian and Theodora [Эпоха Юстиниана и Теодора]. London, 1907 — 295
- Хольмгрен**, биолог — 56
- Хоуорс** (Howorth) Генри Хойл (1842–1923), английский политический деятель, писатель, историк и публицист, президент археологического института; не будучи востоковедом, знающим восточные языки, написал ряд работ по истории Чингизхана и монголов — 359
– History of the Mongols [История монголов]. London, 1876 — 359
- Хохлов** Петр, командир военного отряда в 900 человек, посланного в 1705 г. из Уфы на подавление восставших башкир — 141
- Христос** — см. Иисус Христос
- Хуфу**, Хеопс, египетский фараон IV династии (XXVII в. до н.э.) — 348
- Хэней** (Hannay) Джеймс Оуэн (1865–1950), ирландский священник и писатель — 159
– The spirit and origin of Christian monasticism [Дух и происхождение христианского монашества]. London, 1903 — 159

Ц

- Цезарь** (Caesar) Гай Юлий (102/100–44 до н.э.), древнеримский государственный и политический деятель, полководец и писатель — 122, 249, 355, 356, 374
– De bello Gallico [Записки о галльской войне] — 122
- Цекклер** (Zoeckler) Отто (1833–1906), немецкий богослов и писатель, профессор теологии в Грейфсвальде — 159
– Askese und Moenchtum [Аскетизм и монашество]. Frankfurt-am-Main, 1897 — 159
- Целий**, Марк Целий Руф (до 84–48 до н.э.), римский оратор и народный трибун, погибший при неудачной попытке переворота — 292
- Циген** (Ziehen) Эдуард (1819–1884), немецкий психолог — 132
- Цинна**, Луций Корнелий Цинна (?–84 до н.э.), римский военачальник и политический деятель, четырежды консул (87–84) — 292
- Цитович** (Tsitovich) Иван Сергеевич (1876–1955), ученый-физиолог и фармаколог, ученик И.П. Павлова — 49, 146, 149, 178, 210, 232, 272, 380
– О голодах в Западной Европе // Голода в России и Западной Европе. Киев, 1892 — 146, 232, 379

Ч

- Чарыхов** Христофор Михайлович, русский правовед и социолог — 270
– Учение о факторах преступности. Социологическая школа в науке уголовного права. М., 1910 — 270
- Чаянов** Александр Васильевич (1887–1937), русский экономист, специалист по аграрной политике — 127

- Очерки по теории трудового хозяйства. М., 1913, вып. II — 127
 – Организация северного крестьянского хозяйства. Ярославль, 1918 — 127
- Черкасский** Алексей Михайлович (1680–1742), князь, русский государственный деятель, в 1719–1724 гг. губернатор Сибири, с 1740 великий канцлер — 233
- Чернов** Виктор Михайлович (1876–1952), русский политический деятель, лидер партии эсеров, социолог, философ и публицист — 328
- Чернышев** Петр Матвеевич (1730–1773), полковник, комендант крепости в Симбирске, в 1777 г. был разбит Пугачевым и повешен — 321
- Чесса** (Chessa) Федерико (1882–1960), итальянский экономист, демограф и статистик — 240
 – *Le fenomeno dell'emigrazione in Italia* [Феномен эмиграции в Италии] // *Revista Italiana di sociologia*. 1913 — 240
- Четъи-Миней** (жития Антония Великого, Пахомия) — 159
- Чехов** Антон Павлович (1860–1904), русский писатель — 50, 51, 52, 97
 – Сирена (Собрание сочинений. Пг., 1918, т. I) — 50, 51, 97
- Чжень Цзун**, китайский император (XI в.) — 350
- Чжоу** (Chou), императорская династия в Китае (ок. 1111–256 до н.э.) — 350, 371
- Чингизхан** (Тэмуджин, Темучин; ок. 1155–1227), основатель и великий хан Монгольской империи (1206) — 359
- Чирвинский** Николай Петрович (1848–1920), русский зоотехник, автор трудов, посвященных вопросам кормления животных, овцеводства, роста и развития овец и свиней в связи с различными условиями их содержания и питания — 57, 58, 70, 71
 – Общее животноводство (Кормление, разведение и гигиена сельскохозяйственных животных). СПб., 1913 — 57
- Чуди И.Я.** Через цепь Кордильеров // Америка. Иллюстрированный сборник. М., 1917 — 97
- Чулицкая** Лидия Ивановна (1868–1938), педагог-педиатр, профессор, сотрудница кабинета физического обследования при институте П.Ф. Лесгафта, заведующая отделением педагогики раннего детского возраста Ленинградского педиатрического медицинского института, основанного в 1925 г. как Институт охраны материнства и младенчества — 68, 69
- Чупров** Александр Александрович (1874–1926), русский теоретик статистики — 329
 – Очерки по теории статистики. СПб., 1909 — 329

Ш

- Шан-Инь** (Шан, или Инь), название первой достоверной эпохи истории Китая (XVI–XI вв. до н.э.) — 371
- Шанц** (Schanz) Георг фон (1853–1931), немецкий экономист, профессор в Эрлангене и Вюрцбурге — 379, 380
 – *Englische Handelspolitik gegen Ende des Mittelalters* [Английская торговая политика в конце Средних веков]. Leipzig, 1881 — 379
- Швейнфурт** (Schweinfurt) Георг Август (1836–1925), немецкий ботаник, путешественник по Африке — 60

- Шейссон** (Cheysson) Эмиль (1836–1910), французский инженер и экономист — 126
- Шекспир** (Shakespeare) Уильям (1564–1616), английский драматург — 21
- Шенланк** (Schoenlack) Бруно (1859–1901), немецкий журналист, историк, социал-демократ — 316
 – Soziale Kämpfe vor dreihundert Jahren [Социальная борьба в течение трехсот лет]. 1894 — 316
- Шервинский** Василий Дмитриевич (1849–1941), русский терапевт — 35, 41, 158
 – Современное питание // Природа, 1919, № 4–6 — 35, 158
- Шеррингтон** (Sherrington) Чарлз Скотт (1857–1952), английский физиолог — 21, 50, 51, 170
 – Ассоциация спинномозговых рефлексов и принцип общего поля // Успехи биологии. 1921 — 50
 – Physiology, its scope and method [Физиология, ее границы и метод] // Lectures on the method of science. Oxford, 1906 — 21
- Шива**, один из трех верховных богов в брахманизме и индуизме — 151
- Шмоллер** (Schmoller) Густав фон (1838–1917), немецкий экономист, историк, государственный и политический деятель, ведущий представитель так называемой новой (молодой) исторической школы в политэкономии — 363, 369
 – Die Einkommensverteilung in alter und neuer Zeit [Распределение дохода в древнее и новое время] // Bulletin l'Institut International Statistique, vol. IX, I, № 17 — 369
- Шоу** (Schou) Вильгельм (Vilhelm) (1861–1922), датский статистик — 237
 – The Statistics of the World's foreign Commerce [Статистика всемирной зарубежной торговли] // Journal of the Royal Statistical Society. 1900 — 237
- Штейнмец** (Steinmetz) Рудольф (1862–1940), голландский историк права, этнолог и социолог, профессор антропологии и социологии в Утрехте — 122, 144, 145, 246, 261, 345, 346
 – Endokannibalismus [Эндоканнибализм]. Wien, 1896 — 144
 – Rechtsverhältnisse von eingeborenen Völkern in Afrika und Ozeanien [Правовые отношения у коренных народов Африки и Океании]. Berlin, 1903 — 122
 – Die Philosophie der Kriegeres [Философия войны]. 1907 — 261
 – Философия войны. СПб., 1915 — 246
- Штоппенбринк** (Stoppenbrink) Ф. (1850–1934), немецкий микробиолог — 157
 – Der Einfluss herabgesetzter Ernährung auf den histologischen Bau der Süßwassertrichladen [Влияние недостаточного питания на гистологическое строение пресноводных триклад (ресничных червей)] // Zeitschrift für Wissenschaftliche Zoologie. 1905, Bd. 79 — 157
- Шуйский** Василий Васильевич (ок. 1478–1538), князь, боярин, воевода в русско-литовских войнах, фактический правитель России после смерти Елены Глинской — 318, 382–384
- Шульце** (Schultze) Макс Иоганн Зигизмунд (1825–1874), немецкий зоолог и гистолог, профессор университетов в Галле и Бонне, основные труды которого посвящены изучению простейших — 56
- Шурц** (Schurtz) Генрих (1863–1903), немецкий этнограф — 346
- Шу цзин** [Книга исторических преданий], памятник древнекитайской литературы — 296

Щ

- Щербина** Федор Андреевич (1849–1936), русский экономист, статистик и политический деятель, основоположник русской бюджетной статистики, после 1917 г. эмигрировал — 127
 – Крестьянские бюджеты и зависимость их от урожая хлеба // Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. СПб., 1897. т. II — 127
 – Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900 — 127

Э

- Эбер** (Hébert) Жак Рене (1755–1794), деятель французской революции — 331
- Эдуард I** (Edward; 1239–1307), английский король с 1272 г., из династии Плантагенетов — 300
- Эдуард II** (Edward; 1284–1327), английский король с 1307 г., из династии Плантагенетов — 300
- Эдуард VI** (Edward; 1537–1553), английский король с 1547 г., из династии Тюдоров — 302
- Эйр** (Eyre) Эдуард Джон (1815–1901), английский исследователь Австралии — 59
- Эккехард из Ауры** (Ekkehardus Uraugiensis) (ум. в 1126), средневековый немецкий монах-бenedиктинец и хронист, автор «Всеобщей хроники» — 231
- Экономист**, 1922, № 4–5 — 305
- Эллвуд** (Ellwood) Чарлз Эбрам (1873–1946), американский социолог — 332
 – Prolegomena [у Сорокина – Introduction] to Social Psychology [Введение в социальную психологию] // American Journal of Sociology. 1899, № 4 — 332
- Эллис** (Ellis) Роберт (1820–1885), английский ученый — 144
- Энгель** (Engel) Эрнст (1821–1896), немецкий экономист, статистик; известен главным образом изучением структуры бюджетов пролетарских семей — 126, 127, 164, 363
 – Die Lebenskosten belgischer Arbeiterfamilien [Стоимость жизни бельгийских рабочих семей] // Bulletin de l'Institut International de Statistique, 1895–1896, t. IX — 126, 363
- Энгельс** (Engels) Фридрих (1820–1895), немецкий философ, друг и соратник К. Маркса — 302
 – Положение рабочего класса в Англии. 1905 — 302
- Эннагали**, Энакалле, правитель древнего шумерского города Умма, правивший в XXIV в. до н.э., в борьбе против Лагаша потерпел поражение и обязался платить Лагашу дань, примерно 300 тысяч литров ячменя в год — 247
- Эрман** (Erman) Адольф (1854–1937), немецкий египтолог — 348
 – Aegypten und Aegyptische Leben im Altertum [Египет и жизнь египтян в древности]. Tübingen, 1885 — 348
- Эсхин** (ок. 390–314 до н.э.), афинский политический деятель и оратор — 373
- Эткер** (Oetker) Фридрих (1854–1937), немецкий правовед, профессор ряда университетов Германии — 147, 181
 – Notwehr und Notstand [Самозащита и бедственное положение] // Vergleichende Darstellung Allg. Teil. II — 147, 181

- Эттинген** (Oettingen) Александр (1827–1900), немецкий статистик — 139, 163, 164, 181, 270
– Die Moralstatistik [Моральная статистика]. Erlangen, 1882 — 139
- Этуотер** (Atwater) Уилбер (1844–1907), американский физиолог, автор трудов по физиологии питания, обмена веществ и энергии — 25
- Эхнатон**, древнеегипетский фараон ок. 1400 г. до н.э. — 288
- Эшли** (Ashley) Уильям Джеймс (1860–1927), английский историк и экономист — 301, 360, 362, 379, 380
– Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. М., 1897 — 301, 360, 362, 379

Ю

- Юнг**, биолог — 56
- Юпитер**, верховный бог в древнеримской мифологии — 118
- Юстиниан** (Justinianus; 483–565), византийский император с 527 г. — 295, 358

Я

- Ягужинский** Павел Иванович (1683–1736), русский государственный деятель и дипломат при Петре I — 232
- Яковлевы Н.Г. и А.Г.**, малолетние преступники — 152
- Яропкин**, стольник (XVII в.) — 385

А

- Albertotti** — 109
- Anderson** — 109
- Apert E.** — см. Апер Э.
- Araskhanianz Awetis.** Die französische Getreidehandelspolitik bis zum Jahre 1789 [Французская хлеботорговая политика до 1789 года] // Staats und Socialwissenschaft Forschungen. 1882, Bd. 4, Heft 3 — 379
- Atwater** — см. Этуотер У.
- Augustine St.** — см. Августин

В

- Baines J.A.** — см. Бейнс Дж. А.
- Barnich G.** — см. Барниш Ж.

- Bauer I.S.** Das Konsumtionbudget des Haushaltung [Бюджет потребления домашнего хозяйства] // Handwörterbuch der Staatswissenschaft Conrad'a. 1900, Bd. 5 — 126
- Bentley** — см. Бентли А.
- Biollay L.** — см. Биоллэ Л.
- Bland J.O.** Population and Food Supply [Население и продовольственное снабжение] // Edinburgh Review. 1918, vol. 227 — 225, 254, 256
- Block** — 139
- Böck** — см. Бёк А.
- Bogen** — 48
- Bonnemère E.** — см. Боннемер Э.
- Bonwick J.** — см. Бонвик Дж.
- Boring E.G.** — см. Боринг Э.Г.
- Bouglé C.** — см. Бугле С.
- Bourguin M.** — см. Бургуин М.М.В.
- Boyd** — 71
- Bridges I.W., Coler L.E.** The Relation of Intelligence to Social Status [Связь между умственными способностями и социальным статусом] // Psychological Review, 1917, № 24 — 109
- Brunhes J.** — см. Брюн Ж.
- Bulletin de l'Institut International de Statistique.** 1909, vol. VII, XVIII — 238

С

- Camescasse** — 67
- Canalis** — 141
- Cannon** — см. Кеннон У.Б.
- Carlier G.** Les rapports de la taille avec le bien-être [Исследование связи между ростом и уровнем благосостояния] // Annales d'hygiene. 1892 — 64
- Carlson A.J.** — см. Карлсон А. Дж.
- Castellino** — 141
- Cauderlier E.** — см. Кодерлье Э.
- Chalumeau L.** Influence de la taille sur la formation des classes sociales [Влияние роста на формирование общественных классов]. Genève, 1896 — 64
- Chessa Fed.** — см. Чесса Ф.
- Cheysson** — см. Шейссон Э.
- Chossat M.** — 74

Clavigero — см. Клавихеро Ф.Х.

Clément P. — см. Клеман Ж.П.

Cliquet — 71

Clynes J.R. — см. Клайнс Дж. Р.

Codrington R. — см. Кодрингтон Р.Г.

Coletti Fr. — см. Колетти Ф.

Collignon R. Статья // *Bulletins et Memoires de la societe d'Anthropologique de Paris* (1890, 1894 и 1895) — 65

Commissioners Report — 235

Conrad J. — см. Конрад И.

Cont. Aquieinctina [sic], название или имя не поддается точной идентификации ввиду явных опечаток; возможные варианты: Chr[onicon] Aquitanicum (Аквитанская хроника); Comt[esse] Aquitanicum, т.е. с некоторой натяжкой – Алиенора Аквитанская (фр. Aliénor d'Aquitaine; ок. 1124–1204), герцогиня Аквитании и Гаскони, графиня Пуатье с 1137 г., королева Франции в 1137–1152 гг., королева Англии в 1154–1189 гг., одна из богатейших и наиболее влиятельных женщин Европы Высокого средневековья — 231

Copy of statistical tables relating to Emigration and Immigration from and into the United Kingdom. 8 April 1897 [Копии статистических таблиц, на которых отражен уровень эмиграции из Великобритании и иммиграции в нее] — 237

Cournot A. — см. Курно А.О.

Coville A. — см. Ковилль А.

Crawford R.F. Notes on the Food Supply of the United Kingdom [Заметки о продовольственном снабжении Соединенного Королевства] // *Journal of the Royal Statistical Society*. 1899 — 222

Crooke W. — см. Крук У.

Cunningham W. — см. Каннингем У.

Curschmann F. — см. Куршман Ф.

D

Daniels A.L. and Nichols N.B. [The Nutritive Value of the Soy Bean (Питательная ценность соевых бобов)] // *Journal of Biological Chemistry*, 1917, № 32 — 26, 57

Darwin L. — см. Дарвин Л.

D'Avenel G. — см. Д'Авенель Ж.

Davis M. — см. Дэвис М.

Decroly — см. Декроли Ж.О.

Degand J. — 109

Dehn — 109

De la Mare — см. Деламар Н.

Demoor M. — см. Демор Ж.

Denis E. — см. Дени Э.

Denis H. — см. Дени Г.

Dicey — см. Дайси А.В.

Digby W. — см. Дигби У.

Dill S. — см. Дилль С.

Douglas R.K. — см. Дуглас Р.К.

Dubois — 68

Duruy J.V. — см. Дюрюи Ж.В.

Е

Early H.S. Phases of Food Control [Стадии продовольственного контроля] // *Edinburgh Review*, January 1918 — 225, 388

Ellwood C. — см. Эллвуд Ч.Э.

[**Editor.**] War and Population [Война и население] // *The Edinburgh Review*, 1920, July — 220, 256

Ekkehard — см. Эккехард из Ауры

Erman A. — см. Эрман А.

Ф

Fahlbeck P. — см. Фальбек П.

Fairchild H.P. — см. Фэйрчайлд Г.П.

Falk — 74

Fehmi Youssouf. Histoire de la Turquie [История Турции]. Paris, 1909 — 138, 297

Féré Ch. — см. Фере Ш.

Ferguson M. The Family Budgets and Dietaries of Forty Lab Class Families in War Time [Семейный бюджет и диета сорока рабочих семей] // *Proceedings of the Royal Society of Edinburgh*, Vol. XXXVII — 127, 304

Ferrai — 109

Francotte H. Le pain à bon marché et le pain gratuit dans les cités grecques [Дешевый и бесплатный хлеб в греческих городах] // *Mélanges du droit publique grecque*. Paris, 1910 — 354

G

Gärtner A. — см. Гертнер А.

Gautier A. — см. Готье А.

Gedda — 56

Gieseler J.K.L. — см. Гизелер И.К.Л.

Giffen R. — см. Гиффен Р.

Gini C. — см. Джини К.

Ginsberg M. — см. Гинсберг М.

Gley E. — см. Глей Э.

Glier L. Die Preiskurve und das Teuerungsproblem [Колебание цен и проблема дороговизны] // Zeitschrift für Socialwissenschaft. 1914, Heft 7–8 — 254, 256

Gould B.A. Investigations in the Military and Anthropological Statistics of American Soldiers [Изучение армии и антропологическая статистика американских солдат]. New-York, 1869 — 64, 65

Grandis V. [Статья] // Archives Italiennes De Biologie. 1889, vol. 12 — 157

Great Britain. Agricultural Statistics. 1907 [Великобритания. Сельскохозяйственная статистика]. London, 1908 — 222

Grosse E. — см. Гроссе Э.

Grotjahn A. — см. Гротьян А.

Gruenhagen A.W. — см. Грюнхаген А.В.

Gulick S. — см. Гулик С.Л.

Gutzlaff K. — см. Гюцлаф К.Ф.А.

Guy — 82

Guyot Y. — см. Гюйо И.

H

Hahn — 145, 148

Hale H. — см. Хейл Х.Э.

Halliberton (Галлибертон) — 26, 57, 60

Hammer V. L'histoire de l'empire Ottoman [История Османской империи]. Paris, 1835, vol. II — 297, 359

Hammer J. — см. Гаммер Й.

Hannay J.O. — см. Хэней Дж. О.

Harburger H. — см. Гарбургер Г.

Hardy — см. Харди Дж. К.

Hartmann O. Die Volkserhebung der Jahre 1848–1849 in Deutschland [Народное восстание в Германии в 1848–1849 гг.]. 1900 — 316

Hayes E.C. — см. Хайес Э.К.

Hazzi J. von. — см. Хаззи Й.Р. фон

Hearn P.L. — см. Хирн П.Л.

Heckewelder J.G. — см. Хеквельдер Дж. Г.

Heidkamp — 157

Henseler H. — см. Хенселер Х.

Herkner H. — см. Херкнер Г.

Hilton J. Merchant Shipping and State Control [Морская торговля и государственный контроль] // *Edinburgh Review*. April 1918 — 388

Hirschfeld O. — см. Хиршфельд О.

Hirth F. — см. Хирт Ф.

Hobhouse L.T. — см. Хобхауз Л.Т.

Hoffman — 56, 109

Hold von Ferneck A. — см. Голд фон Фернек А.

Holmes W. — см. Холмс У.Г.

Hooper — 145

Howorth H. — см. Хоуорс Г.Х

Huntington E. — см. Хантингтон Э.

Hüppe — см. Гюппе Ф.

I

Iannasch R. — см. Рошер В.Г.

Imperial Gazetteer of India [Большой справочник по Индии]. Oxford, 1907, vol. I, vol. III — 63, 224, 225, 233, 234

J

Jackson — см. Джексон Ч.

Jean Ch. — см. Жан Ш.Ф.

Jerks — 109

Jourdan D.S. — см. Джордан Д.С.

К

Kaser K. — см. Казер К.

Kenagy — 118

Kern — см. Керн Й.Х.К.

Ketkar Sh.V. — см. Кеткар Ш.В.

Kider. Répartition sociale de revenu [Социальное распределение дохода] // Bulletin l'Institut International de Statistique, vol. XVII, № 1 — 368

Kohmann E. The Experimental Production of Edema as Related to Protein Deficiency [Экспериментальное возбуждение водянки в результате недостатка протеина] // American Journal of Physiology, 1920, vol. 51, № 2 — 57

König — 25

Krakauer G. Das Verpflegungswesen der Stadt Rom in der Späteren Kaiserzeit [Продовольственное снабжение Рима в конце императорской эпохи]. Leipzig, 1874 — 259

L

Lacassagne A. — см. Лакассань А.

Landois-Rosemann [Ландоис Л. (1837–1902, Роусманн Р.) Учебник физиологии человека. М. 1913 — 26, 56, 72, 154, 170

Landsberger D. Das Wachstum im Alter d. Schulpflicht [Рост детей школьного возраста] // Arch. f. Antropol. 1877, Bd. XVII — 64

Lashley K.S. — см. Лешли К.С.

Laspeyrer — 127

Le Bon G. — см. Лебон Г.

Le-Pileur L. — 166

Leuckart R. — см. Лейкарт Р.

Levasseur E. — см. Левассер П.Э.

Levis P. L'éducation de la volonté [Воспитание воли]. 1907 — 194

Lexis W. — см. Лексис В.

Livi R. — см. Ливи Р.

Loisel G. — см. Луазель Г.

Lombroso — см. Ломброзо Ч.

Longuet // Annales de demographie. 1900 — 64

М

McCollum E. — см. Макколлум Э.

Malcolm J. — см. Малькольм Дж.

Mannhardt W. — см. Маннхардт В.

Manouvrier L.P. — см. Мануврие Л.П.

Manzoni A. — см. Мандзони А.

Marro A. — см. Марро А.

Marschall, энтомолог — 56

Marsh H.D. — см. Марш Х.

Martens — 359

Marty. Etude statistique sur l'influence de la profession... [Статистический очерк о влиянии профессии...] // Archiv de medecine et pharmacie militaire — 64, 65

Matiegka H. — см. Матейка И.

Matthaei Chr. — см. Маттеи Х.Ф.

Mazzarella J. Le forme di aggregazione sociale nell'India [Форма социального агрегата в Индии] // Revista Italiana di sociologia. 1911 — 348

Mendel — см. Мендель Л.Б.

Meyer M. — см. Мейер М.

Morgulis S. — см. Моргулис С.

Morlé — 109

Morpugno — 141

Mulhall M.G. — см. Мюльгалль М.Дж.

Münsterberg E. — см. Ульхорн

N

Newmarch W. — см. Ньюмарч У.

Niceforo A. — см. Ничефоро А.

Nicolai G.F. — см. Николаи Г.Ф.

Nicols (Никольс) — см. Daniels A.L.

Niese B. — см. Ниезе Б.

Nilsson — см. Нильссон

Nixon J.W. War and National Vital Statistics with Special Reference to the Franco-Prussian War [Война и статистика населения на примере Франко-прусской войны] // Journal of the Royal Statistical Society, 1916, July — 264

Novicow J. — см. Новиков Я.А.

О

Oetker F. — см. Эткер Ф.

Ogle W. On suicides in England and Wales [О самоубийствах в Англии и Уэльсе] // Journal of the Royal Statistical Society, 1886, № 49 — 139

Oldfield A.F. — см. Олдфилд А.Ф.

Olóriz — см. Олорис и Алигера Ф.

Osborn — см. Осборн Т.Б.

Ostwald W. — см. Оствальд В.

Otlet P. — см. Отле П.

Р

Pagliani L. — см. Пальяни Л.

Parchappé — см. Паршапп Ж.Б.М.

Parent-Duchatelet A. — см. Паран-Дюшатле А.Ж.Б.

Parker E.H. — см. Паркер Э.Х.

Parmelee M. — см. Пармели М.

Parrot — см. Паррот И.Ф.

Payot J. — см. Пэйо Ж.

Peacock — см. Пикок Т.Б.

Peschel O. — см. Пешель О.

Petrucci — см. Петруччи Р.

Pöhlmann R. — см. Пельман Р.

Pivion — 101

Proust — см. Пруст А.

R

Raseri E. — см. Расери Э.

Ratzel F. — см. Ратцель Ф.

Rauber — см. Раубер А.

Rauchberg H. — см. Раухберг Г.

Reports of Indian Famine Comission. London, 1880–1885, 1898, 1901 [Отчеты комиссии о голоде в Индии] — 224, 234

Roberts Ch. The Physical Development of the Human Body [Физическое развитие человеческого тела] // Manual of Antropology. 1878 — 66

Roberts (статья) // Bulletin de l'Institut international de statistique, 1893, vol. VII, livre 1 — 64

Roberts and Rawson [см. Роусон У.Р.]. Final report of the Anthropometric Committee [Заключительный доклад Антропометрической комиссии]. London, 1884 — 64

Robertson-Smith W. — см. Робертсон-Смит У.

Robotnik [Рабочий]. 29 октября 1920 [Ежедневная газета, издававшаяся в Варшаве в 1906–1939 гг., орган Польской социалистической партии] — 326

Rochard — см. Рошар Ж.

Roncoroni — 109

Rosenblatt F. — см. Розенблатт Ф.Ф.

Ross E.A. — см. Росс Э.О.

Roux W. — см. Ру В.

Russel S.B. — см. Рассел С.Б.

Rutter F. Great Production of Europe [Основная продукция Европы] // Bulletins of the US Departments of Agricultural. Washington, 1908, № 68 — 222

S

Sacred Books of the East [Священные книги Востока]. Oxford University Press, 1879, vol. I, vol. II — 348

Saint-Hilaire — см. Сент-Илер Э.Ж.

Sartorius von Waltershausen — см. Сарториус фон Вальтерсгаузен А.

Seemann — см. Зееман Б.

Schanz — см. Шанц Г.

Schmitz O. Die Bewegung der Warenpreise in Deutschland von 1851 bis 1902 [Колебание цен на товары в Германии с 1851 по 1902 гг.]. Berlin, 1913 — 300, 301, 306, 308, 310

Schoenlack — см. Шенланк Б.

Schou V. — см. Шоу В.

Seeck O. — см. Зеек О.

Semple E.C. — см. Семпл Э.Ч.

Senart — см. Сенар Э.

Sigebert — см. Сигеберт из Жамблу

Slosse A. et Waxweiler E. [см. Ваксвейлер Э.] *Recherchés sur le travail humain dans l'industrie.* [Исследования человеческого труда в промышленности]. 1910 — 30

Slosson P.W. — см. Слоссон П.У.

Smith A.H. — см. Смит А.Г.

Société de la Paix Massachusetts — 252

Sommerlad — см. Зоммерлад Т.

Statistical Atlas of India [Статистический атлас Индии]. Calcutta, 1895 — 224

Stoppenbrink F. — см. Штоппенбринк Ф.

Т

Thierry Am. — см. Тьерри А.С.Д.

Thomas W.I. — см. Томас У.А.

Thomson — 56

Tilsday. *Die Entstehung und die okon. Grundsätzen Chartistenbewegung* [Истоки и экономические принципы чартистского движения]. Jena, 1889 — 303

Tooke Th. — см. Тук Т.

Toqué — 126

Treat, энтомолог — 56

U

Uhlhorn G. — см. Ульхорн Г.

V

Vaccaro M. — см. Ваккаро М.

Vallaux C. — см. Валло К.

Vanlaer M. *La fin d'un peuple: le dépopulation de l'Italie au temps d'Auguste* [Конец одного народа: депопуляция Италии во времена Августа]. Paris, 1895 — 375

Vierkandt A. — см. Фиркандт А.

Vigor H.D. *The Increased Yield per Acre of Wheat in England considered in Relation to Reduction of the Area* [Увеличение урожайности пшеницы в Англии в связи с уменьшением посевных площадей] // *Journal of the Royal Statistical Societe*, 1910 — 222

Villermé L. — см. Виллермэ Л.Р.

W

Wagner R. — см. Вагнер Р.

Waitz T. — см. Вайц Т.

Walford C. — см. Уолфорд К.

Waltzing J.P. — см. Вальсинг Ж.П.

Washburn M.F. — см. Уошберн М.Ф.

Webb A. The new dictionary of statistics [Новый статистический словарь]. London, 1911 — 30, 66, 127, 128, 217, 220, 222, 238, 253, 363

Weber A. — см. Вебер А.

Webster N. — см. Вебстер Н.Х.

Weil — 109

Weintrob — 109

Weiss A. — см. Вейсс А.

Welby Lord — см. Уэлби Р.

Westermarck E.A. — см. Вестермарк Э.А.

Wheeler G.C. — см. Уилер Дж.К.

Willelmi Procuratoris Egmond (Willelmi Monachi et Procuratoris Egmondani) — см. Вильгельм, прокуратор аббатства Эгмонд

Wolfe A.B. Economic Conditions and the Birth Rate after the War [Экономические условия и уровень рождаемости после войны] // Journal of Political Economy, 1917, № 25, June — 264

Wood F. The increase in the Cost of food or different classes of society since the outbreak of War [Рост цен на продовольствие или разные классы общества после начала войны] // Journal of the Royal Statistic Society, 1916, July — 305

Wood G.H. — см. Вуд Дж. Г.

Y

Yate W. — см. Йейт У.

Z

Zoekler — см. Цекклер О.

Zolla — см. Золла Д.

СОДЕРЖАНИЕ

В.В. Сапов, В.С. Сычева. Судьба книги – судьба автора 7

ГОЛОД КАК ФАКТОР

Предисловие	17
Введение	21
1. Предмет и задачи исследования	21
2. Голодание и его формы (объективное понятие голода)	24
3. Субъективное ощущение голода («голод-аппетит») как функция объективного факта голодания. Обратная теория проф. Л.И. Петражицкого	33
4. Объективная теория голодания и механизм питания человека	37
Глава первая. Изменение строения, физиологических и психических процессов организма в зависимости от количества и качества поглощаемой (и усвояемой) пищи, в частности – при голодании	55
1. Изменение соматического строения животных под влиянием изменения питания	55
2. Изменение соматического строения человека под влиянием питания	58
Изменения органов питания	59
Питание и рост	60
Характер питания и объем грудной клетки	70
Характер питания и строение черепа	71
Питание и вес организма	72
Питание и состав организма	73
3. Питание и физиологические процессы	76
4. Питание и субъективные ощущения (психические процессы)	82
1. Деформация в области общего самоощущения и в сфере чувственно-эмоциональных переживаний	83
2. Деформация в области познавательных процессов	88
а) Деформация в области ощущений и восприятий	92
б) Деформация в области представлений и течения идей	95
в) Деформация в области памяти	98
3. Деформация в области желаний, стремлений, волевых процессов	99
4. Деформация характера и темперамента	101
5. Деформация в области всей целокупности душевной жизни личности	101
Глава вторая. Изменение поведения людей при голодании	111
1. Понятие и формы пицетаксиса и пицетаксических актов	111
2. Конкретное разнообразие пицетаксических актов и их доля в общем бюджете человеческой жизни	116

Содержание

3. Кривая интенсивности пищевого поведения при дефицитном (абсолютном) и относительном голодании.....	130
4. Предварительные замечания о взаимоотношении голода и других детерминаторов..	134
5. Депрессирование и ослабление голодом детерминатора индивидуальной самозащиты и соответствующих защищающих жизнь рефлексов.....	136
6. Депрессирование и ослабление голодом детерминатора групповой самозащиты и соответствующих рефлексов.....	142
7. Депрессирование и ослабление голодом полового детерминатора и половых рефлексов.....	153
8. Депрессирование голодом «рефлексов свободы» поведения.....	168
9. Депрессирование и ослабление голодом ряда контрарных болевых рефлексов.....	170
10. Депрессирование, ослабление и «выветривание» голодом ряда условных детерминаторов поведения и соответствующих условных рефлексов (религиозных, правовых, моральных, эстетических и других форм социального поведения).....	171
Депрессирование голодом «религиозных» рефлексов поведения.....	177
Депрессирование голодом «правовых», «нравственных», «конвенциональных» детерминаторов и их рефлексов.....	180
Депрессирование голодом так называемых эстетических рефлексов.....	186
Изменение голодом мимических рефлексов.....	186
Депрессирование голодом остальных контрарных условных рефлексов.....	187
Изменение речевых рефлексов человека под влиянием голода.....	188
Изменение субвокальных рефлексов («убеждений» и «идеологии») человека под влиянием голода.....	191
Заключение и резюме.....	195
Глава третья. Социальные эффекты массового голодания.....	199
1. Основные социальные эффекты детерминатора питания.....	199
Постоянные социальные функции детерминатора питания.....	199
2. Постановка вопроса об основных первичных функциях массового голодания и их краткий перечень.....	203
Глава четвертая. Голод, изобретение новых и усовершенствование старых источников и способов производства продуктов питания.....	209
Глава пятая. Голод, ввоз и вывоз продуктов питания.....	219
Резюме.....	226
Глава шестая. Голод и эмиграция (мирная).....	227
Резюме.....	242
Глава седьмая. Голод и война (насильственная эмиграция, иммиграция и захват достояния других групп).....	243
Резюме.....	265
Глава восьмая. Голод и рост преступности.....	267
Резюме.....	278

Содержание

Глава девятая. Голод, социальные волнения, восстания и революции.....	279
Древний Восток	287
Греция	288
Рим	291
Византия	295
Неевропейские страны.....	295
Средние века	297
Англия.....	300
Франция.....	306
Германия.....	315
Россия	317
Вторичные функции голода.....	330
Глава десятая. Голод и социально-экономическая организация общества	335
1. Понятие принудительно-этакического и «анархического» общества и связь первого с голодом	335
2. Основные теоремы и их проверка	343
Первая теорема	343
Вторая теорема	343
Подтверждение теорем повторяющимися фактами.....	344
Историческая проверка первой теоремы	345
Первобытные общества	345
Древний Египет	347
Ассиро-Вавилония, Древняя Персия и Древняя Индия.....	348
Древний и отчасти современный Китай.....	349
Древняя Япония.....	351
Древняя Греция. Липарское государство	352
Спарта	352
Афины	353
Рим	354
Византия	357
Мир ислама	358
Государство Перу.....	359
Европейское средневековье.....	359
Итальянские республики XII–XIV вв.....	361
Историческая проверка второй теоремы.....	370

ПРИЛОЖЕНИЯ

Т. Линн Смит. Предисловие к английскому изданию (<i>перевод П.П. Кротова</i>).....	391
Елена Сорокина. Пролог (<i>перевод В.В. Сапова</i>).....	401
<i>Комментарии</i>	409
<i>Указатель имен и цитируемой литературы</i>	431

Научное издание

Сорокин Питирим Александрович

ГОЛОД КАК ФАКТОР:

**Влияние голода на поведение людей,
социальную организацию и общественную жизнь**